

ГРАФІННЯ ЕКАТЕРІНА ВАСИЛЬЄВНА ЛІТКА.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

(Посвящается гостепримнымъ хозяевамъ Драготина).

И вторично воззвалъ съ небось ангелъ Господень къ Аврааму и сказалъ: «Собою клянусь, говоритъ Господь, такъ какъ ты сдѣлалъ сіе дѣло и не пожалѣлъ единственнаго сына своего, то Я благословлю тебя и умножу сѣмя твоє, какъ звѣзды на небѣ, какъ песокъ на берегу моря, и сѣмя твоє покоритъ врата непріятелей своихъ и всѣ народы земли будутъ благословлять себя твоимъ именемъ, въ награду за то, что ты слушался гласа Моего». (Кн. Бытія, гл. XXII, ст. 15, 16 и 17).

I.

БЕБЪ Пинхось Местрегеръ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости передъ огромнымъ письменнымъ столомъ, на которомъ въ замѣчательномъ порядкѣ были разложены дѣловыя бумаги. Сигара его давно уже потухла, но ребъ Пинхось не замѣчалъ этого и отъ времени до времени продолжалъ неистово сосать ее. Красивый лобъ ребъ Пинхоса морщился, и сѣрые, выпуклые, близорукіе глаза его то и дѣло щурились. Ребъ Пинхось, очевидно, обдумывалъ сложную дѣловую комбинацію и былъ весь погруженъ въ свои думы. Нѣсколько разъ уже повторился стукъ въ двери, а онъ его не слышалъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

— Пинхось, что съ тобой?—раздался надъ самымъ его ухомъ голосъ жены.—Стучала я, стучала и никакого отвѣта. Прости, если помѣшала тебѣ, но мнѣ, право, очень нужно...

Ребъ Пинхось даже вдрогнулъ отъ неожиданности, тѣмъ же менѣе весьма быстро овладѣлъ собой и ласково произнесъ:

— Садись, Ривочка, и поговоримъ.

— Какой у тебя тревожный видъ... У тебя вѣрно непріятности,—участливо проговорила м-ме Местрегеръ, подсаживаясь къ мужу.—Пинхось, дорогой мой, ты, право, себя не жалѣешь: въ твои годы развѣ такъ много работать можно? Право, дажь бы себѣ немного отдыха, а то, смотри, на тебѣ лица нѣтъ... Ты совсѣмъ старикъ...

Ребъ Пинхось тряхнулъ головой, дружелюбно улыбнулся женѣ и шутливо произнесъ:

— И что это пришло тебѣ въ голову?.. Развѣ люди въ шесть-десять лѣтъ бываютъ молодые?.. Дѣлать нечего, Ривочка, хочешь, не хочешь, а должна мириться съ старымъ мужемъ...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на жену и продолжалъ серьезно:

— Кажется, и ты, Ривочка, чѣмъ-то встревожена? Ну, что случилось?...

— Ничего новаго. Все одна и та же старая исторія: ты знаешь, какъ я терпѣлива съ твоей матерью, какъ молча переношу всякія ея обиды, какъ подчиняюсь ея волѣ, но то, что она вздумала теперь отъ меня требовать я исполнять отказываюсь... Господи!—заволновалась м-ме Местрегеръ.—И когда же будетъ этому конецъ? Когда же она перестанетъ отравлять мнѣ жизнь?.. Мало ей, что испортила Натана... что единственный нашъ сынъ, благодаря ей, выросъ дикаремъ; что она вселила въ Натанѣ ненависть и къ тебѣ и ко мнѣ...

— Это ты ошибаешься,—перебилъ ребъ Пинхось жену...—Мальчишъ нашъ дѣйствительно дикарь, но онъ насъ любитъ и даже очень...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ты самъ сознаешь, что я права... У насъ нѣтъ сына, у насъ есть врагъ... Слушай, Пинхось, надо этому положить конецъ!...

Послѣднюю фразу м-ме Местрегеръ произнесла съ большей энергіей.

— Но что же именно случилось?—спросилъ ребъ Пинхось.

— Представь себѣ,—запальчиво заговорила м-ме Местрегеръ,—что выдумала твоя мать!—она уставилась глазами на мужа въ упоръ и замолчала.

— Ну,—нетерпѣливо произнесъ ребъ Пинхось.—Расскажи все толкомъ.

— Твоя мать заявила, что не позволитъ больше Эсенри посѣщать гимназію...

— Это и все?—хладнокровно произнесъ ребъ Пинхось, повидному, ничуть не встревоженный извѣстіемъ.

— Что же тебѣ еще нужно? Дѣвочкѣ остался одинъ только годъ, она такъ хорошо учится, я такъ горжусь ея успѣхами, и вдругъ по капризу свекрови она должна оставить гимназію. На что это похоже? Мнѣ и Эсоири жаль: она такъ любитъ свои книжки, своихъ друзей... А главное, какое до этого дѣло твоей матери? Эсоиръ наша дочь, а не ея, и мы имѣемъ право распоряжаться ея судьбой, а не она!..

М-ме Местрегеръ произнесла послѣднія слова крикливымъ голосомъ, сердясь и волнуясь.

— Какъ по твоему, Ривочка,—мягко заговорилъ ребъ Пинхось,—Эсоиръ наша очень образована?

— По своему образованію наша Эсоиръ первая среди еврейскихъ дѣвушекъ всего города, и даже среди христіанокъ не найдешь съ такимъ большимъ образованіемъ,—съ счастливою улыбкой материнской гордости отвѣтила м-ме Местрегеръ.

— Вотъ какая у насъ Эсоиръ!—Ребъ Пинхось въ свою очередь тоже улыбнулся.—Если это такъ, то скажи мнѣ, жена, зачѣмъ же ей въ самомъ дѣлѣ продолжать ученіе? Сама знаешь, въ послѣднемъ классѣ ничему новому она не научится, тамъ вѣдь только одно повтореніе пройденнаго курса, а дочь наша въ этомъ повтореніи не нуждается—она все прекрасно помнитъ... Ты вѣдь у меня, Ривочка, умница. Сама понимаешь, что я правъ. Такъ неужели изъ-за такого пустяка мы станемъ затѣвать исторію съ матерью, будемъ огорчать старуху и превратимъ нашъ домъ въ адъ? По моему, игра не стоитъ свѣчъ, и изъ-за пустяковъ не надо ссориться...

М-ме Местрегеръ слушала своего мужа и ушамъ своимъ не вѣрила. Что же это такое? Надсмѣхается онъ надъ ней, что ли? Или же считаетъ ее отпѣтою душой за ея постоянную покорность и повинновеніе свекрови и на этотъ разъ, какъ и всегда, беретъ сторону своей матери, жертвуя будущностью любимой дочери. Внутри ея поднялась цѣлая буря негодованія противъ мужа, и во что бы то ни стало она рѣшила—не поддаваться и постоять за себя.

— Я сама врагъ всякихъ ссоръ и непріятностей,—произнесла она почти покорно, стараясь не обнаруживать волновавшаго ее чувства.—Тридцать лѣтъ живемъ съ тобой—срокъ не маленькій. Можешь пожаловаться, чтобъ я обнаруживала нехорошія качества?..

— Нѣтъ, не могу... И всегда и постоянно благодарю Бога, что надѣлилъ Онъ меня такимъ сокровищемъ, какъ ты.

— Если я такое сокровище и ты такъ меня любишь и я такъ тебѣ дорога, то зачѣмъ отдаешь меня на постоянное пожираніе своей матери? Отчего ты за меня никогда не заступишься? Да что я; ты, вотъ, сына погубилъ, а теперь и дочь не хочешь пожалѣть, когда ей грозитъ такое несчастье...

— Я никакого несчастья не вижу въ томъ, если наша Эсоиръ оставитъ гимназію. Ты сама говоришь, что она самая ученѣйшая дѣвушка въ городѣ. Зачѣмъ же ей еще учиться?

— Да пойми ты! Ей не дадутъ диплома, если не окончитъ ученя, и всё ея труды пропадутъ... Дѣвочка такъ много трудилась и вдругъ, по капризу бабушки, должна лишиться диплома. Нѣтъ, этому не бывать... Слышишь, Пинхось, этому не бывать!.. Я заступлюсь за Эсеиръ, я мать! Я должна за нее заступиться!.. Въ угоду бабушкѣ она не останется безъ диплома!..

М-ме Местрегеръ сердито посмотрѣла на мужа, встала съ мѣста и, возвышая голосъ до крикливости, безапелляціонно закончила:— У моей дочери будетъ дипломъ!..

На ребѣ Пинхоса крикливый голосъ жены подѣйствовалъ весьма непріятнымъ образомъ. Въ его присутствіи она себя этого никогда не позволяла. Тѣмъ не менѣе, онъ ничѣмъ не обнаружилъ предъ ней своего неудовольствія и спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Такъ это ты главнымъ образомъ изъ-за диплома волнуешься?

— Разумѣется.

— Хе, хе, хе... добродушно засмѣялся ребѣ Пинхось.— Стоитъ ли изъ-за этого волноваться?

— Какъ же не стоитъ?.. Разумѣется, стоитъ!..

— Нѣтъ, Ривочка, не стоитъ. Что такое дипломъ? Кому онъ нуженъ? Дипломъ—печатная бумажка, которой вся цѣна два двугривенныхъ, и нуженъ онъ только бѣднымъ дѣвочкамъ, которымъ приходится добывать кусокъ хлѣба. Нашей же дочери никакіе дипломы не нужны. Съ ея приданымъ мы ей такого жениха найдемъ, который не будетъ справляться, есть ли у нея дипломъ. Но, чтобы вознаградить Эсеиръ за потерю ничего не стоящей бумажки, я прибавлю десять тысячъ къ предполагаемому ея приданому, а чтобы утѣшить тебя въ твоемъ горѣ матери, разрѣшаю поѣздку за границу, на которую ассигную пять тысячъ... Ну, развѣ это не лучше всякихъ дипломовъ, хе, хе, хе... Повѣрь мнѣ, Ривочка, всякая дѣвушка откажется за такую сумму отъ диплома...

— О горе мнѣ, горе!.. всплеснула руками м-ме Местрегеръ и заплакала.—Ты насъ не любишь, ни меня, ни дочь свою... Мать твоя тебѣ дороже всего на свѣтѣ, и для нея ты готовъ нами пожертвовать!..

Тутъ ужъ спокойствіе оставило ребѣ Пинхоса. Онъ тоже всталъ, строго посмотрѣлъ на жену и, медленно отчеканивая каждое слово, произнесъ:

— Матери за 80 лѣтъ и намъ съ нею воевать и отравлять ей послѣдніе годы, а, можетъ быть, только мѣсяцы—грѣшно! Если ты забыла, то напомню тебѣ, что сказано въ св. Торѣ: «чи отца и мать свою»... Твоихъ глупыхъ словъ мнѣ больше не повторять... Завтра возьму документы Эсеири изъ гимназіи... Я сказалъ!..

II.

Наступила довольно продолжительная пауза. Мужъ и жена стояли другъ противъ друга, и каждый изъ нихъ внутренно волновался. Ребъ Пинхось чрезвычайно любилъ жену и весьма цѣнилъ ее за уступчивый характеръ. Онъ понималъ, какъ трудно было ей ужиться съ его властительною и деспотичною матерью, которая не признавала ничьей воли, во все вмѣшивалась и всѣхъ и каждого заставляла себѣ повиноваться. Самъ онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ поступалъ ей наперекоръ. Вообще же, авторитетъ ея въ домѣ былъ неограниченный. Несмотря на свои 80 лѣтъ, старуха держала бразды правленія въ своихъ слабыхъ рукахъ весьма крѣпко. Она, конечно, любила свое потомство, но по своему, и ея своеобразная любовь не мѣшала ей мучить и тиранить близкихъ ей людей, въ особенности невѣстку. Все это было хорошо извѣстно ребъ Пинхосу, и онъ сочувствовалъ женѣ, но открыто брать ей сторону въ борьбѣ съ матерью не желалъ, онъ считалъ это дѣломъ невозможнымъ и грѣховнымъ.

— Не мѣшай мнѣ, Ривочка,—мягко произнесъ ребъ Пинхось.— У меня весьма серьезное дѣло и, признаюсь, весьма непріятное... Надо его обдумать хорошо, обмозговать... Своими жалобами на мать ты меня совершенно съ толку сбила, разстроила... Иди же, иди, моя дорогая, дай мнѣ успокоиться и сама успокойся...

М-ме Местрегеръ съ опущенною головою направилась было къ двери, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась въ нерѣшительности.

— Я забыла тебѣ сказать,—начала она, не глядя на мужа, унылымъ голосомъ.—Я забыла тебѣ сказать...

— Ну, что тамъ еще?.. нетерпѣливо перебилъ ребъ Пинхось.— Говорилъ я тебѣ—мнѣ некогда!..

— Мать твоя приказала не принимать больше Леонида Михайловича.

— Что? Неужели она это приказала?

На этотъ разъ ребъ Пинхось не могъ скрыть отъ жены тревогу; она, эта тревога, сказала въ голосъ.

— Развѣ тебѣ это такъ непріятно?

— Разумѣется, непріятно. Леонидъ Михайловичъ мнѣ нуженъ, чрезвычайно нуженъ...

— Въ такомъ случаѣ докажи, что ты хозяинъ въ своемъ домѣ...

— И докажу!—рѣзко произнесъ ребъ Пинхось.

М-ме Местрегеръ внутренно торжествовала. По голосу мужа она догадалась, что на этотъ разъ онъ не уступитъ матери. Она приблизилась къ мужу, сочувственно заглянула ему въ лицо и подзадоривающе произнесла:

— Боюсь, ты все-таки уступишь ей въ этомъ, какъ и всегда во всемъ ей уступаешь...

— Нѣтъ!—рѣшительно произнесъ ребъ Пинхось.—Не уступлю!.. Не могу уступить ей, даже еслибъ и хотѣлъ!—Онъ глубоко вздохнулъ, словно большую тяжесть навалили на его плечи, и опустился въ кресло. М-ме Местрегеръ сѣла рядомъ съ мужемъ и устремила на него взоръ, полный любопытства.

— Я не могу ей уступить,—послѣ довольно продолжительнаго молчанія произнесъ ребъ Пинхось.—Рѣшительно не могу!.. Видитъ Богъ, что на этотъ разъ она требуетъ невозможнаго!..

— Однакожъ, въ чемъ дѣло?... спросила м-ме Местрегеръ.

— Дѣло въ томъ,—произнесъ, восторженувшись, ребъ Пинхось,—что наше благосостояніе въ настоящее время подвержено опасности... Только при содѣйствіи Леонида Михайловича эта опасность можетъ быть устранена... Черезъ два-три мѣсяца, когда торги въ военномъ округѣ состоятся, я, конечно, ничего не буду имѣть противъ желанія матери отказать отъ дома Леониду Михайловичу... Но теперь... теперь это невозможно!.. Ты знаешь, состояніе наше выросло за послѣднія 15 лѣтъ, благодаря исключительно военному округу, въ которомъ мнѣ удалось монополизировать всѣ постройки... Моиими официальными конкуррентами до сихъ поръ были только Хаймзонъ и Идиксонъ, которые, подобно мнѣ, получали приглашенія на торги, но ни тотъ, ни другой не мѣшали мнѣ и довольствовались тѣми ничтожными процентами, которыми я ихъ надѣлялъ. Разумѣется, многіе мнѣ завидовали и изъ всѣхъ силъ старались добиться въ округѣ приглашенія на торги, но при моей силѣ и при моихъ связяхъ мнѣ никто не былъ страшенъ, пока не появился Брайнесъ... Съ нимъ борьба будетъ трудна: тутъ процентами не отдѣлаешься... Онъ даже не согласится вступить со мной въ компанію, а о стачкѣ и говорить нечего... Все спасеніе заключается въ томъ, чтобъ ему не было прислано приглашеніе на торги. Но устроить это чрезвычайно трудно: онъ извѣстенъ въ Петербургѣ и при его милліонахъ, разумѣется, имѣетъ связи почище моихъ...

Ребъ Пинхось проговорилъ все это возбужденнымъ голосомъ, и при послѣднихъ словахъ огромный лобъ его покрылся частыми морщинами. Поднявшись съ кресла, онъ молча зашагалъ, погруженный въ думы.

— Такъ никакого тутъ ужъ выхода нѣтъ?—спросила м-ме Местрегеръ послѣ довольно продолжительной паузы.

Ребъ Пинхось ничего не отвѣтилъ. Она повторила вопросъ.

— Ты спрашиваешь, есть ли выходъ?—Ребъ Пинхось опять усѣлся рядомъ съ женой и продолжалъ:—я тебѣ говорилъ, вся моя надежда на Леонида Михайловича... Пока, онъ представляется мнѣ единственнымъ козыремъ, при помощи котораго возможна побѣда

надъ Брайнесомъ... Надо только, чтобъ онъ захотѣлъ мнѣ помочь, и Брайнесу не видать приглашенія на торги, какъ ушей своихъ...

— Конечно, Леонидъ Михайловичъ тебѣ поможетъ,—горячо перебила м-те Местрегеръ,—только нельзя же ему отказать отъ дома, какъ этого желаетъ твоя мать... Я всѣ силы употреблю, чтобъ еще больше расположить его къ нашему дому, и, надѣюсь, мнѣ это удастся...

— Дѣло не въ этомъ... не въ тебѣ...

— Въ чемъ же оно?..

— Не въ чемъ—надо было тебѣ спросить, а въ комъ?

М-те Местрегеръ сдѣлала большіе глаза.

— Не понимаю,—произнесла она.

— Удивляюсь я тебѣ, Ривочка. Неужели ты ничего не замѣтила? По-твоему, почему Леонидъ Михайловичъ за послѣднее время такъ зачастилъ къ намъ? Почему онъ бываетъ у насъ почти ежедневно? Какой магнитъ его притягиваетъ?..

— Тутъ нѣтъ никакого магнита: онъ привязался ко всѣмъ намъ, полюбилъ тебя, меня, нашу дочь...

— Хе, хе, хе...—засмѣялся ребъ Пинхось.—За что ему полюбить тебя и меня? Ты моя, Ривочка, была красива и даже очень. Я хорошо помню твою красоту, и въ моихъ глазахъ ты осталась такою, какою была въ молодости... Леонидъ Михайловичъ тебя молодую не зналъ, а теперь ты у меня старушка, и полюбить тебя онъ не могъ... Не могъ онъ полюбить и меня... Что общаго между мною, старымъ жидомъ, и имъ, блестящимъ молодымъ христіаниномъ?.. Онъ несомнѣнно меня презираетъ, какъ я его... Другое дѣло, наша дочь... Эсиръ онъ дѣйствительно любитъ... И какъ ему не любить ее—она такая красавица, а христіане такъ падки на женскую красоту.

— Развѣ Эсиръ женщина?... Она еще ребенокъ... Ей всего семнадцать лѣтъ...

— Однакожъ, въ ея годы ты была уже матерью...

— Но это было когда?.. Теперь дѣвушки такъ рано замужъ не выходятъ...

— И весьма дурно поступаютъ,—перебилъ ребъ Пинхось.—Ранніе браки спасали еврейскихъ дѣвушекъ отъ грѣховныхъ увлеченій. Онѣ не знали любви на христіанскій манеръ и были хорошими женами и матерями. Въ этомъ заключалась тайна крѣпости еврейской семьи. Теперь же, когда наши дочери вкусили съ древа христіанской цивилизации, онѣ перестали быть тѣмъ, чѣмъ были, и близокъ день, когда еврейская семья будетъ также расшатана, какъ и христіанская... И во всемъ этомъ будетъ виновата любовь, то-есть не та любовь, которую слѣдуетъ отождествлять съ беззаветною преданностью обязанностямъ матери и жены, которую только и знали еврейскія женщины, а та любовь, которая вытекаетъ исклю-

чительно изъ взаимнаго влеченія половъ и которой всецѣло поклоняются христіане... Впрочемъ, что намъ за дѣло до христіанъ... Намъ нечего скорбѣть за ихъ пороки. Напротивъ, въ ихъ порокахъ наша сила, пока сами мы не подражаемъ въ нихъ. Порочность христіанъ намъ даже на руку... Возьмемъ хоть Леонида Михайловича. Онъ увлеченъ нашей дочерью — это должно приносить намъ пользу и выгоду... Не такъ ли, жена?

Морщины на лбу ребъ Пинхоса исчезли, и на лицѣ его появилась улыбка.

— Неужели мы пожертвуемъ дочерью для какихъ-то выгодъ? — съ явную тревогой въ голосѣ произнесла м-ме Местрегеръ.

— О какихъ жертвахъ ты говоришь, Ривочка!.. Какъ могло прийти тебѣ на умъ, что я способенъ уступить христіанину мою дочь изъ-за выгоды!.. Нѣтъ, жена. Богатства всего міра меня бы не прельстили, еслибъ дѣло шло о томъ, чтобъ жертвовать дочерью... Чтобъ отдать ее христіанину!.. Царство небесное я не отдамъ ни за какія земныя сокровища!.. Но отчего не подурачить «гою», когда намъ это выгодно?..

Ребъ Пинхосъ посмотрѣлъ на жену въ упоръ и встрѣтился съ ея недоумѣвающимъ взглядомъ. Онъ замѣтно смутился.

— Ты, какъ будто, собираешься спорить со мной, Ривочка? — произнесъ онъ, искусственно улыбаясь.

— Спорить съ тобой я не намѣрена, — потупивъ глаза, отвѣтила м-ме Местрегеръ. — Я хочу только сказать тебѣ, что не хорошо платить обманомъ за искреннее расположеніе... Леонидъ Михайловичъ несомнѣнно расположенъ къ намъ искренно... Онъ не похожъ на другихъ христіанъ... Я тебѣ ручаюсь за это!..

Последнюю фразу м-ме Местрегеръ произнесла убѣдительно, съ удареніемъ.

— И ты, чего добраго, даже готова отдать ему дочь? Породниться съ нимъ? — Ребъ Пинхосъ саркастически улыбнулся и, возвысивъ голосъ, продолжалъ: — Я думалъ, жена, ты умнѣе. Теперь же съ сокрушеніемъ сердца вижу, что моя старая мать относительно тебя права — тебѣ нельзя довѣрять: несмотря на твои годы, ты также способна увлечься, какъ и малолѣтняя... Какъ ты могла такъ довѣрять «гою»?.. Скажи, пожалуйста. Ты даже готова за него ручаться!.. Нѣтъ, Реввека! Миѣ твоего ручательства не надо! Если этотъ христіанинъ дѣйствительно составляетъ исключеніе, то тѣмъ хуже!.. Его надо избѣгать, отъ него надо отдѣлаться!.. Намъ друзей христіанъ не нужно!..

— Я... я... откажу ему отъ дома хоть сегодня, — чуть слышно, произнесла м-ме Местрегеръ.

— Вижу, ты поняла меня, Ривочка, — спокойно заговорилъ ребъ Пинхосъ и дѣловито продолжалъ: — Но зачѣмъ торопиться! Надо сначала извлечь изъ него пользу, а потомъ и отказать ему можно

будеть... Онъ теперь можетъ мнѣ пригодиться, и было бы глупо имъ не воспользоваться... Теперь больше, чѣмъ когда нибудь, надо за нимъ ухаживать, надо такъ дѣйствовать, чтобъ онъ потерялъ голову и былъ способенъ на всякія глупости...

Ребъ Пинхось прошелся нѣсколько разъ по кабинету, повидимому, что-то обдумывая.

— Сегодня же переговорю съ матерью,—произнесъ онъ послѣ довольно продолжительной паузы.—Объясню ей, въ чемъ дѣло. Она умная и пойметъ меня. Пожалуй, придется еще Эсоиръ оставить въ гимназін, пока не обдѣлаю дѣла, а то, чего добраго, по глупости своей она загрузитъ, затоскуетъ, а это въ мои планы не входитъ...

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди м-ме Местрегерь въ отвѣтъ на слова мужа. Она не сочувствовала его плану, и ей было больно за любимую дочь, которую ребъ Пинхось собирался сдѣлать орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей. Свой протестъ она формулировать не была въ состояніи, да еслибъ и могла его формулировать, то у ней не хватило бы смѣлости открыто возстать противъ мужа, который умѣлъ настоять на своемъ и воля котораго была непреклонна. Съ стѣсненнымъ сердцемъ она удалилась изъ кабинета, благо мужъ не удерживалъ ее больше.

III.

Ребъ Пинхось Местрегерь принадлежалъ къ старинному еврейскому роду: цѣлый рядъ его предковъ стоялъ во главѣ «хевре кадише» (священнаго погребальнаго братства) въ городѣ В. Фамилія его—Местрегерь, означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ: носитель покойниковъ. Въ прежнее время, когда евреи крѣпко держались своего ученія и жили жизнію обособленною, замкнутою,—профессія носителей покойниковъ считалась весьма почетною, и представители этой профессіи пользовались уваженіемъ среди своихъ единовѣрцевъ. Оно и понятно. Предать покойниковъ землѣ дѣло святое, богоугодное, а потому люди, посвятившіе себя этому занятію, должны отличаться святостью своей жизни и нравственною чистотою. Таковыми всегда бывали «местрегеры» и «греберы» (гробкопатели). И тѣ и другіе считались у евреевъ представителями духовенства, наравнѣ съ раввинами, «даіонами» (судьями) и «хазонами» (канторами). Занятія «местрегеровъ» и «греберовъ» были наследственны и переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ. Ребъ Пинхось, подобно цѣлому ряду своихъ предковъ, родился на В—скомъ кладбищѣ. Онъ выросъ среди могилъ и, вѣроятно, подобно своимъ предкамъ, по сіе время продолжалъ бы заниматься наследственнымъ профессіей, еслибъ случай не толкнулъ его на другую дорогу. Местре-

геры, какъ люди касты, избѣгали родниться съ чужими посредствомъ браковъ. Когда ребъ Пинхосу пошелъ пятнадцатый годъ, родители его пришли къ заключенію, что пора женить его. Невѣста нашлась тутъ же, на родномъ кладбищѣ. Это была дѣвушка немножко кривобокая, немножко подслѣповатая и къ тому еще презлющая. Она была старше жениха лѣтъ на шесть. Но все это въ глазахъ родителей ребъ Пинхоса не могло считаться препятствіемъ къ браку ихъ сына. Жена нужна еврею для продолженія рода и если она способна родить евреевъ, то чего же больше требовать съ нея. Вѣроятно, съ такимъ взглядомъ своихъ родителей согласился бы и ребъ Пинхосъ, еслибъ у него не были свѣжи въ памяти удары, которыми надѣляла его кривобокая Дина (имя невесты) безъ всякаго повода, просто со злости, всякій разъ, когда, будучи маленькимъ мальчикомъ, онъ попадался ей на глаза. Перспектива получить въ жены злоую Дину ему не улыбалась. На его протестъ родители вниманія не обратили и его таки обручили съ ней, но повѣнчать его съ злою Диной имъ не удалось. Наканунѣ свадьбы, ребъ Пинхосъ убѣжалъ изъ дому и пропалъ безъ вѣсти. Возвратился онъ въ родной городъ, долгое время спустя, чуть ли не послѣ восемнадцатилѣтняго отсутствія. Отца въ живыхъ онъ ужъ не засталъ, а мать его продолжала еще жить на кладбищѣ, ожидая возвращенія пропавшаго сына, чтобы передать ему наслѣдственное занятіе, которое сохранить за нимъ удалось ей съ большимъ трудомъ, такъ какъ она, какъ женщина, не могла сама заниматься профессіей покойнаго мужа и вынуждена была взять себѣ въ помощники богобоязненнаго еврея, съ которымъ должна была дѣлиться доходами. Но ребъ Пинхосъ возвратился въ родной В. не для того, чтобы взяться за наслѣдственное занятіе; къ великому горю своей матери онъ наотрѣвъ отъ этого отказался. Тогда в—скій кагалъ постановилъ: «Такъ какъ Пинхосъ, сынъ Гилеля, возвратился и заявилъ, что не желаетъ пользоваться принадлежащимъ ему по наслѣдству занятіемъ «местрегера», то таковое (занятіе) навѣки должно быть изъемлемо изъ рода его, и вдова покойнаго Гилеля должна быть выселена изъ кладбищенскаго помѣщенія, такъ какъ она, какъ женщина, только временно допускалась къ занятію мѣста «местрегера», дабы сохранить это занятіе для сына, которому оно по наслѣдству законно принадлежало».

Где Местрегеръ была такимъ образомъ вынуждена разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ на кладбищѣ и переселиться къ сыну. Не смотря на то, что она была выселена оттуда по постановленію кагала, тѣмъ не менѣе, отъ своего преемника она получила единовременно порядочный кушъ въ видѣ отступного и обязательство на пожизненную пенсію въ размѣрѣ двухъ рублей въ недѣлю. Такимъ образомъ она вполнѣ была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи и не зависѣла отъ сына, что и давала послѣднему чув-

ствовать на каждомъ шагѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ первыхъ же дней своего переселенія къ сыну она забрала въ руки бразды правленія въ его домѣ и подчинила себѣ молодую невѣстку (ребѣ Пинхосъ возвратился женатымъ). Всякій разъ, когда ребѣ Пинхосъ пробовалъ протестовать противъ деспотизма матери, послѣдняя гровила ему своимъ переѣздомъ изъ его дома и выступала ему на видъ свое обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи положеніе. Старуха завела въ домѣ свои порядки и не выпускала изъ рукъ «связку ключей». Режимъ кладбища водворился, благодаря ей, въ домѣ ея сына. Она мало интересовалась дѣлами сына, и его богатство и большіе заработки вызывали въ ней чувство неудовольствія и пренебреженія. «Наши отцы и дѣды были бѣдны, святая профессія ихъ не давала богатства,—постоянно повторяла она,—но это не мѣшало имъ жить въ святости и денно и нощно о Богѣ думать... Свое богатство съ собой не возьмешь, а добрыхъ дѣлъ твоихъ не вижу». Ребѣ Пинхосъ пожималъ плечами и не спорилъ съ матерью. Да и что могъ онъ сказать ей въ отвѣтъ! Роскошь, которую онъ давалъ ей взамѣнъ бѣднаго существованія на кладбищѣ, тяготила старуху. Долго она не могла свыкнуться съ новою обстановкой. Живя въ богатомъ домѣ сына, она скучала по своему тихому кладбищу...

Долгое время у ребѣ Пинхоса не было дѣтей. Это послужило старухѣ лишнимъ поводомъ ненавидѣть невѣстку. «Засохшій корень напрасно бременить землю; кому отъ него польза, когда онъ не можетъ давать ростковъ»,—говорила она сыну и требовала отъ него, чтобъ онъ развелся съ женой безплодной и взялъ себѣ другую жену, плодливую. Но вотъ, Реввека доказала, что она не «засохшій корень»: пять лѣтъ подрядъ она рожала; первые и вторые роды не примирили старуху съ невѣсткой. Реввека пронаводила на свѣтъ дѣвочекъ. Старуха была въ отчаяніи послѣ вторыхъ родовъ и еще больше возненавидѣла невѣстку. Оно и понятно. Повода къ разводу сына съ женой ужъ больше не существовало: Реввека доказала, что она не безплодна. Старуха считала свою невѣстку чуть ли не преступницей. Ей не нужны были дѣвочки, ей нужно было потомство мужскаго пола, чтобы у ея сына былъ «кадишъ» (сыновья у евреевъ называются «кадишами», такъ какъ послѣ смерти сыновья въ теченіе цѣлаго года по три раза въ день читаютъ молитву «Кадишъ» (святъ) въ память родителей)... Внучки ее поэтому не только не интересовали, но она ихъ также не влюбила, какъ и мать ихъ. Наконецъ, Реввека искупила свою вину предъ свекровью. Въ третій разъ она разрѣшилась отъ бремени двойней: дѣвочкой и мальчикомъ. Дѣти оказались слабыми и хилыми. Дѣвочка не выдержала и умерла на третій день по рожденіи, а мальчикъ былъ до того слабъ, что пришлось отсрочить почти на два

нѣсна обрядъ его обрѣзанія. Операцию онъ вынесъ благополучно и остался живъ, къ великой радости своей бабушки.

(Ъ) появленіемъ на свѣтъ внука, который былъ названъ Натаномъ, въ честь отца его бабушки, старая Годе, какъ будто, преобразилась. Она всецѣло овладѣла столь долго ожидаемымъ сокровищемъ и вся ушла въ воспитаніе внука. Бабушка, какъ будто, на половину выпустила изъ рукъ вожжи, и Реввека и мужъ ея стали свободнѣе дышать. На внучекъ старуха не обращала никакого вниманія: онѣ, словно, не существовали для нея. Какъ было сказано, Реввека въ теченіе пяти лѣтъ рожала каждый годъ, но мужского потомства она больше на свѣтъ не производила, а изъ шести дѣвочекъ осталась въ живыхъ только одна старшая—Эсниръ, остальные умерли, не доживши до года.

Да простить намъ читатель это нѣсколько пространное отступление. Оно необходимо для яснаго пониманія разыгравшейся драмы въ семействѣ ребъ Пинхоса, которая составляетъ предметъ нашего разсказа.

IV.

Домъ ребъ Пинхоса Местрегера считался однимъ изъ лучшихъ въ В. Самъ хозяинъ занималъ весь его бель-этажъ. Квартира была огромная, богато, даже роскошно меблирована. Каждый членъ семьи имѣлъ свои особыя комнаты. Главнымъ образомъ отличались роскошью своей обстановки комнаты m-me Местрегеръ и такъ называемыя «парадныя» комнаты, въ которыхъ устраивались приемы и вечера. Ребъ Пинхосъ въ сущности не любилъ общества, и сталъ онъ жить открыто исключительно потому, что, по его мнѣнію, этого требовали дѣла. Другое дѣло его жена—та искренно увлеклась ролью, выпавшей на ея долю. Ей нравилось принимать людей и веселиться, и въ расчеты мужа она не входила, она даже не подозрѣвала, что эти расчеты существуютъ. Ею только удивляло, почему мужъ такъ рѣдко показывается гостямъ и, когда она обращалась къ нему за разъясненіями, ребъ Пинхосъ обыкновенно отдѣлывался шуткой, а изъ своихъ мысли жену не посвящалъ. Впрочемъ, она и не настанвала и оставляла мужа въ покоѣ. Старуха Годе только въ началѣ была противъ пріемовъ и гостей; въ особенности она властно выразила свой протестъ, когда среди гостей Местрегеровъ впервые стали появляться хрістіане. Она не на шутку угрожала сыну, что переѣдетъ изъ его дома, но ребъ Пинхосъ выказалъ въ данномъ случаѣ необыкновенную твердость и заявилъ матери, что въ такомъ случаѣ она никогда не увидитъ Натана, котораго онъ отдастъ въ гимназію. Это подѣйствовало. Старуха была побѣждена, но не смирилась. Она появлялась на вечера въ «парадныя» комнаты раньше гостей. Мрачная фигура ея сначала всѣхъ смущала, потомъ гости привыкли и

не обращали на нее вниманія. Зачѣмъ было старухѣ появляться на вечера и пріемы, которые доставляли ей одно только горе? Она это дѣлала, разумѣется, для того, чтобы охранять домъ сына отъ великаго несчастія, которое, по ея глубокому убѣжденію, непременно должно было на него обрушиться. Она за всѣмъ наблюдала, ко всему прислушивалась, и отъ воркихъ, подслѣповатыхъ глазъ ея ничего не ускользало, а отъ старческихъ ушей ни одного звука не пропадало. Отличаясь удивительною для своихъ лѣтъ подвижностью, она была вездѣсуща, всѣмъ мѣшала, всѣмъ отравляла веселіе. Въ особенности угнетающе она дѣйствовала своимъ присутствіемъ на гостей евреевъ, съ которыми она мало церемонилась; гости же христіане обращали мало вниманія на старуху и игнорировали ее. За послѣднее время старуха главнымъ образомъ сосредоточила свои наблюденія на вечерахъ на внучкѣ Эсоири, которою раньше совсѣмъ не занималась. Она слѣдила за нею неотступно, и по временамъ на сморщенномъ лицѣ ея появлялось угрожающее выраженіе. Слѣдствіемъ ея наблюденій за внучкой было то, что въ одно прекрасное утро она заявила м-ме Местрегеръ, что Эсоирь необходимо немедленно взять изъ гимназій.

Былъ вечеръ. Старая Годе сидѣла на жесткомъ креслѣ въ своей комнатѣ предъ большимъ, некрашеннымъ, дубовымъ столомъ и провѣряла счета по хозяйству. Обстановка ея комнаты ничѣмъ не напоминала роскоши остальной квартиры. Здѣсь царствовала необыкновенная простота и безпритязательность. Вся обстановка комнаты производила впечатлѣніе своей простотой, и не удивительно: начиная съ дубоваго, некрашеннаго стола и жесткаго кресла и оканчивая старинными шкапами изъ краснаго дерева и громаднымъ, неуклюжимъ и тоже стариннымъ комодомъ изъ ясени, — вся эта мебель была наслѣдственная и перевезена сюда съ кладбища. Сколько ни настаивалъ ребъ Пинхось, чтобы этотъ хламъ былъ замѣненъ болѣе удобною и приличною мебелью, старуха не соглашалась. На этомъ жесткомъ креслѣ она сидѣла десятки лѣтъ, привыкла къ нему, и оно было ей дорого по воспоминаніямъ; тоже дорога была ей по воспоминаніямъ и остальная мебель. Только здѣсь, въ этой комнатѣ, старуха чувствовала себя дома: всѣ окружающіе ее предметы напоминали ей о дорогомъ прошломъ и о миломъ ея сердцу кладбищѣ... Единственная уступка, которую она сдѣлала сыну, была та, что она согласилась разстаться съ костюмомъ, который носила во времена оны на кладбищѣ. Но уступку эту она сдѣлала не потому, что черное платье изъ шелка было ей больше по душѣ, чѣмъ дешевенькое шерстяное, а потому, что въ кладбищенскомъ одѣяніи сынъ съ твердостью запретилъ ей являться въ парадныя комнаты, когда тамъ бывали гости.

Старая Годе была чрезвычайно углублена въ свои хозяйственные счета. Вся ея маленькая фигурка утопала въ жесткомъ креслѣ

съ высокими спинками. Миниатюрная головка ея какъ будто была выдвинута изъ ящика и торчала надъ дубовымъ столомъ. Ея почти дѣтское лицо съ маленькимъ, остренькимъ, птичьимъ носикомъ, было сплошь покрыто частыми морщинами. На этомъ маленькомъ носикѣ торчали огромные очки въ стальной оправѣ. Трудно было опредѣлить ея возрастъ: какъ предписываетъ законъ, сѣдые волосы ея были запрятаны подъ огромный черный парикъ, который спускался надъ ея лбомъ до того мѣста, гдѣ предполагались брови, которыя у старухи совершенно отсутствовали. Все было миниатюрно въ этой старухѣ: рука ея, вооруженная карандашомъ, которымъ она торопливо подводила итоги на счетахъ, поражала своей миниатюрностью. Царствовавшая тишина въ комнатѣ была нарушена появленіемъ ребѣ Пинхоса. Дверь открылась безъ предварительнаго увѣдомленія стукомъ и, войдя въ комнату, ребѣ Пинхосъ тихо, нацѣпочкахъ, подошелъ къ матери и почтительно произнесъ:

— Можно тебѣ помѣшать, мама?

— Сейчасъ кончу, — отвѣтила старуха, не поднимая головы.

Ребѣ Пинхосъ чуть замѣтно улыбнулся, обѣими руками уперся на заднюю спинку кресла матери и, опустивъ на нихъ свою голову, сталъ молча и сосредоточенно, черезъ голову матери, наблюдать за быстрымъ движеніемъ карандаша въ ея рукѣ. Такъ прошло минутъ десять; но вотъ старуха кончила свою работу, отодвинула отъ себя бумаги, сняла съ носа очки и приподняла голову.

— Что же ты стоишь, Пинхосъ? — произнесла она пѣвучимъ голосомъ. — Садись, и потолкуемъ...

Ребѣ Пинхосъ придвинулъ табуретъ и сѣлъ.

— Ну, что скажешь? — пытливо оглядывая сына, спросила старуха.

— Мнѣ кажется, — началъ ребѣ Пинхосъ послѣ нѣкотораго молчанія, — что ты ужъ очень много трудишься... Ну, стоитъ ли такъ старательно провѣрять эти глупые счета... Право, я такъ богатъ, что если даже никакой экономіи не будетъ соблюдено по расходамъ на домъ, то это никоимъ образомъ не могло бы отозваться на моемъ благосостояніи... Мнѣ чрезвычайно больно видѣть, какъ ты изъ-за ничтожныхъ копеекъ утомляешь свои старые глаза...

— Затѣмъ ты и пришелъ, чтобы сказать мнѣ это? — спросила старуха, и саркастическая улыбка появилась на ея лицѣ.

— Положимъ, пришелъ я по дѣлу, но, заставъ тебя за этою утомительною провѣркой счетовъ, не могъ не замѣтить тебѣ, что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы ты меньше соблюдала мои денежные интересы и больше думала о покоѣ, который въ твои годы такъ необходимъ... Неужели, мама, ты не чувствуешь утомленія?..

— Къ чему ведешь ты рѣчь свою, Пинхосъ?.. — перебила старуха, и на томъ мѣстѣ лица ея, гдѣ предполагались брови, появилась грозная складка. — Не прикажешь ли мнѣ передать ключи и

хозяйство Ривкѣ?..—Старуха встала съ кресла, въ подсѣловатыхъ глазкахъ ея появился огонекъ, и, возвысивъ голосъ до писка, продолжала:—Скажи своей женѣ, Пинхось, что этому не бывать!.. Слышишь, не бывать!.. Пока я жива, не выпущу изъ рукъ хозяйства... Не отдамъ ключей!..

— Что ты, что ты, мама?.. Ни Реввека, ни я и не помышляемъ посягать ни на твое хозяйствованіе въ домѣ, ни на ключи твои... Ты не такъ меня поняла...—Ребъ Пинхось тоже привсталъ и взялъ мать за обѣ руки. Онъ бережно усадилъ ее опять въ кресло, ближе придвинулъ къ ней свой табуретъ, самъ усѣлся и продолжалъ:—Я пришелъ къ тебѣ, мама, по весьма важному дѣлу. Выслушай меня, прошу тебя, терпѣливо до конца и, ради Бога, не вздумай опять сердиться... То, что я тебѣ скажу, чрезвычайно важно, и никакимъ образомъ нельзя иначе дѣйствовать, какъ я рѣшилъ...

— Значить, ты не совѣтоваться ко мнѣ пришелъ, а объявить свое безповоротное рѣшеніе?..

— Именно такъ! — твердо отвѣтилъ ребъ Пинхось, не спуская глазъ передъ испытующимъ взлядомъ матери.

— Ну, говори, а я послушаю...

— Только, повторяю мою просьбу, не перебивай меня до конца...

— Зачѣмъ перебивать? Въ твоёмъ домѣ я достаточно научилась быть терпѣливой...

Слова «въ твоёмъ домѣ» старуха язвительно подчеркнула, но ребъ Пинхось на это не обратилъ вниманія и заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Я нахожусь теперь въ крайне затруднительномъ положеніи. Моимъ дѣламъ грозитъ большая опасность: появился весьма сильный конкурентъ въ лицѣ извѣстнаго петербургскаго миллионера Брайнеса, ты, вѣроятно, слыхала о немъ?..

— Ну, слыхала, что же дальше?..

— А дальше слѣдуетъ то, что мнѣ, во что бы то ни стало, надо побѣдить Брайнеса. Въ противномъ случаѣ, потерплю громадныя убытки, и все сооруженное мною съ громадными усиліями въ теченіе всей жизни зданіе моего благосостоянія рухнетъ!..

— Неужели ты станешь нищимъ?—перебила старуха.

— Нищимъ?.. О, нѣтъ,—успокоительно произнесъ ребъ Пинхось.—Я не могу сдѣлаться нищимъ: состояніе мое довольно велико. Но не могу же я безъ борьбы отказаться отъ десятковъ и даже сотенъ тысячъ заработка...

— Такъ борись, кто же тебѣ мѣшаетъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что мнѣ мѣшаютъ... Или, по крайней мѣрѣ, хотятъ мѣшать...

— Кто же?..

— Вы, мама...

— Я?.. Развѣ я когда нибудь въ твои дѣла вмѣшивалась? Я

даже ихъ не знаю и знать не хочу... Я только смотрю за твоимъ домомъ... Какъ же я могу мѣшать тебѣ въ дѣлахъ?..

— Казалось бы, что такъ, а между тѣмъ мѣшаете...

— Чѣмъ же?—спросила старуха, и на лицѣ ея изобразилось не-притворное удивленіе.

— А хоть бы и тѣмъ, что совершенно не во время вздумали потребовать, чтобы Эсоиръ взяли изъ гимназіи, а затѣмъ, чтобы двери моего дома закрыли предъ Наумовымъ... И то и другое невозможно теперь сдѣлать...

Старуха съ недоумѣніемъ посмотрѣла на сына, пожала плечами и спросила.

— Какое же отношеніе это имѣетъ къ твоимъ дѣламъ?

— О, большое!.. произнесъ съ убѣжденіемъ ребѣ Пинхосъ.

— Такъ объясни...

Ребѣ Пинхосъ хотя и приготовился къ объясненію съ матерью, тѣмъ не менѣе почувствовалъ теперь нѣкоторую оторопѣлость. Взглядъ старухи пронизывалъ его насквозь, и онъ сознавалъ, что она не пойметъ его, что она не можетъ и не должна его понять. Холодный потъ выступилъ на его лбу, и онъ не зналъ, въ какой формѣ передать ей, что ему было нужно сказать ей. И странно показалось бы со стороны при видѣ этого крупнаго мужчины, почти гиганта, съ сѣдыми волосами, въ положеніи школьника предъ миниатюрною старушкой. А между тѣмъ именно такое впечатлѣніе производилъ онъ и на старуху своей боязливою наружностью.

— Я жду объясненія загадки,—произнесла старуха, продолжая пронизывающе, въ упоръ, смотрѣть на сына.

Ребѣ Пинхосъ опустилъ глаза и заговорилъ. Сначала сбивчиво, а потомъ все яснѣе и яснѣе рисовалъ онъ ей положеніе своихъ дѣлъ. Главнымъ образомъ онъ напиралъ на то, что только Наумовъ можетъ ему помочь въ борьбѣ съ Брайнесомъ, что безъ его содѣйствія онъ погибъ, ибо долженъ сдаться безъ боя: Брайнесъ всемогущъ—въ Петербургѣ у него такія связи: онъ съ министрами знакомъ. И какое для него будетъ торжество, когда побѣдитъ такую силу! Онъ отступить не можетъ, онъ долженъ побѣдить, и для этого необходимо пустить въ ходъ всякія средства, которыя имѣются въ его, ребѣ Пинхоса, распоряженіи. Онъ самъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ и кажущейся ему убѣдительностью своихъ доводовъ даже для матери.

— Не правда ли, мама,—продолжалъ онъ съ несвойственнымъ ему увлеченіемъ, — ты не будешь мѣшать мнѣ? Сама понимаешь, Наумовъ влюбленъ въ нашу дурочку, и такимъ образомъ онъ весь въ моихъ рукахъ... О, я заставляю его послужить моимъ интересамъ, а при его помощи побѣда надъ Брайнесомъ несомнѣнна! Какъ же можно отказать ему отъ дома въ такой важный моментъ, когда онъ такъ нуженъ?.. И Эсоиръ взять теперь изъ гимназіи тоже

нельзя... Это ее опечалить, и она будет плакать, грустить... Она, пожалуй, подурнѣетъ, а это можетъ помѣшать... Все дѣло теперь въ ней, въ Эсенри, и ее теперь огорчать нельзя... Пускай моя дурочка теперь веселится, цвѣтетъ и хорошѣетъ... Теперь заставить ее плакать и огорчаться нельзя... Это могло бы скверно подѣйствовать на Наумова...

— Ты ли это говоришь? И кому? Мнѣ, своей матери? — прервала его старуха съ отчаяніемъ въ голосъ. — Опомнись, сынъ мой! Неужели ты выросилъ дочь, чтобы выгодно продать ее «гою»?...

Ребѣ Пинхось вздрогнуло. Онъ понялъ, что увлекся и хватилъ черезъ край, что съ матерью нельзя было такъ грубо откровенничать, что ее не слѣдовало посвящать во всѣ подробности. Но такъ какъ отступить отъ задуманнаго плана ради спокойствія матери онъ не могъ, да и не хотѣлъ, то рѣшилъ идти на проломъ и не выказывать слабости.

— Напрасно ты такъ смотришь на это дѣло, — произнесъ онъ съ искусственнымъ спокойствіемъ. — И напрасно ты меня подозреваешь въ такомъ скверномъ помышленіи... Будь прокляты всѣ «гои» всего міра, въ томъ числѣ и Наумовъ... Я моей дочерью не торгую и проклятому «гою» ея не уступлю... Скорѣе увидѣлъ бы ее трупомъ, задушилъ бы ее своими собственными руками, чѣмъ отдалъ бы ее «гою»... Но изъ этого не слѣдуетъ, если при содѣйствіи дочери могу сдѣлать большое дѣло, чтобы я его не сдѣлалъ... Тѣмъ болѣе, когда ей это повредить не можетъ... — И видя, что старуха хочетъ ему возразить, онъ прибавилъ скороговоркой: — Конечно, если строго судить, тутъ, пожалуй, есть маленькій грѣхъ... Моя дочь, дочь еврея, не должна быть допущена даже къ временной близости съ христіаниномъ... Но, мама, съ этимъ грѣхомъ надо мириться... Время теперь такое!... Самъ Богъ-Цавоотъ поставилъ насъ въ такое положеніе, что мы должны сдѣлать уступки «гоямъ», что мы должны притворяться, прикидываться ихъ друзьями...

— Зачѣмъ ты клеветашь на Бога? Какъ смѣешь ты богохульствовать?... перебила его старуха.

— Нѣтъ, мама... Я не богохульствую... Пускай лучше отсохнетъ языкъ мой, если онъ дерзнетъ произносить хулу противъ Бога!... Ты вспомни, мама, исходъ нашихъ предковъ изъ Египта... Развѣ не по повелѣнію Бога Израиль притворился другомъ египтянъ, чтобы выманить у нихъ всѣ ихъ сокровища?... Развѣ наши предки ушли изъ страны рабства съ пустыми руками?... Видишь, сама святая Тора даетъ намъ примѣръ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать съ нашими врагами... Все ихъ богатство—наше богатство!... Все ихъ достояніе — наше достояніе!... Такъ было во времена Библии, такъ должно быть и теперь!... Если мои предки, по указанію Самого Бога, притворялись друзьями египтянъ, чтобы выманить у нихъ ихъ богатства, то почему я не долженъ такъ дѣйствовать въ данномъ

случаѣ относительно Наумова?... Почему я не имѣю права прикидываться его другомъ, обмануть его, чтобы получить богатство?...

— Все это такъ,—перебила его мать.—Наши предки ушли изъ Египта не съ пустыми руками; притворявшись друзьями своихъ порабитителей, они выманили у нихъ золото и драгоценные камни... Но развѣ взаимѣнъ они оставили имъ на поруганіе своихъ дочерей?... Ты же готовъ жертвовать Эсѣрью за золото... Ты готовъ отдать на поруганіе дочь свою за богатство!...

— Мама, не говорите такъ!... Не обвиняйте меня въ такомъ преступномъ помышленіи... Ни одинъ волосъ съ головы моей дочери не достанется иновѣрцу!... Клянусь вамъ въ этомъ св. Торой и Богомъ-Адонаемъ!... И если я желаю допустить кажущуюся временную близость между Эсѣрью и Наумовымъ (именно временную, ибо, какъ только дѣло будетъ устроено, я сумѣю удалить иновѣрца изъ моего дома навсегда), то за этотъ маленькій грѣхъ не останусь въ долгу предъ Богомъ... Я выстрою синагогу, которая своимъ великолѣпіемъ превзойдетъ всѣ существующія въ нашемъ городѣ, и rozdāmъ нищимъ богатую милостыню... Я подѣлюсь будущими заработками съ Богомъ и моими бѣдными единовѣрцами... Сама знаешь, мама: «цдоке тацилъ мимовесъ» (милостыня спасаетъ отъ смерти, т.-е. отъ смертнаго грѣха). Это сказано въ св. Торѣ. А то, что я желаю сдѣлать, ужъ не такой большой грѣхъ, чтобъ богатая милостыня не покрыла его, не спасла меня отъ Божьяго гнѣва и Его наказанія!...

Произнося послѣднія слова, ребъ Пинхосъ устремилъ взоръ на мать. Онъ сознавалъ, что доводы его довольно слабы, и врядъ ли старуха съ нимъ согласится. Но что еще можетъ онъ ей сказать въ оправданіе своихъ дѣйствій? Его жажда къ приобрѣтенію, къ наживѣ, ей чужда. Богатство она считаетъ тлѣнымъ; роскошь, которую даютъ деньги, ей не нужна; власть, могущество, силу богатства она не признаетъ: это даже не доступно ей пониманію. Развѣ не даромъ онъ потратилъ и свое время и свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить мать? Все равно: не только ея одобренія, но и вынужденнаго согласія отъ нея не получить. Старые люди не умѣютъ разсуждать, не желаютъ принимать резоны и на уступки не способны. Глядя почти въ упоръ на мать и замѣчая, какъ морщины на ея птичьемъ лицѣ все болѣе и болѣе сгущаются, ребъ Пинхосъ внутренно затрепеталъ.

«А ну,—подумалъ онъ,—если старуха рѣшится на крайность?... Если она не только выразитъ намѣреніе оставить мой домъ, чѣмъ вызоветъ ужасный скандалъ въ городѣ и покроетъ меня позоромъ, но, чего добраго, еще вздумаетъ громогласно и публично проклинать меня?»...—Онъ впился глазами въ лицо матери. Оно ему показалось до того зловѣщимъ, что предположеніе его перешло въ увѣренность: съ затаеннымъ страхомъ онъ ждалъ, что вотъ отъ

кроются старыя уста, и онъ услышитъ проклятiе родной матери. Ребѣ Пинхось вдрогнулъ и, продолжаясь зловѣщее молчаніе матери еще минуту или двѣ, онъ бы не выдержалъ этой пытки, и отказался бы отъ борьбы съ матерью. Но старуха предупредила его.

— Слушай, Пинхось, — заговорила она какимъ-то особеннымъ, несвойственнымъ ей торжественно-тихимъ голосомъ. — Слушай, что я тебѣ скажу!... Ты умышленно обманываешь самого себя и сознательно желаешь обмануть меня, мать свою!... Но хуже всего то, что дерзнулъ ты обмануть и Бога!... — Старуха глубоко вздохнула. — Какое накопленіе смертныхъ грѣховъ!... Пришелъ ты ко мнѣ съ ложью на устахъ: все мое благосостояніе рухнетъ, а потомъ проговорился, что рѣчь идетъ о приумноженіи твоего богатства, а не о потерѣ уже приобрѣтеннаго!... Сознавая, какою преступною дѣлой хочешь приумножить свое благосостояніе, ты дерзнулъ заявить мнѣ, что построишь синагогу и подѣлишься съ Богомъ своимъ заработкомъ, чтобы умиловить Его! Но развѣ можно входить въ сдѣлки съ Богомъ? Развѣ Ему нужны грѣховныя жертвы?... «Гагейневъ минъ гагановъ—потеръ» (обкрадывающій вора свободенъ отъ наказанія)!... Приобрѣтенное при посредствѣ грѣха—тоже, что ворованное!... Оно свободно, т.-е. нашъ святой законъ не охраняетъ подобнаго имущества—и всякій, кто его у тебя отниметъ или уворуетъ, не отвѣтственъ предъ закономъ за свой проступокъ, не совершаетъ никакого грѣха... И вотъ ты осмѣливаешься сулить Богу въ даръ, что не тебѣ принадлежитъ, что законъ признаетъ свободнымъ — не твоимъ!... Такой жертвой не умиловишь Бога!... Такой жертвой ты возбудишь справедливый гнѣвъ Его, и будетъ Онъ мстить тебѣ, твоимъ дѣтямъ и дѣтямъ твоихъ дѣтей, до четвертаго поколѣнія!... Неужели ты объ этомъ не подумалъ?... Что же теперь сдѣлать мнѣ, твоей матери?... Конечно, мнѣ остается только отречься отъ тебя... проклясть тебя...

— Мама! ты этого не сдѣлаешь!... болѣзненнымъ крикомъ вырвалось изъ груди ребѣ Пинхоса.

— Разумѣется, не сдѣлаю, — отвѣтила старуха прежнимъ торжественно-тихимъ голосомъ. — Я не имѣю права сдѣлать этого! Если я, слабая старуха, не имѣю силъ удержать тебя отъ первоначально задуманнаго грѣха, послѣдствія котораго мнѣ такъ ясны, то отъ нихъ, отъ этихъ послѣдствій, которыхъ ты не хочешь видѣть, — я спасу тебя и домъ твой помню твоей воли. Обуреваемый жаждой къ наживѣ, ты ни предъ чѣмъ не можешь остановиться, лишь бы увеличить свои богатства! Но я остаюсь на стражѣ въ твоемъ домѣ, и когда настанетъ рѣшительная минута, то разрушу тебя, твой домъ и огражду свое потомство отъ смѣшенія съ иновѣрцами...

— До смѣшенія твоего потомства съ иновѣрцами весьма далеко, мама, — успокоительно произнесъ ребѣ Пинхось. — Во всякомъ слу-

чаѣ, я очень радъ, что ты не задумала мѣшать мнѣ, и что пока у меня въ домѣ не будетъ скандаловъ, и все остается попрежнему.

Старуха ничего не отвѣтила и, отвернувшись отъ сына, нетерпѣливо махнула рукой, давая этимъ знать, что аудіенція кончена, и она не желаетъ больше разговаривать. Ребъ Пинхось незамѣтно усмѣхнулся. Онъ былъ весьма доволенъ рѣшеніемъ матери и не придавалъ никакого значенія ея угрозамъ въ будущемъ...

V.

Семья Пинхоса Местрегера не была многочисленна. Она, какъ читателю уже извѣстно, состояла изъ пяти человѣкъ: его самого, его жены, старой матери его и двухъ дѣтей — дочери Эсеири и сына Натана. Но, кромѣ того, въ домѣ ребъ Пинхоса жилъ еще дальній родственникъ его жены — Михель Магидъ. Этотъ послѣдній былъ человѣкъ очень еще молодой, только что вышедшій изъ юношескаго возраста. Невысокаго роста, тонкій и худой, съ удивительно голубыми глазами, съ маленькою свѣтлою, шелковистою бородкою, онъ отличался замѣчательною блѣдностью лица и тихою рѣчью. Юноша этотъ пользовался въ домѣ общей любовью. Къ нему благоволила даже старая Годе. Несмотря на его малые года, — ему пошелъ всего двадцать третій годъ, — онъ уже заявилъ себя выдающимся талмудистомъ и общался сдѣлаться красой израиля. Онъ былъ вѣять въ домѣ ребъ Пинхоса въ качествѣ учителя и воспитателя его единственнаго сына Натана. Михель Магидъ постоянно сидѣлъ надъ своими книгами, но не избѣгалъ общества: онъ любилъ жизнь и людей; онъ любилъ молча присматриваться къ окружающимъ и многое интересовало его, помимо огромныхъ старинныхъ фоліантовъ, неученіемъ которыхъ онъ занимался. Онъ былъ чрезвычайно скромнъ и весьма рѣдко высказывался, но стоило ему заговорить, — сужденія его отличались ясностью, убѣдительною и разнообразіемъ аргументацій.

— Михель говоритъ, какъ книга, — громко высказывалъ ребъ Пинхось. — И откуда онъ все знаетъ?..

— Изъ нашихъ святыхъ книгъ, въ которыхъ все написано, — съ благоговѣніемъ бывало отвѣтить старуха Годе и устремляла при этомъ съ любовью свои подслѣповатые глаза на Михеля.

На блѣдномъ, изможденномъ лицѣ Михеля въ подобныхъ случаяхъ появлялась чуть замѣтная краска, и онъ опускалъ dolu свои голубые глаза.

Дѣйствительно ли все, что знаетъ Михель, было написано въ старинныхъ фоліантахъ? И правы ли евреи въ своей увѣренности, что все человѣческое знаніе собрано въ талмудѣ? Врядъ ли. Старый талмудъ и по формѣ своей и по своему содержанію скорѣе запутываетъ умъ еврея, односторонне изощряя его и прививая ему от-

жившій, схоластическій способъ мышленія. Михель испыталъ это на себѣ и зналъ, что своимъ развитіемъ онъ обязанъ не талмуду, и что свои знанія онъ перенялъ не изъ одного талмуда. Но это было его великою тайной, которую высказывать громко, вслухъ, онъ не отваживался. Вотъ почему онъ избѣгалъ много разговаривать: онъ боялся проговориться и обнаруживать такія знанія, которыя могли выдать его тайну... Но не изъ трусости онъ такъ поступалъ. У него хватило бы смѣлости заявить, что талмудъ потерялъ въ его глазахъ прежнюю цѣнность, еслибъ не страхъ быть удаленнымъ изъ дома ребѣ Пинхоса. Старая Года устранила бы его отъ воспитанія и обученія ея внука, и онъ вынужденъ былъ бы уйти. А бѣдный юноша чувствовалъ, что уходитъ ему изъ дома ребѣ Пинхоса тяжело, даже невозможно. Къ этому дому онъ чувствовалъ себя прикованнымъ... Счастье всей его жизни заключалось для него въ этомъ домѣ: онъ любилъ Эсенрь. И вотъ для того, чтобъ онъ могъ ее видѣть, слушать ея рѣчи, любоваться ея личикомъ, — все это было для него такъ необходимо и онъ не могъ себѣ представить, какъ будетъ существовать вдали отъ нея, — вотъ для этого онъ старался скрывать свою тайну...

Въ послѣднее время Михелю Магиду стало труднѣе жить въ домѣ. Ученикъ его Натанъ, или Носонъ, какъ называла его бабушка, началъ относиться къ нему съ недовѣріемъ. Онъ буквально не спускалъ глазъ съ своего учителя и слѣдилъ за нимъ съ ревностью профессиональнаго ищейки. Михель Магидъ былъ увѣренъ, что Натанъ ищетъ случая погубить его во мнѣніи бабушки и выжить его изъ дома...

Причина разлада между учителемъ и ученикомъ была та, что Натанъ нашелъ въ комнатѣ Михеля Магида «Брисъ-Ходоше» (Новый Завѣтъ), на древне-еврейскомъ языкѣ. Это случилось въ отсутствіе Михеля, который уходя забылъ спрятать запрещенную книгу. Натанъ ждалъ возвращенія Михеля, чтобы объясниться съ нимъ съ поличнымъ, то-есть съ книгой въ рукахъ. Разумѣется, фанатически набожный мальчикъ держалъ въ своихъ рукахъ Новый Завѣтъ не голыми руками, а предварительно обернувъ руки полотенцемъ, дабы не осквернить себя прикосновеніемъ къ Новому Завѣту...

— О горе тебѣ!.. Горе дому нашему!.. Ты осквернилъ нашъ домъ!.. Ты отступникъ!..

Этими восклицаніями встрѣтилъ Натанъ своего учителя и бросилъ къ ногамъ его Новый Завѣтъ.

Михель Магидъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ открытіемъ его очевиднаго отступничества. Что могъ онъ сказать въ свое оправданіе! Онъ уже мысленно прощался съ дорогимъ для него домомъ...

— Что же молчишь ты?.. Оправдывайся!.. — раздался между тѣмъ голосъ его ученика.

— Въ чемъ?.. — чуть слышно произнесъ Михель. — Мнѣ не въ

чемъ оправдываться... Никакого грѣха я не совершилъ?.. Ты, мальчикъ, не понимаешь...

Михель хотѣлъ продолжать свои объясненія въ защиту Нового Завѣта. Онъ хотѣлъ сказать своему ученику, что эта книга, которую онъ изучилъ, если не священна, то во всякомъ случаѣ заслуживаетъ уваженія и изученія, что въ книгѣ этой проповѣдуется нѣчто такое, что людямъ знать не мѣшаетъ; что, наконецъ, эта книга проповѣдуетъ любовь, которая такъ нужна людямъ, чтобы достигнуть счастливаго существованія.

Все это хотѣлъ онъ высказать Натану, хотя зналъ, что ученикъ не пойметъ его, и каждымъ своимъ новымъ словомъ онъ станетъ въ его глазахъ еще преступнѣе... Но зачѣмъ скрываться и таиться ему, когда все равно репутація его погибла и домъ Местрегеровъ оставить придется... Но Натанъ не далъ ему договорить...

— Ты говоришь, я не понимаю?..—горячо перебилъ онъ его.—Дѣйствительно, я не понимаю, но теперь я понялъ...

— Что же ты понялъ?..

— Ты, какъ великій ученый, хотѣлъ провѣрить, какъ нагло проклятые «гои» извращаютъ факты святаго талмуда... Ты хотѣлъ узнать, какъ врутъ они, передавая исторію рожденія «Юшуи-гансури» (Христа)...

Михель хотѣлъ было протестовать: ложь была ему противна. Но образъ Эсеири предсталъ предъ нимъ, и, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, онъ чуть слышно прошепталъ:

— Ну, да... ну, да... Я хотѣлъ провѣрить...

— Въ такомъ случаѣ,—опять заговорилъ Натанъ, и черные глазки его засверкали,—въ такомъ случаѣ ты все-таки совершилъ грѣхъ: ты не долженъ былъ осквернять нашъ домъ чтеніемъ этой книги въ комнатахъ... Ты могъ перечитать нужные страницы на открытомъ воздухѣ, въ полѣ... Я не желаю, чтобы она продолжала осквернять домъ нашъ...

Мальчикъ опять обернулъ руки полотенцемъ, поднялъ съ пола Новый Завѣтъ и унесъ его.

Гроза такимъ образомъ прошла. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ въ душѣ Натана зародилось подозрѣніе, и онъ сталъ усиленно слѣдить за своимъ учителемъ. Михель это видѣлъ и съ своей стороны еще больше ушелъ въ себя и сдѣлался гораздо сдержаннѣе, молчаливѣе прежняго...

VI.

Натанъ и Михель Магидъ сидѣли за столомъ. Предъ ними лежало по огромному фоліанту талмуда. Натанъ громко читалъ дискливнымъ голосомъ, а Михель прислушивался къ его чтенію и объяснялъ своему ученику мѣста, казавшіяся Натану темными, непонятными.

Рядомъ съ своимъ учителемъ Натанъ производилъ впечатлѣніе отталкивающее, онъ казался еще безобразнѣе. Несмотря на его пятнадцать лѣтъ, все лицо у него было испещрено морщинами, точно у старика. Природа совершенно обидѣла его. Маленькаго роста, худой, съ огромнымъ горбомъ и длиннымъ, изможденнымъ лицомъ, онъ обладалъ толстыми мясистыми губами и широкимъ, приплюснутымъ, мясистымъ же носомъ. Рѣдкіе, рыжіе волосы торчали изъ-подъ его ермолки, и маленькіе черные глазки безпокойно бѣгали по сторонамъ, какъ у мышенка. Бровей у него не было. При свѣтѣ лампы лицо Натана казалось еще болѣзненнѣе и болѣе старческимъ, чѣмъ днемъ. Зато глаза его теперь не бѣгали во всѣ стороны. Они были устремлены въ книгу, въ которую Натанъ весь ушелъ.

— «Шнаимъ ейхвимъ беталотъ»... Двое держатся за платье... Тотъ говоритъ: я его нашелъ, и оно все мое; а тотъ говоритъ: я его нашелъ, и оно все мое!.. «Яхлеку!»... Они должны дѣлить платье пополамъ... Такъ рѣшаетъ Мишна. Но съ этимъ не можетъ согласиться «гемира». Ибо, если каждый изъ нихъ утверждаетъ, что онъ его нашелъ, и что оно все его, то несомнѣнно одинъ изъ нихъ говоритъ неправду... Съ другой стороны, тотъ изъ нихъ, который жетъ, можетъ быть неповиненъ въ своей лжи, ибо ему такъ хотѣлось приобрести даромъ платье, потребность его въ этомъ платьѣ была такъ велика, что, ухватившись за него въ то время, когда оно уже было поднято съ земли счастливецомъ, нашедшимъ его,—ему казалось, что онъ самъ поднять его съ земли, что онъ самъ его нашелъ... Могло быть и такъ: оба были одинаково счастливы, оба одновременно увидали платье, оба одновременно набросились на него и оба одновременно подняли его съ земли, и каждому изъ нихъ казалось, что другой не имѣетъ права на находку, и что «куле-шели» оно цѣлкомъ его... Дѣло это чрезвычайной сложности, и рѣшеніе его затруднительно...

Талмудическая премудрость до того увлекла и учителя и ученика, что они не слыхали, какъ давно уже въ комнату безъ малѣйшаго шума вошла старая Годѣ и, приблизившись къ самому столу, благоговѣйно устремила потухающій взоръ свой на внука и словно застыла съ блаженною улыбкой на устахъ, не смѣя громко дышать. Голосъ внука раздавался въ ушахъ ея, какъ небесная музыка. Она внимала святымъ словамъ, стараясь вникнуть въ ихъ смыслъ, и по временамъ одобрительно кивала головой...

— Добрый вечеръ, «балебосте» (хозяйка)...—произнесъ Михель Магидъ, замѣтивъ, наконецъ, старуху.

— Добрый вечеръ, дорогой... Добрый вечеръ, Натанъ...

И тотъ и другой моментально закрыли свои фоліанты. Уваженіе къ святымъ книгамъ такъ велико у евреевъ, что о постороннихъ предметахъ не принято разговаривать, когда онѣ лежатъ открытыми на столѣ.

Натанъ поднялся съ мѣста съ недовольнымъ видомъ и подошелъ къ бабушкѣ. Старуха положила ему на голову обѣ руки и благословила его.

— Зачѣмъ такъ рано пришла, бабушка? — произнесъ Натанъ, когда старуха отняла руки съ его головы. — Ты намъ помѣшала... Мы еще не кончили занятія...

— Но тебѣ, дорогой мой, необходимъ отдыхъ... Ты себя очень много изнуряешь... Надо беречь себя... думать о здоровьѣ.

— О нашемъ здоровьѣ думаетъ Господь, а изученіе святой Торы меня укрѣпляетъ... — Черные глазки Натана засверкали... — Неужели, бабушка, ты не вѣришь въ то, что самымъ укрѣпляющимъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней мы должны считать изученіе святой Торы и молитву! — Натанъ строго посмотрѣлъ на бабушку.

— Я это знаю; я этому вѣрю, — произнесла старуха. — Но все-таки нуженъ и сонъ, нуженъ и отдыхъ... Тѣло немощно — оно требуетъ укрѣпленія, а ты о своемъ тѣлѣ мало думаешь... Смотри, какой ты худой: кожа да кости...

— Меньше достанется червямъ на съѣденіе! — угрюмо отвѣтилъ Натанъ.

— И то, — улынулась старуха, — такъ именно долженъ разсуждать истый еврей... — Она вздохнула. — Михель, — обратилась она къ учителю, — я тебѣ многимъ обязана: это ты сдѣлалъ моего внука такимъ благочестивымъ, ты передалъ ему свою любовь къ ученію, къ молитвѣ... Да вознаградить тебя Господь-Цавоотъ... Я же, бѣдная старуха, ничѣмъ тебя вознаградить за это не могу... Ну, иди, иди съ Богомъ въ свою комнату, а мнѣ еще нужно поговорить съ внукомъ.

Михель пожелалъ имъ спокойной ночи и вышелъ. Бабушка и внукъ остались вдвоемъ. Наступило продолжительное молчаніе.

— Старымъ ногамъ больно, — прервала, наконецъ, молчаніе бабушка. — Я сяду... Садись и ты, Нотеле...

— Ты хочешь мнѣ передать что нибудь непріятное?.. — произнесъ Натанъ, усаживаясь рядомъ со старухой.

— Конечно, непріятное... Развѣ въ нашемъ домѣ что нибудь пріятное можетъ случиться?..

Старуха вздохнула, вздохнулъ и Натанъ.

— Говори!.. — пискливо произнесъ внукъ.

— Отвернулся Господь отъ дома нашего, — начала старуха. — Совершенно отвернулся... Отецъ твой не хочетъ знать Его, а про твою мать и сестру и говорить нечего: онѣ давно отказались отъ Бога...

— Это для меня не ново... я это знаю...

— Да, это ты знаешь. И мудрено было бы тебѣ этого не знать, когда они не скрываютъ своего отступничества, не прячутся отъ насъ... Но нельзя же намъ допускать ихъ гибели: тебѣ вѣдь при-

дется расплачиваться за ихъ грѣхи... Ты знаешь, Господь мститъ до третьяго и четвертаго поколѣнія... Своими поступками они накликаютъ гнѣвъ Божій на тебя и на твоихъ будущихъ дѣтей...

— О горе мнѣ!.. Горе!..—вырвался крикъ изъ груди Натана.

— Горе намъ обоимъ,—продолжала старуха. — Я теряю голову и не знаю, чѣмъ помочь въ несчастіи...

— Какая же тутъ помощь?.. Что можемъ мы сдѣлать?.. На Бога вся надежда... Молиться надо, бабушка, много молиться...—Натанъ всталъ, прошелся по комнатѣ и, опять усѣвшись, продолжалъ:— «Любящихъ Его испытываетъ Господь!»... Мы роптать не смѣемъ!..

Въ голосѣ Натана слышались одновременно и покорность волѣ Божіей и убѣжденность фанатика. Старуха это почувствовала, и на сморщенномъ ея личикѣ появилась счастливая улыбка. Но это продолжалось недолго.

— Да, конечно, мы не смѣемъ роптать,—произнесла она уныло.— Но все-таки сидѣть сложа руки и не помѣшать совершиться великому грѣху тоже нельзя... За это мы предъ Богомъ будемъ въ отвѣтъ...

— Что случилось?

Старуха подробно передала ему разговоръ съ сыномъ.

— Теперь ты видишь,—окончила она,—насколько мы безсильны. Отецъ твой обуреваемъ жаждой къ наживѣ, и для этой наживы онъ готовъ всѣмъ жертвовать... Твоей матери и сестрѣ это на руку... Ыѣжать бы мнѣ съ тобой изъ этого дома грѣха, чтобы глаза наши не видѣли, что здѣсь происходитъ...

— Да, намъ надо бѣжать!..—перебилъ Натанъ.

— Но если мы уйдемъ отсюда, убѣжимъ, то дадимъ совершиться еще большому грѣху!.. Твоя сестра, дочь еврея, достанется «гою»!..

— Этому не бывать!..—крикнулъ Натанъ.—И собственными руками задушу Эсеиры!..

— Ты истый еврей! Слова твои, точно цѣлительный бальзамъ, дѣйствуютъ на меня. Такъ, именно такъ долженъ поступать вѣрующій въ Бога-Адоная благочестивый еврей... Если Онъ, многомилостивый и грозный, наказалъ меня, рабу свою, въ сынѣ моемъ, то вознаградилъ меня и утѣшилъ, давъ такого внука, какъ ты...

Старуха положила правую руку на голову внука, съ любовью устремила на него свой взоръ и продолжала съ чувствомъ:

— Не совѣмъ удалился отъ меня Господь!.. Не допустить Онъ совершиться грѣху!.. Вразумить и укрѣпить Онъ насъ, и при Его помощи отвратимъ мы несчастіе отъ дома нашего!.. Мы будемъ стоять на стражѣ въ нашемъ домѣ и заставимъ отца твоего познать Бога и исполнять Его законы!.. Не такъ ли, мой дорогой Нотеле?..

— Такъ оно и будетъ!—Глаза мальчика блеснули.— Не желаю я дать отвѣта Богу за грѣхи отца моего... Не желаю я изъ-за него

подвергнуться на томъ свѣтѣ гнѣву Бога-Адоная!.. За что будутъ мучить меня въ аду, поджаривать на медленномъ огнѣ, терзать мое тѣло желѣзными прутьями?!.. Я боюсь ада!.. Я весь трепещу предъ грознымъ Богомъ моимъ!.. О бабушка, защити меня!.. Спаси меня отъ ада!..

Произнеся послѣднія слова, Натанъ весь задрожалъ и безпомощно склонилъ голову на плечо бабушки.

— Успокойся, внучекъ, — произнесла старуха, любовно поглаживая костлявою рукой его голову. — Успокойся, дорогой мой. Мы исполнимъ долгъ нашъ, какъ надлежитъ боящимся Его, и Онъ вознаградитъ насъ Своими милостями... Грозенъ Богъ Израиля, но Онъ же и милостивъ!.. Вотъ что намъ нужно сдѣлать, — продолжала она дѣловымъ тономъ. — Намъ нужно за всѣмъ слѣдить, въ особенности же за сестрой твоей Эсеирью и за «гоемъ», и если у насъ будутъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства, что она готова идти на грѣхъ, — я заставлю моего сына и твоего отца вспомнить, что онъ еврей... Будь увѣренъ, у меня хватитъ на это силъ, мнѣ дастъ ихъ Богъ... Теперь же, помни, надо только хорошенько слѣдить, чтобы ничего не ускользало отъ глазъ нашихъ... Ты долженъ теперь оставить на время свое ученіе и, какъ тебѣ это ни противно, выходить въ парадныя комнаты, когда будутъ гости... Если я чего либо не увижу, ты доглядишь... Впрочемъ намъ и Михаль Магидъ поможетъ...

— Только не онъ... — перебилъ Натанъ и зло улыбнулся.

Старуха удивленно посмотрѣла на внука и съ тревогой въ голосѣ произнесла: — Что это значитъ?..

— Это значитъ, — началъ было Натанъ. — Это значитъ... но нѣтъ... Онъ перевелъ духъ и тихо кончилъ: — не хочу брать грѣха на душу: не буду клеветать на еврея, когда у меня нѣтъ увѣренности въ его винѣ...

— Но ты его подозрѣваешь?..

— Да, подозрѣваю... — И Натанъ подробно разсказалъ бабушкѣ, какъ нашелъ въ комнатѣ Михеля Магида «Брисъ-Ходоше» (Евангеліе), и какое объясненіе онъ ему далъ по этому поводу. — Съ тѣхъ поръ, — окончилъ онъ свой разсказъ, — я за нимъ слѣдилъ, слѣдилъ неотступно и хотя больше ничего за нимъ не замѣчалъ (онъ никогда не пропускалъ молитвы, изученіемъ святой Торы занимался ревностно), но все-таки попрежнему довѣрять ему не могу... Въ душѣ моей вселилось великое сомнѣніе въ преданности его къ нашимъ святымъ законамъ, къ нашей святой вѣрѣ...

Разсказъ внука подѣйствовалъ на старуху ошеломляющимъ образомъ.

— Ты все мнѣ разсказалъ?.. Ты ничего отъ меня не скрылъ?.. — спросила она подавленнымъ голосомъ.

— Ничего, бабушка... Зачѣмъ я буду скрывать отъ тебя?..

— Да, да... Я знаю... Ты не способенъ скрывать чего либо отъ своей бабушки... Но неужели твои подозрѣнія вѣрны? Неужели Господь настолько отдалился отъ меня, что сдѣлалъ меня слѣпою и и не далъ мнѣ возможности различать овцу отъ волка?.. Если Михель Магидъ, эта краса Израиля, не то, чѣмъ онъ кажется, если онъ отступникъ, то это значитъ, что порча коснулась самаго корня стараго древа... Это значитъ, что Израиль разлагается, и нѣтъ ему спасенія!.. Но,—старуха встрепенулась,—я этому вѣрить не хочу!.. Не могу!.. Богъ-Адонай опредѣлялъ народу Своему существовать вѣчно, и такъ оно и будетъ!..

— Такъ оно и будетъ!..—восторженно повторилъ послѣднія слова бабушки Натанъ. — И развѣ не сказалъ Господь, что Онъ отдастъ намъ весь міръ, и мы будемъ владычествовать надъ всѣми царствами?!.. Слово Его, какъ и Онъ Самъ, неизмѣнно и не намъ съ тобой, вѣрующимъ въ Него, грѣшить предъ нимъ своими сомнѣніями!..

— Не будемъ грѣшить,—подхватила старуха,—и возложимъ надежды наши на Бога-Адоная!..

Нѣкоторое время и бабушка и внукъ, подъ вліяніемъ фанатическаго экстаза, охватившаго ихъ, молча сидѣли другъ противъ друга. Старуха первая пришла въ себя и прервала наступившее молчаніе.

— Однако, дорогой мой, тебѣ пора отдыхать,—произнесла она.— Ну, прощай, Натанъ. Только прошу тебя, сейчасъ ложись въ постель и не вздумай до утра заниматься...—Она положила свои руки на голову внука и, воздѣвъ очи вверхъ, съ чувствомъ докончила:— Да охранять тебя на ночь святые ангелы Михаелъ и Гавріелъ и разныя серафимы, въ томъ числѣ и Касріель...

— Спасибо, бабушка,—отвѣтилъ Натанъ и поцѣловалъ ея руку. Старуха въ свою очередь поцѣловала внука и вышла изъ его комнаты.

По уходѣ бабушки, Натанъ опять усялся за столъ и раскрылъ толстый фоліантъ. На старческомъ лицѣ мальчика появились глубокія морщины. Сколько онъ ни старался сосредоточиться и углубиться въ ученіе, ему это не удавалось — мѣшали постороннія мысли... Онъ съ горечью закрылъ книгу, поцѣловалъ ее и поставилъ на полку.

— Буду молиться... Молитва успокоитъ меня...—произнесъ онъ шепотомъ.

И долго, очень долго раздавался шепотъ молитвы Натана, сопровождаемый крѣпкими ударами въ грудь молящагося... Святотатственна была на этотъ разъ молитва мальчика. Онъ не просилъ, а требовалъ отъ Бога, дабы Онъ покаралъ виновныхъ предъ Нимъ: его отца, мать, сестру, и не обрушился на него, Натана, Своимъ гнѣвомъ.

VII.

Въ домѣ Местрегеровъ царствовало необычайное оживленіе. Парадные комнаты приводились въ порядокъ и чистились. Парадная гостиная была превращена въ столовую. Многочисленная прислуга суетилась по всѣмъ угламъ и спѣшно выполняла приказанія м-ше Местрегеръ, которая съ самаго утра была уже на ногахъ и лично всѣмъ распоряжалась. Было около двухъ часовъ дня, когда м-ше Местрегеръ въ послѣдній разъ тщательно осмотрѣла всѣ комнаты. Все оказалось въ порядкѣ. Она самодовольно улыбнулась и, обратившись къ старшей горничной Малкѣ, весело произнесла:

— Теперь, милости просимъ, пусть увидитъ петербуржецъ, что и мы умѣемъ жить, какъ слѣдуетъ. Какъ думаешь, Малка, не ударишь мы предъ нимъ лицомъ въ грязь?..

— Что вы, что вы, мадамеле,—отвѣтила горничная.—О томъ, чтобы ударить лицомъ въ грязь, и рѣчи быть не можетъ!.. Петербургскій «гвиръ» (богачъ) ахнетъ отъ изумленія, когда увидитъ, какъ все у насъ прекрасно... Слава Богу, насмотрѣлась я довольно, какъ живутъ петербургскіе «гвиры», и безъ лести могу вамъ сказать, что вамъ безпокоиться нечего... Посмотрите сами...—Горничная обвела глазами столовую и съ воодушевленіемъ продолжала:—Развѣ у насъ не красиво? Даже цвѣты на обѣденномъ столѣ имѣются... Все у насъ какъ слѣдуетъ, на самый что ни на есть петербургскій манеръ...

М-ше Местрегеръ не безъ удовольствія прислушивалась къ словамъ горничной и самодовольно улыбалась.

— Вотъ, развѣ только насчетъ прислуги...

— А что?

— Въ Петербургѣ къ столу подаютъ лакеи съ бакенбардами и во фракахъ, а у насъ...

— Знаю,—перебила ее со вздохомъ м-ше Местрегеръ.—Но гдѣ же намъ взять такихъ лакеевъ? Къ тому и свекровь не допуститъ, чтобы «гои» подавали къ столу...

—М-ше Годе человѣкъ старый и ничего не понимаетъ въ этихъ дѣлахъ...

— А ты, дурище, много понимаешь?—раздался визгливый голосъ старухи, которая неслышными шагами, точно подкравшись, вошла въ комнату.—Пошла вонъ, модница!..

И когда горничная ушла, старуха обвела глазами столовую и, уставившись на невѣстку, презрительно произнесла:

— Ты, очевидно, готовишься принимать у себя если не самого царя, то, по крайней мѣрѣ, принца.

— У насъ сегодня обѣдаетъ Брайнесъ...

— Скажите на милость, самъ Брайнесъ... Что же онъ генералъ какой нибудь?..

— Во-первыхъ, онъ очень богатъ?.. Богаче его еврея въ Петербургѣ нѣтъ... Онъ сколько желѣзныхъ дорогъ выстроилъ... Во-вторыхъ, онъ въ самомъ дѣлѣ генералъ... Ему всѣ говорятъ, ваше превосходительство...

— И ты гордишься тѣмъ, что этотъ еврейскій генералъ будетъ у тебя обѣдать?..

— Не буду лгать: мнѣ это чрезвычайно пріятно... Весь городъ будетъ намъ завидовать...

Старуха впила глазами въ невѣстку и крикливымъ голосомъ перебила ее:

— Нечего сказать, есть чему позавидовать!.. Еслибъ моя власть!.. Еслибъ я была хозяйкой въ домѣ... я бы этого «трефняка» на порогъ свой не пустила. Нашему дому онъ не сдѣлаетъ никакой чести... Своимъ присутствіемъ онъ осквернитъ нашъ домъ!.. Развѣ тебѣ не извѣстно, что Брайнесъ открыто пренебрегаетъ нашими святыми законами, что онъ не исполняетъ предписанія нашей святой религіи?... Развѣ онъ чтитъ субботу? Развѣ у него «кошерная» (дозволенная) кухня?.. Нѣтъ, онъ хуже «гоя»... Онъ хуже «месумеда» (перекрещенца)... Онъ прямо таки—«коферъ-беикеръ», (отвергающій сущность Божества)!.. И вотъ, чтобы принять такую цалу въ свой домъ, ты дѣлаешь такіа приготовления!.. Чего добраго, ты, быть можетъ, и «трефной» обѣдъ ему приготовила?..

— Что вы?.. Что вы, «швигеръ» (свекровь)?..

— Что я?.. Ты спрашиваешь?.. что я?—еще болѣе возвысила свой голосъ старуха.—И, слава Создателю, какъ быть должно—еврейка... Истая еврейка!.. Ну, а ты кто такая?.. Скажи мнѣ, кто такая ты?..

— И я, слава Богу, еврейка.

— Нѣтъ, лжешь, не еврейка ты!.. Будь ты настоящая еврейка, не думала бы такъ много о земномъ...

— Я исполняю волю моего мужа!.. Живу такъ, какъ онъ хочетъ...—перебила старуху m-me Местрегеръ.

Отвѣтъ этотъ, точно громъ, поразилъ старуху. Реввека живетъ такъ, какъ хочетъ ея мужъ. Что можетъ она противъ этого возразить? Она сама знаетъ, что это правда. И если такъ, то имѣетъ ли право нападать на невѣстку? Развѣ законъ не предписываетъ еврейской женщинѣ подчиняться во всемъ мужу, безъ разсужденій? Развѣ мужъ не имѣетъ права повелѣвать женой? И развѣ жена можетъ протестовать и оказать неповиновеніе даже въ томъ случаѣ, если мужъ приказываетъ ей нарушить самый законъ? Та роль, которую талмудисты на основаніи Библіи отвели женщинѣ въ семьѣ, была извѣстна старухѣ. Она знала, что женщина—жена не должна имѣть ни своего ума, ни своей воли, что мужъ, отвѣчающій предъ Богомъ за всѣ ея грѣхи и проступки, имѣетъ право повелѣвать ею и держать ее въ повиновеніи. Старуха внутренне затрепетала, когда мысли

эти промелькнули въ ея головѣ. Она совершила смертный грѣхъ, возстановляя жену противъ законнаго ея владыки—мужа.

—Да,—произнесла она упавшимъ голосомъ.—Къ сожалѣнію, ты права—исполняешь волю своего мужа, какъ повелѣваетъ законъ...

— Разумѣется, права,—вызывающе отвѣтила м-ме Местрегеръ,—ибо свято исполняю законъ, а потому, надѣюсь, вы не будете на меня сердиться, если немедленно оставлю васъ... Мужъ приказалъ мнѣ нарядиться въ лучшее платье, чтобы достойно принять желаннаго гостя... Да, гость для меня желанный, ибо онъ желанный для моего мужа... Времени осталось весьма мало, едва успѣю одѣться...

— Я тебя не удерживаю...—чуть слышно произнесла старуха и проводила невѣстку злобнымъ взглядомъ.

Нѣкоторое время послѣ ухода м-ме Местрегеръ, Годе простояла на одномъ мѣстѣ съ опущенною головой. Мысли одна другой безотрадиѣ волновали ее. Какая трудная задача выпала ей на долю! Желая быть угодною Богу, она чуть-чуть не совершила великій, смертный грѣхъ: пыталась возстановить жену противъ мужа! И остановила ее во время эта ненавидимая ею женщина! Вся накипѣвшая въ ней злость противъ невѣстки забушевала въ груди старухи. Она почувствовала себя униженною и оскорбленною. Она, эта ничтожная женщина, не только одержала надъ нею побѣду, но еще предостерегла ее отъ грѣха!.. Это, съ одной стороны, а съ другой,—какъ трудно показалось ей теперь выполненіе того, что считала она своимъ долгомъ! И какъ это она раньше не сообразила, что дѣйствовать должна на сына, исключительно на него, и что нападать на жену, если послѣдняя дѣйствуетъ согласно желаніямъ мужа, она права не имѣть? Но если это даже такъ, унывать все-таки не слѣдуетъ. Въ союзѣ съ внукомъ (Натанъ уже «баръ-мицво» — совершеннолѣтній, и законъ предоставляетъ ему право выступать противъ отца, ибо кому же, если не ему, придется отвѣчать Богу за грѣхи отца) она сумѣетъ охранить домъ сына отъ окончательной гибели...

VIII.

Наступилъ часъ обѣда. Все семейство сидѣло за столомъ. Петербургскаго гостя ждали съ нетерпѣніемъ. Ребѣ Пинхосъ распорядился, чтобы домашніе заняли свои мѣста до появленія гостя потому, что желалъ, чтобы обрядъ омовенія рукъ передъ трапезой былъ совершенъ въ его отсутствіе, ибо зналъ, что петербургскій гость будетъ смотрѣть на выполненіе этого обряда, какъ на дикость. Было извѣстно, что Брайнесъ не придерживается религіи и не любитъ выполнять обряды. Ему оставили за столомъ почетное мѣсто. Въ столовой царствовала тишина, и на лицахъ присутствовавшихъ за столомъ виднѣлась напряженность. Одна только старая Годе не обна-

руживала любопытства и не волновалась. Она на этот раз добровольно уступила первое мѣсто невѣсткѣ и, усѣвшись въ концѣ стола, устремила глаза на любимаго внука.

— Пора ужъ ему быть, — произнесъ ребѣ Пинхось. — Онъ обѣщалъ пріѣхать ровно въ четыре, а теперь ужъ три минуты пятого...

— Сейчасъ вѣрно будетъ, — успокоительно произнесла т-ше Мес-трегеръ.

Не успѣла она произнести послѣднее слово, какъ въ столовую стремительно вбѣжала горничная Малка и задыхаясь проговорила: Ыдетъ!... Пріѣхалъ!...

Ребѣ Пинхось пошелъ гостю на встрѣчу, а всѣ присутствовавшіе приподнялись съ своихъ мѣстъ.

Прошла томительная пауза. Но вотъ на порогѣ столовой показался петербургскій гость. Глаза всѣхъ присутствовавшихъ устремились на него. Даже старая Года впиалась въ него своими подслѣповатыми глазами. Брайнесъ, въ свою очередь, обвелъ всѣхъ глазами. Это былъ еврей невысокаго роста, кругленькій, съ брюшкомъ. Толстый подбородокъ его былъ чисто выбритъ, также и верхняя толстая губа. Одѣтъ онъ былъ во фракъ и въ лѣвой рукѣ держалъ цилиндръ. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ и элегантно шаркнулъ правой ногой, причемъ на его широкомъ лицѣ изобразилось нѣчто въ родѣ самодовольной улыбки.

— Позвольте мнѣ имѣть великую честь познакомить васъ съ моимъ семействомъ, — подобострастно произнесъ ребѣ Пинхось.

— Жажду чести быть представленнымъ вашимъ домашнимъ, — отвѣтилъ гость, опять улыбаясь.

Ребѣ Пинхось подвелъ его къ матери. Старуха чуть-чуть приподнялась.

— Маменька, — торжественно произнесъ ребѣ Пинхось, — ты видишь предъ собой знаменитѣйшаго среди Израиля «гвира» (богача)... Предъ тобой не кто иной, какъ его превосходительство, господинъ генералъ Аркадій Павловичъ Брайнесъ...

Гость любезно подаль старухѣ руку, но послѣдняя, не подавая ему своей, впиалась въ него долгимъ взглядомъ.

— Какъ ты сказалъ, сынъ мой? — произнесла она медленно, нараспѣвъ. — Какъ имя твоего гостя?.. Повтори...

— Аркадій Павловичъ Брайнесъ... — смущенно отвѣтилъ ребѣ Пинхось.

— Аркадій Павловичъ Брайнесъ.... Аркадій Павловичъ?... Вы, стало быть, не еврей?.. обратилась она къ гостю.

— Ошибаетесь, — я еврей...

— Такъ неужели при обрѣзаніи вамъ дали имя Аркадій?... старуха продолжала пронизывать его своимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, — добродушно усмѣхнулся гость, съ любопытствомъ

оглядывая, въ свою очередь, старуху.— При обрѣзаніи меня наименовали Айзикоу...

— Хорошее, славное имя... А вашего отца какъ называли при обрѣзаніи?

— Пейсахъ....

— Тоже славное имя... Очень даже красивое?.. Ну, Айзикъ, сынъ Пейсаха, займи мѣсто за столомъ благочестивыхъ евреевъ и будь нашимъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ...

— Маменька, — шепнулъ ей ребъ Пинхосъ, — какъ вы можете такъ разговаривать съ нимъ, вѣдь онъ генералъ и большой «гвиръ»...

Старуха перевела свой взглядъ съ гостя на сына и сейчасъ же опять уставилась глазами на Брайнеса.

— Сынъ упрекаетъ меня за то, что я разговаривала съ вами, какъ съ евреемъ... Неужели вы стѣсняетесь своего еврейства?..

— Помилуйте... Какъ это можно?.. Я горжусь именно тѣмъ, что я еврей и генералъ, ибо генераловъ «гоимъ» много и цѣна имъ грошъ, а нашъ братъ, еврей, добившись генеральскаго чина, непременно персона большая, крупная и непременно при большихъ капиталахъ... Намъ этотъ чинъ даромъ не даютъ... хе, хе, хе...

Старуха одобрительно кивнула ему головой и опустила на свое мѣсто.

— Вы, ради Бога, простите моей маменькѣ, — шепнулъ ребъ Пинхосъ на ухо гостю, когда они отъ нея отошли. — Она очень стара и придерживается старины... Очень мы отъ этого страдаемъ, но нельзя же посадить на ея старыя плечи молодую голову... Нельзя же ее передѣлать на новый ладъ...

Гость въ отвѣтъ сочувственно улыбнулся ему.

Дальнѣйшее представленіе Брайнеса семейству Местрегера прошло довольно благополучно. Аркадій Павловичъ, какъ человѣкъ свѣтскій, поцѣловалъ руку м-ме Реввеки и похвалилъ ея обстановку.

— Съ той минуты, какъ переступилъ порогъ вашего милаго дома, — сказалъ онъ ей, любезно раскланиваясь, — я почувствовалъ себя точно въ дорогомъ миѣ Петербургѣ... И такъ ненавижу провинцію и такъ привыкъ къ комфорту, что только у себя дома могу дышать полною грудью... Гостиницы не переношу... Провинціальный комфортъ — тоже... Но у васъ все такъ хорошо, такъ мило... Я чувствую себя точно дома...

— Вы миѣ льстите, — произнесла м-ме Местрегеръ, вся зардѣвшись отъ внутренняго удовольствія. — Развѣ нашъ скромный домъ можетъ сравниться съ вашимъ петербургскимъ дворцомъ? Говорять, вашъ дворецъ даже тамъ одинъ изъ первыхъ...

Брайнесъ весь расцвѣлъ и, прикладывая лѣвую руку къ сердцу, горделиво проглотилъ сквозь зубы:

— Первый въ Петербургѣ — это ужъ много будетъ... Оно вѣрно хата моя не изъ послѣднихъ...

Когда Брайнесъ очутился передъ Эсеирью, то невольно залюбовался ею. Какъ котъ, прищурилъ онъ глаза и осматрѣлъ стоявшую передъ нимъ молодую дѣвушку съ головы до ногъ. Она несомнѣнно, какъ и прочіе члены семьи, была заинтересована появленіемъ важнаго гостя, и потому личико ея было оживленнѣе обыкновеннаго. Но въ то же время она ничуть не смутилась отъ устремленнаго на нее его взгляда. Напротивъ: ея большіе, синіе глаза смотрѣли на него дружелюбно и весело, причѣмъ вся ея тоненькая, изящная фигурка выдѣлялась своей граціей.

— Завидую вашему будущему жениху; ему достанется удивительно красивая невѣста, — сладкимъ голосомъ, нараспѣвъ, проговорилъ Брайнесъ, продолжая щурить глаза и не выпуская руку дѣвушки изъ своей руки. — Вамъ бы царствовать въ петербургскомъ салонѣ, а не прозябать въ такомъ ничтожномъ городишкѣ, какъ вашъ... М-те, — обратился онъ къ Реввекѣ, — вотъ сокровище, которому даже я, Аркадій Брайнесъ, завидую...

— Моя Эсеирь хорошая дѣвочка, — радостно согласилась съ нимъ м-те Местрегеръ.

— Надѣюсь, она у васъ обучена языкамъ и музыкѣ?.. Такой драгоценный камень необходимо тщательно отшлифовать... — Брайнесъ вдохнулъ. — Эхъ, кабы у меня, да такая дочь...

— Ребъ Айзикъ, — прервала его старуха Годе. — У насъ супъ перестоятся.

Лицо Брайнеса вытянулось. Не безъ сожалѣнія выпустилъ онъ руку Эсеири и занялъ мѣсто за столомъ.

М-те Реввека и ребъ Пинхосъ смутились выходкой старухи, но послѣдняя не обратила на нихъ никакого вниманія и готовила имъ скурпизъ еще болѣе непріятный. Лишь только успѣлъ Брайнесъ встать за ложку, она громко произнесла: — Ребъ Айзикъ, остановитесь... Вы забыли совершить омовеніе рукъ передъ трапезой... Развѣ не сказано: «къ Божіимъ дарамъ слѣдуетъ прикасаться чистыми руками»...

— Я моюсь съ утра, и руки мои чисты, — отвѣтилъ гость съ явнымъ раздраженіемъ въ голосѣ. — Къ тому, я ношу перчатки, которые предохраняютъ мои руки отъ грязи. — И гость насмѣшливо посмотрѣлъ на старуху.

— Охотно вѣрю, что у васъ чистыя руки, но убѣждена, что послѣ омовенія онѣ станутъ еще чище, что будетъ для васъ же лучше, а для Бога угоднѣе... Малка! — обратилась она къ горничной. — Подай ребъ Айзику кружку воды и тазъ для омовенія рукъ...

И когда приказаніе ея было исполнено, и Брайнесъ, помывъ руки, сталъ вытирать ихъ полотенцемъ, старуха встала отъ стола, отыскала его цилиндръ и собственноручно надѣла его на голову Брайнеса.

— Теперь, какъ подобаетъ благочестивому еврею, вы, ребъ Ай-

зикъ, громко произнесите «гамойце» (молитву предъ вкушеніемъ хлѣба) и дадите мнѣ возможность лишній разъ произнести «аминь», чѣмъ премногимъ меня обяжете и приобретете мою благодарность на вѣчныя времена...

При этой выходкѣ старой Годе ребъ Пинхось поблѣднѣлъ. А вдругъ Брайнесь, извѣстный своимъ пренебреженіемъ къ религіи, забылъ молитву и не сумѣлъ произнести ее. Гость будетъ тогда униженъ въ его домѣ и не проститъ ему обиды. Это будетъ большое несчастіе. Брайнесь непремѣнно отомститъ.

Отъ старухи не укрылась блѣдность сына, и она очень хорошо понимала, какую тяжелую минуту онъ, благодаря ей, переживаетъ. Тѣмъ не менѣе, она не отошла отъ Брайнеса, который продолжалъ вытираніе руки полотенцемъ, и, пронизывая его насквозь своими подолбповатыми глазами, ждала, чтобы онъ помолился.

— Борухъ ато Адонай (благослови Ты, Адонай)...—вдругъ раздался громко и торжественно голосъ Брайнеса. Старуха набожно возвела очи вверхъ, а ребъ Пинхось издалъ вздохъ облегченія.

— Аминь! — тоже громко и торжественно произнесла старуха, когда молитва была окончена.

— Аминь!.. — точно эхо, повторилъ за бабушкой изъ другого конца стола Натанъ.

Старуха ласково улыбулась гостю.

— Ну, ребъ Айзикъ, — произнесла она: — развѣ это такой большой трудъ отдавать Божіе Богу?.. Или это сопряжено съ расходомъ?.. У васъ такой славный голосъ... Точно музыка, онъ раздавался въ моихъ ушахъ...

Старуха отошла отъ него и усѣлась на своемъ мѣстѣ, рядомъ съ Натаномъ.

Начатый, благодаря старой Годе, при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ обѣдъ обѣщалъ кончиться весьма скучно. Дѣйствительно, всѣ сидѣли молча, съ опущенными головами. Ребъ Пинхось прямо боялся посмотрѣть гостю въ лицо. М-ше Местрегеръ украдкой поглядывала на мужа и мучилась за него. Одна только старуха была въ отличномъ расположеніи духа. Суежилась она больше обыкновеннаго и какъ будто забыла про свою обычную степенность. И хотя сама она ѣла мало, но все время подкладывала на тарелку Натану и Михелю и настойчиво уговаривала ихъ кушать побольше.

Петербургскій гость, между тѣмъ, обнаружилъ прекрасный аппетитъ. Онъ кушалъ хотя медленно, степенно, но смаковалъ съ наслажденіемъ каждый кусокъ. Особую честь оказали онъ уткѣ, нафаршированной яблоками.

— У васъ прекрасно готовятъ, — произнесъ онъ одобрительно, обращаясь къ м-ше Местрегеръ. — Давно не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ. Можно попросить у васъ еще кусочекъ этой удивительно вкусной утки?..

— Конечно, можно,—радостно отвѣтила хозяйка и положила гостю на тарелку жирный кусокъ.

Эти первые слова, произнесенныя гостемъ, послѣ непріятнаго инцидента въ началѣ обѣда ободряли все общество. Ребъ Пинхось вздохнулъ съ облегченіемъ и, обращаясь къ Брайнесу, спросилъ:

— А что слышно въ Петербургѣ? Какія тамъ новости?..

— Васъ собственно что интересуеть?—въ свою очередь спросилъ Брайнесъ.

— Разумѣется, больше всего желалъ бы знать, нѣтъ ли какихъ новостей насчетъ насъ, евреевъ?..

— На этотъ счетъ могу вамъ сообщить многое...

Брайнесъ, не спѣша, вытеръ салфеткой свой ротъ, обвелъ всѣхъ глазами и не безъ важности продолжалъ:

— Стараются насъ ограничить, да поздно спохватились: мы теперь сила и большая сила!.. Всѣ коммисіи при различныхъ министерствахъ выѣденнаго яйца не стоятъ и ничѣмъ не кончатся. Что могутъ съ нами подѣлать, когда уже все находится въ нашихъ рукахъ? Къ тому, самый могучій двигатель нашего времени—деньги, а ихъ у насъ достаточно, и съ ними мы пропасть не можемъ.. Скажите сами, развѣ можетъ быть кому нибудь худо, если у него нѣбются деньги?..

— Что и говорить, съ деньгами жить можно,—усмѣхнулся ребъ Пинхось.

— То-то... А потому я и пришелъ къ тому убѣжденію, что существуетъ только одинъ пунктъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса въ Россіи... И когда этотъ пунктъ осуществится, все будетъ обстоять благополучно...

— Въ чемъ же дѣло?—съ явнымъ любопытствомъ перебилъ его ребъ Пинхось.

Брайнесъ хитро прищурился и авторитетно произнесъ.

— Дѣло въ томъ, что среди насъ не должно быть бѣдняковъ... Когда у самаго бѣднаго еврея будетъ не меньше ста тысячъ капитала, намъ не будутъ страшны никакія ограниченія... Ну, скажите сами, развѣ для богатаго человѣка существуютъ ограниченія!..

— Неужели вы серіозно думаете, что настанетъ такое время, что у бѣднаго еврея будетъ не меньше ста тысячъ капитала?.. съ явнымъ любопытствомъ въ голосъ спросилъ ребъ Пинхось.

— Убѣждены!—отвѣтилъ недопускающимъ сомнѣнія тономъ въ голосъ Брайнесъ. — Нужно только, чтобы всякій еврей къ этому стремился... чтобы всякій еврей поставилъ это единственною задачей своей жизни, и тогда это такъ и будетъ!.. Скажите, ребъ Пинхось, вы большое получили наслѣдство отъ вашего покойнаго папеньки?.. Вѣдь никакого. А между тѣмъ, развѣ у васъ одна сотня тысячъ?.. А я родился развѣ «гвиромъ» (богачемъ)?.. До сихъ поръ помню, какъ мой отецъ, царство ему небесное, торговалъ старымъ

платьемъ и ѣлъ мясо только по субботамъ и праздникамъ... Отъ него я наслѣдства не получилъ и, когда онъ умеръ, его хоронили на общественный счетъ въ рваномъ «талисѣ» (молитвенная простыня съ священными нитями) и самыхъ дешевыхъ «тахрихимъ» (саванатъ)... Я не захотѣлъ жить бѣднякомъ и умереть нищимъ, чтобъ и меня хоронили на общественный счетъ... И вотъ, вы сами знаете, у меня миллионы...

И Брайнесъ обвелъ присутствовавшихъ за столомъ торжествующимъ взглядомъ горделиваго побѣдителя.

— А когда вы умрете, вы возьмете ваши миллионы съ собой?— раздался среди наступившей тишины вопросъ старой Годе.— И неужели вы думаете, что когда къ вамъ въ могилу явится «малахъ Дейма» (ангелъ Дейма) съ своимъ тяжелымъ посохомъ и ударить васъ по спинѣ, вамъ въ дорогомъ «талисѣ» и дорогихъ «тахрихимъ» не будетъ больно?... Неужели на вопросъ грознаго ангела: «каковы были твои дѣла, Айзикъ?» вы ему отвѣтите: «я нажилъ миллионы»!...

Брайнесъ добродушно усмѣхнулся и послѣ нѣкотораго молчанія отвѣтилъ:

— Конечно, если, какъ говорятъ, у «малаха Дейма» посохъ тяжелый, то не сладкимъ покажется мнѣ его ударъ по спинѣ... Но это когда еще будетъ?... Я еще думаю пожить и совершенно не желаю заглядывать въ даль загробной жизни...

— Денно и ночью ты долженъ думать о смертномъ часѣ, сказано въ Писаніи,—раздался пискъ Натана.

Брайнесъ перевелъ свой взглядъ отъ старухи на ея внука и съ прежнею насмѣшливостью въ голосѣ спросилъ:

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Пятнадцать.

— И уже думаешь о смертномъ часѣ?

— Да, думаю, ибо такъ повелѣваетъ писаніе...

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ тебя очень жаль, и я понимаю, почему ты такой хилый и безжизненный... Послушай моего совѣта: думай поменьше о смертномъ часѣ и постарайся окрѣпнуть и поздоровѣть. Это будетъ гораздо лучше для тебя.

— Держите при себѣ ваши совѣты,—дерзко отвѣтилъ Натанъ.— Я въ нихъ не нуждаюсь...

Старая Годе съ любовью поглядывала на внука и, одобрительно кивнувъ ему головой, произнесла:

— Не смущайте его, ребѣ Айзикъ, вашими совѣтами и поставьте еврею жить и думать поеврейски...

— Помилуйте, какой же онъ еврей? Онъ еще совершеннѣйшій мальчикъ.

— Я не мальчикъ,—вспыхнувъ отвѣтилъ рѣзко Натанъ:—св. законъ признаетъ меня совершеннолѣтнимъ...

— Въ 15-то лѣтъ?

— Вы, очевидно, великій «амъ-горецъ» (невѣжда), когда даже не знаете, что религіозное совершеннолѣтіе еврея наступаетъ въ 13 лѣтъ и одинъ день, и что съ этого времени еврей надѣваетъ «те-филинъ» (филантеріи) и лично отвѣчаетъ предъ Богомъ за свои грѣхи... Что съ наступленіемъ 13 лѣтъ и одного дня еврей имѣетъ право послушаться отца, если онъ совѣтуетъ ему поступить противъ закона, ибо отецъ за него ужъ не отвѣчаетъ предъ Богомъ, а отвѣчаетъ онъ самъ... Буду ли послѣ этого слушаться вашихъ нечестивыхъ совѣтовъ, когда не послушаюсь и отца, если его совѣты не будутъ согласоваться со святыми нашими законами?...

Глаза мальчика сверкали, и щеки его покрылись румянцемъ, когда онъ говорилъ. Брайнесъ смотрѣлъ на него въ упоръ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ раздраженіемъ. Когда Натанъ замолчалъ, онъ перевелъ свой взглядъ на ребѣ Пинхоса, который сидѣлъ съ опущенною головою, не смѣя въ присутствіи матери прервать сына, чтобы не вызвать заступничества старухи, и этимъ самымъ еще больше не обострить спора.

— А вы, милая барышня,—произнесъ Брайнесъ, обращаясь къ Эсеири,—тоже придерживаетесь взглядовъ брата?

— Зачѣмъ же?—отвѣчала Эсеиръ и засмѣялась.—Вѣдь я только женщина, и предъ Богомъ за меня теперь отвѣчаетъ отецъ, а потомъ будетъ отвѣчать мужъ... Ну, и пусть ихъ отвѣтять, а я постараюсь весело прожить на Божьемъ свѣтѣ и не думать постоянно о смертномъ часѣ.

— Bravo, bravo, m-lle!—произнесъ Брайнесъ, одобрительно улыбувшись.—Вы очень умно рассуждаете, очень умно. Если вѣчно думать о смертномъ часѣ, то и родиться не стоило бы: вся жизнь была бы сплошнымъ и продолжительнымъ мученьемъ... А всю жизнь мучиться было бы весьма непріятно... Согласны вы со мной, m-elle?

— Очень бы желала съ вами согласиться, но что скажетъ на это бабушка?...

Эсеиръ весело и лукаво улыбнулась. Улыбнулся тоже и Брайнесъ, и оба одновременно посмотрѣли на старуху, которая молча ихъ слушала съ опущенною головою.

— Такъ вы хотите жить весело?—спросилъ Брайнесъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Въ мои годы, я думаю, всякая дѣвушка хочетъ весело жить,—отвѣтила Эсеиръ.

— А удастся вамъ осуществлять ваше желаніе?...

— Иногда удастся.

— Иногда—это нехорошо; надо, чтобы постоянно удавалось... Впрочемъ, въ вашемъ скучномъ городѣ врядъ ли кто либо имѣетъ понятіе о томъ, какъ надо жить и веселиться... Другое дѣло у насъ, въ Петербургѣ.

— Что же у васъ, въ Петербургѣ?..—спросила Эсэирь, видя, что Брайнесъ затрудняется продолжать.

— У насъ, въ Петербургѣ... Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ смущать васъ рассказами про петербургскую жизнь? Вамъ тогда ваша собственная жизнь покажется весьма незавидною и скучнѣе прежняго... Вы будете завидовать намъ, столичнымъ жителямъ.

— Завидовать?... Съ чего вы взяли, что я завистлива?... Живите вы себѣ весело по-своему, а мы, провинціалы, будемъ жить, какъ умѣемъ, по-нашему, и тоже весело.

— А въ Петербургъ не захотите? Не будете стремиться туда, когда узнаете, какъ тамъ хорошо жить?

— Если мнѣ суждено, я туда попаду, но особенно стремиться не стану...

— Почему же?

— Потому что мнѣ и здѣсь хорошо... Это вамъ Петербургъ кажется такимъ милымъ городомъ,—вы къ нему привыкли, вы его хорошо знаете, а я по однимъ рассказамъ, даже самымъ краснорѣчивымъ, его все-таки знать не буду, и онъ будетъ мнѣ чуждъ...

— И онъ даже не возбуждаетъ вашего любопытства?

— Я не была бы женщиной, если бы не была любопытна...— Эсэирь засмѣялась.—Но этимъ недостаткомъ моего пола я обладаю въ гораздо меньшей степени, чѣмъ вы думаете.

Брайнесу Эсэирь стала все больше и больше нравиться. Ея бойкая рѣчь его очаровывала. Все время разговора съ ней онъ не сводилъ глазъ съ своей собесѣдницы и, какъ человѣкъ, знающій толкъ въ женщинахъ, оцѣнилъ по достоинству ея красоту. Въ головѣ его возникла мысль, что она вполне подходитъ въ жены его единственному сыну, наслѣднику его милліоновъ. «Конечно,—промелькнуло въ его головѣ,—она немножко дика, отъ нея пахнетъ провинціализмомъ, но стоитъ только чуть-чуть отшлифовать ее, и выйдетъ то, что мнѣ нужно»... И тутъ же онъ сталъ соображать, подходящая ли будетъ она партія для его единственного сына въ другихъ отношеніяхъ, и прилично ли будетъ ему породниться съ Местрегеромъ? И въ этомъ отношеніи ему показалось, что все обстоитъ благополучно: Местрегеръ хоть и не такъ богатъ, какъ онъ, но изъ хорошаго и уважаемаго рода, и породниться съ нимъ можно. Къ тому, и для дѣла это будетъ хорошо: какъ съ будущимъ родственникомъ, онъ можетъ вступить съ нимъ въ компанію по постройкамъ мѣстнаго инженернаго округа, и тогда хлопотъ будетъ меньше, и никто не скажетъ, что онъ былъ вынужденъ такъ поступать, благодаря связямъ и силѣ Местрегера.

Брайнесъ былъ человѣкъ рѣшительный въ дѣлахъ, и онъ самъ былъ убѣжденъ и другіе думали, что тайна его успѣха заключается, именно въ этомъ его качествѣ. И такъ какъ женить сына въ его глазахъ было дѣломъ весьма серіознымъ, то и въ этомъ случаѣ, какъ

и всегда, онъ рѣшилъ не откладывать дѣло въ долгій ящикъ и приступить къ его осуществленію немедленно.

— Милая Эсеирь,—произнесъ Брайнесъ, лукаво прищурившись,—а я вѣдь рѣшилъ испытать васъ... Въ скоромъ времени буду имѣть случай и возможность ближе съ вами познакомиться и тогда увижу, дѣйствительно ли вы менѣе любопытны, чѣмъ другія представительницы вашего пола...

— Развѣ вы думаете переѣхать на жительство въ нашъ городъ?—спросила Эсеирь.

— О, нѣтъ... Что я буду дѣлать въ вашемъ скучномъ городѣ? Мы это иначе устроимъ. Мы васъ въ скоромъ времени переселимъ къ намъ.

Произнеся послѣднія слова, Брайнесъ обвелъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ за столомъ и не безъ удовольствія замѣтилъ, что на лицахъ ихъ выразилось удивленіе, смѣшанное съ любопытствомъ.

— Ну, это будетъ, должно быть, не такъ скоро,—произнесла Эсеирь съ улыбкой.

— Это будетъ весьма и очень скоро,—серіозно отвѣтилъ Брайнесъ.—И дѣла не люблю откладывать, это извѣстно всѣмъ... Мой вамъ совѣтъ,—окончилъ онъ съ улыбкой,—начните немедленно готовиться въ путь...

На лицѣ Эсеири выразилась тревога, она даже чуть-чуть поблѣднѣла.

— Но если я не захочу уѣхать отсюда?—произнесла она съ легкою дрожью въ голосѣ: она поняла, что разговоръ теряетъ прежнюю шутиливую сторону и становится серіознымъ.

— И какъ еще захотите... Впрочемъ, мы васъ и спрашивать не будемъ... Не правда ли, ребъ Пинхось?—перевелъ онъ глаза съ дочери на отца.—Вы, надѣюсь, ничего не имѣете противъ переѣзда вапей дочери въ Петербургъ?

— Смотря, при какихъ обстоятельствахъ это случится,—отвѣтилъ Местрегеръ, застигнутый врасплохъ и рѣшительно не понимавшій, въ чемъ дѣло.—Впрочемъ, я такъ думаю, что вы шутите, Аркадій Павловичъ.

— Нѣтъ, не шучу, и послѣ обѣда мы съ вами объ этомъ подробно и серіозно переговоримъ.

Эффектъ за столомъ отъ послѣднихъ словъ Брайнеса вышелъ чрезвычайный. Кромѣ старой Годе и Натана, слова его всѣхъ взволновали. На лицѣ m-me Местрегеръ выразилась тревога; Эсеирь стала блѣднѣе полотна, поблѣднѣлъ и Михель Магидъ. Какъ-то особенно серіозенъ и молчаливъ сталъ ребъ Пинхось. Что дѣло идетъ о замужествѣ Эсеири, догадались всѣ, въ томъ числѣ и сама Эсеирь. Но разспрашивать Брайнеса никто не сталъ, такъ какъ Брайнесъ категорически заявилъ, что переговорить объ этомъ съ ребъ Пинхосомъ послѣ обѣда. А между тѣмъ виновникъ этого

переполоха, словно наслаждаясь произведеннымъ эффектомъ, самодовольно улыбаясь, подперъ свой жирный подбородокъ обѣими руками на столѣ, такъ что голова его приняла наклоненное въ правую сторону положеніе, и тоже упорно молчалъ. Когда же онъ остановилъ свой взглядъ на Эсеири и замѣтилъ ея страшную блѣдность, онъ мягко, словно воркующе, произнесъ:

— А вѣдь вижу по лицу твоему, милая дочь моя, что сгораешь любопытствомъ узнать, въ чемъ дѣло... Но имѣй чуточку терпѣнья, скоро все разъяснится.

Если раньше и было еще нѣкоторое сомнѣніе насчетъ истиннаго значенія словъ Брайнеса, то теперь, послѣ его обращенія къ Эсеири на «ты» и послѣ того, какъ онъ назвалъ ее милою дочерью, — ужъ не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ о ея замужествѣ, и что Брайнесъ прочитъ ее въ жены своему единственному сыну.

С. Литвинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФА Е. О. КОМАРОВСКАГО¹⁾.

Х.

Жизнь въ Житомирѣ.— М. И. Комбурлей.— Графъ Ильинскій.— Провѣдь черезъ Житомиръ великой княгини Екзтерины Павловны.— Софьевка графини Потоцкой.— Казнь Ржевусскаго.— Вердичевская ярмарка.— Доносеніе государю объ исполненіи возложеннаго порученія.— Орденъ св. Владиміра и новое порученіе.— Городище.— Смерть сыновей.— Переселеніе въ Орелъ.— Визитъ въ Курскъ къ Нелидовымъ.— Коронная ярмарка.— Исполненіе возложеннаго порученія и возвращеніе въ Поторбургъ.— Князь Горчаковъ.— Назначеніе командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.— Производство въ генералъ-лейтенанты.— Посѣщеніе государемъ Варшавы.— Смерть сестры.— Приобрѣтеніе Охтенской суконной фабрики.— Смерть А. Н. Астафьева.— Наводненіе 1824 года.— Помощь пострадавшимъ государя Александра I.

ХИЗНЬ НАША въ Житомирѣ была довольно пріятна, и мы обязаны были въ томъ Михаилу Ивановичу Комбурлею и женѣ его Аннѣ Андреевнѣ; они всѣ средства употребляли, чтобы доставлять намъ всякаго рода удовольствія, и мы ежедневно почти были въѣсть. Комбурлей, по женѣ и по себѣ, былъ очень богатъ и умѣлъ пользоваться своимъ богатствомъ. Овъ жилъ прекрасно, поступалъ и дѣйствовалъ вообще, какъ прилично было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда во вѣрненной ему губерніи былъ театръ войны. Всѣ подати и повинности взимаемы были, какъ слѣдуетъ, и буй-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXX, стр. 43.

ныхъ поляковъ умѣлъ держать въ порядкѣ. Комбурлей наконецъ управлять Волынской губерніею на правахъ генераль-губернатора; его погубили, и М. Н. Комбурлей умеръ, находясь подъ судомъ правительствующаго сената. Желая отвратить всякое подозрѣніе въ притѣсненіяхъ, которое бы могло возникнуть на назначенныхъ мною военныхъ приѣмщиковъ лошадей, я отнесся къ губернскимъ маршаламъ обѣихъ губерній, чтобы они изъ дворянъ, въ видѣ депутатовъ, опредѣлили по одному къ каждому военному приѣмщику. Волынской губерніи маршалъ отнесся ко мнѣ, что ко всѣмъ военнымъ приѣмщикамъ, по желанію моему, депутаты изъ дворянъ опредѣлены, и приложилъ именной имъ списокъ, но все дворянство просить, чтобы къ подполковнику Макарову депутата не назначать, ибо они увѣрены въ совершенной его честности и безпристрастіи. Общество наше нѣсколько оживилось въ Житомирѣ, когда пришли туда ополченія: Нижегородское, Пензенское и Рязанское, всѣ подъ командою графа П. А. Толстого. П. Ф. Козловъ командовалъ полкомъ конныхъ ратниковъ Нижегородскихъ и жилъ у насъ въ домѣ. Начальниками ополченій были: Нижегородскаго — генераль-маіоръ Муромцевъ, Пензенскаго — генераль-маіоръ Титовъ, а Рязанскаго — генераль-маіоръ Измайловъ. Графъ Ильинскій пригласилъ насъ въ свое помѣстье Романово, которое назвалъ Романиува по великолѣпнымъ убранствамъ всякаго рода, которыя онъ большими деньгами пріобрѣлъ въ Петербургѣ, дабы украсить сіе мѣсто своего пребыванія. Насъ поѣхало въ Романово: М. Н. Комбурлей съ женой и свояченицей своей Рахмановой, жена подполковника Макарова, одна дѣвица Емельянова и я съ моею женой. Мы нашли каменный домъ преогромный, а хозяинъ насъ увѣрялъ, что это одинъ изъ флигелей будущаго замка. Комнаты внутри превысокія, наполненныя множествомъ зеркаловъ, и, большею частію, изъ цѣльныхъ стеколъ. Вездѣ видно было множество бронзъ; въ одной комнатѣ мѣмель, обитая шелковой французской матеріей, по словамъ графа Ильинскаго, изъ маленькаго Трианона, принадлежавшая королевѣ Маріи-Антуанетѣ. Словомъ домъ его скорѣе похожъ былъ на магазинъ, нежели на принадлежащій частному человѣку. Мы пріѣхали къ позднему обѣду, послѣ котораго хозяинъ отвелъ дамъ въ назначенныя для нихъ комнаты и спросилъ у нихъ, что имъ угодно: чтобы ввечеру была музыка, или театръ? Дамы отдали на его произволъ. Въ восемь часовъ вечера всѣ гости приглашены были на чай. Жена моя чрезвычайно была удивлена, увидя даму, наряженную въ шелковое платье съ хвостомъ и перьями на головѣ, которой лицо ей казалось очень знакомо; это была madame Crae. Она торговала въ Петербургѣ дамскими головными уборами ¹⁾. Графъ Ильинскій ее представилъ потомъ Аннѣ Андреевнѣ Комбурлей и

¹⁾ Магазины ея были подъ выѣской: Au temple du bon goût.

моей женѣ, какъ хозяйку его дома. Въ большой залѣ заиграла ро- говая музыка, и мы всѣ пошли ее слушать съ большимъ удоволь- ствіемъ. На другой день мы были угощены оперой и балетомъ. Графъ Ильинскій выписывалъ изъ Одессы итальянскихъ пѣвцовъ и балетмейстера, и одна изъ его актрисъ имѣла превосходный го- лосъ, равно какъ было и нѣсколько танцовщицъ весьма порядоч- ныхъ. Костюмы были пребогатые, но мы видѣли сихъ несчастныхъ послѣ спектакля почти въ рубищахъ. За нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ учредилъ въ Романовѣ институтъ глухонѣмыхъ, и за сіе филантропическое заведеніе, по представленію мѣстнаго начальства, графъ Ильинскій получилъ орденъ св. Владиміра 1-го класса. Мы видѣли зданіе, въ которомъ должно было быть институту, безъ сте- колъ и въ совершенномъ разрушеніи. Выписанный имъ изъ Вѣны учитель для сего предмета жилъ безъ всякой должности и по кон- тракту не получалъ даже жалованья. Графъ Ильинскій весьма на- боженъ; мы нашли у него одного изъ іезуитовъ, бывшихъ въ Пе- тербургѣ. Домовая его церковь отдѣлана съ величайшимъ вкусомъ и богатствомъ, равно ризница и вся утварь церковная превелико- лѣпныя. Въ комнатахъ служилъ человѣкъ, чрезвычайно богато одѣ- тый арнаутомъ. Въ день нашего отъѣзда онъ пришелъ просить Хри- ста ради ко всѣмъ намъ дать ему денегъ, говоря:

— Не судите по блестящему моему платью, — оно господское, я его только надѣваю, когда гости, а самому мнѣ почти ѣсть нечего.

Такъ во всемъ у графа Ильинскаго видны были роскошь и тща- славіе подлѣ скупости и нищеты.

Черезъ г. Житомиръ проѣзжала тогда великая княгиня Екате- рина Павловна, на пути своемъ къ минеральнымъ водамъ за гра- ницу, послѣ кончины супруга ея принца Георгія Ольденбургскаго. Здоровье ея высочества весьма было въ то время разстроено отъ сей потери; у нея безпрестанно дѣлались обморочные припадки.

Мы любопытны были видѣть, извѣстный по описанію въ сти- хахъ однимъ лучшимъ польскимъ поэтомъ, славный садъ, называе- мый Софьевка. То же самое общество, которое было въ Романовѣ, отправилось въ путь, кромѣ М. Н. Комбурлея, поелику сей садъ находился въ Кіевской губерніи. Софьевка находится подлѣ мѣ- стечка Умань, принадлежавшаго графу Станиславу Потоцкому, пер- вѣйшему богачу бывшей Польши. Мы нашли въ Умани героиню и тогдашнюю помѣщицу Софьевки, графиню Потоцкую, бывшую гра- финю Виттъ. Тамъ находился такъ же князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Онъ назначенъ былъ государемъ председателемъ комис- сіи, учрежденной по случаю существовавшей тогда чумы въ тѣхъ губерніяхъ. Хозяйка сама намъ показывала сей прелестный садъ; онъ расположенъ въ оврагѣ, а потому аллеи устроены въ три этажа; богатство водъ удивительное; при самомъ въѣздѣ, на большомъ прудѣ, бьетъ фонтанъ не ниже Сампсона, что въ Петергофѣ; нѣ-

сколько каскадь падаютъ съ высокихъ скалъ, а всего примѣчательнѣе это подъемный каналъ. На довольно большомъ разстояніи, гуляя по саду, онъ вовсе не примѣтенъ, ибо на поверхности посажены деревья и сдѣланы дорожки, только видны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдушины для доставленія свѣта и воздуха въ подъемный каналъ, по которому мы ѣздили въ большой лодкѣ. Въ концѣ канала устроенъ резервуаръ, который помощью насосовъ наполняется водою, и лодка поднимается до поверхности воды, находящейся въ большомъ прудѣ; тогда отворяются ворота, и лодка входитъ въ тотъ прудъ. Сей механизмъ похожъ на устроенный въ Вышнемъ Волочкѣ для поднятія барокъ въ каналъ. Въ семъ саду находится множество рѣдкихъ растений, которыя видны только въ самыхъ жаркихъ климатахъ. Въ то время случился въ Умани отставной, прежней польской службы поручикъ, Мецель, основатель и учредитель Софьевки; онъ имѣетъ большія познанія въ гидравликѣ. Мецель рассказывалъ мнѣ, что, находясь при графѣ Потоцкомъ, который былъ главнымъ командиромъ всей польской артиллеріи, онъ пріѣхалъ однажды съ графомъ въ Умань, гдѣ они и пошли съ ружьями на охоту; войдя случайно въ сей оврагъ и видя множество источниковъ воды, графъ Потоцкій, остановясь, сказалъ Мецелю:

— Нельзя ли сдѣлать изъ сего оврага гулянье? Мнѣ хочется подарить его моей женѣ и назвать ея именемъ; чтобы издержки тебя не останавливали, я готовъ все, что ни потребуешь, на оное употребить, только чтобы Софьевка была изъ первыхъ садовъ въ Европѣ.

Имѣвши въ распоряженіи своемъ такіе неограниченные способы, Мецель хотѣлъ и свое имя сдѣлать извѣстнымъ. Выписавъ лучшаго изъ чужихъ краевъ садовника, принялись за работу, на которой, по словамъ Мецеля, нѣсколько лѣтъ находилось по 800 человекъ каждый день и ассигнованы были на издержки доходы со всего староства Уманскаго, въ которомъ находилось нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ. Мы провели три дня въ Умани и были какъ нельзя лучше угощаемы графинею Потоцкою.

По возвращеніи нашемъ въ Житомиръ, полковникъ Зелепуга, командовавшій тогда Житомирскимъ баталіономъ внутренней стражи, представилъ мнѣ при рапортѣ предписаніе главнокомандующаго арміею адмирала Чичагова, чтобы разстрѣлать доставленнаго къ полковнику Зелепугѣ измѣнника Ржевусскаго, бывшаго смотрителемъ провіантскихъ нашихъ магазиновъ, которые онъ передалъ непріятелю. Сіе произвело большое волненіе между поляками, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько времени предъ тѣмъ полученъ былъ милостивый манифестъ государевъ, которымъ дарована была амнистія въ неважныхъ случаяхъ. Многіе изъ поляковъ обратились ко мнѣ съ просьбами, хотѣли послать эстафету къ государю и чтобы экзекуція отсрочена была до полученія рѣшенія. Я отвѣчалъ имъ, что

сіе до меня вовсе не касается, что полковникъ Зеленуга знаетъ, чѣму онъ можетъ себя подвергнуть, не приведя въ исполненіе предписанія главнокомандующаго арміею. Въ назначенный день для экзекуціи, сверхъ Житомирскаго баталіона, которому я приказалъ всему зарядить ружья пулями, приведены были по моему распоряженію три запасные эскадрона для сохраненія порядка. Когда поляки увидѣли такую военную силу, ничего предпринять не осмѣлились; Ржевусскій былъ разстрѣленъ безъ всякаго со стороны ихъ помѣшательства. Однако же поляки послѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыто было тѣло разстрѣяннаго Ржевусскаго, поставили памятникъ.

Мы ѣздили на славную Бердичевскую ярмарку, гдѣ бываетъ большой съѣздъ купцовъ съ товарами изъ-за границы, и поляки пріѣзжаютъ изъ всѣхъ губерній, принадлежавшихъ прежде Польшѣ; особливо сія ярмарка знаменита великимъ множествомъ лошадей, на оную приводимыхъ со всѣхъ нашихъ южныхъ губерній, и ремонтеры не только русскіе, но австрійскіе, прусскіе и другихъ государствъ пріѣзжаютъ покупать сюда лошадей. Мы были приглашены на обѣдъ къ князю Радзивилу, бердичевскому помѣщику. Сіе мѣстечко ему приносило ежегоднаго дохода до 25.000 червонцевъ.

Собравши до 13.000 лошадей съ Волынской и Подольской губерній, изъ которыхъ въ сложности обошлась казнѣ съ небольшимъ въ 25 рублей каждая лошадь съ мѣстнымъ и путевымъ удовольствіемъ, и получивши квитанціи въ пріемъ оныхъ отъ генерала Кологривова, бывшаго тогда въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, я отправилъ съ отчетомъ въ Петербургъ подполковника Макарова, а подпоручика Умцакаго съ донесеніемъ послать къ государю въ армію о совершенномъ окончаніи возложеннаго на меня порученія, прося позволенія пріѣхать въ главную квартиру его величества. Посланный мой къ государю привезъ высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ графомъ Аракчеевымъ, что его величество очень доволенъ исполненіемъ возложеннаго на меня порученія и жалуется меня за оное, при весьма милостивомъ рескриптѣ, кавалеромъ ордена св. Владиміра 2-й степени большаго креста; при томъ возлагать на меня изволить другое порученіе, по манифесту объ общемъ рекрутскомъ наборѣ, отъ 21-го августа 1813 года обнародованному, коимъ предоставлено на волю 22-хъ губерній, обязанныхъ рекрутскою повинностію, поставлять вмѣсто людей лошадьми, то и сей сборъ лошадей и отправленія ихъ въ кавалерійскіе резервы должны находиться подъ моимъ распоряженіемъ. Графъ Аракчеевъ присовокупляетъ, по волѣ государя, что сіе порученіе гораздо полезнѣе для службы императора и отечества, нежели пребываніе мое въ главной квартирѣ. Мнѣ предоставлено было на волю выбрать мѣсто моего пребыванія, которое бы находилось въ центрѣ губерній, въ коихъ, по назначенію комитета гг. министровъ, сборъ лошадей долженъ быть производимъ. Губерніи Курская и Орловская одинаково на-

ходился по сему назначенію центральнымъ. Я избралъ послѣднюю. Получивъ сіе новое порученіе, я немедленно съ женою моею изъ Митеніра отправился въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1813 года въ Городище, въ ожиданіи послѣдующихъ распоряженій, которыя возложены были на комитетъ гг. министровъ и на предсѣдательствующаго оный, князя Н. И. Салтыкова. Я увѣдомилъ о мѣстѣ моего пребыванія князя Горчакова. Въ теченіе сего времени мы нѣмѣли несчастье лишиться двухъ сыновей, Александра и Владиміра, отъ бывшей тогда въ Петербургѣ повальной болѣзни на дѣтихъ, крупа; а равноиѣрно мы огорчены были потерей м-ше Аннѣ, которая умерла отъ водяной болѣзни. Не найдя въ г-нѣ Плассе человѣка, способнаго къ воспитанію, мы его отказали, а сына нашего Егора отдали въ ниститутъ Іезуитовъ. Подполковникъ Макаровъ привезъ мнѣ въ Городище всѣ дополнителныя распоряженія касательно новой моей операціи. Я переѣхалъ тогда въ г. Орелъ, назначивъ три пункта, черезъ которые должны были проводиться партіи лошадей; въ одномъ изъ нихъ я самъ находился, а въ другіе два отрядилъ надежныхъ чиновниковъ. Военныхъ пріемщиковъ, при рекрутскихъ наборахъ находящихся, снабдилъ я самыми строгими и подробными инструкціями. По положенію комитета гг. министровъ назначено было за одного рекрута взимать или по 4 кирасирскихъ, или по 6-ти драгунскихъ, или по 7-ми гусарскихъ или уланскихъ лошадей. По приглашенію меня бывшимъ тогда курскимъ губернаторомъ А. И. Нелидовымъ, я поѣхалъ зимою съ женою моею къ нему погостить. На границѣ губерніи мы встрѣчены были чиновникомъ. Въ Курскъ мы пріѣхали поудно вечеромъ; у заставы насъ дождался полицейскій офицеръ, который проводилъ въ назначенный для насъ домъ; мы нашли его освѣщеннымъ, и нѣсколько офицантовъ, весьма хорошо одѣтыхъ, для нашей услуги, потчевали насъ чаемъ, потомъ прекраснымъ ужиномъ. Я никогда не забуду того пріема и тѣхъ обязательныхъ привѣтствій и ласкъ, которыя намъ оказали въ Курскѣ во время шестидневнаго тамъ нашего пребыванія Софья Оедоровна и Аркадій Ивановичъ Нелидовы; они во все это время озабочены были только тѣмъ, чтобы доставить намъ всякаго рода удовольствія: спектакль, очень порядочный, нѣсколько баловъ,—словомъ ничего не было упущено ими для угощенія насъ самымъ лучшимъ и пріятнымъ образомъ.

Въ Орлѣ мы жили тоже довольно пріятно, но я простудился и получилъ жесточайшій кашель, который продолжался нѣсколько недѣль.

Въ слѣдующее лѣто мы ѣздили въ Коренную ярмарку; она бываетъ въ девятую пятницу послѣ святой недѣли. Къ сему дню изъ Курска въ монастырь, гдѣ бываетъ ярмарка, разстояніемъ до 30-ти верстъ, переносятъ чудотворную икону Курской Божіей Матери. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого множества народа, вмѣстѣ

соединившагося изъ разныхъ странъ Россіи, какъ при перенесеніи сей чудотворной иконы. Вокругъ нея несутъ нѣсколько превеликихъ фонарей на длинныхъ палкахъ; всякому хочется хотя дотронуться, если не удастся быть въ числѣ несущихъ, до сихъ палокъ. Сія приверженность народа къ священной сей процессіи и теплая его вѣра къ чудотворной иконѣ можетъ почтена быть совершеннымъ торжествомъ нашей религіи. Курскій гражданскій губернаторъ долженъ впереди сей процессіи ѣхать верхомъ во всю дорогу. Икону вносятъ прямо въ церковь монастыря; она тамъ обыкновенно остается до сентября мѣсяца, а потомъ опять переносятъ ее въ Курскъ. Мѣстоположеніе монастыря прелестное. Онъ стоитъ на превысокой горѣ, внизу течетъ рѣка, на противоположащемъ берегу видны на большомъ пространствѣ луга, лѣса и селенія. Коренная ярмарка считается въ Россіи второю; ея гостинный дворъ преобширный, весь каменный и прекрасной архитектуры. Намъ опять случилось на ярмаркѣ увидѣться съ Софьею Ѳеодоровною и Аркадіемъ Ивановичемъ Нелидовыми. Стеченіе покупателей и купцовъ было тотъ годъ премногочисленное. При семъ случаѣ были публичные театрѣ и балы, и мы провели тамъ время очень весело.

Второе порученіе было для меня гораздо затруднительнѣе и хлопотливѣе перваго, которое находилось, такъ сказать, у меня подъ руками: я видѣлъ всякую лошадь, принятую моими пріемщиками, которыхъ я всѣхъ зналъ лично. Во второй операціи, хотя вся отвѣтственность возложена была на баталіонныхъ командировъ, бригадныхъ начальниковъ и окружныхъ генераловъ, гдѣ они находились, состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ; но все я не могъ быть совершенно увѣренъ, чтобы въ 22-хъ губерніяхъ соблюдена была строгая справедливость и непоколебимое безпристрастіе; въ послѣдствіи и открылось, что нѣкоторые баталіонные командиры за злоупотребленіе подверглись военному суду. Изъ полученныхъ мною квитанцій отъ генерала Кологривова было видно, что поступило въ кавалерійскіе резервы до 40 тысячъ лошадей, и по такому большому количеству оказалось не слишкомъ много къ службѣ не способныхъ, которыхъ впрочемъ могли прійти въ сіе состояніе и отъ дальняго пути, которыхъ лошади сіи должны были сдѣлать. Такимъ образомъ окончилось и второе порученіе, на меня возложенное.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1814 года, я съ женою моею возвратился въ Петербургъ. Государь находился тогда на конгрессѣ въ Вѣнѣ. По возвращеніи императора въ Петербургъ, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, не предваривъ меня, сдѣлать о мнѣ докладъ къ генералъ-лейтенантскому чину, основываясь на томъ, что представленные мною отчеты по послѣдней операціи найдены въ совершенномъ порядкѣ, и что вообще вся она произведена была весьма успѣшно. Къ несчастію моему, государь былъ недоволенъ княземъ Горчаковымъ, и докладъ его обо мнѣ возвращенъ былъ съ замѣчаніемъ, что

его величество предоставляет одному себѣ цѣнить службу своего генералъ-адъютанта, а не другому кому. Оъ небольшимъ черезъ годъ потомъ, а именно 7-го февраля 1816 года, вышло образованіе дежурства главнаго штаба его императорскаго величества; въ сѣмъ образованіи внутренняя стража получила названіе отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, и я назначенъ командиромъ онаго. Князь Горчаковъ по болѣзни отпущенъ былъ въ чужіе края, и я далъ ему своего адъютанта, графа Кошкуча. Князь былъ со мной въ безпрестанной перепискѣ. По возвращеніи его, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Петербургъ, болѣзнь его усилилась, и онъ скоро умеръ. Послѣ смерти его, по нѣкоторымъ подрядамъ провіанта для арміи, найдены были упущенія, и онъ преданъ былъ суду: случай весьма необыкновенный, чтобы мертвато судить; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ онъ былъ оправданъ. 30-го августа 1816 года, я произведенъ былъ, какъ сказано въ приказѣ, за отличіе по службѣ въ генералъ-лейтенанты, пробывъ безъ двухъ мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней 17 лѣтъ въ генералъ-маіорскомъ чинѣ. У императора Александра принято было за правило, чтобы въ генеральскихъ чинахъ не производить по старшинству, а за отличіе; отъ сего сколько младшихъ въ чинѣ произведены были прежде меня. Вся моя вина была въ томъ, что я не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣдней кампаніи, но по прихоти ли я сіе дѣлалъ? Не имѣлъ ли я важныхъ и полезныхъ для службы, по словамъ самаго императора, порученій? Однажды, будучи наединѣ съ государемъ, я далъ почувствовать его величеству, какъ много я потерялъ по службѣ тѣмъ, что не находился въ арміи, что не могу даже участвовать въ празднествахъ, учрежденныхъ для воспоминанія незабвенныхъ военныхъ подвиговъ нашей арміи, каковы суть Лейпцигская баталія, входъ въ Парижъ, и проч., и лишентъ права носить медаль 1812 года, которою украшены почти всѣ, имѣющіе военный мундиръ. На сіе императоръ мнѣ отвѣчалъ:

— Что дѣлать; это зависитъ отъ обстоятельствъ, ноты себя ничѣмъ упрекнуть не можешь ¹⁾.

До 1819 года я безвыѣздно изъ Петербурга занимался устройствомъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, а съ сего года я началъ дѣлать мои инспекціи.

Въ половинѣ лѣта государь поѣхалъ въ Варшаву, куда позволилъ и мнѣ такъ же прибыть. Осмотрѣвъ Псковскій, Митавскій, Виленскій, Гродненскій и Бѣлостокскій баталіоны, я пріѣхалъ въ Варшаву прежде императора. Подалъ его высочеству, цесаревичу, рапортъ о состояніи командуемаго мною корпуса, чѣмъ великій князь

¹⁾ 1-го іюля 1814 года, въ день бракосочетанія нынѣ царствующаго государя императора Николая I-го, жена моя графиня Елизавета Егоровна пожалована была дамою меньшаго креста ордена св. великомученицы Екатерины.

былъ очень доволенъ. Вся польская армія собрана была въ окрестностяхъ Варшавы. Государь дѣлалъ оной смотръ по полкамъ, потому они маневрировали. Удивительно было видѣть, до какого совершенства во всѣхъ своихъ движеніяхъ сія армія доведена была великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и въ такое короткое время. Самъ городъ Варшава, по словамъ знавшихъ оный прежде, много былъ украшенъ: Дворецъ, въ видѣ замка, довольно обширный, стоитъ на утесѣ превысокаго берега рѣки Вислы; видъ изъ онаго прекрасный. Въ большой залѣ онаго, въ медаліонахъ, находятся портреты всѣхъ польскихъ королей. Въ кабинетѣ послѣдняго короля Станислава видны портреты современныхъ ему государей, какъ-то: императрицы Екатерины, императора Іосифа II, французскаго короля Людовика XVI, англійскаго Георга III, прусскаго Фридриха II и папы. Лежащее на противоположномъ берегу рѣки Вислы, предмѣстье Прага, имѣвшее доселѣ значительныя укрѣпленія, находится въ томъ же положеніи, какъ его оставилъ Суворовъ послѣ славнаго своего штурма. Варшавскій дворъ довольно великолѣпенъ, много придворныхъ чиновъ составляютъ оный. У государя нѣсколько было большихъ столовъ. Я находился на званныхъ обѣдахъ: у Заіончика, графа Замойскаго и другихъ первыхъ чиновъ Польскаго царства. Н. Н. Новосильцевъ давалъ премноголюдный балъ, который удостоенъ былъ посѣщеніемъ государя и цесаревича. Большую часть моего времени въ Варшавѣ я проводилъ у Н. Н. Веревкина, бывшаго послѣ московскимъ комендантомъ; онъ командовалъ тогда гвардейскою пѣхотною бригадою. Н. Н. меня ознакомилъ со всѣми варшавскими окрестностями; онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, равно и жена его Аграфена Ѳеодоровна. Я къ нимъ обоимъ сохранилъ чувства признательности за ихъ ко мнѣ пріятельность и ласковый пріемъ.

Я выѣхалъ изъ Варшавы на другой день послѣ отбытія изъ оной императора. На возвратномъ пути въ Петербургъ я осматривалъ: Минскій, Могилевскій и Витебскій баталіоны. Съ сего времени жизнь моя была единообразна. Каждое почти лѣто я осматривалъ нѣсколько баталіоновъ и дѣлалъ по нѣсколько тысячъ верстъ. Всякій разъ я отдавалъ лично государю отчетъ о всемъ, что я видѣлъ, кромѣ установленнаго по формѣ донесенія объ инспекторскихъ смотрахъ. Хотя должность моя была весьма хлопотлива, но она доставила мнѣ случай ознакомиться почти со всей Россіей, не выключая и знойной Астрахани, кромѣ Сибири и Грузіи ¹⁾. Особливо вояжъ мой по всему Крыму и по южному онаго берегу оставилъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Я сохранилъ всѣ мои маршруты, и любопытные могутъ оныя видѣть.

¹⁾ Я совершилъ въ 8 лѣтъ до 82 т. верстъ.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

1821 года, марта 16, скончалась сестра моя Анна Федотовна; сія потеря была для меня весьма чувствительна; она въ молодости моею имѣла о мнѣ самыя нѣжныя попеченія и раздѣляла свою привязанность между всѣмъ моимъ семействомъ ¹⁾).

Я намѣренъ здѣсь упомянуть о сдѣланномъ мною приобрѣтеніи Охтенской суконной фабрики въ 1822 году. Сопровождавшія обстоятельства при покупкѣ сего огромнаго заведенія, которое должноствовало или совсѣмъ меня разорить или составить мою fortuna, были слѣдующія: случайно ѣздя въ осматривать сію фабрику, принадлежавшую тогда барону Раю. Вышедъ на оной директоръ Гильо, родомъ изъ Вербье, видя, что я съ любопытствомъ входилъ во всѣ подробности сего заведенія, ибо я уже имѣлъ небольшую суконную фабрику въ селѣ Городищѣ, по окончаніи мною осмотра фабрики, вдругъ предлагаетъ мнѣ купить оную, говоря, что я могу приобрѣсти ее на весьма выгодныхъ кондиціяхъ, что дѣла барона Раля пришли въ великое разстройство, и что жаль будетъ, если такое заведеніе, которое можетъ быть первымъ въ Россіи, придетъ въ совершенный упадокъ. Я ему отвѣчалъ, что не имѣю ни малѣйшихъ средствъ сдѣлать такую большую покупку. Гильо просилъ позволенія на другой день ко мнѣ пріѣхать, на что я согласился; онъ привозитъ составленное имъ исчисленіе, изъ котораго представлялись великіе барыши. Я его отпустилъ съ прежнимъ отвѣтомъ. На другой день мнѣ случилось быть дежурнымъ при государѣ. Послѣ обѣда пріѣзжаетъ съ докладомъ къ императору министръ финансовъ графъ Гурьевъ. Мануфактуры и внутренняя торговля уже составляли часть его министерства, и графъ Гурьевъ былъ тогда большой покровитель фабрикамъ. Я въ разговорѣ ему сказалъ, что былъ на Ралевской суконной фабрикѣ, и о сдѣланномъ мнѣ предложеніи, присовокупя къ тому, что я въ помышленіи не имѣю, чтобы фабрику купить, ибо не имѣю никакой къ тому возможности. Графъ Гурьевъ вдругъ сталъ меня уговаривать сдѣлать сіе приобрѣтеніе, увѣряя меня, что онъ доставитъ мнѣ всѣ возможные къ тому способы, что фабрика по разстроеннымъ дѣламъ Раля неминуемо придетъ въ совершенный упадокъ, въ то время когда она должна быть образцовою въ Россіи, что онъ завтра увидится съ Ралемъ и будетъ посредникомъ между мною и имъ. Я признаюсь, что сіе нѣсколько меня поколебало, и я отдался на волю графа Гурьева. Выходя послѣ доклада отъ государя, онъ мнѣ сказалъ:

— Его величество очень доволенъ вашимъ намѣреніемъ купить у Раля фабрику.

¹⁾ 30-го августа, того же года, въ день тезоименитства государя императора, старшая дочь моя, графиня Анна Евграфовна, пожалована во фрейлины. Сіе тѣмъ пріятнѣе для насъ было, что, по молодости своихъ лѣтъ, она не была еще представлена ко двору. Примѣръ довольно тогда рѣдкій.

На другой день императоръ мнѣ сказать изволилъ:

— Я слышалъ отъ Гурьева о намѣреніи твоёмъ купить суконную фабрику у Раля, мнѣ это весьма пріятно. Пора намъ обратить вниманіе на сію важную часть и не платить столько денегъ иностранцамъ; суди, какимъ это будетъ служить поощреніемъ для прочихъ, когда увидятъ, что приближенная ко мнѣ особа, мой генераль-адъютантъ, занимается мануфактурной частью, а о пособіяхъ ты не сомнѣвайся.

Что мнѣ оставалось послѣ сего дѣлать? Я рѣшился и положился на промыслъ Всевышняго. Дѣйствительно я получилъ въслѣдствіи отъ императора Александра 200 тысячъ¹⁾ и отъ нынѣ царствующаго государя 100 тысячъ рублей въ пособіе для моей Охтенской суконной фабрики. Между тѣмъ, года черезъ два директоръ фабрики Гильо умираетъ. Я думаю, что съ его смертью совершенно разорился. Всевышнему Создателю благоугодно было устроить это со-всѣмъ иначе. При жизни еще Гильо, я, видя его небрежливость и даже расточительность по экономической части, просилъ племянника моего, Романа Сергѣевича Шуленикова, принять оную на себя, но онъ не могъ дѣйствовать, какъ бы хотѣлъ, при жизни Гильо. По-слѣдствіе ясно удостовѣрило, что если бы Гильо былъ живъ, то тогда бы мое разореніе было неминуемо, и смерть его была, такъ сказать, благодѣяніемъ отъ Бога для моей фабрики.

По смерти Гильо, Романъ Сергѣевичъ въ особенное и въ незабвенное для меня одолженіе, принявъ фабрику въ полное свое управленіе и переѣхалъ жить на оную. Дѣла фабрики все были не въ лучшемъ положеніи, невзирая на неусыпныя попеченія Романа Сергѣевича; сему была причиною искусственная часть. Наконецъ, мы рѣшились принять мѣру, можно сказать, отчаянную; въ 1828-мъ году выписали изъ Англіи всѣхъ лучшихъ мастеровъ для фабрики, а находившихся на оной нидерландцевъ сослали. Сія перемѣна въ-слѣдствіи оказывается для меня спасительною, ибо сукна, на Охтенской моей фабрикѣ выдѣланныя, теперь приобрѣли уже совершенную довѣренность публики и становятся почти на ряду съ лучшими иностранныхъ фабрикъ. На бывшей въ 1829-мъ году выставкѣ въ Петербургѣ російскихъ мануфактурныхъ издѣлій, сукна Охтенской моей фабрики знатоками найдены были лучшими, и я получилъ за оныя золотую медаль большого достоинства. 1823-го года, марта 28-го, я огорченъ было потерю зятя моего А. Н. Астафьева; онъ, какъ видно изъ сихъ записокъ, взялъ меня къ себѣ, какъ круглаго сироту, на восьмомъ году моего рожденія и пекся обо мнѣ, какъ

¹⁾ Сія сумма мнѣ выдана была подъ находящіяся уже въ заемномъ банкѣ мои залоги и, чтобы ихъ болѣе обезпечить, государю угодно было объявить себя по мнѣ порукою.

самый чадолюбивый отецъ. Благодарность моя къ сему первому благотворителю моему сохранится во всю мою жизнь.

1824-го года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Петербургъ подвергся небывалому доселѣ наводненію, я былъ употребленъ дѣятельнымъ образомъ. 8-го числа того мѣсяца, на другой день наводненія, я получаю записку отъ бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба его величества, генераль-адъютанта Дибича, чтобы я въ третьемъ часу послѣ обѣда явился въ комнаты государя. Послѣ меня скоро пріѣхали генераль-адъютанты: Депрерадовичъ и Бенкендорфъ. Намъ позвали немедленно въ кабинетъ императора. Государь намъ сказалъ: — Я призвалъ васъ, господа, чтобы вы подали самую дѣятельную и скорую помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго вчерашняго происшествія, — и у него примѣтны были слезы на глазахъ. — Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія, — и продолжалъ говорить съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были презмѣрно тронуты. — Я назначаю васъ, — присовокупилъ императоръ, — временными военными губернаторами зарѣчныхъ частей города, что вы увидите изъ сегодняшняго приказа. Вотъ вамъ инструкція, наскоро составленная; сердца ваши ее дополнять. Поѣзжайте отсюда къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по 100 тысячъ рублей на первый случай.

Мы вышли изъ кабинета государя, восхищенные тѣмъ, что мы слышали, и сказали:

— Жаль, если разговоръ сей не сохранится для потомства, ибо онъ изобразилъ бы императора Александра таковымъ, каковымъ онъ точно былъ, и послужилъ бы лучшимъ панегирикомъ его небесной души.

Но останется памятникомъ, начертанная собственною его величества рукою, инструкція, государемъ намъ данная, въ коей видна его иѣжная и отеческая попечительность о несчастныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія, и въ коей ничего не упущено было къ услажденію ихъ плачевной участи. Генераль-адъютантъ Депрерадовичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорфъ — на Васильевскій островъ. Мы въ тотъ же вечеръ получили опредѣленную намъ сумму. Мое мѣстопробываніе назначено было въ домъ крѣпостного коменданта, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генераль-губернатору, графу Милорадовичу, которому и должны были дѣлать наши донесенія, но находящаяся мѣстная полиція и квартирующія въ той части города войска состояли подъ нашимъ непосредственнымъ начальствомъ. Между тѣмъ учреждены были и на Адмиралтейской сторонѣ частные комитеты, которыхъ председатели были г.г. сенаторы. Сіи частные комитеты были

подчинены центральному комитету подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Мы также учредили при себѣ комитеты, составленные изъ особъ, наиболѣе пользующихся уваженіемъ обывателей той части города. На другой день моего пріѣзда на Петербургскую сторону, къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова, я поѣхалъ осмотрѣть оную и никакъ не могъ себѣ представить такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно. Всѣ заборы были снесены, всѣ мосты, даже и мостики черезъ канавы, раздѣляющія улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между оными не было. Множество фонарей и нѣсколько будокъ были истреблены водой. По сдѣланному послѣ счету, до 160 барокъ разной величины и нѣсколько галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ всѣ почти обывательскіе дома деревянные и въ одинъ этажъ, кромѣ большого проспекта. Во всѣхъ сихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи, особливо въ слободѣ, называемой Колтовскою; на берегу взморья вода была вышиною слишкомъ на три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоюго пола. Я не зналъ сначала, за что принятыся. Пріѣхавъ въ Колтовскую и увидя множество жителей безъ пріюта и безъ пищи, я приказалъ, на первый случай, кое-какъ ихъ размѣстить по сосѣдямъ и роздалъ лично болѣе нуждающимся до двухъ тысячъ пяти сотъ рублей денегъ.

Призвалъ къ себѣ священниковъ и церковныхъ старостъ и далъ имъ деньги, чтобы, по ихъ усмотрѣнію, они подавали всякій день милостыню самымъ бѣднымъ и нищимъ. Послалъ отыскивать стекольниковъ и печниковъ, но, къ несчастію, такъ какъ это было уже въ глубокую осень и всѣ мастерские разошлись по своимъ деревнямъ, то и посланы были нарочные, чтобы воротить ихъ всѣхъ назадъ, и въ оныхъ не было уже послѣ недостатка. Комитетъ, при мнѣ находящійся, состоялъ изъ шести членовъ: четверо были изъ дворянъ, а двое изъ купцовъ. Петербургская сторона раздѣлена на четыре квартала: 1-й кварталъ порученъ былъ сначала коллежскому асессору Львову, а потомъ Мельяну, 2-й коллежскому совѣтнику Агаѣонову, 3-й купцу Шубину, 4-й купцу же Шульгину. Дѣйствительному статскому совѣтнику Кремковскому поручены были Каменный и Аптекарскій острова, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагода находился въ комитетѣ и получалъ иногда отъ меня особыя порученія. Сверхъ того, въ каждомъ кварталѣ учреждены были особые комитеты, въ которыхъ членами находились извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ изъ мѣщанъ и изъ ремесленниковъ; сіи квартальные комитеты назначены были въ помощь члену частнаго комитета, которому ввѣренъ былъ кварталъ. Изъ обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали въ каждомъ

квартиръ пищу, состоящую въ скромные дни изъ щей съ говядиной, а въ постные изъ кашицы съ снятками, гречневой каши и хлѣба съ солью. При всякомъ изъ сихъ раздавателей пищи находился офицеръ изъ внутренней стражи съ двумя рядовыми для порядка. Сначала раздавалось до 2 тысячъ порцій ежедневной пищи, а когда устроены были въ домахъ бѣдныхъ печи, то отпускали имъ и дрова и муку. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на Петербургской сторонѣ, учреждена была швальня, въ которой шили армяки, тулупы, и раздавалась и прочая одежда и обувь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Симъ завѣдывалъ баталіонный командиръ полковникъ Елистратовъ. Строительная часть поручена была находившемуся при штабѣ моемъ квартирмейстерской части поручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской сторонѣ. Восстановленіе фонарей, будокъ и заборовъ возложено было на бывшаго при мнѣ по особымъ порученіямъ, майора Кальчевскаго. Канцелярію мою управлялъ дежурный штабъ-офицеръ Репешко; равно и адъютанты мои: Жеребцовъ, графъ Толстой и Воронковскій, были употреблены по разнымъ предметамъ. Обязанность членовъ комитетовъ была всякій день, по утру, обходить кварталы и во всякомъ домѣ осмотрѣть поврежденіе, сдѣланное водою, и войти въ положеніе хозяина дома и находящихся въ ономъ жильцовъ и, соразмѣрно потерѣ ихъ, назначить вспомошествованіе, сначала самое нужное, ибо сіе вспомошествованіе возобновлялись нѣсколько разъ, сообразно суммѣ, находившейся въ распоряженіи комитета. Всякое послѣ-обѣда всѣ члены собирались у меня, и мы въ общемъ засѣданіи рассматривали представленные членами комитета списки и назначали денежные пособія, которые члены получали подъ свои росписки тотчасъ, и на другой день раздавали по принадлежности, и такимъ образомъ это повторялось каждый день. Мнѣ казалось, что сей былъ самый скорѣйшій способъ, чтобы доставлять пособія. На третій день (т. е. 10-го ноября) моего пребыванія на Петербургской сторонѣ посѣтилъ меня государь. Наканунѣ того дня присланы были дрожки въ одну лошадь съ кучеромъ съ императорской конюшни, чтобы находиться въ нанятой у самого перевоза квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ рассказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ, по Петергофской дорогѣ, находился казенный литейный чугунный заводъ; оный стоялъ на самомъ взморьѣ; деревянныя казармы были построены для жительства рабочихъ людей, принадлежащихъ заводу. Въ 9 часовъ утра, 7-го ноября, вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать, ударили въ колоколъ, чтобы распустить съ работы людей; всѣ бросились къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно; вода съ такою скоростію прибыла, что симъ несчастнымъ невозможно уже было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и

дѣти; и вдругъ большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе сихъ бѣдныхъ людей, видящихъ погибающими ихъ семейства и не имѣющихъ способа подать имъ ни малѣйшей помощи! Примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, рассказывая о семъ ужаснѣйшемъ происшествіи, и присовокупить изволилъ:

— Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ мѣста послѣ баталій, покрытыя бездушными трупами, слышалъ стоны раненыхъ, но это неизбежный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; сіе ни съ чѣмъ не можетъ сравниться.

Потомъ государь сѣлъ на дрожки, и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ; государю хотѣлось видѣть второй кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ рѣки Невы, то все парадное мѣсто корпуса покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ пагу впередъ сдѣлать было невозможно. Между тѣмъ императоръ у меня разспрашивалъ; что я успѣлъ сдѣлать въ сіе короткое время и, кажется, отчетомъ моимъ былъ доволенъ. Его величество приказалъ, чтобы я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ кое-какъ мы пробрались на Каменноостровскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле огородовъ, и могли доѣхать только до Карповки, ибо мостъ черезъ оную былъ сорванъ, а мостъ на Каменный островъ уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ и сказалъ мнѣ:

— Какое ужасное опустошеніе! Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти не узнаю,—продолжалъ его величество,—тотъ проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрестанно ѣздилъ.

А что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ угольями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго, которыя, за нѣсколько дней до наводненія, приведены были для монетнаго двора. Сіи барки стояли подлѣ ограды деревянной церкви св. Троицы и вышиною своею почти равнялись съ нею. Государь, осыпавъ меня по обыкновенію милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить. Мнѣ сказывали послѣ, что священникъ служилъ обѣдню въ церкви св. Троицы, при чемъ находилось нѣсколько молещниковъ; когда вѣтеръ усилился и понесло барки съ угольями прямо на ограду, вдругъ сдѣлалось темно; между тѣмъ вода начала уже входить въ церковь; священникъ предложилъ всѣмъ находившимся въ оной, чтобы ихъ исповѣдать и причастить, пола-

тая, что сіи барки, ударясь объ церковь, разрушатъ оную, и что ихъ смерть ненабѣжна; но, къ счастью, въ оградѣ было нѣсколько большихъ березъ, которыя, вѣроятно, остановили стремленіе барокъ до тѣхъ поръ, какъ начала вода убывать. Въ день посѣщенія меня императоромъ я получилъ отъ августѣйшей его матери, покровительницы всѣхъ несчастныхъ, незабвенной императрицы Маріи Ѳеодоровны, 10 тысячъ рублей для вспоможенія потерпѣвшимъ отъ наводненія. Меня болѣе всего затрудняло начальное учрежденіе больницы; хотя я распорядился тотчасъ, чтобы лѣкаря, находящіеся при второмъ кадетскомъ корпусѣ, при дворянскомъ полку и при крѣпости, завѣдывали каждый однимъ кварталомъ и посѣщали всякій день случающихся въ оныхъ больныхъ; но, къ несчастію, открылись между обывателями жестокія горячки, и сихъ больныхъ должно было помѣщать въ особое мѣсто. На случай прекращенія сообщенія съ главнымъ госпиталемъ въ Петровскихъ казармахъ, гдѣ квартировали лейбъ-гренадерскій полкъ, очищались всегда нѣсколько покоевъ для помѣщенія больныхъ, а солдаты размѣщались по прочимъ покоямъ и въ кухняхъ нижняго этажа; но кухни сіи были наполнены водой, а потому не только тамъ жить, но и пищи варить было невозможно. Однако же я нашелъ средство учредить больницу на двадцать кроватей. Мои товарищи Денпредавичъ и Бенкендорфъ имѣли противъ меня выгоды въ разсужденіи помѣщенія больныхъ: у перваго была вся главная госпиталь въ распоряженіи, на Выборгской же сторонѣ только два квартала подверглись наводненію, что составляло половину всей части; а у втораго отведено было все биржевое строеніе, какъ для помѣщенія безпріютныхъ, такъ и для больныхъ; тѣ и другіе снабжены были всѣмъ нужнымъ пожертвованіями, сдѣланными богатыми жителями Васильевского острова и купечествомъ. Однако же и на бѣдной Петербургской сторонѣ нашлись благотворные люди. Наслѣдники подполковника Иванова, четыре брата, его сыновья, пожертвовали домомъ своимъ для помѣщенія лишившихся пріюта жителей Петербургской стороны. Они послѣдовали въ семъ случаѣ благотѣльнымъ намѣреніемъ ихъ отца, который за нѣсколько лѣтъ до смерти своей учредилъ въ семъ домѣ пенсіонъ, гдѣ за самую умѣренную цѣну воспитывалось безпрестанно до 50 юношей. Самъ г. Ивановъ былъ содержателемъ сего полезнаго заведенія, отъ котораго онъ не только не приобрѣлъ ничего, но даже разстроилъ себѣ состояніе. Надобно было заключить, что воспитаніе, которое получали учащіеся въ пенсіонѣ г-на Иванова, было хорошее, ибо находилась довольно большая бібліотека и физическій кабинетъ. Я могъ помѣстить въ домѣ гг. Ивановыхъ до 40 семействъ и, по мѣрѣ, какъ жилища ихъ исправляемы были починкою, другія семейства заступали ихъ мѣста. Впослѣдствіи въ семъ же домѣ устроенъ былъ лазаретъ на 100 кроватей. Большая часть рогатаго скота бѣдныхъ жителей по-

тонула; мнѣ стояло большихъ хлопотъ, чтобы сей утопшій скотъ собрать вмѣстѣ, нагрузить на барки и отправить на Голодай островъ, гдѣ назначено было оный сжечь. На Петербургской сторонѣ такъ называемыхъ домовыхъ извозчиковъ очень мало, а потому я долженъ былъ заставлять солдатъ лейбъ-гренадерскихъ и учебнаго карабинернаго полковъ, чтобы таскать скотъ на пристань. Когда рѣвки покрылись льдомъ, для освобожденія улицъ отъ барокъ, галіотовъ, бревенъ и разнаго хламу, ко мнѣ присылаемы были, сверхъ находящихся въ распоряженіи моемъ войскъ, рабочія команды гвардейскихъ полковъ съ Адмиралтѣйской стороны. Всякій почеръ я посылалъ записку о моихъ дѣйствіяхъ къ графу Милорадовичу. Для государя составляема была общая вѣдомость въ канцеляріи военнаго генераль-губернатора, и его величество на другой день видѣлъ, что наканунѣ по всѣмъ комитетамъ было сдѣлано. Въ теченіе всего времени, по представленію центральнаго комитета государю, чтобы потребовать мнѣнія отъ всѣхъ предсѣдателей частныхъ комитетовъ о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся до пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія, его величество повелѣлъ, чтобы всѣ предсѣдатели частныхъ комитетовъ собрались у меня и въ общемъ собраніи, и по общему совѣщанію, представили черезъ комитетъ требуемое отъ нихъ мнѣніе, для доклада государю; всего было три засѣданія, и сдѣланныя въ оныхъ постановленія удостоились высочайшаго утвержденія. Въ день рожденія императора, 12-го декабря 1824 года, его величество пожаловалъ мнѣ табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную бриллиантами. Весной 1825 года, императоръ отправился въ Варшаву; возвратясь оттуда, въ іюлѣ мѣсяцѣ, проѣхалъ прямо на Каменный островъ; я встрѣтилъ государя въ качествѣ военнаго губернатора у самага дворца. Скоро императоръ приказалъ меня позвать къ себѣ. Его величество сказать мнѣ изволилъ, что онъ столько же пріятно былъ удивленъ теперь, найдя все восстановленнымъ и въ лучшемъ, нежели прежде, видѣ, и въ такое короткое время, какъ онъ былъ опечаленъ опустошеніемъ, причиненнымъ водою, когда со мною объѣзжалъ тѣ же самыя мѣста, и изъяснить мнѣ изволилъ совершенное свое благоволеніе. Я на сіе донесъ государю, что еще много остается дѣлать, ибо есть жители, не совсѣмъ водворенные въ ихъ прежнія жилища. Государь зналъ почти всѣхъ коренныхъ обывателей Каменнаго острова, особливо изъ отставныхъ, служившихъ при дворѣ. Мнѣ пріятно было слышать послѣ, что они самому императору отзывались весьма моими распоряженіями довольными. Въ началѣ сентября мѣсяца, государь изволилъ отправиться въ Таганрогъ, и такъ рано выѣхалъ изъ Каменнаго острова, что я пріѣхалъ въ 4 часа поутру во дворецъ и его величество уже тамъ не засталъ. Я самъ чрезмѣрно былъ огорченъ, и какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ не суждено будетъ болѣе увидѣть обожаемаго мною государя и бла-

годѣтеля. Занятія моя, какъ временнаго военнаго губернатора Петербургской и Выборгской сторонѣ, — ибо на мѣсто генералъ-адъютанта Депрерадовича назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ, а по полученіи имъ въ командованіе 1-го армейскаго корпуса мнѣ поручено было начальство и надъ Выборгскою стороною, — продолжались цѣлый годъ. Изъ представленныхъ мною отчетовъ въ центральный комитетъ видно было, что израсходовано по Петербургской сторонѣ: хозяевамъ домовъ, снесенныхъ водою — 1.600 рублей; хозяевамъ домовъ разоренныхъ — 19.878 рубля, хозяевамъ домовъ менѣе потерпѣвшихъ — 198.977 рублей 50 коп., людямъ, недвижимой собственности немущимъ — 76.819 руб. 50 коп., людямъ торгующимъ — 61.997 руб. 50 коп., промышленникамъ — 17.155 руб., ремесленникамъ — 11.895 руб., выдано разнымъ лицамъ въ Колтовской — 2.448 руб., священниками роздано въ церквахъ — 6.700 руб., куплено одежды на 15.768 руб. 30 коп., на продовольствіе пищею — 39.429 руб., порцій — 9.005 руб. 9 коп., снабжено коровами на 6.440 руб., на лѣченіе больныхъ — 15.235 руб. 48¹/₄ коп.¹⁾, на продолжительныя пособія — 4.422 руб., за опариваніе въ банѣ 150 руб., на исправленіе домовъ и заборовъ поврежденныхъ — 51.810 руб. 96 коп., сверхъ того, изъ пожертвованныхъ матеріаловъ и собраннаго лѣса — 1.578 руб., на желѣзныя печи для сушки домовъ — 1.096 руб. 80 коп., за означеніе линій возвышенія воды — 57 руб. 30 коп., на уборку утонувшаго скота — 2.054 руб., за очищеніе улицъ отъ нанесеннаго водою лѣса 2.071 руб. 69 коп.; на канцелярскіе и прочіе расходы и на разѣзды чиновникамъ 9.081 рублей, а всего 684.351 руб. 86¹/₄ коп. Денежныя пособія по Выборгской сторонѣ были незначительныя, и не простирались даже до 100 т. руб., и оныя уже были почти окончены, когда я вступилъ въ командованіе сею частію города. По представленію моему, всѣ чиновники, которые были употребляемы, и члены комитета получили награды.

¹⁾ Воинныхъ съ 18-го ноября 1824 по 1-е іюля 1825 года состояло 1.986; выдоровѣло 1.511, умерло 98; затѣмъ 827 человекъ поступило подъ надзоръ учрежденнаго смотрителя надъ больницей.

XI.

Кончина императора Александра I.—14-е декабря 1825 года.—Командировка въ Москву съ объявленіемъ о вѣствованіи на престолъ Николая I.—Присяга въ Москвѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Награды.—Прибытіе тѣла покойнаго государя въ столицу.—Кончина вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Поздравленія иностранныхъ державъ съ вѣствованіемъ на престолъ.—Эрцгерцогъ Фердинандъ въ Петербургъ.—Верховный судъ надъ преступниками.—Коронація императора Николая I.—Замужество дочери.—Кончина императрицы Маріи Феодоровны.—Прошеніе объ увольненіи отъ званія командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.—Волѣны и отпускъ.—Женитьба сына и рожденіе внучатъ.—Дѣла семейныя.

Когда о болѣзни государя сдѣлалось извѣстно, я всякій день ѣздилъ въ Зимній дворецъ, чтобы узнавать о получаемыхъ о томъ свѣдѣніяхъ. Въ одно утро я пріѣзжаю во дворецъ и, при входѣ въ первую комнату, вижу фельдъегеря съ сумкой на груди; я спрашиваю у него, откуда онъ пріѣхалъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

«Изъ Таганрога».

Я продолжалъ: «каковъ государь?»

Фельдъегеръ тихо мнѣ сказалъ: «скончался».

Я не могу изобразить, что я почувствовалъ, услышавши сію ужаснѣйшую вѣсть. Я перваго встрѣтилъ флигель-адъютанта Дурново, который въ слезахъ мнѣ говоритъ:

— Не угодно ли вамъ, графъ, идти вмѣстѣ со мной въ большую церковь присягать императору Константину Павловичу; великій князь Николай Павловичъ уже присягнулъ.

Въ большой придворной церкви находился священникъ и поставленъ былъ аналой, на которомъ лежалъ крестъ, Евангеліе и присяжный листъ; и я присягнувъ на немъ подписался. Въ день вѣствованія на престолъ императора Николая Павловича, 14-го декабря 1825 года, послѣ присяги, я возвратился домой съ тѣмъ, чтобы въ часъ по полудни ѣхать опять во дворецъ къ молебну. Желая имѣть обнародованный по сему случаю манифестъ, я послалъ купить одинъ экземпляръ онаго въ сенатскую типографію старшаго адъютанта штаба моего, поручика Жукова. Онъ черезъ нѣсколько времени возвращается и съ встревоженнымъ видомъ говоритъ мнѣ:

— Бунтъ! Вся площадь Сенатская наполнена солдатами, которые кричатъ: ура, Константинъ! и множество еще со всѣхъ сторонъ бѣгутъ туда и солдатъ и народа.

Я тотчасъ же приказалъ заложить себѣ карету и поѣхалъ къ Зимнему дворцу. Площадь уже вся была наполнена народомъ; я вышелъ изъ кареты и, видя государя верхомъ передъ первымъ баталіономъ Преображенскаго полка, удивился, что никого изъ генераловъ при немъ не было; когда я подошелъ къ его величеству, онъ мнѣ сказалъ:

— Представь себѣ, есть люди, которые, къ несчастію, носятъ одинъ съ нами мундиръ и называютъ меня самозванцемъ. Ты слышишь этотъ крикъ и выстрѣлы, но я имъ покажу, что я не трушу.

Скоро послѣ того я увидѣлъ генераль-адъютанта князя Трубецкаго, Кутузова, Васильчикова, Левашева и Бенкендорфа, прѣхавшаго донести, что полкъ конной гвардіи идетъ, и дѣйствительно оный началъ выстраиваться спиной къ дому князя Лобанова. Между тѣмъ, крики и выстрѣлы на Сенатской площади продолжались. С.-петербургскій военный губернаторъ графъ Милорадовичъ, узнавши о семъ возмущеніи, поѣхалъ верхомъ, чтобы вразумить сію бунтующую толпу, но получилъ двѣ тяжелыя раны, отъ которыхъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Народъ такъ тѣснилъ взводы перваго Преображенскаго баталіона, что ему нельзя было подаваться впередъ, и мы должны были уговаривать толпу, чтобы дали мѣста. Государь приказалъ привести для насъ верховыхъ лошадей. Вдругъ подходитъ къ его величеству одинъ офицеръ въ драгунскомъ мундирѣ, превысокаго роста, у коего голова завязана платкомъ. Государь спрашиваетъ:

— Кто вы?

— Я штабсъ-капитанъ Якубовичъ, — отвѣчалъ онъ, — пришелъ къ вашему величеству съ повинной головой; я сдѣлался измѣнникомъ противъ воли. Идучи по Вознесенской улицѣ, я вижу, что нѣсколько взводовъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка бѣгутъ и кричатъ: ура, Константинъ! Они окружили меня и заставили кричать то же; я не слыхалъ о восшествіи вашего величества на престолъ и думалъ, что войска собираются для присяги Константину Павловичу; но, прѣйдя съ ними на Сенатскую площадь, я примѣтилъ въ войскахъ неустройство; не видя ни одного генерала и узнавъ, что ваше величество находится здѣсь, я пришелъ предстать предъ вами.

Государь на сіе сказалъ Якубовичу:

— Такъ какъ вы уже тамъ были, то я приказываю вамъ возвратиться опять къ нимъ и сказать отъ моего имени, что если всѣ находящіеся на площади войска положатъ ружья и сдадутся, то я ихъ прощаю.

Якубовичъ на сіе отвѣчалъ:—Я пойду и ручаюсь, что исполню приказаніе вашего величества, но только знаю, что живой не возвращусь.

Нѣкоторые изъ слышавшихъ сіе сказали: прекрасно! Но государь возразилъ:

— Погодите, господа, хвалить; увидимъ, чѣмъ это кончится.

Стоявшій тутъ флигель-адъютантъ Дурново просилъ позволенія у его величества пойти вмѣстѣ съ Якубовичемъ, на что государь

согласился ¹⁾. Митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, посланъ былъ увѣщевать бунтовщиковъ, но сіе не имѣло никакого успѣха. Всѣ бывшіе при государѣ и пріѣхавшіи въ то время генералъ-адъютантъ Толь просили его величество послать за артиллеріей и для скорости приказать пріѣхать конной артиллеріи. Императоръ отвѣчалъ, что онъ въ ней не увѣренъ; и съ великимъ трудомъ согласился наконецъ послать за пѣшей артиллеріей, которая сначала пришла съ холостыми зарядами; но послѣ уже привезли боевые. Принцъ Евгенийъ Виртембергскій предложилъ государю, чтобъ лейбъ-гвардіи конный полкъ сдѣлалъ атаку на бунтовщиковъ; они встрѣтили полкъ ружейнымъ огнемъ. Извѣстно, какъ неудачны были всѣ произведенныя тѣмъ полкомъ атаки на бунтующую толпу, на некованныхъ лошадяхъ и по гололедицѣ. Въ сіе время пріѣхалъ изъ Варшавы великій князь Михаилъ Павловичъ. Нѣсколько офицеровъ гвардейскаго экипажа пришли просить великаго князя, который былъ подлѣ государя, чтобы его высочество пріѣхалъ и вразумилъ бы нижніе чины экипажа, которые вышли изъ повиновенія. Государь, великій князь и всѣ бывшіе тутъ поѣхали къ гвардейскому экипажу. Люди держали ружья у ноги и говорили, что они присягнули Константину Павловичу, и если онъ самъ пріѣдетъ и скажетъ, что онъ освобождаетъ ихъ отъ присяги, то они готовы присягнуть Николаю Павловичу. Великій князь Михаилъ Павловичъ имъ на сіе сказалъ, что онъ только сейчасъ пріѣхалъ изъ Варшавы, что великій князь Константинъ Павловичъ самъ присягнулъ императору Николаю Павловичу, что они знаютъ привязанность его къ цесаревичу, и его именемъ онъ приказываетъ имъ присягнуть законному ихъ императору Николаю Павловичу. Но солдаты все одно говорили. Я подѣхалъ къ одному изъ нихъ и сказалъ:

— Что вы еще упорствуете, вы знаете, что вамъ за это будетъ худо.

Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Вамъ, измѣнникамъ генераламъ, нужды нѣтъ всякій день присягать, а мы присягой не шутимъ.

Изъ сего отвѣта видно, какъ сильно они были злоумышленниками настроены. Между тѣмъ пришли Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Павловскій, оставшаяся часть Московскаго и Егерскій полки и заняли всѣ улицы, ведущія на Исаакіевскую площадь. Государь послалъ меня привести 1-й баталіонъ Финляндскаго полка, который только что смѣнился съ караула, и занять имъ Исаакіевскій мостъ. Недоѣзжая казармъ Финляндскаго полка, я встрѣтилъ одного изъ офицеровъ, служащихъ въ ономъ, и приказалъ ему

¹⁾ Мнѣ сказывалъ послѣ Дурново, что лишь только они подошли къ бунтовщикамъ, и Якубовичъ началъ говорить, какъ по нимъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, и Якубовичъ въ толпѣ отъ него скрылся.

позвать ко мнѣ баталіоннаго командира, которому я объявилъ данное мнѣ высочайшее повелѣніе и спросилъ, увѣренъ ли онъ въ людяхъ, и что онъ головой своей отвѣчаетъ, если что противное случится. Баталіонный командиръ мнѣ на сіе сказалъ:

— Позвольте спросить ротныхъ командировъ, но батальонъ еще не присягалъ.

Я приказалъ ихъ позвать къ себѣ; они всѣ мнѣ объявили, что въ своихъ солдатахъ совершенно увѣрены; особливо 4-й роты капитанъ Вяткинъ сказалъ:

— Люди рады со мной умереть.

Тогда я приказалъ вывести весь баталіонъ съ ружьями, въ шинеляхъ, фуражкахъ, въ сумкахъ съ боевыми патронами. Мнѣ сказали, что бригадный командиръ, генералъ-майоръ Головинъ, дома; я послалъ его просить. Когда баталіонъ построился поротно, я сказалъ солдатамъ:

— Императоръ нашъ Николай Павловичъ приказалъ мнѣ вести васъ противъ измѣнниковъ, готовы ли вы за него умереть?

Весь баталіонъ отвѣчалъ: рады умереть!

— И въ томъ клянетесь?—продолжалъ я.

Всѣ повторили: клянемся!

Между тѣмъ приехалъ генералъ-майоръ Головинъ; я приказалъ командовать справа по отдѣленіямъ, и баталіонъ пошелъ. Не доходя до Исаакіевского моста, я приказалъ баталіонъ остановить и зарядить ружья. У самаго моста построились въ полувзводы, чтобы занять всю ширину моста. Я ѣхалъ передъ карабинернымъ взводомъ, передъ которымъ же шли генералъ-майоръ Головинъ и баталіонный командиръ. Когда дошли до конца моста, я приказалъ остановиться; полагая, что весь баталіонъ идетъ за нами. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что стрѣлковый взводъ и всѣ послѣдующіе взводы остановились на половинѣ моста и держали ружья у ноги. Я поскакалъ къ стрѣлковому взводу, приказываю взять ружья на плечо, идти впередъ, называя ихъ измѣнниками; но нѣсколько голосовъ мнѣ отвѣчали:

— Мы не присягали, худого ничего не дѣлаемъ, по своимъ стрѣлать не будемъ.

Тутъ былъ и генералъ-майоръ Головинъ, и баталіонный командиръ,—я обратился къ нимъ, чтобы они привели людей въ повиновеніе, но всѣ угрозы ихъ были тщетны. Впослѣдствіи открылось, что симъ взводомъ командовать поручикъ Розенъ, который былъ въ числѣ бунтовщиковъ, и онъ оказался виновнымъ въ семъ неповиновеніи стрѣлковаго взвода. Я съ досадой поѣхалъ, чтобы довести о семъ государю. Приѣхавъ на Исаакіевскую площадь, я нашелъ, что пушки, поставленныя противъ бунтовщиковъ, уже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ картечью, и толпа ихъ начала разсыпаться и скоро вся исчезла. Такъ какъ все уже почти кончилось,

то я не разсудилъ огорчить государя донесеніемъ о случившемся въ 1-мъ Финляндскомъ баталіонѣ; но я сказалъ о томъ командіру полка Воропанову и требовалъ, чтобы люди стрѣлковаго взвода выписаны были въ армію. Мнѣ сказывалъ адъютантъ мой, графъ Толстой, который во все время находился при лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку, занимавшемъ Галерную улицу, что, стоя почти противъ картѣчныхъ выстрѣловъ, отъ коихъ нѣсколько гренадеръ были ранены, не только сіе людей не поколебало, но когда бунтовщики были сбиты съ мѣста, то весь полкъ пустилъ по нимъ баталіонный огонь ¹⁾. Когда смерклось, войска распожены были на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ на бивуакахъ; на первой командовалъ генералъ Воиновъ, а на второй генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Государь приказалъ мнѣ учредить цѣпь, поставивъ одинъ Преображенскій баталіонъ у арки, что въ Луговой Милліонной, и отъ онаго давать часовыхъ по Невскому проспекту до Полицейскаго моста и по Мойкѣ, и изъ одного егерскаго баталіона, который долженъ былъ находиться при началѣ Большой Милліонной, давать тоже часовыхъ по всей той улицѣ и по Мойкѣ, соединя ихъ съ преображенскими часовыми. Изъ кавалеріи учреждены были сильныя патрули, которые должны были забирать всѣхъ разбѣжавшихся бунтовщиковъ. Когда я донесъ государю объ учрежденіи мною цѣпи, его величество приказалъ мнѣ поѣхать на Васильевскій островъ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, который командовалъ тамъ войсками, чтобы всѣхъ захваченныхъ патрулями бунтовщиковъ онъ отсылалъ къ генералъ-адъютанту Васильчикову. Это былъ уже 8-й часъ вечера; государь далъ мнѣ сіе приказаніе, идя во дворецъ, чтобы присутствовать при молебнѣ.

Жена моя и старшая дочь были во дворцѣ; каково же было ихъ положеніе, когда онѣ не видѣли меня между генералъ-адъютантами, находившимися при императорѣ. Кто-то ихъ успокоилъ, сказавъ имъ, что я живъ и посланъ государемъ. Я нашелъ Бенкендорфа въ квартирѣ генералъ-адъютанта Кутузова, который былъ тогда командиромъ 1-го кадетскаго корпуса. Я не могу изобразить моей радости, когда Катерина Петровна Кутузова предложила мнѣ отобѣдать; я чрезвычайно оголодалъ, усталъ и озябъ, ибо въ одномъ мундирѣ пробылъ 8-мъ часовъ верхомъ, и лошадь моя насилу таскала уже ноги. По возвращеніи съ отвѣтомъ объ исполненіи порученія, государь приказалъ мнѣ, когда всѣ плѣнные собраны будутъ у генералъ-адъютанта Васильчикова, то чтобы я взялъ одинъ баталіонъ Семеновскаго полка и дивизіонъ кавалергардовъ, и подъ симъ конвоемъ привелъ бы ихъ ко дворцу. Пріѣхавши на Исаакіевскую площадь, къ счастію моему, я нашелъ тутъ дежурнаго штабъ-офицера

¹⁾ Вѣроятно, въ награду за сей подвигъ вѣрности и неустрашимости лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, государь назначилъ наследника шефомъ онаго.

моего штаба Репешку и адъютанта моего Жеребцова, которые весь день меня искали. Они были для меня большими помощниками, чтобы всѣхъ плѣнныхъ собрать вмѣстѣ и принять ихъ съчетомъ. Известно, что въ числѣ бунтовавшихъ войскъ было нѣсколько ротъ Московскаго полка, почти весь лейбъ-гренадерскій полкъ, кромѣ первой и стоящей въ крѣпости въ караулѣ роты, и весь гвардейскій экипажъ. Когда всѣ плѣнные приведены были въ извѣстность, я изъ каждой роты Семеновскаго полка построилъ карре и плѣнныхъ помѣстилъ въ средину оныхъ, а изъ двухъ эскадроновъ кавалергардскаго полка одѣлалъ аванъ-арьергарды. Плѣнныхъ было до семи сотъ человекъ. Приведя мой отрядъ на Дворцовую площадь, я остановилъ оный и пошелъ донести о семъ государю, подавъ записку его величеству о числѣ плѣнныхъ. Хотя уже былъ первый часъ по полуночи, его величество былъ еще въ мундирѣ¹⁾. Императоръ, поблагодаривъ меня, сказалъ:

... Я прикажу отвести ихъ въ крѣпость.

... Я прибавилъ: если вашему величеству угодно, то я сіе исполню.

... Мнѣ право совѣстно, любезный графъ, — продолжалъ государь, — вы такъ устали; но если вы хотите сіе сдѣлать, то, отвѣдя плѣнныхъ въ крѣпость, сдайте ихъ тамъ коменданту Сукину, и если ему будетъ нужно, то оставьте для караула въ крѣпости Семеновскій баталіонъ, который конвоируетъ теперь плѣнныхъ. Потомъ отправьтесь домой.

... Дойдя до спуска на Невѣ, что противъ крѣпости, я остановилъ мой отрядъ и, хотя было 14 декабря, но морозовъ большихъ еще не было, а я боялся, что ледъ недовольно толстъ, дабы поднять и кавалерію и пѣхоту, при мнѣ бывшіе, и потому дивизиону кавалергардовъ приказалъ ѣхать къ полку. Плѣнныхъ я выстроилъ по четыре человека въ рядъ, а по обѣимъ сторонамъ шли солдаты Семеновскаго полка. Тѣ, которые нѣсколько часовъ тому назадъ, казались, были такъ храбры и отважны, тутъ шли смиренно, какъ овцы; правду сказать, они были обезоружены; изъ нихъ многихъ везли на саняхъ, раненныхъ. Сдавъ всѣхъ плѣнныхъ коменданту Сукину, который не имѣлъ надобности оставлять въ крѣпости семеновскій баталіонъ, я возвратился домой почти въ 4 часа по полуночи.

... На другой день площади Дворцовая и Исаакіевская, обѣ Милліонныя и Адмиралтейская улицы и Большая набережная до Эрмитажнаго моста имѣли видъ военнаго бивака, ибо войска на нихъ провели всю ночь. Много стояло пушекъ, курились дрова, видны были кучи соломы и сѣна. Государь обѣзжалъ всѣ войска верхомъ, слѣзая съ лошади, ходилъ по рядамъ, и не только всѣхъ офицеровъ и солдатъ благодарилъ за ихъ вѣрность, но даже нѣко-

¹⁾ Сказывали, что государь, какъ въ сію ночь, такъ и въ предыдущую не ложился въ постель.

торыхъ ему знакомыхъ гренадеръ цѣловаль. Всѣхъ полковыхъ командировъ, имѣвшихъ генераль-майорскіе чины, назначилъ къ себѣ въ генераль-адъютанты, а полковничьи—во флигель-адъютанты, въ которые назначены были также баталіонные и дивизіонные командиры полковъ кавалергардскаго и лейбъ-гвардіи коннаго. Сверхъ того, назначены были въ генераль-адъютанты: командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ, генераль-отъ-кавалеріи Войновъ, коменданты Сукинъ и Башупцій, начальникъ гвардейскаго штаба генераль-майоръ Нейтгардъ и командиръ гвардейской артиллеріи генераль-майоръ Сухованетъ. Въ сіе же утро на Адмиралтейской улицѣ выстроены были гвардейскій экипажъ, который принесъ чистосердечное раскаяніе въ своемъ заблужденіи, и послѣ освященія знамени оное было ему возвращено. Возвратясь во дворецъ, государь позвалъ меня къ себѣ и сказать мнѣ изволилъ:

— Я ожидаю отъ васъ, любезный графъ, большой себѣ услуги.

На изъявленіе моей совершенной готовности исполнять всегда священную его для меня волю, его величество продолжать изволилъ:

— Я хочу послать васъ въ Москву съ объявленіемъ о моемъ востшествіи на престолъ.

Я отвѣчалъ: готовъ, хоть сейчасъ отправиться.

— Пріѣзжайте же ко мнѣ въ 3 часа по полудни,—прибавилъ государь,—и все приготовлено будетъ къ вашему отправленію.

Принимая пакетъ къ московскому военному генераль-губернатору, я спросилъ у государя:

— Ваше величество прикажете мнѣ тотчасъ возвратиться?

Императоръ со вздохомъ мнѣ сказалъ: желалъ бы, но какъ Богу будетъ угодно.

Государь поручилъ мнѣ удостовѣриться въ духѣ поселенныхъ войскъ и донести его величеству по эстафетѣ въ собственные руки, но не изъ Новгорода, а изъ перваго удобнаго мѣста. Я просилъ, чтобы мнѣ данъ былъ фельдъегерь, что и было исполнено. При отправленіи государь приказалъ мнѣ захватить къ бывшему тогда военнымъ министромъ, графу Татищеву, чтобы получить отъ него бумаги, которыя слѣдовало отправить въ Москву, но графъ Татищевъ мнѣ сказалъ, что онѣ уже посланы съ нарочнымъ курьеромъ. Сіе произвело въ Москвѣ большое недоумѣніе, ибо я никакъ не могъ догнать курьера, отправившагося нѣсколько часовъ прежде меня.

Я выѣхалъ изъ Петербурга во вторникъ, въ 8 часовъ вечера, 15-го декабря; со мной были адъютанты: Новосильцовъ—князя Голицына, и мой—Жеребцовъ. Очень поздно, уже 14-го числа, вспомнили, что нужно запретить выѣздъ изъ города черезъ заставы безъ

записки отъ коменданта ¹⁾). Хотя сей послѣдній и предваренъ былъ мною, что я отправляюсь по высочайшему повелѣнію въ Москву, но, видно за суетами, г. Башуцкой не выслалъ на заставу билета, и я долженъ былъ дожидаться, пока фельдъегерь не привезетъ мнѣ онаго. Въ Новгородѣ явился ко мнѣ съ рапортомъ генераль-майоръ Угрюмовъ, отрядный командиръ поселенныхъ войскъ. Я спросилъ у него, приведены ли къ присягѣ всѣ военные чины, находящіеся подъ его начальствомъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ не успѣлъ еще сего сдѣлать, потому что къ нему присланъ былъ изъ Петербурга одинъ только экземпляръ присяги, а такъ какъ войска его расположены въ разныхъ мѣстахъ, то и нужно списать нѣсколько съ онаго копій. Я продолжалъ спрашивать, доволенъ ли онъ повиновеніемъ ввѣренныхъ ему войскъ, и извѣстно ли имъ всѣмъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ? Генераль-майоръ Угрюмовъ на сіе мнѣ отвѣчалъ, что сія перемѣна въ царствованіи войскамъ извѣстна, и что онъ головой своей отвѣчаетъ за вѣрность поселенныхъ войскъ. Сверхъ того, я спрашивалъ у баталіоннаго командира внутренней стражи, который подтвердилъ мнѣ, что извѣстіе о восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго императора не произвело никакого непріятнаго дѣйствія, и что, по замѣчанію его, всѣ поселенныя войска готовы будутъ присягнуть. Я замѣтилъ, что о бывшемъ происшествіи въ Петербургѣ, 14-го декабря, въ Новгородѣ не было еще извѣстно. Во исполненіе высочайшаго повелѣнія я послалъ изъ города Крестецъ по эстафетѣ донесеніе мое къ императору, въ которомъ я старался совершенно успокоить его величество на счетъ духа поселенныхъ войскъ. Я ѣхалъ не такъ скоро, какъ бы желалъ, по причинѣ недостатка въ снѣгѣ, особливо по шоссе, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ голый песокъ, — а чтобы сіе вознаградить, я не выходилъ почти изъ повозки, выключая нѣсколькихъ минутъ, чтобы напиться чаю. Ёдущій впередъ фельдъегерь приготавливалъ для меня лошадей и платилъ прогоны. Остановясь на одной станціи, не доѣжая Вышняго Волочка, я вижу кибитку, у которой стоялъ человекъ въ форменной шинели. Я спросилъ:

— Кто ѣдетъ?

Онъ мнѣ отвѣчалъ: кавалергардскаго полка поручикъ Свистуновъ за ремонтомъ ²⁾).

Я пріѣхалъ въ Москву въ ночь съ четверга на пятницу и остановился у военнаго генераль-губернатора князя Голицина. Онъ мнѣ

¹⁾ Послѣ извѣстно было, что двѣ тройки проѣхали черезъ Московскую заставу, прежде нежели сіе распоряженіе было сдѣлано.

²⁾ Мнѣ сказывалъ послѣ генераль-адъютантъ князь Трубецкой, что выѣздъ Свистунова изъ Петербурга очень беспокоилъ государя, и когда его величество узналъ отъ одного пріѣзжаго, что я Свистунова объѣхалъ до Москвы, то сіе его величеству было очень пріятно.

сказалъ, что ожидаль меня съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо въ Москвѣ уже разнесся слухъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ, а между тѣмъ officialнаго извѣстія онъ не получалъ. Князь Голицынъ послалъ за старшимъ оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената московскихъ департаментовъ, княземъ Гагаринымъ, чтобы повѣстить гг. сенаторовъ собраться въ сенатъ для выслушанія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая I-го, и къ архіепископу Филарету—для приведения къ присягѣ въ Успенскомъ соборѣ въ восемь часовъ утра. И поѣхалъ съ княземъ Голицынымъ въ одной каретѣ въ сенатъ, гдѣ мнѣ данъ былъ стулъ. По прочтеніи манифеста и всѣхъ приложений, отправились въ Успенскій соборъ. На Кремлевской площади стеченіе народа было неимоверное. Когда всѣ собрались въ соборъ, архіепископъ Филаретъ началъ священнослуженіе тѣмъ, что, предшествуемый московскимъ духовенствомъ, вынесъ на головѣ изъ алтаря серебряный ковчегъ, въ которомъ хранится хартія о наслѣдствѣ на престолъ, императоромъ Павломъ I-мъ изданная и въ день коронаціи его читанная. Въ семъ ковчегѣ находилось завѣщаніе императора Александра I-го и отреченіе цесаревича великаго князя Константина Павловича отъ всероссійскаго престола ¹⁾. Преосвященный Филаретъ съ благоговѣніемъ поставилъ ковчегъ на приготовленный аналой, покрытый золотымъ глазетомъ, на амвонѣ противъ царскихъ дверей, отворилъ ковчегъ, вынулъ изъ него пакетъ съ завѣщаніемъ и, показавъ всѣмъ, что печать цѣла, произнесъ прекрасное и трогательное слово; потомъ пакетъ распечаталъ и прочиталъ завѣщаніе и отреченіе. Прежде нежели приступить къ присягѣ, Филаретъ, осылая всѣхъ, громогласно сказалъ:

— Разрѣшаю и благословляю.

Сіе неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, особливо когда оно разнеслось между народамъ. Послѣ сего началась присяга, и все кончилось молебномъ съ многолѣтіемъ. Я хотѣлъ было въ тотъ же самый день отправиться въ Петербургъ, но князь Голицынъ предложилъ мнѣ остаться до другого дня, дабы принять депутатовъ отъ московскаго дворянства и купечества. Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Оболяниновъ, какъ губернский предводитель, со всѣми уѣздными предводителями и другими почетными московскими дворянами удостоили меня своимъ посѣщеніемъ и вручили мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, на коей стразами написано было: отъ московскаго дворянства 1825-го года 20-го ноября. Московское купечество, въ сопровожденіи городского головы Куманина, поднесло мнѣ вызолоченный ку-

¹⁾ Извѣстно, что находилось сихъ документовъ три экземпляра: одинъ въ Успенскомъ соборѣ, другой въ государственномъ совѣтѣ, а третій въ сенатѣ петербургскихъ департаментовъ.

бокъ на блюдѣ, весьма древней работы, съ тысячью червонцами и съ надписью: Вѣстнику о всерадостнѣйшемъ восшествіи на престолъ императора Николая Павловича отъ московскаго купечества. Господинъ Оболяниновъ просилъ меня отъ имени всего московскаго дворянства повергнуть всеподданнѣйшую ихъ просьбу къ стопамъ императора объ оказаніи монаршаго милосердія, елико возможно, князю Оболенскому, котораго престарѣлый отецъ весьма уважаемъ въ столицѣ. Князь Меншиковъ, находившійся тогда въ отставкѣ, просилъ меня отвезти отъ него пакетъ генераль-адъютанту Васильчикову, какъ председателю комитета военныхъ конскихъ заводовъ, въ которыхъ князь Меншиковъ былъ членомъ.

Я выѣхалъ изъ Москвы въ ночь на воскресенье 19-го декабря 1825 года, а въ Петербургъ пріѣхалъ въ часть по полудни, во вторникъ, 22-го числа того жъ мѣсяца. Я менѣе нежели въ семь сутокъ съѣздилиъ взадъ и впередъ въ Москву, пробывши два дня въ сей столицѣ. Государь былъ очень доволенъ моимъ скорымъ возвращеніемъ. Я нашелъ его величество вмѣстѣ съ царствующею императрицею, которая также была ко мнѣ весьма милостива; они оба осыпали меня вопросами. Имъ очень пріятно было слышать отъ меня, что московскіе купцы называютъ наследника престола—своимъ кремлевскимъ, ибо его высочество дѣйствительно родился въ стѣнахъ сего знаменитаго и древняго жилища нашихъ царей. При донесеніи моемъ ихъ величествамъ о дѣйствіи, которое произвели надъ всѣми бывшими въ Успенскомъ соборѣ, особливо надъ народомъ, произнесенныя архіепископомъ Филаретомъ слова: разрѣшаю и благословляю, я примѣтилъ, что они оба слушали сіе съ большимъ вниманіемъ, и были довольны, казалось, догадкою Филарета. Я донесъ ихъ величествамъ о полученныхъ мною подаркахъ въ Москвѣ; они изъявили высочайшую свою волю ихъ видѣть. Потомъ я былъ принятъ вдовствующею императрицею. Я нашелъ ея величество чрезвычайно пораженною печалью. Видно было, что скорбь отъ потери августѣйшаго ея сына Александра Благословеннаго была еще во всей своей силѣ. Когда она, спрашивала меня о Москвѣ, безпрестанно на глазахъ ея появлялись слезы; слабость ея величества была такъ велика, что, говоря со мною стоя, она придерживалась за стулъ. Я былъ тронутъ тоже ея печалію до глубины сердца, насилу могъ воздержаться отъ слезъ и доволенъ былъ, когда ея величество отпустить меня изволила. На другой день я привезъ во дворецъ и табакерку и кубокъ, полученные мною въ Москвѣ. Государь изволилъ меня принять въ комнатахъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Ихъ величества съ любопытствомъ рассматривали сіи вещи; я имъ доложилъ, что въ кубкѣ находилась тысяча червонцевъ. Государь на сіе изволилъ сказать:

— Эту сумму всегда дарятъ пріѣзжающимъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ.

Отпуская меня, пресовокупилъ:

— Я сей службы твоей никогда не забуду.

А императрица мнѣ пожаловала милостиво поцѣловать свою руку.

Въ день Рождества Христова, 1825-го года, государь пожаловать мнѣ изволилъ орденъ Св. Александра Невскаго, при весьма милостивомъ рескриптѣ. На другой день послѣ моего возвращенія изъ Москвы, посланы были андреевскія ленты: князю Голицыну, московскому военному генералъ-губернатору, и графу П. А. Толстому, который командовалъ тогда въ Москвѣ 5-мъ армейскимъ корпусомъ; архіепископу Филарету брильянтовый крестъ на черный клобукъ—отличіе, какого прежде его никто въ санѣ архіепископа не имѣлъ.

Я ѣздилъ на встрѣчу тѣла покойнаго, незабвеннаго моего благодѣтеля императора Александра Павловича до станціи Чудово и имѣлъ счастье нѣсколько разъ стоять при его гробѣ, когда на ночь тѣло вносимо было въ случающіяся по дорогѣ церкви. Лейбъ-медикъ Виліе присланъ былъ осмотрѣть тѣло покойнаго императора; снята была крыша съ гроба, и при семъ случаѣ я удостоился приложиться къ образу, который его величество носилъ всегда на себѣ, и поцѣловать его руку. Въ церкви Чесменскаго дворца тѣло императора Александра I-го переложено было въ свинцовый гробъ; сіе переложеніе дѣлали одни только генералъ-адъютанты, бывшіе при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился. Во все время, какъ тѣло императора стояло въ Казанскомъ соборѣ одни только генералъ и флигель-адъютанты покойнаго государя были дежурными при его гробѣ.

Скоро потомъ Россія погружена была въ новую печаль кончиною императрицы Елисаветы Алексѣевны, супруги достойной Александра Благословеннаго, на дорогѣ ея величества изъ Таганрога въ Петербургъ, въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи.

Всѣ европейскіе дворы, можно сказать, наперерывъ старались присылать съ поздравленіемъ императора Николая Павловича о восшествіи на престолъ все, что у нихъ было знатнѣйшаго. Австрія прислала эрцъ-герцога Фердинанда, Пруссія принца Вильгельма, Нидерланды принца Оранскаго, Англія герцога Веллингтона, Франція фельдмаршала герцога Рагузскаго, Баварія фельдмаршала Вреде.

Государю угодно было назначить меня находиться при эрцъ-герцогѣ Фердинандѣ съ флигель-адъютантомъ Апраксинымъ. Свиту эрцъ-герцога составляли: генералъ-майоръ Дефуръ, полковникъ Кламъ, два гусарскіе офицера полка его имени, князь Лихтенштейнъ, ландграфъ Фюрстенбергъ и камергеръ Вольтерсдорфъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ былъ принятъ при дворѣ нашемъ съ большимъ уваженіемъ и имѣлъ комнаты въ Зимнемъ дворцѣ, а услугу придворную. Его высочество обходился со мной весьма учтиво и ласково. Я сопровождалъ его высочество во всѣхъ его обзрѣніяхъ учебныхъ и прочихъ любопытныхъ заведеній, находящихся въ

Петербургѣ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ пробылъ въ нашей столицѣ шесть недѣль; въ сіе время государь назначилъ его шефомъ Пякомскаго гусарскаго полка, который получилъ имя эрцъ-герцога Фердинанда, пожаловалъ ему андреевскій орденъ съ алмазными знаками и наградилъ его высочество многими другими богатыми подарками. Генераль-майору Дефуру пожалованъ былъ аннинскій орденъ 1-го класса съ алмазными знаками, и всѣ прочія особы, свиту эрцъ-герцога составлявшія, получили ордена. Я проводилъ его высочество до Царскаго Села, гдѣ онъ осматривалъ дворецъ. Отъ эрцъ-герцога я получилъ въ подарокъ табакерку съ портретомъ императора Франца, осыпанную брилльянтами.

Между тѣмъ, учреждена была слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда военнаго министра графа Татищева. Въ числѣ членовъ оной находился великій князь Михаилъ Павловичъ. Засѣданія сей комиссіи были въ крѣпости, въ домѣ коменданта Сукина. Всѣхъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ привозили прямо въ Зимній дворецъ, гдѣ первые допросы съ нихъ снималъ генераль-лейтенантъ Левашевъ. Сказываютъ, что многихъ изъ нихъ видѣлъ самъ императоръ, и съ ними разговаривалъ, а потомъ уже отвозили ихъ въ крѣпость. Когда слѣдственная комиссія окончила свои дѣйствія, то 1-го іюня 1826 года учрежденъ былъ верховный уголовный судъ. Предсѣдателемъ онаго былъ князь Лопухинъ. Сей судъ составленъ былъ изъ членовъ святѣйшаго правительствующаго синода, государственнаго совѣта, всѣхъ сенаторовъ и особъ прикомандированныхъ, въ числѣ коихъ и я находился. Всѣхъ членовъ, сей судъ составлявшихъ, было до 70-ти; засѣданія онаго были въ залѣ общаго сената собранія. Члены собирались въ полныхъ мундирахъ, а военные въ лентахъ и шарфахъ. Для караула отряжалась рота отъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и два взвода кавалергардскаго, или лейбъ-гвардіи коннаго полка, которые давали конныхъ часовыхъ къ воротамъ сената. Засѣданіе началось чтеніемъ допросовъ и показаній преступниковъ; ихъ числомъ было до 180-ти человекъ. Положено было, послѣ прочтенія снятыхъ допросовъ съ преступниковъ, отправить въ крѣпость нѣсколько членовъ, выбранныхъ изъ присутствующихъ въ верховномъ уголовномъ судѣ, для вторичнаго вопроса каждаго преступника: точно ли каждымъ изъ нихъ сдѣлано было показаніе, добровольно ли онъ сіе исполнилъ, и не имѣлъ ли чего прибавить или убавить къ прежнему его показанію. Не многіе изъ нихъ сдѣлали нѣкоторыя дополненія, большая же часть подтвердили прежнія показанія своею подписью. Между прочими правилами, которыми долженъ былъ судъ руководствоваться, вѣщено ему было въ обязанность, по выслушаніи показаній преступниковъ и по утвержденіи оныхъ ихъ подписью, какъ выше сказано, выбрать изъ среды своей 9 членовъ, изъ коихъ одинъ долженъ былъ предсѣдателемъ, для составленія комитета,

который обязанъ опредѣлить степень преступленія каждого преступника и мѣру заслуженнаго имъ наказанія. Въ члены сего комитета избраны были изъ государственнаго совѣта: графъ П. А. Толстой, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ, И. В. Васильчиковъ и М. М. Сперанскій; изъ прикомандированныхъ особъ: графъ Г. А. Строгоновъ, я и С. С. Кушниковъ; изъ сенаторовъ: Ф. И. Енгель, Д. О. Барановъ и графъ П. И. Кутайсовъ; производителемъ дѣлъ— оберъ-прокуроръ Журавлевъ. Къ комитету прикомандированъ былъ, для нужныхъ поясненій, статсъ-секретарь Блудовъ. Онъ былъ производителемъ дѣлъ въ слѣдственной комиссіи. Пока нашъ комитетъ продолжался, засѣданія въ судѣ были прекращены, и мы собирались два раза въ день. Намъ должно было прочесть опять всѣ документы слѣдственной комиссіи, и, чтобы скорѣе въ томъ успѣть, мы раздѣлили по себѣ допросы всѣхъ преступниковъ. По существующимъ нашимъ узаконеніямъ, всѣ они подвергались смертной казни, ибо кто умышляетъ, не болѣе виноватъ, какъ и тотъ, который объ умыслѣ знаетъ и не донесъ, а преступники почти всѣ были въ этой категоріи. Государю угодно было, чтобы сколько можно ослаблены были преступления и сообразно тому и наказанія. Для сего комитетъ сдѣлалъ разряды, которыхъ находилось четырнадцать; всякій разрядъ означалъ степень преступленія и мѣру наказанія, и мы вставляли, по общему совѣщанію, въ разряды, какъ въ рамы, имена преступниковъ, съ краткимъ объясненіемъ ихъ преступленій. Но пять преступниковъ, а именно: Пестель, Муравьевъ-Апостолъ, Рыльевъ, Бестужевъ-Рюминъ, и Каховскій, были внѣ разрядовъ по роду ихъ преступленій. Наши занятія продолжались двѣ недѣли. Потомъ они внесены были въ верховный уголовный судъ, который открылъ свои засѣданія ¹⁾. Приговоръ преступниковъ для размѣщенія ихъ по разрядамъ дѣлился по большинству голосовъ. Сначала судъ находилъ, что комитетъ сдѣлалъ слишкомъ много подраздѣленій; однако же кончилось тѣмъ, что всѣ разряды болѣе или менѣе были наполнены. Назначено было нѣсколько членовъ для составленія доклада государю отъ верховнаго уголовного суда; оный былъ читанъ въ полномъ собраніи и съ нѣкоторыми перемѣнами принятъ. Черезъ нѣсколько дней докладъ, съ высочайшимъ утвержденіемъ, былъ возвращенъ въ судъ. Государь много ослабилъ мѣру наказаній всѣхъ преступниковъ вообще, а о пяти, не вошедшихъ въ разряды, повелѣлъ суду сдѣлать приговоръ и привести въ исполненіе. Судъ приговорилъ ихъ повѣсить. Наконецъ настало время объявить каждому преступнику его приговоръ. Для сего надлежало или ихъ привозить изъ крѣпости въ верховный уголовный

¹⁾ Я долженъ здѣсь отдать справедливость способностямъ ума и быстрому соображенію М. М. Сперанскаго; онъ много способствовалъ къ скорому окончанію возложенной на насъ обязанности.

судъ, или суду отправиться въ крѣпость и тамъ сіе исполнить. Сія послѣдняя мѣра признана была удобнѣйшею. Въ домѣ коменданта Сукина устроена была зала засѣданія. Въ назначенный день всѣ члены суда собрались въ сенатъ и оттуда отправились въ крѣпость, гдѣ для порядка находился одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Засѣданіе суда открылось тѣмъ, что крѣпостной плацъ-майоръ ввелъ въ присутствіе пять главныхъ преступниковъ, имѣя двухъ гренадеръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ впереди ихъ и двухъ гренадеръ позади. Секретарь сената, стоя у аналоя, называлъ по имени каждого преступника, потомъ читалъ о содѣянномъ имъ преступленіи и къ чему онъ приговоренъ съ высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ вводимы были въ залу засѣданія всѣ преступники по разрядамъ. Они имѣли на себѣ тѣ же самыя платья, въ которыхъ они были взяты, только, натурально, безъ шпагъ; многіе изъ нихъ были даже въ полныхъ мундирахъ. Сіимъ засѣданіемъ окончился судъ, которому едва ли есть много примѣровъ въ лѣтописяхъ нашего отечества.

1-го іюля, того же года, было торжественное благодарственное молебствіе на Исаакіевской площади, въ устроенномъ для сего павильонѣ, въ родѣ палатки, какъ на мѣстѣ, гдѣ происходили преступленія, о счастливомъ окончаніи сего ужаснаго происшествія. Черезъ нѣсколько времени послѣ сего государь и весь дворъ отправились въ Москву для коронаціи. День сего событія долго былъ откладываемъ, по причинѣ большой слабости, которую чувствовала императрица Александра Ѳеодоровна, и сей священный обрядъ былъ совершенъ 22-го августа 1826 года съ обыкновеннымъ величіемъ и торжествомъ. Внезапный пріѣздъ его высочества цесаревича къ сему всерадостному дню восхитилъ, какъ всю императорскую фамилію, такъ и жителей Москвы, равно и всѣхъ бывшихъ при семъ великомъ случаѣ. Цесаревичъ во время коронаціи былъ въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, а посему и намъ всѣмъ приказано было имѣть тотъ же мундиръ. Его высочество находился во время церемоніи въ качествѣ ассистента при государѣ и принялъ у его величества шпагу, когда императоръ подходилъ къ святому причастію. Въ самый день коронаціи государю угодно было послать меня съ возвѣщеніемъ жителямъ Петербурга о семъ счастливомъ для Россіи происшествіи. Изъ всѣхъ торжествъ и праздниковъ, бывшихъ по сему случаю въ Москвѣ, мнѣ удалось видѣть только перваго дня иллюминацію Кремля, которая великолѣпіемъ своимъ и красотою превосходила бывшія при коронаціяхъ императоровъ: Павла I и Александра I. Меня ожидали въ Петербургѣ съ великимъ нетерпѣніемъ, и жители сей столицы изъявили живѣйшую радость, когда пушечная, съ Петропавловской крѣпости, пальба извѣстила ихъ о благополучномъ окончаніи сего вождѣльнаго событія. Со мной посланы были нѣкоторые награжденія; между про-

чими, мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣми уважаемой графинѣ Ливенѣ самому вручить браслеты съ портретомъ императора, осыпанные крупными брильянтами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей, съ титуломъ свѣтлости, ибо грамоту на сіе достоинство не имѣли времени еще изготовить. Петербургское купечество поднесло мнѣ золотую табакерку, осыпанную брильянтами. Я приглашенъ былъ на обѣдъ членами англійскаго клуба и на другой, иностраннымъ купечествомъ данный. Итакъ государю угодно было возложить на меня два важныя и пріятныя порученія, и содѣлать свидѣтелемъ восторга жителей обѣихъ столицъ имперіи.

1828 года, 8-го апрѣля, совершилось бракосочетаніе дочери моей, графини Анны Евграфовны, съ Сергіемъ Павловичемъ Шиповымъ, въ которомъ я нашелъ нѣжнаго и любезнаго для сердца моего сына ¹⁾).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, того же года, вся императорская фамилія, а вмѣстѣ съ нею и вся Россія, осиротѣла. Неукротимая смерть похитила благодѣтельнѣйшую и добродѣтельнѣйшую изъ бывшихъ доселѣ вѣнценосныхъ женъ, императрицу Марію Теодоровну. Ея панегирикъ живетъ въ сердцахъ вдовъ, сиротъ и всѣхъ тѣхъ матерей, женъ и дочерей, которыя воспитаны и образованы были подъ материнскимъ ея покровомъ, и молва о ней пройдетъ изъ рода въ родъ.

Между тѣмъ, сопряженные съ званіемъ командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи разныя непріятности, мнѣ сдѣланныя, которыя основаны были на однихъ только слухахъ, принудили меня наконецъ просить государя объ увольненіи отъ сего званія. При производствѣ меня, 25-го іюня 1828 года, въ генералы отъ инфантеріи, въ приказѣ сказано было, чтобы мнѣ остаться только въ званіи генераль-адъютанта; а 13-го октября, того же года, повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. 6-го декабря 1828 года, назначенъ въ корпусные командиры внутренней стражи генераль-отъ-инфантеріи Капцевичъ, а до сего времени я все командовалъ корпусомъ. Послѣ жестокой болѣзни, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, по просьбѣ моей, государю угодно было, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1829 года, отпустить меня до излѣченія болѣзни, съ получаемымъ мною содержаніемъ, которое состоитъ въ 4.000 рублей жалованья, по чину генерала отъ инфантеріи, 5.000 рублѣхъ въ годъ столовыхъ денегъ по званію генераль-адъютанта и въ провіантѣ на 12 денщиковъ. Я воспользовался симъ отпускомъ и пріѣхалъ съ матушкой тещей, съ женою и съ дочерью моею, графи-

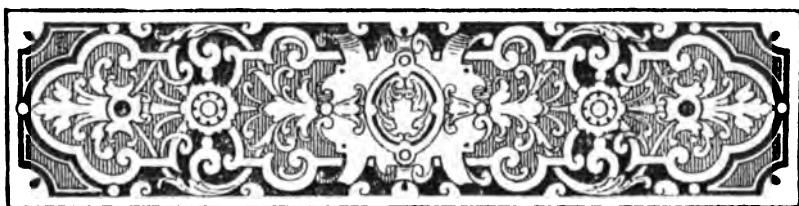
¹⁾ Того же года, 21-го апрѣля, въ день именинъ императрицы Александры Теодоровны, дочь моя графиня Софья Евграфовна, пожалована была въ фрейлины къ ней императорскимъ величествомъ императрицамъ.

нею Софьей Евграфовной, сюда въ Городище, 21-го іюля 1829 года. Старшій сынъ мой, графъ Егоръ Евграфовичъ, обрадовалъ меня своею женитьбою на дѣвицѣ Софьѣ Владиміровнѣ Веневитиновой, что послѣдовало въ Москвѣ 9-го февраля 1830 года. Я изъ Городища ѣздилъ въ Москву, чтобы быть свидѣтелемъ сего счастливаго для семейства и потомства моего событія. Мы уже испытываемъ плоды сего событія тѣмъ, что приобрѣли премилую и прелюбезную для насъ невѣстку. Богу угодно было утѣшить все мое семейство дарованіемъ старшему моему сыну графу Егору Евграфовичу, родившагося 26-го апрѣля 1831 года, сына, который и нареченъ Евграфомъ. Восприемникомъ, вмѣсто меня, былъ сынъ мой Павелъ съ Анною Николаевною Веневитиновою. 1832 года, іюля 14-го, невѣстка наша графиня Софья Владиміровна благополучно разрѣшилась отъ беременности дочерью Анною. По сему случаю пріѣхала сюда въ Городище изъ С.-Петербурга Анна Николаевна съ сыномъ своимъ Алексѣемъ Владиміровичемъ; она была восприемницею, вмѣстѣ со мною, сей новорожденной нашей внучки.

Второй сынъ мой графъ Павелъ Евграфовичъ, послѣ нахожденія его три года и 4 мѣсяца въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, произведенъ былъ 7-го сентября 1832 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ. Въ бытность мою въ Москвѣ, по моимъ дѣламъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1833 года, я отдалъ третьяго сына моего графа Алексѣя Евграфовича въ пансіонъ къ профессору Московскаго университета г-ну Погдину.

Графъ Е. Ө. Комаровскій.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (1758-1839).

(Историческая характеристика) ¹⁾.

(Посвящается дорогой моей крестной).

V.

Воцарение императора Павла.—Первые его действия.—Письмо Нелидовой къ Павлу.—Милости Павла къ Нелидовой.—Сближение съ нею императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Характеристика вліянія Нелидовой на образъ действий Павла Петровича.—Заступничество Нелидовой за опальныхъ.

ВОЦАРЕНІЕ императора Павла Петровича сопровождалось безпощадною и быстрою ломкою порядковъ, существовавшихъ при Екатеринѣ, и замѣной ихъ новыми. Устраняемый въ царствованіе Екатерины отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія, Павелъ привыкъ скептически относиться къ дѣятельности державной своей матери, видѣлъ въ положеніи дѣлъ однѣ лишь дурныя стороны и въ тиши опальной своей жизни выработалъ себѣ до мельчайшихъ подробностей новую правительственную программу, осуществить которую онъ намѣревался по восшествіи своемъ на престолъ. Сдѣлавшись императоромъ лишь на 42-мъ году своего возраста, Павелъ точно боялся, что не успѣетъ совершить всѣхъ задуманныхъ имъ переимѣнъ: каждый почти день его правленія приносилъ съ собою крупныя новости, и, казалось, скоро вся жизнь

¹⁾ Продолженіе См. «Историческій Вѣстникъ», т. IXX, стр 70.

Россія должна была получить иное направлѣніе. Въ сферахъ, ближайшихъ къ престолу, военной и придворной, перемѣны начались сразу. Не прошло и мѣсяца, какъ екатерининская гвардія превратилась уже въ гатчинскую, надъ которой прежде такъ усердно смѣялись, а екатерининскіе вельможи уступили свои мѣста гатчинскимъ придворнымъ, не смѣвшимъ зачастую даже появляться при большомъ дворѣ: братья Куракины, Плещеевъ, Донауровъ, Ростопчинъ, Кушелевъ, Аракчеевъ, и др. были призваны занять высшія должности въ имперіи, составляя ближайшій къ престолу кружокъ лицъ, на преданность и усердіе которыхъ особенно полагался Павелъ. Тѣмъ чувствительнѣе было для него отсутствіе Нелидовой, которая, несмотря на свои 38 лѣтъ и восьмилѣтнее пребываніе въ Смоленѣ, сохранила свою власть надъ его умомъ и темпераментомъ: въ ней видѣлъ онъ единственнаго стараго друга, умѣвшаго говорить ему правду и отвѣчать его душевному настроенію. Ссора съ ней лежала у него на сердцѣ тяжелымъ камнемъ, и, только что получивъ отъ нея вторичный отказъ посѣтить его въ Гатчинѣ, Павелъ искалъ средствъ вновь примириться съ старымъ другомъ. Въ день кончины Екатерины, 6 ноября, на разсвѣтѣ, когда императрица была еще въ агоніи, Павелъ нашелъ время, по разсказу Ростопчина, разговаривать съ четверть часа съ камеръ-пажемъ Нелидовымъ, «вѣроятно, замѣчаетъ Ростопчинъ, о теткѣ его Катеринѣ Ивановнѣ»¹⁾. Камеръ-пажъ этотъ былъ, впрочемъ, не племянникъ ея, а родной братъ, Аркадій.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало неимоверно быстрое повышеніе по службѣ счастливаго брата упрямой фрейлины: 7 ноября, въ день восшествія Павла на престолъ, камеръ-пажъ Аркадій Нелидовъ произведенъ былъ прямо въ майоры, съ назначеніемъ быть адъютантомъ при его величествѣ, а чрезъ день, 9 ноября, тотъ же Нелидовъ, ко всеобщему изумленію, пожалованъ былъ подполковникомъ²⁾. Никто не могъ сомнѣваться, и всѣхъ менѣе сама сестра, Екатерина Ивановна, ради кого изливались такія милости. Когда именно произошло первое свиданіе Павла съ Нелидовой — указать трудно; но всего вѣроятнѣе, что во время печальныхъ церемоній, сопровождавшихъ погребеніе Екатерины и Петра III. Но еще 23 ноября, наканунѣ именинъ Нелидовой, Павелъ прислалъ ей дорогой подарокъ, который она, однако, отказалась принять. «Вы знаете, государь, — писала она, — что, цѣня по достоинству дружбу, которую вы уже такъ давно мнѣ оказываете, я умѣла цѣнить лишь это чувство, и что ваши дары всегда были мнѣ болѣе тягостны, чѣмъ пріятны. Позвольте же мнѣ умолять васъ не принуждать меня къ принятію

¹⁾ «Послѣдній день императрицы Екатерины II и первый день царствованія Павла». Арх. кн. Воронцова, VIII, 165.

²⁾ Высочайшіе приказы 1796 г.

того подарка, который я осмѣливаюсь возвратить вашему величеству. Вы должны быть спокойны на счетъ чувства, заставляющаго меня такъ дѣйствовать, потому что я въ то же время съ благодарностію принимаю фарфоровые дежене¹⁾. Зато, 5 декабря, подполковнику Аркадію Нелидову пожаловано было 1000 душъ²⁾.

Миръ между друзьями, такимъ образомъ, возстановился, тѣмъ болѣе, что о немъ стали хлопотать тѣ именно лица, которыя прежде радовались удаленію Нелидовой: новая императрица Марія Ѳеодоровна, и Плещеевъ, жена котораго Наталья Ѳеодоровна, уже перестала пользоваться вниманіемъ Павла Петровича: поставленные лицомъ къ лицу съ причудливымъ нравомъ государя, дѣйствія котораго не ограничивались на этотъ разъ райономъ Гатчины и Павловска, а распространялись на всю имперію, приближенные къ Павлу лица сознали необходимость попрежнему вступить въ союзъ съ Нелидовой. Для Маріи Ѳеодоровны существовала полная возможность завязать съ ней постоянныя сношенія, такъ какъ 12 ноября императрица назначена была «начальствовать воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ», гдѣ жила отставная ея фрейлина, и почти ежедневно посѣщала это учрежденіе и начальницу его Делафонъ, у которой могла видѣться съ Нелидовой.

Первыя дѣйствія Павла Петровича по его воцареніи произвели вообще благопріятное впечатлѣніе на общество: забвеніе старыхъ обидъ, облегченіе народныхъ тягостей и прощеніе многихъ осужденныхъ Екатериной невольно привлекали къ нему сердца; даже суровости военной службы, вводившіяся Павломъ, частью въ уродливой формѣ, и совѣстительство похоронъ Екатерины и Петра III объяснялись добрыми свойствами новаго государя, любившаго порядокъ и питавшаго сыновнее уваженіе къ памяти своего несчастнаго отца. «Дворъ и столица, — говоритъ одинъ изъ влѣбшихъ порицателей Павла, Массонъ, — остолебенѣли отъ удивленія... Начинали думать, что не знали его характера, и что продолжительная и печальная опала не измѣнила его совершенно. Всѣ видѣли себя счастливо обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ, и поведеніе императора заставляло въ это время забыть о поведеніи великаго князя»³⁾. Но приближенные къ императору люди, Марія Ѳеодоровна и Плещеевъ, хорошо знали, что такое положеніе дѣлъ было только затишемъ передъ бурей, что отъ Павла, склоннаго дѣйствовать по первому впечатлѣнію, можно было ожидать поступковъ, которыхъ не всегда можно было предвидѣть, тѣмъ болѣе остановить. Дѣйствительно, занятый преобразованиемъ екатерининской арміи по образцамъ арміи Фридриха II, Павелъ захотѣлъ уничтожить и военный орденъ св. Георгія,

¹⁾ «Осьмнадцатый Вѣкъ», III 424.

²⁾ Сенатскій архивъ, I, 28.

³⁾ Массон. *Memoires secrets*, I, 189.

установленный Екатериной за военные отличія, и чтобы яснѣе выразить свое намѣреніе унизить этотъ символъ славы войскъ Екатерины, предположить не чествовать его праздника 26 ноября. Очевидно, что усилія Маріи Ѣеодоровны и Плещеева удержать Павла отъ этого шага, который глубоко оскорбилъ бы всѣхъ екатерининскихъ ветерановъ, заслужившихъ этотъ орденъ своею кровью на поляхъ сраженій,—оказались напрасны, такъ какъ они въ концѣ концовъ должны были обратиться за содѣйствіемъ къ Нелидовой, которая, будто бы по собственному почину, написала Павлу краснорѣчивое письмо, умоляя его отказаться отъ своего намѣренія.

«Узнаете ли вы,—писала она императору въ самый день своихъ именинъ 24-го ноября,—голосъ той, которая всегда была другомъ вашей славы, и отвергнете ли вы ея усердіе въ обстоятельствахъ, которыя она считаетъ къ ней прикосновенными? Я побоялась, чтобы то, что я слышала на счетъ ордена, единственнаго утѣшенія и награды столькихъ людей; столько разъ пролившихъ кровь свою за отечество, было правдою, и я попросила человека, которому я довѣряю, словомъ г. Плещеева, захватить ко мнѣ: я хотѣла чрезъ него передать вамъ мои желанія, и сердце мое, кромѣ того, внушило мнѣ написать къ вамъ. Именемъ Бога, государь, да не выкажетъ ваше величество неуваженія, да не обнаружите вы пренебреженія къ ордену, установленному для того, чтобы награждать усердіе и храбрость вашихъ подданныхъ. Подумайте, государь, о томъ, что въ теченіе долгаго времени этотъ знакъ отличія былъ наградою за пролитую кровь, за члены, истерзанные на службѣ отечеству. Сожальтесь надъ столькими несчастными, которые утратили бы все, увидѣвъ, что ихъ государь оказываетъ презрѣніе тому, что составляетъ ихъ славу, свидѣтельствуя о ихъ мужествѣ. Если вы, государь, имѣете намѣреніе упразднить этотъ орденъ,—вы, переставая возлагать его на вашихъ подданныхъ, тѣмъ самымъ упраздните его, но до того времени удостойте почета носящихъ его, становясь при случаѣ во главѣ ихъ. Ваше величество можете найти разные предлоги, чтобы самому имъ не украшаться, какъ, напримѣръ, тотъ, что вы не успѣли его заслужить, такъ какъ обстоятельства не дали вамъ къ тому случая, при чемъ вы, умѣя цѣнить заслуги тѣхъ, которые его носятъ, все-таки можете поставить въ удовольствіе доказать имъ ваше уваженіе вашимъ присутствіемъ. Простите меня, государь, если мое усердіе нескромно; но пока я буду принимать къ сердцу вашу славу, и пока любовь къ вамъ вашихъ вѣрноподданныхъ будетъ предметомъ моихъ желаній для васъ, я буду считать своимъ долгомъ раскрывать вамъ мое сердце на счетъ всего, что можетъ касаться лично вашего императорскаго величества. Въ такихъ чувствахъ относительно моего государя считаю я долгомъ жить и умереть» ¹⁾.

¹⁾ Осымнадцатый Вѣкъ, III, 425—426.

Письмо Нелидовой произвело свое дѣйствіе: Павелъ уступилъ старому своему другу въ томъ, въ чемъ не хотѣлъ уступить ни Маріи Ѳеодоровнѣ, ни Плещееву, а затѣмъ 30-го ноября посѣтилъ Смольный институтъ, вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и его супругой Елисаветой Алексѣевной ¹⁾. 11-го декабря, наканунѣ дня рожденія своей любимицы, Павелъ, стремясь излить на нее свою щедрость и не смѣя дарить ей лично, именнымъ указомъ сенату пожаловать ей матери двѣ тысячи душъ крестьянъ въ родномъ ей Дорогобужскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи ²⁾. Новая милость императора къ роднымъ Нелидовой, какъ видно, сильно смутила ее, и она писала ему:

«Ради Бога, государь, позвольте мнѣ просить у васъ, какъ милости, чтобы вы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное для себя богатство тысячу душъ, отъ которыхъ я не смѣю отказаться за нее, потому что она мнѣ мать. Вы понимаете, государь, все то, что въ этихъ обстоятельствахъ можетъ связать мнѣ языкъ. Но смѣю завѣрить васъ всѣмъ тѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодареніемъ, если бы вы имѣли милость дать ей 500 душъ, и моя мать сочла бы себя весьма счастливою и щедро награжденною, между тѣмъ какъ 2.000 душъ тяготятъ мою совѣсть: ни моя мать, ни кто либо изъ моихъ близкихъ еще не служилъ вамъ; есть еще время уменьшить вашъ даръ на половину, и я повергаюсь къ вашимъ стопамъ, чтобы просить васъ объ этомъ; можно сказать, что 2.000 душъ были выставлены по ошибкѣ: сдѣлайте это, государь, ради Бога, пока на это есть еще время, снимите съ моего сердца тяжесть». Благодаря затѣмъ Павла за присланный ей лично фарфоръ, Нелидова заключила свое письмо словами: «я была бы счастлива, если бы у меня не было ни дня рожденія, ни именинъ» ³⁾. Пожалованіе матери Нелидовой, конечно, уменьшено не было, а 1-го января 1797 г. Павелъ Петровичъ доказалъ безкорыстно-скромной своей любимицѣ, что, кромѣ дня рожденія и именинъ, существуетъ для раздачи милостей еще и новый годъ: въ этотъ день тотъ же счастливый, очевидно любимый, братецъ Нелидовой произведенъ былъ въ полковники съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта ⁴⁾.

Примиреніе между Павломъ и Нелидовой, очевидно, состоялось: Нелидова не устояла въ своемъ рѣшеніи, объявленномъ ею Александру Куракину за четыре дня до восшествія Павла на престолъ, — только молиться о счастіи своего непостояннаго друга. И дворецъ,

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ 1796 г.

²⁾ Сенатскій архивъ, 80.

³⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III.

⁴⁾ Высочайшіе приказы 1797 г., Спб. Вѣдомости, № 2.

и вся официальная Россія знали уже, кто является властительницей сердца императора, въ чьихъ рукахъ находится гнѣвъ и милость самодержца, не привыкшаго разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ и дѣйствовавшаго быстро и рѣшительно. Всѣ, искавшіе милости Павла Петровича, группировались около всемогущей, какъ казалось, фаворитки, положеніе которой было тѣмъ прочнѣе и почетнѣе, что сама супруга Павла, новая императрица, всячески выказывала ей свое вниманіе и уваженіе.

«Вамъ пріятно будетъ узнать,—писалъ Воронцову придворный докторъ Рожерсонъ 14-го декабря 1796 года,—что миръ и согласіе царствуютъ въ императорскомъ семействѣ. Императрица, которая, безъ сомнѣнія, есть самая добродѣтельная женщина въ мірѣ, пользуется вліяніемъ, но не злоупотребляетъ имъ... Она занята тѣмъ, что дѣлаетъ добро. Она часто ѣздитъ въ Смольный монастырь, который ввѣренъ ей попеченіямъ. Она прилагаетъ всѣ старанія, чтобы побудить m-lle Нелидову возвратиться ко двору, но та до настоящаго времени остается непоколебимою въ этомъ отношеніи. Дѣвица эта ведетъ себя такимъ образомъ, что возбуждаетъ всеобщее удивленіе и почтеніе: она изрѣдка появляется на придворные обѣды, но не хочетъ ни во что вмѣшиваться, хотя ей ни въ чемъ не было бы отказа. Г-жа Делафонъ назначена статсъ-дамой, и я думаю, что честолюбивыя цѣли Нелидовой заключаются въ томъ, чтобы послѣ этой престарѣлой своей подруги получить начальство надъ Смольнымъ» (sic) ¹⁾.

Одна изъ придворныхъ дамъ того времени, извѣстная графиня Головина, еще подробнѣе уясняетъ значеніе, пріобрѣтенное тогда Нелидовой. «Въ первый визитъ свой въ Смольный, — рассказываетъ она, — императоръ примирился съ Нелидовой и велъ себя такъ хорошо, что сама императрица вынуждена была смотрѣть на нее, какъ на лучшаго своего друга, и сообразно съ этимъ относиться къ ней. Съ этого момента единеніе самое полное (*l'intimité la plus parfaite*) видимо установилось между императрицей и m-lle Нелидовой. Императрица этимъ союзомъ съ новою своею подругой укрѣпила свое вліяніе, и обѣ онѣ вмѣшивались во всѣ дѣла и во всѣ назначенія и въ особенности поддерживали другъ друга. Единеніе это было бы для всѣхъ удивительнымъ, если бы вскорѣ не стало яснымъ, что оно основывалось на личномъ интересѣ: безъ m-lle Нелидовой императрица не могла разсчитывать имѣть какое либо вліяніе на своего супруга, какъ это и было потомъ доказано; точно также и Нелидова безъ императрицы, въ стремленіи своемъ вести себя всегда прилично, не могла бы играть при дворѣ той роли, которою она пользовалась, и нуждалась поэтому въ расположеніи императрицы, бывшемъ какъ бы защитой для ея репутаціи. Посвѣщенія Смольнаго

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XXX, 84—85.

дворомъ сдѣлались весьма часты. Императрица была чрезвычайно рада видѣть дворъ въ учрежденіи, которымъ она управляла, а м-ле Нелидовой пріятно было доказать публикѣ, что именно ея присутствіе влекло туда императора, и что онъ охотно являлся туда потому, что м-ле Нелидова въ особенности любила это мѣсто. Вслѣдствіе всего этого, всѣ три заинтересованные лица находили свои вечернія собранія прелестными, проводя ихъ часто исключительно въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Но остальная часть двора присутствовала тамъ лишь потому, что императоръ пріѣзжалъ всегда въ Смольный не иначе, какъ съ большою свитой. Великіе князья и великія княгини проводили тамъ время смертельно скучно. Иногда молодыя воспитанницы давали концерты, иногда онъ танцевали, но часто время проходило въ полномъ ничегонедѣланіи».

Сама Нелидова также ѣздила иногда въ Зимній дворецъ, гдѣ отведены были для нея особые апартаменты, долгое время и послѣ называвшіеся Нелидовскими ¹⁾, но не захотѣла переселиться туда на постоянное жительство, зная хорошо перемѣнчивый характеръ государя и не желая вторично ставить себя въ ложное положеніе.

Въ чемъ же выразилось вліяніе Нелидовой въ то время, когда ея царственный поклонникъ сдѣлался повелителемъ обширнѣйшей и могущественнѣйшей имперіи въ свѣтѣ? Можно сказать положительно, что въ новомъ своемъ значеніи наша героиня оказалась тою же сентиментально доброю и благонамѣренною институткой, какою была она и ранѣе при дворѣ Павла. У Нелидовой не было и признаковъ государственнаго ума и политическаго образованія, не было даже твердыхъ политическихъ убѣжденій, которыя могли бы выработаться у нея даже чисто практическимъ путемъ въ теченіе 20-ти-лѣтняго пребыванія среди дѣльцовъ вѣка Екатерины въ водоворотѣ крупныхъ политическихъ перемѣнъ въ судьбахъ Россіи и Европы, рѣзко характеризующихъ собою вторую половину XVIII вѣка. Вмѣсто какихъ либо теорій, Нелидова, подобно большинству женщинъ того времени, создавала себѣ не продуманныя политическія симпатіи, вызванные на свѣтъ Божій попреимуществу какими либо нравственными и сердечными мотивами: все доброе, прекрасное, великодушное или все казавшееся таковымъ встрѣчало участіе и поддержку Екатерины Ивановны, какъ бы мало ни согласовалось это «доброе» съ государственными соображеніями и цѣлями; точно также, по чисто женской логикѣ, всѣ симпатичные почему либо люди или казавшіеся таковыми признавались людьми достойными и полезными для государства, и, наоборотъ, самыя искренніе и дѣловитые государственные люди не возбуждали къ себѣ никакого уваженія, если отталкивали отъ себя несимпатичною внѣшностью или какимъ либо мнѣніемъ, мало согласовавшимся съ «вели-

¹⁾ Русскій Арх., 1878, 2168.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

кодушіемъ», «добротою» и т. д. Короче, политическія мнѣнія Нелидовой и единомысленныхъ съ ней приближенныхъ Павла говорили болѣе сердцу, чѣмъ уму. Вотъ почему въ области теоретическихъ государственныхъ соображеній Павелъ Петровичъ былъ всегда сильнѣе Нелидовой и дѣйствовалъ, какъ и прежде, въ этомъ отношеніи самостоятельно: измѣнялся всегда не образъ его мыслей, а характеръ его дѣйствій, которымъ легко было управлять и Нелидовой, и Маріи Ѳеодоровнѣ, въ первое время его царствованія.

Удерживать императора отъ вспышекъ гнѣва и отъ рѣзкихъ необдуманныхъ распоряженій, вызывавшихъ недовольство войскъ и общества, ходатайствовать за опальныхъ, назначать на высшія придворныя и государственныя должности людей, благонамѣренныхъ и преданныхъ государю, — вотъ чего главнымъ образомъ добивались новая императрица и ея довѣренная фрейлина. Въ особенности легко было имъ содѣйствовать выбору должностныхъ лицъ. Павла Петровича всегда преслѣдовала боязнь заговоровъ или дворцоваго переворота: событія 1762 года всегда живо представлялись его воображенію. Поэтому онъ стремился окружить себя такими людьми, на которыхъ могъ бы вполне разсчитывать. Оттого онъ, по свидѣтельству современниковъ, возвышалъ на высшія должности часто недостойныхъ людей, менѣе всего способныхъ къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Такихъ людей онъ выбиралъ изъ числа своихъ гатчинцевъ, такихъ онъ отыскивалъ среди приверженцевъ своего отца, которые когда-то дали ему доказательство своей вѣрности, среди ихъ потомковъ или родственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ преслѣдовалъ и удалялъ тѣхъ, которые пользовались вниманіемъ его матери и которые уже по одному этому были для него подозрительны. Боязнь какой либо измѣны была постояннымъ, всегда дѣйствующимъ мотивомъ его поступковъ и его милостей ¹⁾. Старые друзья Павла, братья Куракины, сразу получили высшія мѣста въ имперіи: Александръ, другъ Нелидовой, назначенъ былъ вице-канцлеромъ, а Алексѣй — генераль-прокуроромъ, Ростопчинъ и Аракчеевъ завѣдывали военною частію, Плещеевъ, Лопухинъ, Нелединскій-Мелецкій, двоюродный братъ Куракиныхъ, состояли при особѣ императора для докладовъ, Кушелевъ по морской части и др. Изъ екатерининскихъ дѣльцевъ пользовался дѣйствительнымъ вліяніемъ лишь Безбородко, умѣвшій доказать свою преданность и выдвинувшій тогда же и Трошинскаго. Было бы утомительно перечислять всѣхъ лицъ, которымъ, по личнымъ соображеніямъ, покровительствовала сама Нелидова: достаточно указать на графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена, женатаго на ея интимной институтской подругѣ, Наталіи Александровнѣ Алексѣевой ²⁾, и получившаго,

¹⁾ Czartoryski, Memoires, I, 182.

²⁾ Князь Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», I, 5, 421. — По

по восшествіи Павла на престолъ, извѣстный эстляндскій замокъ Лоде, предполагавшійся, какъ думали, мѣстомъ ссылки самого Павла, съ принадлежащими къ нему мызами, и затѣмъ графское достоинство¹⁾, а также барона Гейкинга, женатаго на дочери г-жи Делафонъ, изъ предсѣдателей курляндской гражданской палаты пожалованнаго сначала сенаторомъ и въ этомъ званіи употреблявшаго всѣ усилія къ возобновленію уничтоженныхъ Екатериной остзейскихъ привилегій, а затѣмъ и президентомъ юстицъ-коллегіи. «Вызванный внезапно въ Петербургъ,— рассказываетъ самъ Гейкингъ,— я поспѣшилъ въ Смольный институтъ, къ своей тещѣ, у которой нашелъ дамъ изъ нашихъ пріятельницъ. Мы уже отобѣдали, когда изъ дворца пріѣхала фрейлина Нелидова. Самымъ любезнымъ образомъ выразила она радость свидѣться со мною у «Guten Mama» (такъ продолжали называть мою тещу всѣ бывшія воспитанницы института, какое бы положеніе въ обществѣ онѣ ни занимали). Поцѣловавъ у своей «мата» руку, она сказала ей: «ихъ величества поручаютъ мнѣ поздравить васъ съ удовольствіемъ видѣть у себя господина барона. Государь милостиво разрѣшилъ привѣтствовать его завтра вечеромъ». Затѣмъ, оборотясь ко мнѣ, госпожа Нелидова внушительно замѣтила: «Вы не дурно сдѣлаете, если завтра поутру зайдете къ генералъ-прокурору (Алексѣю Куракину); но ранѣе восьми часовъ», замѣтила она, улыбаясь. «Да», сказалъ кто-то изъ присутствующихъ: «все въ Петербургѣ измѣнилось: поднимаются очень рано, а въ 11 часовъ вечера всѣ—по домамъ». Оказалось, что генералъ-прокурору уже повелѣно было спросить у Гейкинга, какое ему угодно будетъ занять мѣсто въ Петербургѣ, и скромный баронъ выбралъ себѣ только мѣсто сенатора; вмѣстѣ съ тѣмъ, еще до представленія государю, Гейкингу даровано было рѣдкое право присутствовать на малыхъ вечернихъ собраніяхъ во дворцѣ и ужинать съ государемъ. Гейкингъ и впослѣдствіи пользовался поддержкой Fräulein Nelidow²⁾).

Заступничество Нелидовой за опальныхъ повело къ тому, что она не имѣла враговъ; напротивъ, она всѣмъ внушала къ себѣ расположеніе своимъ поведеніемъ. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1762 года, оберъ-гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій, первый испыталъ заслуженный, хотя и поздній гнѣвъ императора: въ день кончины Екатерины на его мѣсто оберъ-гофмаршаломъ назначенъ былъ графъ Н. П. Шереметевъ; самъ же Барятинскій былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ на другой день, 7-го ноября³⁾. «Въ день

свидѣтельству Гельбига, она была дочерью графа Григорія Орлова, у котораго Вуксгевдонъ былъ адъютантомъ.

¹⁾ Сенатскій Архивъ, I, 58, 142.

²⁾ «Aus den Tagen Kaiser Pauls», Leipzig, 1886, 8 et seq.

³⁾ Сенатскій Архивъ, I, 1. Любопытно, что одновременно съ этимъ другой не менѣе виновный дѣятель 1762 года графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій под-

праздника св. Георгія, — рассказывает графиня Головина въ своихъ запискахъ, — дочь князя Барятинскаго, княгиня Долгорукова, просила императора о прощеніи отца, но Павелъ отказалъ ей. Тогда Долгорукова обратилась за помощью къ Нелидовой, которая и обѣщала ей свое покровительство. Я находилась позади нихъ обѣихъ, когда княгиня настаивала предъ м-ле Нелидовой, чтобы она ходатайствовала за нее предъ императоромъ. Въ это время государь приблизился къ м-ле Нелидовой, которая стала говорить ему о княгинѣ Долгоруковой, какъ о дочери, страдающей при видѣ несчастія отца. Императоръ отвѣтилъ: «Я также имѣлъ отца, сударыня». По крайней мѣрѣ, ходатайству Нелидовой Барятинскій одолженъ былъ, вѣроятно, тѣмъ, что избавленъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Не менѣе любопытный случай рассказываетъ Шишковъ, состоявшій въ то время при особѣ императора. «Мнѣ, — говоритъ онъ, — случилось однажды на балѣ, въ день бывшаго праздника, видѣть, что государь чрезвычайно разсердился на гофмаршала и приказалъ позвать его къ себѣ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ему великую непріятность. Катерина Ивановна стояла въ это время подлѣ него, а я — за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье. Онъ тотчасъ почувствовалъ, что это значило, и отвѣтилъ ей отрывисто: «Нельзя воздержаться!» Она опять его дернула. Между тѣмъ, гофмаршалъ приходитъ, и хотя Павелъ изъявилъ ему свое негодованіе, но гораздо кротчайшимъ образомъ, нежели какъ по первому гнѣвному виду его ожидать надлежало. О, если бы при царяхъ, и особливо строптивыхъ и пылкихъ, — заключаетъ Шишковъ, — всѣ были Катерины Ивановны!» ¹⁾ Письма Нелидовой къ Павлу вообще были наполнены просьбами за опальныхъ ²⁾. Доброе сердце, боязнь за безопасность государя, желаніе, чтобы царственный ея другъ возбуждалъ своими дѣйствіями чувства восхищенія, радости, а не вражды и страха, — вотъ что руководило Нелидовой въ ея ходатайствахъ за лицъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ей даже совершенно неизвѣстныхъ. Настойчивость Нелидовой оправдывалась иногда и личными соображеніями; всѣмъ было извѣстно вліяніе ея на государя, и она имѣла основаніе бояться, что многія изъ его жестокихъ распоряженій лягутъ на ея совѣсти, вызовутъ въ обще-

вергся опалѣ значительно позже, а первое время Павелъ, вопреки распространеннымъ рассказамъ, относился къ нему довольно благосклонно. Такъ, изъ камеръ-фурьерскаго журнала 1796 года видно, что Орловъ въ теченіе ноября мѣсяца былъ два раза, въ числѣ немногихъ, приглашаемъ къ высочайшему столу. Намъ сдается, что опала графа Орлова-Чосменскаго послѣдовала послѣ находки Павломъ письма, напечатаннаго въ «Архивѣ князя Воронцова», XXI, 98. Павелъ показалъ его Маріи Θεодоровнѣ и Нелидовой (тамъ же, 94).

¹⁾ Шишковъ, Записки, 81 — 82, примѣчаніе.

²⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, *passim*.

ствѣ, не знавшемъ истинныхъ предѣловъ ея воздѣйствія, дурные о ней толки. «Мнѣ невозможно, государь,— писала она однажды Павлу,— воспротивиться голосу состраданія, которое заставляетъ меня показать вамъ это раздирающее письмо. Мое заступничество не повело бы тутъ ни къ чему, я это знаю; поэтому я не прошу васъ сдѣлать что нибудь для меня, но для Бога. Сжальтесь надъ 80-ти-лѣтнимъ старцемъ! Если бы вы знали, что мнѣ стоитъ говорить, и чего мнѣ стоитъ молчать въ подобныхъ случаяхъ, вы бы поняли всю тяжесть моего положенія» ¹⁾. Но и государственныя соображенія, хотя въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, также имѣли для Нелидовой свою долю значенія при ея стремленіи умолять неволежнаго на гнѣвъ императора. Всеобщая перетасовка даже высшихъ должностныхъ лицъ въ имперіи, послѣдовавшая вслѣдъ за воцареніемъ Павла, замѣна старыхъ, опытныхъ екатерининскихъ дѣльцевъ людьми, правда, преданными новому государю, но вовсе еще не знакомыми съ дѣлами управленія,— не могли не вызывать опасеній и Нелидовой, и Маріи Ѳеодоровны, въ особенности при склонности Павла къ опрометчивымъ, необдуманнѣйшимъ рѣшеніямъ. Извѣстный правитель канцеляріи Потемкина, Василій Степановичъ Поповъ, завѣдывавшій послѣ его смерти дѣлами императорскаго кабинета. Узнавъ о многихъ противозаконныхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ Попова, совершенныхъ имъ во время службы его при Потемкинѣ, Павелъ уволилъ его безъ прошенія, назначивъ на его мѣсто бывшего своего бібліотекаря Донаурова ²⁾. По этому поводу Нелидова писала императору: «Я не знаю лично Попова, но полагаю, что было бы жаль лишиться человѣка, извѣстнаго по своему трудолюбію и порядчивости (*vraiment d'ordre*). Если то, что вамъ въ немъ не нравится, не такого свойства, что могло бы повредить дѣламъ, то ради Бога, государь, будьте снисходительны: удерживайте ихъ какъ можно долѣе, эти свѣтлыя головы. Но если совершенно необходимо дать ему преемника, то посоветуйтесь объ этомъ съ Безбородко. Его честности можетъ послужить вамъ ручательствомъ, что онъ укажетъ вамъ на человѣка способнаго; что касается до меня, то я не смѣю положиться на свое сужденіе. Во всякомъ случаѣ, молю Бога, чтобы онъ руководилъ вами» ³⁾. Слѣдствіемъ этого письма было назначеніе Попова уже 8-го февраля членомъ мануфактуръ-коллегіи ⁴⁾. Платонъ Зубовъ, также навлекшій на себя немилость Павла и уволенный 3-го февраля по прошенію за границу для поправленія здоровья ⁵⁾, обязанъ былъ этой легкой формой

¹⁾ Осымнадцатый Вѣкъ, III, разсѣи, 439. Мы не могли опредѣлить, по какому случаю написано было это письмо.

²⁾ Сенатскій архивъ, I, 92.

³⁾ Осымнадцатый Вѣкъ, III, 438.

⁴⁾ Сенатскій архивъ, I, 104.

⁵⁾ Тамъ же, 98.

своей опалы также Нелидовой. «Благодарю васъ, государь,—писала она,—за вашу милость къ князю Зубову, ибо всѣ страждущіе имѣютъ право на мое сочувствіе, и я всегда тронута вашимъ великодушіемъ къ нимъ. Да благословитъ васъ Богъ»¹⁾. Нелидова хлопотала также и за Суворова, чѣмъ, конечно, не мало содѣйствовала облегченію его печальной участи²⁾. Вообще, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первый годъ царствованія Павла отличался бы гораздо большею суровостью, если бы нравъ государя не умѣрялся въ это время мягкимъ вліяніемъ его друга.

VI.

Смерть г-жи Бенкендорфъ.—Торжества коронаціи.— Анна Петровна Лопухина и Кутайсовъ.—Проявленіи дурныхъ свойствъ характера императора.—Николай Петровичъ Архаровъ.—Назначеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны начальствовать надъ Воспитательными домами.—Въ какой мѣрѣ Нелидова содѣйствовала благотворительной дѣятельности Маріи Ѳеодоровны?

Въ мартѣ 1797 года, среди приготовленій къ коронаціи, Марія Ѳеодоровна потеряла стараго друга своего, г-жу Бенкендорфъ, которая умерла за границей, куда поѣхала лѣчиться. По воцареніи Павла, г-жа Бенкендорфъ вызвана была вмѣстѣ съ мужемъ ко двору и осыпана милостями государя, старавшагося забыть неудовольствія великаго князя, но, наученная горькимъ опытомъ, она уже ни во что не вмѣшивалась и держала себя, по отзыву современниковъ, очень скромно³⁾. Съ своей стороны, Нелидова отнеслась къ Бенкендорфъ дружелюбно, чѣмъ приобрѣла новыя права на расположеніе Маріи Ѳеодоровны, которая, помѣстивъ двухъ дочерей Бенкендорфъ въ Смольный, поручила ихъ особому вниманію Нелидовой и вновь назначенной помощницы Делафонъ, г-жи Пальменбахъ⁴⁾. Пока императорская чета готовилась въ Москвѣ къ коронаціи, смольнянки съ Нелидовой во главѣ, угождая военнымъ вкусамъ Павла Петровича, вышивали девять воинскихъ знаменъ⁵⁾. Повезла ихъ въ Москву сама Нелидова, пріѣхавшая туда къ самому торжеству коронаціи, которая произошла въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Торжество это сопровождалось неслышанными дотолѣ милостями вновь вѣнчаннаго императора: чины, ордена, громадныя имѣнія, десятки тысячъ дунѣ крестьянъ розданы были съ неслыханною

¹⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 106.

²⁾ «Correspondance», 362.

³⁾ Письма Николаю къ Воронцову, Архивъ князя Воронцова, XXII, 30.

⁴⁾ Письма Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву (ркл.). Варонъ Вюлеръ: «Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ», Русск. Стар., 1890.

⁵⁾ Correspondance, 372.

расточительностію лицамъ, пользовавшимся его расположеніемъ, особенно въ гатчинскій періодъ его жизни. Львиная доля этихъ милостей досталась друзьямъ Нелидовой, князьямъ Александру и Алексію Куракинымъ, пожалованія которымъ, по миллионной стоимости ихъ, можно было бы сравнить лишь съ пожалованіями, сдѣланными въ это же время Безбородко ¹⁾). Несомнѣнно, что одно лишь личное желаніе, хорошо извѣстное Павлу Петровичу, было причиною того, что Нелидова не получила въ день коронаціи ничего, кромѣ званія камеръ-фрейлины, вполнѣ соответствовавшего ея исключительному значенію при дворѣ.

Впрочемъ, уже въ Москвѣ, среди коронаціонныхъ празднествъ, на горизонтѣ царственной четы и Нелидовой появилось легкое облачко, впослѣдствіи превратившееся въ грозовую тучу. Изъ московскихъ дѣвицъ, явившихся ко двору, особенное вниманіе Павла обратила на себя молодая, 19-ти-лѣтняя Анна Петровна Лопухина, дочь одного изъ московскихъ сенаторовъ, Петра Васильевича Лопухина. Это была красавица-брюнетка, съ чудною бѣлизною лица и глубокими выразительными глазами; красота Лопухиной носила, по отзыву современниковъ, кроткій, меланхолическій характеръ, и была тѣмъ болѣе поразительна, что Лопухина отличалась необыкновенною скромностію. По словамъ современника, Павелъ нѣсколько разъ говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Анной Петровной, и это повело къ безпокойству императрицы и Нелидовой, постаравшихся ускорить отъѣздъ императора изъ Москвы. Но, разумѣется, это обстоятельство не скрылось и отъ другихъ придворныхъ, въ особенности отъ Ивана Павловича Кутайсова, только что произведеннаго въ гардеробмейстеры, но продолжавшаго исполнять свои обязанности брандербейра при государѣ ²⁾). Кутайсовъ считалъ себя обиженнымъ при раздачѣ коронаціонныхъ наградъ и винилъ въ этомъ исключительно императрицу и Нелидову, вліяніе которыхъ на Павла онъ жаждалъ замѣнить своимъ или чѣмъ либо другимъ въ личныхъ своихъ цѣляхъ. Замѣчательно, что императрица и Нелидова именно въ это время спасли отъ гнѣва Павла этого злѣйшаго и самаго опаснаго своего врага. «Имѣніями и орденами (во время коронаціи),— рассказываетъ Гейкинъ, — вообще не скупились. Пользуясь этимъ, г. Кутайсовъ, хотя и получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, вадумалъ попросить у государя еще орденъ св. Анны 2-го класса. Сильно разгнѣвавшись, Павелъ выгналъ его и, войдя къ императрицѣ, у которой засталъ фрейлину Нелидову, объявилъ имъ, что Кутайсовъ

¹⁾ Вѣроятно, что именно, эти пожалованія, въ связи съ дружескими отношеніями Нелидовой къ князю Александру Куракину, и вызвали въ Москвѣ слухъ, что «камеръ-фрейлина Нелидова идетъ за вице-канцлера князя Куракина». Архивъ князя Воронцова, XIV, 484.

²⁾ Aus den Tagen Kaiser Pauls (Heyking), 46

уже уволенъ за его безтыдство. Усилия государыни успокоить своего супруга, въ которомъ еще кипѣла кровь, были напрасны; только послѣ обѣда удалось г-жѣ Нелидовой испросить прощенье Кутайсову. Тотъ въ изъявленіе благодарности бросился къ ея ногамъ, но послѣдствія показали, какова была его признательность къ обвинъ его благодѣтельницамъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, непосредственность чувствъ рыцарскаго государя, на проломъ стремившагося къ водворенію «порядка и правды» въ Россіи, измѣнительность его настроенія, боязнь измѣны и заговоровъ, подавали интриганамъ, наполнявшимъ дворъ, увѣренность въ томъ, что вліянію Маріи Оеодоровны и Нелидовой на императора, рано или поздно, положенъ будетъ конецъ. Передавая графу Воронцову подробности происходившихъ въ Москвѣ событій, лейбъ-медикъ Рожерсонъ писалъ ему 10-го іюня 1797 года о характерѣ дѣйствій Павла: «Все производилось здѣсь случайно, по минутному впечатлѣнію. Когда онъ (Павелъ) чего либо хочетъ (курсивъ въ подлинникѣ), не осмѣливаются дѣлать ему возраженія, такъ какъ на каждый совѣтъ или представленіе онъ смотритъ, какъ на ослушаніе (rebellion). Иногда на слѣдующій день императрица, и еще чаще Нелидова, въ особенности когда онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, успѣвають пріостановить его рѣшеніе, но это случается очень рѣдко²⁾. Нелидова въ настоящее время очень дружна съ императрицей, и нужно сознаться, что по своимъ качествамъ, по своему характеру, по своей умѣренности, она стоитъ выше всѣхъ прочихъ фаворитовъ и министровъ»³⁾.

Дѣйствительно, въ Москвѣ Павелъ Петровичъ не всегда сдерживалъ себя, видя на происходившихъ смотрехъ войскъ недостаточную, по его мнѣнію, выправку солдатъ по новому образцу, имъ только что установленному, и приписывая это «потемкинскому духу» офицеровъ: военные приказы того времени наполнены рѣзкими выговорами и даже исключеніями офицеровъ изъ службы⁴⁾. Хуже всего

¹⁾ Aus den Tagen Kaiser Pauls (Heyking), 45—46.

²⁾ 18-го апрѣля, въ Успенскомъ соборѣ въ высочайшемъ присутствіи было молебствіе и засимъ торжественное чтеніе новаго статута орденовъ, въ число которыхъ, однако, не былъ внесенъ орденъ св. Георгія. Но во время этого чтенія, «государь изустно съ престола нирочи соизволилъ тако: «А орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія останеи на пражнемъ своемъ основаніи такъ, какъ и статутъ его». Спб. Вѣдом., 1797 г., № 63. Несомнѣнно, что это одинъ изъ случаевъ, указываемыхъ Рожерсономъ.—П. С. З., 17.917.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, XXX, 86—87.

⁴⁾ Изъ приказовъ этихъ выдѣляется особенно приказъ отъ 27 марта: «Государь объявляетъ свое удовольствіе генералъ-адъютанту Архарову за сегодняшній разводъ его полка.—Екатеринославскаго кирасирскаго полка шефу, генералу-отъ-кавалеріи князю Волконскому—выговоръ за несправность его полка. Онаго же полка майору Ермолинъ выключенъ изъ службы.—Его императорское величество, замѣтивъ, что офицеры Екатеринославскаго кирасирскаго полка не прилагаютъ и не радѣютъ къ службѣ, сдѣлавъ таковымъ выговоръ, а впредь принужденъ будетъ взять другія мѣры и всѣхъ лѣнивыхъ и непріложныхъ выключитъ изъ службы.

было то, что, дѣйствуя по первому впечатлѣнію и не давая себѣ труда разобрать дѣло, Павелъ весьма часто наказывалъ людей, равно ни въ чемъ неповинныхъ, и, наоборотъ, выражалъ иногда свое благоволеніе именно людямъ, которые, угождая его слабостямъ, думали только о личныхъ своихъ выгодахъ. Однимъ изъ такихъ фаворитовъ Павла былъ въ это время петербургскій генераль-губернаторъ, Николай Петровичъ Архаровъ, человѣкъ весьма хитрый и проницательный, снискавшій себѣ извѣстность въ царствованіе Екатерины, какъ отличный полицейскій сыщикъ. При Павлѣ Архаровъ задумалъ играть другую, болѣе важную роль: пользуясь подвѣрительностію императора и его боязнію измѣны и заговоровъ, онъ старался съ одной стороны держать Павла въ постоянномъ безпокойствѣ своими доносами, чтобы сдѣлаться необходимымъ для него человѣкомъ, а съ другой—доказать ему свое усердіе, поддѣлываясь подъ его вкусы, самовольно усиливая значеніе и смыслъ его распоряженій и часто, даже сознательно, искажая ихъ; такъ, напримѣръ, на другой же день по кончинѣ Екатерины, онъ приказалъ будочникамъ срывать съ проходящихъ по улицамъ круглыя шляпы и фраки, не нравившіеся Павлу, какъ признакъ революціоннаго духа времени: онъ же принималъ дѣятельное участіе въ раскрытіи мнимаго заговора Дмитріева и Лихачева. Всѣ сами по себѣ мелочныя распоряженія Павла Петровича по полицейской части: о ношеніи одежды, объ обзорѣ наружнаго благочинія петербургскихъ обывателей, приводились имъ въ исполненіе отъ имени императора съ придирчивостію и неумолимою жестокостію, вызывавшими всеобщее негодованіе, донося о которомъ онъ вновь имѣлъ случай увѣрить Павла въ своей преданности и полезности. Императрица и Нелидова не любили Архарова, считали его человѣкомъ низкимъ по характеру и, по случаю пребыванія его въ Москвѣ на торжествахъ коронаціи, содѣйствовали назначенію временнымъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена, женатаго на Наталіи Александровнѣ Алексѣевой, подругѣ Нелидовой. Съ этого времени Архаровъ чувалъ опасность для себя въ будущемъ и бралъ свои мѣры.

2-го мая, наканунѣ выѣзда императорской четы изъ Москвы, императрица Марія Ѳеодоровна назначена была главноначальствовать надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ, что Нелидова имѣла какое либо вліяніе какъ на это назначеніе, такъ и вообще на всю широкую просвѣтительную и благотворительную дѣятельность своей царственной подруги¹⁾. Нелидова интересовалась Смольнымъ только лишь, какъ

О таковыхъ шефъ этого полка, замѣчая немедленно, долженъ прислать списокъ его величеству». Засимъ слѣдуетъ цѣлый списокъ уже исключенныхъ офицеровъ. Спб. Вѣдом., № 80. Ср. разсказъ А. М. Тургенева, Русск. Стар., 1886, X, 66.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1886, I, 206.

мѣстомъ своего воспитанія, въ дѣла же воспитательныхъ домовъ никогда не вмѣшивалась, и о нихъ въ перепискѣ ея съ императрицей не упоминается ни однимъ словомъ, кромѣ обычныхъ фразъ о великодушій императрицы и о ея добротѣ; стремленіе проявить свою личность дѣлами благотворенія на широкомъ поприщѣ было при-
суще духовной природѣ императрицы, тогда какъ Нелидова, при всей своей сердечности, лишена была всякихъ организаторскихъ талантовъ и даже въ пору наибольшаго своего вліянія ничѣмъ не проявила своихъ наклонностей на поприщѣ общественной дѣятельности въ какой либо доступной для женщинъ сферѣ.

VII.

Отъѣздъ императорской четы изъ Москвы.—Архаровъ и императрица Марія Ѳеодоровна.—Правительственная система императора Павла Петровича и личныя его особенности.—Мелочность и строгость управленія.—Вредныя ихъ послѣдствія и неудовольствіе дворянства и общества.—Дѣятельность Архарова въ Петербургѣ.—Недовольство ею императрицы и Нелидовой.—Замѣна Архарова гр. Буксгевденомъ.—Строгость и мелочность военныхъ порядковъ при Павлѣ.

Императоръ Павелъ выѣхалъ изъ Москвы 3-го мая, направляясь по Смоленской дорогѣ, чтобы проѣздомъ въ Петербургъ посмотреть литовскія губерніи; въ тотъ же день прямой дорогой черезъ Тверь отправилась въ Петербургъ и Марія Ѳеодоровна. Ее сопровождалъ, по приказанію государя, Архаровъ, возвращавшійся къ своей должности и помѣщавшійся въ восьмимѣстной каретѣ ея величества. «Прости, Господи, прегрѣшенія раба твоего Николая,—пишетъ Тургеневъ,—но этотъ Николай (Архаровъ) былъ хитрѣе самого бѣса. Ястребинные большіе его глаза, казалось, пронизывали землю. Онъ умѣлъ незамѣтнымъ образомъ склонить разговоръ о быломъ при вступленіи Екатерины II на тронъ, возбудить любопытство, но, какъ говорятъ, на всякаго хитреца бываетъ много простоты: Архаровъ не распозналъ, что это было одно любопытство, и понялъ подъ видомъ любопытства скрывающіяся желанія—знать, какъ дѣйствовать въ потребномъ случаѣ, желаніе имѣть примѣръ въ руководство, распространился и, какъ объяснилось послѣдствіемъ, распространился въ разсказѣ чрезъ мѣру наивно! Описывая блистательное время царствованія великой Екатерины, Архаровъ сказалъ, что «благословенные дни счастья, славы и благоденствія могутъ мгновенно возникнуть въ Россіи, слѣдуетъ только поступать по стопамъ въ Божѣ почившей мудрой повелительницы Сѣвера». По возвращеніи государя, благовѣрная супруга его,—добавляетъ Тургеневъ,—пересказала императору слышанное ею на пути отъ Архарова. Чрезъ 24 часа было повелѣно Архарову отправиться на безвыѣздное его житіе въ село Разбѣгаевку (Разсказово), Тамбовской

губерніи, которое ему принадлежало» (пожаловано было въ день коронаціи ¹⁾).

Разсказъ этотъ, не вполне, быть можетъ, достовѣрный въ подробностяхъ, въ высшей степени характеристиченъ для эпохи и дѣйствующихъ лицъ, и въ правдивости его нѣтъ поводовъ сомнѣваться. Искренно ли говорилъ Архаровъ Маріи Ѳеодоровнѣ или, что гораздо вѣроятнѣе, желалъ вывѣдать ея мысли, чтобы затѣмъ предать ее, — во всякомъ случаѣ слова Архарова должны были возмутить императрицу ²⁾. Любя своего супруга и вовсе не желая повторять событій 1762 г., Марія Ѳеодоровна въ то же время могла бояться, что Павелъ узнаетъ объ этомъ разговорѣ отъ самого Архарова въ извращенномъ видѣ, а она уже испытала нѣсколько разъ, что подозрѣнія Павла, боявшагося за свой престолъ и безопасность, обращались совершенно неосновательно и на нее: императрицѣ оставалось только, ограждая Павла отъ слугъ, подобныхъ Архарову, позаботиться о скорѣйшемъ удаленіи Архарова изъ столицы.

Марія Ѳеодоровна возвратилась изъ Москвы 7-го мая и поселилась въ любимомъ лѣтнемъ своемъ мѣстопребываніи, въ Павловскѣ, за 20 дней до прибытія Павла Петровича изъ поѣздки его по Россіи. Въ этотъ относительно спокойный промежутокъ времени она имѣла полную возможность обсудить вмѣстѣ съ Нелидовой положеніе дѣлъ въ имперіи при новомъ государѣ и тѣ мѣры, которыми онѣ могли бы предотвратить печальныя послѣдствія крутого нрава императора. Павелъ царствовалъ уже болѣе полугода, правленіе его уже возбуждало общественное неудовольствіе, въ особенности въ кругу дворянства, которое было тогда единственнымъ культурнымъ и политически сильнымъ классомъ общества. Правительственная система Павла Петровича, оставшаяся въ главныхъ чертахъ неизмѣнною при его преемникахъ, заключалась въ ослабленіи значенія дворянскаго сословія, въ уничтоженіи его привилегій, сословныхъ и экономическихъ, въ облегченіи тяготъ крестьянства и въ водвореніи порядка и законности въ Россіи; короче, въ его сознаніи, въ основѣ его правительственныхъ мѣропріятій, лежала мысль о равноправности всѣхъ предъ закономъ, источникомъ котораго являлась власть монарха; щедрая раздача крестьянскихъ душъ въ день коронаціи произведена была исключительно

¹⁾ Записки А. М. Тургенева, «Русская Старина», 1885 г. X, 75—74.

²⁾ Извѣстно, что въ іюнѣ 1796 г. императрица Екатерина предложила Маріи Ѳеодоровнѣ подписаться подъ актомъ, лишавшимъ Павла правъ престолонаслѣдія, но получила отъ нея рѣзкій отказъ. Казалось бы, этотъ поступокъ Маріи Ѳеодоровны долженъ былъ внушить Павлу довѣріе къ ней. На самомъ же дѣлѣ, когда послѣ смерти Екатерины онъ узналъ объ этихъ переговорахъ, то, по свидѣтельству его дочери, королевы нидерландской Анны Павловны, онъ измѣнилъ отношенія къ своей супругѣ и сталъ относиться къ ней подозрительно. Сборникъ Имп. Р. И. О., XC, 1411, 10.

съ административными цѣлями: «у меня,—говорилъ Павелъ,—столько же полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ», и одновременно съ этимъ объявленъ былъ манифестъ объ обязанности крестьянъ работать въ пользу помѣщиковъ лишь три дня въ недѣлю ¹⁾, мѣра, на которую изъ боязни обидѣть дворянство не рѣшилась сама Екатерина во все 34-лѣтнее свое царствованіе. Стѣсняемое при дворѣ, откуда Павелъ изгналъ всѣхъ праздныхъ царедворцевъ для опредѣленія въ военную службу, вынужденное нести дѣйствительную военную службу со всѣми ея тягостями, лишившись всѣхъ особыхъ привилегій, связанныхъ съ зачисленіемъ младенцевъ въ списки гвардейскихъ полковъ и съ переходомъ изъ гвардіи въ армію, — дворянство увидѣло себя ограниченнымъ и въ сферѣ чисто помѣщичьей власти, въ отношеніяхъ своихъ къ «крѣпостнымъ», которыми оно, по мысли Павла, должно было управлять, а не держать ихъ въ кабалѣ. Быстрота рѣшеній Павла, неумолимая строгость въ ихъ исполненіи, дѣлали положеніе еще болѣе невыносимымъ. Павлу недоставало умѣнія достигать своихъ цѣлей исподоволь, постепенно, выбирая для этого средства болѣе мягкія, менѣе обидныя; напротивъ того, онъ спѣшилъ, какъ будто боясь не успѣть во всемъ задуманномъ, и, проникшись сознаніемъ полноты своей власти, предпочиталъ дѣйствовать мѣрами суровыми, вовсе не заботясь о выгодахъ и мнѣніи отдѣльныхъ личностей. Привыкнувъ распоряжаться у себя въ маленькомъ хозяйствѣ, Гатчинѣ и Павловскѣ, гдѣ ему извѣстна была вся подноготная и гдѣ ни одна мелочь не ускользала отъ его зоркаго глаза, Павелъ Петровичъ полагалъ возможнымъ приемы этого хозяйства примѣнить и къ жизни громадной имперіи, управляя ею самолично, не оказывая довѣрія ни одному изъ своихъ сотрудниковъ, которыхъ онъ мѣнялъ по малѣйшему подозрѣнію въ чистотѣ ихъ дѣйствій или даже по капризу. Съ цѣлію добиться правды, желая открыть къ себѣ доступъ всякому обиженному и слабому, Павелъ велѣлъ установить у Зимняго дворца знаменитый желтый ящикъ для прошеній, жалобъ и доносовъ, которые всѣ лично прочитывалъ, полагая на нихъ всегда, по обыкновенію, быстрыя, рѣшительныя, но именно потому далеко не всегда обдуманная резолюція. Не было впрочемъ чиновника въ Россіи, который бы не боялся этого желтаго ящика, не было такого преступленія или такой несправедливости, которыя не могли бы быть извѣстны чрезъ этотъ ящикъ грозному государю, не знавшему предѣловъ ни въ своемъ гнѣвѣ, ни въ своей милости. Поэтому, насколько любили Павла Петровича низшіе классы населенія, на-

¹⁾ П. С. З., 17.906.—Саблуковъ («Русскій Архивъ», 1899, 1898) пишетъ: «Павелъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ... Несомнѣнно, что крестьяне считали милостію и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе».

столько же трепетали его классы высшіе, дворянство и чиновничество, а между тѣмъ они-то и окружали особу монарха, наполняя собою дворъ, гвардію и столицу и составляя единственный культурный классъ общества. Прямого противодѣйствія государю въ то время еще не могло быть, но существовало глухое недовольство правительственною системою, стремленіе унижить ее, дѣлать смѣшною. Въ этомъ отношеніи Павелъ Петровичъ оказался легко уязвимъ. Не ограничиваясь важными, коренными преобразованіями въ строго народной и государственной жизни, онъ задумалъ установить, такъ сказать, патріархальную опеку надъ частною жизнью своихъ подданныхъ, стремясь повсюду къ ея простотѣ, порядку и единообразію: изданы были распоряженія противъ роскоши, опредѣлены были частъ, когда въ Петербургѣ должны были быть потушены огни въ частныхъ домахъ, указаны были формы одежды, угодной государю, приняты были мѣры даже противъ употребленія многихъ словъ въ русскомъ языкѣ въ официальныхъ бумагахъ и даже въ разговорѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что эти мѣры, касавшіяся мелочей жизни каждаго, были болѣе отяготительны, чѣмъ какія либо крупныя реформы, такъ какъ, примѣняясь ежедневно, ежедневно, и ломая укоренившіяся привычки, онѣ вызывали постоянное озлобленіе въ обществѣ, въ особенности при дѣятельности усердной не по разуму петербургской полиціи, находившейся подъ начальствомъ пронырливаго и загадочнаго по своимъ дѣламъ и намѣреніямъ Николая Петровича Архарова. Въ особенности тяжело было для жителей столицы предписаніе всѣмъ выходить изъ экипажей, при встрѣчѣ съ государемъ; дамы обязаны были въ этихъ случаяхъ становиться на подножку экипажа. Распоряженіе это повело къ тому, что при проѣздѣ Павла улицы пустѣли. Страсть императора къ мелочамъ военной службы, крайняя чуткость къ театральнымъ и смѣшнымъ экзерциціямъ ежедневнаго вахтъ-парада временъ Фридриха II, отъ правильнаго исполненія которыхъ, при страшной вспыльчивости Павла Петровича, зависѣла судьба солдатъ и офицеровъ, также усиливали всеобщее неудовольствіе. Все это создавало крайне нервное напряженное состояніе духа въ служиломъ классѣ всей Россіи, особенно же въ жителяхъ Петербурга и въ лицахъ, приближенныхъ къ особѣ государя. Эта нервность отражалась въ усиленной степени и на ея виновникѣ, самомъ Павлѣ Петровичѣ, который, чувствуя глухую оппозицію своимъ мѣрамъ и будучи напуганъ ужасами французской революціи, сталъ бояться бунта и заговоровъ, въ каждой случайной ошибкѣ и неточномъ исполненіи его приказаній видѣлъ умышленное неповиновеніе, признакъ революціоннаго духа... Какая обильная почва для недоразумѣній всякаго рода и интригъ злонамѣренныхъ людей!

Ожидая въ Павловскѣ возвращенія Павла, Марія Θεодоровна до такой степени привыкла обмѣниваться мыслями съ Нелидовой, что

въ тѣ дни, когда Нелидона не прѣзжала въ Павловскъ, она писала ей, сообщая различныя новости и изливая предъ ней свои чувства. Обѣ относились къ положенію дѣлъ въ государствѣ довольно тревожно, но источникъ тревоги видѣли не въ направленіи внутренней политики государя, а исключительно въ его характерѣ и аномальности его совѣтниковъ.

«Я узнала о новой подлости Архарова,—писала Марія Феодоровна 20 мая. — Говорятъ, что онъ принуждаетъ всѣхъ окрасить двери своихъ домовъ ромбами въ черный и желтый цвѣта, и что хозяинъ одного изъ лучшихъ домовъ, гдѣ двери украшены рѣзною работою, также принужденъ обезобразить ихъ такимъ образомъ. Архаровъ простираетъ свою подлость такъ далеко, что приказалъ объявить хозяевамъ, которые исполнить его требованія отказываются, что онъ пришлетъ къ нимъ маляровъ, и они разрисуютъ имъ двери на ихъ счетъ. Все это падаетъ на нашего добраго императора, который несомнѣнно и не думалъ отдавать подобнаго приказанія, существующаго, какъ я знаю по отношенію къ заборамъ, мостамъ и солдатскимъ будкамъ, но отнюдь не для частныхъ домовъ. Архаровъ—негодяй (*un vilain monsieur*). Я больше не довѣряю ему своихъ писемъ, потому что онъ мало берегъ ихъ, а посылаю ихъ прямымъ путемъ чрезъ почту. Этотъ толстый господинъ разсердится, будетъ имѣть двойное горе—разсердится и затѣмъ утихнутъ. Прощайте, дорогое дитя, я пишу вамъ, какъ и говорю вамъ,—языкомъ сердца, вамъ преданнаго¹⁾».

Для замѣны Архарова былъ уже намѣченъ испытанный кандидатъ, графъ Буксгевденъ, женатый на подругѣ Нелидовой и ко всеобщему удовольствію умѣло исполнявшій должность Архарова, во время пребыванія его въ Москвѣ на коронаціи. «Въ это время,—писалъ Рожерсонъ Воронцову,—городъ былъ очень доволенъ графомъ Буксгевденомъ, но, съ возвращеніемъ Архарова, притѣсненія всякаго рода возобновились. Человѣкъ этотъ имѣлъ много вліянія съ самаго начала нынѣшняго царствованія. Онъ приобрѣлъ себѣ значеніе своею хитростію (*sourlesse*), угодничествомъ и качествомъ, которое особенно теперь цѣннѣе, это — шпионствомъ. Я замѣтилъ, однако, еще до прѣзда сюда императора, во время 8-ми-дневнаго пребыванія своего въ Павловскѣ, что императрица и Нелидона—очень дурного о немъ мнѣнія²⁾. Дѣйствительно, Архарову пришлось уgomониться тотчасъ по прѣздѣ Павла Петровича. 27 мая, объявлено было высочайшее удовольствіе генералъ-лейтенанту графу Буксгевдену за хорошее управленіе въ С.-Петербургѣ въ отсутствіе генерала отъ инфантеріи Архарова³⁾; 17 іюня, Архаровъ уволенъ

¹⁾ *Lettres de S. M. l'Impératrice Marie Feodorowna à m-lle Nélidow, publiées par Eugène Choumihoraky, 14—15.*

²⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 89—90.

³⁾ Гейкинъ прибавляетъ, что одновременно съ этимъ въ ознаменованіе осо-

былъ отъ должности с.-петербургскаго военнаго губернатора, а 19-го іюня графу Буксгевдену повелѣно было быть военнымъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ, подъ начальствомъ великаго князя Александра Павловича. Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ увольненіе Архарова, вѣрнѣе всѣхъ рассказываетъ Гейкинъ. «Думая приготовить,—говоритъ онъ,—пріятный сюрпризъ возвращающемуся государю, Архаровъ приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и даже садовые заборы полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ, по образу шлагбаумовъ. Это смѣшное приказаніе надо было исполнить немедленно, и это повлекло за собою огромные расходы, такъ какъ маляры воспользовались удобнымъ случаемъ и запрашивали, сколько вздумается. Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія. Императрица, поспѣшавшая на встрѣчу своему августѣйшему супругу, была сильно поражена этимъ приказаніемъ, о которомъ ей ничего не было сказано. Она ли обратила вниманіе государя, или самъ Павелъ пораженъ былъ количествомъ и однообразіемъ казенныхъ и частныхъ построекъ, но онъ, при вѣздѣ своемъ, спросилъ, что означаетъ эта странная фантазія. Ему отвѣчали, что полиція принудила обывателей безотлагательно исполнить волю монарха». — «Такъ что-жъ я дуракъ, что ли, чтобы сталъ отдавать такіа повелѣнія?» — гнѣвно воскликнулъ Павелъ. Этотъ самъ по себѣ маловажный случай повлекъ за собою паденіе Архарова ¹⁾. «По пріѣздѣ въ Гатчину,—рассказываетъ другой современникъ, В. С. Хвостовъ,—государь отъѣзжая былъ милостивъ къ Архарову, даже, обнимая, цѣловать его и таковымъ былъ съ нимъ до развода караула и во все время, пока не пошелъ къ императрицѣ и отъ нея къ фрейлинѣ Нелидовой. Возвратясь въ кавалерскую, съ гнѣвнымъ видомъ приказалъ Архарову, чтобы тотчасъ уѣхалъ въ Петербургъ и никогда бы ему не казался» ²⁾.

Прусскій посланникъ, графъ Брюль, донося своему правительству о предполагаемомъ назначеніи Буксгевдена на мѣсто Архарова, сообщалъ, однако, и о болѣе важныхъ послѣдствіяхъ причинахъ общественнаго неудовольствія, связанныхъ съ дѣйствіями и распоряженіями Павла: «Неудовольствіе, особенно недовольство войскъ,—писалъ онъ,—увеличивается со дня на день. Отнимая у полковыхъ командировъ возможность грабить, имъ не даютъ средствъ къ жизни,

баго благоволенія государя пожалована была графу Буксгевдену брилліантовая табакорка съ портретомъ Павла, а его супругѣ орденъ св. Екатерины 2-го класса. Heyking, 50.

¹⁾ Heyking, 49—50. Гречъ приводитъ и другую причину увольненія Архарова—сильное видорожаніе сына: «Записки о моей жизни», 119. Уже 16 іюня надано было повелѣніе объ установленіи цѣнъ на съѣстные припасы. П. С. З., № 18.008.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1870 г., 592—595.

потому что у нихъ остается не болѣе 800 рублей жалованья; вмѣстѣ съ тѣмъ, солдата утомляютъ до невѣроятной степени, и онъ получаетъ такое отвращеніе къ службѣ, что вздыхаетъ свободно, лишь сдѣлавшись дервертиромъ. Неудовольствія знати нельзя выразить словами. Безпрестанныя нововведенія, неувѣренность, что можно сохранить занимаемое мѣсто на завтрашній день, доводятъ всѣхъ до отчаянія. Императора любятъ только низшіе классы городского населенія и крестьяне. Субалтернъ-офицеры всѣ въ нищетѣ. Непрерывныя экзерциціи, о которыхъ они не хотятъ и слышать, доводятъ до мелочей, уничтоженныхъ вездѣ въ другихъ странахъ. Богъ знаетъ, къ чему все это приведетъ. Дѣйствительно, порядокъ, быстрота и точность вахтпарадныхъ движеній слишкомъ дорого обходились войскамъ: по свидѣтельству очевидцевъ, солдатамъ приходилось вставать въ полночь, чтобы приготовиться къ вахтпараду, завивая другъ другу булки и косы и осыпая ихъ мукою, и не выпускать ружья иногда по 36 часовъ сряду, а главный экзерцирмейстеръ, Аракчеевъ, прибѣгалъ къ самымъ суровымъ взысканіямъ; рассказывали, напримѣръ, что онъ за упущеніе билъ одного солдата палкой по головѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ мертвымъ. Морскіе маневры, произведенные Павломъ въ началѣ іюля у Красной Горки, дали ему случай проявить свою требовательность и запальчивость и по отношенію къ флоту. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Марія Ѳеодоровна и Нелидовой пришлось и здѣсь смягчать гнѣвъ императора на окружавшихъ его лицъ. Заступничество Нелидовой обязаны графъ Кушелевъ и состоявшій при особѣ императора эскадръ-майоромъ знаменитый впоследствии Шишковъ тѣмъ, что Павелъ не подвергъ ихъ взысканію за неисполненіе его приказанія, невозможнаго для моряковъ: «она, — говоритъ Шишковъ, — представила ему, что онъ напрасно сердится, потому что мы не отъ упрямства ему противорѣчили и, безъ сомнѣнія, служа долго на морѣ, должны лучше знать, какъ это бываетъ, и что можно или чего не можно сдѣлать» ¹⁾).

¹⁾ Шишковъ, «Записки», 81—82.

VIII.

Лѣтнее пребываніе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ. — Маневры и парады въ Павловскѣ. — Пребываніе Нелидовой въ Петербургѣ и боязнѣ императора по этому поводу. — Военныя тревоги въ Павловскѣ. — Подозрительность императора и печаль императрицы Маріи. — Вторая тревога въ Павловскѣ и ея послѣдствія.

Послѣ морскихъ маневровъ императорская чета поселилась сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Павловскѣ, куда пріѣзжала отъ времени до времени и Нелидова, жившая попрежнему въ Смольномъ весьма уединенно, но, несмотря на то, окруженная всеобщимъ поклоненіемъ ¹⁾. «Забавы наши въ Павловскѣ были единообразны и скучны,—пишетъ Шишковъ.—Послѣ обѣда обыкновенно степенными и мѣрными шагами ходили мы прогуливаться по саду. Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бесѣду, весьма утомительную. Тамъ государь и государыня, съ великими князьями и великими княжнами, садились рядомъ и проводили время въ разговорахъ, а мы сидѣли вокругъ комнаты, на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли. Достопримѣчательнаго тутъ было только то, что на простирившемся на полу шлейфѣ платья императрицы лежала всегда дворная, паршивая собака, которая нигдѣ иначе не ложилась и которую императрица никогда не сгоняла» ²⁾. Другой очевидецъ, Саблуковъ, дополняетъ это описаніе болѣе веселыми подробностями. «Павловскъ, личная собственность императрицы Маріи, былъ разукрашенъ весьма изящно, и всякій клочекъ земли въ немъ, мало-мальски къ тому способный, былъ ярко запечатлѣнъ ея вкусомъ, ея наклонностями, ея воспоминаніями о заграничныхъ путешествіяхъ... Каждый вечеръ происходили здѣсь сельскіе праздники, поѣздки, запуски, театральныя представленія, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, а императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки своею привѣтливостію и изяществомъ придавали этимъ увеселеніямъ характеръ восхитительный. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ» ³⁾. Настроеніе духа императрицы было, какъ это видно изъ писемъ ея къ Нелидовой за это время, очень мрачное: строгость и запальчивость императора по отношенію къ гвардейцамъ, проявлявшаяся постоянно на ежедневныхъ вахтпарадахъ, признаки неудовольствія

¹⁾ M-lle Nelidow est extrêmement respectée de tout le monde. Le roi de Pologne même a beaucoup d'attention pour elle. Elle loge toujours à la Communauté ne faisant que des courses pour paraître à la cour. Протасовъ—Воронцову въ августѣ 1797 г. въ Архивѣ кн. Воронцова, XV, 96.

²⁾ Шишковъ, 40.

³⁾ Русскія Арх., 1869, 1824.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

въ обществѣ наполняли ея душу страхомъ за безопасность императора. Прежде она какъ бы довольна была необыкновеннымъ рвеніемъ Павла къ водворенію порядка въ управленіи: «высокое мнѣніе, которое имѣють о бдительности нашего дорогого императора,— писала она еще въ іюнѣ Нелидовой,—послужить самою побудительною причиною для господъ чиновниковъ быть точными въ исполненіи ихъ обязанностей» ¹⁾. Но мелочность императора, его суровыя и жестокія взысканія, возбуждали озлобленіе, и его-то она боялась, особенно въ войскахъ, такъ какъ Павелъ Петровичъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ наклонность заниматься исключительно военными упражненіями. Назначеніе Буксгевдена военнымъ губернаторомъ Петербурга успокоило императрицу немного: «Слава Богу, что гвардія хорошо настроена,—писала она 29-го іюля,—безъ Буксгевдена дѣло не пошло бы такимъ образомъ: это очень достойный и обходительный человѣкъ» ²⁾. Постоянные выговоры и наказанія, производимые государемъ, тѣмъ не менѣе, продолжали ее волновать. «Читатель не долженъ думать,—пишетъ Саблуковъ,—что пока въ Павловскѣ происходили увеселенія и праздники, поэтому прекратились тамъ дисциплинарныя строгости, введенныя въ Гатчинѣ и въ столицѣ. Напротивъ того, ихъ было столько же, если не болѣе, ибо такъ какъ ежедневно происходили смотры не надъ большими корпусами, какъ на маневрахъ, но надъ мелкими отрядами, то всякая погрѣшность становилась замѣтна. Въ Павловскѣ также была, такъ называемая, цитадель, или фортъ, Бигъ, куда офицеровъ при случаѣ сажали подъ арестъ» ³⁾. Между тѣмъ, Нелидова, удерживаемая въ Смольномъ предсмертною болѣзнію состарѣвшейся Делафонъ, не могла часто посѣщать Павловскъ и воздерживать Павла, а въ ея отсутствіе Марія Ѳеодоровна чувствовала для этого себя безсильною. «Вы пріѣдете 27-го іюля,—писала она ей,—ожиданіе это внушаетъ намъ пріятное чувство потому, что васъ всегда желаютъ видѣть тѣ, которые нѣжно васъ любятъ» ⁴⁾.

Между тѣмъ, въ Павловскѣ произошли событія, усилившія тревогу Маріи Ѳеодоровны. «Однажды вечеромъ (это было 2-го августа),—разсказываетъ современникъ,—когда государь, окруженный дворомъ и своимъ обычнымъ обществомъ, прогуливался въ саду Павловска, услышали вдругъ звуки барабана, на которые обратили вниманіе, такъ какъ для вечерней зори было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. «Да это—тревога!»—вскричалъ Павелъ и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными. Императрица съ остальною частію

¹⁾ Lettres, oct, 30.

²⁾ Correspondance, 38.

³⁾ Изъ записокъ Саблукова, Русскій Архивъ, 1869, 1925.

⁴⁾ Correspondance, 37.

общества слѣдовала за нимъ издали. Приблизившись ко дворцу, нашли, что одна изъ ведущихъ къ нему дорогъ занята была частію гвардейскихъ полковъ; кромѣ того, со всѣхъ сторонъ и со всевозможною поспѣшностію стекались ко дворцу и кавалерія и пѣхота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дорогѣ, недостаточно широкой для скопленія войскъ, кавалерія, пожарный обозъ, военные повозки прокладывали себѣ путь съ ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворнаго, пробиралась чрезъ эту толпу, спрашивая объ императорѣ, котораго она потеряла изъ виду. Безпорядокъ, наконецъ, сдѣлался такъ великъ, что нѣкоторыя дамы, именно великія княгини, принуждены были перескочить заборъ, чтобы не быть раздавленными. Вскорѣ войскамъ данъ былъ приказъ раздѣлиться. Повернули ко дворцу. Императоръ былъ взволнованъ и въ дурномъ расположеніи духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать къ дворцу въ теченіе всего вечера. Подобное и безъ всякой уважительной причины скопленіе войскъ, имѣвшихъ репутацію безпокойныхъ (*réputée inquiète*), коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недовѣрчивый характеръ, какимъ былъ характеръ императора. Послѣ долгихъ розысковъ открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли въ конногвардейскихъ казармахъ. Въ ближайшихъ казармахъ вообразили, что это—сигналъ къ тревогѣ, повторили его, и такимъ образомъ тревога распространилась отъ одного полка къ другому. Войска думали, что это была дѣйствительно тревога, испытаніе ¹⁾. Чрезъ день, почти въ тотъ же часъ, когда дворъ прогуливался въ другой части сада, прилегающей къ большой дорогѣ и отдѣленной отъ нея лишь оградой, вдругъ услышали звукъ трубы, и нѣсколько кавалеристовъ во всю прыть прискакали по тропинкѣ, прилегавшей къ большой дорогѣ. Императоръ въ гнѣвѣ бросился на нихъ съ поднятою палкой и принудилъ возвратиться назадъ. Великіе князья и адъютанты торопились послѣдовать его примѣру. Всѣ были очень удивлены этой второй сценой. Императрица въ особенности потеряла голову. Она закричала, обратившись къ камергерамъ: «бѣгите, господа, спасайте вашего государя!». Затѣмъ, увидѣвъ возлѣ себя графа Феликса Потцкаго, добраго малаго, но довольно неуклюжаго толстяка, питавшаго смѣшную боязнь къ императору, она схватила его за руку и толкнула впередъ. Рѣдко можно видѣть смѣшнѣе фигуру, чѣмъ фигура, которую изображалъ собою въ это время бѣдный графъ Феликсъ, не понимавшій, чего отъ него хотѣли, и болѣе

¹⁾ Не сочли нужнымъ вывести войска изъ этого заблужденія. Въ приказѣ отъ 8-го августа объявлено было «удовольствіе за вчерашнее усердіе и исправность во время тревоги», за первое благодарность, за второе—удовольствіе. Спб. Вѣд., № 18.

испуганный криками императрицы, чѣмъ опасностію, которой подвергался императоръ. На этотъ разъ войскамъ помѣшали собраться, но никогда не узнали достовѣрно истинной причины этой второй суматохи: никто не могъ или не хотѣлъ объяснить ее. Говорили, что убѣжденные въ томъ, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанію императора, — гвардейцы были ежеминутно наготовѣ ко второй, и что легкій шумъ показался имъ сигналомъ; другіе утверждали, что сигналъ данъ былъ дурнымъ путникомъ съ цѣлію произвести смятеніе, подобное предыдущему. Въ концѣ концовъ, нѣкоторые были наказаны, и затѣмъ ничего подобнаго болѣе не повторялось».

Въ сущности все это дѣло, само по себѣ, не имѣло серьезнаго значенія: смятеніе было несомнѣнно только результатомъ нервнаго состоянія гвардіи и всѣхъ лицъ, бывшихъ при особѣ государя, который военныя забавы и упражненія считалъ самымъ важнымъ дѣломъ монарха и весьма часто подвергалъ опасности свое достоинство самодержца, превращаясь въ самаго зауряднаго и мелочнаго экзерцирмейстера. Императрица Марія Теодоровна ясно видѣла крайность, въ которую впадалъ въ этомъ отношеніи ея супругъ, и жаловалась на него Нелидовой.

«Между нами будь сказано, — писала ей о первой тревогѣ Марія Теодоровна 4-го августа, — до сихъ поръ еще не удалось выяснитъ, что было причиной смятенія. Отъ дѣтей своихъ я узнала вчера, что въ нѣкоторыхъ полкахъ ожидали тревоги еще съ утра, и что офицеры нашли солдатъ послѣ обѣда уже вполнѣ готовыми. На вопросъ, что это значитъ, они объяснили, что говорили, что будетъ тревога; тогда офицеры приказали имъ раздѣться. Говоря по правдѣ, дорогое мое дитя, это мнѣ не нравится. Я боюсь, чтобы какой либо безразсудный не вздумалъ позабавиться. Это вызываетъ на размышленія. Не должно приучать солдатъ къ мысли о тревогѣ. Не слѣдуетъ никогда допускать, чтобы дворецъ былъ мѣстомъ сбора, потому что кто можетъ поручиться, что въ подобный моментъ не произойдутъ безпорядки. Напримѣръ, я знаю, что они взошли на гору со стороны трельяжа съ примкнутыми штыками. Если бы они не увидѣли императора, сидѣвшаго верхомъ, они проникли бы въ садъ, думая, что произошла бѣда во дворцѣ. Не слѣдуетъ приучать ихъ къ мысли, что можетъ произойти бѣда во дворцѣ. Были офицеры сброшенные, опрокинутые, двое ранены, ранено также нѣсколько солдатъ. Все это слѣдствіе усердія, но все-таки это — случаи, которые могутъ быть опасными, и я желала бы, чтобы было строго воспрещено, даже въ случаѣ пожара, производить когда либо тревогу иначе, какъ по непосредственному приказанію императора, потому что безъ этой предосторожности пожаръ можетъ послужить предлогомъ для подобныхъ сборищъ войскъ. Семеновскій полкъ былъ въ наибольшемъ порядкѣ, затѣмъ Измайловскій, но Преобра-

женскій полкъ пришелъ вразсыпную. Конногвардейцы — были превосходны, кавалергарды — также. Войска въ массѣ — прекрасны, вѣрны, преданы, но въ отдѣльныхъ случаяхъ кто можетъ поручиться, что не было злоумышленниковъ? Всѣ эти размышленія пусть останутся между нами, моя добрая подруга, но они меня очень занимаютъ, потому что я нахожу ихъ важными. Императоръ держалъ себя чудесно, хваля войска, ихъ вѣрность и преданность; гласно онъ не доискивается причинъ тревоги, но должно избѣгать ихъ на будущее время» ¹⁾).

Послѣ второй суматохи, происшедшей 4-го августа, Марія Ѳеодоровна писала на другой день Нелидовой: «Добрая и дорогая моя подруга, предметъ моего письма не позабавитъ васъ, дорогое мое дитя. У насъ была вторая тревога въ одинъ и тотъ же часъ съ прежней. Мы спокойно прогуливались, когда услышали крики и страшный шумъ. Такъ какъ это было подъ горою, то мы думали, что это везутъ камни, но шумъ увеличивался, и слышали шумъ ѣдущихъ повозокъ. Обойдя вокругъ озера, мы увидѣли мостъ занятымъ артиллерійскими солдатами, и въ это же время казаки и гусары шли вокругъ озера, направляясь ко дворцу. Императоръ и дѣти (Александръ и Константинъ Павловичи) возвращаются назадъ и быстрыми шагами идутъ къ мѣсту, мы слѣдуемъ за ними, какъ можно скорѣе. Императоръ громкимъ голосомъ приказалъ возвратиться назадъ артиллерию, Преображенскому полку и гусарамъ. Мы уже всѣ были тамъ, и наши лица выражали неудовольствіе. Дѣти побѣжали къ площади, предназначенной со времени послѣдней суматохи быть мѣстомъ тревоги, и тамъ нашли уже всю гвардію. Они поспѣшно отослали ее назадъ. Въ какіе нибудь полчаса все водворено было на свои мѣста. Императоръ произвелъ разслѣдованіе, и оказалось, что почтовый рожокъ былъ принятъ за сигналъ къ тревогѣ ²⁾. Два барабанщика Преображенскаго полка начали бить тревогу, часть солдатъ побѣжали, не ожидая приказанія своихъ офицеровъ, а тѣ показали поразительную глупость, не только не остановивъ ихъ, но даже послѣдовавъ ихъ примѣру». По разсказу Гельбига, Павелъ Петровичъ имѣлъ при себѣ, въ Павловскѣ, большой отрядъ гвардіи, который онъ весь день обучалъ, и чтобы испытать бодрость и военную выправку солдатъ, будилъ ихъ по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй къ походу. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ вставалъ, одѣвался, шелъ на дворцовый дворъ и въ казармы, чтобы трубить тревогу и судить о готовности войскъ; по его объясненію, тревога 4-го августа вызвана была приказомъ Павла выдать всѣмъ почтальонамъ нѣмецкіе рожки, которыми они должны были оповѣщать о времени своего прибытія. Приказъ этотъ не былъ

¹⁾ Lettres etc., 25—26.

²⁾ Тамъ же, 27—28.

еще всѣмъ извѣстенъ. Между тѣмъ, одинъ изъ почтальоновъ, снабженный уже рожкомъ, привезъ кого-то съ экстреннымъ мальпостомъ изъ Петербурга въ Павловскъ и сталъ трубить по всему городу и у гвардейскихъ казармъ. Гвардейцы приняли рожокъ за тревогу ¹⁾. Ближайшимъ ея послѣдствіемъ было высочайшее повелѣніе отъ 6-го августа, объявленное жителямъ Павловска, о соблюденіи обычаями, особенно изъ простонародья, строжайшаго благочинія на улицахъ и въ дворцовомъ саду, «чтобы во время высочайшаго присутствія въ городѣ не было ни отъ кого произнесимо: свистовъ, криковъ и недѣльныхъ разговоровъ» ²⁾.

IX.

Размолвка Нелидовой съ императоромъ. — Крутыя и суровыя дѣйствія императора по отношенію къ войскамъ. — Увѣщанія Нелидовой. — Объясненіе императора. — Тревоги императрицы и письма ея къ Нелидовой. — Пріѣздъ Нелидовой въ Гатчину. — Гатчинскіе маневры. — Новыя строгости Павла. — Неудовольствіе офицеровъ. — Отвѣты о дѣйствіяхъ Павла и вліяніе на него Нелидовой.

Военныя тревоги въ Павловскѣ не могли, однако, побудить Нелидову пріѣхать въ Павловскъ, такъ какъ она удержана была въ Петербургѣ болѣзнію и смертію г-жи Делафонъ и собственнымъ нездоровьемъ; въ это же время тамъ готовилась свадьба брата ея, Аркадія, съ дочерью графа Буксгевдена, вновь назначеннаго петербургскаго военнаго губернатора. Марія Ѳеодоровна переписывалась съ нею ежедневно длинными письмами, на которыхъ и Павелъ Петровичъ дѣлалъ свои короткія приписки, оговариваясь: «человѣкъ, который весь день работаетъ, не имѣетъ много времени, чтобы писать такъ длинно» ³⁾. Оба они приглашали Нелидову пріѣхать скорѣе къ нимъ; послѣ пріѣзда императорской четы въ Гатчину, 20-го мая, приглашенія эти сдѣлались еще болѣе настойчивы ⁴⁾. Между ней и Павломъ видимо существовала именно тогда размолвка, вызванная, вѣроятно, крутыми мѣрами Павла. Изъ военныхъ приказовъ того времени видно, что за время съ 1-го мая 1797 года по 24-е августа того же года исключено было изъ службы за пьянство, нерадѣніе и т. д. 117 офицеровъ ⁵⁾. Нѣкоторые изъ приказовъ этихъ были даже оскорбительнаго содержанія для лицъ, къ дѣлу неприкосновенныхъ; такъ, въ приказѣ отъ 14-го августа было объявлено: «лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Шенелевъ исключается въ Клецкій муш-

¹⁾ Русская Старина, 1887, III, 429.

²⁾ «Павловскъ. Очеркъ исторіи и описанію», 95—96.

³⁾ Correspondance, 42.

⁴⁾ Тамъ же, 48, 51—52, 55—56. — «Осьмнадцатый вѣкъ», 451, 456.

⁵⁾ Высочайшіе указы 1797 г. — Русск. Стар., 1878, III, 974.

катерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бывшей должности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ передней и въ пляскѣ» ¹⁾. Нѣсколько ранѣе исключены были изъ службы камергеры Олешевъ и Балкъ за маловажныя провинности; той же участи должны были подвергнуться еще четверо, въ томъ числѣ два князя Голицына, которымъ былъ уже объявленъ указъ объ исключеніи, но вслѣдъ за тѣмъ они были прощены съ угрозою, что указъ этотъ будетъ приведенъ въ исполненіе при первой ихъ оплошности ²⁾. Изъ Смольнаго Нелидова посылала Павлу просьбы о помилованіи многихъ изъ этихъ лицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были исполнены, но на другія она получала отказъ.

«Помилуйте несчастнаго Олешева,—писала Нелидова императору 3-го августа. — Богъ благословилъ уже васъ за Рата (полковника, прощеннаго по просьбѣ Нелидовой), заслужите еще благословеніе, дорогой государь. Когда я вижу глубоко прочувствованное горе, я жду васъ, и пока я буду видѣть подданныхъ, почитающихъ за счастье служить вамъ, я буду васъ мучить для того, чтобы вы не отвергали ихъ службы. Прощайте, будьте добры, будьте собою, ибо истинное расположеніе ваше—доброта» ³⁾.

«Я раздѣляю скорбь вашу, прошу отпустить мнѣ мои грѣхи,—писалъ ей Павелъ 14-го августа,—но... не въ моей власти уничтожать то, что было разъ. Прощайте» ⁴⁾.

Даже Нелидовой не легко было имѣть вліяніе на Павла Петровича: «Считая себя всегда правымъ,—говоритъ Саблуковъ,— онъ весьма упорно держался своихъ мнѣній» ⁵⁾. Въ этихъ случаяхъ онъ не хотѣлъ уступать, изъ чувства правды и самолюбія, кому бы то ни было, особенно женщинѣ и особенно въ той области своей дѣятельности, которой онъ придавалъ чрезвычайно важное значеніе и въ которой женщина, по его мнѣнію, не могла быть судьей. Сохранилась въ рукописи слѣдующая записка Павла къ Нелидовой, безъ обозначенія года и числа, но, насколько можно судить по ея содержанію, относящаяся къ описываемому времени.

«Вы въ правѣ сердиться на меня, Катя (въ письмѣ на французскомъ языкѣ это слово написано порусски). Все это правда, но правда также и то, что съ теченіемъ времени, со дня на день, сдѣлаешься, пожалуй, слабѣе и снисходительнѣе. Вспомните Людовика XVI: онъ началъ снисходить и былъ приведенъ къ тому, что долженъ былъ уступить. Всего было слишкомъ очень мало и, между

¹⁾ Высочайшіе приказы, 1797 года, 108.

²⁾ Архивъ князя Воронцова. Письма Протасова.

³⁾ «Осмынадцатый Вѣкъ», III, 484.

⁴⁾ Lottres etc., 81.

⁵⁾ «Русскій Архивъ», 1860, 1902.

тѣмъ, достаточно для того, что въ концѣ концовъ его повели на эшафотъ. Во всемъ этомъ нѣтъ женщины, хотя здѣсь хотѣть только женщинъ». (Намекъ на предыдущее царствованіе, когда былъ возможенъ упадокъ дисциплины) ¹⁾.

Въ настоящую минуту, однако, отсутствіе Нелидовой и ссора съ ней для Павла были тѣмъ тягостнѣе, что на предстоящихъ маневрахъ онъ надѣялся доказать все превосходство своей военной системы сравнительно съ прежней; съ другой стороны, именно маневры заставляли Марію Теодоровну желать, чтобы въ это время добрый геній Павла былъ возлѣ него, тѣмъ болѣе, что исторія съ тревогами въ Павловскѣ не выходила у нея изъ головы. Поэтому на другой день послѣ переѣзда Павла въ Гатчину Нелидова получила отъ императорской четы новое приглашеніе, сдѣланное въ самыхъ ласковыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ.

«Вы—нашъ добрый, нашъ истинный другъ,—писала ей Марія Теодоровна,—и всегда имъ будете: любить васъ для насъ благо. Пріѣзжайте къ намъ, заклинаю васъ всѣми благородными чувствами вашей души, которыя, по совѣсти, предписываютъ вамъ это сдѣлать. Нашъ дорогой императоръ искренно сожалѣетъ о томъ, что огорчилъ васъ, клянусь вамъ. Гатчинскія удовольствія утрачиваютъ свою цѣну, потому что васъ тутъ нѣтъ. Онъ это чувствуетъ и говоритъ, и я говорю это вмѣстѣ съ нимъ, потому что желательно это ежеминутно. Послушайтесь голоса дружбы, повѣрьте мнѣ, добрый другъ мой, что болѣе продолжительное отсутствіе ваше было бы дѣйствительнымъ зломъ, которое вы причинили бы мнѣ, оно было бы даже жестокииъ для васъ, такъ какъ ваше сердце было бы въ правѣ упрекать васъ за то, что вы истинно огорчили меня. Пріѣзжайте на свиданіе съ друзьями, нѣжно любящими васъ. Мы ждемъ васъ завтра навѣрное. Все готово, чтобы принять васъ, и васъ встрѣтятъ и обнимутъ очень, очень нѣжно». «Если я утратилъ право уговаривать васъ,—прибавлялъ въ этомъ письмѣ Павелъ,—то я не могъ бы найти лучшаго ходатая, чѣмъ та, которая пишетъ къ вамъ. Наше пребываніе здѣсь началось при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ, и ихъ нарушаетъ лишь ваше отсутствіе. Недостаетъ лишь васъ для моего счастья въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Господь Богъ дозволилъ мнѣ предначертать то, что я теперь исполняю. Пріѣзжайте, васъ ждутъ—не нарушайте предзнаменованій. Я васъ жду» ²⁾.

¹⁾ Приводимъ это замѣчательное письмо въ подлинникѣ со всѣми особенностями правописанія Павла: «Vous avez bien raison Kati de me gronder tout cela est vrai et il est aussi vrai que de moment en moment on permettra plus de chose devant soi rappelle vous de Louis XVI il commença par devoir condescendre et fut réduit à descendre, tout fut trop peu et rien ne fut assez que quand on le mena à l'échafaud. Il n'y a pas de femme dans tout ceci sinon qu'on ne veut ici que des hommes» (ркп).

²⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 466.

И Нелидова должна была прїѣхать и присутствовать на всѣхъ парадныхъ маневрахъ, которые происходили въ Гатчинѣ осенью 1797 года. Безъ сомнѣнія, и Павлу, и ей живо представлялись минувшіе, казавшіеся уже столь далекими дни, когда въ той же Гатчинѣ опальный великій князь производилъ также маневры съ нѣсколькими ничтожными баталіонами. Сравнительно съ настоящими то были не маневры, а простыя военныя потѣхи: до такой степени все казалось мизерно и безцѣльно. Теперь, выражаясь словами Павла, Господь Богъ дозволилъ ему исполнить то, что онъ предназначалъ этимъ потѣхами и ради чего въ первые 10 мѣсяцевъ своего царствованія преобразовывалъ екатерининскую армію цѣною всевозможныхъ усилій и жертвъ. «Это были первые маневры по восшествіи на престолъ императора, — пишетъ участникъ Лубяновскій, — командовали: авангардомъ — наслѣдникъ цесаревичъ, аррьергардомъ — фельдмаршалъ графъ Каменскій; фельдмаршалъ князь Репнинъ былъ главнокомандующимъ. Не проходило дня безъ дождя; не-взирая на то, все шло превосходно. Государь оттого былъ еще довольнѣе и веселѣе... За послѣднимъ маневромъ и за приказомъ у развода велѣно собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ; адъютанты, въ томъ числѣ и я, пріютились за начальниками. Окруженный побѣдоносными и побѣжденными вождами, императоръ, извустно повторивъ все то, что отдано было въ приказѣ, особенное всѣмъ войскамъ благоволеніе и удовольствіе, потомъ изволилъ сказать (такъ у меня записано): «Я зналъ, Господа, что образованіе войскъ по уставу было не всѣмъ прігодно; ожидать осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія руссійскаго». Маневры заключились парадомъ, на которомъ, проходя мимо императрицы, никто не салютовалъ эспантономъ такъ легко, такъ искусно и ловко, какъ императоръ и главнокомандующій фельдмаршалъ, оба по званію баталіонныхъ командировъ, въ штиблетахъ» ¹⁾. Но другой современникъ — очевидецъ, Саблуковъ, ближе стоявшій къ особѣ императора, рисуетъ событія и съ иной стороны. «Въ Гатчинѣ, — говоритъ онъ, — происходили большіе маневры и смотры и, пока они продолжались, большія увеселенія: концерты, балы, театральныя представленія непрерывно слѣдовали одни за другими; казалось, что всѣ удовольствія Версаля и Сантъ-Суси сосредоточились въ Гатчинѣ. Но, увы! эти празднества часто помрачались строгостями всякаго рода, какъ, напримѣръ, арестомъ офицеровъ или мгновенной ссылкой ихъ въ отдаленныя полки. Случались также несчастія, какія бываютъ нерѣдко на большихъ кавалерійскихъ маневрахъ, и это весьма раздражало императора. Но хотя онъ всегда приходилъ въ гнѣвъ отъ такихъ случаевъ, однако, постоянно выказывалъ много человеко-

¹⁾ Воспоминанія Ф. П. Лубяновскаго — Русскій Архивъ, 1872, 165—166.

любя, когда кто либо былъ серьезно раненъ» ¹⁾. Очевидно, что Павелъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, не желалъ показывать въ себѣ слабость. Нелидова тщетно писала ему: «Вотъ, любезный другъ, что вы только что прочли, и что я нахожу, открывъ книгу на удачу; это подтвержденіе нашего разговора: государи еще болѣе всѣхъ прочихъ людей должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности. Чѣмъ выше поставлены, тѣмъ болѣе имѣемъ мы необходимыхъ отношеній къ людямъ, и тѣмъ чаще приходится намъ оказывать терпѣніе и умѣренность, ибо всѣ люди несовершенны» ²⁾. Дѣло, впрочемъ, не ограничивалось однимъ увѣщаніемъ Нелидовой: споры ея съ Павломъ доходили иногда до крайней рѣзкости, гдѣ она обнаруживала свой пылкій характеръ.

Саблуковъ именно къ этому времени относитъ одну изъ такихъ сценъ, которой онъ былъ свидѣтелемъ; мы уже привели раньше эту сцену, а теперь позволимъ себѣ повторить ее болѣе подробно: «Однажды,—разсказываетъ онъ,—когда я былъ на караулѣ во дворцѣ, произошла забавная сцена. Офицерская караульная комната была у самаго кабинета государя, въ которомъ я часто слышалъ его молитвы. Около самой офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой стоялъ караулъ, а изъ этой прихожей длинный, узкій коридоръ велъ во внутренность дворца, и тутъ былъ поставленъ часовой, чтобы вызывать караулъ каждый разъ, какъ императоръ шелъ оттуда. Вдругъ я услышалъ крикъ часового: «на караулъ!», выбѣжалъ изъ своей комнаты, и солдаты едва успѣли схватить свои ружья, а я обнажилъ свою шпагу, какъ дверь коридора открылась настежь, а императоръ въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмакъ, съ очень высокими каблучкомъ, полетѣлъ черезъ голову его величества, чуть-чуть ея не завадѣвши. Императоръ чрезъ мою комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ, надѣла его и вернулась туда же, откуда пришла. На слѣдующій день, когда я снималъ караулъ, его величество пришелъ и шепнулъ мнѣ: «Мой милый, у насъ вчера была ссора». «Точно такъ, государь», отвѣтилъ я. Меня очень позабавилъ этотъ случай, и я не сказалъ о немъ никому, ожидая, что за нимъ послѣдуетъ что либо не менѣе забавное, и въ этомъ ожиданіи я не былъ обманутъ. Въ тотъ же день, вечеромъ на балѣ, императоръ подошелъ ко мнѣ, словно къ близкому другу и повѣренному, и сказалъ: «Мой милый, потанцуйте что нибудь хорошенькое». Я тотчасъ понялъ, что его величеству угодно, чтобы я потанцовалъ съ Е. И. Нелидовою. Что она могла протанцовать, кромѣ менуэта,

¹⁾ Изъ записокъ Н. А. Саблукова. Русскій Архивъ, 1869, 1915.

²⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 439.

гавота сороковых годовъ? Я спросилъ дирижера оркестра, можетъ ли онъ сыграть менуэтъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, я велѣлъ ему начать его и тотчасъ пригласилъ Нелидову, которая отличалась своими танцами въ Смольномъ монастырѣ. Мы начали танцевать. Какую грацію выказывала она, какъ великолѣпно выдѣлывала на и производила обороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ прелестной крошки—точь въ точь знаменитая Латини, учившая ее. Да и я не забылъ уроковъ Канціани, моего танцевальнаго учителя, и, при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы, должно быть, имѣли точь въ точь видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ восторгѣ и слѣдилъ за нами въ теченіе всего менуэта, поощряя насъ восклицаніями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!»¹⁾

Въ то время, какъ всѣ эти сцены происходили во дворцѣ, среди маневрировавшей арміи появлялись признаки дурнаго настроенія. Очевидно, нашлись люди, которые по-своему хотѣли истолковать взыскательность и мелочную придирчивость государя къ гвардіи. Въ особенности недоволенъ былъ Преображенскій полкъ, которымъ командовалъ главный и самый жестокій экзерцимейстеръ, Аракчеевъ, по своей неразвитости точнѣе другихъ исполнявшій самыя суровыя предписанія Павла и менѣе всего способный постигнуть духъ ихъ и беречь имя государя. Въ томъ же сентябрѣ Павелъ писалъ Аракчееву: «Доходитъ до меня, что нѣкоторые офицеры преображенскіе, какъ Чирковъ и Рахмановъ, распускаютъ слухи, что я, гвардіи не влюбля, хочу корпусъ иностранный для моей безопасности заводить и послать за французскимъ принцевымъ корпусомъ»... Другая записка Павла Аракчееву, тогда же написанная, еще важнѣе по своему содержанію: «Свѣдалъ я,—писалъ онъ,—что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что — другихъ полковъ дѣлаютъ, то они равно имъ угождали; то и извольте имъ сказать, что легкій способъ сіе кончить—отступить мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзкіе (sic) они прежде были, что я и исполню, а буду и безъ нихъ заниматься обороной государственнаго»²⁾. Легко понять теперь, почему въ ошибкахъ офицеровъ Павелъ склоненъ былъ видѣть оппозицію себѣ. 6-го октября въ высочайшихъ приказахъ уже отдано было: «Его императорское величество соизволилъ указать выбрать изъ Преображенскаго полка рядовыхъ, которые не хотятъ въ ономъ полку служить, для отсылки въ Томскъ въ гарнизонный Пелагинова полкъ»; вслѣдъ затѣмъ послѣдовало увольненіе отъ службы нѣкоторыхъ офицеровъ этого полка и массы

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, 1910.

²⁾ «Русская Старина», 1878, I, 488—489.

унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ ¹⁾). Другимъ полкамъ было нелегче: очевидно, что и послѣ прекрасныхъ маневровъ, доставившихъ удовольствіе государю, взыскательность не уменьшилась. «Часто,—говоритъ Саблуковъ,—за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры, прямо съ похода, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаимныя деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе его, совсѣмъ оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ, какъ другіе, оставивъ армию, переходили въ гражданскую службу... Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постоянного страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе» ²⁾). Нелидова, въ этой чисто военной сферѣ, не могла всегда и во всемъ руководить дѣйствіями Павла, окруженнаго людьми, подобными Аракчееву, хотя многое узнавала и дѣлала чрезъ своего брата Аркадія Нелидова, генералъ-адъютанта государя. Этому генерала Нелидова Саблуковъ называетъ «прекраснымъ молодымъ человекомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на императора и, въ союзѣ съ Екатериной Ивановной (Нелидовой), прилагавшимъ всѣ старанія къ тому, чтобы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые попадали въ опалу» ³⁾).

Между тѣмъ, интрига противъ императрицы и Нелидовой уже зрѣла среди лицъ, ближайшихъ къ Павлу, при главномъ участіи Ивана Кутайсова.

Евгеній Шумигорскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Высочайшіе приказы 1797 г. и слѣд.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1889, 1915.

³⁾ Тамъ же.

БЕЗЪ РУЛЯ И ЯКОРЯ.

(Похожденія русскаго въ Америкѣ).

I.

Желанію сдѣлаться актеромъ. — Борьба изъ-за этого съ матерью. — Отъѣздъ за границу и поступленіе въ пансіонъ. — Исключеніе оттуда и опредѣленіе въ театральную школу въ Берлинѣ. — Разрывъ съ матерью и отъѣздъ въ Америку. — Пароходъ «Гамонія» и дорожныя впечатлѣнія.

РАНО лишился отца и, оставшись единственнымъ сыномъ у матери, былъ избалованъ и извѣженъ ею до крайности: прихотямъ моимъ не было конца, при чемъ всякое мое желаніе было для матери закономъ и непремѣнно выполнялось. Въ одномъ только я встрѣтилъ ея рѣшительное противодѣйствіе, которое и повело насъ, страстно любившихъ другъ друга, къ печальному разрыву.

Дѣло въ томъ, что театръ былъ для меня тѣмъ храмомъ славы, счастья, а актеры тѣми его священнослужителями, которые съ юношескаго возраста приковывали къ себѣ все мое вниманіе, когда я еще былъ на гимназической скамейкѣ, и которымъ я пламенно мечталъ посвятить всю мою жизнь. Эта театральная манія не позволила мнѣ окончить гимназическаго курса, она же прекратила мои занятія въ коммерческомъ училищѣ, куда я былъ отданъ въ надеждѣ, что пойду современемъ по стопамъ своего родителя, т. е. сдѣлаюсь коммерсантомъ. Матушка была въ отчаяніи отъ моихъ артистическихъ наклонностей и, приписывая мою настойчивость недостатку правильнаго воспитанія, взяла меня

изъ коммерческаго училища и перевезла за границу, гдѣ и помѣстила въ частный пансіонъ одного нѣмецкаго профессора, откуда я и долженъ былъ посѣщать тамошнюю коммерческую академію. Но, увы! и эта радикальная мѣра не помогла: профессоръ чрезъ полгода обратился къ матушкѣ съ рѣшительнымъ требованіемъ взять отъ него несуразнаго воспитанника. Оказывалось, что я своей маніей театра заразилъ все его учебное заведеніе, начиная съ моихъ товарищей пансіонеровъ и кончая хозяйкой дома, горничной и кухаркой. Въмѣсто уроковъ, ученики только и дѣлали, что зубрили расpredѣленные мною между ними роли изъ Шиллеровскихъ и Шекспировскихъ пьесъ; горничныя и кухарки, вмѣсто заботъ по дому, упражнялись въ фигурахъ мазурки; а сестра профессора, старая дѣвственница, стала распѣвать веселыя и пикантныя шансонетки.

Мать моя, испуганная и возмущенная, пріѣхала сама въ Берлинъ въ надеждѣ урезонить меня, но ничто не помогало: угрозы и увѣщанія остались тщетными, и я твердилъ одно: «хочу быть актеромъ!».

Въ горѣ своемъ она стала искать силъ и утѣшенія въ молитвѣ. И вотъ, когда она, въ первое воскресенье по пріѣздѣ въ Берлинъ, отправилась въ соборъ, къ обѣднѣ, приключился эпизодъ, заставившій ее вдругъ отрѣшиться отъ настойчиваго желанія сдѣлать меня коммерсантомъ. Рядомъ съ нею, въ церкви, стоялъ молодой человѣкъ. Когда пасторъ началъ свою проповѣдь, этотъ юноша вдругъ навелъ на него револьверъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Легко себя представить весь переполохъ въ церкви и испугъ моей матушки, подлѣ которой произведены были выстрѣлы. Потомъ выяснилось, что несчастный былъ сыномъ другого пастора и хотѣлъ, подобно мнѣ, сдѣлаться актеромъ. Отецъ противился этому и, желая, чтобы сынъ его былъ, какъ и онъ, пасторомъ, помѣстилъ его въ семинарію. Упорство отца довело сына до отчаянія, и онъ задумалъ преступленіе, сказавъ, что если ему угрожаютъ путь прославить себя искусствомъ, то онъ прославить себя убійствомъ; а потому, питая ненависть къ духовенству, онъ избралъ своею жертвою несчастнаго пастора.

Я сидѣлъ въ это утро дома и поджидалъ возвращенія матери изъ церкви. Она вернулась потрясенная, взволнованная и, безмолвно опустившись въ кресло, долго о чемъ-то думала. Наконецъ, подзвавъ меня, видимо, послѣ долгой внутренней борьбы, она поразила меня словами: «Ну, я тебѣ позволяю быть актеромъ».

Но непремѣннымъ и безповоротнымъ условіемъ ея, однако, было, чтобы я сдѣлался актеромъ нѣмецкимъ, потому что ей наши всѣ русскіе актеры казались нравственно распущенными. Это условіе было принято мною безъ возраженій. Я съ дѣтства владѣлъ иностранными языками такъ же хорошо, какъ и русскимъ, и мнѣ было безразлично, гдѣ и какимъ артистомъ я буду, лишь бы только непременно быть артистомъ!

Послѣ испытанія моихъ сценическихъ способностей покойнымъ королевскимъ актеромъ Берндалемъ, я поступилъ въ театральную школу бывшаго режиссера вѣнскаго Бургъ-театра, д-ра Шварца, гдѣ, подѣ руководствомъ разныхъ именитыхъ артистовъ, сталъ усердно заниматься театральнымъ искусствомъ, благодушно поощряемый такимъ свѣтиломъ, какъ Фридрихъ Гаазе. Но эти поощренія вскорѣ вскружили мнѣ голову. Я сталъ воображать себя совсѣмъ уже готовымъ артистомъ, и меня начала все сильнѣе и сильнѣе мучить мысль, что я не могу быть украшеніемъ и славою своего отечества: отсюда родилась тоска по родинѣ.

Вскорѣ все нѣмецкое опротивѣло мнѣ до того, что я обратился къ матери съ настойчивою просьбой позволить мнѣ вернуться домой для приготовления себя къ сценѣ русскаго театра.

Матушка и слышать объ этомъ не хотѣла, я же упорно настаивалъ и даже въ концѣ концовъ самовольно прекратилъ свои занятія въ школѣ. Между мною и матерью начались недоразумѣнія, и въ результатѣ содѣлались чуть ли не враждебныя отношенія, которыя постарался раздуть своимъ вмѣшательствомъ и сплетнями тотъ нѣмецкій филистеръ, который былъ надо мною поставленъ въ видѣ ментора-опекуна.

Результатомъ всего этого было то, что мать моя, подѣ давленіемъ лживыхъ наѣтовъ о моемъ упрямствѣ, необузданности и легкомысліи и совѣтовъ того же опекуна передала мнѣ слѣдующій, не требующій отвѣта приговоръ: «на возвращеніе мое въ Россію, съ цѣлью готовиться въ актеры, она не дастъ согласія, и мнѣ предоставляется на выборъ: или продолжать безпрекословно мои занятія въ Берлинѣ; или, если я не желаю признавать ея авторитета и родительской власти и хочу свободы и самостоятельности, то отправляться въ Америку, въ такъ называемую страну свободы, гдѣ я буду воленъ поступать, какъ мнѣ угодно, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ всякія родительскія попеченія обо мнѣ она съ себя слагаетъ и за мое упорство предоставляетъ меня на волю судьбы». Передавая мнѣ этотъ ультиматумъ, она, конечно, не ожидала, что я выберу послѣднее, т. е. поѣду въ Америку. Рѣшеніе ея было получено мною въ субботу; а въ понедѣльникъ вечеромъ я былъ уже въ Гамбургѣ, въ сопровожденіи опекуна, который, во вторникъ утромъ, отвезъ меня въ гавань, гдѣ, уплативъ за мой переѣздъ на пароходѣ во второмъ классѣ и вручивъ мнѣ остатокъ денегъ, предоставилъ меня самостоятельной будущности.

Часъ отъѣзда приближался. На мгновеніе мной овладѣло серьезное настроеніе, но только на одно мгновеніе; я нетерпѣливо ждалъ, чтобы корабль скорѣ поплылъ и вынесъ меня въ открытое море. Мои дорожныя деньги заключались въ 70-ти долларахъ, и, кромѣ маленькаго чемоданчика съ бѣльемъ и платьемъ, онѣ составляли все то состояніе, съ которымъ я уходилъ въ новую невѣдомую мнѣ жизнь.

Насталъ часъ отъѣзда; клики «до свиданья!» слышались до тѣхъ поръ, пока взявшихъ билеты на проѣздъ не пригласили сойти на маленькій пароходъ, который долженъ былъ перевезти насъ на большое паровое судно, находившееся по случаю ледохода ниже на Эльбѣ. Холодно попрощавшись съ опекуномъ, я тоже сошелъ на маленькій пароходъ. Какъ муравьи, кишѣла толпа на этомъ пароходѣ, махая платками оставшимся на берегу роднымъ и знакомымъ, посылавшимъ прощальный привѣтъ: «помоги вамъ Богъ!» «до свиданья». По тогдашнимъ обычаямъ, раздалось нѣсколько пушечныхъ салютовъ, и при звукахъ торжественнаго марша на пароходѣ мы снялись съ якоря. Оркестръ игралъ попеременно всѣ народные гимны, и, когда очередь дошла до нашего, я такъ былъ растроганъ, такое торжественное умиленіе овладѣло моею душою, что несмотря на скудные мои средства, я одарилъ музыкантовъ столь щедро, что они сыграли для меня русскій гимнъ вторично.

Капитанъ Майфъ на пароходѣ «Гамонія», на коемъ намъ предстояло совершить свой дальній путь, со всей командой на палубѣ встрѣтилъ пассажировъ. Послѣ того, какъ всѣ размѣщены были по каютамъ, и все пришло въ порядокъ, поданъ былъ роскошный обѣдъ; а затѣмъ вскорѣ мы двинулись въ открытое море. Я глядѣлъ на все окружающее, начиная съ устройства корабля и кончая пассажирами, съ чисто дѣтскимъ любопытствомъ.

Общество пассажировъ было самое разношерстное и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интересное. Классные пассажиры были по большей части богатые американцы, англичане, нѣмцы, шведы. Я единственный русскій и, должно быть, самый бѣдный изъ всѣхъ. Палубные пассажиры принадлежали къ горожанамъ, ремесленникамъ, крестьянамъ и шли въ Новый Свѣтъ искать счастья и золота. Если бы они могли знать, что на сто человѣкъ только одинъ бываетъ счастливъ, шестьдесятъ должны кое-какъ перебиваться, десять возвращаются разоренными въ свое отечество, а двадцать девять окончательно погибаютъ въ борьбѣ съ нищетою!

Жизнь на кораблѣ приходилась мнѣ по сердцу. Въ первый день чувствуешь себя обыкновенно еще всѣмъ чужимъ; но въ самое короткое время пассажиры сплываются въ одну семью, изъ которой потомъ выбываетъ съ большимъ сожалѣніемъ. Время проводится въ бесѣдахъ, въ чтеніи, въ музыкѣ, а болѣе всего въ карточной игрѣ, въ которой преобладаютъ, конечно, азартныя игры. Съ нами бѣжалъ, какъ потомъ выяснилось, заправскій шуллеръ, который постоянно разгѣзжалъ на разныхъ пароходахъ между Европой и Америкой и опоражнивалъ карманы своихъ легковѣрныхъ попутчиковъ. Я попался тоже на его удочку. И не успѣлъ я опомниться, какъ ужъ половина моихъ денегъ перенпла въ его руки. Къ счастью, я не попытался вернуть потерянное. Я оставилъ игру и искалъ другихъ развлеченій. Выборъ былъ, однако, крайне ограниченъ: бѣтъ,

пить, читать, прохаживаться по палубѣ, слушать пѣсни матросовъ, или уйти въ самого себя и мечтать, глядя въ необъятную водную даль, или, наконецъ, смотрѣть на танцы палубныхъ пассажировъ, составляющіе главное ихъ развлеченіе. Цѣлый день играетъ шарманка, и пары безъ устали крутятся въ полькѣ или вальсѣ, такъ какъ недостатка въ кавалерахъ не бываетъ: ихъ замѣняютъ матросы корабля. Отъ однообразія времяпровожденія я скоро впалъ въ меланхолію и все чаще сталъ задавать себѣ вопросъ: зачѣмъ я стремлюсь въ Америку? что надѣюсь я найти въ невѣдомой странѣ? И когда вѣтры ревѣли, бушевали волны и широкая даль таинственно и угрожающе смотрѣла мнѣ въ очи, въ умѣ моемъ мелькали мысли одна грустнѣе другой. Я думалъ о моей матери, о моихъ сестрахъ. Какъ уютно, вѣроятно, сидѣли онѣ за работой, за чайнымъ столомъ, при мягкомъ свѣтѣ лампы; какъ тепло, удобно имъ сидится въ покойныхъ креслахъ! Увижу ли я ихъ когда нибудь? Отъ этихъ мыслей слезы выступали у меня на глазахъ, и чѣмъ дальше корабль уносилъ меня отъ моей родины, тѣмъ больнѣе ощущалъ я свое одиночество. Въ такомъ состояніи стоялъ я въ одну прохладную лунную ночь на палубѣ, когда на пароходѣ все уже спало. Небо отгѣчало настроенію моей души—обликъ луны проглядывалъ по временамъ сквозь темныя тучи, но тотчасъ же опять скрывался за облаками, которые въ беспорядочномъ нагроможденіи неслись съ страшною быстротою по черному небу.

Въ одну изъ такихъ минутъ душевной тоски и тревоги, когда я одиноко стоялъ на палубѣ, взоръ мой случайно упалъ на стоявшую ко мнѣ спиною стройную женскую фигуру. Длинное бѣлое платье придавало незнакомкѣ обликъ таинственного свѣтлага духа, безплотнаго призрака.

Что это такое? — спрашивалъ я себя, — дѣйствительность или плодъ разстроеннаго воображенія?

Неслышными шагами приблизился я къ поразившему меня видѣнію, и глазамъ моимъ представилась очаровательная дѣвушка въ красной матросской кофточкѣ съ прелестнымъ личикомъ и съ развѣвающимися на вѣтрѣ прядями золотисто бѣлокурыхъ волосъ. На взглядъ ей было не болѣе 18-ти, 19-ти лѣтъ. Черты лица ея дышали добротой и спокойствіемъ; широко раскрытые глаза казались окнами ея чудной души. И когда она на мое извиненіе, что я беспокоилъ ее, отвѣтила простоудушно: «нисколько», ея голосъ заставилъ трепетать всѣ струны моего юнаго сердца. Я постарался вступить съ нею въ разговоръ и скоро узналъ, что ее зовутъ Агнессою, что на съ дѣтства боролась съ нуждою и нищетою и, рано осиротѣвъ не имѣя никакихъ надеждъ, рѣшилась испытать счастье въ чужихъ краяхъ, для чего и воспользовалась свободнымъ мѣстомъ стюардессы (т. е. смотрительницы дамскихъ каютъ) на пароходѣ, совершающемъ рейсы между Европой и Америкой.

Мы встрѣтились съ ней, такимъ образомъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ въ своемъ положеніи: она, подобно мнѣ, вся жила будущимъ и юными, еще не развитыми провою жизни мечтами. Мы такъ долго заболтались съ ней въ эту ночь, что только наступающее утро заставило насъ разойтись, при желаніи скорѣе встрѣтиться снова.

На слѣдующій день пароходъ прибылъ въ Гавръ, гдѣ долженъ былъ остаться цѣлыя сутки. Я предложилъ прелестной Агнессѣ осмотрѣть вмѣстѣ со мной городъ. Интереснаго было мало: одна порядочная кондитерская, въ которой Агнесса позволила мнѣ предложить ей мороженого, да еще ювелирные магазины. Этихъ — было пропасть. Передъ однимъ изъ нихъ мы остановились, и по смущенному личику Агнессы мнѣ показалось, что я понялъ ея мысли. Она думала: «есть же на свѣтѣ такіе счастливыя, которымъ вся эта роскошь доступна!» И мнѣ захотѣлось дать ей возможность вступить въ разрядъ этихъ счастливецъ хоть одною ногой. Я вошелъ въ магазинъ и купилъ очень изящное колечко, цѣною въ двадцать долларовъ. Послѣ покупки у меня оставалось всего въ карманѣ лишь десять долларовъ; но я полагалъ, что этой суммы мнѣ вполне достаточно до того времени, какъ Америка откроетъ предо мною свои неизсякаемыя золотыя росыши. Поднося Агнессѣ колечко, я просилъ принять его на память о нашемъ первомъ знакомствѣ, обѣщая при этомъ ей въ будущемъ украшенія большей цѣнности изъ того самаго золота, которое ожидаетъ меня въ такомъ изобиліи въ Америкѣ. Она была въ неописанномъ восторгѣ и, удивленная моею любезностью, наградила меня тутъ же на улицѣ звучнымъ поцѣлуемъ. Жизнь еще не научила ее придавать особенную цѣну поцѣлуямъ наединѣ!

Невыразимо счастливъ моментъ, когда, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія между водою и небомъ, увидишь наконецъ землю. Въ одно прекрасное утро послышался знаменательный возгласъ «земля видна!» и всѣ бросились на палубу съ биноклями, трубами; все оживилось, ликовало, а земля между тѣмъ еще была въ туманной дали. Понемногу стали выступать изъ тумана Нью-Йоркъ съ противолежащимъ ему городкомъ Гобокеномъ, у порта котораго останавливались тогда всѣ корабли Гамбургскаго и Бременскаго Ллойда. Боже, какія мечты охватили меня въ эту минуту! Мнѣ представлялось мое будущее въ золотѣ, почетѣ, могуществѣ. То видѣлъ я себя богатѣйшимъ владѣльцемъ Калифорнскихъ росышей, то величайшимъ трагикомъ, у ногъ котораго, въ умиленіи и восторгѣ, валяется въ пыли вся Америка; то представлялся я себѣ сидящимъ на тронѣ, всемогущимъ владыкой дикихъ народовъ, то торжествующимъ героемъ въ кровавомъ бою, побѣда въ которомъ одержана только благодаря моему храбрости и неустранимости.

Одна картина смѣнялась другою, и каждая вызывала на глаза слезы восторженнаго предчувствія. Я, видно, не даромъ поглощалъ

романы Майнъ-Рида, и недаромъ же мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ.

Пароходъ тяжело остановился на почтительномъ разстояніи отъ земли. Къ намъ подъѣхали таможенные чиновники и, по исполненіи разныхъ формальностей, намъ данъ былъ установленный пропускъ. Мы вошли въ Гобоконскую бухту и стали у пристани. Начались обычные прощанія, раздались поцѣлуи, пожеланія всякаго благополучія. Я стоялъ подлѣ Агнессы и давалъ ей тысячи обѣщаній, что при слѣдующемъ ея возвращеніи изъ Европы встрѣчу ее со всѣми подобающими ей почестями и окружу ее тою роскошью, для которой она рождена.

Наконецъ, съ палубы на пристань былъ брошенъ трапъ, и всѣ спѣшили оставить корабль. И тоже, собравъ свои пожитки, двинулся за толпой и, только ужъ пройдя нѣкоторое разстояніе, остановился и спросилъ самъ себя: куда же идти?

II.

Пріѣздъ въ Нью-Йоркъ.—Hôtel Lievgo.—Превращеніе изъ берлинскаго щеголя въ лакея.—Служба въ лакеяхъ.—Напикротство хозяина и работа въ гавани.—На китобойномъ суднѣ.—Путешествіе въ сѣверный Ледовитый океанъ.—Возвращеніе.

Недалеко отъ гавани я увидалъ небольшой домикъ съ надписью «Hôtel Lievgo», куда и отдалъ распоряженіе отнести свои вещи. Бѣдная обстановка комнатъ и незатѣйливый номеръ, который мнѣ отвели, нѣсколько шокировали меня, привыкшаго къ' первокласснымъ гостиницамъ. Однако, дальнѣйшихъ неудобствъ я пока не замѣчалъ, такъ какъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, облачиться въ свой лучший костюмъ, рассчитывая поразить американцевъ изяществомъ своего европейскаго туалета. Я бы теперь пришелъ въ ужасъ отъ этого костюма; но тогда я былъ отъ него въ восторгѣ: брюки—цвѣта незрѣлаго апельсина съ тремя черными лампасами, обхватывающія въ обтяжку мои тонкія и длинныя, какъ у аиста, ноги, рейтфракъ вишневаго цвѣта, съ бѣлыми и желтыми крапинками, очень похожими на птичій пометъ; лиловый бархатный жилетъ съ золотыми пуговицами, ярко красный галстухъ, завязанный большимъ узломъ, и такого же цвѣта перчатки; на головѣ послѣдняго фасона цилиндръ, низенькій съ широкими, сильно выгнутыми полями. Къ довершенію всего съ ногъ-сшибательнаго эффекта—кудри по плечи: ни дать ни взять, настоящій берлинскій щеголь!

Окончивъ туалетъ, я бросилъ послѣдній взглядъ въ зеркало и, оставшись собою доволенъ, сошелъ въ ресторанъ гостиницы, не столько для утоленія голода, сколько съ цѣлью убѣдиться, какое я произведу впечатлѣніе на американцевъ. Въ ресторанѣ было до-

вольно много публики, и всё съ удивленіемъ принялись меня оглядывать. Занявъ мѣсто за отдѣльнымъ столикомъ и заказавъ себѣ обѣдъ, я погрузился въ чтеніе газетъ, въ которыхъ, однако, ни слова не понималъ, такъ какъ всё онѣ были англійскія, а въ этомъ языкѣ я рѣшительно ничего не смыслилъ. Помѣщеніе ресторана и посѣтители его разочаровали меня. Простой, неаппетитный буфетъ, за стойкой два буфетчика и самъ хозяинъ гостиницы. Это былъ мужчина громаднаго роста съ клинообразной бородкой, заплывшимъ краснымъ лицомъ и вспухшимъ, зеленофіолетовымъ носомъ, глазъ не было видно, но въ общемъ на лицѣ лежалъ отпечатокъ добродушія. Въ концѣ обѣда я услышалъ за сосѣднимъ столомъ нѣмецкую рѣчь и, обрадованный этимъ обстоятельствомъ, попросилъ у говорившаго позволенія присѣсть къ ихъ столу. Пошли разспросы, и два моихъ собесѣдника (мясникъ и механикъ), узнавъ, что я только что пріѣхалъ изъ Стараго Свѣта, любезно предложили мнѣ осмотрѣть Нью-Йоркъ и Гобокенъ. Такой большой городъ, какъ Нью-Йоркъ, нельзя осмотрѣть въ одинъ день, но, тѣмъ не менѣе, благодаря случайнымъ знакомымъ, я получилъ о немъ нѣкоторое представленіе.

Они же положили первое начало моему разочарованію, разъяснивъ мнѣ, что вся американская жизнь поκειται на одномъ неизбѣжномъ началѣ—на личномъ трудѣ. Къ вечеру я вернулся домой усталый отъ далекой ходьбы. Первую ночь въ Новомъ Свѣтѣ я проспалъ какъ убитый. Поутру я сошелъ внизъ, въ ресторанъ, и за кофе сталъ раздумывать о своемъ положеніи, которое становилось критическимъ: оказывалось, что оставшихся у меня денегъ не хватало и на сегодняшний день. Въ ресторанѣ, по случаю ранняго времени, никого, кромѣ меня, не было, и мой грустный видъ обратилъ на себя вниманіе хозяина гостиницы. Это былъ нѣмецъ, прожившій въ Америкѣ уже 30 лѣтъ.

— Ну-ка, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ, — что привело васъ въ Америку? Есть ли у васъ деньги?

И отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, значитъ нужно работать, — произнесъ онъ уже болѣе строгимъ тономъ.

Затѣмъ онъ посоветовалъ мнѣ какъ можно скорѣе отыскать себѣ какой нибудь заработокъ, такъ какъ въ Америкѣ никто, а онъ паче всѣхъ другихъ, не имѣетъ обыкновенія кормить даромъ желающихъ ѣсть.

Меня ужасно смутила переменна его тона. Какъ провинившійся школьникъ, я рассказалъ ему вкратцѣ объ обстоятельствахъ, приведшихъ меня въ Америку, и просилъ смиренно совѣта. Хозяинъ очевидно былъ тронутъ моимъ повѣствованіемъ и съ полнымъ сочувствіемъ къ моему положенію началъ бесѣдовать со мною, обращаясь, однако, уже на «ты».

— А ты, какъ я вижу, шустрый мальчишка, ты мнѣ понравился, — такъ вотъ слушай, что я тебѣ скажу: никакихъ у насъ тутъ нѣмецкихъ, а тѣмъ болѣе русскихъ театровъ не полагается, и у тебя сама собой выйдетъ вся эта дурь изъ головы. Что же касается до насущнаго куска хлѣба, то чтобъ доказать тебѣ мое расположеніе, я на твой сегодняшний день ужъ не покушусь, а съ завтрашняго дня я принимаю тебя къ себѣ въ гостиницу лакеемъ.

Всѣ мои представленія о моемъ нѣжномъ, деликатномъ и элегантномъ «я» были повержены въ прахъ однимъ этимъ словомъ. Не находя словъ для возражанія на убѣдительно-благодушно-строгое слово хозяина, я смотрѣлъ на него молча, чуть не со слезами на глазахъ. Мнѣ казалось, что я очень низко падаю, и мысль объ обѣщаніяхъ Агнессы залила яркой краской мои щеки.

Тогда я еще не зналъ, что въ Америкѣ нипочемъ скачки изъ одного положенія въ другое, и что вчерашній богатъ здѣсь сегодня волею рока можетъ улицы мести. Критическое положеніе мое не оставляло мнѣ, однако, времени на размышленія и, чтобы не остаться безъ пріюта, я принялъ предложеніе хозяина, рассчитывая не безъ основанія, что не вѣкъ же я буду лакеемъ. Хозяинъ былъ въ восторгѣ отъ моего согласія и тотчасъ же представилъ меня гостямъ, какъ новаго слугу его заведенія. Я долженъ былъ выслушать отъ гостей разныя шутивыя замѣчанія на счетъ предстоящей мнѣ перемѣны туалета, но болѣе всего они потѣшались надъ моею экцентричною куафюрой и, по общему убѣжденію, мнѣ слѣдовало быть остриженнымъ подъ гребенку. Усматривая мою наклонность къ сопротивленію въ дѣлѣ стрижки, нѣкоторые шутники, съ хозяиномъ во главѣ, предложили мнѣ уступить свою гриву за вино, и прежде, чѣмъ я успѣлъ дать отвѣтъ, вынесены были три бутылки рейнвейна, которыя тутъ же и были распиты. Послѣ обѣда хозяинъ, показавъ мнѣ помѣщеніе гостиницы, познакомилъ меня со своими двумя племянниками, бывшими у него въ буфетчикахъ, и съ сыномъ, мальчикомъ моихъ лѣтъ. Вечеромъ мнѣ пригнали куртку, фартукъ и на слѣдующее утро я, въ костюмѣ гарсона съ остриженными волосами и лакейскимъ проборомъ, съ салфеткой подъ мышкой, стоялъ уже въ помѣщеніи ресторана, въ ожиданіи гостей.

Вопелъ какой-то грубый субъектъ, осмотрѣлъ меня съ удивленною улыбкой и презрительно приказалъ подать кружку эля. Кровь бросилась мнѣ въ голову: мнѣ, привыкшему съ дѣтства отдавать приказанія, — и вдругъ подавать пиво какому-то остопоу! Меня потянуло размовжить ему голову кружкой, но я вспомнилъ, что вѣдь мнѣ нечего ѣсть, и, кинувъ на него злобный взглядъ, смиренно пошелъ къ буфету и принесъ требуемую кружку эля. Первый шагъ такимъ образомъ былъ сдѣланъ, и я одержалъ побѣду надъ своимъ барскимъ самолюбіемъ.

Я словно переродился и, будучи очень ловкимъ отъ природы

скоро сумѣлъ усвоить всѣ техническіе пріемы гарсона. Я такъ искусно, чуть не бѣгомъ, носилъ одновременно въ одной рукѣ десять кружекъ пива, а въ другой пять, шесть тарелокъ съ горячими блюдами, что, глядя на меня, никто бы не могъ и подумать, что это не та самая специальность, къ какой я готовился съ дѣтства. Хозяинъ былъ отъ меня въ восторгѣ, а гости всѣ непременно хотѣли, чтобы именно я имъ прислуживалъ.

Я скоро сжился съ своею должностію отличнѣйшимъ образомъ и сдѣлался въ гостиницѣ общимъ любимцемъ. Племянники хозяина сдѣлались моими пріятелями, а сынъ просто во мнѣ души не чаялъ и, сознавая превосходство моего воспитанія, старался постоянно держаться моего общества. Онъ также мечталъ быть актеромъ и нашелъ во мнѣ покровителя и учителя. Кромѣ декламациі, я преподавалъ ему и пластику, въ которую входило, между прочимъ, фехтованіе, крайне ему полкубившееся. Заставивъ его купить себѣ пару флоретовъ, я давалъ ему ежедневно въ свободные часы уроки. Это развлеченіе поселило, однако, вскорѣ между нами недоразумѣніе. Онъ вѣчно хотѣлъ оставаться побѣдителемъ, чтобы имѣть возможность надо мной потѣшаться. Въ первое время я уступалъ этому капризу, но однажды, выведенный изъ терпѣнія, я его исколотилъ такъ сильно, что онъ съ горючими слезами пошелъ на меня жаловаться отцу. Отецъ ввдулъ его съ своей стороны, а мнѣ посоветовалъ не вести больше дружбы съ глупымъ мальчишкой. Флореты, впрочемъ, онъ отъ насъ отобралъ и припряталъ. Этотъ инцидентъ не нарушилъ, однако, нашей дружбы, и мы попрежнему оставались съ «глупымъ мальчишкой» пріятелями. Каждую недѣлю я имѣлъ по одному свободному вечеру; въ этотъ вечеръ мы отправлялись вмѣстѣ въ театръ, стараясь попасть на спектакль съ участіемъ знаменитаго въ то время трагика Эдвина Бузса.

До сихъ поръ не было болѣе талантливаго исполнителя шекспировскаго репертуара. Я видѣлъ его въ «Шейлокѣ» и «Макбетѣ», и эти созданные имъ образы не померкнутъ во мнѣ никогда. Онъ былъ роднымъ братомъ актера Бузса, гораздо болѣе извѣстнаго во всемъ мірѣ, чѣмъ онъ, но только не талантомъ, а тѣмъ, что онъ убилъ президента Линкольна. Кромѣ театра, въ свой свободный на недѣлѣ день я старался подробнѣе ознакомиться съ Нью-Йоркомъ, описаніе котораго, однако, опускаю здѣсь, такъ какъ тема эта уже достаточно исчерпана множествомъ лицъ, писавшихъ объ Америкѣ.

Какъ уже сказано было, я скоро свылся съ положеніемъ гарсона и, живя въ гостиницѣ, не мечталъ даже о присканіи какого либо другого занятія. Но дѣла моего хозяина, какъ скоро обнаружилось, были крайне разстроены. Кредиторы допымали его со всѣхъ сторонъ. Къ тому же скоростижно скончалась его сестра, которая и была собственно хозяйкой гостиницы и держала въ рукахъ всѣ бразды правленія. Съ ея смертію рушилось окончательно благо-

состояніе моего хозяина, и недалеко былъ тотъ день уже, когда все его имущество должно было быть продано за долги съ молотка. Хозяинъ призвалъ сына, племянниковъ, меня и дворника, прослужившаго у него слишкомъ двадцать лѣтъ, и обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Дѣти, вы молоды и здоровы и всегда найдете возможность заработать себѣ кусокъ хлѣба. Я же старъ, немощенъ, въ конецъ разоренъ. Если вы не можете мнѣ спасти хоть часть имущества отъ злыхъ кредиторонъ, я останусь нищимъ на улицѣ, а потому во избѣжаніе этого несчастья запасъ вина, сигары и болѣе цѣнная посуда должны быть въ эту же ночь перенесены въ укромное мѣсто, которое я вамъ покажу, иначе я погибъ.

И дѣйствительно, онъ нашелъ въ насъ вѣрныхъ слугъ и друзей. Мы проработали безъ усталы цѣлую ночь, и указанное имъ имущество было все перенесено въ надежное мѣсто.

Гостиницу съ оставшимся имуществомъ продали, и снова предомной всталъ неизбѣжный вопросъ, вопросъ: куда дѣваться и что предпринять?

Гобокенъ былъ ничтожный городишко, съ десятью, пятнадцатью тысячами жителей, изъ которыхъ добрая половина работала днемъ въ Нью-Йоркѣ. Главная приманка этого города состояла въ томъ, что по воскреснымъ днямъ всѣ рестораны имѣли право въ немъ торговать, тогда какъ въ Нью-Йоркѣ это закономъ воспрещалось. Каждый американскій штатъ имѣетъ особенные законы. Нью-Йоркъ, находящійся по другую сторону рѣки, принадлежитъ къ штату Нью-Йорку, а Гобокенъ находится въ штатѣ Нью-Джерси. Поэтому по воскреснымъ днямъ тысячи жителей Нью-Йорка пріѣзжали въ Гобокенъ утолять свою жажду и веселиться, и это было доходнѣйшей статьей безчисленныхъ ресторановъ и гостиницъ, помѣщавшихся въ этомъ городѣ.

Въ Гобокенѣ, какъ и въ Нью-Йоркѣ, я цѣлые дни искалъ подходящихъ занятій, но нигдѣ не имѣлъ удачи. Небольшія деньги, скопленныя во время моей службы въ гостиницѣ, быстро таяли, и день, въ который мнѣ пришлось вынуть изъ кармана послѣдній центъ, не заставилъ себя долго ждать. Я не мало смутился и рѣшился отправиться въ гавань, гдѣ всегда можно добыть грузовую работу. Хотя это не легкій трудъ, но онъ оплачивается въ избыткѣ первыя потребности существованія. Мнѣ, здоровому и широкоплечему малому, бояться было нечего, и я дѣйствительно тотчасъ же нашелъ работу. Правда, носильное платье сильно страдало отъ носки тяжестей, но зато этотъ трудъ имѣлъ три хорошихъ стороны: онъ развивалъ силы, возбуждалъ аппетитъ и надѣлялъ такимъ сномъ, которому никакія насѣкомыя не могли помѣшать. Однажды, когда я въ роли носильщика бодро и весело вошелъ на только что прибывшій изъ Европы пароходъ, чтобы предложить

пассажирамъ свои услуги по переноскѣ багажа на берегъ, я вдругъ услышалъ за собою знакомый женскій голосъ и, обернувшись, увидѣлъ Агнессу. Я испугался встрѣчи съ нею въ этомъ поношенномъ, грязномъ костюмѣ и, пользуясь тѣмъ, что она меня не видитъ, сгорбился, съежился и поспѣшилъ исчезнуть въ толгѣ. Послѣ этой встрѣчи я пересталъ ужъ ходить на работу въ гавань, опасаясь встрѣчи съ той, которой я такъ щедро наобѣщалъ воздушныхъ американскихъ замковъ.

Въ это время я случайно свелъ знакомство съ однимъ проходивцемъ, искавшимъ тоже работы. Онъ посоветовалъ мнѣ обратить свое вниманіе на китовый промыселъ, такъ какъ, по его словамъ, служба тамъ не тяжела и хорошо оплачивается. Оказалось, что и мой случайный знакомый былъ тоже не прочь совершить путешествіе на китобойномъ суднѣ.

У гавани были извѣстные кабачки, посѣщаемые исключительно матросами. Туда же приходили и капитаны китобоевъ набирать охотниковъ. На китобой, кромѣ капитана и рулевого, рѣдко бываютъ дѣльные матросы, такъ какъ каждый серьезный матросъ легко находитъ службу на хорошемъ кораблѣ, и ему не нужно идти на дряненькое китобойное судно. Поэтому команда китобоя состоитъ обыкновенно изъ людей разнузданныхъ и деморализованныхъ. Среди нихъ зачастую скрываются даже преступники, успѣвшіе попасть на китобой въ моментъ отплытія корабля.

Капитаны китобоевъ чаще всего грубые жестокосердые ирландцы. Какъ полновластные повелители во время плаванья, они не стѣсняются въ обращеніи съ матросами и своевольно милуютъ или уродуютъ, въ какой часъ имъ подѣ руку попадешь.

Кабачки, куда заглядываютъ для вербовки команды капитаны китобоевъ, по большей части помѣщаются въ погребахъ, гдѣ матросы, величайшіе любители азартной игры, опорожниваютъ свои карманы. Они развлекаются здѣсь, кромѣ азартной игры, также пьянствомъ и дракой.

Карточная игра почти всегда кончается недоразумѣніями, доводящими до ссоръ, кулачныхъ боевъ и даже иногда до убійства. Матросы вообще грубы, а подъ вліяніемъ винныхъ паровъ дѣлаются отчаянными, неукротимыми и, не задумываясь, въ азартѣ и гнѣвѣ, хватаются за ножи, которые носятъ всегда при себѣ. Раненаго или даже убитаго выносятъ преспокойно на улицу и предоставляютъ полиціи дальнѣйшую о немъ заботу. Хозяинъ кабачка оканичиваетъ оставшіяся послѣ боя на полу кровавыя пятна нѣсколькими ведрами воды, и игра продолжается, какъ ни въ чемъ не бывало. Для развлечения гостей есть въ этихъ кабачкахъ музыканты, разные своеобразные куплетисты и другіе артисты по вкусу публики. Тамъ устраивается дикая пляска съ присутствующими дѣвушками, и въ этомъ общемъ хаосѣ, нѣ воздухѣ, зачумленномъ всевозможными испареніями, матросъ счастливъ, матросъ веселится.

Намъ съ пріятелемъ скоро удалось отыскать въ одномъ изъ описанныхъ кабачковъ подходящаго капитана съ китобоя. Послѣ краткихъ переговоровъ, которые велъ мой товарищъ, капитанъ согласился принять насъ. Ко мнѣ онъ отнесся болѣе скептически, нежели къ моему спутнику. Во-первыхъ, я зналъ тогда всего лишь нѣсколько словъ поанглійски; а, во-вторыхъ, я показался ему чрезвѣчайно извѣженнымъ для китобойнаго дѣла. Но, видя мое пламенное желаніе поступить къ нему на службу и почему-то почувствовавъ ко мнѣ симпатію, онъ рѣшился принять меня и назначилъ мнѣ должность captain steward, т. е. опредѣлилъ меня въ качествѣ лакея при своей особѣ, при чемъ жалованья опредѣленнаго мнѣ не было назначено. Вознагражденіе было поставлено въ зависимость отъ его будущаго личнаго усмотрѣнія. Вступленіе мое въ эту новую должность было тутъ же освящено возліаніемъ Бахусу, и затѣмъ я былъ отпущенъ дозавтра. Корабль долженъ былъ выйти въ море дня черезъ три. Явившись въ слѣдующее утро на корабль, я былъ встрѣченъ капитаномъ очень любезно; въ доказательство своего расположенія онъ угостилъ меня такимъ ударомъ подъ ребра, что я вскрикнулъ отъ боли и чуть не свалился. Это привело его въ самое веселое настроеніе, и онъ, ухвативъ меня руками, сталъ мять и тормошить, желая между прочимъ убѣдиться, какъ велика моя сила. При этомъ онъ хохоталъ во все горло, довольный своей причудливой выдумкой нанять себѣ камердинера, да еще вдобавокъ русскаго, и увѣрялъ, что онъ или сдѣлаетъ изъ меня отчаяннаго головорѣза; или, въ случаѣ разочарованія, вышвырнетъ меня попросту за бортъ. Такое обращеніе меня нѣсколько смутило, и я началъ уже было расканваться, но прирожденная съ дѣтства страсть къ приключеніямъ побудила и въ настоящемъ случаѣ примириться съ оригинальными манерами хозяина китобоя. Остальные служащіе на суднѣ были по виду настоящіе разбойники и несомнѣнные кандидаты на висѣлицу. Ветхій корабль тоже не внушалъ довѣрія. Капитанъ замѣтилъ, что мнѣ необходимо запасться кое-какимъ теплымъ платьемъ, такъ какъ мы отправляемся въ Сѣверный океанъ, и, выдавъ мнѣ на расходы немного денегъ авансомъ, отправилъ со мной приближеннаго матроса за покупками.

Лучшимъ помѣщеніемъ на нашемъ китобой была, конечно, капитанская каюта; рядомъ съ ней находилась каютка, которая и должна была служить для меня комнатою. Изъ этой каюты велъ закрытый люкъ въ трюмъ, гдѣ помѣщался винный погребокъ капитана. Кромѣ цѣльныхъ бочекъ съ виски и джиномъ, тамъ было много коньяку и разныхъ другихъ винъ, а также огромный запасъ всевозможныхъ съѣдобныхъ консервовъ.

Служба моя при капитанѣ заключалась въ томъ, что я вставалъ раньше его, а ложился позже; ночью же разъ десять вставалъ по зову хозяина для откупориванья бутылокъ вина или коньяку, такъ

какъ онъ имѣлъ обыкновеніе пить и днемъ и ночью, почти безъ перерыва и устали. Иногда я помогалъ при работѣ на палубѣ, получая за неловкость весьма часто подзатыльники отъ матросовъ.

Вѣда была отвратительная. Пить я могъ изъ запаса капитана все по желанію, но не пользовался этимъ, не чувствуя пристрастія къ крѣпкимъ напиткамъ. Грубое обращеніе со мной матросовъ сильно меня возмущало, особенно въ первое время. Часто безъ всякой причины тотъ или другой угощалъ меня шутки ради такимъ кулачнымъ ударомъ въ бокъ, спину или лицо, что у меня носъ и зубы бывали въ крови, и все тѣло ныло отъ боли. Защищаться противъ бокса, не постигнувъ еще этого искусства, я не былъ въ силахъ, а жаловаться было не въ моемъ характерѣ. Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ, и вотъ разъ, получивъ отъ одного матроса сильный ударъ въ грудь, я такъ освирипѣлъ, что, забывъ всякое снисхожденіе, бросился на него и, сбивъ его моментально съ ногъ, въ совершенномъ безпамятствѣ, принялся наносить ему такіе жестокие побои, что ужъ другимъ пришлось выручать его отъ такой расправы. Послѣ этой драки всѣ стали относиться ко мнѣ съ уваженіемъ и смотрѣли на меня, какъ на равнаго.

Послѣ продолжительнаго плаванія мы наконецъ бросили якорь у какого-то голаго и крайне неживописнаго берега. Вдали видѣлась деревушка, изъ которой къ намъ вскорѣ вышли какіе-то звѣробразные люди. Это были лапландцы въ ихъ одеждахъ изъ оленьихъ шкуръ. Они предлагали стирку бѣлья и другія услуги. Послѣ трехдневной стоянки тутъ мы снялись, чтобы вновь остановиться спустя полъ-сутокъ у другого такого же берега. Я, не говорившій еще свободно поанглійски, былъ лишенъ возможности принимать участіе въ бесѣдахъ моихъ товарищей и понимать всѣ распоряженія моего капитана.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ скучной и однообразной жизни, когда наконецъ мы стали торопиться въ обратный путь, чтобы уйти отъ наступавшей суровой зимы и не рисковать попасть въ льдины и замерзнуть въ нихъ. Намъ уже и безъ того за это время пришлось какъ-то три недѣли просидѣть въ льдинахъ, и счастье только помогло намъ изъ нихъ высвободиться. Путешествіе это мнѣ страшно надоѣло, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія въ Нью-Йоркъ. Самое интересное изъ видѣннаго за это время были частыя сѣверныя сіянія—точно свѣтящіяся божьи руки протягиваются надъ тобой по небу, и ты перестаешь чувствовать себя одинокимъ и заброшеннымъ.

Къ концу плаванья я уже успѣлъ сдѣлаться вліятельнымъ человекомъ на нашемъ кораблѣ и пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ капитана и неоднократно спасалъ товарищей отъ его грубыхъ выходокъ и жестокихъ наказаній. Его дружбѣ я, однако, обязанъ приобрѣтенною мною привычкою къ спиртнымъ напиткамъ, крѣпость которыхъ я переносилъ, для моего возраста, удивительно.

Но вотъ мы опять наконецъ вернулись въ Нью-Йоркъ. Послѣ общаго расчета, капитанъ высказалъ мнѣ свое полное удовольствіе и наградилъ меня слишкомъ двумястами долларовъ—все золотыми монетами. Мы разстались большими друзьями, и я сошелъ на берегъ самодовольный и гордый полученіемъ такой большой суммы денегъ.

Въ продолженіе сутокъ я съ товарищемъ по китобою справляли свое возвращеніе на берегъ, переходя изъ одного трактира въ другой, пока, наконецъ, не порѣшили сдѣлать продолжительный привалъ въ Нью-Йоркъ, въ «Атлантикъ-Галль»¹⁾. Тамъ кутежъ разгорѣлся, и каждый старался, соразмѣряясь со своими средствами, угощать другъ друга. Тутъ кто-то сказалъ, что находящійся въ залѣ громадный органъ играетъ всѣ національные гимны и между ними напѣ, русскій. Я усомнился; одинъ изъ товарищей сейчасъ же предложилъ мнѣ пари на вино. Я принялъ это пари, чтобы доставить ему удовольствіе. Онъ пошелъ справиться и возвратился съ довольно кислой миной, такъ какъ вальца съ русскимъ гимномъ не оказалось. Подано было проигранное вино. Пиръ пошелъ горой; меня поздравляли, надъ моимъ противникомъ подшучивали. Но вдругъ неожиданно-негаданно раздаются могучіе родные аккорды: «Боже, царя храни!». Нужно находится вдали отъ родины, быть отрѣзаннымъ отъ нея, какъ я, и такъ долго не слышать родного звука, чтобы понять, въ какое восторженное настроеніе привела меня эта неожиданность. Я былъ внѣ себя отъ радости, я былъ счастливъ, что проигралъ пари и сталъ ставить бутылки въ такомъ изобиліи, что вскорѣ мы всѣ пирующіе перестали понимать и узнавать другъ друга.

На другой день я не могъ припомнить, когда и какъ мы окончили нашъ вечеръ, но понялъ только одно, что больше половины моихъ денегъ было потрачено. Я чувствовалъ себя скверно и въ сугубо подавленномъ настроеніи духа снова задавалъ себѣ вопросъ: что же будетъ дальше?

III.

Жизнь въ гостиницѣ Румлера.—На мебельной фабрикѣ.—На службѣ въ ресторанѣ полковника. — Шампанское сгубило! — Театральная антреприза въ Гобокенѣ. — Успѣхъ и ликвидація дѣла.—Ровный антрепренеръ и роковой пистолетъ.—«Мороженое, мороженое, господа!» — Съ метлой въ рукѣ.—Изъ дворниковъ сразу въ гувёрнеры.—Ковни кухарки и мое изгнаніе.—Ювелирное дѣло и новая неудача.

На первыхъ порахъ я рѣшилъ поселиться вновь въ Гобокенѣ, гдѣ у меня уже было нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. Я перѣхалъ туда въ маленькую гостиницу съ нѣсколькими номерами и ресто-

¹⁾ Atlantic Hall.

раномъ. Хозяинъ гостиницы — прежде богатый нѣмецъ, по имени Румлеръ, оказался человѣкомъ весьма симпатичнымъ и образованнымъ. Потерявъ въ Германіи въ торговыхъ предпріятіяхъ свое состояніе, онъ переселился въ Америку и, не находя ничего болѣе подходящаго, открылъ свое небольшое дѣло, имѣя въ женѣ своей дѣловитаго помощника.

Я вскорѣ съ нимъ очень подружился и не сталъ скрывать отъ нихъ того часа, когда пришлось развѣнять свой послѣдній долларъ. Очувствуя моему положенію, онъ предложилъ мнѣ столъ, квартиру и даже, на случай крайности, кое-какую мелочь, но при условіи, чтобы я былъ помощникомъ его въ его небольшомъ хозяйствѣ: прислуживалъ, по мѣрѣ надобности, гостямъ, замѣнялъ его за буфетомъ, исполнялъ нѣкоторыя порученія и т. п. Я живо вошелъ въ новую роль и скоро привлекъ къ себѣ симпатію всѣхъ нашихъ гостей-завсегдатаевъ. Безчисленные анекдоты, монологи, стихотворенія, которыми я всегда готовъ былъ развлекать всѣхъ и каждого, расположили ко мнѣ посѣтителей, и я сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ душой гостиницы.

Ежедневно по вечерамъ собиралась одна и та же компанія, и я постоянно возсѣдалъ среди этого почтеннаго общества бюргеровъ, занимая ихъ разсказами. Торговля усиливалась, и хозяинъ довольный и сіяющій самъ прислуживалъ гостямъ. Такъ шли дни за днями, пока одинъ изъ гостей, узнавъ о моей способности къ рисованію, не предложилъ доставить мнѣ занятіе по этой части. Я съ удовольствіемъ принялъ предложенное мнѣ мѣсто рисовальщика въ одной изъ величайшихъ мебельныхъ фабрикъ Нью-Йорка, такъ какъ положеніе мое у Румлера въ сущности тяготило меня. Жить я остался тамъ же, и каждый вечеръ, когда я возвращался съ работы, меня попрежнему встрѣчала съ радостью старая компанія въ ресторанѣ.

Какъ рисовальщикъ на фабрикѣ, я былъ чуть не самымъ послѣднимъ, потому что тамъ рисовало до тридцати человѣкъ, и между ними находились настоящіе художники. Такіе, какъ я, имѣли задачею только увеличивать по масштабу наброски настоящихъ художниковъ. Механическая работа, которую я тотчасъ постигъ, давала мнѣ 18 долларовъ еженедѣльнаго заработка, т. е. вполне достаточную сумму, чтобы содержать себя прилично. Но эта въ высшей степени скучная работа до того вскорѣ мнѣ надоѣла, что я уже черезъ нѣсколько недѣль былъ радъ переимѣнить ее на что нибудь иное.

Въ Гобокенѣ былъ между прочими ресторанами извѣстный ресторанъ Амсберга, полковника въ отставкѣ, въ которомъ помѣщался рейтъ-клубъ, т. е. собраніе любителей верховой ѣзды. Полковникъ, прослышавъ, что я составлялъ приманку въ гостиницѣ Румлера, задумалъ переманить меня къ себѣ, и вотъ къ одинъ прекрасный

день я получилъ приглашеніе занять у него мѣсто буфетчика съ содержаніемъ въ 50 долларовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Предложеніе было настолько заманчиво, что я сейчасъ же принялъ его, несмотря на сожалѣніе моего добраго друга Румлера.

Помѣщеніе ресторана и обстановка въ немъ были весьма элегантны, а потребители—все больше члены рейтъ-клуба, уничтожавшіе безчисленное количество шампанскаго и дорогихъ ликеровъ. Главною приманкой впрочемъ здѣсь была легкомысленная и хорошенькая жена ховяина. Самъ полковникъ былъ величайшій оригиналъ; съ утра до вечера онъ не переставалъ рассказывать о своихъ геройскихъ подвигахъ во время войны сѣверныхъ штатовъ съ южными. И его лживымъ рассказамъ могло положить конецъ только напоминаніе о подаренной ему его товарищемъ саблѣ. Это была изящная кавалерійская сабля, на клинкѣ которой красовалась надпись: «не убій». Полковникъ пользовался извѣстностью величайшаго труса. Это былъ довольно красивый мужчина, хотя и съ зеленеватымъ, нѣсколько вздутымъ отъ пьянства лицомъ и радужнымъ носомъ. Подагра была у него во всѣхъ оконечностяхъ, но тѣмъ не менѣе онъ, вставъ отъ сна, каждое утро выпивалъ бутылку шампанскаго, а для компаніи разрѣшалъ мнѣ тоже откупоривать и для себя полъ-бутылки. Это обратилось у меня въ такую привычку, что я и не въ условный часъ откупоривалъ себѣ еще полъ-бутылки. Весь день полковникъ пилъ, переходя отъ одного напитка къ другому, и къ ночи, въ 12 часовъ по стрѣлкѣ, четыре лакея торжественнымъ маршемъ уносили его въ постель. Такой порядокъ нарушался разъ въ двѣ недѣли — въ мой выходной день. Тогда полковникъ замѣнялъ меня у буфета отъ полудня до закрытія ресторана. Выходной день былъ для меня настоящимъ праздникомъ, ибо, по американскимъ обычаямъ, я долженъ былъ обойти всѣ рестораны и гостиницы, ховяева и буфетчики которыхъ въ свои выходные дни тратились на угощеніе въ ресторанѣ, гдѣ я служилъ.

Для вѣщаго представительства полковникъ давалъ мнѣ *carte blanche* на расходы; я впрочемъ старался все-таки соблюдать экономію. Вообще мнѣ жилось въ эти дни хорошо, если бы не постоянное принужденіе пить съ нимъ шампанское. Оно меня подчасъ опьяняло и, благодаря ему, я въ одинъ прекрасный день лишился своего мѣста. Шампанское сгубило меня! Разъ я уснулъ съ горящей папирсой въ зубахъ, и не войди случайно въ мою комнату дворникъ, весь верхній этажъ, въ которомъ я жилъ, сгорѣлъ бы со мною вмѣстѣ. Дымъ наполнилъ уже всю комнату, матрацъ подо мною тлѣлъ, одно колѣно обгорѣло, а я спалъ себѣ, ничего не чувствуя, въ изобиліи насладившись передъ тѣмъ шампанскимъ. На утро полковникъ, несмотря на всю свою любовь ко мнѣ, отказалъ мнѣ отъ мѣста. Мы разстались друзьями, но все-таки разстались.

Я имѣлъ кое-что про запасъ и до новаго мѣста вновь поселился у моего пріятеля Румлера, принявшаго меня съ распростертыми объятіями.

Румлеръ, всегда мнѣ сочувствовавшій и считавшій меня способнымъ малымъ, продолжалъ соболѣзновать, что судьба не наталкиваетъ меня на путь, къ которому я всегда стремился и ради котораго я разстался съ матушкой. И вотъ въ одинъ прекрасный день онъ предложилъ мнѣ устроить въ Гобокенѣ нѣчто въ родѣ театра для живущихъ тамъ нѣмцевъ, вызываясь пополнить все, что у меня будетъ недоставать для осуществленія этого плана. Я ухватился за это предложеніе, пришедшееся мнѣ какъ нельзя болѣе по душѣ. Городъ былъ достаточно великъ и, кромѣ ресторановъ, не имѣлъ другихъ развлеченій. Кстати находилось и свободное помѣщеніе—большой залъ съ нѣсколькими комнатами подъ названіемъ Sommer's Halle. Условившись съ его хозяиномъ, чтобы залъ былъ за мной три вечера въ недѣлю, я принялся за устройство сцены. Декорація комнатъ изъ шпалеръ и подозрительный тропическій лѣсъ были мной скоро изготовлены; зало было подчищено, убрано гирляндами и разноцвѣтными бумажными флагами. Въ то же время я въ нѣсколькихъ газетахъ пустилъ объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Ищутъ концертнаго скрипача».

«Ищутъ комика куплетиста».

«Ищутъ шансонетную пѣвицу».

«Ищутъ драматическую актрису».

«Ищутъ пианиста-аккомпаниатора и вмѣстѣ съ тѣмъ тапера».

(Спросить тамъ и тамъ, въ такіе-то часы).

Приглашались артисты, конечно, въ гостиницу Румлера, гдѣ я вмѣстѣ съ хозяиномъ сидѣли въ назначенные часы, за подходящей закуской, въ качествѣ антрепренеровъ. Первымъ явился концертный скрипачъ, голландецъ, по имени де-Бѣръ, оборванецъ и пропойца, со вздутымъ лицомъ. Подъ мышкой онъ держалъ скрипку, завернутую въ грязный цвѣтной платокъ. Выѣшность его не внушала нисколько довѣрія; но, открывъ передъ нами нѣсколько грустныхъ страницъ своей жизни, онъ очень расположилъ насъ къ себѣ и привелъ въ самый необузданный восторгъ, когда, выпивъ нѣсколько стакановъ водки, нервно схватилъ свою скрипку и сыгралъ съ величайшимъ бріо и съ неподдѣльнымъ артистическимъ чувствомъ седьмой концертъ Беріо. Затѣмъ еще нѣсколько великолепно сыгранныхъ имъ вещей убѣдили насъ, что это великій падшій гений, въ которомъ алкоголь взялъ верхъ надъ искусствомъ. Съ нимъ я тотчасъ условился: за два номера 10 долларовъ въ вечеръ.

Послѣ него явился комикъ-куплетистъ, съ женою, которая рекомендовалась каскадной пѣвицей—оба также въ весьма поношенныхъ нарядахъ. Послѣ испытанія они были приняты съ платою по 15 долларовъ въ вечеръ обоимъ.

На слѣдующій день пришелъ піанистъ, очень веселый малый я, какъ послѣ оказалось, удивительный штукарь. Каждый, близко къ нему подходившій, лишался часовъ, цѣпи, кошелька и проч. Драматическая актриса тоже не замедлила объявиться. Это было старое, поношенное, разрушенное существо, съ хроническимъ катаромъ горла и носа. При декламации она сопѣла, какъ старая лошадь, отплывавалась и шепелявила. Для разнообразія программы я все-таки ее прихватилъ за шесть долларовъ въ вечеръ.

Когда труппа была скомплектована, надъ дверями вновь устроеннаго зала появился разрисованный мною амплагъ: что такого-то числа въ этомъ роскошно отремонтированномъ залѣ состоится первый невиданный и неслыханный высоко-художественный, вокальный, инструментальный и литературный вечеръ съ благосклоннымъ участіемъ такихъ-то знаменитостей. Послѣ исполненной программы имѣеть быть балъ.

День открытія пришелся въ воскресенье. За два дня до этого я попросилъ скрипача помочь мнѣ и, подѣлившись афишами и билетами, мы отправились по улицамъ города, одинъ по правой, другой по лѣвой сторонѣ, и, расклеивая афиши по заборамъ, заходили въ дома и лавки, предлагая билеты. Всѣ съ удовольствіемъ принимали насъ, и поутру въ день концерта не было уже ни одного свободного мѣста. Одинъ только полковникъ Амсбергъ отказался купить предложенный ему мною билетъ, объяснивъ, что онъ никогда не поощряетъ комедіантовъ, считая ихъ негодяями и бездѣльниками.

Наступилъ ожидавшійся вечеръ. При освѣщеніи, убранный зеленью залъ казался довольно пригляднымъ. У входныхъ дверей стоялъ я и съ директорскимъ величіемъ, несмотря на довольно поношенный черный фракъ, висѣвшій на мнѣ, какъ на вѣшалкѣ, привѣтствовалъ поклонами входившую публику. Тутъ былъ собранъ весь цвѣтъ Гобокена, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала. Программа была составлена разнообразно. Мое участіе въ вечерѣ, въ качествѣ серьезнаго чтеца, состояло изъ двухъ номеровъ: «Охота на тигра» графа Штрахвица и «Первая и послѣдняя картина художника» — не припомню какого автора. Всѣ, за исключеніемъ драматической актрисы, имѣли огромный успѣхъ, въ особенности скрипачъ и куплетистъ. Я произвелъ особенную сенсацію, прочитавъ на bis давно уже составленную мной пародію на «лѣснаго царя» героемъ которой былъ всѣмъ извѣстный полковникъ Амсбергъ съ его балагурною храбростью и съ его неубійственной саблею.

«Wer reitet so spät durch Nacht und Nebel?
Es ist ein Ritter mit seinem Säbel:
Er liest mit Erstaunen drauf eine Schrift:
Du sollst nicht tödten, du armer Wicht».

Пародія эта крайне распотѣшила гобокенскихъ обывателей, а полковнику была отместкой за его неуваженіе къ артистамъ. Послѣ

концерта стулья вмѣстѣ были разставлены вдоль стѣнъ, и веселые танцы кончились только подъ утро. Огненная гобокенская публика была въ восторгѣ отъ такого развлеченія и всѣ просили повторенія моихъ вечеровъ. Ресторанъ при залѣ торговалъ на славу, и хозяинъ въ благодарность угощалъ меня шампанскимъ. Мнѣ лично, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по угощенію артистовъ, оплатѣ помѣщенія за слѣдующій вечеръ и т. п., осталось чистыхъ восемьдесятъ долларовъ. Это было болѣе чѣмъ удачно!

Замѣнивъ драматическую актрису двумя шансонеточными, очень интересными, я устроилъ, спустя пять дней, второй вечеръ. Этотъ вышелъ еще удачнѣе. Билетовъ я уже никому не предлагалъ; за билетами всѣ шли сами и всѣ спѣшили, ибо такъ и вышло, что половина желающихъ не достала себѣ мѣстъ и записалась на третій вечеръ. Полковникъ Амсбергъ прислалъ за билетъ 10 долларовъ съ запиской, въ которой выражалъ надежду, что за такую цѣну мой юмористическій талантъ можетъ нѣсколько уюмониться. За вторымъ вечеромъ слѣдовало еще четыре, равно успѣшныхъ. Я исполнѣ оперился, привелъ въ порядокъ свой гардеробъ, завелъ все необходимое, и затѣмъ у меня оставалась еще достаточная сумма денегъ, чтобы жить припѣваючи. Я думалъ, что такому царствію не будетъ конца; но, увы! ничто не вѣчно подъ луною.

Дѣло шло къ лѣту; наступила жара, и съ нею появились москиты (большіе комары), немилосердно жалящіе. Одна лишь темнота спасаетъ отъ нихъ. Въ освѣщенномъ залѣ и духотѣ нѣтъ возможности высиживать вечеръ, и вотъ изъ-за этихъ москитовъ я остался безъ публики. Ни новыя программы, ни новые исполнители, ничто не могло привлечь посѣтителей, и пустующая зала, при увеличенныхъ расходахъ, не только поглотила весь прошлый заработокъ, но втянула меня еще въ долги. Такъ печально окончилось это вначалѣ столь блестящее предпріятіе.

Преемникомъ моимъ сдѣлался мой скрипачъ де-Бѣръ, промѣнявъ, однако, Гобокенъ на близъ лежащее мѣстечко Нью-Джерси, гдѣ онъ рассчитывалъ на успѣхъ. Мнѣ пришлось помѣняться съ нимъ ролями: онъ сдѣлался антрепренеромъ, а я служащимъ у него исполнителемъ, получавшимъ 12 долларовъ въ вечеръ.

Но антреприза его на новомъ мѣстѣ кончилась въ первый же вечеръ. Дѣло въ томъ, что у него была очень хорошенькая жена, съ которой онъ не спускалъ глазъ. Во время представленій она должна была стоять такъ, чтобы онъ всегда могъ ее видѣть за кулисами. Въ торжественный вечеръ открытія заведенія онъ, конечно, не могъ оставаться на мѣстѣ, чтобы присматривать за ней; ему нужно было поспѣвать всюду. И вотъ, при внезапномъ возвращеніи на сцену, скрипачъ-антрепренеръ засталъ подлѣ своей жены злосчастнаго куплетиста, хотѣвшаго, въ силу закулисныхъ обычаевъ, любезно обнять г-жу де-Бѣръ. Скрипачъ вскипѣлъ, не помня себя отъ ревно-

сти, и выстрѣлили изъ имѣвшагося при немъ револьвера въ куплетиста и положилъ его на мѣстѣ. Случилось это какъ разъ въ то время, когда я декламировалъ что-то на сценѣ. Занавѣсъ, разумѣется, опустили, произошелъ общій переполохъ, явилась полиція, составили протоколъ. Такойъ былъ финалъ антрепризы несчастнаго ревнивца!

Я вернулся въ Гобокенъ и, два дня спустя, чисто поамерикански, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ стяжалъ столько артистическихъ и антрепренерскихъ лавровъ, сталъ—чѣмъ бы вы думали? — мороженщикомъ! Да, и въ добавокъ—американскимъ, аксессуары котораго интереснѣе, нежели кадки, носимыя на головахъ папими мороженщиками. Случилось это такъ: денегъ у меня не было, любовностями Румлера я не хотѣлъ болѣе пользоваться, а ближайшій заработокъ представлялся въ главной кондитерской Гобокенъ, куда требовался мороженщикъ съ громкимъ голосомъ.

Такой человѣкъ сидитъ въ изыщномъ крытомъ экипажѣ, въ видѣ платформы съ навѣсомъ, предъ нимъ стоятъ кадки съ различнымъ мороженымъ. Экипажъ запряженъ осликомъ. Съ полудня до вечера мороженщикъ разъѣзжаетъ по улицамъ, звонитъ въ колокольчикъ и громогласно выкрикиваетъ «Ice cream's! Ice cream's! Ladies and gentlemen, ice cream's!» (Мороженое, мороженое, господа, мороженое!). На этотъ призывъ спѣшатъ покупатели со стаканами, блюдами и чашками, и всѣ заискиваютъ расположенія мороженщика, чтобы получить хорошую порцію. Вотъ на эту-то должность я и явился претендентомъ и былъ тотчасъ же охотно принятъ, плата была самая ничтожная—нѣсколько долларовъ въ недѣлю, отвратительная ѣда, но ужаснѣе всего была работа на ледникѣ: обязанность замораживать въ пушкахъ приготовленную кондитеромъ жидкость лежала на мнѣ. Съ утра до полудня, сидя въ ледникѣ, я вертѣлъ эти пушки руками въ кадкахъ со льдомъ, подсыпая туда по минутно соль. Кругомъ меня образовывалась вѣчно лужа соленой воды, въѣдавшей въ тѣло и безжалостно разрушавшей мою обувь. Послѣ нѣсколькихъ дней такого занятія руки мои покрылись ранами, брюки стали негодными, а сапоги оказались безъ подошвъ. Тѣмъ не менѣе я продолжалъ вертѣть пушки и, разъѣзжая ежедневно на моемъ осликѣ, выкрикивалъ «мороженое, господа, мороженое!» съ такимъ усердіемъ, что вечеромъ возвращался домой совсѣмъ безъ голоса.

Послѣ двухнедѣльной работы, однако, трудъ этотъ сталъ мнѣ просто непосилень, особенно когда я убѣдился, что онъ не окупаетъ даже того платя, которое при этомъ истребляется. Поэтому я былъ безконечно радъ, когда одна изъ моихъ кліентокъ—кухарка дома, у котораго меня каждый день останавливали, высылая ее за мороженымъ, сообщила мнѣ въ разговорѣ, что въ домѣ ихъ требуется дворникъ на хорошее жалованье.

Не медля, я предложилъ хозяину дома свои услуги и на другой день уже вмѣсто торговли мороженымъ старательно чистилъ ручки входныхъ дверей. Новые мои хозяева были интеллигентные американскіе евреи, побывавшіе не одинъ разъ и во Франціи и въ Германіи. Обязанности мои состояли въ слѣдующемъ: вставая утромъ въ домъ раньше всѣхъ, я поливалъ изъ водопроводной кишки улицу съ тротуаромъ и потомъ тщательно выметалъ ихъ метлою; отполировавъ мѣдныя ручки парадныхъ дверей суконкой, я принимался за уборку великолѣпнаго сада; затѣмъ слѣдовала чистка всѣхъ болѣе или менѣе нужныхъ мѣстъ, а въ заключеніе я производилъ старательное самоомовеніе съ мыломъ, порошками и щетками. Только послѣ этого я пилъ на скорую руку кофе, потому что надо было спѣшить на работу въ кухню. Мытье и рубка говядины, чистка картофеля и топка плиты входили тоже въ число обязанностей дворника, который долженъ былъ помогать кухаркѣ. Кромѣ ежедневныхъ комиссій по закупкамъ въ городѣ, я долженъ былъ еще каждый день вымыть и вычесать двухъ комнатныхъ собаченочекъ. Только послѣ вечерней поливки цвѣтовъ, часамъ къ девяти вечера, я становился совершенно свободенъ и могъ раздѣлять общество кухарки, сидя съ нею на скамейкѣ передъ воротами. Мы скоро стали большими пріятелями. Она заставляла меня рассказывать о моихъ приключеніяхъ, и эти рассказы вызвали въ сердцѣ ея ко мнѣ симпатію, выражавшуюся главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что на мою долю приходились самые лучшіе куски изъ всего, что приготавлилось къ столу хозяевъ. Я былъ весьма доволенъ своимъ положеніемъ и не спѣшилъ искать лучшаго мѣста, какъ вдругъ оно само отыскало меня. Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда я поливалъ въ саду цвѣты, ко мнѣ подошелъ хозяинъ. Начавъ со мной бесѣду, онъ своею любезностью развязалъ мнѣ языкъ. Затѣмъ, поговоривъ со мной понѣмечки и пофранцузски, онъ замѣтилъ, что этими языками я владѣю лучше, нежели онъ. Коснувшись послѣ этого слегка въ разговорѣ литературы и искусства, онъ вдругъ оборвалъ разговоръ замѣчаніемъ:

— Мнѣ кажется, вы занимаете въ моемъ домѣ мѣсто, не соответствующее вашимъ способностямъ; дворника мнѣ будетъ подыскать нетрудно, но мнѣ гораздо нужнѣе домашній учитель для моихъ четырехъ шалуновъ; я полагаю, что вы мнѣ для этой работы будете пригодны.

И вотъ я изъ дворника прямо поамерикански превратился въ учителя и гувернера.

Мы условились относительно программы преподаванія; затѣмъ онъ мнѣ далъ денегъ на приведеніе въ порядокъ туалета, и на другой день мое недавнее мѣсто занималъ уже новый человѣкъ, а я введенъ былъ въ семью моего хозяина, который, представляя мнѣ четырехъ своихъ шалуновъ и вручая мнѣ широкій ремень, съ линейку шириною, сказалъ:

— Съ этимъ я передаю вамъ мою власть и надѣюсь, что вы будете пользоваться ею по совѣсти.

Кромѣ мальчугановъ, въ семействѣ была еще дочь, молоденькая, хорошенькая пятнадцатилѣтняя дѣвушка, съ которой я долженъ былъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ и рисованьемъ цвѣтовъ; о послѣднемъ я, однакожъ, и самъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Меня помѣстили въ одной комнатѣ съ старшимъ сыномъ. Кромѣ меня, за дѣтми наблюдала еще бонна, которая въ первое время относилась ко мнѣ съ большою симпатіей. Дѣти и родители были мной чрезвычайно довольны, въ особенности радовались отецъ съ матерью, видя успѣхи дѣтей, которыя въ нѣсколько недѣль были прямо неузнаваемы. Для меня же самую большую радость составляла моя ученица. Могло ли быть иначе? За урокомъ мы всегда были наединѣ. Только ширина стола отдѣляла меня отъ этой изящной формирующейся дѣвичьей фигурки. Прелестное личико съ черными глазами, глядѣвшими на меня какими-то видѣніями ночи, съ воспритительно раскрытыми пурпурными губками, за которыми застѣнчиво прятались два ряда жемчужныхъ зубовъ. Ея ножка, никогда не знавшая подъ столомъ покоя, вѣчно искала чего-то, а потому поминутно задѣвала и мою ногу. На урокъ рисованья мнѣ невольно приходилось наклоняться надъ ученицей, и тогда щека моя чувствовала близкое прикосновеніе ея восхитительныхъ волосъ. Мнѣ всего было 17 лѣтъ, сомнительныя мысли не приходили въ голову, счастье казалось полнымъ, и я не чувствовалъ, что надъ моей головой собирается гроза, и подъ меня ведутъ искусною рукою подкопы! Искусная рука эта принадлежала кухаркѣ, моей бывшей союзницѣ и другу, превратившейся въ моего отчаяннаго врага. Она не могла взять въ толкъ, какимъ это образомъ дворника возводить къ должности учителя, тогда какъ не было въ ея жизни примѣра, чтобы кухарку сдѣлали гувернанткою! Вдобавокъ еще, перейдя на амплуа гувернера, я набѣгалъ визитовъ на кухню и липалъ ея внимательныхъ бесѣдъ. Тогда она рѣшилась погубить меня и нашла себѣ союзницу въ лицѣ нашей бонны, которая сначала очень благоволила ко мнѣ, но потомъ меня возненавидѣла, такъ какъ дѣти, со времени моего вступленія въ должность учителя и воспитателя, окончательно смѣшали ее съ прислугою. Жестокосердная ирландка (кухарка) и злоязычная старая дѣва-нѣмка дружно сплотились и, оставивъ въ сторонѣ хозяина, стали дѣйствовать на хозяйку. Онѣ обѣ преисполнились самыхъ нѣжныхъ опасеній за мою ученицу и стали нашептывать дурное обо мнѣ ея матери. Результатомъ было то, что почтенный старикъ-хозяинъ, пригласивъ меня въ одно прекрасное утро къ себѣ въ кабинетъ, объявилъ мнѣ слѣдующее: «Я лично противъ васъ ничего не имѣю и крайне сожалею, что намъ такъ скоро приходится разстаться; но жена моя находитъ, что вы для занимаемой должности слишкомъ молоды; при томъ въ домѣ

у меня дочь, молодая экзальтированная дѣвушка... вы понимаете, женщины...» и т. д.

Затѣмъ онъ наградилъ меня весьма щедро, и на слѣдующій день я покинулъ этотъ для меня столь пріятный домъ, при слезахъ ребятшекъ, искренно ко мнѣ привязавшихся. Изъ кухоннаго окошка провожали меня самодовольными взглядами и язвительными усмѣшками торжествующія ирландка и нѣмка. Тутъ я въ первый разъ понялъ, что такое женщины!

Въ послѣднее время моего пребыванія въ Гобокенѣ я подружился съ владѣльцемъ одной табачной лавочки, гдѣ покупалъ табакъ и сигары. Въ его лавкѣ, за шкафомъ, отдавался свободный уголокъ, который я и нанялъ себѣ. Въ этотъ разъ я недолго ожидалъ заработка, благодаря блестящей идѣе, пришедшей мнѣ въ голову. Вудучи съ дѣтства знакомъ съ ювелирнымъ дѣломъ, я зналъ, какъ требуются для фабрикантовъ ювелирныхъ издѣлій рисунки, и какъ часто между ними одинъ пользуется красивымъ рисункомъ другого, увидавши новую вещицу въ окнѣ магазина, на выставкѣ. «Пушусь-ка я рисовать модели для ювелировъ», сказалъ я себѣ и немедленно купилъ необходимые матеріалы — бумагу, карандаши, акварельныя краски, и сталъ бродить каждый вечеръ по улицамъ Нью-Йорка, останавливаясь передъ безчисленными богатыми ювелирными магазинами и срисовывая все, что мнѣ больше нравилось. Дома я передѣлывалъ всѣ эти рисунки на новый ладъ, внося въ комбинаціи цвѣтовъ собственный вкусъ и собственную изобрѣтательность. Въ концѣ концовъ рисунокъ получалъ весьма отдаленное сходство съ тою вещью, которая мнѣ послужила моделью. Работа у меня кипѣла. Просидѣвъ нѣсколько дней надъ рисунками, я заготовилъ ихъ до сотни, наклеилъ каждый на изящный картонъ и отправился съ этимъ товаромъ по фабрикамъ и магазинамъ, не боясь входить даже и въ тѣ самые магазины, изъ оконъ которыхъ я бралъ для своихъ рисунковъ модели. Счастье хлынуло ко мнѣ — точно прорвало плотину. Вездѣ принимали меня съ необыкновенною любезностью, охотно брали рисунки, хвалили работу, просили заходить и впередъ, когда будетъ что новенькое. Цѣны мои всѣми признавались настолько умѣренными, что никто со мною не торговался. Рисунки я цѣнилъ отъ 25 центовъ до одного доллара и помню, что въ одномъ мѣстѣ купили у меня даже разомъ десять рисунковъ. Такимъ образомъ первый мой шагъ въ этомъ новомъ и совершенно нечаянно задуманномъ дѣлѣ далъ мнѣ сразу довольно крупную сумму, такъ какъ я продалъ болѣе семидесяти рисунковъ. Въ восторгѣ отъ такого успѣха я тутъ же задумалъ расширить дѣло. Сообразивъ, что работа пойдетъ успѣшнѣе, если я, имѣя больше свободнаго времени, буду собирать матеріалъ и займусь пересочиненіемъ моделей, я для механической работы свелъ знакомство съ однимъ молодымъ человѣкомъ, оказавшимся техникомъ

изъ Германіи, котораго тоже погоня за счастьемъ привела въ Америку, и тутъ же предложилъ ему службу у меня, обѣщая въ послѣдствіи сдѣлать его моимъ компаніономъ. Предложеніе было принято, и мы поселились вмѣстѣ въ болѣе удобной комнатѣ. Подмастерье мой оказался дѣйствительно искуснымъ рисовальщикомъ и, кромѣ того, остроумнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ былъ на два года старше меня, но былъ существомъ крайне непрактичнымъ и потому совершенно безпомощнымъ. Работу мы распредѣлили поровну, и трудъ нашъ оплачивался великолѣпно. Мы начали уже строить воздушные замки, какъ вдругъ дѣло наше рухнуло. Мы сочиняли безъ устали, до притупленія умственныхъ способностей, и покупателей я такъ усердно снабжалъ рисунками, что вскорѣ всѣ они, одинъ за другимъ, имѣя на долгое время запасъ, стали отказываться отъ принятія моихъ новыхъ фантазій, и скоро я не находилъ уже сбыта своимъ рисункамъ. Но я никогда не унывалъ и, чувствуя всегда влеченіе къ странствіямъ, рѣшился отправиться въ глубину Соединенныхъ Штатовъ *per pedes apostolorum*. Мой помощникъ такъ ко мнѣ привязался, что не могъ себѣ даже представить существованія въ Америкѣ безъ меня и непремѣнно хотѣлъ идти вмѣстѣ со мною. Я не противился: вдвоемъ веселѣе.

IV.

Per pedes apostolorum.—Голодь и ходьба.—Ограбленіе, и мы изъ корабейниковъ превращаемся въ нищихъ.—Въ каменщикахъ.—Путешествіе въ Питсбургъ.—Безплатно, но съ великими опасностями по желѣзной дорогѣ.—Неудобства и оказавшіяся вѣдѣмъ выгоды халѣнія.—Въ свиномъ вагонѣ.

Мы продали все наше небольшое, но въ путешествіи обременительное имущество, на вырученныя деньги приобрѣли разнаго товара и рѣшили двинуться въ дорогу въ образѣ корабейниковъ.

Мы отправились въ одинъ изъ безчисленныхъ Нью-Йоркскихъ магазиновъ, представляющихъ нѣкоторое подобіе аукціонныхъ залъ, гдѣ можно достать всякой дряни, оптомъ и въ розницу, по баснословно дешевымъ цѣнамъ, и накупили тамъ нитокъ, булавокъ, иглокъ, шпилекъ, цвѣтныхъ лентъ, бусъ, письменныхъ принадлежностей, косметическихъ товаровъ и разнаго другого хлама, на всѣ имѣвшіяся у насъ деньги. Дома мы подѣлили весь купленный товаръ поровну и уложили его въ два крѣпкихъ картонныхъ ящика, которые шнурками и ремнями приспособили для ношенія за плечами.

Распростившись съ нашей уютною комнатою, вскинувъ на плечи наши картонки и съ длинными съ острыми наконечниками посохами въ рукахъ, спеціально приобретенными для странствія, мы двинулись въ путь.

Платя въ нашемъ распоряженіи было всего лишь по парѣ, въ которую мы и были облечены; толстыя подошвы сапогъ обѣщали долгую службу; въ картонкахъ, сверхъ товара, находилось только бѣлье въ минимальномъ количествѣ.

Были уже сумерки. Въ какой-то убогой тавернѣ предмѣстья мы нѣсколько подкрѣпились пищей, и на землю спустилась полная ночь, когда мы вышли за городъ, направляя свой путь на удачу, примѣрно къ Нью-Арку, ближайшему маленькому городку. Почти непрерывнымъ маршемъ дошли мы къ разсвѣту до этого города и почувствовали такое утомленіе, что рѣшились на оставшуюся мелочь отыскать себѣ какой либо пріютъ для отдыха. Мы выпалились досыта въ какой-то грязной тавернѣ и вполдень отправились дальше.

Такъ шли мы до вечера, пока усталость, а главное жестокий голодъ, не заставили насъ подумать о пристанищѣ. Недалеко отъ дороги мы замѣтили маленький домикъ, гдѣ, какъ оказалось, жилъ какой-то художникъ. На наше предложеніе купить чтонибудь изъ мелкаго товара онъ отвѣтилъ отказомъ, но, узнавъ изъ разговора, что мы страшно голодны, радушно предложилъ намъ свою хлѣб-соль; голодъ нашъ такимъ образомъ былъ утоленъ. Мы рассыпались въ благодарностяхъ и чувствуя, что этимъ нѣсколько смущаемъ добраго хозяина, поспѣшили откланяться, пожелавъ ему и дому его отъ всего сердца всего лучшаго.

Нѣсколько часовъ спустя, мы почувствовали себя, однако, снова утомленными и голодными. Весенняя ночь вступила въ свои права, ночь душистая, лунная, но холодная. Рѣзкій вѣтеръ сталъ дуть злобными порывами. Продрогши до костей и еле передвигая ноги, добрались мы наконецъ до какого-то большого селенія. У одного дома мы остановились, какъ вкопанные: изъ оконъ ярко освѣщенной комнаты намъ представился уставленный яствами столъ, и какая-то счастливая семья въ полномъ составѣ собиралась сѣсть за ужинъ.

Оставивъ товарища у воротъ, я вошелъ во дворъ и направился къ кухнѣ, которую замѣтилъ сквозь открытую дверь. Тамъ у плиты суетились двѣ женщины. Ставъ на порогъ и снявъ почтительно шляпу, я произнесъ: «не найдется ли у великодушныхъ хозяевъ лишняго куска хлѣба для двоихъ продрогшихъ отъ холода и ничего цѣлый день не ѣвшихъ странниковъ?» Мнѣ не было даже стыдно просить милостыню — такъ хотѣлось ѣсть! Одна изъ женщинъ направилась тотчасъ въ комнаты и вышла оттуда минуту спустя, очевидно, съ хозяйкой дома, которая, разспросивъ меня подробно, «кто мы, куда идемъ, по какимъ дѣламъ и откуда», сухо разрѣшила отпустить намъ по тарелкѣ какого-то довольно отвратительнаго супу и по ломтю хлѣба. Когда мы съ товарищемъ на крыльцѣ кухни уплетали полученное, вышелъ къ намъ молодой человекъ, вѣроятно, сынъ и далъ каждому изъ насъ по сигарѣ. Поблагодаривъ за ласковый пріемъ, мы удалились. Такъ какъ угощеніе было донельзя

скромное, то вмѣсто утоленія голода мы ощутили только разыгравшійся аппетитъ и рѣшили обратиться съ подобною же просьбой въ слѣдующемъ домѣ. На наше несчастье къ какому бы дому мы ни подошли, всюду оказывалось, что огни уже были погашены. Покрутившись влѣво и вправо по узкимъ переулкамъ, мы наконецъ увидѣли въ саду освѣщенный домъ, изъ оконъ котораго ясно былъ виденъ такой же накрытый столъ, какъ въ первомъ домѣ. На усиленный шагъ стукъ во входную дверь послѣдняя наконецъ открылась и, о ужасъ! передъ нами въ освѣщенной передней появилась та же самая хозяйка, и съ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, съ которыми мы уже познакомились, и еще двое новыхъ мужчинъ. Оказалось, что мы, не будучи знакомы съ мѣстностью, попали опять таки въ первый домъ, но только съ противоположной стороны. Никакія извиненія не помогли. Насъ обоввали ворами, бродягами, негодяями; кто-то приказалъ звать полицію, поднялся общій шумъ, и мы еле-еле убрали ноги подобру-поздорову. Эта неудача такъ насъ обкуражила, что мы на эту ночь отказались отъ всякихъ дальнѣйшихъ поисковъ и предпочли остаться голодными.

Но гдѣ же отдохнуть, гдѣ хоть на одинъ — другой часокъ протянуть усталые члены? Въ селеніи вездѣ потухли огни, и послѣ одной неудачи мы уже не рѣшились на новый скандалъ. Наконецъ я замѣтилъ на одномъ пустопорожнемъ мѣстѣ какое-то строеніе въ родѣ амбара, выходявшее одной стороною къ улицѣ. Въ крышѣ не хватало нѣсколькихъ досокъ, и выбивавшееся оттуда сѣно ясно показывало, что тутъ былъ сѣноваль. Прояснившаяся луна дала возможность разглядѣть все какъ слѣдуетъ и, убѣдившись, что зданіе это совершенно уединено отъ прочихъ строеній, мы рѣшились провести здѣсь ночь, чтобы хотя подъ сѣномъ спастись отъ холода.

Не тутъ-то было. Холодъ пробиралъ насъ попрежнему, такъ что мой товарищъ сталъ объяснять мнѣ, что вся бѣда происходитъ отъ того, что это именно сѣно, а не солома; что грѣетъ солома, а отъ сѣна никакого нѣтъ прока.

Вторымъ сюрпризомъ было то, что сѣноваль оказался надъ свиннымъ хлѣвомъ, откуда несло неимоверною вонью, и разбуженные и переполошенные произведеннымъ нами шумомъ свиньи подняли неистовое хрюканье на всѣ лады.

Третья непріятность и, можетъ быть, самая жестокая состояла въ охватившемъ насъ обоихъ несноснѣйшемъ насморкѣ, который за немѣнѣемъ лишннихъ платковъ намъ пришлось унимать тѣмъ же сѣномъ, раздражая еще пуще носы и причиняя имъ лишнюю боль. Промучившись до зари, мы пустились въ путь форсированнымъ маршемъ и въ быстротѣ этого движенія, оставивъ въ короткое время далеко за собою село, такъ разогрѣлись, что не ощущали даже сырости утренней прохлады. Недалеко по пути намъ встрѣтился

хуторокъ, на дворѣ котораго мужчина и женщина доили коровъ. Просьбу нашу угостить насъ молокомъ и хлѣбомъ взаимно какойнибудь вещи они охотно приняли и за кусокъ душистаго мыла въ разрисованной бумажкѣ щедро надѣлили насъ требуемымъ.

Въ такого рода нестыдящихъ особеннаго вниманія приключеніяхъ прошло много дней. Поля, лѣса, селенія, смѣнялись одни за другими, и такъ, безцѣльно шествуя, мы каждому встрѣчному предлагали нашъ товаръ, который убавлялся, будучи вымѣниваемъ на ѣду и питье, такъ какъ людей, покупавшихъ на деньги, мы почти не встрѣчали. Дни кое-какъ проходили; но по ночамъ, за рѣдкими исключеніями, всѣ отказывали намъ въ убѣжищѣ, и много прошло ночей, которыя мы въ своихъ легкихъ костюмахъ провели подъ открытымъ небомъ, прислонившись къ заборамъ, постройкамъ, деревьямъ и камнямъ. Почти всѣ обращались съ нами грубо и вмѣсто участія осыпали насъ за наши просьбы насмѣшками и безцеремоннѣйшимъ образомъ гнали прочь.

Но бывали исключенія, чаще всего со стороны бѣднаго люда, который трогательно уступалъ намъ подчасъ совсѣмъ безвозмездно послѣдній въ домѣ кусокъ хлѣба. Кромѣ голода и холода, приходилось испытывать на своей шкурѣ и непріятности болѣе крупныя, граничащія съ опасностями. Такъ, однажды, ища дароваго ночлега, мы увидѣли недалеко отъ рельсоваго пути огромное каменное зданіе, гдѣ хранятся локомотивы. Заставъ тутъ нѣсколькихъ рабочихъ, мы получили отъ нихъ разрѣшеніе на ночлегъ здѣсь, при чемъ, услышавъ про товары, хранившіеся въ нашихъ коробахъ, они выразили желаніе кое-что купить. Я охотно развязалъ одинъ изъ ящичковъ и при свѣтѣ факеловъ, которыми освѣщалось зданіе, каждый по своему усмотрѣнію выбралъ себѣ подходящія вещи. Мы были въ восторгѣ, опорожнивъ такимъ образомъ большую половину ящика. Но каково же было наше удивленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и горе, когда всѣ эти наши покупатели, ушедшіе будто за деньгами, болѣе не возвращались, оставивъ насъ въ полнѣйшей темнотѣ, такъ какъ факелы были ими тоже взяты съ собой. И каковъ былъ нашъ испугъ, когда вдругъ кто-то, выхвативъ изъ-подъ головы моего товарища его почти еще не початый ящикъ, съ громкимъ злораднымъ смѣхомъ потерялся въ непроницаемой тѣмѣ огромнаго зданія. Я въ отчаяніи бросился инстинктивно въ сторону убѣжавшаго, но впотѣмахъ, сдѣлавъ два шага, упалъ въ глубокій провалъ подъ рельсами, разбивъ себѣ до крови колѣно и лицо. Еле выбравшись оттуда, я кое-какъ ощупью добрался до выхода. Въ это время успѣлъ подойти ко мнѣ мой перепугавшійся товарищъ, и мы вмѣстѣ въ совершенномъ безпамятствѣ бросились впотѣмахъ искать похитителя. Нигдѣ не было видно ни души. Недалеко отъ локомотивнаго сарая находилась телеграфная станція. Замѣтивъ свѣтъ въ ея окнахъ, мы быстро дошли туда, ожидая совѣта и помощи. Но бывшіе тамъ чи-

новняки ничѣмъ не могли намъ помочь и только посмѣялись надъ нашей неосмотрительностью. Вышедши оттуда, я никакъ не могъ успокоиться. О каждомъ встрѣчномъ мнѣ думалось, что вотъ онъ-то и есть похититель нашего имущества. Воалѣ стрѣлочнаго фонаря стоялъ какой-то человѣкъ, беззаботно кутившій трубку. Мнѣ показалось, что онъ улыбнулся, когда мы проходили мимо него. Я бросился на него и исколотилъ такъ, что онъ упалъ на землю прежде, чѣмъ успѣлъ понять, что съ нимъ дѣлается, и закричать. Когда раздались его крики, наши молодые ноги умчали насъ уже далеко. Долго я не могъ успокоиться, но это дѣлу не помогало, и дальнѣйшее путешествіе наше пришлось совершать уже не въ качествѣ корабейниковъ, а попросту нищими. Съ голодомъ, холодомъ и бездомностью мы вскорѣ такъ свыклись, что даже не ощущали особенныхъ отъ этого мукъ.

Мы подходили къ какому-то небольшому мѣстечку, когда мой товарищъ настолько серьезно занемогъ, что рѣшительно не въ состояніи былъ идти дальше. Я оставилъ его подъ первымъ попавшимся мостомъ, уложивъ насколько возможно удобнѣе, а самъ отправился на удачу въ мѣстечко въ надеждѣ, не найду ли себѣ какой работы. Къ счастью, тутъ же близко увидалъ я нѣсколько строящихся каменныхъ зданій. Оказалось, что тамъ требуется нѣсколько каменщиковъ. И не имѣя никакого понятія объ этой работѣ, я все-таки предложилъ свои услуги. Меня сейчасъ приняли и общали, если я окажусь годнымъ, дать болѣе продолжительную работу. Кладка первыхъ кирпичей затрудняла меня нѣсколько, но часа черезъ два я настолько подвинулся впередъ, что могъ уже быть причисленъ не къ послѣднимъ исполнителямъ этого не особенно мудраго дѣла. Мнѣ назначили поденную плату въ полтора доллара и этого было достаточно, чтобы пріютиться съ товарищемъ моимъ на постояломъ дворѣ. Черезъ нѣсколько дней спутникъ мой настолько поправился, что былъ тоже произведенъ въ каменщика, и мы не только получили возможность каждый день ѣсть и пить до отвала и спать каждую ночь въ теплой комнатѣ, но приобрѣли себѣ даже по парѣ сорочекъ, купили полотна на остальное бѣлье и ремонтировали свою обувь.

Недѣли черезъ три, работы на постройкахъ были почему-то приостановлены, и рабочіе распущены. Никакихъ другихъ заработковъ въ этомъ мѣстѣ не представлялось, и потому мы рѣшили скорѣе добраться до главнаго города штата, въ которомъ мы находились, рассчитывая тамъ пристроиться на долгое уже время. Мы находились въ штатѣ Пенсильванія и направили нашъ путь по рельсамъ прямо въ лучший и оживленнѣйшій городъ этого штата—Питсбургъ. Путь нашъ не ознаменовался никакими интересными приключеніями. Шли мы пѣшкомъ, питаясь по дорогѣ подачками, но часть дороги совершили и на баржѣ съ кирпичемъ и землею, на которую насъ

пустили послѣ сдѣланныхъ нами подарковъ погонщику баржи. Кромѣ этого способа передвиженія, намъ скоро представилась возможность ознакомиться, что называется ѣздить и по желѣзной дорогѣ на даровщину и съ опасностью для жизни. Для такого рода путешествія слѣдовало выжидать къ ночи у какой нибудь изъ маленькихъ станцій товарный поѣздъ. Поѣзда эти длинные, а при слуги при нихъ бываетъ мало, такъ что всегда можно незамѣтно на нихъ примоститься и проѣхаться даромъ, что, конечно, ускоряло переходы. Этотъ планъ передвиженія былъ намъ рекомендованъ однимъ встрѣтившимся человѣкомъ, и мы рѣшились имъ воспользоваться.

Было уже совершенно темно, когда къ одной изъ такихъ станцій подошелъ длинный товарный поѣздъ, онъ простоялъ болѣе часа, и мы имѣли достаточно времени, чтобы осмотрѣться и сообразить, какъ намъ удобнѣе здѣсь устроиться. При такихъ поѣздахъ кондукторы въ Америкѣ ходятъ по верху вагоновъ, а чтобы перейти съ одного на другой, они спускаются съ одной крыши и поднимаются на другую по желѣзнымъ лѣсенкамъ, прикрѣпленнымъ къ наружнымъ стѣнамъ вагона.

Для болѣе безопаснаго перехода къ вагонамъ пристроены небольшія платформы, какъ и въ нашихъ русскихъ пассажирскихъ поѣздахъ. Мы убѣдились, что самымъ удобнымъ было для насъ помѣститься сзади лѣсенки, на платформѣ и сидѣть, имѣя спину плотно прижатую къ стѣнѣ одного вагона, а ноги вытянутыми къ платформѣ другаго, такъ какъ разстояніе между вагонами незначительное. Но занять намѣченные мѣста можно было только уже въ то время, когда поѣздъ двинется со станціи; иначе насъ могли замѣтить бродящіе около него служители и кондукторы. Предпріятіе было весьма рискованное, тѣмъ не менѣе мы выполнили его безъ особенныхъ затрудненій. Какъ только поѣздъ двинулся съ мѣста, мы ухватились каждый за платформы сосѣднихъ другъ другу вагоновъ, со стороны противоположной отъ станціи, и, пробѣжавъ съ поѣздомъ нѣсколько десятковъ шаговъ, удачно вскочили на намѣченные мѣста. При такомъ прыжкѣ несомнѣнно грозить нѣкоторая опасность, особенно если онъ сразу не удался, такъ какъ поѣздъ постоянно ускоряетъ ходъ; но ко всему нужна сноровка. Мы въ послѣдствіи въ такихъ головоломныхъ прыжкахъ достигли акробатической ловкости.

Сначала мы восторгались нашими даровыми мѣстами, но вскорѣ ощутили всю непріятность своего положенія. Во-первыхъ, толчки получали мы невыносимые и нигдѣ не имѣли точки опоры, чтобы ухватиться на случай потери баланса; вторую непріятность представлялъ непрерывный сквозной вѣтеръ въ промежуткахъ вагоновъ, и, въ-третьихъ, насъ тревожило постоянное опасеніе, что вдругъ появится кондукторъ и, конечно, безъ всякаго стѣсненія, просто по-американски, на всемъ ходу столкнетъ съ поѣзда.

Передъ станціями, гдѣ дѣлалась остановка, мы спрыгивали за-благовременно и выжидали въ сторонкѣ, когда поѣздъ тронется снова. За все время переѣзда, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, кондукторы не показывались ни разу, и такимъ образомъ мы проѣхали большое пространство, не будучи никѣмъ потревожены, пока поѣздъ не остановился наконецъ у какой-то станціи, дальше которой уже не пошелъ. Опять началось наше путешествіе пѣшкомъ, съ неизбѣжными голодовками, холодомъ и усталостью. У одной фермы мы бросили якорь. На смиренную просьбу о ночлегѣ хозяинъ отвѣтилъ недопускающимъ никакихъ разговоровъ отказомъ, но былъ не прочь накормить насъ и для этого позволилъ идти за собой. Какимъ тепломъ и какою уютностью обдало насъ въ простой, но ярко освѣщенной и чистой комнатѣ, въ которую мы вошли за хозяиномъ. За столомъ сидѣли надъ книгами его жена и молодая дѣвушка, оказавшаяся его дочерью.

Угостили насъ очень радушно, хотя все время я чувствовалъ на себѣ подозрительно устремленные взгляды хозяевъ, которые накормить накормили, но на ночь оставить опасались, извиняясь неимѣніемъ во всемъ домѣ свободнаго мѣста. Съ грустною перспективой холодной темной ночи подъ открытымъ небомъ, если не встрѣтимъ товарнаго поѣзда, мы, вполнѣ насыщенные, направились къ выходу, поблагодаривъ за хлѣбъ-соль. Передъ домомъ мы остановились, обдумывая, гдѣ бы намъ переночевать. Тутъ я замѣтилъ, что входная парадная дверь дома имѣла навѣсъ съ боковыми стѣнками и представляла собой нѣкоторое подобіе будки. Въ этой будкѣ переночевать было во всякомъ случаѣ удобнѣе, нежели подъ открытымъ небомъ; въ ней мы были все-таки сколько нибудь защищены отъ разгуливавшагося рѣзкаго вѣтра. Мы выжидали нѣкоторое время, желая убѣдиться, что никто въ домъ не слѣдитъ за нами, и затѣмъ, войдя въ будку, расположились на ночь: сняли съ себя сюртуки и усѣлись, плотно прижавшись другъ къ другу и прислонившись спинами къ двери. Грудь, плечи и лица мы прикрыли своими сюртуками. Уснули мы, конечно, мгновенно, но затѣмъ мгновенно же были и разбужены крикомъ испуга. Мы проснулись лежащими навзничъ на полу. Надъ нами стоялъ человѣкъ съ фонаремъ въ дрожащей рукѣ и упавшимъ отъ страха голосомъ звалъ о помощи. То былъ хозяинъ фермы, а случился весь инцидентъ потому, что хозяинъ имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ, до отхода ко сну, убѣждаться, что всѣ двери въ домъ заперты. На этотъ разъ за парадною дверью онъ услышалъ человѣческій храпъ. Удивленный этимъ и желая изслѣдовать причину такого явленія, онъ повернулъ ключъ и едва дотронулся до ручки двери, отворявшейся внутрь дома, какъ дверь быстро распахнулась подъ тяжелымъ напоромъ нашихъ спинъ, и у ногъ его съ шумомъ распростерлись два прижатыхъ другъ къ другу другъ человѣческихъ тѣла. Разъясненіе всего этого

вызвало общій хохоть, какъ хозяина, такъ и собѣжавшихся на его зовъ людей, и расположило его къ намъ настолько, что онъ предложилъ намъ для ночлега болѣе удобное въ его домѣ помѣщеніе. Долго потомъ не проходило веселое настроеніе во всемъ домѣ, и на другой день утромъ насъ угостили прекраснымъ завтракомъ, за которымъ я разсказалъ нѣкоторые эпизоды изъ нашего странствованія. Разказы мои такъ заинтересовали всю семью, что хозяйка просила насъ отобѣдать у нихъ, а въ концѣ концовъ продержали насъ цѣлыхъ три дня, которые мы провели въ непрерывномъ весельи. Я, для упрощенія дѣла, назвалъ своею специальностью рисованіе, а специальностью моего товарища—музыку, что онъ и подтвердилъ, доставляя всѣмъ удовольствіе своею прекрасною игрою на имѣвшемся въ домѣ плохомъ піанино и аккомпанируя мнѣ разные романсы, имѣвшіе такой же успѣхъ, какъ и его музыка. На прощанье я нарисовалъ хозяину фасадъ его дома, раскрасивъ его насколько было возможно имѣвшимися у дочери дѣтскими акварельными красками.

Эти три дня были намъ наградой и утѣшеніемъ за перенесенныя нами страданія. На дорогу любовная семья снабдила насъ еще разными запасами и между прочимъ засунули въ нашу картонку цѣлую половину свѣже испеченнаго окорока.

Въ небывало веселомъ настроеніи мы двинулись дальше. Въ слѣдующую ночь намъ вновь посчастливилось взобраться на товарный поѣздъ, перевозившій специально свиней, и проѣхать довольно значительное разстояніе съ немалымъ, по нашему положенію, удобствомъ. Вагоны оказались раздѣленными горизонтально на два отдѣленія, свиньи помѣщались въ нижней половинѣ; для чего же служила вторая, я не могъ догадаться.

Въ томъ вагонѣ, куда залѣзъ я съ пріятелемъ, нижняя половина была пуста, и полъ здѣсь былъ устланъ соломою. Мы переважно развалились на свиныхъ ложахъ и отлично совершили порядочный таки переѣздъ. Но страшный запахъ, начинавшій насъ душить и шедшій снизу, побудилъ насъ разстаться раньше конечной цѣли съ нашимъ своеобразнымъ помѣщеніемъ. Да и Питсбургъ былъ недалеко, о чемъ свидѣтельствовали часто встрѣчавшіяся намъ по пути каменноугольныя копи и насыщавшая атмосферу каменноугольная пыль, которая обыкновенно немилосердно впитывается въ поры кожи и легко обращаетъ европейца въ чернокожаго негра.

Въ Питсбургъ мы прибыли въ воскресенье, почему городъ и имѣлъ праздничный веселый видъ.

Э. Бостуновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГРАФИНЯ ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ЛИТТА, УРОЖДЕННАЯ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

I.

ОЧУ НЕПРЕМѢННО быть архіереемъ или министромъ»,— говаривалъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, когда былъ еще мальчикомъ.— «Такъ, такъ начну военной службой, а не такъ, такъ стану командовать попами».

Крестный отецъ Потемкина, Григорій Матвѣевичъ Козловскій, только головой покачивалъ на такія рѣчи крестника.

— Грицу моему либо быть въ чести, либо не сносить головы,—не безъ страха помышлялъ онъ.

Но страхъ Козловскаго оказался напраснымъ: Грицъ дѣйствительно попалъ въ такую честь, какой не достигалъ ни одинъ изъ подданныхъ Екатерины Второй, и, въ противоположность прочимъ фаворитамъ, сумѣлъ сохранить свое вліяніе до самой смерти.

20-го марта 1774 года, Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, бывшій почти три года самымъ близкимъ къ Екатеринѣ лицомъ, получилъ щедрыя доказательства монаршаго къ нему благоволенія и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе уѣхать въ Москву. На мѣсто его въ Зимнемъ дворцѣ поселился Потемкинъ. По этому поводу государыня писала своему другу Гримму: «je me suis éloignée d'un certain excellent, mais très ennuyeux, citoyen, qui a été tout de suite remplacé, je ne sais trop comment, par un des plus drôles et plus amusants originaux de ce siècle de fer» (я удалилась отъ извѣстнаго пре-

восходнаго, но весьма скучнаго гражданина, который тотчасъ же, сама не зная какъ, былъ замѣщенъ однимъ изъ самыхъ смѣшныхъ и забавныхъ оригиналовъ сего желѣзнаго вѣка).

Этотъ смѣшной и забавный оригиналъ черезъ два года былъ уже свѣтлѣйшимъ княземъ и признавалъ выше себя только Бога и Екатерину, а равнаго себѣ — никого не имѣлъ. Вознесенный на такую высоту, Потемкинъ не забылъ своей родни. Была у него, между прочимъ, сестра Марѳа Александровна, вышедшая замужъ за полковника Василя Андреевича Энгельгардта. Ко времени возвышенія своего брата Марѳа Александровна уже овдовѣла и, обремененная многочисленной семьей, скромно проживала въ смоленскомъ имѣньицѣ. Пять барышень Энгельгардтъ, Александра, Варвара, Надежда, Екатерина и Татьяна, выросли въ провинціальной глуши, и къ 1775 году старшей шель уже 21-ый годъ, а младшей — еще седьмой. Потемкинъ выписалъ племянницъ въ Петербургъ, ввелъ ихъ въ высшее общество, а послѣ смерти Марѳы Александровны объявилъ себя ихъ отцомъ и покровителемъ.

Переѣздъ въ Петербургъ произвелъ полный переворотъ въ жизни Энгельгардтовъ. Изъ скудной и скучной обстановки мелкопомѣстныхъ дворянъ того времени онѣ, какъ бы волшебствомъ, были внезапно брошены въ водоворотъ великосвѣтскаго общества и окружены всею роскошью, которая только была возможна тогда.

Выросшія въ провинціи барышни, конечно, не получили никакого образованія, и Потемкинъ не щадилъ средствъ, чтобы придать имъ внѣшній лоскъ, столь необходимый въ большомъ свѣтѣ. Старанія его не пропали даромъ: племянницы скоро освоились съ новымъ положеніемъ, и неизмѣнный успѣхъ сопровождалъ ихъ выѣзды. Помимо всѣхъ другихъ причинъ, этому успѣху содѣйствовало то обстоятельство, что сестры Энгельгардтъ были всѣ чудно хороши, всѣ, за исключеніемъ одной Надежды, которая была дурна собой и заслужила отъ дядюшки прозвище: «Надежда безнадѣжная».

Отрасть къ женщинамъ была одною изъ отличительныхъ чертъ великолѣпнаго князя Тавриды: списокъ его любовныхъ интригъ безконеченъ. Отношенія его возлюбленныхъ къ нему заставляютъ предполагать, что не одинъ внѣшній блескъ ослѣплялъ женщинъ, но что самъ Потемкинъ обладалъ качествами, заставлявшими его любовницъ искренно привязываться къ нему. Однако, сердечныя побѣды слишкомъ легко давались ему, а потому понятно, что предметы его минутныхъ увлеченій столь же легко забывались имъ. Онъ мѣнялъ любовницъ, какъ перчатки, и даже въ самыхъ этихъ перемѣнахъ не находилъ развлеченія. Надо было что нибудь необыкновенное, изъ ряду вонъ выходящее, для того, чтобы воспламенить чувства этого баловня фортуны.

Какъ тонкій знатокъ и цѣнитель женской красоты, Потемкинъ не могъ не замѣтить обаятельной прелести своихъ племянницъ. Но

люди XVIII вѣка менѣе всего были склонны къ платоническому обожанію, и Потемкинъ въ этомъ отношеніи былъ вполне сыномъ своего времени; по мѣткому замѣчанію князя И. М. Долгорукаго, «влюбиться на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотію». И вотъ страстное желаніе поселилось въ душѣ сластолюбиваго временщика. Конечно, онъ сознавалъ, что посягнуть на родную племянницу — противно всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, но это его не остановило.

Первою его жертвой была старшая изъ сестеръ Энгельгардтъ, Александра. Съ одной стороны, ослѣпленная могуществомъ дяди, съ другой — поддаваясь собственному страстному темпераменту, Александра Васильевна не устояла противъ соблазна и отдалась названному отцу.

Есть пламенные натуры, которыя до самозабвенія привязываются къ первому овладѣвшему ими. Такія натуры безропотно переносятъ оскорбленія, униженія, самую измѣну любимаго человѣка; онѣ готовы на всякія жертвы, лишь бы не потерять окончательно того, въ комъ онѣ видятъ единственный источникъ своихъ наслажденій, и не умѣютъ всего этого скрывать. Несчастная женщина часто сама не понимаетъ, что такую преданностью она уничтожаетъ всякое уваженіе къ себѣ, что, чувствуя свою силу, мужчина перестаетъ цѣнить ея любовь и скоро совершенно отворачивается отъ беззавѣтно любящаго сердца. Къ такимъ именно натурамъ принадлежала Александра Васильевна Энгельгардтъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она скоро потеряла прелесть новизны для Потемкина, который отвергъ ее и обратилъ свои взоры на вторую сестру, Варвару.

Не менѣе страстная, чѣмъ старшая сестра, Варвара Васильевна не способна была на такое самоотреченіе, какъ Александра. Наоборотъ, она могла въ минуту гнѣва сдѣлать страшную сцену Потемкину и прогнать его съ глазъ долой, но вслѣдъ за ушедшимъ посылала записку, въ которой нѣжно просила его вернуться. Она терзала его невозможными капризами и безумною ревностью. Она доводила его до отчаянія и затѣмъ заставляла все забывать въ своихъ пламенныхъ объятіяхъ. Ея возлюбленный мучился и, можетъ быть, не разъ проклиналъ ввбалмошную женщину, но во всякомъ случаѣ не скучалъ, а боязнь потерять ее постоянно поддерживала пламя страсти. Стоитъ только заглянуть въ переписку Варвары Энгельгардтъ съ Потемкинымъ, чтобы убѣдиться во всемъ этомъ.

Больше года продолжалась эта связь. Но въ 1778 году Варвара познакомилась съ молодымъ княземъ Сергѣемъ Ѳеодоровичемъ Голицынымъ, безумно влюбилась въ него, добилась взаимности, въ январѣ 1779 года вышла за него замужъ и превратилась въ нѣжную жену и заботливую мать. Это было полнѣйшею неожидан-

ностью для Потемкина, и измѣна коварной племянницы повергла его въ глубочайшую грусть. Его самолюбіе было уязвлено. Но ничто не вѣчно подъ луной; влюбчивый Потемкинъ скоро успокоился: минуя Надежду-безнадежную, онъ занялся четвертою племянницей — Катенькой.

Екатерина Васильевна Энгельгардтъ родилась въ 1761 г., а лѣтомъ 1776 года, пятнадцатилѣтней барышней, пріѣхала въ Петербургъ и тотчасъ была сдѣлана фрейлиной. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что Екатерина Васильевна далеко превосходила красотой своихъ сестеръ и была обворожительно хороша собой. Такъ, французскій посолъ графъ Сегюръ, выдавшій на своемъ вѣку не мало красавицъ, утверждаетъ, что головка ея могла бы служить для художника образцомъ головы амура; князь П. Д. Цицѣновъ, немножко влюбленный въ Екатерину Васильевну, съ восторгомъ писалъ своему другу Зиновьеву, что она, какъ ангелъ во плоти, хороша, молода и прекрасна; то же самое говоритъ и знаменитая портретистка Виже-Лебрень, на эстетическое чутье которой мы можемъ вполне положиться; Г. Р. Державинъ, лира котораго не разъ восхваляла сестеръ Энгельгардтъ, награждаетъ Екатерину Васильевну слѣдующими эпитетами:

...въ женахъ о милый ангелъ,
Магнить очей, варя безъ тучъ!

И, дѣйствительно, эта русокудрая головка была чудно хороша, но зато не выдавалась умственными способностями, хотя сердце у Катерины Васильевны было безусловно доброе и кроткое. Съ другой стороны, въ противоположность старшимъ сестрамъ, Катенька Энгельгардтъ отличалась флегматическимъ темпераментомъ и на пылкія чувства не была способна. Когда громадная фигура великолѣпнаго князя Тавриды со страстными мольбами склонилась къ ея ногамъ, недалекая и добрая дѣвушка дѣйствительно повѣрила страданіямъ своего дяди и, не желая быть причиной чьей либо муки, отдалась въ его волю, можетъ быть, сама не понимая вполне, какой гибельный шагъ она дѣлаетъ. Но пылкія ласки Потемкина не возбуждали въ ней отвѣтнаго огня. Самъ Потемкинъ далеко не такъ увлекался Екатериной Васильевной, какъ ея старшими сестрами. Это видно изъ его писемъ.

Варваръ онъ писалъ посланія такого рода: «Варинька, другъ мой любезный, жизнь моя, красавица, хочется цѣловать тебя. Голубушка, пишу къ тебѣ для того, что мнѣ пріятно заниматься тобою; ручки твои безцѣнныя. Для чего я не могу ихъ имѣть всегда при себѣ?». Или другое письмо ей же: «Варинька, душа моя, мнѣ упомянуть имя твое пріятно. Красавица моя любезная, цѣлую тебя всю съ ногъ до головы. Мой ангелъ, для чего шуба счастливѣе меня!».

Совсѣмъ инымъ тономъ отличается единственное, имѣющееся въ

нашемъ распоряженіи, письмо Потемкина къ Екатеринѣ Васильевнѣ: «*Oui, mon cher coeur, soyez persuadé que mon attachement pour vous ne finira qu'avec ma vie; et encore plus, je le porterai dans mon ame. Je vous le repète, soyez persuadé, cela est si vraie comme il y a un Dieu, et qui est temoin de mes sentiments. Votre cher et tendre papa P(rinco) P(otemkin) Tauricien.* (Да, мое дорогое сердце, будьте увѣрены, что моя привязанность къ вамъ кончится только съ моею жизнью; и даже болѣе, я буду носить ее въ моей душѣ. Повторяю вамъ, будьте увѣрены, что это также справедливо, какъ то, что есть Богъ, который да будетъ свидѣтелемъ моихъ чувствъ. Вашъ милый и нѣжный папа к(нязь) П(отемкинъ) Таврическій). Пишишь, душа моя, вашъ большой яхонтъ; онъ не мой, а твой, моя сударка. Я немножко за это осердился».

Насколько первые письма дышатъ страстью, настолько отъ послѣдняго вѣтъ дѣланностью.

II.

Сама Екатерина относилась не только снисходительно, но какъ бы сочувственно съ любовнымъ пожатіемъ своего фаворита. Такъ, Екатерина Васильевна Энгельгардтъ была постояннымъ членомъ эрмитажныхъ собраній, въ которыхъ допускались только самыя приближенныя къ государынѣ лица; во время поѣздки императрицы въ Бѣлоруссію (въ началѣ 1780 года) въ числѣ четырехъ фрейлинъ, сопровождавшихъ ее, мы видимъ Александру Васильевну и Екатерину Васильевну. Онѣ же состояли въ свитѣ государыни и въ 1787 году, во время знаменитаго путешествія въ Тавриду.

Уже слишкомъ полтора года продолжалась связь Потемкина съ младшей его племянницей, когда въ Петербургъ пріѣхалъ изъ-за границы графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, внучатный братъ императора Петра III, молодой человекъ лѣтъ двадцати четырехъ. Его мало знали въ Петербургѣ, такъ какъ онъ долго прожилъ въ Италіи, которую очень полюбилъ. Эта его страсть къ Италіи вообще и къ итальянскому искусству въ частности дала поводъ злымъ языкамъ распространить по столицѣ цѣлую серію злыхъ шутокъ, въ которыхъ графъ Скавронскій выставленъ былъ глупцомъ и самодуромъ. Такъ, наприимѣръ, говорили, что онъ не признавалъ никакихъ странъ, кромѣ Италіи, и ничего, кромѣ музыки; что самъ онъ сочинялъ «какую-то ералашь», которую считалъ за геніальныя мелодіи, давалъ концерты, мучившіе слушателей; доходилъ наконецъ до такого абсурда, что истязалъ своихъ слугъ, требуя, чтобы они не иначе говорили съ нимъ, какъ речитативами, и тому подобное. Надо полагать, что все это было просто сплетней. Лица, ближе знавшія графа, свидѣтельствуютъ, что это былъ человекъ безусловно добрый и сердечный, въ высшей степени деликатный и готовый

всѣмъ служить, тѣмъ только могъ; онъ былъ остроумнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ и хорошимъ цѣнителемъ не только музыки, но и другихъ изящныхъ искусствъ. Черты лица его были правильны, и на нихъ лежала печать благородства. Выдающихся дарований за Павломъ Мартыновичемъ не водилось, какъ и за всѣми его предками; кромѣ того, онъ былъ натурой мягкой, увлекающейся, женственной, легко поддающейся чужому вліянію, иногда дурному. Эти недостатки, и въ особенности послѣдній, вполне объясняютъ, какимъ образомъ имя графа Скавронскаго, несомнѣнно порядочнаго человѣка, иногда не безъ основанія связывалось съ довольно неприглядными исторіями.

Вернувшись изъ Италіи въ Петербургъ, Скавронскій сразу занялъ въ великосвѣтскихъ салонахъ одно изъ видныхъ мѣстъ, какъ богатый и образованный человѣкъ. На одномъ изъ вечеровъ встрѣтился онъ съ Екатериной Васильевной Энгельгардтъ, увлекся ея блестящей красотой и во что бы то ни стало рѣшилъ добиться ея руки. Но, зная про ея связь съ Потемкинымъ, робкій графъ сомнѣвался, чтобы она промѣняла свѣтлѣйшаго князя на него, и, не смѣя дѣйствовать лично, онъ поручилъ устроить это дѣло своему фактотуму Гурьеву (впослѣдствіи министру финансовъ). Врядъ ли Гурьевъ встрѣтилъ особыя препятствія въ выполненіи этого порученія. Потемкинъ, безъ сомнѣнія, былъ непрочъ отъ того, чтобы его племянница сдѣлала приличную партію, тѣмъ болѣе, что, на его взглядъ, бракъ вовсе не обязывалъ его прекратить связь съ ней. Какъ бы то ни было, исканія графа Скавронскаго были встрѣчены вполне сочувственно, и бракъ сладился. Восхищенный женихъ подарилъ Гурьеву 3.000 дупгъ.

Около того же времени состоялась помолвка Александры Васильевны Энгельгардтъ съ польскимъ короннымъ великимъ гетманомъ Ксаверіемъ Петровичемъ Браницкимъ. Императрица приняла близкое участіе въ судьбѣ своихъ любимицъ. Обѣ свадьбы были совершены въ церкви Зимняго дворца, въ ноябрѣ 1781 года, съ великою пышностью, а послѣ церковнаго обряда состоялся въ залахъ дворца балъ и затѣмъ ужинъ, который былъ удостоенъ присутствіемъ самой государыни.

Мать графа Скавронскаго была женщина практическая и, зная вліяніе своей невѣстки на Потемкина, старалась извлечь изъ этого выгоды для своего сына. Она заставляла молодую графиню выпрашивать мужу чины и ордена, и наконецъ, по протекціи супруги, Павелъ Мартыновичъ въ 1784 г. назначенъ былъ русскимъ посломъ въ Неаполѣ. Онъ немедленно уѣхалъ съ матерью въ Италію, но жена осталась въ Петербургѣ, къ крайнему огорченію влюбленнаго супруга: Потемкину жаль было отпустить отъ себя «ангела во плоти», и онъ продолжалъ съ нею связь до 1786 года. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что именно въ этомъ году, 17 августа, графиня

Скавронская была въ спальнѣ своего дяди, увидала у него на столѣ портретъ императрицы, пожалованный для пошени на груди, и, подойдя къ зеркалу, манинально приколола его себѣ къ лифу.

— Катенька, поди благодарить императрицу,—ты статсъ-дама!— вскричалъ вдругъ Потемкинъ, увидя это.

— Что вы со мной дѣлаете?—испуганно взмолилась графиня.

— Я тебѣ приказываю!—заявилъ упрямо Потемкинъ, не любившій, чтобы препятствовали его фантазіямъ. Онъ тутъ же написалъ записку государынѣ и велѣлъ графинѣ отнести ее наверхъ (Потемкинъ жилъ въ нижнемъ этажѣ дворца).

Съ сердечнымъ замираніемъ исполнила графиня приказаніе дяди. Императрица встрѣтила ее съ неудовольствіемъ, котораго даже не могла скрыть, несмотря на все умѣнье владѣть собой, но просьбы Потемкина не могла не исполнить. Впрочемъ, этотъ эпизодъ не нарушилъ расположенія Екатерины къ новой статсъ-дамѣ.

Окончательно близость Скавронской съ Потемкинымъ должна была прекратиться съ отъѣздомъ его на театръ дѣйствій второй турецкой войны. Скоро, 5-го октября 1791 года, этотъ человѣкъ, великій при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ пустынной молдаванской степи испустилъ послѣдній вздохъ на рукахъ преданной графини Браницкой. Около того же времени графъ Скавронскій сталъ жалобно умолять свою жену пріѣхать въ Неаполь: упорный недугъ, не поддававшійся лѣченію, давно уже подтачивалъ его силы и медленно, но вѣрно приближалъ графа къ безвременной могилѣ. Грустно было Павлу Мартыновичу умирать вдали отъ любимой жены. Екатерина Васильевна вняла его мольбамъ и, кинувъ веселую петербургскую жизнь, поѣхала въ Неаполь.

Болезнь графа препятствовала ему вести открытую жизнь, а жена его, по свойственной ей флегматичности, не хотѣла сама искать развлеченій и, какъ говорится, совершенно распустилась. Виже-Лебрентъ, писавшая въ это время портретъ графини Скавронской, такъ описываетъ ея обычное времяпрепровожденіе въ Неаполѣ:

«Ея высшимъ счастьемъ было лежать на канapé безъ корсета, закутавшись въ огромную черную шубу. Ея свекровь выписывала для нея изъ Парижа цѣлыми сундуками самые изысканные наряды, которые изготовляла тогда придворная модистка королевы Маріи-Антуанеты, m-lle Bertin. Я не думаю, чтобы графиня когда нибудь открыла хотя одинъ изъ этихъ сундуковъ, и когда ея свекровь выражала желаніе видѣть на ней прелестныя платья, лежавшія въ сундукахъ, молодая графиня лѣниво отвѣчала:

— «Да для чего? Для кого? Зачѣмъ?»

«То же самое говорила она и мнѣ, показывая свой рѣдкостный по цѣнѣ ящикъ: въ немъ лежали груды брильянтовъ, которые ей подарилъ Потемкинъ, и которыхъ я никогда на ней не видала. Помню, она мнѣ говорила, что, ложась спать, она сажала возлѣ своей постели

крѣпостную дѣвушку, которая ей рассказывала каждый вечеръ одну и ту же сказку. Днемъ графиня постоянно пребывала въ праздности; она была безъ всякаго образованія и вела самый безцѣльный разговоръ, но, несмотря на это, обладая прекрасной фигурой и ангельской красотой, была положительно неотразима. Графъ Скавронскій былъ страстно влюбленъ въ нее».

По вечерамъ графиня играла въ карты съ мужемъ и аббатомъ Бертраномъ, который былъ тогда французскимъ консуломъ въ Неаполѣ. Такъ скучно и однообразно, въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, тянулась жизнь графини Скавронской вплоть до 1794 года, когда графъ наконецъ умеръ. Молодая вдова поплакала и потужила по мужѣ, котораго впрочемъ никогда не любила, а затѣмъ вернулась въ Петербургъ и снова предалась прежней разсѣянной жизни.

Черезъ два года графинѣ пришлось оплакивать смерть императрицы, которая всегда сочувственно относилась къ ней. Но и императоръ Павелъ не лишилъ графини Скавронской своей благосклонности: по крайней мѣрѣ, въ день своей коронаціи онъ пожаловалъ ее орденомъ св. Екатерины.

Павелъ Петровичъ по своему характеру былъ склоненъ сочувствовать всему романтическому и рыцарскому. Еще съ дѣтства прислушиваясь къ толкамъ о мальтійскомъ ордентѣ, единственномъ остаткѣ средневѣковаго рыцарства, дожившемъ до XIX вѣка, Павелъ относился къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Поэтому неудивительно, что, ставъ императоромъ, онъ оказалъ ордену цѣлый рядъ милостей, и когда Мальта была захвачена Вонапартонъ, русскій царь взялъ орденъ подъ особое свое покровительство и даже принялъ званіе великаго магистра Мальтійскаго ордена. Главнымъ дѣятелемъ въ доставленіи мальтійскимъ рыцарямъ покровительства императора Павла былъ графъ Юлій Ренаръ Литта, или, какъ его звали въ Россіи, Юлій Помпеевичъ, балъи и командоръ ордена. Литта происходилъ изъ миланскаго аристократическаго рода, который вмѣстѣ съ домомъ Висконти занималъ по знатности первое мѣсто въ родномъ городѣ. Молодымъ человѣкомъ онъ вступилъ въ Мальтійскій орденъ, а затѣмъ въ 1789 г., не снимая съ себя духовно-рыцарскаго обѣта, поступилъ на службу въ русскій флотъ капитаномъ 1-го ранга. Война съ Швеціей дала ему случай выказать военные таланты и заслужить чинъ контръ-адмирала, георгіевскій крестъ и золотую шпагу съ надписью за храбрость. Богатый и знатный иностранецъ былъ принятъ во всѣхъ лучшихъ петербургскихъ домахъ. Отличаясь колоссальною фигурой, геркулесовскимъ сложеніемъ и величественною осанкой, графъ Литта обладалъ тою южною эффектною и мужественною красотой, которая особенно нравится женщинамъ. Заглядывалась на него подолгу и графиня Скавронская, и красивый итальянецъ произвелъ на нее такое сильное впечатлѣніе, что эта женщина, остававшаяся холодною и безстрашною въ моло-

дости, теперь, когда ей было уже 37 лѣтъ, безумно влюбилась и почитала за величайшее счастье стать женою Литты. Графъ тоже былъ непрочь отъ этого брака, такъ какъ Скавронская и въ пожилыхъ лѣтахъ не утратила свой красоты, а по богатству и связямъ она была вполне подходящею женой для итальянскаго графа, желавшаго попрочнѣе войти въ кругъ русской знати.

Бракъ Литты со Скавронской состоялся 31-го октября 1798 года и сопровождался пышными торжествами. Какой-то итальянецъ сочинилъ по этому поводу драматическую кантату, которая и была разыграна во дворцѣ новобрачныхъ, а Державинъ посвятилъ графинѣ слѣдующіе стихи:

Диана съ голубого трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятіа Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей,
Въ хитонъ воздушный облочонна,
Чело вокругъ въ звѣздахъ горить,—
Въ безмолвной тишинѣ вселенна
На лунный блоскъ ея глядитъ;
Иль виноградна вѣтвь молодая,
Когда подпоры лишена,
Поблѣкнетъ, долу упадая,
Но, вѣтеркомъ оживлена,
Вкругъ столба новаго средь лѣта
Обвившись листыми, встаетъ,
Цвѣтетъ и, солнцемъ обогрѣта,
Румянцомъ взоры всѣхъ влечетъ:
Такъ ты, въ жонкахъ о милый ангелъ,
Млгнѣшь очей, вая безъ тучъ,—
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ
И кинулъ на тебя свой лучъ,—
Подобно розѣ развернувшись,
Любви душою расцвѣла.
Ты—Красота, что, улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала.

Но у нѣкоторыхъ современниковъ этотъ бракъ вызвалъ ироническую улыбку. Такъ, Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «графиня Скавронская вышла замужъ за Литту: еще одной глупостью больше въ ея жизни»... Во всякомъ случаѣ графъ и графиня Литта жили согласно. Графъ пользовался большимъ почетомъ и при дворѣ и въ обществѣ, а его супруга попрежнему продолжала получать знаки высочайшаго расположенія: 14-го декабря 1798 года, она была пожалована кавалерственною дамою державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, великаго пріорства греко-россійскаго, 18-го апрѣля 1809 года, получила орденъ св. Екатерины перваго класса, а 1-го января 1824 года была возведена въ достоинство гофмейстерины императорскаго двора.

Скончалась графиня Литта въ Петербургѣ 7-го февраля 1829 года.

Отъ брака Екатерины Васильевны съ графомъ Скавронскимъ

родились двѣ дочери: Екатерина и Марія. Старшая влюбилась въ сына графа Палена, но, по настоянію императора Павла, должна была выйти замужъ за князя Петра Ивановича Багратіона. Этотъ насильственный бракъ имѣлъ плачевныя послѣдствія: молодые не сошлись характерами, и княгиня Екатерина Павловна жила почти все время отдѣльно отъ мужа. Къ этому присоединились еще денежныя затрудненія, въ которыхъ княгиня обвиняла тоже мужа, жалуясь на его крайнюю расточительность и неумѣніе вести дѣла. Только громадное состояніе графа Литты, который не отказалъ въ помощи падчерицѣ, помогло Багратіонамъ распутаться съ долгами. Князь Петръ Ивановичъ палъ геройскою смертію подъ Бородинымъ, послѣ чего его вдова вступила во второй бракъ съ лордомъ Гауденомъ. Но дѣтей отъ этого брака, какъ и отъ предыдущаго, не осталось.

Графиня Марія Павловна Скавронская также была дважды замужемъ: сперва за графомъ П. П. Паленомъ, съ которымъ развелась въ 1804 году, а затѣмъ за графомъ А. П. Ожаровскимъ. Отъ перваго брака у нея была дочь, Юлія Павловна, которая пережила трехъ мужей и осталась бездѣтною, такъ что съ ея смертію пресѣклось потомство Екатерины Васильевны¹⁾.

С. Адриановъ.

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о всѣхъ сестрахъ Энгельгардтъ есть у Карабанова. О смерти Марѣи Александровны говоритъ Рибоьеръ (Русск. Арх. 1877 г., т. I, стр. 479). О Варварѣ Васильевнѣ много есть въ Русск. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 512—522 (ея переписка съ Потемкинымъ и отношенія къ кн. Голицыну), а также въ сочиненіяхъ Державина, изданныхъ подъ редакціей Грота (I, 161); о началѣ ея интриги съ дядей говорится въ письмѣ Н. К. Загряжской къ А. К. Разумовскому (Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. V, стр. 27. Надатель неправильно думаетъ, что тутъ подразумѣвается Екатерина Васильевна—и дата письма и упоминаніе о *jalousie dont rien n'approche* ясно указываютъ на Варвару). Подлинникъ письма Потемкина къ Екатеринѣ Васильевнѣ хранится у П. Я. Дашкова. Согоръ упоминаетъ о гр. Скавронской на 42 и 269 стр. своихъ Записокъ. Сински лицѣ, сопровождавшихъ Екатерину Великую въ обомъ ея путешествіяхъ, напечатаны въ «Сборникѣ» Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 218 и 231. Свѣдѣнія о сомѣ Скавронскихъ собраны у Михневича («Любимцы», Спб., 1886), который, однако, относится ко всѣмъ выводимымъ имъ лицамъ слишкомъ ужъ отрицательно. О меломаніи и о женитбѣ гр. Скавронскаго говоритъ Вигель (III, 85—86); болѣе симпатичныя отзывы о немъ находимъ у Долгорукаго («Калище моего сердца», стр. 189 и 271—272), Vigée-Lebrun (Souvenirs, t. I, Paris, 1869, p. 190—193) и А. Я. Измайлова (письмо о гр. С. Р. Воронцову о смерти Скавронскаго; см. «Архивъ князя Воронцова», т. XX, стр. 271). Свадьбы Скавронскаго и Враничкаго описаны въ письмѣ Никара къ кн. А. В. Куракину (Русск. Стар., 1870 г., стр. 809—810). Князь Цицѣповъ говоритъ объ Е. В. въ письмахъ къ Зиновьеву (Русск. Арх., 1872, стр. 2151). О Литтѣ см. въ вышеуказанномъ изданіи Державина (т. II, стр. 121—149). Письмо Ростопчина помѣщено въ Русск. Арх., 1887 г., т. I, стр. 162—164. О бракѣ Е. П. Скавронской съ Багратіономъ писалъ П. В. Чичаговъ графу С. Р. Воронцову («Архивъ князя Воронцова», т. XIX, стр. 80). О денежныхъ затрудненіяхъ и неладахъ Багратіоновъ говорится въ письмахъ В. Ф. Боголюбова къ князю А. В. Куракину (Русск. Арх., 1893 г., т. III, стр. 279—289 и 297—298).

ВОСПОМИНАНІЯ О С. И. МАЛЬЦОВѢ.

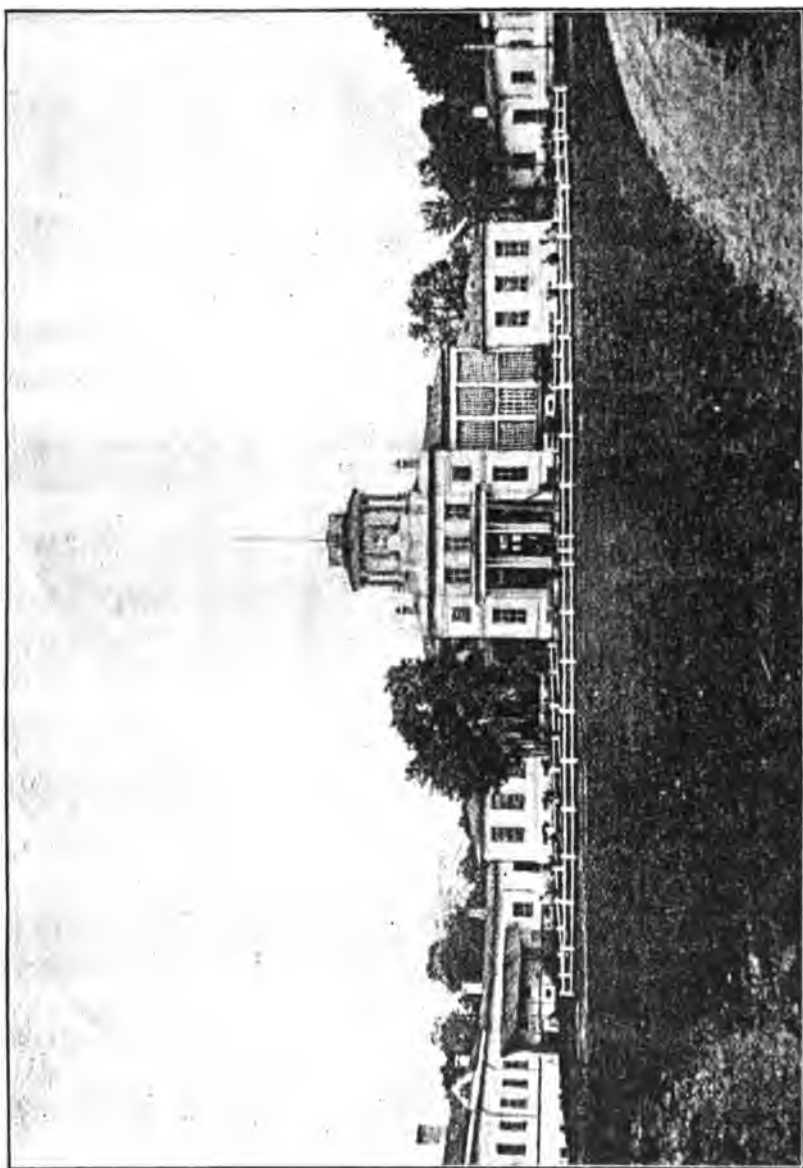
СТРѢЧАЮТСЯ личности, дѣятельность которыхъ, хотя и не имѣвшая официального характера, тѣмъ не менѣе оставляетъ прочный слѣдъ въ развитіи страны. Къ такимъ крупнымъ личностямъ, безспорно, можно отнести скончавшагося, года два тому назадъ, отставного генералъ-маіора Сергѣя Ивановича Мальцова. Послѣ его кончины въ нѣкоторыхъ газетахъ помѣщены были краткія о томъ сообщенія, съ упоминаніемъ о покойномъ, какъ объ извѣстномъ дѣятелѣ на поприщѣ отечественной промышленности; затѣмъ еще, кажется, въ ежемѣсячныхъ прибавленіяхъ къ журналу «Нива» появилась небольшая замѣтка съ болѣе подробнымъ изложеніемъ дѣятельности Сергѣя Ивановича, но и въ этой замѣткѣ нѣтъ ничего, что могло бы привлечь къ этому дѣйствительно замѣчательному человѣку и остановить на немъ вниманіе современнаго общества. Справедливо замѣчено кѣмъ-то, что жизнь cadaго человѣка, правдиво изложенная, представляетъ интересъ; тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ такой выдающейся личности, какъ покойный Сергѣй Ивановичъ, этотъ истинный труженикъ на пользу родной земли. Сергѣй Ивановичъ не клалъ печей, не тачалъ сапогъ, не пахалъ самолично землю, не раздавалъ землю и прочее имущество, предавшись аскетическому образу жизни, — хотя человѣкъ этотъ былъ воплощеніе труда и притомъ труда не изъ узкихъ видовъ личнаго прибытка, а исключительно для широко понимаемой общественной пользы. Я далекъ отъ того, чтобы взять на себя непосильную задачу изобразить эту жизнь во всѣхъ подробностяхъ наполнявшей ее безустанной, многосторонней дѣятельности; у меня нѣтъ и достаточнаго для этого матеріала; я руководжусь только желаніемъ воздать должное замѣчательному русскому человѣку, изо-

бразивъ его, насколько это въ моихъ силахъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, достойнымъ подражанія образцомъ просвѣщеннаго, любящаго не на словахъ, а на дѣлѣ, свою страну, русскаго дворянина.

Я имѣлъ возможность, проживая въ продолженіе полутора года въ имѣніяхъ Сергѣя Ивановича, ежедневно видясь съ нимъ, наблюдать тотъ трудовой образъ жизни, который онъ велъ.

Одинъ мой родственникъ завѣдывалъ его московской конторой, самой главной по торговымъ оборотамъ. Разказы о Мальцовѣ, его кипучей дѣятельности, его многочисленныхъ заводахъ, фабрикахъ, пробудили во мнѣ желаніе познакомиться со всѣмъ этимъ воочию, примкнуть къ этой дѣятельности, и я рѣшился оставить государственную службу и поступить къ Мальцову. Я жилъ тогда въ Петербургѣ. Заручившись рекомендаціей родственника и узнавъ о пріѣздѣ въ Петербургъ Сергѣя Ивановича, я отправился въ собственный его домъ на Моховой, гдѣ онъ остановился. Меня ввели въ небольшую комнату, съ довольно скромной обстановкой; почти тотчасъ же изъ сосѣдней комнаты вышелъ человекъ средняго роста, лѣтъ пятидесяти, сильнаго сложенія, нѣсколько сутуловатый; несмотря на совершенно сѣдые волосы на головѣ, усахъ и бакенбардахъ, какъ бы нѣсколько его старившіе, онъ имѣлъ чрезвычайно бодрый и оживленный видъ; въ нѣсколько выпуклыхъ, голубыхъ глазахъ свѣтился умъ съ нѣкоторой примѣсью добродушно-веселой насмѣшливости; одѣтъ онъ былъ въ сѣрое генеральское пальто безъ погонь, какъ у отставныхъ, и синія брюки съ широкими лампасами. Это былъ генералъ Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ. Я не помню, конечно, теперь подробностей этого перваго свиданія моего съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Помню, что вообще пріемъ его былъ очень любезенъ; съ первыхъ же словъ онъ изъявилъ согласіе принять меня на службу и на мое откровенное признаніе, что я ничего не знаю въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ, сказалъ, что необходимыя знанія придутъ со временемъ сами собою, было бы только искреннее желаніе трудиться, что главное—въ этомъ желаніи, а приложеніе ему найдется. Генералъ, въ соответствии съ своей подвижной фигурой, говорилъ очень живо, короткими фразами. Аудіенція кончилась очень скоро, и не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, получивъ отставку, я уѣхалъ изъ Петербурга и катилъ по варшавскому шоссе въ почтовомъ дилижансѣ (такъ называемомъ мальпостѣ,—желѣзной дороги еще не было) отъ Москвы до станціи Александровскій хуторъ, съ которой уже надобно было сворачивать въ помѣстья Мальцова. Это было въ ноябрѣ 1864 года, черезъ три года послѣ освобожденія крестьянъ.

владѣльца—с. Дядьково одной половиной лежало въ Живдринскомъ уѣздѣ, а другой—въ Брянскомъ. Большая часть этого пространства находилась подъ лѣсомъ, который заботливо охранялся и эксплуатировался для фабрично-заводскаго производства по системѣ правильной рубки. Руда большею частью добывалась въ самомъ имѣніи, частью приобреталась изъ дачъ сосѣднихъ владѣльцевъ. По имѣнію протекало нѣсколько рѣчекъ, изъ которыхъ главная Болва, впадавшая у Радицкаго завода въ рѣку Десну—притокъ Днѣпра. По этой Болвѣ ранней весной сплавлялись въ Десну и дагѣ по Днѣпру съ заводовъ небольшія суда, по мѣстному названію, «байдоки», поднимавшія до четырехъ тысячъ пудовъ груза. По описанной нами площади, на удобныхъ расчищенныхъ изъ-подъ лѣса мѣстахъ, раскинуты были многочисленныя хутора, со всѣмъ необходимымъ инвентаремъ для веденія правильнаго сельскаго хозяйства: плугами, сѣялками, молотилками, вѣялками и проч. При удобреніи употреблялась костяная мука. Сельское хозяйство на всемъ этомъ огромномъ районѣ велось, впрочемъ, только самимъ владѣльцемъ, все же населеніе фабрикъ и заводовъ исключительно было занято тѣми работами, которыя на нихъ производились. Всѣ эти фабрики и заводы находились въ большихъ, многолюдныхъ селеніяхъ; такъ, въ с. Песочномъ—фабрика фаянсовой и эмальированной посуды; въ с.с. Ресета, Радица, Сукремль—чугунно-литейныя заводы; въ с. Людиновѣ—чугунно-литейный, желѣзодѣлательный заводъ, мастерскія сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, экипажей и желѣзнодорожнаго подвижнаго состава; въ с. Любахнѣ—свеклосахарный заводъ; въ с. Дядьковѣ—резиденціи владѣльца и всей центральной администраціи—хрустальная фабрика; въ с.с. Ивотѣ, Знеберѣ, Чернятино—заводы оконнаго, бемскаго и зеркальнаго стекла. Были и еще чугунно-литейныя и стеклянные заводы, но ихъ названія не удержались въ моей памяти. Кромѣ всего этого, было нѣсколько мукомольныхъ мельницъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ, маслобоекъ для потребностей мѣстнаго заводскаго населенія. Между главными населенными пунктами, а именно: с.с. Песочнымъ, Любахной, Людиновымъ и Дядьковымъ, на протяженіи около ста верстъ, было устроено прекрасно содержавшееся шоссе, съ правильно организованнымъ почтовымъ сообщеніемъ: станціонными домами, лошадьми и покойными, крытыми тарантасами. Впослѣдствіи, когда я уже оставилъ заводы, отъ Людинова чрезъ Дядьково до с. Радицы, при впаденіи Болвы въ Десну, была устроена узко-колейная желѣзная дорога, и главные заводы соединены телеграфною проволокой. Кромѣ этого имѣнія, Мальцову принадлежало еще двадцать тысячъ десятинъ въ Крыму. Часть этого имѣнія находилась на южномъ берегу, гдѣ была выстроена вила, облицованная хрустальными плитами. Говорятъ, видъ на эту виллу съ моря, при солнечномъ освѣщеніи, былъ поразительный. Имѣніе

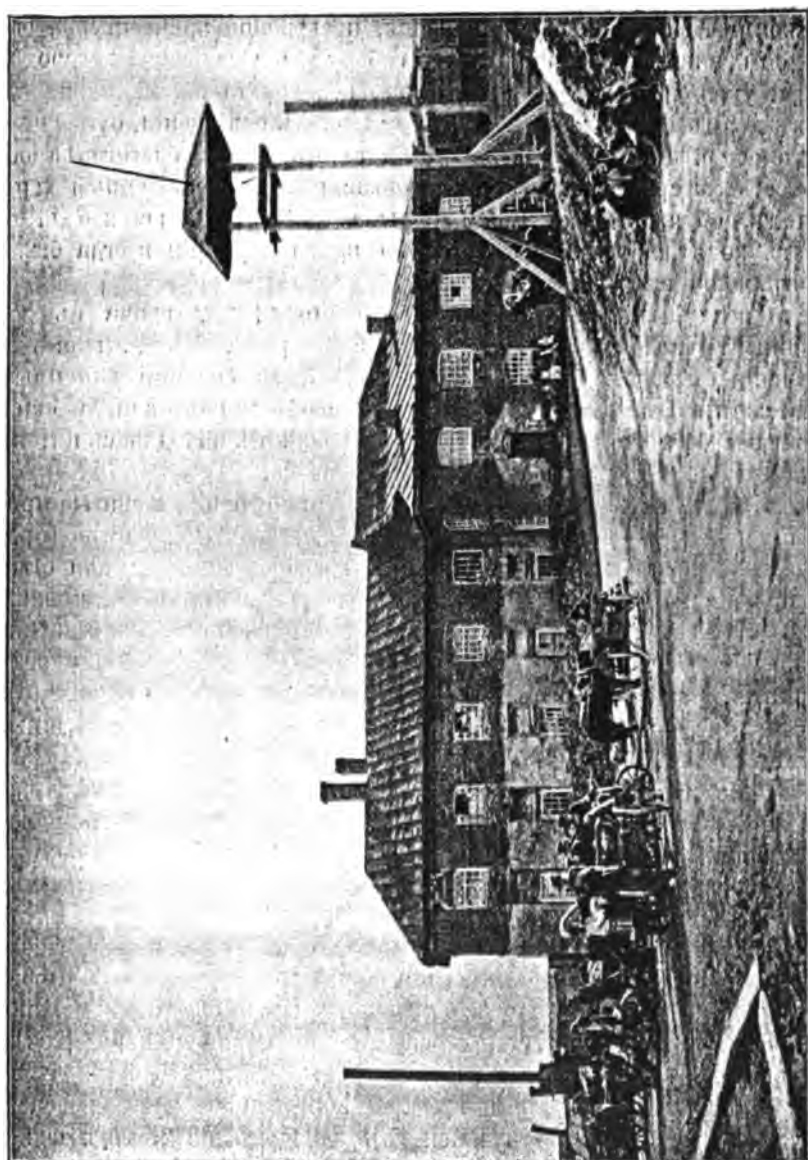

Господскій домъ въ селѣ Дядьковѣ.

называлось Симензъ. Здѣсь, по иниціативѣ Сергѣя Ивановича, готовились изъ мѣстныхъ лозъ первое на Руси русское шампанское «Simeis moussoux» и другія виноградныя вина. Были тамъ и многочисленныя стада овецъ, шерсть съ которыхъ отправлялась въ Марсель.

Почва мѣстности, гдѣ находилось главное имѣніе, не принадлежить къ хлѣбороднымъ, и хлѣбныхъ продуктовъ, получаемыхъ съ хуторовъ владѣльца, далеко не хватало для заводскаго населенія. Хлѣбъ въ зернѣ покупался владѣльцемъ, главнымъ образомъ, въ Орлѣ, гдѣ постоянно находился особый состоящій на жалованьи коммисіонеръ; въ Карачевѣ и другихъ мѣстахъ были поставщики хлѣба, уже много лѣтъ ведшіе это дѣло съ администраціей заводовъ. Все для себя необходимое заводское населеніе находило въ складахъ и магазинахъ владѣльца, устроенныхъ при каждомъ заводѣ. Кромѣ заводскаго населенія, числомъ свыше двадцати пяти тысячъ человекъ, находившаго себѣ средства къ существованію, около заводовъ кормилась еще, находила себѣ заработокъ масса всякаго народа: вся администрація съ ея многочисленными развѣтвленіями, хуторскіе рабочіе по вырубкѣ и вывозкѣ лѣса, рабочіе по добыванію руды и ея возкѣ, возчики товара, хлѣба, строители судовъ, судовые рабочіе при сплавахъ; однимъ словомъ, населеніе трехъ уѣздовъ находило себѣ постоянную вѣрно оплачиваемую работу; по конторскимъ даннымъ, это кормившееся отъ заводовъ населеніе представляло ежегодно почтенную цифру свыше двухсотъ тысячъ душъ, тѣмъ болѣе выразительную, что это населеніе проживало въ мѣстности, далеко не отличающейся, какъ я сказалъ, плодородіемъ.

Заводскіе рабочіе проживали бесплатно въ построенныхъ владѣльцемъ просторныхъ, крѣпкихъ, бревенчатыхъ, крытыхъ тесомъ домахъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго промежутками въ нѣсколько сажень; дома эти представляли двѣ и никогда не болѣе трехъ связи, раздѣлявшихся сѣнями; въ каждой связи помещалось не болѣе одной семьи, такъ что смѣшенія разныхъ семей и постороннихъ лицъ разныхъ половъ и возрастовъ не было; каждый рабочій съ семьей жилъ вполне самостоятельнымъ хозяиномъ; у каждой семьи была непременно, а у многихъ и не одна, корова; для коровъ были отведены, при крѣпостномъ правѣ, безвозмездно, а затѣмъ по надѣлу, луга и пастбища. Все мужское и женское населеніе заводовъ было въ большинствѣ грамотное; еще при крѣпостномъ правѣ, когда повсемѣстно царилъ въ крестьянствѣ безпросвѣтная умственная тьма, Сергѣемъ Ивановичемъ въ заводахъ устроены были школы, которыя онъ и послѣ освобожденія поддерживалъ исключительно на собственные средства, и на дѣлѣ доказалъ, что грамотный рабочій лучше безграмотнаго, такъ какъ рабочіе его заводовъ,

Фаянсовая фабрика Мальцова въ Песочнѣ.

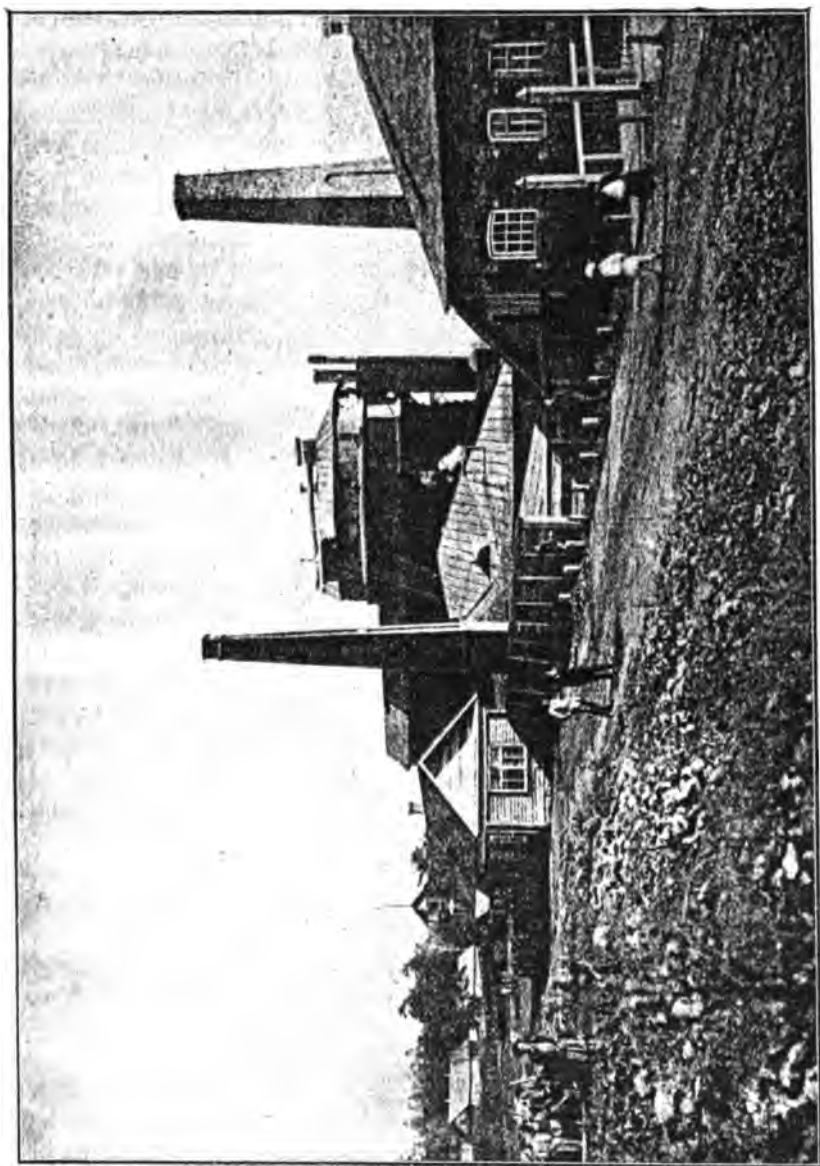
по умственному развитію, стояли неизмѣримо выше окружавшей ихъ массы неграмотнаго крестьянства. Въ главныхъ селеніяхъ: Дятьковѣ, Людиновѣ, Любаховѣ, Песочномѣ, Радичѣ, воздвигнуты были красивые хорошо содержимые храмы. Особенно хорошъ былъ храмъ въ Дятьковѣ. Выстроенный на площади, прекрасной архитектуры, обширностью не уступающій иному собору въ губернскомъ городѣ, внутри украшенный хорошей живописью, хрустальными иконостасами, храмъ этотъ, особенно при вечернемъ освѣщеніи, буквально имѣлъ ослѣпительный видъ. Прибавьте къ этому благоговѣйное, истовое служеніе духовенства, прекрасный, многочисленный хоръ пѣвчихъ, обучаемыхъ особо нанятымъ знающимъ регентомъ, и станетъ понятно, что храмъ этотъ во время служенія всегда былъ полонъ молящимися.

Для подаванія медицинскои помощи состояли три врача съ достаточнымъ числомъ фельдшеровъ и акушеровъ. Въ Дятьковѣ и Людиновѣ были устроены больницы; это были большія каменные двухэтажныя зданія, снабженныя всѣмъ необходимымъ для удобнаго помѣщенія больныхъ. При дятьковской больницѣ находилась аптека съ лабораторіей подъ управленіемъ провизора.

Изъ лицъ, входившихъ въ составъ администраціи, женатые проживали частію въ домахъ, построенныхъ владѣльцемъ, частію (преимущественно изъ мѣстныхъ жителей) въ собственныхъ; холостые помѣщались въ большомъ каменномъ, трехэтажномъ домѣ; нижній этажъ его былъ занятъ конторой, во второмъ находились помѣщенія для временныхъ посѣтителей: представителей власти, поставщиковъ-покупателей; въ третьемъ—помѣщенія для холостыхъ; помѣщенія эти представляли отдѣльную для каждаго лица, достаточной величины, комнату со всей необходимою, но скромною обстановкой.

Рабочій день на заводахъ и въ конторѣ начинался въ шесть часовъ утра и заканчивался въ восемь часовъ вечера, прерываясь промежутками для обѣда, утренняго и вечерняго чая. Впрочемъ, на заводахъ работа не прерывалась и ночью, но работала другая смена рабочихъ.

Собственно, на мѣстѣ, въ заводахъ, сбывалась пріѣзжимъ оптовымъ покупателямъ сравнительно незначительная часть всей массы вырабатываемыхъ произведеній. Для сбыта заведены были конторы съ необходимымъ персоналомъ служащихъ въ Ригѣ, Минскѣ, Пинскѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Трубчевскѣ, селѣ Кладьковѣ на Деснѣ, Коропѣ, Черниговѣ, Кіевѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Херсонѣ, Одессѣ и Ростовѣ на Дону. Для торговли на нижегородской ярмаркѣ, куда товаръ доставлялся изъ заводовъ по рѣкѣ Москвѣ и Окѣ, выѣзжалъ управляющій московскою конторой. Изъ помѣнованныхъ мною конторъ въ главную дятьковскую контору поступали требованія на разнаго рода товаръ, и заказы эти раздавались по заводамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы для южной торговли были выполнены непременно ко вскрытію рѣкъ.

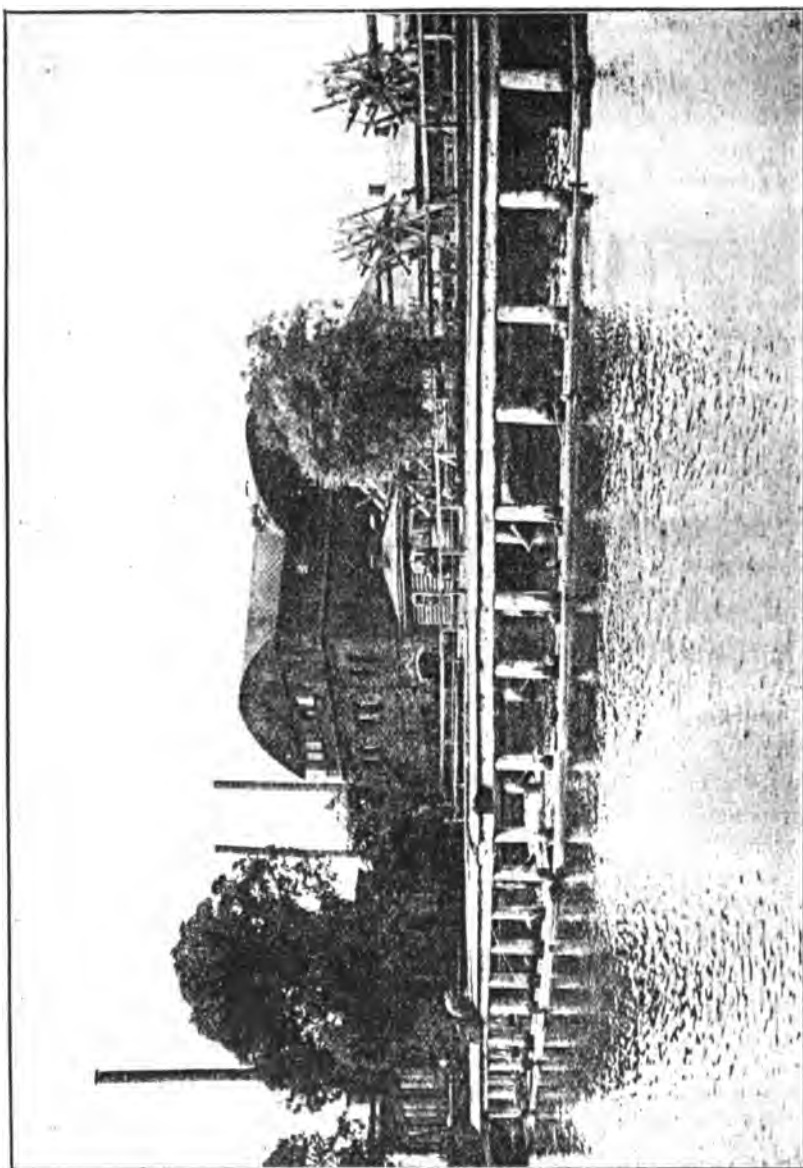
Ресетинский чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

Описавъ ту арену, на которой кипѣла оживленная, разнообразная дѣятельность, перехожу теперь къ той личности, которая была главнымъ, такъ сказать, моторомъ всей этой дѣятельности.

Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ родился въ 1810 году; послѣ смерти брата, онъ остался единственнымъ сыномъ отставного секундъ-майора Ивана Акимовича Мальцова, владѣтеля обширныхъ земельныхъ пространствъ, которыя перешли потомъ къ Сергѣю Ивановичу и которыя онъ увеличилъ покупкой сосѣднихъ участковъ.

Сергѣй Ивановичъ получилъ хотя и домашнее образованіе, но, какъ сынъ богатаго человѣка, имѣлъ возможность пользоваться уроками хорошихъ преподавателей. Онъ прекрасно владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ; основательная научная подготовка, чтеніе, частыя путешествія за границу, не для удовольствій, а съ исключительною цѣлью познакомиться на мѣстѣ по лучшимъ образцамъ съ фабрично-заводскою промышленностью, дали возможность Сергѣю Ивановичу пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знанія, имѣющимъ связь съ этой промышленностью; онъ въ совершенствѣ зналъ химию, физику, металлургію, механику; это были, такъ сказать, основныя его познанія; но вся вообще область его свѣдѣній, по своей обширности, представляла нѣчто поразительное: кажется, не было ни одной отрасли естественныхъ наукъ, которая не была бы ему настолько знакома, чтобы въ примѣненіи ея къ дѣлу онъ не могъ составить себѣ самостоятельнаго понятія о правильности или неправильности этого примѣненія и указать, въ случаѣ надобности, въ чемъ ошибка. Въ продолженіе того короткаго времени, которое мнѣ пришлось быть при Сергѣѣ Ивановичѣ, мнѣ не разъ случалось видѣть примѣры, когда Сергѣю Ивановичу приходилось проявлять свои познанія и находчивость при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ по устройству разныхъ заводскихъ приспособленій, въ родѣ, напримѣръ, газовыхъ печей, или по поводу недостатковъ въ какихъ либо машинахъ, или несовершенствъ химическихъ составовъ, напримѣръ, хрусталя и стекла—вопросовъ, предъ которыми затруднялись специалисты, и которые счастливо разрѣшались Сергѣемъ Ивановичемъ.

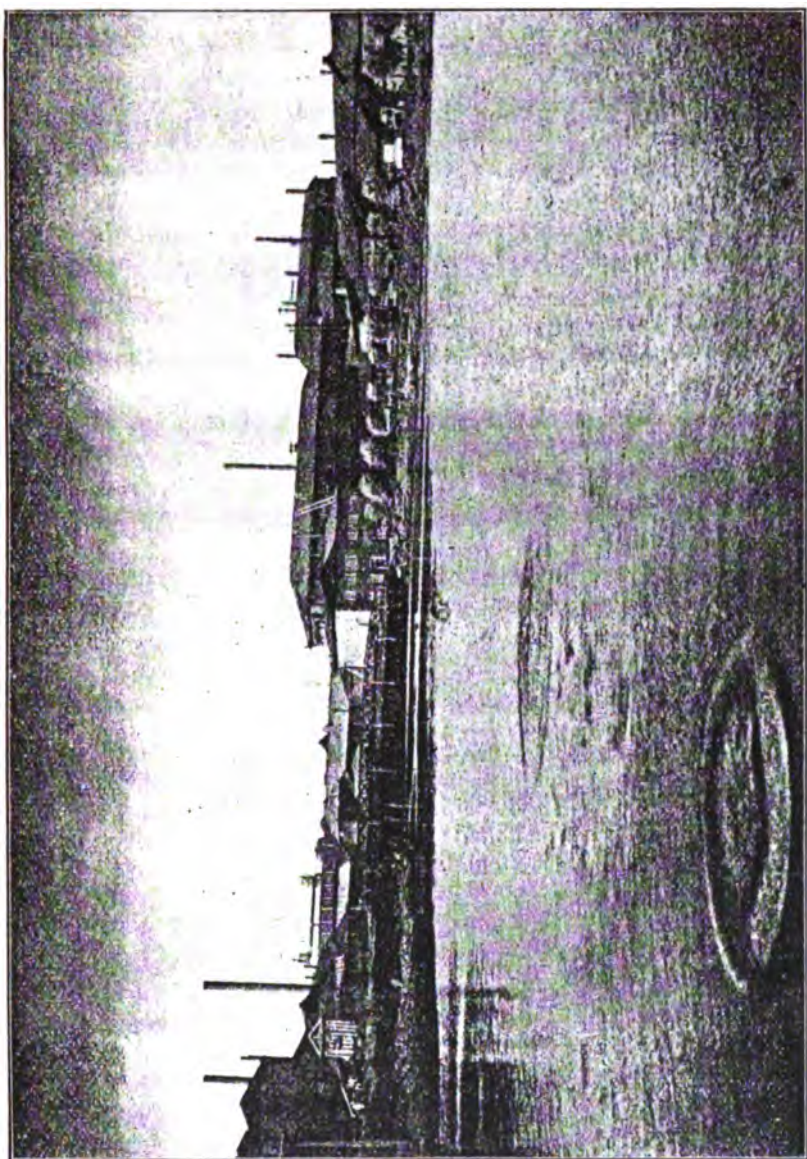
По достиженіи требуемаго для вступленія въ государственную службу возраста, Сергѣй Ивановичъ, какъ это было въ обычаѣ нашего дворянства, поступилъ въ военную службу въ Кавалергардскій полкъ. Произведенный въ офицеры, онъ быстро достигъ высшихъ чиновъ, состоялъ адъютантомъ при его высочествѣ принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ и молодымъ тридцатилѣтнимъ полковникомъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора, чтобы по случаю кончины отца вступить въ непосредственное управленіе доставшимися ему имѣніями. Служба адъютантомъ, оставляя Сергѣю Ивановичу много свободнаго времени, позволяла ему совершать частыя поѣздки за границу и оставаться тамъ продолжительное время

Сукрененскій чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

съ цѣлью, какъ я сказалъ, изученія фабрично-заводскаго дѣла. При этомъ Сергѣй Ивановичъ не ограничивался простымъ наблюденіемъ; по своей живой натурѣ онъ не могъ оставаться пассивнымъ зрителемъ и, для лучшаго усвоенія дѣла, самъ принимался за него въ качествѣ простаго рабочаго, чѣмъ однажды вызвалъ не малое удивленіе одного иностраннаго коронованнаго лица, случайно увидавшаго его за такимъ дѣломъ и узнавшаго, что это офицеръ блестящаго гвардейскаго полка и единственный наследникъ многомилліоннаго состоянія.

Совершенно свободный послѣ смерти отца располагать собой, Сергѣй Ивановичъ не увлекся ни жизнью въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, ни возможностью дальнѣйшихъ служебныхъ успѣховъ. Надобно замѣтить, что онъ былъ лично извѣстенъ императору Николаю Павловичу и пользовался его особеннымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Всему этому, и свѣтскимъ и служебнымъ успѣхамъ, Сергѣй Ивановичъ предпочелъ дѣятельность въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ предстояло ему создать и развить фабрично-заводское дѣло. При отцѣ его были только хрустальная фабрика въ Дятковѣ, нѣсколько стеклянныхъ фабрикъ и основанный, уже въ послѣдніе годы его жизни, свеклосахарный заводъ въ с. Любахнѣ. Всѣ остальные многочисленные заводы и фабрики были устроены Сергѣемъ Ивановичемъ. Опишу теперь его ежедневный обиходъ, порядокъ его трудового дня и тѣ черты, которыя удалось мнѣ собрать по разсказамъ и собственнымъ наблюденіямъ для характеристики этой личности. Обыкновенный, ежедневный костюмъ Сергѣя Ивановича состоялъ изъ русскаго покрою казакина сѣраго сукна и такихъ же панталонъ въ сапоги, на головѣ военная фуражка съ краснымъ околышемъ; зимой, сверхъ этого костюма надѣвался дубленый, ничѣмъ некрытый полушубокъ, а на него, при дальнихъ поѣздкахъ, сильно-поношенная, военная, на ватѣ, шинель съ капюшономъ. Сѣрый казакинъ и такіе же панталоны были какъ бы обязательнымъ мундиромъ для всѣхъ конторскихъ служащихъ изъ крѣпостныхъ; онъ еще удерживался нѣкоторое время и послѣ освобожденія. Простые рабочіе были обязаны носить обыкновенное крестьянское платье, а женщинамъ, какъ дворовымъ, такъ и заводскимъ, не дозволялось измѣнять сарафаны и головныя повязки на городское одѣяніе. Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, видя, какъ быстро сарафаны начали замѣняться неуклюжими платьями съ лифами, панье, и прочими модными приспособленіями, Сергѣй Ивановичъ нерѣдко говаривалъ: «пропадаетъ моя милая простота!». Въ праздники и при поѣздкахъ въ Москву и въ Петербургъ сѣрый казакинъ замѣнялся генеральскими пальто и брюками. Сергѣй Ивановичъ не курилъ и никогда не пилъ никакого вина. Обѣдъ его состоялъ изъ умереннаго числа блюдъ, изготовленныхъ хорошимъ поваромъ, но обѣдъ легкій, необременительный, заключавшійся большею частью фрук-

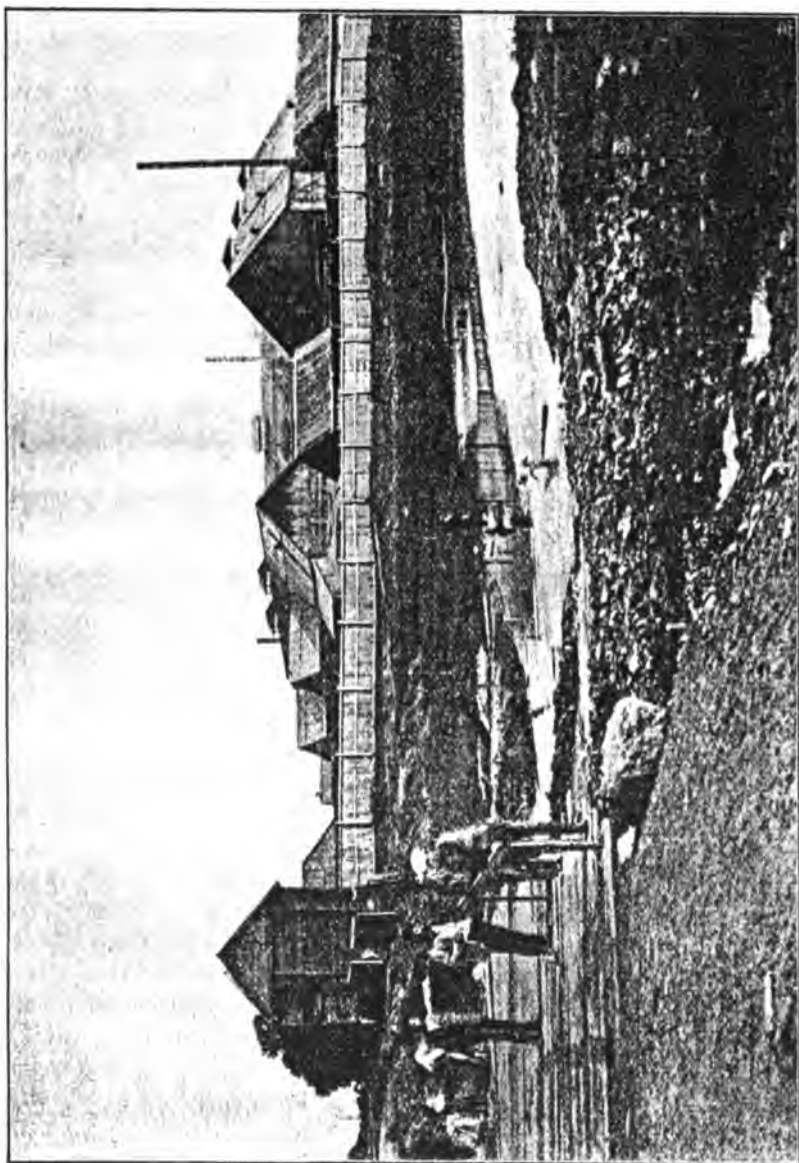

Людниковскій чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

тами. Личное содержаніе Сергѣя Ивановича, по конторскимъ счетамъ, по которымъ все поставляемое въ господскій домъ, какъ-то: дрова, разнаго рода продукты, показывалось деньгами, исчислялось, включая и расходы на заграничныя поѣздки, въ шесть тысячъ рублей въ годъ. И такой умѣренный для этого богатаго человѣка образъ жизни происходилъ не отъ скупости, а просто оттого, что Сергѣй Ивановичъ не чувствовалъ потребности пользоваться всѣми тѣми удовольствіями, которыя могла бы предложить жизнь человѣку съ его средствами. Всѣ его помышленія были на сторонѣ страстно любимаго имъ дѣла, и не потому, что успѣхи этого дѣла увеличивали его личное благосостояніе, а единственно потому, что въ этихъ успѣхахъ онъ видѣлъ условія для благосостоянія населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ проходила его дѣятельность. Этимъ и объясняется то неутомимое стремленіе основывать и заводить все новыя и новыя отрасли труда, которое составляетъ выдающуюся черту его, какъ дѣятеля. Всѣ выручаемыя деньги шли на поддержаніе существующихъ производствъ, а если образовывался значительный остатокъ, то немедленно употреблялся или на какія либо цѣнныя улучшенія, или на основаніе новыхъ производствъ. Я уже указалъ на результатъ этой дѣятельности, выразившійся въ доставленіи заработка нѣсколькимъ стамъ тысячъ человѣкъ. Никогда, ни при крѣпостномъ правѣ, ни послѣ, Сергѣй Ивановичъ не унижалъ себя ручною расправой; тѣлесныя наказанія, какъ сѣченіе розгами, даже и при крѣпостномъ правѣ никогда не производились по его распоряженію; я слышалъ, что одинъ изъ его управляющихъ во время одной болѣе продолжительной отлучки за границу Сергѣя Ивановича позволялъ себѣ жестокія расправы розгами, но, повторяю, по личному распоряженію владѣльца или по его уполномію такихъ наказаній не бывало. Наказанія ограничивались болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ, постановкой на нѣсколько часовъ въ кочегары, смѣщеніемъ съ высшей должности на низшую и, при неисправности, какъ это водилось тогда, отдачей безъ очереди въ солдаты.

Рабочій день Сергѣя Ивановича начинался очень рано, ранѣе даже обычнаго начала заводскихъ работъ и конторскихъ занятій. Какъ только утромъ раздавался привывный къ занятіямъ колоколь, Сергѣя Ивановича уже можно было видѣть или въ конторѣ, или въ гутѣ ¹⁾, или въ шифовняхъ, или въ какомъ либо другомъ изъ многочисленныхъ, находившихся въ Дятковѣ заведеній. Утренній чай онъ по большей части пилъ въ конторѣ, гдѣ принималъ въ это время всѣхъ имѣющихъ къ нему надобность, обѣдалъ дома; домъ только и служилъ ему для ночлега и обѣда; отдыха послѣ обѣда

¹⁾ Зданіе, гдѣ варится составъ для хрустала, и гдѣ первоначально получаютъ изъ него надѣлки.

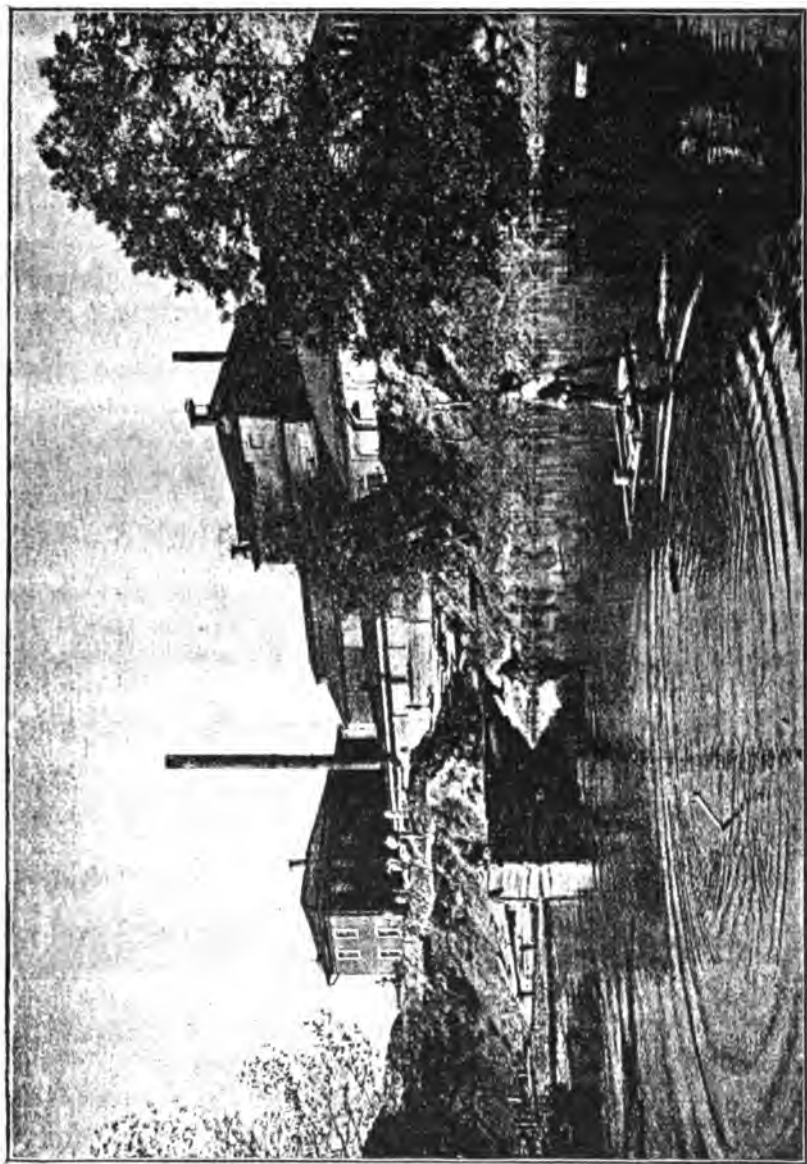

Старская стекольная фабрика Мальцова.

не полагалось, а тотчасъ же начиналась та же дѣятельность, что и утромъ: повсюду свой личный надзоръ, совѣты, указанія, совѣщаніе со специалистами, испытаніе новыхъ пріемовъ и способовъ того или другого производства, а новинки въ этомъ родѣ Сергій Ивановичъ постоянно или привозилъ изъ-за границы, или получалъ отъ тамошнихъ своихъ корреспондентовъ. Рѣдкій день не отправлялся онъ изъ Дяткова въ который либо изъ другихъ своихъ заводовъ, но любимымъ и чаще другихъ посѣщаемымъ имъ заводомъ былъ людиновскій; это было, такъ сказать, его дѣтище; все здѣсь вело свое начало отъ него: здѣсь были приготовлены первые, вышедшіе изъ русской мастерской пароходы для Волги и Днѣпра; здѣсь устроено было пудлингованіе желѣза, первая русская мастерская сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій и мастерская локомотивовъ и вагоновъ; тутъ онъ оставался иногда по нѣсколько дней.

Въ праздничные дни Сергій Ивановичъ неукоснительно присутствовалъ въ храмѣ у заутрени и обѣдни, становясь всегда на клиросѣ съ пѣвчими и присоединяясь къ ихъ хору; за обѣдней апостолъ читался всегда имъ. Послѣ обѣдни Сергій Ивановичъ являлся въ контору, куда собирались пѣвчіе, управляющіе заводами, завѣдывающіе разными отдѣлами. Пѣвчіе, исполнивъ какой нибудь духовный концертъ, получали угощеніе чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, а мальчики, кромѣ того, одѣлялись пряниками и орѣхами. Остальные собравшіеся также угощались чаемъ, при чемъ дѣлали Сергію Ивановичу свои доклады и получали отъ него распоряженія. Отдыхомъ для Сергія Ивановича было только праздничное послѣобѣденное время, но и то большею частью онъ уѣзжалъ тогда въ Людиново, чтобы переночевать тамъ, съ утра приниматься за дѣло, или же приходилъ въ контору, гдѣ занимался своей обширной корреспонденціей, совѣщаніями съ главноуправляющимъ и пріемомъ имѣвшихъ къ нему надобность лицъ, недостатка въ которыхъ никогда не было.

Мѣстное крестьянское и заводское населеніе любило и уважало Сергія Ивановича. Доказательствомъ того вліянія, какимъ пользовался онъ среди этого населенія, можетъ служить слѣдующее: рабочіе людиновскаго завода всегда отличались угрюмымъ и грубымъ нравомъ. Когда объявленъ былъ манифестъ объ освобожденіи, въ Людиновѣ между рабочими началось волненіе, вызванное, какъ это обыкновенно бывало, непониманіемъ манифеста и выразившееся въ прекращеніи работъ. Не прибѣгая къ мѣстнымъ властямъ, Сергій Ивановичъ одинъ явился въ Людиново, сумѣлъ успокоить, уговорить, и все дѣло ограничилось арестованіемъ, по его приказу, нѣсколькихъ главныхъ крикуновъ. Все обошлось безъ вооруженной силы и безъ розогъ. Чувство любви и уваженія проявлялось не въ льстивыхъ въ глаза заявленіяхъ, а въ такихъ разговорахъ, которые мнѣ приходилось слышать совершенно случайно, при чемъ

Хотьковский чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

бесѣдующихъ нельзя было заподозрѣть въ неискренности. Имя Сергѣя Ивановича произносилось всегда съ уваженіемъ; съ нѣкоторою даже гордостью рабочій или служащій, бывшій крѣпостной, заявлялъ, что онъ «мальцовскій»; постигнутый какой либо бѣдой, горемъ, всегда выражалъ горячія упованія на милость и защиту Сергѣя Ивановича и, дѣйствительно, не ошибался. Престарѣлые и увѣчные рабочіе получали ежегодныя, въ опредѣленномъ размѣрѣ, пособія.

Такъ проходила эта жизнь въ неустанныхъ заботѣхъ и трудѣхъ на пользу родной земли, которую Сергѣй Ивановичъ искренно и горячо любилъ, высказывая это и въ бесѣдахъ своихъ, а болѣе всего показывая на дѣлѣ. Много на Руси богатыхъ вельможъ, состояніе которыхъ превосходитъ мальцовское: многіе изъ нихъ основали и поддерживали разнаго рода фабрики и заводы, но не думаю, чтобы кого либо изъ нихъ можно было поставить рядомъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ по живому, непосредственному участию въ дѣлѣ и служенію ему съ забвеніемъ собственныхъ выгодъ.

Случилось мнѣ видѣть Сергѣя Ивановича и въ обычныхъ условіяхъ, при обстоятельствахъ, совершенно исключительныхъ, требовавшихъ усиленнаго проявленія его энергической дѣятельности.

Ранней весной 1865 года, оттого ли, что заводы запоздали исполненіемъ заказовъ для южной торговли и тѣмъ замедлили грузку товара, или отъ естественныхъ причинъ, но только, когда суда, съ грузомъ, такъ называемые байдоки, начали сплавлять по Болвѣ, вода въ этой рѣчкѣ стала быстро убывать, а это угрожало тѣмъ, что караванъ судовъ съ значительнымъ грузомъ для южной торговли не выйдетъ изъ Болвы въ Десну, а останется въ обмелѣвшей Болвѣ; пока товаръ стали бы доставлять гужомъ съ замелѣвшихъ байдочковъ на пристань р. Десны, прошло бы немало времени; между тѣмъ, въ днѣпровскихъ порогахъ, чрезъ которые предстояло проходить байдокамъ съ товаромъ для Одессы, Херсона и Ростова на Дону, вода настолько бы упала, что имъ съ грузомъ нельзя было бы пройти; пришлось бы разгружать, байдоки сплавлять пустыми чрезъ пороги, сгруженный товаръ везти семьдесятъ верстъ гужомъ, а затѣмъ опять грузить на байдоки; все это грозило огромными убытками! Какъ только дошли вѣсти о печальномъ положеніи каравана, закипѣла горячая дѣятельность. Вѣрно было, насколько только можно, ускорить движеніе судовъ увеличеніемъ на нихъ числа рабочихъ; въ случаѣ надобности, для облегченія судовъ сгружать часть товара на берегъ, и только въ послѣдней крайности съ такого байдока, который никакъ нельзя снять съ мели, производить полную сгрузку. Берега Болвы, болшею частью покрытые лѣсомъ, оживились; повсюду видны были люди, лошади; слышались

громкіе голоса судовыхъ рабочихъ, старавшихся снять съ мели байдокъ, сгрузчиковъ, таскавшихъ на берегъ литье, желѣзо, ящики стекла и проч. Въ лѣсу отъ мѣстъ выгрузокъ дѣлались просѣки для проложенія временныхъ, такъ сказать, подъѣздныхъ путей отъ Болвы къ пристани, у впаденія ея въ Десну, при радицкомъ заводѣ; тонкія мѣста въ лѣсу загружались фашинникомъ; вездѣ кипѣла работа. Сергѣй Ивановичъ поспѣвалъ всюду; съ самаго ранняго утра и до наступленія темноты, онъ появлялся верхомъ то на берегахъ Болвы, то въ лѣсу при проложеніи дорогъ, то на радицкой пристани, гдѣ шла спѣшная грузка на суда привозимаго съ береговъ Болвы товара; нерѣдко, чтобы одушевить работавшихъ, онъ самъ принималъ участіе въ ихъ трудахъ: рубилъ деревья, готовялъ фашинникъ, перетаскивалъ сгружаемый и нагружаемый товаръ; и въ самомъ дѣлѣ примѣръ его дѣйствовалъ, и работа спорилась. Вечеромъ ему долго приходилось выслушивать отъ разныхъ лицъ донесенія о положеніи дѣла на разныхъ пунктахъ, дѣлать соотвѣтствующія распоряженія, такъ что за это время—около недѣли—ему приходилось спать не болѣе трехъ, четырехъ часовъ въ сутки. Наконецъ, большую часть байдоковъ, которые съ полнымъ грузомъ, а которые съ незначительной отгрузкой, удалось вывести изъ Болвы, сгруженный на берегъ товаръ опять быстро погрузить на выведенные пустыми байдоки, и вся эта флотилія была поручена моему надзору съ тѣмъ, чтобы она, какъ можно, поспѣшнѣе шла къ днѣпровскимъ порогамъ, съ цѣлью пройти ихъ до спада воды. Для меня данъ былъ двѣнадцатисильный пароходикъ съ командой, на которомъ я долженъ былъ слѣдить за караваномъ, подгонять отстающія суда и оказывать имъ всякую помощь для скорѣйшаго и безпрепятственнаго плаванія.

Стояла прелестная весенняя погода, суда слѣдовали безъ задержки, и намъ удалось подойти къ порогамъ въ то время, когда воды на нихъ оказалось столько, что можно было проходить съ полнымъ грузомъ. Немного ниже Екатеринославля, на берегу Днѣпра, находится слобода Кичкусъ, жители которой лоцмана, пользующіеся исключительно имъ принадлежащимъ правомъ проводить суда чрезъ пороги. Монополія эта предоставлена имъ съ тѣхъ поръ, какъ предки ихъ проводили чрезъ пороги императрицу Екатерину Вторую во время знаменитаго путешествія ея въ Новороссійскій край. Въ лоцманской конторѣ за лоцмана, а ихъ на такое судно, какъ байдокъ, требовалось по одному, надобно было внести пять рублей, а послѣ благополучнаго плаванія судовладѣльцы еще платили лоцману, въ видѣ благодарности, не менѣе десяти рублей. Лоцмана эти были дюжіе матросы, живо напоминавшіе и обличьемъ, и костюмомъ запорожцевъ, какъ изобразилъ ихъ Гоголь; длинные усы, высокія барашковыя шапки съ краснымъ верхомъ, бѣлыя вышитыя рубашки, запущенныя въ синіе широчайшіе шаровары, опоясанные широ-

кимъ краснымъ кушакомъ. Лопмана во время плаванія пьютъ только по большому стакану водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, за то уже на обратномъ пути вознаграждаютъ себя почти въ каждомъ встрѣчномъ шинкѣ.

Вскорѣ за сл. Кичкусомъ начинаются и Днѣпровскіе пороги; числомъ ихъ двѣнадцать; они идутъ въ болѣе или менѣе значительныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ на протяженіи семидесяти верстъ; каждый имѣетъ особое названіе, изъ которыхъ у меня остались въ памяти Лахонный, Гадючій и Ненасытець, самый большой и опасный порогъ, имѣющій въ длину версту съ четвертью. Днѣпровскіе пороги изображаютъ собой слѣдующее: ложе рѣки вдругъ переходитъ въ замѣтную наклонную плоскость, имѣющую на каждомъ порогѣ разную длину; дно въ этомъ мѣстѣ усѣяно значительной величины камнями; переходя на такую наклонную плоскость, вода до чрезвычайности усиливаетъ свою быстроту и волнуется и пѣнится, встрѣчая препятствіе въ камняхъ. На порогахъ во всю ихъ длину устроены изъ гранита какъ бы коридоры, достаточной для прохода судовъ ширины; въ коридорахъ этихъ для болѣе покойнаго плаванія дно очищено отъ камней; но лопмана, когда вода на порогахъ, высока, предпочитаютъ идти прямо, а не по этимъ коридорамъ увѣряя, что въ нихъ трудно попасть, и можно легко разбить судно о гранитную стѣну коридора.

Какъ я сказалъ, мы подошли къ порогамъ, когда вода на нихъ стояла достаточно высоко. Былъ ясный, тихій совершенно безвѣтренный день. Это тоже чрезвычайно важное для благополучнаго плаванія условіе. Въ сильный вѣтеръ суда черезъ пороги не идутъ. Можетъ случиться такъ: пока стояли за вѣтрами, вода на порогахъ настолько упала, что съ полнымъ грузомъ идти уже нельзя, и часть товара, а иногда и весь, приходится везти сухимъ путемъ семьдесятъ верстъ. Пароходикъ мой я оставилъ въ Екатеринославѣ, сѣлъ на одинъ изъ байдоковъ, и флотилія моя, всего около двадцати судовъ, пользуясь благопріятною погодой, въ одинъ день благополучно прошла всѣ пороги. Быстрота теченія на порогахъ настолько сильна, что самый большой изъ нихъ, Ненасытець, въ версту съ четвертью, мы пролетѣли менѣе, чѣмъ въ минуту. Вспоминается мнѣ эта минута: байдокъ подплываетъ къ порогу; по командѣ лопмана рабочіе перестаютъ грести ¹⁾; на байдокѣ воцаряется мертвая тишина; вдругъ, сразу, байдокъ измѣняетъ свой плавный ходъ на необыкновенно быстрый, кругомъ его шипятъ и пѣнятся водовороты, байдокъ треплетъ и толкаетъ во всѣ стороны; рабочіе испуганно переглядываются и взоры всѣхъ устремляются на лопмана, который съ своей неизмѣнной люлькой въ зубахъ и со столь же неизмѣнной малороссійской

¹⁾ Байдоки хотя и идутъ по теченію, но для ускоренія движенія на нихъ работаютъ веслами.

флегмой, спокойно, хотя и усиленно работаетъ правиломъ ¹⁾, и подъ его искуснымъ управленіемъ байдокъ минуетъ счастливо всѣ эти Сциллы и Харибды и какъ-то радостно вступаетъ въ тихія воды. Вдоль берега бѣжитъ народъ въ ожиданіи, не разобьется ли судно и не дастъ ли этимъ заработка при вытаскиваніи товара. Благополучный проходъ сопровождается этимъ людомъ весьма нелестными пожеланіями.

Сергѣй Ивановичъ остался чрезвычайно доволенъ благополучнымъ исходомъ этого дѣла начавшагося въ Болѣѣ и закончившагося переходомъ пороговъ.

Для лѣтняго сезона мнѣ еще были даны нѣкоторыя порученія: закрытіе торговли въ Черниговѣ и ускореніе хода плотовъ, тоже шедшихъ съ товаромъ.

Вскорѣ по обстоятельствамъ, домашняго свойства, мнѣ пришлось съ сожалѣніемъ разстаться съ Сергѣемъ Ивановичемъ, но время, проведенное мною у него на службѣ, и по его личнымъ достоинствамъ, и по характеру дѣятельности, осталось навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни воспоминаній.

М. П. Межецкій

¹⁾ Руль, въ видѣ огромного весла.

СЕЛО ТАТИЩЕВЪ-ПОГОСТЬ (РОСТОВСКАГО УѢЗДА) И ЗАБЫТАЯ МОГИЛА ПРИ СЕЛЬСКОМЪ ХРАМѢ.

ЕЛО Татищевъ-погость (Ярославской губерніи) находится въ 18-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ г. Ростова и въ 1¹/₂ верстахъ отъ границы Ярославскаго уѣзда. Въ немъ числится 81 дворъ при 235 ревизскихъ душахъ и 236 надѣлахъ.

Въстарину здѣсь пролегалъ путь на Ярославль; но уже въ половинѣ прошлаго столѣтія трактъ былъ перенесенъ, а съ проведеніемъ сначала шоссе, и затѣмъ—желѣзной дороги, село осталось совершенно въ сторонѣ. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что до XVI вѣка,

т. е. ранѣе появленія въ свѣтъ древнѣйшихъ изъ сохранившихся переписныхъ книгъ Ростовскаго уѣзда, здѣсь стояла или одинокая пустынь, или какая нибудь кладбищенская церковь безъ всякаго поселенія, съ жилищами для однихъ только священно—и церковно-служителей. Большинство существующихъ теперь «погостовъ» подтверждаетъ это мнѣніе: всѣ они вообще имѣютъ только приходскія церкви и дома мѣстнаго духовенства; такимъ образомъ—они тѣ же кладбища, только уединенныя, на которыхъ впослѣдствіи были построены церкви для поминавенія усопшихъ. Существующіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ погосты на мѣстѣ упраздненныхъ монастырей не требуютъ объясненій въ настоящемъ случаѣ. Обращаясь къ толкованію возникновенія самаго термина «погость» въ различ-

ныхъ его значенійхъ, мы видимъ, что «погость» въ принятомъ у простонародья значеніи кладбища (получившемъ свое начало, безъ сомнѣнія, уже послѣ принятія восточными славянами христіанства) имѣеть, кажется, переносное значеніе отдыха въ вѣчной жизни по совершеніи земного странствованія. Во всякомъ случаѣ терминъ этотъ возникъ ранѣе принятія христіанства славянами. И до сихъ поръ слово «погость» употребляется въ народной рѣчи въ разныхъ значеніяхъ. Этимъ терминомъ объединяются между прочимъ слѣдующія понятія: а) извѣстнаго размѣра и разстоянія, дѣленіе населенныхъ мѣстностей, подчиненное мѣстному управленію, соотвѣтственно уѣзду, округу, волости, пятинѣ и т. п.; б) станція, постоянный дворъ, гостиница, перепутье, мѣсто отдыха, покоя, корма вообще; в) путина, разстояніе отъ извѣстнаго пункта до другаго, проходимое водою или сухимъ путемъ безостановочно, безъ отдыха, «не кормя»; г) пространство церковной ограды; д) кладбище—«мѣсто упокоенія»; е) церковь безъ селенія, при однихъ лишь домахъ мѣстнаго духовенства; ж) село, образовавшееся впослѣдствіи при обычной погостинской церкви (какъ, напримѣръ, въ Ростовскомъ уѣздѣ село Пречистенскій погость, с. Татищевъ-погость и др.); з) деревня, образовавшаяся изъ села, возникшаго при погостинскомъ храмѣ,—по закрытіи прихода и упраздненіи церкви (напримѣръ, деревни: Кривой погость, Михайловскій погость, въ Ростовскомъ уѣздѣ). Кстати мы приведемъ здѣсь любопытное объясненіе слова «погость», помѣщенное въ довольно рѣдкомъ московскомъ изданіи М. Н. М—к—р—в—а 1830-го года «Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву»: «Селеніе съ славянскимъ именемъ «погость», въ которомъ мы назначили свой раздыхъ,—говорить рассказчикъ,—по обыкновенію обратило на себя особенное вниманіе С—ва, онъ съ жаромъ толковалъ мнѣ, что всѣ погосты и погостища суть коренное достояніе славянское, что до христіанства славяне, отводивши особенныя мѣста для усопшихъ, ѣзжали туда совершать свою тризну по кости и тамъ плакали по костямъ умершихъ, что отъ того произошло по-кость, перемѣнившееся напослѣдокъ въ погость. «Батюшка» красавецъ! полно, такъ ли?—воскликнулъ купецъ:—у насъ по Рязани и особенно по Мещорѣ очень много погостовъ, но тамъ рѣчь о томъ другая. Старики говорятъ, что въ прежніе годы храмовъ Божіихъ было еще немного, и что будто бы на людяхъ ставить храмы святыя при грѣхахъ человѣческихъ считалось неприличнымъ, да и священству жить на міру соблазнительно, тогда народъ былъ еще дикарь-дикаремъ, и отъ того-то святыя храмы сооружали поодаль отъ жила, и туда жители христіане съѣзжались на богомолье погостить. У насъ по Мещорѣ, доложу опять вамъ, еще и теперь очень много такихъ погостовъ, гдѣ, кромѣ священства да ихъ причта, нѣтъ другихъ жителей, и туда ѣздятъ погостить всѣ дальніе жители—прихо-

жане церкви». Надобно также замѣтить, сказалъ я, что всѣ погосты располагались большею частію въ мѣстахъ лѣсныхъ, что ихъ приходы весьма велики, и что прихожане ѣздить туда точно погостить, ибо очень часто случается, что прихожанинъ живетъ отъ погоста верстъ за двадцать и далѣе. «Ваша правда,—сказалъ купецъ,— въ степныхъ мѣстахъ нѣтъ погостовъ, ихъ встрѣтишь по Рязанской, Владимірской, Московской и по другимъ, болѣе или менѣе лѣснымъ губерніямъ».—И это вещь не послѣдняя!—воскликнулъ О—въ:—у васъ по Рязани есть Славянскій лѣсъ; у васъ и не такъ далеко отъ того же Славянскаго лѣса есть болѣе или менѣе славянскихъ погостовъ; но какіе бы это славяне такъ долго оставались лѣсными славянами?»...

Названіе свое «Татищевъ» описываемый нами погостъ получилъ отъ фамиліи дворянъ Татищевыхъ, издавна адѣсь проживавшихъ. Изъ рода послѣднихъ Михаилъ Юрьевичъ Татищевъ въ XVII вѣкѣ былъ ростовскимъ воеводою.

Въ писцовой ростовской книгѣ 1685 г., за ростовскимъ воеводой за окольничимъ Михайломъ Юрьевичемъ Татищевымъ 1) село Погостъ, безъ четверти, въ немъ 20 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 68 человекъ, бобыльскихъ 13 дворовъ, людей въ нихъ 30 человекъ: 2) деревня Искрено на суходолѣ, въ ней 3 двора крестьянскихъ, людей—7 человекъ. За нимъ же пустошь безъ чети и безъ двухъ жеребьевъ.

За думнымъ дворяниномъ Иваномъ Михайловичемъ Татищевымъ въ вотчинѣ: четь села Погоста, въ ней 3 двора крестьянскихъ и людей—12 человекъ. Деревня Васильево 10 дворовъ крестьянскихъ, людей 36 человекъ.

Въ писцовой книгѣ 1629 года церковнымъ землямъ село Татищевъ-погостъ значилось за недорослемъ Михайломъ Юрьевичемъ Татищевымъ. Здѣсь было двѣ деревянныя церкви: св. Николая чудотворца да Сергія чудотворца, строенія вотчинниковъ. Эти церкви уже ветхія упоминаются и въ писцовыхъ книгахъ 1685 года.

Изъ всѣхъ владѣльцевъ этого села особенною извѣстностью и среди народа, и въ мѣстныхъ преданіяхъ пользуется имя Дмитрія Павловича Татищева, погребеннаго на кладбищѣ погоста.

Дмитрій Павловичъ Татищевъ ¹⁾, сынъ совѣтника правленія Владимірскаго намѣстничества Павла Сергѣевича и жены его Маріи Яковлевны, рожденной Арпиевской, внукъ капитанъ-командира Сергія Даниловича и жены его Прасковьи Иларіоновны, рожденной Воронцовой, родной сестры канцлера графа Михаила Иларіоновича Воронцова, родился онъ въ 1767 году. По бабкѣ своей онъ приходился внучатымъ племянникомъ вліятельнымъ въ то время

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Д. П. Татищевѣ любезно сообщены намъ потомкомъ его Сергѣемъ Спирidonовичемъ Татищевымъ.

братьямъ Воронцовымъ, графамъ Александру и Семену Романовичамъ, и сестрѣ ихъ, знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, родство съ которыми содѣйствовало его быстрой и блестящей карьерѣ.

Начавъ службу сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, Дмитрій Павловичъ на двадцатомъ году перешелъ на службу въ конную гвардію и въ турецкую войну 1789 — 1791 гг. посту-

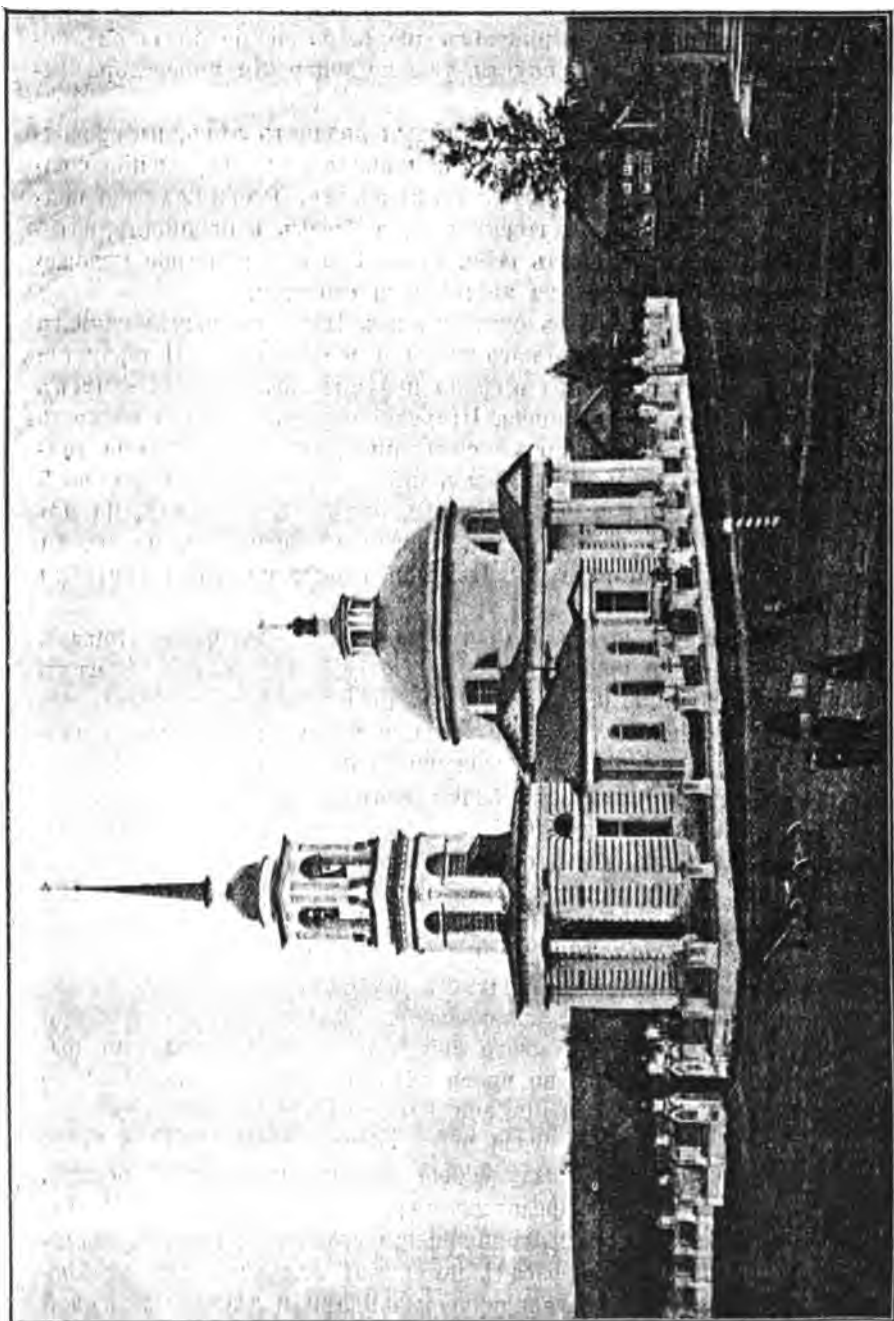
Дмитрій Павловичъ Татищевъ.

пилъ волонтеромъ въ дѣйствующую армію, которою начальствовалъ князь Потемкинъ. Во время мирныхъ переговоровъ, приведшихъ къ Ясскому миру, онъ состоялъ при первомъ нашемъ уполномоченномъ графѣ Безбородко и по заключеніи мира посланъ имъ въ Константинополь, гдѣ исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Оттуда молодой офицеръ осенью

1792 года отправился по собственному желанію въ главную квартиру союзной австро-прусской арміи, въ рядахъ которой совершилъ походъ во Францію, окончившійся отступленіемъ союзниковъ, встрѣтившихъ энергическій отпоръ. Два года спустя, мы видимъ его волонтеромъ же въ арміи Суворова, дѣйствовавшей въ Польшѣ. При взятіи Праги онъ начальствуетъ одною изъ штурмовыхъ колоннъ, за что и получаетъ георгіевскій крестъ 4-й степени.

Императрица Екатерина пожаловала ему званіе камеръ-юнкера, а императоръ Павелъ въ первые дни по воцареніи произвелъ его въ дѣйствительные камергеры. Тогда же Дмитрій Павловичъ перешелъ изъ военной въ дипломатическую службу и въ 1799 году назначенъ третьимъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ званіи онъ оставался нѣсколько лѣтъ, переходя послѣдовательно подъ главное начальство завѣдывавшихъ коллегіею графа Ѳ. В. Ростопчина, графа Н. П. Панина, графа В. П. Кочубея, наконецъ дяди своего, государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова, а по удаленіи послѣдняго въ 1804 году на покой служилъ посредникомъ между нимъ и замѣстившимъ его товарищемъ министра княземъ Чарторыйскимъ, вмѣстѣ съ которымъ подписать въ качествѣ второго русскаго уполномоченнаго союзный договоръ съ Австріею, положившій начало такъ называемой «третьей» коалиціи монархическихъ державъ старой Европы противъ наполеоновской Франціи.

Когда вспыхнула война, Татищева отправили посланникомъ въ Неаполь, откуда онъ по занятіи этого города и всего королевства французами въ 1806 году удалился съ неаполитанскимъ дворомъ въ Палермо. Тамъ засталъ его тильзитскій миръ, послѣдствіемъ коего былъ союзъ Россіи съ Франціей и разрывъ съ королемъ обѣихъ Сицилій, повлекшій за собою его отозваніе. Какъ ревностный сторонникъ политической системы, полагавшей задачу Россіи въ восстановленіи на западѣ алтарей и престоловъ, потрясенныхъ революціею, Дмитрій Павловичъ, не получивъ новаго дипломатическаго назначенія и проведя за границею два года, въ 1810 году вернулся въ Петербургъ и возведенъ въ званіе сенатора. Къ прежней своей дѣятельности онъ вернулся лишь въ 1812 году, по вторженіи Наполеона въ Россію. Договоромъ, подписаннымъ въ Великихъ Лукахъ въ іюлѣ этого года, восстановлены дипломатическія сношенія съ испанскими кортесами, и Татищевъ назначенъ представителемъ при нихъ русскаго правительства. Въ томъ же званіи остался онъ въ Мадридѣ по возвращеніи туда короля Фердинанда VII, при дворѣ котораго онъ скоро пріобрѣлъ преобладающее вліяніе. Въ 1821 году состоялось назначеніе его посланникомъ при нидерландскомъ дворѣ, но въ Гагу Татищевъ не поѣхалъ, а въ слѣдующемъ году отправленъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Вѣну, по греческимъ дѣламъ. Полное согласіе, установившееся по этимъ дѣламъ между рус-

Церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго въ селѣ Татищевѣ

скимъ и австрійскимъ правительствомъ при его посредствѣ, привело Дмитрія Павловича тогда же къ занятію поста постоянного представителя Россіи при австрійскомъ дворѣ, но званіе посла онъ получилъ лишь четыре года спустя, уже по воцареніи императора Николая I.

Должность эту онъ занималъ цѣлыя двадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ всю свою заботу направлялъ къ скрѣпленію союзомъ связи петербургскаго двора съ вѣнскимъ. Тѣсная дружба связывала его съ княземъ Меттернихомъ, а блескъ и пышность, которыми онъ любилъ окружать себя, приобрѣли ему почетное положеніе среди высшаго общества австрійской столицы.

Въ 1841 году, онъ былъ отозванъ изъ Вѣны съ пожалованіемъ оберъ-камергеромъ высочайшаго двора и переѣхалъ въ Петербургъ, но оставался здѣсь недолго и скоро получилъ безсрочный отпускъ съ правомъ жить за границею. Широкій образъ жизни и роскошь посольскаго представительства совершенно разстроили нѣкогда значительное его состояніе. Лишившись врѣнія въ послѣдніе годы своей жизни, онъ провелъ ихъ въ положеніи, близкомъ къ нуждѣ, на попеченіи преданнаго своего слуги, дворецкаго-француза, по имени Прево, въ домѣ котораго въ Вѣнѣ и скончался 16-го сентября 1845 года.

Д. П. Татищевъ имѣлъ всѣ русскіе ордена, до брилліантовыхъ знаковъ св. Андрея включительно. Онъ былъ кавалеромъ многихъ высшихъ иностранныхъ орденовъ, въ томъ числѣ австрійскаго св. Стефана и испанскаго Золотого Руна, и всегда гордился полученнымъ отъ великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна іерусалимскаго почетнымъ званіемъ балія этого ордена.

Отъ брака своего съ Юліею Александровною Безобразовою, рожденною Конопка, дѣтей онъ не имѣлъ.

Усердіемъ Д. П. Татищева былъ построенъ въ погостѣ сельскій одноглавый храмъ, во имя преподобнаго Сергія, вмѣсто ветхаго деревяннаго, по плану, высланному изъ Италіи. Эта церковь представляла собою круглую ротонду съ четырьмя портиками, колоннадой и отдѣльно стоящей колокольней. Въ виду того обстоятельства, что здѣсь не было теплаго придѣла и самый храмъ, по выраженію посѣтившаго его во время объѣзда епархіи ярославскаго преосвященнаго Евгенія, «напоминалъ греческій языческій храмъ», — эта церковь въ 1848 году была перестроена. Самый храмъ и колокольня были соединены между собою пристройкою теплой церкви, такъ что всѣ эти зданія представляютъ собою одно цѣлое ¹⁾. Вслѣдствіе этой перестройки, первоначальная архитектура храма значительно пострадала, и его фасадъ потерялъ значительныя измѣненія. Внутренность храма украшена колоннами и лѣпною гипсовой

¹⁾ См. рисунокъ.

работой—арабесками, гирляндами и т. п. Иконы частію живописныя, частію—греческаго письма.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ погостъ было переведено нѣсколько крестьянскихъ дворовъ изъ села Кременки Нижегородской губерніи (Ардатовскаго уѣзда) и изъ села Вичуги Костромской губерніи. Это переселеніе состоялось по волѣ С. П. Татищева, занимавшаго губернаторскій постъ въ Костромѣ. Всѣ эти крестьяне переселенцы были старообръы и притомъ разныхъ толковъ. Вѣроятно, было не мало причинъ, способствовавшихъ тому, что они увлекли въ расколъ не только старожиловъ погоста, но и большинство окрестныхъ крестьянъ. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь толковъ, перенесенныхъ изъ Вичуги, является такъ называемое «Аристово согласіе» (аристовщина). Послѣдователи этой секты утверждаютъ, что истинная христіанская церковь разрушена, какъ древній храмъ Соломона, и какъ израильтяне были отведены въ плѣнъ Вавилонскій, такъ нынѣ послѣдователи Аристовы находятся въ плѣну діавола; видимая же, какъ они называютъ, православная церковь есть царство Вавилонское, гдѣ господствуетъ антихристъ, уже припешій; онъ въ видѣ власти управляетъ всѣмъ царствомъ Русскимъ, употребляя всѣ гоненія противъ истинныхъ христіанъ, которые остались только въ послѣдователяхъ Аристова: они теперь соблюдаютъ особою благодатію Божіею, какъ были сохранены три отрока въ раскаленной печи Вавилонской. Аристовцы не дозволяютъ даже своимъ безпоповщинскимъ единомышленникамъ молиться на свои иконы, ибо всякое поклоненіе имъ, кромѣ Аристова послѣдователя, возданное, по ихъ мнѣнію, есть порицаніе святыни, даже ея поруганіе; почему они, если застанутъ въ своихъ домахъ, не только православныхъ, но даже кого либо изъ едосѣвцевъ, филипповцевъ или поморянъ, молящихся ихъ иконамъ, то, воспретивъ это, обмываютъ иконы чистою водою и обтираютъ новыми полотенцами. Лакомъ иконы не покрываютъ, не мажутъ масломъ, какъ то дѣлаютъ прочіе послѣдователи безпоповщинскаго согласія, ибо все это они считаютъ порицаніемъ святыни, равно какъ и не молятся образамъ, въ домахъ не ихъ секты находящимся. Всякое сообщеніе даже въ лицѣ съ другими послѣдователями безпоповщинскаго толка они строго воспрещаютъ, а въ случаяхъ преступленія подвергаютъ виновныхъ очищенію и покаянію. Послѣдователи Аристова ученія сильнѣе, чѣмъ Кондратьевскаго согласія, порицаютъ православную церковь, равно и таинство св. Евхаристіи, называя его куринымъ кормомъ. Браки они отвергаютъ, говоря, что церковь христіанская разрушена и находится въ плѣну у діавола, почему они существовать не могутъ, ибо и израильтяне въ плѣну вавилонскомъ не отправляли жертвоприношеній; тѣхъ изъ безпоповщинской секты, которые, овдовѣвъ, поступаютъ въ ихъ согласіе, подвергаютъ семилѣтнему покаянію, руководясь правиломъ патріарха Филарета, по-

становившаго: «русскихъ, возвращавшихся къ православнымъ церквамъ изъ Польши, причащавшихся опрѣсноками въ костелахъ, подчинять семилѣтнему посту». Аристово согласіе основалось въ С.-Петербургѣ въ царствованіе государя императора Александра I-го. Основателемъ его былъ купецъ Аристовъ, долго не имѣвшій послѣдователей, чему причиною было дурное поведеніе его дѣтей, нарушавшее довѣріе къ его ученію, но дерзость Аристова превозмогла эти затрудненія, и зараза новаго раскола разлилась съ успѣхомъ ¹⁾. Основатель этой секты, Василій Козьминъ Аристовъ, какъ видно изъ «Историческаго словаря старовѣрческой церкви», собраннаго Павломъ Любопытнымъ и напечатаннаго въ «Чтеніяхъ» Общества Исторіи и Древностей ²⁾, — «петербургскій купецъ, родился 1763 года, умеръ 1819 года, отщепенецъ еоодосіанской церкви, тонкій буквалистъ и основатель новой церкви подъ именемъ своей фамиліи Аристова; человекъ былъ порабощенный глубокимъ суевѣріемъ и непокорностію духа просвѣщеннымъ мужамъ. Онъ имѣлъ строгую жизнь и преобширный умъ, не разъ обращавшій на себя взоры изумленія еоодосіанъ, толпы буквалистовъ и черни. Человекъ былъ самонаправленный, надѣявшійся самъ на себя и уклоненный отъ обстоятельствъ сужденія, презритель ближнихъ и евангельскаго мира, тщетный святоша. Впрочемъ, онъ былъ благочестивъ, твердаго духа и честнаго сердца, украшенный нищелюбіемъ и скромностію. Онъ, горя любовію къ благочестію, былъ ревностный любитель священныхъ предметовъ древностей и рѣдкій тщатель оныхъ собранія, словомъ, былъ хранилище рѣдкостей вѣры. Онъ былъ роста средняго, остовъ имѣлъ мало наклоненный, лицо бѣлое, постное и мало продолговатое, брану окладистую, долгую и русую, украшенную сѣдинами; взоръ у него былъ пріятный и скромный, смѣянный съ благоговѣніемъ и важностію. Скончался честно, въ Петербургѣ, въ своей церкви, 1819 года, января 19, отъ рожденія своего 56 лѣтъ».

Крестьяне Татищева-погоста занимаются на мѣстѣ сельскимъ хозяйствомъ, а на сторонѣ въ столицахъ промышляютъ по трактирной части, огородничествомъ и лавочной торговлей. Рѣзкая особенность погоста — огромное катанье по селу въ мясное предѣ масленицей заговѣнье. Молодой народъ, въ нарядныхъ саняхъ съ щегольской упряжью, разряженный, съѣзжается сюда верстъ за 20. Татищевъ погостъ находится въ 1½ верстъ отъ р. Устья; черезъ самое село протекаетъ мелководная, зимой вымерзающая, а лѣтомъ пересыхающая, рѣчка, съ каменистымъ дномъ. Покося по берегамъ Устья въ окрестностяхъ погоста принадлежитъ послѣднему съ одновотчинными деревнями. При погостѣ и въ его окрестностяхъ нѣтъ

¹⁾ Сущность ученія аристовцовъ излагается адѣсь по сборнику Липранди — рукоп. моего собр. № 2290, л. 178.

²⁾ «Чтенія», 1863 г., I, стр. 119—178.

замѣчательныхъ урочищъ и урочныхъ гульбищъ, прежде народъ собирался на гулянье по весеннимъ и лѣтнимъ праздникамъ къ такъ называемой Высоцкой фабрикѣ, когда тамъ жили сами гг. Высоцкіе; но, съ переселеніемъ ихъ на житье въ Ярославль, тамошнія гульбища прекратились. Теперь татищевцы гуляютъ весной и лѣтомъ, по воскресеньямъ, у Исадской мельницы, на лугу, между ею и шоссейною дорогою, въ Троицынъ день—у Огарева холма, а въ Петровское заговѣнье, которое здѣсь называютъ «Петровошное», за селомъ Приимковымъ, при деревнѣ Головицѣ и у Акакіевой пустыни. Въ этой послѣдней увеселительное народное гульбище въ Петровошное заговѣнье господствуетъ вокругъ пустыни на большое пространство въ окружности. Пустынь эта была монастыремъ, который упраздненъ, кажется, въ XVIII вѣкѣ. Чудотворная икона Казанской Божіей Матери была перенесена отсюда въ Бѣлогостицкій монастырь, отстоящій въ 7 верстахъ отъ г. Ростова; при пустынской церкви живетъ нынѣ только одно мѣстное духовенство. Отъ бывшаго монастыря остались только слѣды сада, пруда и аллеи. Между монастыремъ и сосѣднимъ съ нимъ селомъ Воскресенскимъ протекаетъ рѣчка Сотьма. Изъ числа мѣстныхъ вѣрованій особенно сильно распространено въ Татищевомъ погостѣ убѣжденіе, что въ мясное, предъ масленицею, заговѣнье будетъ свѣтопреставленіе, и потому день этотъ у бабъ пользуется особеннымъ почетомъ, который строго воспрещаетъ имъ братья тогда за иглу для шитья и даже для починки заплатъ, въ противномъ случаѣ — уколешь иглой палецъ, привяжется ноготѣда и скоро ее не залѣчишь. Вѣроятно, приуроченіе кончины міра къ мясному масляничному заговѣнью произошло отъ того, что въ церкви въ этотъ день читается евангеліе о страшномъ судѣ. Любоньтенъ также способъ лѣченія лихорадки, практикующійся въ погостѣ, рассказанный намъ одной крестьянкою. Пекутъ 12 пирожковъ или пряженцовъ, начиненныхъ разнообразными лакомыми начинками, и пирожки эти въ сумерки или ночью кладутъ за селеніемъ на перекресткѣ. Это—жертва или даръ 12-ти сестрамъ, завѣдывающимъ лихорадкой, которыя наносятъ ее и имѣютъ власть снять съ больного. Вынесенныхъ на перекрестокъ пирожковъ, по народному вѣрованію, ни птица не клюетъ, ни домашнее животное не ѣстъ, ни звѣрь не уноситъ. То же было и съ опытомъ лѣкарки-разсказчицы: пирожки остались на перекресткѣ до утра и были замѣчены сотнею лицъ, проходившихъ тутъ, которые говорили послѣ, что пирожковъ этихъ они видѣли тамъ до двухсотъ. Вѣрованіе объясняетъ при этомъ, что если такіе пирожки къ утру исчезнуть съ мѣста жертвоприношенія, то это значить, что жертва принята сестрами, и лихорадка будетъ снята съ больного. Сестры эти, какъ указано выше, принимаютъ жертву внѣ селенія на перекресткѣ, а допускаютъ къ себѣ жертвователя ночью, въ темнотѣ. Играющій здѣсь не послѣднюю роль перекрестокъ на-

поминаетъ господствовавшій въ нѣкоторыхъ селеніяхъ обычай ставить на перекресткахъ за селеніями столбы и увѣшивать ихъ, въ знакъ религіознаго чествованія, полотнами, платками и лоскутками; также—обычай вѣдушихъ въ вѣнцу дѣвицъ бросать съ себя на перекресткѣ булавку; далѣе,—описанный ярославскимъ архіепископомъ Ниломъ обычай сибирскихъ шаманистовъ хоронить покойниковъ близъ проѣзжихъ дорогъ, гдѣ проходящіе на поминъ ихъ души кладутъ на могилѣ какую нибудь вещь въ качествѣ жертвы, затѣмъ — господствовавшій у славянъ-язычниковъ обычай: урны съ пепломъ сожженныхъ покойниковъ выставлать на шестѣ или на столбѣ на перекресткахъ за селеніями; наконецъ,—обычай молиться на перекресткѣ на всѣ четыре стороны. Не въ связи ли всѣ эти вѣрованія съ таинственнымъ значеніемъ перекрестка? Вотъ, еще другой испытанный народный рецептъ противъ той же болѣзни: берутъ десять лоскутковъ бумаги, надписываютъ на нихъ, по усмотрѣнію и выбору больного лихорадкою, имена церквей городскихъ или сельскихъ, опускаютъ эти записки въ шапку, картузъ или какой нибудь сосудъ, и закрывши перетряхиваютъ, какъ жеребья въ урнѣ, потомъ больной вынимаетъ оттуда наудачу билетикъ, который попадется подъ руку, и какой церкви имя окажется на вынудомъ номеркѣ, въ ту церковь онъ долженъ принести какой либо даръ: пожертвованіе, деньги на свѣчу или самую свѣчу — и лихорадка пройдетъ. Этотъ способъ лѣченія въ погостѣ носитъ наименованіе «десяти церквей».

До 1882 года село Татищевъ-погостъ представляло собою богатую барскую усадьбу прошлаго столѣтія. Обширный господскій домъ въ два этажа (нижній—каменный, а верхній—деревянный, изъ крупнаго дубоваго лѣса), отштукатуренный въ то время, какъ строилась церковь (около 1808 г.), съ рамами въ переплѣтахъ мелкаго зеленоватаго стекла, высокой тесовой крышей,—представлялъ собою полную чашу. Домъ этотъ стоялъ противъ зданія, въ которомъ въ настоящее время помѣщается земское училище. Мебель была старинная, домашней «крѣпостной» работы, только въ одной комнатѣ, называвшейся барскимъ кабинетомъ, меблировка была краснаго дерева съ мѣдными украшеніями (владѣлецъ села Д. П. Татищевъ прислалъ эту мебель изъ Петербурга). Въ залѣ, довольно длинной, но узкой, въ простѣнкахъ между окнами висѣли узенькія зеркала въ полированныхъ деревянныхъ рамахъ съ фольговыми украшеніями. Ихъ было пять, а на противоположной стѣнѣ, у которой стоялъ диванъ и круглый столъ, висѣло множество фамильныхъ портретовъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ были очень древніе, на нихъ были изображены предки Татищевыхъ въ боярскихъ костюмахъ. Многіе изъ этихъ портретовъ сильно пострадали отъ времени, такъ что краски мѣстами потрескались и обвалились. Особеннымъ уваженіемъ въ роду пользовался портретъ предка Игна-

тія Петровича. Въ слѣдующей комнатѣ по стѣнамъ висѣли картины кисти иностранныхъ художниковъ и стояли два шкафа съ серебромъ и рѣдкими вещами. Люстры и канделябры были стеклянные. Въ спальнѣ барыни помѣщалась огромная старинная кровать, съ пологомъ, спускавшимся съ мѣднаго кольца, подъ которымъ былъ повѣшенъ серебряный голубокъ, держащій голубенькій цвѣточекъ въ клювъ и письмо въ лапкѣ; тутъ же стояли три старинныхъ комода. Около господскаго дома помѣщались деревянныя и каменные «службы» и прочія хозяйственныя и жилыя постройки; дворъ былъ обнесенъ заборомъ съ большими каменными воротами противъ церкви. Въ этой усадьбѣ жила тогда владѣлица села, Марія Яковлевна Татищева съ дочерью Елизаветой Павловной. Сынъ ея Дмитрій Павловичъ пріѣзжалъ въ усадьбу изъ-за границы всего одинъ разъ въ двадцатыхъ годахъ и пробылъ здѣсь около трехъ дней. Какъ мы уже сказали выше, въ погостъ были переселены крестьяне изъ Нижегородской и Костромской губерній. Одинъ изъ нихъ въ тоскѣ по родинѣ рѣшился поджечь усадьбу въ 1832 году и выполнилъ свое намѣреніе. Отъ этого поджога сгорѣла не только усадьба, но и почти все село; пострадала отъ огня и церковь. Владѣлица усадьбы переехала тогда въ свое имѣніе—село Вичугу Костромской губерніи, къ сыну Сергѣю Павловичу, а Елизавета Павловна переехала въ Ростовъ. Вскорѣ послѣ этого, Д. П. Татищевъ прислалъ изъ Вѣны распоряженіе, чтобы усадьбу отстроить вновь, а домъ весь сдѣлать каменный, употребляя на расходы оброкъ, платимый крестьянами. По его же распоряженію были устроены два кирпичныхъ завода и приступлено къ усиленной выдѣлкѣ кирпича. Но исполненіе этихъ распоряженій затянулось надолго. Оброки, должно быть, поступали медленно; кирпичъ хотя и выдѣлывали, но постройку дома все откладывали. Когда же наконецъ начали накладывать второй этажъ барскаго дома и приступили къ перестройкѣ уцѣлѣвшихъ каменныхъ службъ,—владѣлецъ села Дмитрій Павловичъ Татищевъ умеръ (въ сентябрѣ 1845 г.). О его смерти въ погостѣ узнали только зимой, а въ январѣ 1846 году было получено новое извѣстіе, что гробъ съ тѣломъ покойнаго будетъ привезенъ въ родовую усадьбу. По рассказамъ старика-крестьянина Татищева-погоста, Павла Николаевича Тюнина, которому въ то время было 18 лѣтъ, и который хорошо все помнитъ,—дѣло происходило такъ. Тѣло Дмитрія Павловича провезли изъ-за границы сначала въ Новгородъ, а затѣмъ въ Петербургъ и уже оттуда на 32-й день доставили въ Ростовъ. Это было въ мартѣ на пятой недѣлѣ великаго поста, около Благовѣщенія. Гробъ сопровождали чиновникъ и лакей покойнаго крѣпостной Иванъ Савельевъ. Сельскій бурмистръ Леонтіи Ивановъ Лувиновъ съ нѣсколькими крестьянами встрѣтили гробъ около села Песочни Ростовскаго уѣзда (въ 4-хъ верстахъ отъ города по Московскому шоссе); а у московской заставы встрѣтилъ и ростовскій полицеймейстеръ Берсенева, въ па-

радной формѣ. Онъ провожалъ процессію чрезъ весь городъ до ярославской заставы. Здѣсь процессія, свернувъ съ шоссеиной дороги, двинулась на д. Псады. На 12-й верстѣ вслѣдствіе распутицы лошади завязали. До погоста оставалось около 10 верстъ. Послали верхового за крестьянами, а такъ какъ уже была ночь, то крестьяне пришли съ фонарями и, отложивъ лошадей, до самаго погоста везли гробъ на себѣ. Прибывши на мѣсто, они поставили гробъ у церкви.

Сначала бурмистръ распорядился похоронить останки Дмитрія Павловича, какъ строителя храма въ церкви, на правой сторонѣ, но сопровождавшій тѣло чиновникъ отсовѣтовалъ, говоря, что надъ прахомъ усопшаго будетъ поставленъ памятникъ, котораго въ церкви никто не увидитъ. Тогда вырыли могилу на кладбищѣ, противъ алтаря. Изъ приготовленнаго для отстройки дома кирпича былъ сдѣланъ склепъ; гробъ вынули изъ ящика. Онъ былъ металлическій и, кромѣ него, въ ящикѣ находился еще желѣзный сосудъ, въ формѣ герметически-закупореннаго и запечатаннаго ведра, въ которомъ были помѣщены внутренности покойнаго, такъ какъ тѣло его было подвергнуто за границей вскрытію (бальзамированію). Денегъ на погребеніе на-лицо не оказалось, и бурмистръ собралъ ихъ съ крестьянъ въ счетъ оброка. Погребеніе совершалось торжественно; усопшаго отпѣвали въ церкви архимандритъ ростовскаго Спасо-яковлевскаго монастыря Поликарпъ, протоіерей ростовскаго успенскаго собора Андрей Тихвинскій и 12 священниковъ. Поминальный обѣдъ состоялся въ избѣ бурмистра Леонтія Лузинова. Сумма, затраченная на погребеніе, была возвращена бурмистру наследницей покойнаго, которая простила крестьянамъ два оброка, приказавъ поверстать изъ причитающихся денегъ всѣ расходы по погребенію. Это распоряженіе вышло отъ уполномоченнаго наследницы и управляющаго имѣніемъ Сергія Ивановича Пласкина, который жилъ въ Царскомъ Селѣ.

Послѣдняя владѣтельница села Татищевъ-погостъ, Марія Сергѣевна Эйхлеръ, приходилась племянницею Д. П. Татищеву. Покойный, какъ сказано выше, былъ женатъ за границей на Юліи Александровнѣ Безобразовой. Она въ погостѣ никогда не бывала. Старожилы-татищевцы рассказываютъ, что будто бы она однажды предприняла съ мужемъ путешествіе въ родовую усадьбу. Но на дорогѣ, при пореpraвѣ чрезъ какую-то большую рѣку, она утонула; на берегу этой рѣки въ память погибшей былъ поставленъ памятникъ съ обозначеніемъ событія и фамиліи Татищевыхъ.

Послѣ смерти Дмитрія Павловича, постройка новаго барскаго дома остановилась совершенно. При перестройкѣ храма въ 1848 г., на эту работу пошелъ не только весь заготовленный кирпичъ, но и уцѣлѣвшіе остатки стараго господскаго дома, а также — всѣхъ каменныхъ построекъ. Могилы прежнихъ владѣльцевъ Татищева-погоста — бояръ Игнатія Петровича, Михаила Юрьевича и всѣхъ

другихъ, погребенныхъ въ родовой вотчинѣ, находятся, по рассказамъ старожиловъ, подъ сводами этого храма, а могильныя плиты уничтожены. Эти могильныя плиты изъ бѣлаго камня, съ высѣченными на нихъ вязью надписями XVII вѣка, еще встѣчались кое-гдѣ въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Тогда же въ погостѣ еще сохранялись липовый паркъ, часть сада и кое-какіе остатки построекъ. Вся остальная занадѣльная земля Татищевыхъ была куплена крестьянами.

Сестра Дмитрія Павловича, Елизавета Павловна, была женщина болѣзненная и религіозная. Изъ всѣхъ святыхъ она особенно чтитъ святителя Дмитрія Ростовскаго. Переселившись послѣ пожара въ Ростовъ, она выстроила въ Петровскомъ переулкѣ, вблизи Яковлевскаго монастыря (гдѣ почиваютъ мощи названнаго святителя) деревянный домъ, уцѣлѣвшій и до настоящаго времени. Живя въ Ростовѣ, Елизавета Павловна пользовалась, повидимому, большою популярностью, такъ какъ переулокъ, гдѣ она жила, и теперь часто называется «Татищевскимъ». Она умерла въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и погребена въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ передъ алтаремъ монастырскаго храма. На мраморномъ памятникѣ, имѣющемъ форму гроба, сбоку высѣчена слѣдующая надпись: «Подъ сямъ камнемъ погребено тѣло дочери надворнаго совѣтника дѣвицы Елизаветы Павловны Татищевой, скончавшейся 1854 года 11-го февраля на 76 году отъ рожденія. Господи, прими духъ ея съ миромъ». Въмѣстѣ съ покойной жила въ качествѣ компаньонки дочь неважнаго ярославскаго чиновника, Анна Алексѣевна Кондратьева, вышедшая еще при жизни Елизаветы Павловны замужъ за ростовскаго уѣзднаго лѣкаря Деидеріева. Ей послѣ смерти Елизаветы Павловны достался домъ и все имущество. Домъ этотъ г-жа Деидеріева, будучи уже вдовой, продала въ 1865 года гг. Златоустовскимъ, которые проживаютъ въ немъ и до настоящаго времени. Говорятъ, что послѣ Елизаветы Павловны осталось не мало семейныхъ бумагъ, документовъ, писемъ, и будто бы всѣ они поступили къ г-жѣ Деидеріевой, а послѣ смерти послѣдней—ея дочери, вышедшей въ шестидесятыхъ годахъ за полковника первой гренадерской артиллерійской бригады Богданова. Живъ ли г. Богдановъ—не знаю, но его жена, какъ мнѣ пришлось слышать, еще жива, и, конечно, отъ нея можно узнать о судьбѣ этихъ семейныхъ документовъ.

Надъ могилой Дмитрія Павловича Татищева—оверъ-камергера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера орденовъ св. Андрея и Золотого Руна—нѣтъ не только памятника или простой рѣшетки, но и слѣдовъ самой могилы почти незамѣтно. Нѣсколько кирпичей валяются противъ алтаря—«ихъ моютъ дожди, покрываетъ ихъ пыль»... Это-то и есть самая могила. Если не принять никакихъ мѣръ, дѣтъ чрезъ 10 и эти послѣдніе признаки забытой могилы исчезнуть съ лица земли.

Андрей Титовъ.

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ И ЕЯ ПРЕДАНИЯ.

«И кто напоитъ одного изъ малыхъ
сихъ только чашей холодной воды, но
потеряетъ награды своей».

Маттеей, гл. X, стихъ 42.

В ПРОДОЛЖЕНІЕ лѣта настоящаго года министерствомъ замедѣлія и государственныхъ имуществъ былъ подвергнутъ спеціальному обсужденію вопросъ объ орошеніи Голодной степи, составляющей восточную часть такъ называемаго Туркестанскаго междурѣчья, образуемаго теченіемъ рѣкъ Сыра и Аму-Дарьи. Совѣщанія учрежденной по этому поводу комиссіи не имѣли, однако, рѣшительныхъ результатовъ за недостаткомъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній и данныхъ, главнымъ образомъ, геологическихъ и геоботаническихъ, для собранія которыхъ на мѣстѣ министерство распорядилось командировать въ Туркестанскій край особаго чиновника по отдѣлу земельныхъ улучшеній, г. Меликъ-Саркисова.

Орошеніе огромной средне-азиатской пустыни, извѣстной подъ именемъ Голодной степи, составляетъ грандіозную задачу, выполненіе которой на дѣлѣ будетъ имѣть обширные экономическіе результаты не только въ частности для Туркестанскаго края, но и для всей Россіи, подаривъ ее десятками милліоновъ десятинъ превосходной по качеству земли (лѣсъ) и открывъ новыя обширныя площади для ея переселенческаго движенія. Мы считаемъ не безынтереснымъ привести въ настоящемъ очеркѣ дошедшіе до насъ объ этихъ мѣстахъ историческіе факты, легенды и преданія.

У Беговатскихъ пороговъ Сыръ-Дарьи, тамъ гдѣ рѣка прорѣзываетъ скалистый кряжъ Моголь-Тау и, какъ бы заграждаемая природной плотиной, приобретаетъ очень сильное паденіе (до аршина на версту), на лѣвомъ, бывшемъ бухарскомъ, берегу ея возвышается величественный утесъ Ширинъ-Фархатъ.

Возвышенностью этой замыкается та часть обработанной и обильной водами долины верхней Сыръ-Дарьи, которая еще въ древности славилась своимъ плодородіемъ и населенностью подъ именемъ Счастливой Ферганы.

Далѣе, на западъ отъ нея, между цвѣтущими оазисами Самарканда и Ташкента, на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ верстъ, тянется къ Мурза-Рабату пустынная желтозеленая равнина, такъ называемая Голодная степь. Степь эта, сливаясь на западѣ съ безконечными песками Кызыль-кумъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними образуетъ то огромное междурѣчье Сыра и Аму-Дарьи, которое считалось нѣкогда житницей Средней Азіи, въ настоящее же время является бесплоднымъ, почти недоступнымъ для человѣка.

Дикой, мертво-пустынной представляется Голодная степь взгляду путешественника въ продолженіе большей части года. Повсюду, куда на ея огромномъ протяженіи можетъ достигнуть глазъ, виднѣется лишь выжженная солнцемъ пепельно бурая почва, покрытая саксауломъ и дикой степной колючкой. Ни одного живого деревца, ни одной травки не видно здѣсь, и лишь разбросанные кое-гдѣ степные колодцы (рабаты), да двѣ-три лишенные растительности почтовые станціи между Джизакомъ и Чиназомъ, являются единственными признаками жизни на этой печальной, какъ бы испеченной огромнымъ пожаромъ почвѣ.

Весной, съ наступленіемъ періода дождей, Голодная степь оживаетъ и на короткое время одѣвается роскошной растительностью. Густой зеленый коверъ, усыпанный мириадами цвѣтовъ самыхъ прихотливыхъ очертаній и красокъ, покрываетъ тогда ея, еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ, голую, выжженную солнцемъ, почву. Огромныя стаи птицъ слетаются сюда со всѣхъ сторонъ средней Азіи, чтобы въ густыхъ заросляхъ и тайникахъ степной растительности вить свои гнѣзда и выводить дѣтенышей, а съ сосѣднихъ предгорій спускаются стада дикихъ козъ, мараловъ и другихъ животныхъ, привлекаемыхъ тучными пастбищами. Нерѣдко въ это время изъ прибрежныхъ зарослей и камышей сосѣдней Дарьи дѣлаютъ свои кровавые набѣги на Голодную степь и грозный царь пустыни — туркестанскій тигръ.

Вслѣдъ за царствомъ животныхъ спѣшнѣе въ Голодную степь и человѣкъ. Кочевые киргизы и узбеки стекаются сюда со своими стадами, занимая временныя стойбища у колодцевъ и въ низинахъ обширной равнины, образующихъ естественныя водохранилища. За ними появляются въ степи всевозможные промышленники, охот-

ники, купцы, ведущіе мѣновую торговлю съ кочевниками, и разный другой людъ. Мертвая и почти недоступная Голодная степь дѣлается въ этотъ краткій періодъ времени привольной и гостеприимной. Легко и привольно живетъ человѣку и животному въ ея безконечномъ просторѣ, легко дышится ея напоеннымъ ароматами воздухомъ, освѣжаемымъ нерѣдко перепадающими дождями.

Но вотъ, въ первой половинѣ апрѣля мѣсяца, дожди выпадаютъ все рѣже и рѣже; одновременно съ этимъ замѣтно увеличиваются жары, почвенной и атмосферной влаги становится меньше, и растительность начинаетъ умирать. Къ концу апрѣля Голодная степь представляетъ уже довольно жалкій видъ, а черезъ мѣсяцъ еще она буквально обращается въ пустыню. Ея колодцы и заводы пересыхаютъ, растительность сгораетъ подъ палящими лучами солнца, а раскаленный воздухъ становится невыносимо удушливымъ. Все живое спѣшитъ покинуть тогда умирающую степь и тамъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ кипѣла жизнь, гдѣ все какъ бы справляло праздникъ природы, водворяется мертвая тишина. Тарантулы, змѣи и скорпионы являются единственными обитателями этого царства солнечнаго зноя, гдѣ все дико и пусто, и гдѣ лишь сухой, горячій степной вѣтеръ гуляетъ на просторѣ, поднимая клубы ѣдкой, удушливой пыли.

Но не такой была Голодная степь въ ея историческомъ прошломъ. Въ преданіяхъ народа эта мѣстность является однимъ изъ наиболѣе культурныхъ и плодородныхъ оазисовъ средней Азіи съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Остатки разбросанныхъ въ ней тамъ и сямъ сооружений весьма древняго происхожденія, и рядъ научныхъ изысканій и археологическихъ находокъ подтверждаютъ эти преданія, являясь несомнѣнными признаками того, что обширное междурѣчье Сыра и Аму представляло собой наиболѣе культурную полосу Турана еще задолго до Рождества Христова. Существуетъ, между прочимъ, предположеніе, что извѣстное сказаніе пророка Іезекіиля въ XXXI главѣ его книги о кедрѣ необыкновенной красоты и силы, разросшемся отъ множества водъ, паденіемъ котораго былъ омраченъ и потрясенъ весь міръ, написанное имъ въ назиданіе египтянамъ, подразумеваетъ тогдашній Туркестанъ и его древнюю коммуникаціонную систему, разрушенную персами, при первомъ завоеваніи ими Турана ¹⁾.

По свидѣтельству Геродота, въ концѣ VI вѣка до Р. Х., эта мѣстность, входившая въ составъ 14 и 16 сатрапій Персидской

¹⁾ Пророкъ Іезекіиль, послѣ разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, въ 587 г. до Р. Х., въ числѣ другихъ іудеевъ, былъ выселенъ въ Халдею, лежавшую на востокъ нынѣшняго Ирана, въ близкомъ сосѣдствѣ Туркестана. Книга пророка Іезекіиля заключаетъ въ себѣ обширный историческій матеріалъ, доказывающій, что онъ основательно зналъ современную ему исторію. См. Чайковскій, «Туркестанъ и его рѣка по Библии и Геродоту», 1884 г., стр. 9, 10, 13—17.

монархія, была настолько богата, что платила Дарію Гистаспу ежегодно 900 талантовъ серебра, то-есть на 200 талантовъ болѣе Египта. Около половины IV вѣка до Р. Х. здѣсь было основано великолѣпное греко-бектрійское царство, просуществовавшее до 125 года, когда оно было разрушено скинами или саками. Въ эпоху великаго переселенія народовъ эта страна, раздѣляя общую участь Турана, не имѣла ни постоянныхъ границъ, ни прочнаго государственнаго устройства и испытывала переходное состояніе, объясняемое ея географическимъ положеніемъ въ началѣ того огромнаго пути, по которому совершалось движеніе варваровъ съ востока на западъ. Первые разрушительные удары дикихъ варварскихъ ордъ падали на нее; здѣсь они совершали свой первый раздыхъ и уходили далѣе, оставляя по себѣ неизгладимый слѣдъ.

При всемъ томъ эпоха владычества арабовъ (672—874 по Р. Х.) застала эти страны еще въ цвѣтущемъ состояніи. Три магистральные арыка изъ Дарьи и одинъ изъ Аму, вливавшіе свои воды у Кокче въ Хареземское озеро арабскихъ географовъ ¹⁾, впоследствии высохшее, отдѣляли отъ себя цѣлую стѣю малыхъ и большихъ арыковъ, щедро снабжавшихъ водой всю площадь теперешнихъ Кызылъ-кумовъ и Голодную степь. Восточный и, какъ можно думать, самый большой арыкъ былъ проведенъ отъ Беговатскихъ пороговъ Сыръ-Дарьи по направленію къ городу Нурату и далѣе къ Каракуму, снабжая водой всю Голодную степь и сѣверо-западную часть теперешняго Бухарскаго ханства. Арыкъ этотъ, носившій въ древности названіе Кызылъ-Дарьи, замѣненное впоследствии, при реставраціи его Тимуромъ (1402—1405 г.), названіемъ Шааръ, или Бухара-арыкомъ, служилъ магистралію, по которой производились оросительныя работы въ Голодной степи въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ (1885—1897 г.г.). Въ лѣтописяхъ Туркестанскаго края существуютъ многочисленныя указанія на то, что до начала XIII столѣтія какъ этотъ, такъ и другіе арыки, орошавшіе Голодную степь, были хорошо канализованы и представлялись вполне доступными не только малому, но и большому судоходству.

Въ эти патріархальныя времена все обширное междурѣчье Сыра и Аму представляло собой густо заселенный сплошной оазисъ, покрытый цвѣтущими городами и селеніями, и роскошною растительностію. Страна была настолько богата, что стотысячныя арміи могли свободно проходить по ней безъ обзоровъ, находя повсюду на пути хорошо содержимыя дороги, удобныя квартиры, воду и обильное продовольствіе. Здѣсь же пролегалъ съ востока на западъ одинъ изъ тѣхъ великихъ торговыхъ путей, посредствомъ которыхъ про-

¹⁾ Теперешняя Хива составляетъ часть древняго Ховарезма. Принято писать «Ховарезмъ», выговаривается же «Харезмъ». Названіе это до сихъ поръ изображается на хивинскихъ червонцахъ.

изводились торговыя сношенія Европы съ богатѣйшими странами восточной Азіи—Китаемъ и Индіей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ цвѣтущимъ состояніемъ оазисъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, обилію проведенной въ немъ воды. Съ проведеніемъ воды производительность создавалась, такъ сказать, сама собой, и человѣку не стоило особаго труда поднять ее на этой плодородной почвѣ до наивысшей для того времени точки культурнаго развитія. Каждая капля пропущенной сюда воды несла за собой жизнь, богатство, изобиліе. Обитатель средней Азіи отлично понималъ это и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ эксплуатировалъ воды Сыра и Аму въ пользу своихъ экономическихъ интересовъ. Существуетъ вѣроятное предположеніе, что въ періоды полевыхъ работъ воды этихъ обѣихъ рѣкъ цѣликомъ расходовались въ Голодной степи и Кызылъ-кумахъ, и что въ это время ни одной капли изъ нихъ не попадало ни въ Каспій, ни въ Араль.

Наиболѣе жизненную артерію въ общей коммуникаціонной системѣ Сыра и Аму составлялъ Бухара-арыкъ, проведенный, какъ мы указали это выше, отъ Беговатскихъ пороговъ Дарьи по направленію къ Кара-куму. Объ основаніи этого арыка среди мусульманъ Ходжентскаго округа сложилась слѣдующая интересная легенда, которую, въ 1875 году, сообщилъ императорскому русскому географическому обществу полковникъ Кушакевичъ, въ запискѣ своей о Ходжентскомъ уѣздѣ.

Нѣкогда, на высокомъ берегу Дарьи, въ роскошномъ дворцѣ, жила красавица царевна, по прозванію Ширинъ-кызъ, что значитъ «сладкая дѣвица». Между многими искателями ея руки, особенно нравились ей два жениха: могучій Фархатъ и красавецъ Хозрой. Не зная, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, она рѣшила предложить имъ трудную задачу.—«Тому изъ васъ,—сказала Ширинъ-кызъ,—суждено мной владѣть, кто ороситъ всю Голодную степь водами Великой Дарьи».

Фархатъ, отважный сынъ степей, долго не думая, взялся за желѣзный китень и приступилъ къ работамъ. Могучими ударами по скаламъ откалывалъ онъ большія каменные глыбы и запрягалъ ими Дарью. Онъ хотѣлъ поднять воду рѣки и заставить ее хлынуть на обширную равнину. Работа спорилась въ сильныхъ рукахъ степного богатыря, но что было дѣлать слабому, изнѣженному питомцу города, Хозрою. Мрачный вернулся онъ домой, разсуждая, какъ поступить, и ничего не приходило ему въ голову.

— Я дамъ тебѣ хорошій совѣтъ,—сказала Хозрою старушка-колдунья.—Купи побольше плетенки изъ свѣтлаго камыша, а темной ночью разстели ихъ ровной полосой по степи, которая видна изъ башни царевны. Завтра увидишь, что будетъ».

Рано утромъ, до зари, оба соперника были уже на работахъ. Фархатъ оканчивалъ свою плотину, а Хозрой разстидалъ плетенки.

Какъ только первые лучи скользнули по гладкой поверхности земли и позолотили вершины снѣговыхъ горъ, царевна вышла изъ дворца купаться на Дарью. Каково же было ея удивленіе, когда съ высоты утеса она увидала, что внизу вся степь какъ будто покрыта водою, въ которой блеститъ нисходящее снѣжило. То солнце сверкало по камышовому коври Ховроя.

Не вѣря своимъ глазамъ, царевна воскликнула: — «Кто это сдѣлалъ, кто провелъ эту воду?» — «Я», — отвѣчалъ лукавый Ховрой. Тогда царевна позвала его во дворецъ и приказала начать свадебный пиръ.

Тѣмъ временемъ злая колдунья съ такими словами обратилась къ неутомимому Фархату: — «Зачѣмъ напрасно тратишь ты здѣсь свой трудъ? Красавица невѣста тебя обманула. Она уже теперь въ объятіяхъ счастливца Ховроя». Съ досады и горя Фархатъ подбросилъ свой китмень высоко въ воздухъ, наклонился подъ нимъ, и острое, тяжелое желѣзо, падая, отскло ему голову.

Во время праздничнаго пира, среди ликующихъ гостей, Ширинъ-кызъ вспомнила о Фархатѣ, и захотѣлось ей еще разъ взглянуть въ ту сторону, гдѣ онъ работалъ и куда она часто ходила смотрѣть его удивительные труды. Было уже за полдень, и солнце высоко стояло надъ землей, когда царевна приблизилась къ Дарѣ. Прежде спокойная и тихая рѣка теперь бѣшено рвалась, шумя и пенясь, черезъ обломки скалъ, преграждавшихъ ея теченіе. Тутъ же, на обрывганныхъ кровью камняхъ, у бушующаго потока, лежалъ обезглавленный трупъ богатыря. Вдали ясно виднѣлись разостланные по степи плетенки и наглый обманъ былъ обнаруженъ во всей своей наготѣ. Солнечные лучи, падая отвѣсно, не блестѣли уже на жесткомъ, сухомъ камышѣ.

Прекрасная Ширинъ-кызъ вдругъ поняла, что она жестоко и смѣшно обманута коварнымъ Ховроемъ. Жаль стало ей смѣлаго, честнаго, трудолюбиваго Фархата. Въ порывѣ отчаянія, она схватила отрубленную голову, поцѣловала ее въ холодныя уста и, поразивъ себя кинжаломъ, упала мертвая на трупъ Фархата.

Съ тѣхъ поръ протекли вѣка. На высокомъ холмѣ, гдѣ погибла Ширинъ-кызъ, насыпанъ могильный курганъ и, кромѣ того, никакой памяти не осталось ни о ней, ни о Ховроѣ. Но память о Фархатѣ дошла и до нашего времени. Пороги Дарьи (Шальдракъ), между Ходжентомъ и Беговатомъ, остались въ преданіи народа памятниками его работъ.

Кому именно суждено было ближайшимъ образомъ воспользоваться мыслью Ширинъ-кызъ и трудами Фархата, остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Извѣстно только, какъ мы упомянули это выше, что древній арыкъ-Бухара существовалъ еще во времена владычества арабовъ, то-есть въ VII—IX столѣтіи.

Въ 1220 году, арыкомъ этимъ воспользовался для своего спасе-

нія гарнизонъ Ходжента, во время осады этого города арміей Чингисъ-хана. Вамбери, въ своей «Исторіи Бухары», говоритъ, что во время этой осады мѣстный губернаторъ, видя невозможность защищаться далѣе, посадилъ гарнизонъ города на суда и уплылъ съ нимъ къ Ховарезму по западному рукаву Дарьи.

Извѣстно, какое гибельное вліяніе имѣло на всю Среднюю Азію нашествіе монголовъ и эпоха ихъ владычества здѣсь, продолжавшаяся почти полтора столѣтія (1226—1363 г.). «Они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли»,—такъ характерно описываетъ монгольскій погромъ одинъ изъ очевидцевъ этого событія, успѣвшій спастись бѣгствомъ въ Хорасанъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Шестисотъ-тысячная армія Чингисъ-хана, сокрушительной лавиной промчавшаяся по всему огромному Турану, на обратномъ пути изъ Европы частію осѣла здѣсь на постоянную осѣдность, чтобы довершить начатое ею дѣло уничтоженія тысячелѣтней культуры и обращенія въ мертвыя пустыни цѣлыхъ громаднхъ провинцій, которыя и по сіе время остаются непризванными къ жизни.

Въ особенности пострадало отъ монгольскаго погрома описываемое нами средне-азиатское междурѣчье. Оно быстро обезлюдѣло, а покрывавшая его сѣть водопроводовъ, никѣмъ не поддерживаемая, вскорѣ пришла въ упадокъ, переставъ пропускать сквозь себя живительныя воды Сыра и Аму, которыя съ тѣхъ поръ, безъ всякой пользы для человѣчества, потекли къ пустыннымъ берегамъ Арала.

Съ исчезновеніемъ человѣка и воды исчала и растительность, умѣрявшая знойный климатъ Турана и парализовавшая дѣйствіе летучихъ песковъ, уже тогда непрерывно надвигавшихся на него съ сѣверо-запада въ юго-восточномъ направленіи. Природа усердно помогала монголамъ въ дѣлѣ разрушенія культурной жизни по берегамъ Сыра и Аму, и въ какіе нибудь полтора ста лѣтъ огромный, богатѣйшій оазисъ, считавшійся житницей Средней Азіи, обратился въ голодную пустыню, почти сплошь засыпанную пескомъ, похоронившимъ подъ своей наносной почвой многовѣковые труды таджика по пути культурнаго усовершенствованія.

Результаты этихъ событій ощущаются въ Средней Азіи и по сіе время, ибо движеніе песковъ изъ Кызыль-кумовъ по направленію къ культурнымъ площадямъ Туркестана непрерывно. Обитателю мѣстностей, прилегающихъ къ Кызыль-Кумамъ, приходится вести отчаянную борьбу съ надвигающейся на него пустыней. Пограничныя съ Кызыль-кумами поля заносятся пескомъ не только постепенно, но иногда вдругъ, во время бурановъ, песокъ, на нѣсколько вершковъ разомъ, покрываетъ воздѣланное и орошенное поле. Примѣромъ губительнаго вліянія сосѣдства пустыни можетъ служить бухарскій тумень Варданзи, еще недавно густо населенный, значительная часть котораго, уже на глазахъ живущаго по-

колѣнія, засыпана пескомъ. Такая же участь, по мнѣнію туземцевъ, грозитъ и столицѣ Бухарскаго ханства, если вскорѣ не будутъ приняты мѣры къ проведенію новыхъ источниковъ для орошенія прилегающихъ къ ней мѣстностей и насажденія растительности; это и только можетъ удержать пески отъ дальнѣйшаго движенія.

Эпоха появленія въ Средней Азіи колоссальной личности Тимура (1369—1405 года) застаётъ Голодную степь уже совершенно пустынной. Извѣстно, что онъ самъ и его талантливое потомство сдѣлали все возможное, чтобы воскресить погибшую подъ монгольскими саблями культуру Туркестана.

У жителей Беговата до сихъ поръ сохранилось преданіе, что сынъ одного изъ древнихъ царей востока (падша-заде) воспользовался заброшеннымъ русломъ древняго арыка Кызыль-Дарьи, чтобы по дну его провести воду отъ Беговатскихъ пороговъ къ Бухарѣ и Хивѣ. По словамъ туземцевъ стариковъ, воды въ арыкѣ было такъ много, что она, во время половодья, доходила до крѣпостныхъ воротъ столицы Бухары.

Объясненіе этого преданія имѣется на поляхъ древней арабской рукописи, заключающей въ себѣ родословную бухарскихъ эмировъ, которая написана въ 979 году гиджирѣ и составляетъ собственность ташкентскаго имама Хашина-хаджи. Вотъ что значитъ въ этой рукописи.

Однажды Тамерланъ осматривалъ Голодную степь, и приходилось ему пить горькосоленую воду изъ колодцевъ. Щедро одаривъ своего сына Мирза-Шахъ-Руха и воздавъ ему почести, онъ собралъ къ нему лучшихъ людей и велѣлъ имъ провести большой арыкъ изъ Сыръ-Дарьи въ Голодную степь.

Когда арыкъ былъ выкопанъ до города Нурата, Тимуръ приказалъ вести воду далѣе въ пустыню къ Ховарезму и далъ царскій указъ (могарабнамѣ), чтобы къ возвращенію его обратно изъ Китая въ Туранъ дѣло было окончено.

Шахрухъ немедленно приступилъ къ работамъ. Изъ всѣхъ городовъ люди были собраны силой поголовно, осѣдлые и кочевые, отъ семи лѣтъ до семидесяти, отъ Сыра до Аму-Дарьи. Съ трудомъ и жаждой они копали, но провели воду въ пустыню, и явились тамъ пашни, сады и цвѣтники.

Около половины XV столѣтія, знаменитый внукъ Тимура, Улугъ-Бегъ ¹⁾ провелъ изъ Сыръ-Дарьи черезъ Голодную степь воду для орошенія юго-западной части тогдашняго Бухарскаго ханства. Полковникъ Ивановъ въ своей статьѣ «Древній арыкъ въ Голодной

¹⁾ Улугъ-Бегъ, эмиръ бухарскій, царствовалъ съ 1409—1449 годъ. Составитель знаменитыхъ астрономическихъ таблицъ, лингвистъ и математикъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

степи», въ 1873 году, указываетъ направление этого канала, который, начинаясь въ срединной части Дарьи, шелъ съ слабымъ отклоненіемъ къ югу, перерѣзывалъ теперешнюю большую почтовую дорогу между колодцами Малекъ и Мурза-Рабатъ, постепенно приближался къ горамъ Кара-Тау и, оставляя влѣво отъ себя городъ Нуратъ, огибалъ горы, поворачивалъ къ юго-востоку и, мимо города Вардави, доходилъ до Каракуля.

Среди туземцевъ стариковъ существуетъ преданіе, что воды Заравшана расходовались въ эту эпоху цѣликомъ между городомъ Самаркандомъ и Бухарой, и что мѣстностямъ къ югу отъ этой последней разрѣшалось брать воды Золотоносной рѣки ¹⁾ только тогда, когда въ нихъ былъ избытокъ.

Вообще можно съ увѣренностью сказать, что въ періодъ времени съ XV столѣтія до конца XVI Голодная степь опять закипѣла былой жизнью, и производительность возродилась въ ней подобно тому, какъ она существовала до нашествія монголовъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ и нашъ русскій научный источникъ того времени «Книга Большому чертежу», 1627 года, на 75-й страницѣ которой помѣщается слѣдующее указаніе: «А къ Бухарѣ городу и во всю землю Бухарскую, изъ Сыра-рѣки проведены воды по пашнямъ, потому что тамъ безводно» ²⁾.

Дальнѣйшій ходъ историческихъ событій сдѣлалъ изъ Голодной степи то, чѣмъ она теперь представляется. Съ возникновеніемъ Коканскаго ханства степь эта обратилась въ спорную территорию между Бухарой съ одной стороны и Ташкентомъ и Коканомъ съ другой. Постоянныя войны и ссоры между этими государствами опять обратили ее въ пустыню.

Л. Н. Соболевъ, въ замѣткѣ своей о постепенномъ движеніи песковъ къ Бухарѣ, въ 1873 г., приводитъ записанное имъ со словъ бухарцевъ преданіе, что главный магистральный арыкъ «Бухара», начинавшійся у Беговата, былъ уничтоженъ по приказанію бухарскаго эмира Абдуллахъ-хана (1557—1597 г.). «Киргизы, кочевавшіе къ сѣверу отъ Бухары, — рассказываетъ это преданіе, — постоянно тревожили ханство своими набѣгами. Выведенный изъ терпѣнія Абдуллахъ-ханъ рѣшилъ ихъ наказать. Собралъ большое войско,

¹⁾ Заравшанъ, въ буквальный смыслъ слова, значитъ Золотораздатель, Золотоносный.

²⁾ А. Макшоевъ, «Географическія свѣдѣнія Книжки Вольшого Чертежа о киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ», Спб., 1879 г., стр. 88.

Необходимо замѣтить, что покойный Макшоевъ, желая исправить это мѣсто «Книжки Вольшого Чертежа», самъ впадалъ въ видимую ошибку. Рѣка Заравшанъ орошала только мѣстности, лежація къ югу отъ Самарканда; что же касается сѣверной и сѣверо-западной части тогдашняго Бухарскаго ханства, то какъ это видно изъ приведенныхъ нами свѣдѣній и данныхъ, — эти части ханства получали воду изъ Сыръ-Дарьи.

онъ отправился къ Сыръ-Дарьѣ и завалилъ на протяженіи полуверсты начало арыка»¹⁾.

Съ водвореніемъ въ Туркестанскомъ краѣ русской власти и русскаго могущества Средняя Азія перестала быть театромъ тѣхъ безконечныхъ смутъ, кровопролитій и междоусобій, которыя непрерывно раздирали ее въ продолженіе послѣднихъ пяти сотъ лѣтъ ея самостоятельнаго политическаго существованія. Всему этому разъ навсегда былъ положенъ конецъ, и ея одичавшіе народы обращены на путь мирнаго преуспѣянія въ области торговли, земледѣлія и промышленности.

Уже вскорѣ послѣ занятія Ташкента отрядомъ М. Г. Черняева (15-го ноября 1865 года) и образованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства (15-го іюня 1867 года), въ научной туркестанской литературѣ начали появляться весьма вѣскія указанія на необходимость обводненія и заселенія огромныхъ заброшенныхъ пространствъ земли, бывшихъ нѣкогда плодородными оазисами, но ко времени занятія края русскими обращенныхъ въ безлюдныя пустыни²⁾. Въ числѣ такого рода мѣстностей преимущественное вниманіе обращала на себя Голодная степь, превосходная почва которой и ея географическое положеніе въ самомъ сердцѣ Средней Азіи заставляли въ особенности желать образованія изъ нея культурной площади, достойной, въ рукахъ нашихъ колонистовъ, сдѣлаться царствомъ хлопка и шелка. Все это побудило мѣстную туркестанскую адми-

¹⁾ Воспроизводи здѣсь это народное преданіе, мы считаемъ необходимымъ оговориться, что оно требуетъ подтвержденія, такъ какъ намъ кажется не вполне вѣроятнымъ, чтобы мужественный и талантливый Абдуллахъ-ханъ, справедливо прозванный за огромныя заслуги, оказанныя имъ странѣ въ области торговли, промышленности и земледѣлія, благодѣтелемъ своего народа, рѣшился употребить такой варварскій способъ для защиты своихъ владѣній отъ вторженія кочевниковъ.

²⁾ «Извѣстно,—писалъ въ 1872 году по этому поводу секретарю императорскаго русскаго географическаго общества одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ изслѣдователей Средней Азіи, Л. Н. Соболевъ,—какую роль играть въ Туркестанскомъ краѣ искусственно проведенная вода. Гдѣ нѣтъ возможности провести ее, тамъ полное запустѣніе: лѣтомъ нѣтъ растительности, а челоѣкъ съ своими стадами кочуетъ только весной и осенью, да и то не вездѣ. Видъ такой пустыни не привлекателенъ и если уровень ея такъ возвышенъ, что не допускаетъ возможности обводненія, то и будущее ея не блестяще».

Другой, столь же авторитетный знатокъ Туркестана, П. А. Сѣрцовъ, въ результатъ своихъ изслѣдованій и наблюденій различныхъ мѣстностей Средней Азіи, пришелъ къ категорическому убѣжденію, что истинная экономическая будущность нашихъ средно-азіатскихъ владѣній заключается не столько въ развитіи судоходства и желѣзныхъ дорогъ, сколько въ развитіи орошенія и производительности.

Того же мнѣнія были и остаются всѣ наиболѣе выдающіеся изслѣдователи и знатоки Туркестана: Н. В. Ханыковъ, Торонтовъ, Ивановъ, М. Г. Черняевъ и многіе другіе.

нистрацію и центральное правительство обратить особое вниманіе на развитіе ирригаціоннаго дѣла въ Средней Азіи.

Въ 1872 году, высочайшей властью былъ утвержденъ первый проектъ водопроводнаго канала для орошенія Голодной степи. Почти полтора года спустя, въ 1874 году, были произведены начальныя работы по осуществленію этого предпріятія. Затѣмъ онѣ возобновились въ 1875—1878 годахъ, но безуспѣшно, и въ 1883 году были совершенно оставлены.

Это была первая попытка, предпринятая Россіей въ Средней Азіи по орошенію земель въ широкихъ размѣрахъ, попытка неудачная, самымъ нагляднымъ образомъ доказавшая, что ирригаціонное дѣло для насъ совершенно новое, весьма мало знакомое и еще не усвоенное. (Опытъ этотъ обошелся казнѣ въ 700.000 рублей).

Въ 1884 году, идея орошенія Голодной степи опять вышла изъ области архивнаго вопроса на почву практическаго осуществленія, приобрѣтя себѣ горячаго сторонника въ лицѣ одной высокопоставленной особы, трудамъ которой Туркестанскій край уже обязанъ обращеніемъ въ цвѣтушіе оазисы многихъ тысячъ десятинъ пустынныхъ, заброшенныхъ земель, посредствомъ проведенія на нихъ арыковъ (Искандеръ, Ханымъ, Урумбай и проч.). Въ 1890 году, императоромъ Александромъ III была пожалована единовременная субсидія въ 100.000 рублей на продолженіе этихъ работъ, которыя за послѣднія двѣнадцать лѣтъ подвигались хотя медленно, но успѣшно.

Идея возрожденія къ бывшей культурной жизни огромной средне-азіатской пустыни составляетъ одну изъ выдающихся экономическихъ идей нашего времени. Осуществленіе ея на дѣлѣ, какъ мы указали это выше, будетъ имѣть обширные экономическіе результаты не только въ частности для Туркестанскаго края, но и для всей Россіи, подаривъ ее десятками миллионовъ десятинъ превосходной по качеству земли (лесъ) и открывъ новыя площади для ея переселенческаго движенія.

Въ настоящее время эта идея перестаетъ быть дѣломъ частной инициативы и становится на почву обще-государственнаго предпріятія. Пожелаемъ же, чтобы предпринятое при этихъ новыхъ условіяхъ грандіозное дѣло, достойное служить величественнымъ памятникомъ владычества Россіи въ Средней Азіи, безостановочно и съ неизмѣннымъ успѣхомъ подвигалось по пути своего пракческаго осуществленія.

П. П. Шубинскій.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСѢВНА ЖУКОВСКАЯ.

(1821 р.—1856 †).

(Изъ воспоминаній протоіерея Базарова)¹⁾.

В СЕНТЯБРѢ 1852 года, я провелъ нѣсколько дней во Франкфуртѣ на Майнѣ, приготовляя вдову покойнаго В. А. Жуковскаго ко вступленію въ нѣдра православной церкви. Здѣсь только въ первый разъ узналъ я, какую теплую душу послалъ Богъ въ спутницы послѣднихъ годовъ жизни доброму Василию Андреевичу. Съ нею только онъ и могъ быть такъ счастливъ, какъ онъ того былъ достоинъ. Смѣло можно сказать, что трудно было бы избрать для Жуковскаго, какъ истиннаго поэта по душѣ и по сердцу, другую супругу, которая такъ согласовалась бы въ своихъ чувствахъ съ его душою, какъ это было на самомъ дѣлѣ въ его бракѣ съ дѣвицею Рейтернъ. И дѣйствительно, нужно было, чтобы Самъ Богъ устроилъ этотъ союзъ, который принесъ столько добра для нихъ обохъ. Вотъ что мнѣ рассказывала объ этой связи душъ ихъ сама Е. А. Жуковская, и что мною тогда же было записано въ моей памятной книжкѣ:

«Я полюбила Жуковскаго, когда мнѣ было только 12 лѣтъ отъ роду. Это было на Женевскомъ озерѣ, гдѣ Жуковскій проводилъ лѣто для поправленія своего здоровья. Мысль, что я только съ нимъ

¹⁾ Небольшой отрывокъ изъ этой статьи былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г. (стр. 2023); здѣсь она помѣщается въ полномъ видѣ по подлинной рукописи о. Базарова, сообщенной намъ его сыномъ.

могла быть счастлива, поселилась во мнѣ съ первой минуты, какъ я его узнала. Мысль эта была ребяческая, и даже теперь я стыжусь, когда подумаю, что я въ 12-тъ лѣтъ могла имѣть подобную мысль! Но это было какое-то непреодолимое предчувствіе, что-то невольное, чего себѣ объяснить не умѣешь, тѣмъ болѣе, что самъ Жуковский не подавалъ никакого повода къ тому. Онъ ласкалъ меня, какъ ребенка, и больше ничего. Но вотъ онъ уѣхалъ отъ насъ въ Россію. Я осталась и чувствовала, что осталась одна безъ него. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и шесть лѣтъ не могли изгладить изъ души моей этой странной мысли. Я сама сознавала нелѣпость моего чувства. Я старалась увѣрить себя, что это наконецъ смѣшно, потому что совсѣмъ невозможно... Мой разумъ былъ совершенно согласенъ съ этимъ; но сердце говорило другое, — даже и не сердце, — но, опять повторю, что-то такое непостижимое для меня самой, какъ будто какое-то предназначеніе свыше, которое разъ, но ясно, сказало мнѣ: ты должна быть его! Шесть лѣтъ я боролась всѣми силами души противъ этой мысли, которая часто представлялась мнѣ какимъ-то искупленіемъ. Не разъ, сидя одна, я сидѣлась повторять вслухъ самой себѣ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!» Но вмѣстѣ съ звукомъ словъ моихъ разлеталась и увѣренность въ невозможности надеждъ моихъ.

«Наконецъ, въ 1840 году, Жуковский снова пріѣхалъ за границу съ государемъ цесаревичемъ. Одинъ слухъ объ этомъ и о томъ, что онъ будетъ у насъ, потрясъ меня до глубины души. Я ожидала отъ этого пріѣзда рѣшенія судьбы моей. Наконецъ, онъ былъ и у насъ! Мнѣ было тогда 18-тъ лѣтъ, но онъ попрежнему ласкалъ меня, какъ дитя: онъ мнѣ дарилъ конфеты. Между тѣмъ въ это посѣщеніе онъ разъ сказалъ отцу моему: «Знаешь, что я думаю? Мнѣ кажется, что я былъ бы счастливъ, если бы дочь твоя стала моей женою!» Эти слова такъ удивили отца моего, что онъ принялъ это почти за неумѣстную шутку и потому сухо отвѣтилъ: «какая странность такъ думать о ребенкѣ!» На эти слова Жуковский замолчалъ. Я объ этомъ ничего не знала. Съ тѣмъ мы и опять разстались. Теперь только я почувствовала, что борьба моя съ собой кончилась. Я была побѣждена моею неотступною мыслию! Одно чувство наполнило теперь все мое существо, — это то, что душа моя принадлежитъ ему навѣки, хотя бы то оставалось ему неизвѣстнымъ. Во мнѣ поселилось убѣжденіе, что мнѣ суждено или жить съ нимъ или умереть. Я видѣла въ этомъ задачу моей жизни, мое назначеніе на землѣ, безъ осуществленія котораго мнѣ не оставалось ничего болѣе на этомъ свѣтѣ. Внутренняя борьба моя не могла болѣе скрываться и отъ вниманія моихъ родителей, и я должна была сознаться въ моихъ чувствахъ передъ моею матерью. Ея добрые совѣты и убѣжденія немного помогли моему горю. Ей удалось только убѣдить меня въ невозможности исполненія моихъ мечтаній. Съ

тѣхъ поръ во мнѣ поселилась надежда на соединеніе моей души съ его душою въ вѣчности. Часто, глядя на небо, говорила я самой себѣ: моя душа живетъ уже съ нимъ тамъ.

«Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Жуковскій снова посѣтилъ насъ. Его приняли и на этотъ разъ, какъ стараго друга нашего семейства. Разъ вечеромъ, какъ это часто случалось, попросилъ онъ меня принести ему перо и чернилъ. Это было въ сумер-

Елизавета Алексѣевна Жуковская.

кахъ, и я увѣрена, что только вечерній полумракъ позволилъ ему произнести при этомъ никогда мною неожиданное отъ него слово: хочу ли я быть его женою? — Но тутъ же, какъ бы испугавшись самъ, онъ прибавилъ: «однако не отвѣчай мнѣ тотчасъ ни да, ни нѣтъ; потому что это такой важный шагъ въ жизни, что объ этомъ надо сперва крѣпко подумать». Каково же было его удивленіе, когда я тутъ же отвѣчала, что мнѣ нечего больше думать, потому

что эта дума росла со мной шесть лѣтъ сряду и созрѣла до того, что во мнѣ давно уже на этотъ счетъ живетъ одно только да! Здѣсь онъ позвалъ отца моего, и тотъ возложилъ на насъ обоихъ свою единственную руку¹⁾. Мы были помолвлены!.. Вслѣдъ за тѣмъ Жуковский уѣхалъ въ Петербургъ и цѣлую зиму пробылъ тамъ. Здѣсь началась наша переписка съ нимъ, и что это были за письма!.. Въ нихъ излилась вся душа его вполне, какъ она есть»...

Елизавета Алексѣевна родилась въ 1821 г., 19-го іюня. Родители ея, отставной полковникъ Гергардъ Рейтернъ и жена его Шарлота, рожденная Шверцель, давно жили въ Дерптѣ, гдѣ Жуковский такъ часто бывалъ и такъ много мечталъ о несбывшемся для него счастьи еще задолго до рожденія своей будущей супруги. Здѣсь онъ сошелся съ семействомъ Рейтернъ, въ которомъ онъ нашелъ отголосокъ своей поэтической души, слушая пѣніе хозяйки, исполнявшей для него нѣмецкіе стансы Вейрауха, и бесѣдуя съ хозяиномъ о произведеніяхъ искусства. Всегда вѣрный своимъ чувствамъ, Жуковский оставался вѣрнымъ и этой дружбѣ съ семействомъ Рейтернъ, даже во время своихъ занятій воспитаніемъ наследника престола, въ которое онъ положилъ всю свою душу. Поэтому, встрѣчаясь случайно съ Рейтернами за границею, какъ въ 1826 году въ Эмсѣ, или въ 1833 году на Женевскомъ озерѣ, онъ всегда чувствовалъ себя въ этой семьѣ роднымъ, почти своимъ. Г. Зейдлицъ въ своей біографіи Жуковскаго (*Ein russisches Dichterleben*) такъ между прочимъ описываетъ пребываніе его въ семьѣ Рейтерна на Женевскомъ озерѣ: «Тамъ, въ семействѣ своего друга Рейтерна, онъ предавался совершенно наслажденію природою и тихою жизнію въ обществѣ своихъ хозяевъ». «Оъ 5 часовъ утра,—писалъ Жуковский,—до 4-хъ послѣ обѣда я сижу въ моей комнатѣ или прогуливаюсь одинъ на воздухѣ. Потомъ мы собираемся къ обѣду и весь вечеръ проводимъ вмѣстѣ». — «Елизавета, продолжаетъ Зейдлицъ, которой въ то время было лѣтъ 11—12, смотрѣла на любезнаго добраго старичка, какъ на члена своей семьи, котораго родители ея такъ уважали и вмѣстѣ баловали, какъ больного. Она прислушивалась къ серьезнымъ разговорамъ старшихъ, она слышала, какое участіе принималъ отецъ ея въ поэтическихъ произведеніяхъ Жуковскаго, какъ самъ Жуковский судилъ объ искусствѣ и картинахъ отца ея. Воспоминаніе обо всемъ этомъ молодая дѣвочка увезла съ собою въ Дюссельдорфъ, гдѣ ими Вернейскаго друга дома такъ часто проносилось съ любовью, такъ какъ съ отъѣздомъ его не прекращался обмѣнъ мыслей и художественныхъ изліяній въ письмахъ.

¹⁾ Рейтернъ потерялъ правую руку въ сраженіи при Лейпцигѣ и былъ вслѣдствіе этого уволенъ отъ службы въ чинѣ полковника. Оставившись ому лѣною рукою онъ началъ рисовать масляными красками и оказалъ большой талантъ въ живописи, такъ что впослѣдствіи, по ходатайству Жуковскаго, картины Рейтерна покупались государемъ для Эрмитажа.

Какъ было маленькой Елизаветѣ не вспоминать съ любовію о своемъ старомъ другѣ съ Женеваго озера, какъ не привязаться къ нему сердечно, особенно когда ей приходилось сравнивать тѣ прожитыя въ солнечномъ свѣтѣ дни въ Вернѣ съ мрачными днями въ Дюссельдорфѣ!»

Мое личное знакомство съ Е. А. Жуковскою началось только въ 1845 году при крещеніи сына ея Павла во Франкфуртѣ. Но это первое знакомство было то, что называется шапочное, состоявшее въ томъ, что при частыхъ посѣщеніяхъ моихъ Василя Андреевича я встрѣчался съ нею, раскланивался, послѣ чего она обыкновенно оставляла насъ, не желая мѣшать намъ разговаривать порусски. Въ первые годы до самой революціи 1848 года, заставившей Жуковскихъ оставить Франкфуртъ, никогда не было и рѣчи о намѣреніи супруги Жуковского перейти въ православіе. Только послѣ революціи, когда семейство Жуковскихъ поселилось въ Баденъ-Баденъ, самъ Василій Андреевичъ сталъ заговаривать со мною объ этомъ, но съ такою осторожностію, какъ будто онъ боялся возбудить во мнѣ ревность пропаганды. «Дѣло это, говаривалъ онъ, такое святое, что тутъ никто не долженъ вмѣшиваться, кромѣ Бога».

Биографъ Жуковского, докторъ Зейдлицъ, приписываетъ это настроеніе супруги Василя Андреевича вліянію семейства Радовицъ, перешедшаго изъ протестантства въ католичество. Судя по дружескимъ отношеніямъ этого семейства къ Жуковскимъ, можетъ быть, и нельзя совсѣмъ отвергать этого вліянія; но не то было главною причиною расположенія Е. А. Жуковской къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Наклонность къ этому лежала гораздо глубже въ душѣ ея. Она тѣсно связывалась съ тѣмъ сердечнымъ сочувствіемъ ко внутреннему міру любимаго человѣка, которымъ была проникнута ея душа, когда она еще была молодой дѣвушкой, къ знаменитому уже и тогда поэту. Если уже и тогда, по ея собственнымъ словамъ, она мечтала быть соединенною съ нимъ въ небѣ, то послѣ того, какъ эта мечта сдѣлалась дѣйствительностію, всѣ симпатіи души ея были всецѣло сосредоточены на немъ одномъ. Его мысль, его чувство, его религіозныя вѣрованія стали для нея святынею, предъ которою она благоговѣла и которую она стремилась усвоить и себѣ. Впрочемъ, это было пока внутреннимъ сочувствіемъ, которое находило себѣ удовлетвореніе въ полномъ согласіи идеальныхъ стремленій. Но вотъ являются на свѣтъ дѣти и съ ними необходимое проявленіе этихъ чувствъ въ осязаемыхъ подробностяхъ жизни. Василій Андреевичъ былъ не только глубокой христіанинъ, но и христіанинъ православный, уважавшій всѣ постановленія церкви. Не разъ, живя еще во Франкфуртѣ, онъ былъ озабоченъ тѣмъ, что въ этомъ городѣ не было православной церкви, и что поэтому онъ не могъ такъ часто, какъ ему хотѣлось, причащать дѣтей своихъ святыхъ таинъ. Для этого нужно было ѣхать въ Висбаденъ, отстоящій на полтора часа

ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Франкфурта. И вотъ, напримѣръ, 6-го (18-го) августа 1845 года ¹⁾ онъ пишетъ мнѣ изъ Швальбаха: «Обращаюсь къ вашему высокопреподобію съ покорною просьбою. Я былъ въ Швальбахѣ, теперь возвращаюсь во Франкфуртъ, оттуда въ будущую пятницу, 10-го (22-го) августа, поѣду опять въ Швальбахъ и поѣду черезъ Висбаденъ. Я желаю бы привести дѣтей, чтобы ихъ причастить святыхъ таинъ. Прошу васъ покорнѣйше благоволить приготовить въ этотъ день отслужить обѣдню. Если дѣти будутъ здоровы и жена тоже, то я привезу ихъ. Если же нѣтъ, то хотя самъ отслужу обѣдню. Мы будемъ въ Висбаденѣ къ 11 часамъ, отправившись изъ Франкфурта по желѣзной дорогѣ. Благоволите написать ко мнѣ во Франкфуртъ отвѣтъ на это письмо. Еще прошу, если можно, чтобы мы были одни у обѣдни». Эти заботы о причащеніи дѣтей продолжались и послѣ, пока не настало наконецъ церковное совершеннолѣтіе дѣтей, и имъ нужно было готовиться къ исповѣди. Это было уже въ Баденъ-Баденѣ.

При такихъ случаяхъ не одна Жуковская, но каждая мать, не принадлежащая по вѣроисповѣданію къ той же церкви съ своимъ мужемъ и дѣтьми, должна почувствовать свое отчужденіе отъ своихъ самыхъ близкихъ сердцу и притомъ въ такомъ священномъ актѣ христіанства, какъ причащеніе святыхъ таинъ, и какъ бы ни было глубоко убѣжденіе въ правотѣ своихъ вѣроисповѣдныхъ воззрѣній, ни одна инославная мать не можетъ оставаться равнодушною въ торжественную минуту приближенія ея православныхъ дѣтей, ея православнаго мужа къ Чашѣ Господней, отъ участія въ которой она остается удаленной только потому, что по своему рожденію и воспитанію она должна принадлежать къ группѣ христіанъ, ей менѣе близкихъ по сердцу или вовсе чужихъ по сочувствію. Вотъ это-то и было главною причиною, почему Е. А. Жуковская стала склоняться къ единенію въ одномъ вѣроисповѣданіи съ своимъ семействомъ. «Какъ грустно и больно сердцу бывало, говорила она мнѣ, присутствовать при приобщеніи моихъ дѣтей и не смѣть раздѣлить съ ними этой священной радости! Правда, у меня были родители, съ которыми я приступала къ трапезѣ Господней въ ихъ церкви, но тѣмъ сильнѣе чувствовала я, что ихъ церковь не церковь моей семьи, въ которой сосредоточивались теперь всѣ мои симпатіи!»

Послѣ этого ей, казалось, стоило сдѣлать только шагъ, чтобы переступить порогъ православной церкви и успокоить свою волнующуюся душу въ полномъ союзѣ вѣры съ ея дорогимъ семействомъ. Но, воспитанная вдали отъ Россіи, внѣ той сферы православной жизни, среди которой протестанты такъ скоро и удобно

¹⁾ Въ это время младшему изъ дѣтей еще не было году, а старшей могло быть около 3-хъ лѣтъ.

сживаются съ церковностію, она была совѣтъ чужда понятія объ этой жизни и не имѣла никакого представленія ни объ историческомъ значеніи православной церкви, ни о внутреннемъ содержаніи ея догматовъ. Протестантство знаетъ одну только католическую церковь, борьбу съ которою она обязана и своимъ существованіемъ. О восточной православной церкви протестантскіе богословы, несмотря на свою всеобъемлющую ученость, знаютъ только то, что это какая-то отставшая отъ всѣхъ семья христіанства, которая не заявила себя ничѣмъ въ общемъ движеніи христіанскихъ идей. Поэтому, когда Е. А. Жуковская, по совѣту своего мужа, обратилась за совѣтомъ къ извѣстному въ то время доктору богословія, суперъ-интенденту Штиру ¹⁾, прося разрѣшить ея сомнѣнія на счетъ выбора между тремя христіанскими вѣроисповѣданіями, то онъ отвѣчалъ ей, во-первыхъ, что, разъ поколебавшись въ убѣжденіяхъ протестантскихъ, она тѣмъ самымъ прервала общеніе съ этою церковію; во-вторыхъ, что римско-католическая церковь столько сдѣлала вреда христіанству, что вступать въ нее по убѣжденію было бы грѣхомъ совѣсти, и, наконецъ, въ-третьихъ, что касается православной церкви, то онъ такъ мало ее знаетъ, что слыхалъ только объ ней, когда нѣмецкія принцессы, выходя замужъ за великихъ князей русскихъ, обязательно переходили въ эту церковь.

Такого рода отвѣтъ ученаго и знаменитаго протестантскаго богослова могъ бы разсмѣшить, если бы самый вопросъ не былъ такъ важенъ и самъ по себѣ и особенно по тому состоянію души, въ которомъ находилась вопрошающая. Поколебавшаяся въ своихъ протестантскихъ убѣжденіяхъ, бѣдная искательница христіанской истины стала на распутіи, не зная, въ какую сторону направить стопы свои. Уже года два она не приступала болѣе къ причащенію св. таинъ въ своей протестантской церкви, которая все болѣе и болѣе становилась ей чужою. Къ католической церкви она чувствовала влеченіе и по дружескимъ сношеніямъ съ семействомъ Радовицъ и по болѣе близкому и наглядному знакомству съ этою церковію. Но перейти въ католичество значило еще больше отдалиться въ религіозномъ отношеніи отъ семьи своей, такъ какъ протестантство отличается особенно уваженіемъ къ религіознымъ убѣжденіямъ каждаго, между тѣмъ какъ католичество вноситъ нетерпимость разномыслія въ самую семью, поселяя раздоръ и отчужденіе между самыми близкими по сердцу людьми. А между тѣмъ со стороны мужа, этого любимаго существа, съ которымъ она слилась душой еще съ дѣтства, Елизавета Алексѣевна не имѣла въ

¹⁾ Автору извѣстной книги: «Die Roden des Herrn Jesu», которую съ такимъ удовольствіемъ читалъ Василій Андреевичъ съ моею помощію, такъ какъ текстъ этой книги исполненъ греческими и еврейскими словами и выраженіями, и которую онъ такъ совѣтовалъ мнѣ перевести порусски.

эти минуты не только поддержки, но даже еще болѣе была смущаема его настоятельною просьбою напередъ испытать себя, хорошенько вѣѣсить всѣ стороны рѣшительнаго шага въ столь важномъ дѣлѣ. И это происходило не отъ собственной его холодности къ родной церкви или отъ нежеланія привлечь свою супругу къ присоединенію къ православію; напротивъ, что это было его искреннимъ желаніемъ, доказательствомъ тому служатъ его предсмертныя слова, сказанныя мнѣ на смертномъ одрѣ по поводу рѣшимости его супруга присоединиться къ православію ¹⁾. Онъ уносилъ эту радостную вѣсть, какъ сердечное утѣшеніе, въ загробную жизнь. Причина, заставлявшая, можно сказать, такъ мучить любимое существо, заключалась въ излишней добросовѣстности, въ опасеніи повліять на колеблющуюся душу своимъ авторитетомъ, своею любовію въ дѣлѣ, въ которое, по словамъ Жуковского, никто не долженъ былъ вмѣшиваться, кромѣ Бога. Поэтому, извѣщая уже не задолго до смерти своего друга Зейдлица о намѣреніи своей супруги перейти въ православную церковь, Василій Андреевичъ писалъ ему: «не говори ни слова о томъ, что происходитъ съ моею женою. Я считаю это дѣло еще не конченнымъ. Если это состоится, я извѣщу тебя, какъ оно состоится. Ея убѣжденіе еще не совершенно; она должна совершенно свободно рѣшиться на это; или собственно какъ будетъ Богу угодно» ²⁾. Вскорѣ затѣмъ онъ и мнѣ писалъ, не могу ли я пріѣхать дня на четыре въ Баденъ-Баденъ, чтобы заняться съ его супругой не столько изложеніемъ ученія православной церкви, сколько, какъ онъ выражался, «показаніемъ ей превосходства нашей церкви предъ всѣми другими»; причемъ онъ прибавилъ: «я ей ничего не говорилъ объ этомъ письмѣ моемъ, и не хотѣлъ бы, чтобы она знала объ этомъ, иначе она можетъ подумать, что я насилую ея намѣреніе».

Въ то же время онъ писалъ къ А. Стурдѣ по поводу его брошюры «Le double parallèle», въ которой онъ выставилъ въ ясномъ свѣтѣ превосходство православія предъ другими вѣроисповѣданіями. Въ этомъ письмѣ онъ между прочимъ такъ выражался насчетъ церкви вообще и православной въ особенности: «наша греко-восточная христіанская литература не такъ богата, какъ католическая и протестантская. Сколько удивительно прекраснаго есть въ этихъ послѣднихъ, хотя онѣ продолжаютъ созидать, не имѣя, однако, основанія. Имъ не приходитъ на умъ, что право свободнаго изслѣдованія въ христіанствѣ ниспровергаетъ стоящую выше всякаго изслѣдованія власть, т. е. церковь, точно такъ, какъ въ политическомъ мірѣ souveraineté du peuple подкапываетъ общественный по-

¹⁾ См. мое письмо о послѣднихъ дняхъ жизни В. А. Жуковского, напечатанное въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1852 г.

²⁾ Ein russisches Dichterleben, von Dr. Carl Zeidlitz, p. 218.

рядокъ. И все-таки сколько есть чистыхъ христіанъ и между протестантами! Многое читаю съ большимъ назиданіемъ и переношу истинное на мое крѣпкое основаніе православія. Что наша церковь постановила разъ навсегда, то и мы должны безусловно принять съ вѣрою также разъ навсегда, т. е. такъ исповѣдывать и согласно съ тѣмъ поступать». Эту крѣпкую вѣру въ церковь, какъ непрекословный авторитетъ, Жуковскій успѣлъ внѣдрить въ совнаніе и своей супругѣ.

И такъ Жуковскій умиралъ и на смертномъ одрѣ слышалъ отъ жены своей, что она рѣшилась присоединиться къ православной церкви. Рѣшимость эта соверѣла въ ней въ ту минуту, когда умирающій супругъ ея, напутствуемый св. тайнами, пожелалъ, чтобы и дѣти его приобщались вмѣстѣ съ нимъ у его смертнаго одра. Легко понять то горестное чувство отчужденія отъ любимого, отходящаго въ вѣчность, супруга, какое должна была испытать эта, горячо любившая своего мужа, жена и мать, не смѣвшая участвовать въ такомъ священномъ и торжественномъ актѣ, потому только, что она не принадлежала къ той же церкви съ своею семьею! При этомъ мысль, что теперь она остается одна при дѣтяхъ, сразу поразила ее великостію той задачи, которая предстояла ей при воспитаніи дѣтей ея. «Я чувствовала, говорила она, что теперь мое мѣсто быть при дѣтяхъ не только въ ихъ спальнѣ и въ учебной, но и въ ихъ церкви».

Между тѣмъ, послѣдовавшія за кончиною В. А. Жуковского хлопоты и затѣмъ переѣздъ вдовы его на житье во Франкфуртъ не дали времени мнѣ заняться съ нею преподаваніемъ православнаго вѣроученія, и я долженъ былъ пока ограничиться сообщеніемъ ей для чтенія всего, что только можно было найти на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ касательно нашей церкви и ея догматовъ. Главнымъ образомъ я просилъ ее изучать нашъ катихизисъ, останавливаясь вниманіемъ на тѣхъ пунктахъ, которые покажутся ей новыми или трудно пріемлемыми по ея прежнимъ убѣжденіямъ. Но она была уже такъ готова къ воспріятію православной истины, что у ней не оказалось ни сомнѣній, ни колебаній насчетъ принятія всего, что было исключительно православнаго въ вѣроученіи нашей церкви; поэтому, когда мнѣ пришлось приготовить ее во Франкфуртъ къ присоединенію къ нашей церкви, мнѣ оставалось только объяснить ей самый обрядъ присоединенія и пройти съ нею вѣроисповѣданіе, произносимое при семъ въ церкви присоединяемымъ. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ должно было совершиться самое присоединеніе, былъ рѣшенъ такъ, что самый обрядъ со всѣми молитвами будетъ совершенъ пославянски, вопросы же, обращаемые къ присоединяемому, и отвѣты на оные, будутъ произносимы по нѣмецки.

Время присоединенія, которое теперь съ такимъ нетерпѣніемъ

и каждою ожидалось Жуковскою, не могло быть назначено съ точностію потому, что воспріемницею при миропомазаніи соблаговолила быть великая княгиня цесаревна Марія Александровна, и надо было обождать прибытія ея высочества съ государемъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ Дармштадтъ. Наконецъ, назначено было 25-е сентября днемъ, въ который должно было совершиться это присоединеніе, а мѣстомъ избрана Висбаденская церковь, какъ ближайшая къ Дармштадту и Франкфурту. Совершеніе обряда поручено было мнѣ; въ церкви, кромѣ родственниковъ Жуковской, никого не было. Государь наслѣдникъ съ цесаревною присутствовали лично безъ всякой свиты.

Какое блаженство должна была испытать новоприсоединенная къ православной церкви, можно понять, читая ея письма ко мнѣ. Наконецъ она сподобилась и давно ожидаемой благодати приобщенія святыхъ таинъ! Для нея теперь стало истиннымъ наслажденіемъ даже присутствовать только при совершеніи таинства за литургіею. «Оъ настоящею жаждою,—писала она мнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ ея присоединенія къ православію,—стремлюсь я присутствовать чаще—ахъ!—по крайней мѣрѣ каждое воскресенье при совершеніи божественной литургіи, такъ какъ ничто не можетъ насъ такъ возвышать надъ всѣмъ земнымъ, какъ всесвятая жертва Іисуса Христа! Но для этого нужно пережить длинную, часто трудную недѣлю!» Къ сожалѣнію, ея здоровье и отдаленность отъ русской церкви не позволяли ей даже и каждонедѣльнаго наслажденія этимъ религіознымъ утѣшеніемъ. Поэтому она начала тѣмъ сильнѣе желать переселенія своего съ дѣтьми въ Россію. Но и тутъ разстроенное здоровье заставило ее еще прождать до іюля слѣдующаго 1853 года, пока наконецъ исполнилось ея давнишнее желаніе возвратиться въ Россію. Мѣстомъ жительства она избрала Москву и писала мнѣ оттуда: «очень хорошо, что мы здѣсь. Я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Москва самое лучшее мѣсто для воспитанія дѣтей. Здѣсь они учатся любить и знать свое отечество». Но недолго пришлось ей пользоваться семейнымъ счастіемъ на родной землѣ. Здоровье ея годъ отъ году становилось слабѣе, пока наконецъ 27-го ноября 1856 года она не переселилась въ обители вѣчныя на соединеніе съ родной ей душою возлюбленнаго супруга. Тѣло ея, прослужившее всего только 35 лѣтъ земною оболочкою души ея, было перевезено въ Петербургъ для погребенія въ Александро-Невской лаврѣ рядомъ съ могилою ея супруга.

Елизавета Алексѣевна была истинно Богомъ дарованная спутница конца жизни Василя Андреевича Жуковского. Поэтъ по призванію, христіанинъ въ душѣ, добрый сердечно, онъ нашелъ въ юной душѣ своей супруги все то, чего недоставало ему для выраженія въ жизни его природныхъ качествъ. Даже мелочи семейной жизни и соединенныя съ ними непріятности благодѣтельно дѣйство-

вали на его, какъ онъ самъ выражался, «избалованную» предшествовавшую жизнью душу. «Конечно,—писалъ онъ А. О. Смирновой въ 1845 году по поводу рожденія его сына,—въ лучшіе годы моей жизни я не почивалъ на розахъ, но все-таки жизнь меня избаловала и испортила. Промыслъ Божій нашелъ, однако, средство спасти меня, возложивъ на мое беззаботное, почти до старости дѣтски-свѣтлое чело вѣнецъ семейной жизни, прекрасный вѣнецъ, какого только я могъ желать себѣ во снѣ или наяву. Но этотъ вѣнецъ отъ Бога, слѣдовательно въ немъ должны быть вплетены и тернія изъ того вѣнца, передъ которымъ обращаются въ ничто всѣ другіе земные вѣнцы. И отданъ въ школу терпѣнія — мнѣ это и трудно и не ловко, но я понимаю теперь ученіе Господа! Къ сожалѣнію, миръ Божій еще не проникъ въ мою душу. Причина моего земнаго счастья, а вмѣстѣ и страха лишиться небснаго блаженства — это моя жена, это чистое, любящее и вѣрующее существо, и двѣ колыбели съ дочерью и сыномъ». Съ своей стороны и Жуковская, извѣщая Елагину о рожденіи ея дочери, такъ выражается о своемъ мужѣ: «Вы знаете моего ангела, вы знаете, какъ онъ умѣетъ дѣлать счастливыми всѣхъ его окружающихъ; вы знаете также, какъ я его люблю, какъ я молю Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ его такъ любить, для него такъ жить, какъ онъ того стоитъ!» Такая связь двухъ душъ на землѣ не могла иначе и выразиться, какъ во взаимномъ полномъ сочувствіи стремленій и желаній.

Елизавета Алексѣевна была благочестивою христіанкою по воспитанію. Перешедши въ православіе, она сдѣлалась таковою по убѣжденію. Промыслу Божію угодно было въ слѣдъ за принятіемъ ею православія переселить ее въ сердце православной жизни, въ Москву, гдѣ она была со всѣхъ сторонъ окружена новою для нея сферою религіозной жизни. Нужно было, чтобы въ домъ ея къ ея дѣтямъ вошелъ человѣкъ глубокаго убѣжденія въ православіи, самъ недавно оставившій протестантство, извѣстный Зедеггольмъ, сынъ протестантскаго пастора, кончившій тѣмъ, что принялъ монашество и изъ глубины своего монастырскаго уединенія увѣщевалъ и отпа своего послѣдовать его благому примѣру. Общеніе съ такою личностію могло только утвердить новообращенную въ истинѣ той церкви, въ которой оба они нашли полное удовлетвореніе своимъ религіознымъ потребностямъ. Все болѣе и болѣе ослабѣвавшее здоровье приковало ее наконецъ къ постели, и она въ этомъ положеніи горюетъ только о томъ, что не можетъ ходить къ божественной литургіи, и утѣшается тѣмъ, что отецъ ея духовный разрѣшаетъ ей чаще причащаться св. таинъ на дому. Такъ теперь всѣ ея помысленія сосредоточены на одномъ утѣшеніи, которое подаетъ церковь въ своихъ таинствахъ.

Чтобъ окончить этотъ неполный очеркъ личности, бывшей достойною носить на себѣ имя и званіе подруги жизни нашего зна-

менитаго поэта и наставника одного изъ великихъ государей текущаго столѣтія, приведемъ здѣсь прощальное письмо Жуковскаго въ своей супругѣ, написанное имъ въ предчувствіи близкой кончины и врученное ей послѣ его смерти, какъ оно сообщено докторомъ Зейдлицемъ въ его біографіи В. А. Жуковскаго на французскомъ языкѣ. Вотъ это письмо:

«Думая, что мой послѣдній часъ можетъ быть близокъ, пишу тебѣ, желая сказать тебѣ нѣсколько словъ утѣшеніи. Прежде всего благодарю тебя изъ глубины души за то, что ты захотѣла сдѣлаться моею женою. Время, проведенное мною въ единеніи съ тобою, было самое счастливое, самое лучшее въ моей жизни. Несмотря на многія печальныя минуты, завсѣвшія отъ вѣшнихъ обстоятельствъ или вызванныя нами самими, которыя неизбежны въ жизни, какъ благотворныя испытанія, я наслаждался съ тобою моимъ бытіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова; я лучше понималъ его значеніе, я болѣе и болѣе укрѣплялся въ сознаніи цѣли жизни, которая состоитъ только въ томъ, чтобы умѣть повиноваться волѣ Господа нашего. И этимъ я обязанъ тебѣ! Прими же здѣсь мою благодарность и въ то же время увѣреніе, что я любилъ тебя, какъ самое дорогое сокровище души моей. Ты будешь оплакивать потерю меня, но не отчаивайся! Любовь крѣпка, какъ смерть—въ царствѣ Божіемъ нѣтъ разлуки, и я вѣрую, что я буду еще искреннѣе связанъ съ вами, чѣмъ при жизни. Въ этомъ убѣжденіи, чтобы не возмущать покоя души моей, сохрани миръ въ твоей душѣ, которой и радости и скорби будутъ болѣе моими, чѣмъ при жизни земной. Живи въ Богѣ и въ заботахъ о нашихъ дѣтяхъ! Въ ихъ сердцахъ я тебѣ завѣщаю мое собственное,—остальное въ рукахъ Божіихъ. Благословляю тебя; думай обо мнѣ безъ скорби и утѣшай себя въ нашей разлукѣ мыслию, что каждую минуту я съ вами и что я раздѣляю все, происходящее въ вашей душѣ».

И. Базаровъ.

„ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ“ Г. МЕРЕЖКОВСКАГО.

ОВЫЙ СБОРНИКЪ критическихъ статей г. Мережковского¹⁾ послужилъ поводомъ къ довольно оживленному обмѣну мнѣній въ нашей журналистикѣ, который придаетъ этой книгѣ особенный интересъ сравнительно съ другими произведеніями того же автора и тѣмъ объясняетъ наше намѣреніе ознакомить съ нею нѣсколько подробнѣе читателей «Историческаго Вѣстника». По своему содержанію «Вѣчные спутники» — сборникъ эстетическихъ статей, преимущественно критическихъ очерковъ и литературныхъ характеристикъ. Начинается книга небольшимъ наброскомъ «Акрополь», описывающимъ посѣщеніе авторомъ Аѳинъ. Этотъ очеркъ служить какъ бы лирическимъ введеніемъ къ книгѣ. Затѣмъ идутъ статьи «Дафнисъ и Хлоя», «Маркъ Аврелій» и «Плиній Младшій», касающіяся древняго міра, пять очерковъ, посвященныхъ писателямъ Европы — Кальдерону, Сервантесу, Монтаню, Флоберу и Ибсену, — и четыре очерка, занимающихся писателями русскими — Достоевскимъ, Гончаровымъ, Майковымъ и Пушкинымъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «онъ желалъ только разсказать со всей доступной ему искренностью, какъ дѣйствовали на его умъ, сердце и волю любимыя книги, вѣрные друзья, тихіе спутники жизни. Это — записки, дневникъ читателя въ концѣ XIX вѣка.

¹⁾ Д. С. Мережковский. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. 8°. Спб. 1897.

Субъективный критикъ долженъ считать свою задачу исполненной, если ему удастся найти неожиданное въ знакомомъ, свое въ чужомъ, новое въ старомъ». Иными словами, это вовсе не критика, но лирика читателя, которая по намѣренію автора должна въ гораздо большей степени характеризовать его самого, чѣмъ тѣ предметы, которымъ посвящена. Потому отзывъ объ этой книгѣ по необходимости долженъ превратиться въ характеристику самого г. Мережковского.

Откровенно сознаюсь, что эта характеристика представляетъ большія трудности. Г. Мережковский выступалъ въ печати, какъ лирическій поэтъ, переводчикъ, романистъ и критикъ. Во всемъ, имъ написанномъ, онъ обнаруживалъ несомнѣнное и крупное образованіе, хотя и одностороннее, — образованіе художественно-литературное. Онъ знаетъ много языковъ, читалъ чуть ли не всѣхъ истинно замѣчательныхъ писателей древняго и новаго міра, изучалъ художниковъ всѣхъ странъ и вѣковъ въ ихъ лучшихъ произведеніяхъ. Во всякой строкѣ, имъ написанной, видно уваженіе, видна любовь къ художественному слову, видна добросовѣстная работа искренней мысли. Даже самые горячіе порицатели его отдають справедливость его безкорыстному, чуждому всякой предвзятости и заднихъ мыслей служенію тому призванію, которому онъ себя посвятилъ. Словомъ, какъ литературный дѣятель, г. Мережковский имѣетъ полное право на безусловное уваженіе. Онъ съ какою-то трогательною, можно сказать, благоговѣйною любовью преданъ своему дѣлу, какъ истинный литераторъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

И однако же г. Мережковский окруженъ въ нашей печати такою тучею недоброжелательства, какъ едва ли кто другой изъ современныхъ писателей. Порицанія и глумленіе — вотъ все, что является ему наградой за его руководимую благороднѣйшими побужденіями дѣятельность. О другихъ писателяхъ иной разъ хоть молчать, — о г. Мережковскомъ непремѣнно пишутъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и пишутъ непремѣнно въ недоброжелательномъ духѣ. Результаты этихъ нападокъ на лицо: въ массѣ читателей укоренилось какое-то предвзятое недовѣріе къ произведеніямъ г. Мережковского, какое-то враждебное предубѣжденіе противъ всего, что имъ написано.

Какъ объяснить эту странную несправедливость? Одною завистью, личными счетами и ненавистью толпы ко всякому благородству было бы смѣшно разрѣшать такую загадку. Несомнѣнно, и самъ г. Мережковский отчасти является причиною всеобщаго недоброжелательства. И на самомъ дѣлѣ, всякое его произведеніе дѣйствительно оставляетъ читателя не вполне удовлетвореннымъ. Одному онъ кажется холоднымъ, другому восторженнымъ; одному безцвѣтнымъ, другому напыщеннымъ. Читатель не чувствуетъ себя увлеченнымъ, не можетъ раздѣлить въ полной мѣрѣ ни мыслей, ни на-

строений автора. Изложеніе г. Мережковскаго перевертываетъ передъ нами причудливый и пестрый калейдоскопъ отрывочныхъ мнѣній, отдѣльныхъ взглядовъ, множество неустойчивыхъ орнаментальныхъ узоровъ мысли, множество частныхъ, которыя не сливаются въ одно стройное цѣлое, объединенное какимъ нибудь планомъ или хоть центромъ,—говорю, конечно, не о вѣшнемъ планѣ, но о внутренней концепціи, которая раскрывала бы передъ нами душу писателя. Въ читателѣ все время сохраняется впечатлѣніе, что авторъ самъ не знаетъ хорошенько, чего хочетъ.

Справедливость требуетъ сказать, что это впечатлѣніе и не такъ ужъ далеко отъ истины. По моему крайнему разумѣнію, г. Мережковскій—человѣкъ, еще до сихъ поръ не установившійся, не нашедшій себя самого, и въ то же время постоянно развивающійся, постоянно идущій впередъ, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто окольными и невѣрными путями. Насколько я его понимаю, онъ вовсе не мыслитель, способный самостоятельною работою сомнѣнія приходить къ самобытнымъ выводамъ и возвращеніямъ, выстраивать оригинальную и цѣльную систему міровоззрѣнія. Складъ его ума совсѣмъ не такой: онъ склоненъ восторгаться, увлекаться, благоговѣть и вѣрить, вѣрить безусловно и непоколебимо, съ чисто-сердечнѣйшимъ и прямолинейнымъ догматизмомъ. Въ его натурѣ нѣтъ ничего рѣзко своеобразнаго, протестующаго, демоническаго; совершенно напротивъ, весь строй его души примирителенъ, религіозенъ. Если бы г. Мережковскій, чего я ему отъ души желаю, пришелъ наконецъ къ полному и ясному самосознанію, онъ убѣдился бы, какъ мнѣ кажется, что его душа склонна къ простой, дѣтской вѣрѣ, къ тихой и скромной жизни, къ самой смиренной и просто-душной идилліи. Если бы онъ ограничилъ свои стремленія этимъ тѣснымъ кругомъ, то, безспорно, при его образованіи, трудолюбіи и чистотѣ намѣреній, онъ нашелъ бы въ немъ достаточно темъ и матеріала для теплой сердечной поэзіи, для скромной любви къ родной жизни, для эстетическаго и религіознаго чувства. Тогда, быть можетъ, въ его стихахъ, кромѣ рѣзкихъ, разнѣра и добрыхъ намѣреній, послышался бы голосъ дѣйствительной поэзіи, проявилась бы его не глубокая и не самобытная, но привлекательная индивидуальность; тогда онъ не переводилъ бы титаническихъ созданій великихъ трагиковъ, красоты которыхъ онъ, какъ немногіе, можетъ цѣнить и чувствовать, но которыя онъ менѣе, чѣмъ кто либо, способенъ переводить; тогда онъ оставилъ бы въ покоѣ первоначальное христіанство, эпоху возрожденія, Петра Великаго, но обратился бы къ скромной, простой жизни людей одного съ собою закала,—людей смиренныхъ и добрыхъ; наконецъ, онъ оставилъ бы тогда всякій демонизмъ, всякое ницшанство и декадентчину и оказалъ бы нашей литературѣ дѣйствительную услугу, разбирая простымъ и

полнымъ скромнаго достоинства слогомъ произведенія лучшихъ ея представителей, которыхъ онъ умѣетъ любить такъ искренно и свято.

Къ сожалѣнью, какой-то алой геній, повидимому, совершенно затмилъ самосознаніе г. Мережковского. Его развитіе началось въ пору самой горячей борьбы между нигилизмомъ и классическимъ образованіемъ, когда нигилизмъ общей оторванностью молодежи отъ родной жизни стремился пользоваться въ цѣляхъ анархическаго бессмысленнаго разрушенія, а классицизмъ, преслѣдуя обезсиленіе нигилизма, окончательно отклонялъ молодые умы не только отъ родной, но и отъ всякой жизни вообще, уводя ихъ изъ совершенно не культурной дѣйствительности въ отвлеченности высшаго знанія, въ утонченности высшей культуры, и такимъ образомъ равно связывалъ и затруднялъ не только разрушающія, но и созидающія силы. Изъ раннихъ стихотвореній г. Мережковского ясно видно, какъ онъ искренно гамлетствовалъ на распутьи между нигилизмомъ и классицизмомъ, т.-е. варварскою анархіей и утонченною культурою. Не будучи достаточно самобытенъ и силенъ, чтобы не оторваться въ этомъ состояніи отъ родной жизни и остаться ей вѣрнымъ сквозь всякій нигилизмъ и классицизмъ, г. Мережковский наконецъ отдался со всѣми своими неразрѣшенными сомнѣніями природному влеченію къ искусству и весь ушелъ въ сферу художественно-литературныхъ интересовъ. Не имѣя твердаго міровоззрѣнія и не будучи въ силахъ разрѣшать охватившія его разногласія, онъ весь проникся и пропитался отвлеченными, чуждыми текущей жизни, интересами и понятіями, точно отказавшись отъ надежды примирить ихъ когда либо.

Оторванный аристократически-утонченною западною культурой отъ нашей дѣйствительности, г. Мережковский остался въ какомъ-то духовномъ одиночествѣ среди всего человѣчества. Религиозно увлекающійся, беззавѣтно преданный искусству, онъ ни съ чѣмъ не былъ связанъ духовными традиціями ни въ исторіи, ни въ дѣйствительности, ни даже въ самомъ искусствѣ. Въ области духа ему не оставалось ни родства, ни отечества. И вотъ онъ пустился въ какое-то умственное паломничество ко всѣмъ святымъ мѣстамъ культуры. Онъ изучалъ всѣ литературы, всѣ отрасли искусства; онъ читалъ Гомера, Эсхила, Софокла, Вергилія, Данте, Боккаччо, Сервантеса, Лопе-де-Вегу, Кальдерона, Шекспира, Байрона, Мопсана, Гюте, Шиллера; онъ ѣздилъ по всей Европѣ, посѣщалъ всѣ ея галереи и музеи. Но вездѣ онъ оставался какимъ-то поверхностнымъ зрителемъ, воспринимающимъ внѣшнія формы, но не проникающимъ въ воплощенный ими духъ. Тѣмъ не менѣе вѣра его въ искусство требовала осмыслить для его любознательности эти мертвыя формы, и для этого г. Мережковский старался оживить и наполнить ихъ своими собственными, совершенно и завѣдомо имъ чуждыми, впечатлѣніями. Оттого въ концѣ концовъ и допустилъ

онъ возможность «субъективной критики», которая занимается не авторомъ, а читателемъ, не произведеніями искусства, но случайными отъ нихъ воспріятіями. «На столѣ у меня лежатъ два маленькихъ осколка настоящаго древняго камня изъ Пареенона,—пишетъ онъ.—Благородный пентеликонскій мраморъ все еще искрится при свѣтѣ лампы... И я смотрю на него съ суевѣрною любовью, какъ благочестивый паломникъ на святыню, привезенную изъ далекой земли». Въ этомъ отрывкѣ ясно видно, какъ близко соприкасается съ хожденіемъ ко святынямъ культуры какой-то слѣпой эстетическій фетишизмъ. Читателю до очевидности понятно, какъ г. Мережковскій чититъ форму въ убѣжденіи, что духъ къ ней и придумать не трудно.

Такимъ же точно вѣчнымъ паломникомъ, зрителемъ формъ, слѣпымъ къ ихъ духу, остался онъ и въ области болѣе высокой, чѣмъ область искусства и знанія,—въ области религіи. Не сохранивъ родной вѣры, онъ наблюдалъ всѣ вѣрованія міра, наблюдалъ опять таки въ ихъ формахъ, въ ихъ культѣ и риторикѣ, приискивая свой смыслъ этимъ образамъ суевѣрія. Въ концѣ концовъ, всякая вѣра стала для него лишь своеобразнымъ обрядомъ суевѣрія, подборомъ пестрыхъ формъ, и хаосъ суевѣрій, ставшихъ риторическими средствами, вытѣснилъ въ немъ всякую вѣру. Въ стихотвореніяхъ и романѣ г. Мережковского дѣйствуютъ чуть не всѣ божества древняго и новаго міра, но всегда какъ какіе-то условные внѣшніе образы, ничѣмъ не связанные съ сердечною вѣрою. То же самое замѣтно и въ его отношеніи къ жизни. Ко всякой жизни, ко всѣмъ красотамъ природы, готовъ онъ отнестись съ восторгомъ, сочувствіемъ и благоговѣніемъ, но вездѣ видитъ только формы, не разоблачающія ему своего духа, своего внутренняго содержанія. Во всемъ мірѣ онъ чувствуетъ только свое одинокое существованіе. Міръ становится для него какимъ-то калейдоскопомъ символовъ, хаосомъ механическихъ явленій, никакой общей идеи не выражающихъ, никакимъ внутреннимъ единствомъ не связанныхъ. То же самое, наконецъ, видно и въ его поэзіи. Онъ пробуетъ всѣ рѣшительно формы, изощряется во всѣхъ механическихъ тонкостяхъ выраженія, но ему нечего выразить, и онъ не идетъ дальше формальной ретирики. Никакого устойчиваго міровоззрѣнія не раскрывается въ этихъ произведеніяхъ. Напротивъ, мы видимъ въ нихъ слѣды умственного паломничества по всевозможнымъ системамъ и настроеніямъ, мы уловляемъ въ нихъ отголоски всевозможныхъ школъ и ученій, видимъ автора погружающимся во всѣ роды и приемы творчества—и всегда чувствуемъ, что ни одно его стихотвореніе не выразило намъ его души, ни одно его настроеніе не возникло въ ней органически, самостоятельно, какъ внутренняя живая потребность. Читатель внимаетъ въ выраженія чувствъ и мыслей, которыя сами по себѣ возможны, но не вѣрять ни паоосу, ни чувствамъ автора и въ его

увлеченіяхъ видѣть только модничанье ума, наивное фатовство мысли.

Мало всего этого. Безпочвенный любитель культурныхъ формъ, не проникая въ воплощаемый этими формами духъ, г. Мережковский постепенно впасть въ то состояніе эстетическаго безразличія къ жизни, которое составляетъ характернѣйшую особенность декадентства. Восхищаясь формами, онъ равно восхищался и добромъ, и зломъ, и Ормуздомъ, и Ариманомъ, и Олимпомъ, и титанами, и культурой, и анархіей. Это заблужденіе было уже гораздо опаснѣе всѣхъ другихъ и не привело г. Мережковского къ самымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ только потому, что, восхищаясь, напримѣръ, всякимъ демоническимъ протестомъ, онъ, видимо, совершенно не зналъ, на что этотъ протестъ направить, въ чемъ его осуществить. Да и дѣйствительно, какой демонизмъ, какія титаническія проявленія страстей возможны для добродушнѣйшаго изъ молодыхъ петербургскихъ поэтовъ? При всей серьезности и искренности своей, г. Мережковский зачастую бывалъ по истинѣ смѣшонъ въ минуты наибольшей торжественности, когда, напримѣръ, воспѣвалъ демона, созерцающаго міръ, или предсказывалъ «день великаго крушенія», которое смететъ жизнь съ ея основъ. Еще курьезнѣе впечатлѣніе, производимое его стихотвореніемъ о семи нищихъ и статуѣ Будды, — стихотвореніемъ, которое въ свое время даже нравилось петербургской публикѣ. Въ этой пьесѣ съ пафосомъ рассказано, какъ голодные нищіе хотѣли украсть алмазъ со статуи Будды. Вихрь и громовой ударъ «далеко отбросилъ ихъ назадъ». Тогда одинъ изъ нищихъ обратился съ упреками къ Буддѣ, который «мститъ имъ за ничтожный камень», пользуясь тѣмъ, что они, хотя и одарены бессмертною душою, но безконечно слабѣе «владыки неба». Пристыженное въ жадности этими упреками, изваяніе Будды само становится на колѣни передъ нищими, чтобы они могли снять алмазъ съ его вѣнца. Это стихотвореніе невозможно принять за «пріемъ ироніи»; но въ такомъ случаѣ поэтъ, выходятъ, самъ позабылъ, что громъ (если грянулъ) грянулъ не вслѣдствіе жадности Будды, а потому, что нищіе затѣвали воровство, да еще квалифицированное. Такая моральная развѣянность ради «красоты слога» уже граничить съ декадентствомъ. И на самомъ дѣлѣ, г. Мережковский принесть обильную дань этому дикому повѣтрію, хотя, надо отдать ему справедливость, не доходилъ при этомъ до крайнихъ предѣловъ изступленія.

Спрашивается, однако, чего ради подвизался г. Мережковский, чего ради кидался онъ во всѣ стороны свѣта, углублялся и въ великихъ поэтовъ, и въ продѣлки плоскаго шарлатанства, пробовалъ всѣ религіи, всѣ формы жизни, культуры, поэзіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: вся эта риторическая игра образами не удовлетворяла автора. Успокоенія не находилъ онъ ни

нѣ Буддѣ, ни въ дьяволѣ, ни въ поэзіи бѣлаго слона и скачущихъ павлиновъ, ни въ изображеніи Леды, которая лежитъ въ болотѣ среди тростниковъ «вся преступная, вся обнаженная». Свое постоянное недовольство г. Мережковскій старался объяснить себѣ и читателямъ всевозможными причинами, которыя долго было бы перечислять на этомъ мѣстѣ. Последнее по времени объясненіе сводилось къ исканію «новой красоты», ради которой поэту, будто бы, понадобилось пуститься въ декадентщину. Въ сущности же, какъ мнѣ кажется, все дѣло объясняется гораздо проще: г. Мережковскій хотя и не глубокій мыслитель, но человѣкъ искренній и серьезный; если онъ и не сознавалъ съ полной ясностью своей безпочвенности, своей оторванности и культурнаго одиночества, то все же онъ не могъ и не ощущать ихъ въ видѣ постоянного умственного недовольства, доходившаго до самоотрицанія, до самоубійственнаго невѣрія въ себя самого и во все свое поколѣніе, до прославленія смерти и призванія «новыхъ пророковъ» и «новыхъ пѣвцовъ» на смѣну себѣ самимъ. Никакая реторика, никакая игра мертвыми формами не можетъ исчерпать безпокойство одинокаго духа, не знающаго въ мірѣ своей родины. Умственные скитанья г. Мережковского не могли разсвѣять той потребности въ любви и вѣрѣ, которою были внушены, а, напротивъ, лишь обострили ее. И вотъ, блуждая по всему міру, онъ не могъ, наконецъ, не попасть на родину. Перебирая всѣ формы жизни, онъ не могъ не встрѣтиться съ формами, ему кровно родными, съ формами, къ которымъ ему нечего было присочинять «новый» смыслъ, такъ какъ онъ съ удивленіемъ и восторгомъ долженъ былъ найти и почувствовать ихъ «старый» смыслъ внутри себя самого, какъ свою собственную душу. Финалъ исторіи о блудномъ сынѣ долженъ былъ повториться и съ нимъ, къ его собственному душевному благу. И мнѣ кажется, что этотъ благодѣтельный переломъ начинается въ г. Мережковскомъ, а признакомъ такого перелома я считаю ту книгу, которая дала поводъ къ настоящей замѣткѣ. Уже на одной изъ вступительныхъ страницъ этой книги встрѣтилъ я знаменательныя слова: «тутъ понимаешь, что значить не любить своего народа, какое безуміе надѣяться что нибудь создать внѣ его и безъ него».

Книга весьма неравна своими достоинствами. Слабѣ всего, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстныхъ замѣчаній, этюды о западно-европейскихъ писателяхъ. Таковъ скучнѣйшій этюдъ о несносномъ и хлыщеватомъ болтунѣ Ибсенѣ, блѣдный полукомпилятивный этюдъ о Кальдеронѣ. Остальные три лучше, хотя переводы цитируемыхъ въ нихъ отрывковъ совершенно не передаютъ духа подлинниковъ. Тщательная, гладкая и немного манерная, немного высокопарная проза г. Мережковского слишкомъ монотонна и однообразна, чтобы уловлять особенности слога великихъ мастеровъ. Впрочемъ, если не ошибаюсь, не всѣ переводы сдѣланы самимъ

критикомъ. Живѣе, лучше написаны, хотя полны фактическихъ ошибокъ, порою довольно неловкихъ, этюды, посвященные античному міру. Само собою разумѣется, что ни намека на историческую вѣрность дѣйствительности въ нихъ нѣтъ; но въ нихъ всего ярче стараніе г. Мережковского начинать «старыя» формы «новымъ», совершенно неподходящимъ и неумѣстнымъ, содержаніемъ. Тщету стремленій автора они характеризуютъ какъ нельзя лучше. Самая же интересная и привлекательная часть книги — ея конецъ, т. е. этюды о русскихъ писателяхъ. На нихъ я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

На меня эти очерки произвели странное впечатлѣніе. Передо мною какъ будто человѣкъ безъ роду и племени вдругъ попалъ, самъ того не ожидая и не предполагая, на свою родину: какъ сивозъ сонъ, начинается онъ постепенно узнавать мѣста, гдѣ провелъ свое дѣтство, и смущенныя, тревожныя воспоминанія, случайно пробужденныя неожиданнымъ пейзажемъ, вдругъ возвращаютъ одинокому скитальцу родную землю, родную рѣчь, родныя могилы, родной храмъ... Еще онъ спрашиваетъ на чужомъ языкѣ, еще онъ думаетъ чуждыми понятіями, но изъ-подъ этихъ наслоеній безродной жизни уже пробиваются заглохшія кровныя воспоминанія. Такъ точно и критика г. Мережковского. Онъ относится къ нашимъ писателямъ еще точно иностранецъ, онъ еще мѣрять ихъ чуждыми породившей ихъ жизни понятіями, но постепенно все глубже проникается ихъ произведеніями, все живѣй и теплѣе чувствуетъ въ нихъ «душу живу». Паломникъ ко святымъ мѣстамъ культуры, онъ пришелъ на поклонъ и къ русскимъ художникамъ, — и вдругъ увидѣлъ въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ во всѣхъ другихъ, и благодаря этому неожиданному для него открытію возвысился до истинно серьезныхъ и вѣрныхъ мыслей.

«Вѣчные спутники» вызвали въ журналахъ цѣлый рядъ статей и рецензій, сплошь недоброжелательныхъ и почти сплошь направленныхъ на характеристику Пушкина. И дѣйствительно, эта характеристика — наиболѣе интересная часть книги. Я думаю, что именно въ ней выразился всего острѣе рѣшающій все дальнѣйшее развитіе г. Мережковского кризисъ. Перекати-поле умственной жизни остановилось на удобной почвѣ: если не укатится дальше, то здѣсь и пустятъ корни, здѣсь почерпнетъ жизненныя силы и обновится къ органическому развитію; а если укатится, то его судьба рѣшена, у него больше нѣтъ будущаго. Сущность кризиса въ томъ, что, мѣряя Пушкина совершенно къ нему не подходящимъ аршиномъ западныхъ понятій, г. Мережковский сдѣлалъ великое для себя открытіе: онъ убѣдился въ мировомъ величіи Пушкина, въ томъ истинномъ величіи, которымъ Пушкинъ равняется со всѣми истинно великими людьми человѣчества. Сама по себѣ эта мысль и не нова, и несомнѣнна; но съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ г. Мереж-

ковскій, она — величайшая ересь, какую только можно себя представить. Оттого и навлекъ онъ ея на себя такіе громаы всеобщаго порицанія. Одни указывали на неприложимость къ Пушкину той мѣрки, которою пользовался г. Мережковскій, другіе же, ничего въ сущности не имѣя противъ его мѣрки, вознегодовали на его еретическій выводъ и, ради пущаго развѣнчанія Пушкина, не только усиленно занялись нареканіями на память великаго поэта по поводу книги г. Мережковского, но за одно постарались дискредитировать и самыя приемы этого послѣдняго. Никто не захотѣлъ увидѣть безотносительнаго значенія статьи, то-есть, новой побѣды Пушкина, а въ его лицѣ и русской культуры. Безночвенный питомецъ западныхъ идей преклонился предъ величіемъ Пушкина, и тѣмъ самымъ — предъ величіемъ своего народа, съ его религіей, съ его исторіей, съ его просвѣщеніемъ. Пускай онъ пока еще преклоняется точно иностранецъ, пускай мотивы его преклоненія пороку забавны, пороку даже нелѣпы: самое преклоненіе уже есть нѣкоторое отреченіе отъ этихъ мотивовъ. Высокое и чистое раскаяніе блуднаго сына началось съ сознанія, что лучше быть слугою въ домѣ его отпа, чѣмъ питаться со свиньями на чужбинѣ. Если передъ величіемъ Пушкина г. Мережковскій откажется отъ своего декадентства и нищіанства, то русская литература станетъ не количественно только, но и качественно богаче однимъ именемъ, а развитіе нашего самосознанія должно будетъ признать сдѣлавшимъ еще одинъ успѣхъ. *Der gute Mann in seinem dunklen [Drange ist sich des rechten Weges wohl bewusst:* такъ и г. Мережковскій въ своихъ культурныхъ паломничествахъ попалъ таки на надлежащій путь, выведенный на него своею безкорыстною и возвышенною любовью къ своему призванію.

Не берусь быть пророкомъ; но мнѣ сильно сдается, что передъ г. Мережковскимъ открывается лучшее умственное будущее. Ему снова сталъ доступенъ цѣлый утраченный имъ когда-то міръ—вся духовная жизнь его народа, съ его религіей, государственностью, исторіей. Въ этой величественной жизни есть, что полюбить, чему послужить, предъ чѣмъ преклониться. Не довольно ли увлекаться чужимъ,—не увлечся ли своимъ, роднымъ, не вернуться ли домой? Быть можетъ, въ формахъ этой жизни, простой, смиренной и кроткой, и найдетъ нашъ культурный паломникъ тотъ духъ примиренія ту гармонию, которыхъ онъ не находилъ и которыя такъ тщетно пытался вложить усиліями «субъективной критики» въ формы другой культуры, величавой, пышной и гордой, но чуждой его доброй и смиренной природѣ.

В. Никольскій.

БАЙОНСКАЯ ТРАГИКОМЕДІЯ 1808 ГОДА.

ЕДАВНО во Франціи вышло сочиненіе г. Дюсере, посвященное пребыванію Наполеона въ Байоннѣ въ 1808 году и, главнымъ образомъ, событіямъ, приведшимъ къ вынужденному отреченію Бурбоновъ отъ правъ на испанскій престолъ и къ возведенію на него брата Наполеона, Іосифа. Событія эти полны такими драматическими положеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ пробивается столько комическаго элемента, участвующія въ нихъ лица столь необыкновенны, каждый въ своемъ родѣ, ихъ взаимные интересы столь противоположны, дѣйствіе развивается съ такою быстротою, что простое изложеніе этихъ событій читается съ захватывающимъ интересомъ. Передъ читателемъ разыгрывается настоящая трагикомедія, драматизмъ которой возрастаетъ отъ сознанія, что герои ея — настоящіе короли, живые люди, дѣйствительно существовавшіе, что все, что они говорятъ, не измышленіе творческой фантазіи, а историческая правда, что борьба ихъ страстей и интересовъ должна привести къ событіямъ мировой важности. На заднемъ планѣ байонской трагикомедіи движется не жалкая толпа театральныхъ подмостковъ, а чувствуется могучій своею гордостью народъ, возставшій за свою независимость и способствовавшій паденію такого колосса, какъ Наполеонъ. Авторъ ея — величайшій знатокъ человѣческихъ страстей, ихъ борьбы и вождѣній, потому что только во всеоружіи подобнаго знанія онъ могъ достигнуть осуществленія своихъ самыхъ смѣлыхъ замысловъ при той обстановкѣ, которую создала французская революція. Впечатлѣніе усиливается еще болѣе отъ того, что главную роль въ ней

исполняетъ самъ же Наполеонъ, безспорно, гениальнѣйшій актеръ вселенной.

Байонскія событія имѣютъ большое значеніе и для обрисовки необыкновенной личности Наполеона: во время своего пребыванія въ Байоннѣ онъ является въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, подчасъ совершенно новыхъ для читателя.

Мрачный тонъ общаго фона, на которомъ разыгрывается байонская трагикомедія, представляющая картину событій мірового значенія и борьбы самыхъ низкихъ страстей человѣческой природы, со всею ея непривлекательностью, смягчается отчасти комическими чертами въ характерѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и анекдотическими подробностями пребыванія Наполеона въ Байоннѣ.

I.

Главными дѣйствующими лицами байонской трагикомедіи являются Наполеонъ, король испанскій Карлъ IV, его жена королева Марія-Луиза, и ихъ сынъ Фердинандъ, принцъ астурийскій, на престолѣ Фердинандъ VII. Колоссальная личность «маленькаго капрала», въ общихъ чертахъ, слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ и каждому, и бесполезно знакомить съ ней читателя; но мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о Карлѣ IV, Маріи-Луизѣ и Фердинандѣ, объ «этой достойной, чудной семьѣ: отцѣ-шутѣ, матери-безстыдницѣ, сынѣ-палачѣ, надѣленныхъ, всѣ трое, сердцами дикихъ звѣрей, смертельно ненавидящихъ другъ друга»¹⁾.

Какъ извѣстно, Карлъ IV, второй сынъ Карла III, наследовалъ своему отцу только потому, что его старшій братъ былъ признанъ неспособнымъ къ правленію по своему слабоумію. Въ своей юности онъ обнаружилъ раздражительный и буйный характеръ, становившійся особенно опаснымъ въ виду поразительной силы, которою былъ надѣленъ будущій Карлъ IV. Нѣкоторые изъ грандовъ неоднократно имѣли случай испытать на себѣ его грубость еще въ бытность его принцемъ астурийскимъ. Онъ укрощалъ самыхъ горячихъ лошадей, разламывалъ самые твердые предметы и часто мѣрялся силою съ крестьянами, конюхами и носильщиками. Подобныя наклонности, казавшіяся многимъ неблагородными и зловѣщими, заставляли ихъ опасаться за будущее Испаніи, какъ вдругъ обнаружившаяся водянка въ груди принудила Карла обратиться къ привычкамъ болѣе мирной и спокойной жизни.

Карлъ, сдѣлавшись королемъ, вставалъ ежедневно въ пять часовъ утра въ какое бы то ни было время года. Это обыкновеніе не могло стѣснять королеву, такъ какъ съ давнихъ поръ они стали

¹⁾ L. Labat: «Le chateau de Marrac». Revue Hebdomadaire. 1897.

спать въ отдѣльныхъ комнатахъ, и фактически она перестала быть женою для него. Когда-то ему было доказано, что брачная жизнь вредитъ его здоровью, и, выслушавъ подобное рѣшеніе, онъ раз навсегда подчинился ему.

Какъ только онъ вставалъ съ постели, онъ молился, а затѣмъ выслушивалъ двѣ обѣдни, которыя, одна вслѣдъ за другой, служились въ его апартаментахъ. Потомъ онъ спускался въ свои мастерскія, приспособленныя такимъ образомъ, что онѣ могли перемѣщаться вслѣдъ за дворомъ. Рабочіе, которыхъ онъ постоянно держалъ при себѣ, были столяры, краснодеревцы, токари и очень искусные оружейники, непрерывно занимавшіеся чисткой и починкой его охотничьихъ ружей. Среди нихъ онъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Какъ только онъ входилъ въ свои мастерскія, то снималъ верхнее платье и, засучивъ до плечъ рукава рубашки, работалъ съ своими мастеровыми. Въ теченіе часа онъ занимался десятью различными ремеслами.

«Этотъ государь,—говорить о немъ въ своихъ мемуарахъ Люсьенъ Бонапартъ,—не чуждъ искусствамъ. Онъ достаточно силенъ въ механикѣ, понимаетъ также толкъ въ картинахъ и прекрасно умѣетъ цѣнить свою обширную и прекрасную коллекцію, быть можетъ, столь же богатую, какъ наша».

Изъ мастерскихъ онъ прямо переходилъ въ конюшни, занимаясь своими лошадьми и лаская ихъ, фамиллярно разговаривалъ съ конюхами или осыпалъ ихъ ударами, такъ какъ съ лѣтами его сила и грубость нисколько не уменьшились.

Затѣмъ онъ садился на лошадь, чтобы ѣхать на охоту, а если погода была слишкомъ скверная, то отправлялся «вторично плотно позавтракать» и провести нѣкоторое время въ одномъ изъ небольшихъ загородныхъ домовъ. Туда же къ нему отправлялась королева, и они вмѣстѣ возвращались во дворецъ къ одиннадцати съ половиною часамъ. Нѣсколько мгновеній спустя, къ нему допускалась для принесенія привѣтствій королевская семья, послѣ чего происходила церемонія «baise-mains», повторившаяся впоследствии и въ Байоннѣ при особо драматическихъ обстоятельствахъ. Карлъ IV, поцѣловавъ своихъ дѣтей, отпускалъ ихъ. Свиданіе продолжалось не болѣе десяти минутъ. Ровно въ полдень онъ садился за столъ, обѣдалъ одинъ, пилъ одну воду, но за то ѣлъ невѣроятно много.

Въ часъ, несмотря ни на какую погоду, король отправлялся на охоту, повторяя это изо дня въ день, за исключеніемъ среды, четверга и пятницы страстной недѣли, когда происходили традиціонныя процессіи, обусловленныя этикетомъ.

Карлъ IV ѣздилъ постоянно въ сопровожденіи двѣнадцати тѣлохранителей и двухъ полицейскихъ, скакавшихъ у дверей экипажа. Подставныя лошади заранѣе выставались каждыя четыре версты. Иногда онъ бралъ съ собою своего брата, инфанта дона Антоніо,

человѣка крайне безцвѣтнаго, а чаще своего вятя, принца Парм-скаго, «не смѣйшаго произнести ни одного слова».

Охоты стояли громадныя денегъ, такъ какъ, помимо потерь му-лами и лошадьми, число людей, употреблявшихся для охоты, про-стиралось свыше пятисотъ человѣкъ, требуя для себя до семисотъ лошадей.

Король прїѣзжалъ съ охоты передъ самымъ наступленіемъ ве-чера и отправлялся къ королевѣ, совершавшей въ это время свою обычную прогулку. Вскорѣ королевская семья, предшествуя ему, собиралась во дворецъ, и, когда онъ, въ свою очередь, возвращался въ него, всѣ уже были на лицо. Разговоръ не продолжался и чет-верти часа, и всѣ разставались. Тогда-то являлись министры. При ихъ докладахъ присутствовала королева. Министры никогда не со-бирались у короля вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ докладывалъ особо въ назначенный для него день.

Доклады не брали много времени, и черезъ полчаса дѣла госу-дарственного управленія оказывались вполнѣ законченными. Послѣ этого король отдавался своей страсти къ музыкѣ, такъ какъ онъ недурно игралъ на скрипкѣ; но онъ мало заботился о томъ, чтобы играть въ тактъ съ лицами, акомпанировавшими ему. «Онъ до того любилъ это искусство, что ежедневно въ зимнее время, когда дур-ная погода мѣшала ему охотиться, устраивалъ у себя концертъ ранѣе семи часовъ утра».

По окончаніи музыки, король садился за партію ломбера съ двумя престарѣлыми вельможами, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ составлявшими его партнеровъ. По примѣру короля, утомленного охотой, они регулярно каждый день засыпали за игрой, и все обще-ство просыпалось лишь тогда, когда метръ-д'отель являлся доложить, что ужинъ поданъ. Послѣ ужина отдавались приказанія на слѣ-дующій день, и король ложился въ одиннадцать часовъ.

Такъ проходилъ день Карла IV.

По отзыву современниковъ, характеръ короля былъ открытый, добрый, чистосердечный. Онъ былъ честнымъ человѣкомъ и стро-гимъ блюстителемъ церковныхъ предписаній, соблюдавшимъ всѣ посты. Не обладая обширнымъ и просвѣщеннымъ умомъ, онъ тѣмъ не менѣе не былъ лишенъ способности усвоивать сущность дѣла и принимать вѣрное рѣшеніе. Онъ былъ очень чувствителенъ по природѣ и никогда не могъ подписать безъ содроганія смертнаго приговора. У него никогда не было ни друзей, ни довѣренныхъ лю-дей, потому что Годой, князь Мира, замѣнялъ для него всѣхъ и все.

Въ глазахъ Карла всѣ его подданные были равны для него. «Онъ не придаетъ никакого значенія знатности происхожденія,—пи-шетъ о немъ Люсьенъ Бонапартъ.—Онъ не замѣчаетъ ея. Медина-цели, Альбуркверки, Альтамиры, Оссуны, всѣ эти гранды, столь гордящіеся своимъ происхожденіемъ, имѣютъ въ его глазахъ не

больше значенія, чѣмъ любой конюхъ. Его тонъ одинаковъ для всѣхъ. Предпочтеніе, которое онъ, повидимому, оказывалъ иногда публично лицамъ своего двора, проявляется въ обидныхъ шуточкахъ, въ ударахъ, наносимыхъ со всей силы и заставляющихъ его сдѣлаться до слезъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти грубые свидѣтельства высочайшей фамиллярности привѣтствуются съ очаровательною веселостью».

У короля не было официального духовника, но возлѣ него, въ передней или въ комнатѣ, рядомъ съ тою, въ которой онъ находился, постоянно помѣщался священникъ, и когда у Карла являлось желаніе поговорить съ нимъ, онъ свистѣлъ, какъ свистяти, призывая собаку. Духовникъ тотчасъ же являлся на этотъ зовъ и слѣдовалъ за королемъ, ощутившимъ потребность покаяться, въ амбразуру окна. Здѣсь онъ высказывалъ все, что мучило его совѣсть, получалъ разрѣшеніе грѣховъ и затѣмъ отпускалъ духовника, впродъ до новаго призыва свистомъ.

«Карлъ IV никогда не зналъ иной женщины, кромѣ своей жены, и эта воздержность тѣмъ болѣе необычайна, что онъ былъ надѣленъ могучимъ и пылкимъ темпераментомъ, и, подъ этимъ жгучимъ небомъ и среди красивѣйшихъ и самыхъ развращенныхъ въ Европѣ женщинъ, это можно объяснить лишь своего рода традиціонною добродѣтельностью».

Что особенно поражало иностранцевъ, имѣвшихъ доступъ къ испанскому двору, это—то ослѣпленіе, съ которымъ относился король къ поведенію королевы. Ни предупрежденія, ни интриги, ни постоянныя ухаживанія, ни даже поразительное сходство обоихъ его дѣтей съ княземъ Мира, не могли побороть его привычки хорошо думать о другихъ, такъ какъ онъ не вѣрилъ въ возможность прелюбодѣянія, въ особенности, со стороны принцессы. «Королева,—разсказываетъ Люсьенъ Бонапартъ,—доказала ему, въ дружескихъ и веселыхъ разговорахъ, что блескъ, которымъ она окружена, вполне достаточенъ, чтобы удалить всякое искушеніе, если бы она могла испытать его. Наконецъ, чтобы доказать вамъ избытокъ его легковѣрія, я прибавлю лишь слѣдующее: онъ разсказывалъ направо и налѣво, что его братъ, король неаполитанскій,—дуракъ, позволяющій своей женѣ руководить собою».

«Король,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ д'Абрантесъ,—крайне своеобразенъ по своему лицу и манерамъ; онъ высокъ ростомъ, съ бѣлыми и рѣдкими волосами; носъ, очень длинный, но украшалъ лица, на которомъ отражалось мало выразительности». Этотъ отпечатокъ доброты на лицѣ Карла IV отмѣченъ и Сегуромъ, видѣвшимъ его въ 1808 году и сказавшимъ про него, что это «государь, правда, цѣломудренный, благочестивый, честный и любезный, но лишенный всякаго образованія». Его туалетъ, по словамъ д'Абрантесъ, не отличался изысканностью. «Когда я имѣла честь увидѣть его,—пишетъ она,—на немъ былъ голубой камзолъ, въ

формѣ фрака, изъ довольно поношеннаго драпа, съ заходящими одна за другую лапачи, на подобіе того, какъ теперь носятъ юные республиканцы, лосиные панталоны и голубые чулки, подогнутые на колѣняхъ, какъ носили, сто лѣтъ тому назадъ, наши прадѣды. Это былъ его костюмъ для охоты, занятія, которому онъ отдавался съ любовью, не поддающагося никакому описанію».

II.

Королева Марія-Луиза была второю дочерью инфанта дона Филиппа, герцога пармскаго, и родилась въ Пармѣ 9-го декабря 1754 г. Она отличалась необыкновенною гордостью и, рассказываютъ, что, узнавъ, что вопросъ объ ея бракѣ съ наслѣдникомъ испанскаго престола рѣшенъ въ окончательной формѣ, потребовала, чтобы ей были воздаваемы всѣ почести, присвоенныя ея новому положенію. Сопровождающихъ внѣшнихъ знаковъ почтенія она требовала даже отъ своего брата Фердинанда, съ которымъ часто ссорилась. Однажды, повздоривши съ нимъ, Марія-Луиза сказала молодому герцогу: «я научу васъ обращаться со мною съ почтеніемъ, которое вы обязаны оказывать мнѣ, такъ какъ я буду испанскою королевой, а вы навсегда останетесь ничтожнымъ герцогомъ пармскимъ». «Въ такомъ случаѣ,—возразилъ тотъ,—ничтожный герцогъ пармскій будетъ имѣть честь дать пощечину королевѣ испанской». Такъ какъ инфантъ привелъ свою угрозу въ исполненіе, онъ былъ арестованъ по приказанію своего отца, но будущая королева тотчасъ же вступилась за него.

Королева прибыла къ испанскому двору очень юной, и на ея счетъ не замедлили распространиться оскорбительные для нея слухи. Поразительное вліяніе, которое она сумѣла приобрести надъ мужемъ, сдѣлало ее неоспоримою повелительницей королевства. Не будучи красивою, она была граціозна въ своей первой молодости, но къ тому времени, когда ее увидѣла д'Абрантесъ, она сильно измѣнилась. «Королева показала мнѣ еще красивою, — читаемъ въ воспоминаніяхъ супруги французскаго посла, — но она уже начала полнѣть, и ея подбородокъ двойлся, какъ у Екатерины II, что придавало ей видъ матроны». Въ тотъ день, когда д'Абрантесъ была представлена ей, она носила греческую прическу съ жемчугомъ и брильянтами, вплетенными въ ея волосы или, вѣрнѣе сказать, въ ея парикъ. Ея голая грудь была открыта очень низко, равно какъ и плечи. Ея руки, отличавшіяся большою красотою, были голы и украшены браслетами изъ великолѣпныхъ рубиновъ.

Въ восемь часовъ утра королева принимала гувернантокъ дѣтей, являвшихся къ ней для доклада, и назначала время и продолжительность прогулокъ. Затѣмъ она посвящала часть писанію пи-

семь, причемъ каждый день посылала письма и своему фавориту князю Мира.

Во время обѣда короля, первый государственный секретарь совѣщался съ нею о дѣлахъ и долженъ былъ увѣдомлять ее о докладахъ, которые предполагалось представить королю. Этотъ знакъ уваженія неизмѣнно оказывался ей, потому что министр, — говорить Люсьенъ Бонапартъ, — который отступилъ бы отъ этого, не продержался бы на мѣстѣ болѣе двадцати четырехъ часовъ.

Послѣ обѣда короля подавался обѣдъ королевѣ, которая садилась за столъ одна, въ присутствіи нѣсколькихъ камеристокъ. Подобные обѣды въ одиночку вошли въ обычай съ тѣхъ поръ, какъ королева была вынуждена къ особому режиму вслѣдствіе потери своихъ зубовъ, и ей приходилось прибѣгать къ помощи искусственныхъ, изготовлявшихся для нея тремя мастерами, входившими въ составъ ея свиты. Послѣ обѣда королева принимала лицъ, имѣвшихъ доступъ къ ней, и тогда-то наступалъ для нея самый блестящій моментъ ея повседневной жизни.

«Никто лучше ея не говоритъ пустяковъ, которые принято говорить на аудіенціяхъ. Она придаетъ безукоризненнаго изящества и ласковости своимъ вопросамъ о здоровьи, интересахъ и удовольствіяхъ тѣхъ, кого удостоиваетъ разговоромъ. Трудно соединить столько благородства съ такою непринужденностью».

Королева не имѣла ни друзей, ни наперсницъ, ни общества; она никогда не ѣздила на балы, не присутствовала при представленіяхъ. Этого требовалъ неумолимый этикетъ испанскаго двора, опутывавшій членовъ королевскаго дома своими желѣзными цѣпями. Исключеніе дѣлалось лишь въ пользу боя быковъ, зрѣлища, для присутствованія на которомъ король совершалъ переѣзды въ пять, шесть лѣтъ.

«Собственно говоря, царствуетъ она, — пишетъ Люсьенъ Бонапартъ о королевѣ, — а между тѣмъ она далеко не обладаетъ ни однимъ изъ качествъ, которые могли бы оправдать подобный захватъ власти... Признано, что у нея нѣтъ ни ума, ни знаній, ни твердости, и что, постоянно принося въ жертву своимъ причудливымъ наклонностямъ и позорнѣйшимъ капризамъ самые священныя интересы монархіи, она роняетъ и дѣлаетъ ненавистнымъ царствованіе Карла IV, лучшаго изъ людей и наиболѣе слабохарактернаго изъ королей».

«Ввѣренная въ своей первой молодости попеченіямъ аббата де-Кандильяка, воспитавшаго ея брата, она усвоила отъ этого знаменитаго наставника лишь привычку говорить довольно правильно пофранцузски. Одаренная однимъ талантомъ — безпрестанно возмущать мелкими интригами окружавшихъ ее людей, она способна, въ дѣйствительности, царить надъ одними лакеями».

«Необходимость въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ скрывать

Испанскій король Карлъ IV.

отъ короля безпорядочность своей жизни приучила ее къ большой скрытности. Нѣтъ женщины, которая лгала бы съ большей увѣренностью и отличалась бы болѣе скрытымъ вѣроломствомъ. Совершенно ненабожная и даже невѣрующая, но слабохарактерная и боязливая до крайности, она при малѣйшей призрачной опасности поддавалась всѣмъ ужасамъ суевѣрнаго страха, а когда разражалась гроза, накрывалась четками и разными реликвіями».

Будучи уже въ лѣтахъ, она отличалась неумѣстною кокетливостью, а ея манера одѣваться граничила съ неприличіемъ. Ея расходы на туалеты достигали необычайныхъ размѣровъ, и каждый курьеръ, пріѣзжавшій изъ Парижа, привозилъ для нея по два, по три платья. Она всевозможными способами старалась сглаживать на своемъ лицѣ слѣды, которые оставляло на немъ время, и изысканіе средствъ для достиженія этой цѣли было поручено особому придворному аптекарю.

Королева ни къ кому и ни къ чему не чувствовала привязанности: князь Мира былъ единственнымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ подчинить ее себѣ. Объясненіе его необычайнаго вліянія на королеву мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ Люсьена Бонапарта: «Это порабощеніе слѣдуетъ приписать не любви и не привычкѣ. Князь прекрасно зналъ эту коварную женщину и все, чего можно опасаться съ ея стороны. Поэтому онъ до того опуталъ ее своими сѣтями, что навсегда предохранилъ себя отъ ея преслѣдованій, и она постоянно должна была страшиться его мести».

Для обрисовки личности королевы характерны ея столкновенія съ герцогиней Альба.

Герцогиня Альба, занимавшая въ Испаніи первое мѣсто послѣ членовъ королевской семьи, хотѣла соперничать съ королевой своею роскошью, экипажами и т. д. Это соперничество до того волновало и сердило королеву, что нѣсколько разъ, когда высококомѣрная герцогиня подѣзжала къ парку въ одномъ изъ своихъ блестящихъ экипажей, ей передавали повелѣніе отказаться отъ предполагаемой прогулки. «Король Карлъ IV, быть можетъ, для того, чтобы не сердиться, смѣялся надъ тѣмъ, что онъ называлъ мелкими женскими дразгами; однако, герцогиня и ея друзья, вполнѣ справедливо возмущенные подобными мелочными проявленіями женской тиранніи, не всегда ограничивались невинными шутками по этому поводу; до свѣдѣнія короля дошли колкія и даже оскорбительныя замѣчанія, и, переставъ смѣяться, онъ ссылая герцогиню въ ея имѣнія». Однако, мирная жизнь вдали отъ двора скоро наскучивала герцогинѣ, и она приносила повинную и получала прощеніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять приняться за старое.

Повидимому, зависть королевы къ своей соперницѣ иногда заходила слишкомъ далеко.

Дворецъ, въ которомъ герцогиня принимала своихъ друзей,

являлся верхомъ изящества и хорошаго вкуса; къ ней съѣзжались тѣмъ болѣе охотно, что каждый былъ увѣренъ, что встрѣтитъ великолѣпный приемъ. Два раза этотъ дворецъ былъ подожженъ неизвестною рукою, и оба раза герцогиня восстанавливала его. Когда во второй разъ онъ былъ окончательно отдѣланъ и украшенъ, герцогиня устроила въ немъ большое празднество, окончившееся ранѣе обыкновеннаго. «Разъѣзжайтесь,—говорила она своимъ приглашеннымъ.—И не могу доставить другимъ удовольствія съечь мой дворецъ; я сама позабочусь объ этомъ». Вслѣдъ затѣмъ она приказала поджечь его.

Вскорѣ послѣ этого она умерла отъ неизвестной причины.

Для лучшаго ознакомленія читателя съ личностью Маріи-Луизы мы приведемъ мастерскую характеристику ея, сдѣланную г. Лаба въ статьѣ, посвященной имъ Марракскому замку. «Она не покидала короля и всецѣло управляла имъ. Несчастьемъ его и несчастьемъ Испаніи было то, что, до такой степени управляя своимъ мужемъ, она не управляла лишь самой собою. Когда Наполеонъ увидѣлъ ее въ первый разъ въ Байоннѣ, онъ былъ готовъ отшатнуться отъ ужаса. Ей съ юности не доставало свѣжести, пріятности въ лицѣ. Съ годами ея сухія, грубыя черты стали напоминать мегеру. Чувствуется, что она создана для борьбы, пригодна для того, чтобы командовать, оспаривать, оскорблять. Крупная по размѣрамъ, краснолицая, съ толстою и чувственною губою, съ рѣзкимъ голосомъ, съ рѣзкими движеніями, съ отпечаткомъ уличной смѣлости на лицѣ,—вотъ ея портретъ, по которому легко понять впечатлѣніе, которое она произведетъ на императора въ 1808 году. Рѣдко лицо женщины обнаруживало болѣе вождѣлнй, и при томъ самыхъ грубыхъ. Ея жизнь—лишь непрекращающійся развратъ. Выданная замужъ ребенкомъ, за глаза, она съ самаго своего прибытія въ Мадридъ возбудила недовѣріе въ своемъ тестѣ, благочестивомъ и суровомъ Карлѣ III. Онъ велитъ наблюдать за нею. Ею накрываютъ въ то время, когда она вечеромъ, одна, переодѣтая, бродитъ по улицамъ въ погонѣ за приключеніями. Въ какой бы ранній періодъ ея жизни ни разсматривать ее, въ ней не видно никакого удержу, никакого уваженія къ самой себѣ, къ своему достоинству, къ своему полу, никакихъ добродѣтелей, общественныхъ или семейныхъ. Позднѣе, одинъ испанскій, якобы офиціозный, историкъ будетъ вправѣ написать про нее, что она обратила испанскій дворъ въ грязную яму. Она столь же мало мать, какъ и жена, столь же мало королева какъ мать и жена. Итальянка по наружности и по душѣ, она соединяетъ въ себѣ худшія особенности этой расы. Она отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ религіи, но она суевѣрна. Ея туалетъ соответствуетъ ея лицу. Она одѣвается съ полнѣйшимъ отсутствіемъ хорошаго вкуса, какъ экстравагантная молодая женщина, какъ дѣвка. Если Карлъ любитъ, чтобы дамы были въ перчаткахъ, у нея

какъ разъ обратный вкусъ. Она знаетъ, что у нея красивыя руки, и хочетъ, чтобы это всѣмъ было извѣстно. Анахронизмъ и откровенность ея туалетовъ доходятъ до безстыдства. Въ пятьдесятъ лѣтъ эта потаскуха обнаруживаетъ невоздержность Мессалины. Ей мало одного Годоя: она открываетъ свою постель каждому желающему. Годой является для нея поставщикомъ. Когда всѣ милости, чины, должности, титулы, ордена, ленты исчерпаны ею для Годоя, она устраиваетъ его бракъ съ донной Маріей-Луизой Бурбонской, своей двоюродной сестрою, дочерью инфанта дона Луи. Такимъ образомъ, верхъ скандала, она связываетъ его официальными узамъ съ королевскимъ домомъ. Но Годой женатъ, женатъ на Жозефѣ Тюдо, у него есть дѣти? Пустяки, онъ подѣлитъ себя между обѣими своими женами. Сама Марія-Луиза мало требовательна».

III.

Фердинандъ,¹ принцъ астурийскій, на престолѣ Фердинандъ VII родился въ 1784 году, и, слѣдовательно, ко времени, когда разыгралась байонская трагикомедія, ему было двадцать четыре года. Онъ былъ уже вдовъ, такъ какъ его жена, дочь короля неаполитанскаго, пала въ 1802 году жертвою гнуснаго преступленія: она умерла въ страшныхъ мученіяхъ, нѣскольکو часовъ спустя послѣ выпитой ею чашки шоколада. Придворный аптекаръ, на котораго падало подозрѣніе, что ядъ былъ добытъ черезъ его посредство, былъ найденъ въ своей комнатѣ удушеннымъ, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти принцессы. Фердинанду не было даже позволено находиться при женѣ въ послѣдніе моменты ея жизни, и почти тотчасъ послѣ ея кончины его хотѣли принудить жениться на одной бурбонской принцессѣ, младшей сестрѣ жены Годоя, князя Мира.

Вотъ въ какихъ яркихъ краскахъ рисуетъ Фердинанда г. Лаба, блестящую характеристику котораго Маріи-Луизы мы привели выше.

«Посмотрите на него на портретѣ, оставленномъ Карницero, а Карницero, художникъ королевской семьи, безъ сомнѣнія, хорошій царедворецъ, не могъ быть склоненъ преувеличивать недостатки своей модели. Взглядъ фальшивъ, губа отвисаетъ, придавая лицу выраженіе бессмысленности; одинъ лишь носъ еще чуть-чуть напоминаетъ о происхожденіи отъ бурбоновъ. И обратите вниманіе на эти признаки вырожденія: ухо толстое и короткое, съ почти приросшей лопастью; прогнатизмъ нижней челюсти говоритъ о чѣмъ-то звѣрскомъ и жестокомъ. Нижняя часть его лица безобразна и дѣлаетъ его отвратительнымъ». Въ своей «Исторіи XIX столѣтія», сочиненіи, внушенномъ антинаполеоновскою страстью, Мишле, въ моментъ одного изъ тѣхъ молніеносныхъ просвѣтлѣній генія, которыя прорѣзываютъ иногда мракъ ненависти, признаетъ Фердинанда отвратительнымъ, пагубнымъ. Никогда еще природа не изображала

преступленія въ болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ на лицѣ Фердинанда. Уже въ молодости онъ напоминалъ своими чертами стараго осужденнаго преступника. Позднѣе, насчетъ Фердинанда сложились поговорка; она рисуеъ его такимъ же, какъ и его портретъ, но съ какою силою, съ какою жесткою, ужающею вѣрностью дѣйствительности! «Отъ макушки головы до лба—невинный, отъ лба до носа—непріятный, отъ носа до сердца—Неронъ, отъ сердца внизъ—огромный Пріапъ» (выраженіе смягчено). Для того, чтобы царствовать, Фердинандъ хочетъ всего, готовъ на все. Трудно сомнѣваться, чтобы онъ не думалъ и объ отцеубійствѣ. По крайней мѣрѣ, его отецъ, имѣвшій свою полицію, знаетъ, какого взгляда держаться на этотъ счетъ. Карлъ хотѣлъ предать своего сына суду инквизиціи по обвиненію въ желаніи лишитъ его престола. Но онъ не осмѣлился дойти до этого. Опеку Наполеона Фердинандъ готовъ переносить покорно, готовъ быть королемъ на отчетѣ, но лишь бы только быть королемъ. Онъ подлѣ: арестованный за годъ передъ байонскими событіями, вслѣдствіе открытія компрометировавшихъ его документовъ, онъ выпутывается изъ бѣды, губя своихъ друзей. Онъ хитеръ: онъ входитъ въ сношенія съ Наполеономъ тайкомъ, подпольными путями, точно сговариваясь съ соумышленникомъ насчетъ чего либо дурнаго. Испанія является для него лишь двадцатью милліонами подданныхъ, надъ которыми можно изощрять свои капризы и презрѣніе. У него нѣтъ ни національнаго самосознанія, ни патріотизма: неслыханная низость, которой никто не требовалъ отъ него,—онъ первый будетъ привѣтствовать воцареніе Іосифа, будетъ выпрашивать у новаго короля ленту его ордена! Крайне глупый, онъ не умѣетъ вести разговора, а если и заговоритъ, то быстро переходитъ отъ непристойностей къ благочестивымъ темамъ, поочередно являясь то ханжею, то распутникомъ. Пріапъ, да, но Пріапъ, въ высшей степени пропикнутый католицизмомъ. Герцогъ Равиго рассказывалъ, какъ онъ былъ пораженъ, когда однажды Фердинандъ спросилъ его, воздаеъ ли Наполеонъ особое поклоненіе Пресвятой Дѣвѣ Маріи, и бываетъ ли принцесса Зинаида, на которую онъ смотрѣлъ уже, какъ на свою жену, каждый день у обѣдни и хорошо ли она читаетъ молитвы. Дурной сынъ, онъ ненавидитъ своихъ родителей, платящихъ ему тѣмъ же, скрытою и дикою несправедливостію. Какимъ образомъ испанцы, великодушные, склонные къ облагораживающимъ душу чувствамъ, могли ввѣриться ему? Только изъ ненависти къ Годою. А «онъ не лучшаго стоитъ»—сказалъ про него Шатобріанъ. Не многого не доставало, чтобы Фердинандъ подошелъ подъ опредѣленіе, которымъ д'Абрантесъ хочетъ изобразить его: «мягкій въ бѣдѣ, наглый и жестокий въ счастіи, онъ является олицетвореніемъ дурнаго во всемъ томъ, что есть въ человѣческой природѣ постыднаго».

Кромѣ короля, королевы и принца астурийскаго, королевская семья состояла еще изъ дона Карлоса, младшаго брата Фердинанда, королевы эструрійской и ея сына и инфанта дона Антоніо.

IV.

Но если всѣ члены испанскаго королевскаго дома производили грустное впечатлѣніе на иностранцевъ, видѣвшихъ ихъ, то какъ разъ обратное впечатлѣніе выносили всѣ путешественники отъ посѣщенія налюбленной резиденціи испанскаго двора—Аранжуеца. «Это—не Швейцарія, не Франція, не Італія, однимъ словомъ, это—Аранжуецъ, земной рай, пишеть въ своихъ воспоминаніяхъ герцогиня д'Абрантесъ.—Гдѣ найти эти бьющіе фонтаны, питаемые двумя рѣками, омывающими своими волнами островъ, на которомъ солнце оплодотворяетъ самые чудные цвѣты, самые рѣдкіе плоды всѣхъ странъ и климатовъ, деревья такіа, какими намъ ихъ рисуетъ воображеніе въ той обѣтованной странѣ, гдѣ гроздія винограда могутъ поднять лишь два человѣка. Когда видѣлъ Аранжуецъ, хочется описать его, а это положительно невозможно, въ особенности, тогда, когда, подобно мнѣ, пришлось увидѣть его въ моментъ, когда природа пробуждается отъ своего зимняго сна, когда все ея великолѣпіе, вся ея пышность наперерывъ развертываются въ этихъ безплоднѣйшихъ и неблагодарнѣйшихъ мѣстахъ. Въ Аранжуецѣ встрѣчаешь самую ослѣпительную роскошь, достигшее предѣльнаго блеска великолѣпіе; но это великолѣпіе, эта роскошь—твореніе самой природы, даваемая чудными рощами изъ вѣковыхъ деревьевъ, лугами съ короткой и расцвѣченной цвѣтами травой, столь же густой, какъ и эластичной. Какъ наслаждаешься этой роскошью природы и въ то же время спокойствіемъ, ощущаемымъ съ такою нѣгою въ чудные дни, когда солнце еще усиливаетъ пышность зрѣлища! Громадныя широко вѣтвистыя деревья, вода на каждомъ шагу, высокія стѣны зелени, лишеныя однообразной правильности,—вотъ въ чемъ заключается великолѣпіе сада на островѣ. Я не думаю, чтобы рука человѣка могла прибавить что нибудь къ нему, не испортивъ его. Calle de la Reупа, великолѣпная аллея вязовъ, которымъ, какъ говорятъ, выше пяти сотъ лѣтъ, протянувшаяся болѣе чѣмъ на половину испанской мили, уже сама по себѣ является однимъ изъ лучшихъ украшеній Аранжуеца. Тамъ-то, въ одинъ прекрасный вечеръ, я снова увидѣла королеву и королевскую семью; принцессы прогуливались въ экипажахъ, каждая отдѣльно, и никогда вмѣстѣ; такимъ-то образомъ, очень медленно, нѣсколько разъ въ одинъ вечеръ, онѣ проѣзжаютъ взадъ и впередъ, съ одного конца Calle до другого; каждый разъ, когда онѣ встрѣчаются, онѣ раскланиваются съ вѣжливостью, которая можетъ быть признана безупречною, но только ужъ не привѣтливою. Какъ лamy, такъ и мужчины, встрѣчавшіеся съ ними,

тотчасъ же останавливались; дамы кланялись, а мужчины мгновенно спускали съ себя свою сара, которою, за мгновенье передъ этимъ, драпировались во множество изящныхъ складокъ. Что же касается королевы и принцессы, то когда онѣ проѣзжали мимо дамы, къ которой были расположены, и которая по своему положенію, происходя отъ грандовъ Испаніи или *titulados* Кастиліи, могла удостоиться публичнаго проявленія милости, то принцесса, желавшая оказать ей вниманіе, дѣлала ей рукою или вѣромъ дружескій знакъ, какъ бы призывая ее къ себѣ. Подобнаго знака милости крайне добиваются.

«Когда королева проѣзжала мимо мѣста, у котораго я остановилась, она, улыбаясь, въ высшей степени граціозно наклонила голову и присоединила къ этому привѣтствіе рукою. Какъ можно видѣть, милость была полная. Когда инфанты, братья короля, возвращались достаточно рано съ злополучной охоты, дѣйствительно, приближавшейся къ мапьячеству, они, чтобы развлечься, садились верхомъ и сопровождали принцессу во время ихъ катанія».

Сквозь вѣтви каштановъ и акацій, росшихъ въ паркѣ, видѣлся окруженный садомъ-цвѣтникомъ небольшой дворецъ; его крыша едва достигала верхушекъ деревьевъ. «Это *sala del labrador*, хижина земледѣльца; это зданіе, представляющее по своей внѣшности изящную простоту, заключаетъ въ себѣ все, что можно видѣть самаго роскошнаго и отличающагося безукоризненнымъ вкусомъ. Все въ этомъ дворцѣ миниатюрѣ пропорціонально его размѣрамъ; художники Франціи, Италіи и Испаніи работали надъ украшеніемъ его. Въ этой-то *sala del labrador* собиралась иногда для завтрака королевская семья. Сюда же являлась королева, чтобы блистать своими поблекшими прелестями и наслаждаться разговоромъ съ гитаристомъ Годоемъ или же присоединять звуки своего голоса къ аккордамъ новаго Рипціо. Намъ показывали бесѣдку изъ боярышника, неоднократно служившую пріютомъ для этой влюбленной пары».

Разразившаяся вскорѣ война не пощадила и Аранжуеца. При проходѣ арміи маршала Сульта, послѣ эвакуаціи Андалузіи, дворецъ былъ пустъ, и топоръ саперовъ опустошалъ рощи Аранжуеца. Правда, были разставлены часовые въ мѣстахъ, которые хотѣли пощадить, но это было сдѣлано слишкомъ поздно. Расположившіяся лагеремъ войска въ одну ночь сожгли болѣе чѣмъ на полмилліона франковъ хинныхъ деревьевъ, фунтъ которыхъ, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоилъ болѣе ста франковъ. Великолѣпныя фортепяно Урара послужили матеріаломъ для топлива, и солдатъ очень забавляло, когда струны звенѣли, разрываясь подъ вліяніемъ огня. Громадныя зеркала разбивались вдребегги. Солдатъ, проникнувъ въ пышные покои дворца, видѣлъ свое отраженіе въ этихъ зеркалахъ, съ ногъ до головы. «Ахъ, такъ вотъ ты гдѣ, гнусный грабитель»,— говорилъ онъ, обращаясь къ своему двойнику въ зеркалѣ.— «Обожди,

разбойникъ, я сведу съ тобою счеты, и ты получишь то, чего заслуживаешь!» За этими словами слѣдовалъ ударъ саблею или прикладомъ въ свое же собственное изображеніе, и зоркало разсыпалось. Не лучшая участь постигла книги и картины.

V.

Враждебность, обнаруженная Испаніей незадолго до іенскаго сраженія, не могла не обратить на себя серьезнаго вниманія Наполеона. Онъ не могъ не сознавать всей опасности, которую, въ случаѣ малѣйшей его неудачи, должна была представить для него Испанія, въ особенности, тогда, когда всѣ его силы, всѣ его помыслы были отвлечены на сѣверъ. А разъ онъ созналъ это, разъ мысль о необходимости оградить себя съ этой стороны запала ему въ голову, онъ уже не далъ усыпить себя льстивыми завѣреніями въ дружбѣ, которыя испанскій дворъ сталъ расточать передъ нимъ послѣ іенскаго погрома. Онъ твердо усвоилъ себѣ, что Испанія съ тѣмъ правительствомъ, которое стояло во главѣ ея, являлась для него постоянною опасностью, могущею разразиться тогда, когда онъ менѣе всего ожидалъ этого. Поэтому онъ тогда же задался намѣреніемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ движенія къ португальской границѣ, наводнить Испанію французскими войсками, вошедшими въ эту страну и проникшими до самаго Мадрида.

Твердо рѣшивъ въ своемъ умѣ тѣмъ или другимъ путемъ вырвать корону Испаніи изъ рукъ Бурбоновъ, онъ первоначально остановился на планѣ, который менѣе всего могъ бы возмутить противъ него общественное мнѣніе Европы,—онъ рѣшилъ цѣлымъ рядомъ искусныхъ мѣръ подтолкнуть членовъ испанскаго королевскаго дома бѣжать изъ Испаніи и такимъ образомъ очистить нужный ему престолъ. Всѣ дѣйствія Наполеона были такъ хорошо рассчитаны, что бѣгство королевской семьи было окончательно рѣшено, всѣ приготовленія сдѣланы, и назначенъ день отъѣзда изъ Аранжуеца. Но въ своихъ расчетахъ Наполеонъ не принялъ во вниманіе одного—вражды между королемъ и королевой и ихъ сыномъ и наслѣдникомъ Фердинандомъ. Послѣдній объявилъ своимъ приверженцамъ, что предположенное бѣгство является насиліемъ надъ его волей, и въ нѣкоторомъ родѣ просилъ ихъ заступничества. Такимъ путемъ вѣсть о малодушномъ бѣгствѣ королевскаго дома быстро разнеслась по всему Аранжуецу и вызвала негодованіе народа, рѣшившаго воспротивиться ему. Слѣдствіемъ этого явилась революція 20-го марта 1808 года; она разразилась, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ ненависти испанцевъ къ всемогущему князю Мира, котораго, между прочимъ, обвиняли въ томъ, что онъ предалъ Испанію въ руки Франціи, и, какъ извѣстно,

Испанская королева Марія-Луїза.

привела къ отреченію Карла IV отъ престола въ пользу сына своего Фердинанда. Со вступленіемъ на престолъ Фердинанда VII, врага Франціи, опасность, грозившая Наполеону со стороны Пиринейскаго полуострова, лишь усиливалась. Поэтому, въ виду неудачи, постигшей первоначальный планъ, нужно было принять самыя энергическія мѣры, чтобы оградить себя отъ возможныхъ случайностей; тогда-то у Наполеона зародился новый предательскій замыселъ, служащій основною темою трагикомедіи, которой суждено было разыграться въ Байоннѣ: воспользоваться отцомъ, какъ орудіемъ противъ сына, завлечь къ себѣ сына, принудить его, въ свою очередь, отречься отъ престола въ пользу отца и склонить отца уступить свои права на престолъ Испаніи ему, Наполеону, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ простымъ декретомъ назначить королемъ Испаніи одного изъ своихъ братьевъ, — вотъ въ чемъ Наполеонъ увидѣлъ возможность разъ навсегда покончить съ испанскимъ вопросомъ и избавиться отъ необходимости дѣлать свое вниманіе и силы между сѣверомъ и югомъ Европы. Планъ этотъ, создавшійся подъ вліяніемъ хода событій, многія подробности котораго, весьма вѣроятно, выяснились для самого Наполеона лишь тогда, когда онъ началъ приводить его въ дѣйствіе, блестяще удался ему. Можно сказать даже, что достигнутый имъ успѣхъ превзошелъ его ожиданія: Фердинандъ VII самъ отдался въ его власть и тѣмъ облегчилъ ему достиженіе задуманной цѣли. Наполеонъ не призналъ Фердинанда королемъ Испаніи, и вотъ, Фердинандъ, при всей своей ограниченности, ясно сознававшій, какого врага онъ можетъ имѣть въ Наполеонѣ, самъ рѣшается явиться на французскую территорію, чтобы просить Наполеона о признаніи его королемъ Испаніи и о разрѣшеніи ему искать руки одной изъ принцессъ его дома. — «Что за вѣрлище! — восклицаетъ г. Лаба въ своей статьѣ, посвященной байонскимъ событіямъ, — вотъ принцъ, принцъ по божественному праву, вознесенный на престолъ революціей, а императоръ, вышедшій изъ рядовъ революціи, отказывается признать законность его воцаренія! Этотъ Бурбонъ является снискать инвеституру Бонапарта, а вмѣстѣ съ инвестиурою и руку одной изъ принцессъ его рода!».

Съ своей стороны Карлъ IV съ Маріей-Луизой, узнавъ о поѣздкѣ Фердинанда и опасаясь, какъ бы онъ не повредилъ имъ въ мнѣніи Наполеона, тоже поспѣшили вслѣдъ за сыномъ, еще ранѣе выразивъ свое согласіе, изъ вражды къ нему, объявить свое отреченіе вынужденнымъ.

Такимъ образомъ, Наполеонъ получалъ въ свои руки и отца, и сына. Повидимому, сама судьба покровительствовала осуществленію его коварныхъ замысловъ...

VI.

Для приведенія своего плана въ исполненіе Наполеонъ увидѣлъ себя вынужденнымъ приблизиться къ испанской границѣ. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ отправиться въ Байонну. Предпринятое имъ путешествіе было возвѣщено официально подъ видомъ поѣздки для посѣщенія южныхъ департаментовъ. Онъ увѣжалъ одинъ, а Жозефина должна была присоединиться къ нему въ Бордо.

2-го апрѣля 1808 года, Наполеонъ выѣхалъ изъ Сентъ-Клу. Хотя поѣздки императора предусматривались заранѣе, однако, никогда не были извѣстны ни часъ отъѣзда, ни дорога, по которой онъ поѣдетъ; поэтому оберъ-гофмаршалъ, оберъ-штабмейстеръ и оберъ-камергеръ высылали заблаговременно все необходимое для путешествія на различные дороги, которыя онъ могъ включить въ свой маршрутъ. Личная прислуга Наполеона во время путешествій состояла изъ камердинера и человѣка, завѣдывавшаго гардеробомъ. Констанъ никогда не покидалъ его, и его экипажъ слѣдовалъ за экипажемъ Наполеона въ очень близкомъ разстояніи. Въ экипажѣ Констана помѣщались желѣзная кровать со всѣми принадлежностями и необходимый запасъ бѣлья и платья. Экипажи съ переносною плитой, кухонною посудой, запасомъ провизіи и винъ, лично для Наполеона съ запасомъ Шамбертена, опережали императорскій поѣздъ на нѣсколько часовъ. Оберъ-гофмаршалъ заранѣе намѣчалъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ состояться завтракъ. При путешествіяхъ по Франціи останавливались въ архіепископскихъ домахъ, въ ратушахъ, у супрефектовъ или, наконецъ, за неимѣніемъ административныхъ властей, у мэра. Какъ только пріѣзжали къ назначенному мѣсту, изъ экипажа доставалась плита, разводился огонь, начиналось приготовленіе. Иногда случалось, однако, что императоръ, найдя, что завтракать рано, или желая сдѣлать большій переѣздъ, приказывалъ не останавливаться. Тотчасъ же все снова укладывалось, и походная кухня продолжала свой путь. Иногда императоръ вдругъ останавливался среди поля, выходилъ изъ экипажа, садился подъ деревомъ и требовалъ завтракать. Мамелюкъ Рустанъ съ лакеями доставали изъ экипажей закрытыя серебряныя кастрюльки съ цыпятами и куропатками, вино и прочее; метръ д'отель служилъ императору, остальные ѣли стоя. Разводился огонь, чтобы подогрѣть кофе, и менѣе чѣмъ въ полчаса все было кончено; экипажи снова катились въ томъ же порядкѣ, какъ и до остановки.

Въ нѣсколькихъ лье отъ Шательро комендантъ дворца (*com-mendant du palais*) Боссе, предшествовавшій Наполеону на цѣлыя сутки, встрѣтилъ графа Фернана-Нунеса, гранда Испаніи, послан-

наго Фердинандомъ VII на встрѣчу къ Наполеону. Между прочимъ, онъ сообщилъ Боссе, что онъ «адъютантъ короля, посланный привѣтствовать императора, возвѣстить ему о восшествіи на испанскій престолъ Фердинанда VII и собственными глазами увидѣть племянницу императора, на которой долженъ жениться его государь». Боссе съ трудомъ пришлось разувѣрить его въ этомъ, и онъ даже показалъ ему списокъ лицъ, слѣдовавшихъ въ свитѣ императора, и тѣхъ дамъ, которыя должны были сопровождать императрицу Жозефину, изъ котораго ему пришлось убѣдиться, что среди нихъ нѣтъ принцессы, которую онъ долженъ былъ увидѣть собственными глазами.

Фернанъ-Нуñezъ встрѣтилъ Наполеона въ Турѣ, но не былъ принятъ имъ и письмо Фердинанда VII къ Наполеону передалъ Дюроку. Въ то же самое время Наполеонъ узналъ, что два другіе гранда пріѣхали въ Байонну, и что князь Массерано, находившійся въ Парижѣ, облеченъ полномочіями новаго короля; однако, онъ не хотѣлъ рѣшиться на что либо опредѣленное, въ особенности, не переговоры съ княземъ Мира, котораго ожидалъ въ Байонну. Къ тому же, письмо Мюрата указывало ему на возможность пріѣзжа туда самого Фердинанда.

Несмотря на уклончивый образъ дѣйствій Наполеона по отношенію къ посланцу Фердинанда, въ мысляхъ императора испанскіе Бурбоны, повидному, уже перестали существовать, потому что еще 27-го марта 1808 года письмомъ, помѣченнымъ изъ С.-Клу, онъ предлагалъ испанскій престолъ своему брату Лудовику, королю голландскому. Послѣдній, однако, отказался отъ него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я не какой нибудь губернаторъ провинціи; для королей нѣтъ другого повышенія, какъ переходъ на небо; они всѣ равны. По какому праву я могъ бы требовать присяги въ вѣрности отъ другого народа, если я не останусь вѣрнымъ той, которую далъ Голландіи при моемъ вступленіи на престолъ». «Людовикъ,—прибавляетъ Дюсере,—уже позабылъ, что онъ былъ обязанъ своимъ вѣнцомъ лишь одной полѣ своего брата Наполеона».

Послѣ нѣсколькихъ дней остановки въ Бордо, куда между тѣмъ прибыла Жозефина, Наполеонъ продолжалъ свой путь къ Байоннѣ. Туда же, нѣсколько времени спустя, отправилась и императрица.

14-го апрѣля, вечеромъ, Наполеонъ прибылъ въ Байонну. Ему была устроена великолѣпная встрѣча. Суда были распѣвлены флагами, дома роскошно иллюминированы; радостные крики безчисленной толпы, собравшейся привѣтствовать Наполеона, звуки военной музыки, колокольный звонъ, пушечные выстрѣлы,—все это сливалось въ одинъ немолчный гулъ, стоявшій надъ городомъ. Восторгъ толпы дошелъ до того, что, несмотря на запрещеніе Наполеона, выпрягли лошадей у его экипажа и повезли его на себѣ.

Первоначально Наполеонъ остановился въ «правительственномъ

дворцѣ» (palais du gouvernement); хотя дворецъ былъ омеблированъ съ достаточнымъ изяществомъ, но Наполеону онъ крайне не понравился, и, нѣсколько дней спустя, 17-го апрѣля, онъ писалъ Жозефинѣ: «Мое помѣщеніе здѣсь ужасно. Черезъ часъ я мѣняю его и расположусь, въ полулье отсюда, въ одномъ загородномъ домѣ. Здѣсь находятся инфантъ донъ-Карлосъ и пять или шесть грандовъ Испаніи; принцъ аsturійскій въ двадцати лѣтъ отсюда; прѣзжаютъ король Карлъ съ королевой. Не знаю, гдѣ я размѣщу ихъ всѣхъ».

Загородный домъ, о которомъ упоминаетъ Наполеонъ, это историческій замокъ Марракъ. Имѣніе, въ которомъ онъ былъ построенъ, было куплено нѣкогда королевой Маріей-Анной Нейбургской, вдовою Карла II, проведеншей въ Байоннѣ, послѣ своего удаленія отъ испанскаго двора, цѣлыхъ тридцать два года. Избранное ею сначала мѣсто-пробываніе въ Лиссагѣ оказалось тѣснымъ для нея, и она приказала построить въ Марракѣ, въ живописной мѣстности, замокъ, извѣстный подъ тѣмъ же наименованіемъ. Однако, она не могла рѣшиться поселиться въ немъ, такъ какъ узнала, что одна изъ ея придворныхъ, безъ ея вѣдома, занимала въ немъ квартиру въ то время, когда всѣ работы не были еще окончены. Она такъ и не жила въ Марракѣ, а для своего лѣтняго пребыванія избрала имѣніе С. Мишель. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Марракъ принадлежалъ нѣкому байонскому еврею Марфуа, у котораго и былъ купленъ Наполеономъ за 60.000 франковъ. Нѣкоторые находятъ эту цѣну слишкомъ дешевой и ставятъ это въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что сынъ прежняго владѣльца марракскаго замка былъ первымъ евреемъ, допущеннымъ во французское военное училище. За такую же цѣну было куплено и имѣніе Сенъ-Мишель, предназначавшееся для Жозефины. Замокъ былъ наскоро приспособленъ для пребыванія Наполеона, а его садъ превращенъ въ лагерь для императорской гвардіи. Наполеонъ переселился въ него 17-го апрѣля, предназначивъ свое байонское помѣщеніе для членовъ испанской королевской семьи, которыхъ онъ надѣялся скорѣе собрать всѣхъ въ Байоннѣ.

Въ Марракѣ былъ «созданъ своего рода временный городъ; деревянные бараки послужили помѣщеніемъ для императорской гвардіи, которая должна была содержать караулы въ замкѣ попеременно съ почетной стражей изъ гражданъ Байонны; прекрасная дорога въ Байонну была быстро проведена безчисленнымъ множествомъ рабочихъ и солдатъ, и Марракъ, какъ бы превратившись въ блестящую и оживленную часть Байонны, наполнился офицерами, всѣсками, должностными лицами и экипажами. Всѣ занятія и работы были, такъ сказать, прерваны, и все населеніе города, радостное и разодѣтое по-праздничному, каждый день направлялось въ Марракъ, чтобы любоваться этимъ новымъ кварталомъ, такъ сказать, съ импрови-

звированнымъ присутствіемъ Наполеона и дѣятельностью, которую онъ разливалъ вокругъ себя».

Императорская гвардія расположилась лагеремъ противъ дворца.

Кавалерія была размѣщена въ окрестностяхъ. Часть Маррака, позади парка, превратилась въ плацъ для маневровъ, и тамъ-то Наполеонъ производилъ смотры и воодушевлялъ голосомъ и взглядомъ войска, направлявшіяся въ Испанію.

Впослѣдствіи утверждали, что войска, предназначенныя для дѣйствій на Пиринейскомъ полуостровѣ, обнаруживали неудовольствіе. Но, по словамъ Дюсере, это не правда, такъ какъ французскіе солдаты не имѣли обыкновенія быть недовольными, выступая въ походъ, и, къ тому же, они рассчитывали на скорое возвращеніе: по ихъ мнѣнію, дѣло шло лишь о подавленіи мятежа. По поводу байонскихъ смотровъ одинъ очевидецъ пишетъ слѣдующее: «Большимъ удовольствіемъ для Наполеона было производство смотровъ въ Марракскомъ паркѣ. Тамъ, среди солдатъ, его лицо расцвѣтало; его взглядъ, его жесты, его голосъ, вплоть до его капризовъ, все принимало воинственный характеръ. Одно его присутствіе разжигало храбрость, одно его слово будило въ сердцахъ всѣхъ славолюбивыя стремленія».

Въ Байоннѣ Наполеона ожидала португальская депутація, представившаяся ему нѣсколько часовъ спустя послѣ его пріѣзда. Наполеонъ не далъ времени главѣ депутаціи, графу Лима, начать привѣтственную рѣчь, которую тотъ, безъ сомнѣнія, приготовилъ для этого случая, и неожиданно для всѣхъ заговорилъ первый.

— Я не знаю,—проговорилъ онъ,—какъ я поступлю съ вами; это будетъ зависѣть отъ того, что произойдетъ на югѣ. Къ тому же, можете ли вы образовать государство? Представляете ли вы достаточную величину для этого? Вы покинуты вашимъ государемъ, онъ позволилъ англичанамъ увести себя въ Бразилію. Этимъ онъ совершилъ великую глупость, и онъ раскается въ ней.

Повернувшись при этомъ къ де-Прадту, онъ замѣтилъ весело:

— Съ государями то же самое, что и съ епископами: необходимо, чтобы они имѣли резиденцію.

Обратившись затѣмъ къ графу Лима, онъ спросилъ его, какъ велико населеніе Португаліи, и, точно отвѣчая на свой собственный вопросъ, прибавилъ:—Два милліона?

— Болѣе трехъ,—отвѣчалъ графъ.

— А, я не зналъ этого!—возразилъ Наполеонъ.—Ну, а въ Лиссабонѣ—150.000 душъ?

— Болѣе чѣмъ вдвое,—невозмутимо отвѣчалъ графъ.

— А! я не зналъ этого!—продолжалъ Наполеонъ.—Такъ чего же вы хотите, португальцы?—въ концѣ концовъ отрывисто проговорилъ онъ,—хотите быть испанцами?

«При этихъ словахъ я увидѣлъ,—пишетъ де-Прадтъ,—какъ графъ

FERNANDO

PRINCE DE ASTURIAS.

Фердинандъ, принцъ астурийскій.

Лима, точно выросши на шесть футовъ и застывъ въ принятой позѣ съ рукою, занесенною на эфесъ шпаги, проговорилъ голосомъ, потрясшимъ своды комнаты: «Нѣтъ!». Португальскіе герои прежняго времени не сказали бы лучше».

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ обѣщалъ уменьшить размѣръ военной контрибуціи, обратился съ милостивыми словами къ самымъ вліятельнымъ членамъ депутаціи, и она удалилась и поспѣшила обратиться къ Португаліи съ письменнымъ посланіемъ, полнымъ довѣрія къ намѣреніямъ императора. Безспорно, что энергическое «нѣтъ» графа Лима очень понравилось Наполеону.

VII.

Братъ Фердинанда, инфантъ донъ-Карлосъ, пріѣхалъ въ Байонну въ сопровожденіи нѣсколькихъ грандовъ и офицеровъ еще 12-го апрѣля, за нѣсколько дней до пріѣзда Наполеона. Императоръ ожидалъ, что онъ встрѣтитъ его, но донъ-Карлосъ былъ боленъ и не могъ выходить. Наполеонъ немедленно приказалъ послать къ нему одного изъ своихъ докторовъ и затѣмъ нѣсколько разъ въ день посылалъ справляться о здоровьѣ инфанта, который, по общему мнѣнію, лишь притворялся больнымъ. Въ то же время Наполеонъ писалъ своему брату Іосифу: «я ожидаю принца аsturійскаго, называвшагося Фердинандомъ VII; онъ на границѣ. Я ожидаю также несчастнаго Карла IV и королеву».

Однако Фердинандъ еще не находился на границѣ. Выѣхавъ изъ Мадрида въ сопровожденіи Савари, онъ на третій день прибылъ въ Бургосъ. Когда, наконецъ, они пріѣхали въ Витторію, совершенно приблизившись къ французской границѣ, Савари въ тотъ же вечеръ явился къ нему узнать, когда онъ рассчитываетъ выѣхать на слѣдующій день, но король не принялъ его. Тогда Каваллосъ рѣзкимъ тономъ сказалъ Савари, что они подождутъ императора, и что имъ неприлично являться къ нему въ Байонну. «Къ тому же,—прибавилъ онъ,—мы не нуждаемся въ императорѣ; мы прекрасно устроимся и безъ его помощи; мы не хотимъ имѣть съ нимъ никакого дѣла.

— «Милостивый государь,—сурово возразилъ ему Савари,—вотъ скверный отвѣтъ, потому что въ этомъ мірѣ дѣлаешь не то, что хочешь; и если императоръ желаетъ имѣть дѣло съ вами, помимо вашего желанія, придется имѣть дѣло съ нимъ».

Савари поспѣшилъ отправиться въ Байонну, чтобы извѣстить Наполеона о колебаніяхъ Фердинанда. Императоръ зналъ уже, что нѣкоторые изъ совѣтниковъ послѣдняго прилагали всѣ усилія, чтобы остановить его въ его намѣреніи, и поэтому 16-го апрѣля написалъ ему письмо, въ которомъ называетъ его своимъ братомъ, предлагаетъ ему удержать во Франціи его смертельнаго врага князя Мира и въ

то же время какъ бы прельщаетъ его возможностью въ будущемъ союза съ нимъ. «Бракъ вашего королевскаго высочества съ французскою принцессою отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, интересамъ моихъ народовъ, а въ частности является обстоятельствомъ, которое связало бы меня новыми узами съ домомъ, которымъ съ тѣхъ поръ, какъ я вошелъ на престолъ, я имѣлъ основанія быть лишь довольнымъ».

Что Фердинандъ безъ особыхъ затрудненій рѣшится пріѣхать въ Байонну и такимъ образомъ всецѣло предаться себя во власть Наполеону, попавъ въ разставленную ему ловушку, представлялось послѣднему до того невѣроятнымъ, что онъ опасался, что Фердинандъ одумается, и боялся предаваться ложной радости. Онъ, очевидно, не надѣялся овладѣть особою Фердинанда съ такою легкостью, потому что, читая письмо Фердинанда, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи пріѣхать въ Байонну, онъ не вѣрилъ тому, что читалъ, что слышалъ. — «Я слышалъ, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Констанъ, — и нѣкоторые другія лица слышали такъ же, какъ и я, какъ онъ (Наполеонъ) восклицалъ: «Какъ, онъ ѣдетъ сюда? Но вы ошибаетесь; онъ обманываетъ насъ. Это невозможно...». Я могу удостовѣрить, — прибавляетъ Констанъ, — что удивленіе императора не было притворно».

Послѣ разговора съ Савари, Наполеонъ немедленно принялъ мѣры предосторожности, чтобъ какой либо капризъ со стороны Фердинанда не измѣнилъ его первоначальнаго намѣренія. Онъ тотчасъ же отослалъ Савари обратно, зная, что такимъ образомъ Фердинандъ будетъ находиться въ вѣрныхъ рукахъ.

По словамъ Дюсере, тотъ, котораго Тэнъ, въ своей непрерывной обвинительной рѣчи противъ Наполеона, называетъ «жандармомъ, способнымъ на все» (*gendarme à tout faire*), обладалъ качествомъ, неоцѣнимымъ для каждаго всемогущаго государя — исполнять безъ малѣйшихъ разсужденій полученные приказанія. Императоръ, передавая Савари письмо къ Фердинанду, сказалъ ему:

— Отправляйтесь къ нему и передайте ему это письмо отъ меня. Дайте ему возможность подумать; нечего прибѣгать къ тонкостямъ, — это болѣе въ его интересахъ, чѣмъ въ нашихъ.

Впослѣдствіи, въ разговорѣ съ м-ше де-Ремюза, Савари сказалъ ей: «Одно мгновеніе я думалъ, что мой плѣнникъ ускользнетъ отъ меня, но я припалъ свои мѣры; я напугалъ его».

— Но если бы онъ оказалъ сопротивленіе, — спросила м-ше де-Ремюза, — развѣ вы убили бы его?

— О, нѣтъ! — возразилъ тотъ, — но увѣряю васъ, я бы не допустилъ его вернуться.

Въ то же время, 17-го апрѣля, Наполеонъ писалъ Бессіеру, командовавшему императорскою гвардіею въ Бургосѣ: «Если принцъ астурийскій направился въ Байонну, это очень хорошо; если онъ

станетъ возвращаться въ Бургось, то велите арестовать его и доставить въ Бургось». Затѣмъ, нѣсколько далѣе, онъ снова касается этого вопроса, столь занимавшаго его: «Если принцъ астурийскій покинетъ Ватторію и пройдетъ за Бургось, чтобы направиться въ Мадридъ, вы пошлете вслѣдъ за нимъ и велите арестовать его всюду, гдѣ бы его ни нашли, потому что, если онъ откажется отъ свиданія, которое я предлагаю ему, это будетъ значить, что онъ сторонникъ англійской партіи, и тогда уже нечего стѣсниться. Въ случаѣ, если эти чрезвычайныя событія произойдутъ, чего, я надѣюсь, не будетъ, и если вы признаете это удобнымъ, то двадцать четыре часа спустя послѣ того, какъ принцъ астурийскій будетъ арестованъ, вы прикажете напечатать мое письмо къ принцу и протестъ короля Карла».

Затѣмъ онъ прибавляетъ: «Дѣло не въ томъ, чтобы дѣйствовать ощупью, а нужно поступать энергично. Или принцъ астурийскій пріѣдетъ въ Байонну, и тогда все можетъ уладиться, или онъ откажется отъ этого и, значить, сходитъ съ англичанами, и необходимо немедленно помѣшать ему».

Въ это время величайшая нерѣшительность царилъ въ Витторіи, мѣстопробываніи Фердинанда. Одинъ изъ старыхъ министровъ Карла IV, Луи де Уркиджо, особенно настаивалъ на опасности, которую представлялъ переходъ черезъ границу. Онъ указывалъ совѣтникамъ Фердинанда, что если желательно, чтобы свиданіе состоялось, то можно избрать для этого островъ Фэзанъ, расположенъ на берегахъ Бидассоа по равному количеству войскъ французскихъ и испанскихъ. Опасность, угрожавшая Фердинанду въ случаѣ его поѣздки въ Байонну, сознавалась весьма многими и вызвала цѣлый рядъ предложеній, имѣвшихъ цѣлью обезпечить неприкосновенность его особы. Такъ, между прочимъ, главный начальникъ таможенъ на рѣкѣ Эбро явился въ Витторію къ министрамъ Фердинанда и предлагалъ имъ похитить его съ помощью двухъ тысячъ человекъ, имѣвшихъ въ его распоряженіи. Но ему было отвѣчено, что Фердинандъ знаетъ, что дѣлаетъ, что подданнымъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и что ему остается повиноваться приказаніямъ, исходящимъ отъ кунты, преобладающей, по приказанію короля, въ Мадридѣ.

Тѣмъ временемъ въ Витторію прибылъ Савари съ письмомъ Наполеона. Когда онъ вѣхалъ въ городъ, то нашелъ его переполненнымъ вооруженными крестьянами, а французскія войска стоящими подъ ружьемъ. Савари тотчасъ же отправился къ дому, занимаемому Фердинандомъ. «Домъ, въ которомъ, четыре дня тому назадъ, я оставилъ его почти одинокимъ,—пишетъ Савари въ своихъ воспоминаніяхъ,—превратился въ настоящую гаунтвахту. Площадь, на которой онъ стоялъ, преобразилась въ бивакъ вооруженныхъ испанскихъ крестьянъ; передняя, равно какъ и лѣстницы дома, были

устьяны солдатами, людьми, вооруженными кинжалами, такъ что просто некуда было ступить, и вплоть до комнаты, въ которой находился принцъ, приготовленія къ оборонѣ были такъ велики, что стѣны совсѣмъ не было видно».

Савари вручилъ письмо Наполеона, и совѣтники Фердинанда остались недовольны тѣмъ, что императоръ называлъ его лишь «высочествомъ». По словамъ Торено, Савари, чтобы склонить Фердинанда къ поѣздкѣ въ Байонну, будто бы сказалъ ему: «Пусть мнѣ отрубятъ голову, если, четверть часа спустя послѣ прибытія вашего величества въ Байонну, императоръ не привнестъ васъ королемъ Испаніи и Индіи!».

На слѣдующій день Фердинандъ объявилъ, что онъ готовъ отправиться въ Байонну. Около того времени, когда король долженъ былъ садиться въ экипажъ, наводнившая городъ вооруженная толпа произвела возмущеніе. Вскорѣ всѣ площади и улицы были заняты ею, и если бы французскимъ войскамъ не было приказано оставаться въ своихъ казармахъ, дѣло могло бы имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Несмотря на возраставшую съ каждымъ мгновеніемъ толпу, экипажи для короля и свиты удалось подать къ дому къ назначенному часу. Экипажъ, предназначенный для самого короля, уже стоялъ у лѣстницы, какъ вдругъ ярость толпы усилилась. Савари, снявшій форменное платье и затерявшійся среди толпы, могъ видѣть все происходившее.

«Пока я наблюдалъ это возмущеніе,—пишетъ онъ,—мой экипажъ стоялъ у меня, готовый послѣдовать за королевскимъ поѣздомъ; я былъ увѣренъ, что все обойдется спокойно, какъ вдругъ какой-то человѣкъ, страшнаго вида, соотвѣтственно одѣтый и вооруженный съ ногъ до головы, приблизился къ каретѣ короля, схватилъ одной рукою построжки отъ восьми запряженныхъ въ экипажъ муловъ, а другою, въ которой держалъ кривой ножъ, напоминавшій серпъ, однимъ взмахомъ перерѣзалъ ихъ. Каждый отгоняетъ муловъ, толпа кричитъ «браво», и смятеніе усиливается; прочіе экипажи удалены, и такимъ образомъ отъѣздъ короля встрѣчаетъ открытое сопротивление».

Король показался у окна, улыбаясь толпѣ, кричавшей «да здравствуетъ Фердинандъ!», и у Савари зародилось подозрѣніе, что все происшедшее было заранѣе подготовленной комедіей, такъ какъ вблизи находились подъ ружьемъ испанскія войска, и толпу было бы легко разсѣять. Но Фердинандъ, конечно, не былъ недоволенъ показывать французамъ, насколько онъ любимъ народомъ, выражавшимъ ему сочувствіе во все время его переѣзда до Витторіи. Въ нѣкоторыхъ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, многіе разстилали на дорогѣ свои плащи, чтобы ихъ коснулись колеса королевскаго экипажа.

Герцогъ Инфантадо, прилагавшій всѣ усилія, чтобы успокоить волненіе, просилъ Савари удалиться и не прибѣгать къ содѣйствію французскихъ солдатъ, говоря, что онъ уладитъ все. Наконецъ, король рѣшился и, попрежнему въ сопровожденіи Савари, отправился въ путь по направленію къ Байоннѣ.

Можно сказать, что въ это время его судьба была уже почти окончательно рѣшена въ умѣ Наполеона, такъ какъ 18-го апрѣля, наканунѣ отъѣзда Фердинанда изъ Витторіи, онъ писалъ своему брату Іосифу, королю неаполитанскому: «Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что черезъ пять или шесть дней я напишу вамъ отправиться въ Байонну. Вы поручите командованіе войсками маршалу Журдану, а регентство надъ вашимъ королевствомъ—кому вамъ угодно. Ваша супруга останется въ Неаполѣ. Впрочемъ, до настоящаго времени вопросъ остается еще невыясненнымъ».

Для встрѣчи Фердинанда Наполеонъ были назначены принцъ Невшателскій, герцогъ Фріульскій и одинъ камергеръ; они должны были привѣтствовать Фердинанда при его вѣздѣ въ Байонну, такъ какъ то обстоятельство, что Наполеонъ не признавалъ въ немъ короля Испаніи, не позволяло послать встрѣчать его на границѣ обоихъ государствъ.

VIII.

Выѣхавъ изъ Витторіи 19-го апрѣля, Фердинандъ на слѣдующій день переправился черезъ Бидассоу и нѣсколько встревожился, увидѣвъ, что никто не явился привѣтствовать его отъ имени Наполеона. Де-Прадтъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, при вѣздѣ Фердинанда въ С. Жанъ-де-Люкъ, произошла сцена, мало извѣстная въ публикѣ и заслуживающая быть рассказанной. Какъ только Наполеонъ убѣдился, что Фердинандъ находится на французской территоріи, и, слѣдовательно, въ его власти, то потому ли, что онъ подумалъ, что ему нечего стѣсняться, или въ силу естественнаго нетерпѣнія, или же потому, что долго сохраняемую тайну трудно удержать, но только онъ призвалъ испанскихъ грандовъ, посланныхъ Фердинандомъ привѣтствовать его, и объявилъ имъ о своихъ намѣреніяхъ. Послѣдніе тотчасъ же выѣхали изъ Байонны на встрѣчу къ своему королю, чтобы предупредить его объ ожидающей его участи, и Наполеону пришлось пожалѣть о своей нескромности. Опасаясь, какъ бы его откровенность не повлекла за собою измѣненія намѣреній Фердинанда, онъ послалъ вслѣдъ за грандами принца Невшателскаго съ приказаніемъ задержать ихъ, но было уже поздно: они успѣли соединиться съ Фердинандомъ и все открыли ему. Однако, возвратиться обратно въ Испанію было уже невозможно.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Байонны Фердинандъ былъ пріѣтствованъ отъ имени Наполеона назначенными для этого лицами и встрѣченъ почетнымъ конвоемъ, присоединившимся къ королевскому кортежу. Многочисленность этого конвоя невольно обратила на себя вниманіе испанцевъ и еще разъ заставила ихъ глубоко призадуматься.

Ровно въ полдень Фердинандъ въѣхалъ въ Байонну при салютѣ изъ артиллерійскихъ орудій. Онъ направился къ дому, въ которомъ было приготовлено помѣщеніе для него и для его брата, дона Карлоса, уже поселившагося тамъ. Помѣщеніе это, по свидѣтельству Дюсере, конечно, было бы не важно для Парижа, но для Байонны оно было превосходно. Тѣмъ не менѣе, оно не понравилось Фердинанду: какъ говорили, онъ сдѣлалъ гримасу, входя въ него, но открыто жаловаться не осмѣлился. Цевалось пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «это помѣщеніе показалось всѣмъ и дѣйствительно было мало отвѣчающимъ достоинству августѣйшаго гостя, который долженъ былъ занимать его».

А между тѣмъ этотъ домъ былъ самый красивый въ городѣ, построенный въ новѣйшемъ вкусѣ, въ лучшей части города. Находившаяся въ немъ мебель во всѣхъ отношеніяхъ была лучше той, которая имѣлась въ Марракѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ. Де-Прадтъ, нѣсколько рѣзъ посѣтившій его, пишетъ по этому поводу: «или Цевалось воображаетъ, что дворцы можно возить за собою? Только ограниченный умъ можетъ обращать такое вниманіе на ничтожныя вещи среди столь серьезныхъ интересовъ, на мелкія упущенія при подобныхъ потеряхъ. Заниматься домомъ въ Байоннѣ, когда теряешь Испанію и Америку!».

Въ то время, когда Фердинандъ совершалъ свой въѣздъ въ Байонну, Наполеонъ производилъ ученіе только что прибывшему въ Байонну пѣхотному полку. Съ того мѣста, гдѣ происходило ученіе, онъ видѣлъ, какъ экипажи королевскаго кортежа въѣхали въ городъ. Приказавъ, чтобы ученіе не прерывалось, онъ въ сопровожденіи трехъ жандармовъ, направился верхомъ къ дому, въ которомъ остановился Фердинандъ. Онъ ѣхалъ медленно и въ этотъ день особенно любезно отвѣчалъ на привѣтствія толпы, не сгоняя съ своего лица улыбки удовольствія. «Я видѣлъ,—пишетъ одинъ изъ байонцевъ-современниковъ,—какъ онъ подъѣхалъ къ дому, въ которомъ расположилась испанская королевская семья. У входныхъ дверей находились его величество Фердинандъ и всѣ принцы, только что выпедшіе изъ экипажей. Тамъ-то ихъ засталъ Наполеонъ, когда онъ сошелъ съ лошади. Я видѣлъ, какъ Фердинандъ выступилъ впередъ на четыре шага, чтобы обнять обѣими руками и поцѣловать Наполеона, хладнокровно стоявшаго со шляпою въ рукѣ и поворачивавшаго голову, подставляя свои щеки. Весь дворъ былъ пораженъ этимъ холоднымъ приѣмомъ со стороны На-

полеона, равно какъ и всѣ присутствовавшіе, оказавшіеся свидѣтелями его.

«Я замѣтилъ, что, какъ только Фердинандъ поцѣловалъ Наполеона, къ нимъ приблизились одинъ изъ придворныхъ, и когда Фердинандъ обратился къ Наполеону со словами, на которыя тотъ ничего не отвѣтилъ, этотъ придворный явился посредникомъ и перевелъ Наполеону сказанное королею. Мнѣ показалось, что изъ этихъ двухъ монарховъ одинъ не зналъ французскаго, а другой—испанскаго языка. Когда Фердинандъ взялъ за лѣвую руку Наполеона, все еще продолжавшаго держать въ другой рукѣ свою шляпу, и они, въ сопровожденіи того же придворнаго, прошли въ коридоръ западной части дома, я потерялъ ихъ всѣхъ изъ виду. Помѣстившись затѣмъ противъ дома, я снова увидѣлъ ихъ, когда они вошли въ большую гостиную перваго этажа. Тамъ они прошли два или три раза по комнатамъ, начиная отъ передняго балкона, двери котораго были раскрыты, что позволяло народу видѣть ихъ. Наполеонъ, какъ рассказываютъ, пригласилъ его обѣдать въ замокъ Марракъ; затѣмъ они разстались. Я видѣлъ, какъ Наполеонъ сѣлъ на лошадь и тотчасъ же отправился продолжать ученіе, которое передъ тѣмъ производилъ на гласисѣ».

Когда Наполеонъ разстался съ Фердинандомъ, у послѣдняго былъ нѣсколько озабоченный видъ. Тотчасъ же, какъ императоръ вернулся въ Марракъ, онъ поручилъ оберъ-гофмаршалу отправиться пригласить къ обѣду отъ его имени Фердинанда, его брата, донна Карлоса, и нѣкоторыхъ лицъ изъ ихъ свиты. Когда Фердинандъ подѣхалъ къ замку, Наполеонъ вышелъ встрѣтить его внизу крыльца. Этимъ и ограничились всѣ почести, оказанныя Наполеономъ своему августѣйшему гостю. «Я удивился, — говоритъ Боссэ, — искусству, съ которымъ императоръ избѣгалъ необходимости назвать Фердинанда «величествомъ» или «высочествомъ». Онъ вознаградилъ его за это вѣжливостью, болѣе изысканной и любезной, чѣмъ это входило въ его обыкновеніе, вѣжливостью, которую онъ простеръ и на лицъ, сопровождавшихъ принца».

Этотъ обѣдъ въ особенности способствовалъ пробужденію въ Фердинандѣ недовольства, потому что во все продолженіе обѣда, имѣвшаго массу свидѣтелей, Наполеонъ ни разу не назвалъ его величествомъ, а, разставаясь съ нимъ, проводилъ его только до первыхъ дверей гостиной.

Какъ только Фердинандъ вернулся къ себѣ, къ нему явился генералъ Савари, прямо, не щадя его, объявившій ему о желаніи Наполеона, чтобы онъ отказался отъ своихъ правъ на испанскій престолъ, получивъ въ замѣнъ, въ видъ вознагражденія, королевство Этрурійское. Бѣшенство и ярость, овладѣвшія испанскими принцами при извѣстіи о намѣреніяхъ Наполеона, не поддаются

описанію. Одинъ современникъ сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ.

«Около девяти часовъ вечера того же дня, 20-го апрѣля, я былъ у себя дома, въ улицѣ Поръ-Нэфъ, какъ вдругъ услышалъ какой-то шумъ. Я тотчасъ же вышелъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и направился къ дворцу Фердинанда, передъ которымъ стояла толпа, человекъ въ 200, среди которой можно было замѣтить капитановъ испанскихъ кораблей, стоявшихъ на рейдѣ. На балконѣ, надъ входными дверьми, я увидѣлъ короля Фердинанда и его брата; первый изъ нихъ держалъ въ лѣвой рукѣ бѣлый платокъ, которымъ махалъ въ воздухѣ, сопровождая это маханіе неоднократнымъ крикомъ: «*Jo soy trahido!*» (мнѣ измѣнили). Тотчасъ же изъ группы испанцевъ раздался голосъ, воскликнувшій: «*enleve remos a todos y los heremos evodar, si quieren*» (если хотите, мы отнимемъ васъ ото всѣхъ и дадимъ вамъ возможность бѣжать). Этотъ крикъ повторялся очень долго. Фактъ былъ бы возможенъ въ то мгновеніе, когда не было никакой стражи. Но Наполеонъ тотчасъ же былъ увѣдомленъ о происшедшемъ, и немедленно явился французскій офицеръ, изъ высшихъ чиновъ, заставившій принцевъ удалиться съ балкона и закрывшій стеклянные двери. Одновременно съ этимъ съ обеихъ концовъ улицы показалось человекъ тридцать какихъ-то людей, вѣшавшихся въ самую середину толпы. Я узналъ нѣсколькихъ изъ нихъ, оказавшихся переодѣтыми жандармами, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что они получили приказаніе окружить домъ и арестовать всѣхъ тѣхъ, которые захотѣли бы выйти изъ него. Когда я вернулся домой, было около одиннадцати часовъ».

22-го апрѣля, Наполеонъ приказалъ Шампаньи запретить редактору издававшейся въ Байоннѣ испанской газеты называть Фердинанда королемъ. Въ тотъ же день онъ писалъ Мюрату, что, хотя и принялъ Фердинанда приличнымъ образомъ, но не призналъ его королемъ. Въ письмѣ къ Бессіеру отъ того же числа онъ высказался еще болѣе положительнымъ образомъ: «Я не призналъ его королемъ и, какъ полагаю, и не признаю». Талейрану же онъ писалъ 25-го апрѣля: «Прусскій король—герой въ сравненіи съ принцемъ астурийскимъ. Онъ еще ни слова не сказалъ мнѣ; онъ равнодушенъ ко всему, въ высшей степени матеріалистъ, ѣсть четыре рава въ день и ни о чемъ не имѣетъ никакого представленія».

«Принцъ астурийскій,—писалъ Наполеонъ Талейрану нѣсколько позднѣе,—крайне глупъ, волю и враждебенъ Франціи. Вы прекрасно поймете, что при моей привычкѣ обращаться съ людьми онъ не могъ импонировать мнѣ своей двадцати-четырехъ-лѣтней опытностью; все это до того очевидно для меня, что потребовалась бы долгая война, чтобы принудить меня признать его королемъ Испа-

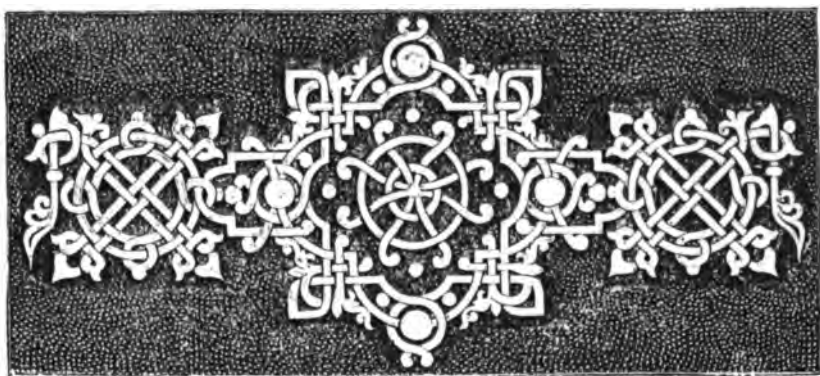
ни. Къ тому же, я велѣлъ поставить ему на видъ, что, такъ какъ король Карлъ находится на моей территоріи, то я не долженъ болѣе имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Въ зависимости отъ этого, я приказалъ перехватывать его курьеровъ, у которыхъ находили его письма, дышавшія злобою и ненавистью къ французамъ, которыхъ онъ неоднократно называетъ проклятыми».

Съ теченіемъ времени презрительное отношеніе Наполеона къ Фердинанду лишь усиливалось.

Н. К. Шильдеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАСШИРЕНІЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ЖЕНЩИНЪ.

I.

СЕННИЙ сезонъ печати открылся при обстоятельствахъ чрезвычайно благоприятныхъ для обсужденія вопросовъ русскаго просвѣщенія. Изъ правительственныхъ сферъ послышались громкіе и бодрые голоса, которые быстро, сочувственно и единодушно были подхвачены періодическою пресою — и вотъ столбцы газетъ и страницы журналовъ заперстрѣли статьями, посвященными школьному дѣлу съ самыхъ разнообразныхъ точекъ освѣщенія и въ разнообразной постановкѣ вопросовъ.

Особенно посчастливилось дѣлу техническаго и профессиональнаго образованія, такъ что вопросы, сюда входящіе и съ нимъ неразрывно связанные, обратились въ постоянную тему общественныхъ бесѣдъ.

Мнѣ хочется ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ проектомъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, относящимся къ «вопросу о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи» и изложеннымъ въ № 23 «Извѣстій» означеннаго министерства. Моя задача на этотъ разъ повѣдать литературную исторію этого проекта, прослѣдить, какъ нѣкоторыя положенія его

возникали и развивались въ нашей журналистикѣ, какъ отражалась судьба этого вопроса на фактахъ русской дѣйствительности, и какъ эти положенія постепенно оформились въ любопытный проектъ министерства земледѣлія. Такимъ образомъ характеръ настоящей статьи носить на себѣ явные признаки литературно-библиографическаго изслѣдованія, краткаго резюме того, что въ то или другое время умные люди говорили и что, наконецъ, стало содержаніемъ имѣющагося у меня оттиска любопытѣйшей статьи изъ специальныхъ и малораспространенныхъ «Извѣстій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ». Поэтому, надѣюсь, я могу на этотъ разъ считать себя свободнымъ отъ упрека нѣкоторыхъ слишкомъ строгихъ моихъ читателей, неоднократно въ письмахъ и въ устной бесѣдѣ ставившихъ мнѣ на видъ, будто я мокаю свое перо въ такую чернильницу, которой не полагается быть въ обществѣ редакціи «Историческаго Вѣстника».

Предметъ статьи—вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи женщинъ, поскольку онъ вытекаетъ изъ проекта министерства земледѣлія, и поскольку онъ отразился въ литературѣ, посвященной интересамъ русскаго просвѣщенія. Общая пресса за послѣднее время собственно не выдвигала этого вопроса, такъ какъ предметъ его былъ исчерпанъ достаточно добросовѣстно въ минувшіе дни. Такимъ образомъ, пресса, какъ это и всегда бываетъ относительно явленій общественной жизни, значительно опередила событія дня и, слѣдуя этой привычкѣ, въ настоящее время продолжаетъ вести себя въ томъ же направленіи. Она, успѣвъ уже достаточно обстоятельно намѣтить будущіе пути движенія женскаго профессиональнаго образованія и убѣдившись въ недостаточности этихъ путей, начала искать ихъ въ иныхъ подходящихъ для того областяхъ жизни. И въ этихъ своихъ поискахъ печать пришла въ самое послѣднее время къ очень любопытнымъ выводамъ.

«Новое Время», которое никомъ образомъ, по многимъ обстоятельствамъ, не подлежитъ подозрѣнію въ «заигрываніи» съ «женскимъ вопросомъ», въ дѣльной статьѣ «Женщины и адвокатура» (№ 7750) прямо ставитъ требованіе необходимости предоставить женщинамъ право ходатайства по дѣламъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Газета говоритъ: «Въ опубликованномъ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры всѣ виды адвокатской дѣятельности женщинамъ строго возбраняются. При обсужденіи вопроса о присяжной адвокатурѣ никто изъ членовъ комиссіи, составлявшей проектъ, не поставилъ даже вопроса о томъ, къ какому полу могутъ и должны принадлежать присяжные повѣренные. Уже само собою предполагается, что присяжными повѣренными могутъ быть только лица мужскаго пола. Повидимому, такое предположеніе признается вполне «естественнымъ» потому, что у насъ нѣтъ женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которое является безусловно необходимымъ для

присяжнаго повѣреннаго. Конечно, у насъ теперь не имѣется женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, но отсюда не слѣдуетъ, что онѣ не обяжутся въ ближайшемъ будущемъ. Раньше у насъ не было и женщинъ съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ, а теперь онѣ чуть ли не сотнями получаютъ это образованіе въ иностранныхъ университетахъ. Заручившись дипломами за границей, онѣ держатъ окончательные государственные экзамены при испытательныхъ комиссіяхъ нашихъ медицинскихъ факультетовъ. Заручившись русскимъ университетскимъ дипломомъ, онѣ ведутъ практику наравнѣ съ мужчинами. Вполнѣ возможно, что завтра же объявится русская женщина прямо докторъ правъ какого либо заграничнаго университета. Нельзя же ей отказать въ правѣ держать окончательный экзаменъ въ испытательной комиссіи нашего юридическаго факультета. По окончаніи этого экзамена, она наряду съ окончившими курсъ студентами будетъ добиваться себѣ пропуска къ карьерѣ присяжнаго повѣреннаго. Ей откажутъ на томъ основаніи, что женщина закономъ не предусмотрѣна въ рядахъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Такое рѣшеніе вопроса будетъ вполнѣ законнымъ, но будетъ ли оно говорить что либо въ пользу того закона, на которомъ оно будетъ основано?

Разбирая вопросъ дальше, «Новое Время» въ заключительной части приходитъ къ выводу, что трудно думать, чтобы дамы попытались пробовать свои силы въ рядахъ неприсяжной адвокатуры, то-есть въ роли частныхъ повѣренныхъ. Для частныхъ повѣренныхъ въ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры не требуется аттестата объ окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, а требуется выдержать испытаніе при судѣ въ комиссіи, состоящей изъ трехъ судей и представителя прокурорскаго надзора. Несомнѣнно, многія изъ образованныхъ дамъ, которыя вынуждены жить своимъ трудомъ, пошли бы въ частные повѣренные. Второй отдѣлъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, разработавшій проектъ положенія объ адвокатурѣ, предвидя это обстоятельство, серьезно занялся обсужденіемъ вопроса о допущеніи женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ. Въ данное время, согласно ст. 406¹⁹ учр. суд. уст., женщины ни въ какомъ случаѣ «не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ». Эта 406¹⁹ статья не имѣетъ никакой органической связи съ началами судебныхъ уставовъ и представляетъ собою одно изъ позднѣйшихъ добавленій основной 406 ст. «Учрежденія судебныхъ установленій»; она внесена въ силу Высочайше утвержденнаго постановленія совѣта министровъ 14-го января 1871 года. Этимъ постановленіемъ предписывается воспретить приѣмъ женщинъ даже и по найму на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ. По-

этому комиссія рѣшила дополнить проектъ положенія объ адвокатурѣ статьей 121¹, въ которой кратко, но прямо сказано, что «женщины не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго».

«Къ этому рѣшенію общаго собранія комисіи приложено особое мнѣніе одного изъ ея членовъ, который сжато, но ясно отгвѣнилъ всѣ его слабыя стороны. Онъ указываетъ на то, что «общая государственная мѣра», въ силу которой теперь возбраняется доступъ женщинамъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ принята 25 лѣтъ тому назадъ, и что «она не коренится въ какихъ либо непреложныхъ и устойчивыхъ положеніяхъ». Четверть столѣтія—такая давность, которая погашаетъ виды и намѣренія правительства и открываетъ дорогу новымъ взглядамъ. Въ теченіе этого времени взглядъ правительства «на степень допустимости для женщинъ дѣятельности общественной не только могъ значительно измѣниться, но и измѣнился въ дѣйствительности... Между тѣмъ, единственно невозможностью подобнаго рода перемены оправдывалось бы молчаніе комисіи по разсматриваемому вопросу. Во всякомъ другомъ случаѣ это молчаніе лишило бы законодательное учрежденіе необходимаго матеріала, исходящаго изъ исполнѣ компетентнаго совѣщанія». Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ рѣшила лишить государственный совѣтъ этого «необходимаго матеріала», вѣря въ неподвижность взглядовъ и намѣреній правительства и воззрѣній законодательства. Вѣра нѣсколько своеобразная и едва ли отвѣчающая взглядамъ правительства на собственную дѣятельность и на роль законодательства въ дѣлѣ усовершенствованія разныхъ сторонъ общественной жизни.

«По мнѣнію самой комисіи, личный составъ частныхъ повѣренныхъ, однако, не стоитъ на высотѣ своего назначенія. Сюда попадаютъ люди разныхъ категорій, не представляющіе особыхъ гарантій по своему моральному и образовательному цензу. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что допущеніе женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ для очищенія «вольной адвокатуры» представляется весьма желательнымъ и практически весьма полезнымъ. Безспорно, въ частные повѣренные пошли бы женщины съ высокимъ образовательнымъ и моральнымъ цензомъ въ виду того, что и такимъ женщинамъ у насъ пути почти всюду заказаны».

Возвращаясь съ тому же вопросу черезъ нѣсколько дней, «Новое Время» въ отдѣлѣ «Маленькой хроники» снова ставитъ вопросъ о пользѣ для общества допущенія женщинъ къ адвокатской практикѣ и говоритъ: «На процессѣ Зеленко и Меранвила одна уголовная дама внимательно отиѣчала всѣ касационные поводы, будучи, очевидно, знакома съ уголовнымъ судопроизводствомъ. Во время перерывовъ, въ коридорахъ суда, она спорила съ адвокатами, энергически защищая свои «касаціонныя» умозаключенія. Почему эта дама или подобныя ей не могли бы быть

адвокатами? Изъ нихъ навѣрное вышли бы очень хорошіе, а, можетъ быть, и хорошеніе адвокаты. Если женщины могутъ быть практикующими врачами, то подавно онѣ могутъ быть практикующими адвокатами или даже судьями, прокурорами и присяжными засѣдателями. Судебная практика не потребуетъ отъ женщины той ломки и жертвъ, безъ которыхъ на первыхъ порахъ почти не обходится дѣятельность врача. Единственное пожертвованіе, приносимое адвокатомъ на алтарь, если не правосудія, то гонорара,— это пожертвованіе своей совѣстью, но, во-первыхъ, у большинства адвокатовъ совѣсть атрофирована, а, во-вторыхъ, это пожертвованіе требуется лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то-есть при исключительно большомъ гонорарѣ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздовъ Петербургской губерніи, пользовалась извѣстностью одна женщина-адвокатъ, которая ухитрилась взыскивать полностью по такимъ документамъ, по которымъ адвокаты мужчины ничего взыскать не могли. И не думайте, что она прибѣгала къ какимъ нибудь «особеннымъ» мѣрамъ, совсѣмъ нѣтъ: она была только удивительно дѣятельной и ловкой, недосыпала, недоѣдала, ночи проводила въ дорогѣ, падая неисправному кредитору, какъ свѣтъ на голову, или какъ Наполеонъ, благодаря быстротѣ своихъ переходовъ, нападалъ на непріятеля. Для адвоката особенно важна подвижность, а въ этомъ отношеніи женщина не только не уступаетъ мужчинамъ, а даже его превосходитъ, особенно если есть въ виду хорошее матеріальное вознагражденіе. Будучи въ этомъ отношеніи избалована меньше мужчины, женщина за одинаковое съ мужчиной вознагражденіе, или даже меньшее, способна на большую сумму работы, что если не для адвокатовъ, то для ихъ кліентовъ не лишено нѣкотораго значенія. Я вполне понимаю, что адвокаты высказываются объ этомъ уклончиво или даже враждебно, но вѣдь они тутъ заинтересованная сторона и, слѣдовательно, слушать ихъ не приходится. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы сдѣлать опытъ—на первыхъ порахъ допущенія женщинъ хотя бы въ число частныхъ повѣренныхъ».

Я радъ, что самая распространенная и вліятельная газета, свободная отъ подозрѣнія въ союзахъ съ разными «измами» и въ покровствѣ шаржированнымъ либеральнымъ вѣяніямъ времени, взяла подъ свою защиту юридическое образованіе женщинъ и ихъ натуральное, естественное право, наравнѣ съ сильной половиной рода человѣческаго выступать передъ лицомъ суда на защиту поправныхъ юридическихъ правъ общества. Несомнѣнно, какъ только женщина будетъ допущена къ участию въ судебной защитѣ, произойдетъ къ лучшему кое-какая общественная, социальная перестройка, и исчезнутъ въ силу конкуренціи кое-какія ненормальныя явленія жизни. Очевидно, будетъ нанесенъ сильный ударъ пресловутымъ адвокатскимъ гонорарамъ, качественно поднимется составъ

частныхъ ходатаевъ по дѣламъ, и все наше судопроизводство, подъ энергичнымъ и молодымъ натискомъ свѣжихъ силъ, приобрететъ болѣе живую и, пожалуй, оригинальность. Кромѣ этого, здѣсь есть еще одна сторона дѣла и, по моему, болѣе существенная: выиграетъ деревня, выиграетъ обездоленный крестьянскій людъ.

Мы, мужчины, въ силу многихъ условій исторической, социальной и экономической русской жизни, позорно бѣжали изъ деревни и предоставили послѣ реформы 19-го февраля впервые—свободныхъ гражданъ Русской земли—многомилліонное крестьянство, его собственному усмотрѣнію, воздѣйствію на него такихъ силъ, съ которыми справиться было не по плечу и болѣе опытнымъ и искушеннымъ въ жизненной борьбѣ элементамъ, нежели младенчески-неопытнымъ, невѣжественнымъ составнымъ частямъ крестьянскаго села. Но вотъ понемногу, но рѣшительно это село заявило, что ему собственными силами не сладить съ жизненной борьбой, и послышался душу раздирающій крикъ: дайте намъ школу, дайте просвѣщеніе, дайте просвѣтительныя орудія борьбы! И какъ только общество и государство приступили къ мобилизаціи нужной помощи и какъ только женщина оказалась не устраненною отъ дѣла, она явилась во главѣ сельскаго просвѣтительнаго движенія и героически ринулась въ борьбу съ невѣжествомъ, борьбу, которая со временемъ будетъ золотыми буквами записана на скрижаляхъ нашей исторіи. Но я уже объ этомъ достаточно въ свое время говорилъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и повторять сказанное не имѣю времени.

Женщина — народная учительница, женщина — земскій врачъ сдѣлали чудеса въ русской деревнѣ, и я увѣренъ, что ей предстоитъ совершить не мало чудесъ, какъ только откроется передъ ней доступъ къ юридическому образованію. Въ силу современныхъ условій борьбы за существованіе, въ силу переполненія состава городскихъ дѣятелей, она со свойственной ей энергіей и любовью, со свойственнымъ ей самоотверженіемъ ринется въ деревню и положить тамъ конецъ всѣмъ тѣмъ юридическимъ безобразіямъ, справиться съ которыми не пожелалось или оказалось не подъ силу ея братьямъ, мужьямъ и сыновьямъ.

II.

Но какъ бы тамъ дѣло юридическаго образованія женщинъ и ихъ права на общественные гастролы въ амплу адвокатовъ или частныхъ ходатаевъ въ судебныхъ инстанціяхъ ни сложилось, самъ по себѣ этотъ вопросъ еще мало разработанъ въ печати: намѣтились лишь общіе принципы, детали же остались не выясненными. Такимъ образомъ, статья и замѣтка «Новаго Времени», при всей ихъ содержательности и мѣткости, должны быть рассматриваемы въ

качествѣ аванпостной перестрѣлки, предвѣщающей будущій бой, гдѣ примуть, несомнѣнно, участіе ежемѣсячная журналистика, спеціальныя юридическія органы печати, а также, — что очень желательно въ интересахъ успѣха дѣла! — «Русское женское взаимно-благотворительное общество въ С.-Петербургѣ». Оно должно разработать вопросъ всесторонне въ рядѣ сезонныхъ рефератовъ и уже послѣ того явиться вполне освѣдомленнымъ ходатаемъ дѣла предъ общественнымъ мнѣніемъ и сильными міра сего.

Уже самое появленіе въ «Новомъ Времени» цитированныхъ выше мнѣній и желаній по расширенію образовательныхъ правъ женщинъ служить несомнѣннымъ и благопріятнымъ показателемъ того, какъ далеко подвинулась мысль въ этой области, по сравненію съ тѣмъ, что имѣло мѣсто какихъ нибудь 25—30 лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, мнѣ укажутъ на литературныя работы и сочиненія, гдѣ авторы выступали съ еще болѣе рѣзкими мнѣніями и пылкими желаніями, чѣмъ нынѣ, но я этой категоріи печатнаго матеріала трогать не буду, такъ какъ они носятъ характеръ безпощадныхъ социальныхъ мечтаній и явились въ свое время продуктомъ модныхъ утопій, къ которымъ уже никто болѣе не возвращается. Наше время — время дѣловой разработки вопросовъ со всѣми отличительными чертами дѣловитости: концентричностью мысли, ея сухостью и практическою прямолинейностью. По внѣшнему виду, съ точки зрѣнія «чувствительнаго сердца», оно какъ будто и не совсѣмъ симпатично — согласенъ съ этимъ! но съ другой стороны оно скорѣе и ближе приводитъ насъ къ желаннымъ результатамъ, къ намѣченнымъ цѣлямъ. А такъ какъ вопросы, которые я нынѣ обсуждаю, вопросы практической жизни, реальнаго дня, который не за горами, а на глазахъ, то я и мечтательныхъ сочиненій и доктринерскихъ утопій трогать не стану, а буду лишь касаться того, что носитъ характеръ дѣла.

Но извлекая тѣмъ не менѣе изъ-подъ спуда литературныхъ архивовъ сочиненія, которыя нѣкогда являлись передъ публикою въ формѣ дѣловыхъ программъ, я долженъ помянуть книгу А. Дауля (въ переводѣ П. Н. Ткачева и съ его предисловіемъ) «Женскій трудъ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности», изданную въ періодъ разгара такъ называемой «женской эмансипаціи» фирмой «Трубикиной и Стасовой». Надательницы прекрасно понимали, какъ узка практическая программа Дауля, почему и сочли нужнымъ присоединить сюда предисловіе Ткачева, которое и должно было явиться для своего времени *profession de foi* женскаго вопроса, сводомъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые въ наши дни уже завоевали себѣ всеобщее право гражданства. Гвоздь же книги, во всякомъ случаѣ, лежалъ, съ точки зрѣнія «печатнаго матеріала» и пракческаго документа, не въ предисловіи Ткачева, а въ самой книгѣ Дауля, которая, по свидѣтель-

ству современниковъ, и явилась настольной практической книгой по женскому вопросу.

Какой же путь дѣятельности указываетъ Дауль женщинамъ? О, очень ограниченный—простыхъ чернорабочихъ, которымъ суждено пѣтомъ физическаго труда и силою мускуловъ добывать себѣ собственный и самостоятельный кусокъ хлѣба. Онъ не мечтаетъ о предоставленіи женщинамъ должностей бухгалтеровъ, кассировъ, контролеровъ въ промышленной жизни страны—онъ только стремится указать тѣ разнообразныя колеса сложной машины индустриальной техники, гдѣ легче и скорѣе всего приладить женскій трудъ. Отсюда и его бесѣды по вопросу о домашней прислугѣ и домашнихъ работахъ, о промыслахъ, въ видѣ чистки кисей, глаженья, о швейныхъ работахъ и производствахъ, связанныхъ съ шитьемъ, и прочее и прочее. Темы бесѣдъ о подобныхъ невинныхъ занятіяхъ, конечно, въ наши дни никого не удовлетворяютъ, да и не представляются особенно нужными. Никто права на занятія означенными Даулемъ промыслами въ настоящее время не станетъ отрицать за женщинами, и отмѣченныя имъ рубрики отходятъ уже въ область программы низшихъ школъ домоводства, вслѣдствіе чего можетъ быть рѣчь не о принципѣ, а о наиболѣе цѣлесообразной организаціи этихъ школъ, которыхъ, кстатіи сказать, у насъ меньше, чѣмъ мало, но которыхъ, если бы и было вполне достаточно, то все же не настолько, чтобъ поглотить всѣ сферы современныхъ женскихъ стремленій и домогательствъ.

Дѣло въ томъ, что русская жизнь складывается по предъявляемъ ею запросамъ на интеллигентный трудъ крайне непланомѣрно, вслѣдствіе чего въ то время, какъ нѣкоторыя области явно страдаютъ отъ переполненія ихъ интеллигентными тружениками, другія влечутъ жалкое существованіе отъ недостатка такового. Быстрый ростъ капиталистическаго и бюрократическаго строя потребовалъ большаго запаса дешевыхъ работниковъ, каковому запросу интеллигентные мужчины-работники удовлетворить не были въ состояніи. Рядомъ съ этимъ, другіе факторы соціальной и экономической жизни послѣднихъ 30-ти лѣтъ создали такое положеніе вещей, что на рынкѣ оказалась громадная толпа интеллигентнаго женскаго пролетаріата, обреченнаго на снисканіе себѣ трудового куска хлѣба. Очевидно, что эта масса и наполнила собою тѣ пустыя пространства, которыя остались свободны отъ мужскаго постоа. Но въ то время, какъ спросъ съ теченіемъ времени понемногу сокращался, ростъ продолжалъ, подъ воздѣйствіемъ равныхъ причинъ, усиливаться. Отсюда—значительное паденіе цѣны на трудъ и глухая упорная конкуренція между трудомъ мужскимъ и женскимъ, гдѣ естественно побѣда остается пока на сторонѣ сильной половины рода человеческого. На выручку послѣднимъ явился тотъ громко-сказавшійся опытъ, что женскій трудъ въ нѣкоторыхъ профессіяхъ по своей

быстротѣ и качеству стоитъ ниже мужского. Но такой печальный результатъ не испугалъ женщинъ; онѣ не забили отбоя, да и куда же отступать, когда онѣ всюду стѣснены въ своемъ движеніи? а заявили: «а коли мы недостаточно подготовлены, то подготовимся!».

Отсюда, какъ неизбежное слѣдствіе всѣхъ отмѣченныхъ противорѣчій жизни и ея борьбы, родилось движеніе въ пользу коммерческаго образованія женщинъ, которое въ качественномъ отношеніи должно сравнять и интеллигентныхъ работниковъ и интеллигентныхъ труженицъ. Женщины, не ставя креста на элементарной программѣ Дауля, пошли далѣе и съ полнымъ сознаніемъ своей профессиональной равноправности поставили свою кандидатуру на такія отвѣтственныя должности и мѣста въ капиталистическихъ учрежденіяхъ, банковскихъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ, которыя донинѣ считались своего рода наслѣдственными должностями мужского пола. Кандидатуры покамѣстъ еще только поставлены жизнью, но ею не выбаллотированы, но смѣю увѣрить, что рано или поздно господамъ бухгалтерамъ, контролерамъ, кассирамъ, ревизорамъ, дѣлопроизводителямъ и помощникамъ оныхъ грозитъ печальная катастрофа, которая жестоко посмѣется падѣ ихъ былою гордостью, самомнѣніемъ и самонадѣянностью.

Вѣдь, правда, будемъ безпристрастны и отвѣтимъ съ полной откровенностью на слѣдующій вопросъ: развѣ нормально то явленіе, которое мы наблюдаемъ каждый день, входя въ любое учрежденіе, когда видимъ за желѣзными рѣшетками здоровенныхъ мужчинъ, нѣжно шелестящихъ бумажными денежными знаками, акціями и облигаціями или звякающими звонкой монетой? Конечно, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда хочется крикнуть этимъ почтеннымъ дѣятелямъ: «Господа! довольно посидѣли на нашихъ выгодныхъ мѣстахъ! Встаньте, освѣжитесь и поищите какогонибудь иного примѣненія вашимъ здоровымъ мускуламъ! Уступите теперь наши выгодныя мѣста интеллигентнымъ труженицамъ, которыя не знаютъ, гдѣ найти сносный кусокъ хлѣба и которыхъ вы такъ долго держали въ непозволительно-черномъ тѣлѣ!». Такъ оно рано или поздно и сбудется: уйдутъ отсюда мужчины, а денежные бумажки и металлическіе знаки будутъ исправно, не хуже прежняго, шелестѣть и звякать въ работѣ болѣе нѣжныхъ пальцевъ. И женщины это прекрасно предвидятъ, жалѣя только, что еще приходится долго ждать и терпѣть. А подождать придется, такъ какъ, хотя приступъ къ основанію у насъ коммерческихъ школъ для женщинъ и сдѣланъ, но это только приступъ, и притомъ очень короткій.

Дѣло школьнаго образованія, и общаго, и спеціальнаго, и высшаго и низшаго, какъ извѣстно, стоитъ у насъ по всѣмъ статьямъ чрезвычайно неудовлетворительно; мы все еще прилаживаемся, дѣлаемъ эксперименты и горимъ «благими порывами», но во всякомъ

случаѣ «горниѣ», и въ этомъ, какъ я уже сказалъ въ началѣ статьи, я усматриваю добрые симптомы будущаго вѣдра въ школьной атмосферѣ. Вопросы техническаго, профессиональнаго и въ частности коммерческаго образованія въ текущіе дни выдвинуты съ особенною силою и взяты подъ покровительство такими вліятельными и сильными людьми, какъ министръ финансовъ С. Ю. Витте, товарищъ министра путей сообщенія, генералъ-лейтенантъ, Н. П. Петровъ, директоръ департамента мануфактуръ и торговли, В. Н. Ковалевскій, проф. Д. И. Менделѣевъ и другіе. Можно поэтому надѣяться, что вопросъ въ этой области не замретъ, и всякіе случайные тормазы здѣсь благополучно будутъ устранены. Къ организациі правильной постановки коммерческаго образованія уже съ годъ времени приступлено, и слухи, исходящіе по настоящему предмету изъ учебнаго отдѣла департамента мануфактуръ и торговли, обѣщаютъ многое доброе.

Въ Западной Европѣ, конечно, картина состоянія коммерческаго образованія много отраднѣе, нежели у насъ, и то, что сообщаетъ по настоящему предмету г. Александръ Острогорскій въ своей любопытной книжкѣ (вышла пока 1 часть) «Коммерческое образованіе, его современная организациі на западѣ и возможная постановка въ Россіи», можетъ служить для нашего отечества полезнымъ указаніемъ и примѣромъ, достойнымъ подражанія. Авторъ обрисовываетъ коммерческое школьное обученіе, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, въ Австріи, Венгріи, Франціи, Германіи и Швейцаріи и ведетъ свою работу по слѣдующему плану: каждую главу, гдѣ идетъ описаніе той или другой страны, онъ начинаетъ краткимъ очеркомъ, сопровождаемымъ статистическими данными организациі существующихъ въ данной странѣ начальныхъ и среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ въ главѣ слѣдуетъ сжатое изложеніе исторіи развитія коммерческаго образованія въ данной странѣ и возможно полное, но безъ излишнихъ подробностей, ознакомленіе читателей съ различными типами коммерческихъ учебныхъ заведеній, ихъ учебными планами и программами. Книга г. Острогорскаго посвящена заграничному коммерческому образованію вообще, безъ выдѣленія отсюда специально-женскаго, но и въ этомъ видѣ она легко можетъ быть приурочена къ занимающему насъ вопросу, такъ какъ и для данной цѣли отсюда можно почерпнуть немало полезныхъ указаній. Къ сожалѣнію, второй части интересной работы г. Острогорскаго еще не имѣется пока въ продажѣ, почему я не въ состояніи, по неимѣнію иного хорошаго источника, воспользоваться опредѣленными и систематическими данными, относящимися до русской жизни. Но, судя и по случайнымъ разбросаннымъ въ поврежденной печати указаніямъ, можно утвердительно сказать, что до послѣдняго времени, до поступленія этого дѣла въ энергичное вѣдѣніе нынѣшняго управленія департамента торговли и мануфактуры, вопросъ

этотъ стоятъ очень неудовлетворительно, и русская жизнь въ этомъ отношеніи представляла собою буквально голую степь. Иначе теперь: дѣлу данъ сильный толчекъ и, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, оно должно принести въ недалекомъ уже времени осязательные результаты.

Что касается частнаго почина въ настоящемъ дѣлѣ, то, имѣя въ виду специально-женское коммерческое образованіе, онъ выражается въ учрежденіи съ января 1896 г. «профессіональной школы для образованныхъ женщинъ» А. Н. Прокопе, гдѣ имѣется специальный курсъ бухгалтеріи, на коемъ къ концу учебнаго семестра слушали лекціи 34 ученицы, изъ коихъ 24 окончили полный курсъ со свидѣтельствомъ; 17 изъ нихъ уже получили подходящія мѣста. Къ величайшему удивленію, изъ числа окончившихъ здѣсь курсъ никто не пожелалъ ѣхать на предложенныя должности въ провинцію, несмотря на то, что оттуда былъ спросъ. Мотивами отказа, какъ свидѣлствуешь въ своемъ отчетѣ г-жа Прокопе, было нежеланіе «взять мѣсто въ отъѣздѣ». Въ томъ же 1896 году были утверждены министерствомъ финансовъ «женскіе коммерческіе курсы» П. О. Ивашинцевой съ цѣлью «дать теоретическое и практическое коммерческое образованіе, необходимое для занятій въ торгово-промышленныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ». Предметы преподаванія раздѣляются на: а) обязательные и б) необязательные.

Обязательные предметы суть: коммерческія вычисленія, счетовѣдѣніе, коммерческая корреспонденція русская, политическая экономія, коммерческая географія, очеркъ исторіи торговли, законовѣдѣніе и каллиграфія.

Необязательные предметы суть: 1) коммерческая корреспонденція на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, 2) коммерческая корреспонденція на другихъ языкахъ, преподаваемая за особу плату, и 3) товаровѣдѣніе.

Сверхъ обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ на курсахъ, съ разрѣшенія министерства финансовъ, могутъ быть вводимы, по мѣрѣ надобности и по указанію опыта, дополнительные предметы, какъ-то: черченіе, стенографія, упражненіе на печатной и пишущей машинахъ и проч. Полный курсъ ученія продолжается два года.

Недурно поставлено дѣло на «счетоводныхъ курсахъ» фирмы «Счетоводъ» Езерскаго, радушно открывающихъ свои двери, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. «Курсы» эти ставятъ своею задачею быть практическою конторою, въ которой занимающіеся могутъ получать практическую подготовку по всѣмъ отраслямъ счетоводства, именно: торговаго, земскаго, сельско-хозяйственнаго, фабричнаго, заводскаго, банковаго, ремесленнаго, винной монополіи и т. д. По свидѣтельству «отчета» курсовъ, «самыми внимательными и аккурат-

ными въ посѣщеніи лекцій курсовъ были учителя и учительницы начальныхъ городскихъ и техническихъ училищъ».

Къ сожалѣнію, ни изъ отчетовъ «Счетовода», ни изъ личныхъ разспросовъ мнѣ не удалось почерпнуть указаній, поскольку «аккуратныя и внимательныя» слушательницы курсовъ Езерскаго нашли приложеніе своимъ знаніямъ въ практикѣ жизни; но мнѣ важно въ данномъ случаѣ для моего бѣлаго очерка отмѣтить лишь, что женщина ищетъ уже коммерческаго образованія и не остановилась передъ затратой труда, чтобъ явиться на арену конкурентной борьбы съ мужчиной во всеоружіи необходимаго профессиональнаго знанія. Нѣтъ сомнѣній, что по мѣрѣ того какъ мужчины стануть, уступая требованіямъ времени, усовершенствоваться въ области коммерческаго образованія, разовьется и женская инициатива въ той же области, разовьется и количество женскихъ коммерческихъ курсовъ. Такимъ образомъ, изъ самаго факта обнаруженія инициативы, изъ нѣсколькихъ примѣровъ, подтверждающихъ ея существованіе, мы несомнѣнно убѣждаемся, что развитіе «женскаго вопроса» въ его реальной постановкѣ, въ его фактическихъ проявленіяхъ сдѣлало по сравненію съ элементарной программой Дауля значительные успѣхи, обнаружило серьезное прогрессивное развитіе. Но вотъ вслѣдъ за стремленіемъ къ коммерческому образованію въ наши, сегодняшніе, дни проявилось и стремленіе женщинъ къ полученію серьезныхъ юридическихъ познаній, послышалось требованіе о предоставленіи женщинамъ правъ ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ. Да такъ оно и должно было случиться.

Я уже говорилъ о переполненіи разныхъ учрежденій капиталистическаго характера съ промышленными цѣлями интеллигентными труженицами. Все труднѣе и труднѣе становится тутъ найти себѣ мѣсто и заработокъ, все плотнѣе и плотнѣе затворяются здѣсь двери подъ напоромъ голодной толпы, состоящей одинаково и изъ мужчинъ и женщинъ, и все чаще красуются на этихъ дверяхъ многозначительныя надписи: «свободныхъ вакансій не имѣется». И если мужчины, въ чьихъ распоряженіяхъ, подъ сильнымъ покровительствомъ общества и правительства, есть многоразличные пути къ выходу изъ тяжелаго положенія, то куда же идти предоставленной собственному усмотрѣнію женщинъ? Старый строй жизни дореформенной патріархальной Россіи рухнулъ безвозвратно, а съ нимъ вмѣстѣ исчезъ и вѣрный достатокъ привилегированныхъ классовъ. Теперь всей наличности семьи приходится изыскивать средства къ жизни для мало-мальски обезпеченнаго существованія; теперь о дѣвущкѣ перестаютъ, даже по простой невозможности, заботиться близкіе ей люди, и она силою обстоятельствъ вынуждена сама трудиться. Пусть мнѣ не указываютъ не тѣ случайные факты, когда дѣвушки ищутъ жалованья исключительно «на туалетъ», «на лишнюю элегантную шляпку» и «лишнюю пару перчатокъ» — такія не-

сомнѣнно есть, какъ равно, если не больше, имѣются и мужчины, обладающіе приличными доходами съ имѣній и тѣмъ не менѣе жадно хватающіеся за казенныя и иные оклады. Несправедливости жизни всегда и вездѣ были, есть и будутъ, но онѣ должны быть разсматриваемы, какъ исключенія. А если ужъ будутъ настаивать на парадоксѣ о «тоалетахъ» и «перчаткахъ», то тутъ по всей справедливости можно будетъ отвѣтить такъ: въ томъ, что дѣвушка даже изъ обезпеченной семьи ищетъ себѣ трудной и честной работы и не желаетъ обременять своими капризами семью, дурного по существу ничего нѣтъ; но что мужчина, имѣющій и безъ того свободный достатокъ, цѣпляется за 20-е число—это дурно.

Итакъ, женская служба въ канцеляріяхъ разныхъ учреждений не можетъ уже удовлетворить всѣхъ ея ищущихъ—спросъ разошелся съ предложеніемъ, а отсюда является логическимъ слѣдствіемъ исканіе новыхъ сферъ дѣятельности. Юридическая уже намѣтилась; намѣчается еще и иная, оригинальная, но вполне законная и естественная, о которой сегодня и должна идти рѣчь. Я разумѣю сельско-хозяйственную.

III.

Вопросъ о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи, какъ я уже не одинъ разъ говорилъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника»,—больной вопросъ, имѣющій свою длинную исторію. Возвращаться къ ней я не стану, какъ равно не буду пересчитывать всего нынѣ предпринимаемаго для уврачеванія болѣзни. Отмѣчу лишь, что однимъ изъ главныхъ средствъ къ выходу изъ запутаннаго и тяжелаго положенія всѣми единодушно признана необходимость правильной постановки дѣла сельско-хозяйственнаго образованія и значительнаго увеличенія учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ, вѣдающихъ означенную отрасль русской жизни. Естественно поэтому, что когда эта истина была признана и правительство приступило къ организаціи сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, явился самъ собою вопросъ, уже давно искавшій своего рѣшенія въ практикѣ жизни, какъ же быть съ женщинами, которыя играютъ у насъ такую крупную роль въ качествѣ землевладѣлицъ среди привилегированныхъ сословій и въ качествѣ простыхъ рабочихъ въ крестьянской средѣ? Вопросъ потребовалъ отвѣта, а отвѣтъ сказалъ: надо наравнѣ съ мужчинами позаботиться и о сельско-хозяйственномъ образованіи женщинъ и создать для нихъ въ тѣхъ видахъ потребныя сельско-хозяйственныя школы. Отвѣтъ этотъ по существу такой естественный, простой и несложный считается многими, какъ мнѣ не разъ самому приходилось слышать, смѣшнымъ, вздорнымъ, смахивающимъ на «глупую бабью затѣю». И говорятъ въ такомъ духѣ люди интеллигентные, образованные, стоящіе близко

къ руководительству русскимъ просвѣщеніемъ. Происходить это, конечно, по недоразумѣнію, по нежеланію съ ихъ стороны вникнуть хорошенько въ дѣло и уяснить себѣ, въ чемъ суть. А суть эта очень несложная.

Профессоръ А. И. Стебуть посвятилъ настоящему вопросу чрезвычайно интересную статью въ «Объверномъ Вѣстникѣ» (1891 г., №№ 4—5) подъ заглавіемъ «Нуждается ли русская интеллигентная женщина въ специальномъ сельско-хозяйственномъ образованіи?», гдѣ даетъ очень обстоятельный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Выяснивъ сначала значеніе вообще сельско-хозяйственнаго образованія и ту крупную роль, которая ему суждена въ судьбахъ русской жизни, почтенный ученый переходитъ къ разсмотрѣнію положенія женщины въ крестьянской средѣ и говоритъ: «Въ крестьянскомъ хозяйствѣ играетъ весьма важную роль женщина; положеніе крестьянки большею частію труднѣе положенія крестьянина: она обременена нерѣдко круглый годъ весьма тяжелой, иногда непосильной работой. Она должна вскормить и вынянчить дѣтей, истопить печь, прибрать избу, испечь хлѣбы, сготовить себѣ пищу, обшить себя и дѣтей, сшить бѣлье мужу, изготовить нужный для семьи холстъ, спрясть шерсть, соткать сукно, постирать и починить бѣлье, накормить коровъ и овецъ, подонть первыхъ и постричь вторыхъ, выходить телятъ и ягнятъ, вести птицу, справить работы по огороду, жать и вязать хлѣбъ, молотить и раздѣлывать его, убирать сѣно, брать лѣнъ, коноплю, полоть, убирать картофель, а иногда въ отсутствіи мужика пахать землю и косить хлѣбъ». Многія изъ этихъ занятій по условіямъ настоящаго времени требуютъ уже не только одного опыта, но и знанія, которое отсутствуетъ въ крестьянской средѣ и о пополненіи котораго въ наши дни хлопочетъ государство и общество; знаніе, прибрѣтенное школой, подниметъ всю культуру среды и уничтожитъ, смягчитъ всѣ тѣ многочисленныя аномаліи, которыми страдаетъ деревня. Но крестьянство, — утверждаетъ профессоръ Стебуть, — «для того, чтобы устроиться лучше, должно не только стать грамотнымъ, умственно развитымъ, но должно воспитаться въ другихъ понятіяхъ, потому что только соотвѣтствующее образованію воспитаніе можетъ улучшить дѣятельность человѣка. Въ воспитаніи же первенствующую роль, и по времени, и по силѣ, имѣетъ мать; а потому необходимо привлечь въ школу крестьянскую дѣвочку. Но матерью и школой съ школьнымъ учителемъ не исчерпывается для крестьянина воспитывающая его среда; ее составляютъ далѣе духовенство, судъ, администрація, полиція, сельскій хозяинъ, частный землевладѣлецъ, съ которыми крестьянство приходитъ постоянно въ соприкосновеніе. Для того же, чтобы эта среда могла содѣйствовать перевоспитанію крестьянина къ лучшему, необходимо, чтобы она была по возможности близко знакома со всѣми сторонами крестьянской жизни

и съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ главной промышленностью нашего крестьянства; чтобы ей при воспитаніи была внушена любовь къ сельской жизни и сельскому обывателю; чтобы она была умственно, а главное нравственно, на высотѣ своего призванія выполнить такую задачу; чтобы она сама стала лучше; чтобы она, какъ болѣе интеллигентная часть населенія, не только словомъ, но и дѣломъ, всей своей жизнью, могла вліять хорошо на крестьянство, служить ему достойнымъ подражанія примѣромъ, такъ чтобы крестьянство могло у нея перенять что либо лучше теперешняго стремленія къ внѣшнему щогольству. Изъ этомъ отношеніи особенно высоко призваніе сельскаго хозяина—частнаго владѣльца, стоящаго ближе всего къ крестьянству и имѣющаго самыя частыя сношенія съ нимъ». Но чтобы этотъ землевладѣлецъ могъ дѣйствительно воедѣйствовать на крестьянскую массу и личнымъ примѣромъ и примѣромъ своего образцоваго хозяйства, онъ долженъ быть самъ образованъ и надлежаще воспитанъ, долженъ вернуться въ деревню и снова прочно и крѣпко осѣсть на мѣстѣ.

Очертивъ въ яркихъ чертахъ бѣгство помѣстнаго дворянства, г. Стебуть замѣчаетъ, что «въ этомъ бѣгствѣ изъ деревни несетъ большую отвѣтственность наша интеллигентная женщина, которая, въ силу полученнаго ею воспитанія, не могла мириться съ деревенской жизнью, съ сельскимъ хозяйствомъ, оставлявшими пустоту въ ея духовномъ мірѣ и неспособными удовлетворить привоспитаннаго ей тщеславія. Конечно, съ уменьшеніемъ мѣстнаго интеллигентнаго населенія уменьшился спросъ на извѣстныя удобства жизни: на школу, медицинскую помощь, пути сообщенія, почтовые учрежденія, а слѣдовательно замедлилось развитіе средствъ удовлетворенія спроса на такія удобства. Поэтому не помѣстное дворянство бѣжало изъ деревни, вслѣдствіе отсутствія въ деревнѣ удобствъ жизни, а наоборотъ — развитіе этихъ послѣднихъ замедлилось вслѣдствіе бѣгства изъ деревни перваго. Оставшіеся затѣмъ все еще въ имѣніяхъ частныя землевладѣльцы продолжали вести хозяйство съ тѣмъ запасомъ знаній, который имѣлся отъ временъ крѣпостнаго права и обогащался изученіемъ вѣдомаго ими дѣла, и съ тѣми денежными средствами, которыя добывались банковыми ссудами подъ залогъ имѣній. Но наступившее пониженіе цѣнъ съ половины 80-хъ годовъ подвергло самому строгому испытанію знанія и силы этихъ хозяевъ, и часть этихъ послѣднихъ, не выдерживая испытанія, должна была также покинуть свои помѣстья». Такое положеніе дѣлъ почтенный г. Стебуть считаетъ неестественнымъ и вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ: земля, землевладѣлецъ не можетъ оставаться безъ образованной интеллигенціи; помѣстное дворянство должно снова вернуться назадъ, и починъ такому возвращенію должна положить женщина, которая этимъ самымъ отвѣтитъ на великій спросъ деревни интеллигент-

ныхъ силъ». Итакъ, спросъ на интеллигентныя силы съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, со стороны улучшенія положенія нашего сельскаго хозяйства, громаденъ!—воскликаетъ г. Стебуть. «Неужели же, въ виду его, русская интеллигентная женщина, которая даже безъ сельскохозяйственного образованія, а съ однимъ лишь сельскохозяйственнымъ воспитаніемъ и кое-какою опытностью, вела во многихъ случаяхъ хозяйство и доказала самымъ блестящимъ образомъ свою способность къ научному образованію, не найдетъ болѣе обширнаго и плодотворнаго примѣненія своего труда въ сельскомъ хозяйствѣ, получитъ сельскохозяйственное образованіе? Множество частновладѣльческихъ хозяйствъ, принадлежащихъ женщинамъ, или такихъ, которыя не могутъ вестись почему либо своими или наемными мужскими силами, найдутъ себѣ прекрасныхъ хозяевъ въ женщинахъ съ высшимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ. Съ болѣе широкимъ развитіемъ женскаго сельскохозяйственного образованія, женскому вѣдѣнію могутъ быть поручены, кромѣ поручаемыхъ ему теперь отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то: молочнаго хозяйства, маслодѣлія, сыроваренія, воспитанія молодаго скота, птицеводства, огородничества, еще и садоводство и, что я желаю бы особенно подчеркнуть въ этомъ мѣстѣ, счетоводство и конторская часть, не находящія себѣ въ настоящее время, особенно въ среднихъ хозяйствахъ, подходящихъ лицъ. Неужели нельзя будетъ считать въ высшей степени полезнымъ для общества, если съ развитіемъ женскаго сельскохозяйственного образованія женщина, затрудняющаяся теперь въ пріисканіи себѣ куска хлѣба, найдетъ себѣ хорошій заработокъ въ сельскомъ хозяйствѣ; если женщина, не знающая теперь къ чему приложить руки, найдетъ для этихъ послѣднихъ занятія въ сельскомъ хозяйствѣ; если женщина, сосредоточивающая теперь, свою благотворительную дѣятельность въ городахъ, перенесетъ эту дѣятельность въ нашу обездоленную деревню; если она, наконецъ, внесетъ въ деревенскую жизнь нравственно-эстетическое чувство и согрѣетъ и ободритъ ее своею любовью».

Развивая въ строгой логической послѣдовательности свою главную мысль о роли женщины въ судьбахъ сельскаго хозяйства и въ качествѣ собственницы-управительницы имѣніемъ и въ качествѣ друга-помощницы мужа, г. Стебуть въ конечномъ выводѣ приходитъ къ заключенію, что пора уже въ интересахъ русскаго благосостоянія приступить къ организаціи у насъ раціональнаго сельскохозяйственного образованія женщинъ. «Итакъ,—говоритъ онъ,—сельско-хозяйственное образованіе женщины есть первая мѣра, по моему убѣжденію, къ тому, чтобы создать у насъ хорошаго хозяина и удержать его на мѣстѣ въ хозяйствѣ. Конечно, эта мѣра, отъ которой мы не можемъ ждать такихъ быстрыхъ плодовъ, но именно поэтому и необходимо спѣшить ея принятіемъ, чтобы тѣмъ раньше

дождаться ея результатовъ. Не могу не замѣтить въ этомъ мѣстѣ, что и распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній въ нашемъ духовенствѣ слѣдовало бы начать не съ семинарій, а съ епархіальныхъ женскихъ училищъ». Такимъ образомъ, профессоръ приходитъ къ неизбежному отвѣту, что сельскохозяйственное образованіе женщинъ должно быть не только ремесленнымъ, низшимъ, но и среднимъ, и въ особенности научнымъ, высшимъ.

Бросивъ нѣсколько мыслей по вопросу объ организаціи низшаго, средняго и высшаго сельскохозяйственнаго образованія для женщинъ, г. Стебуть внимательно останавливается на послѣдней категоріи, переходя отъ общихъ соображеній къ указаніямъ практическаго свойства, онъ говоритъ: «Научное сельскохозяйственное образованіе труднѣе достижимо. Оно предполагаетъ изученіе научныхъ основъ сельскаго хозяйства, слѣдовательно, естественныхъ наукъ, политической экономіи и специальныхъ сельскохозяйственныхъ и вспомогательныхъ дисциплинъ. Имѣя въ виду, что изученіе первыхъ требуетъ извѣстныхъ специальныхъ учебныхъ пособій, которыхъ устройство въ деревнѣ стоило бы дорого; въ городѣ же можно воспользоваться готовыми, да и легче имѣть здѣсь преподавателей этихъ предметовъ, я предполагалъ бы, что естественно-научныя и политико-экономическія основы сельскаго хозяйства, въ видѣ введенія въ соотвѣтствующія сельскохозяйственныя дисциплины, какъ-то: ботаника, въ видѣ введенія въ земледѣліе общее и частное, зоологія, въ видѣ введенія въ общую и частную зоотехнику (скотоводство), минералогія съ геогнозіей и геологіей, въ видѣ введенія въ почвовѣдѣніе; политическая экономія, въ видѣ введенія въ сельскохозяйственную экономію, могли бы быть изучаемы въ зимніе мѣсяцы въ городѣ—для начала въ Москвѣ. Здѣсь въ то же время могли бы излагаться основы химіи и физики и нѣкоторыя сельскохозяйственныя дисциплины, какъ-то: почвовѣдѣніе, ученіе объ удобреніи, общая зоотехнія и сельскохозяйственныя дисциплины: ученіе объ обработкѣ почвы, уходъ за растеніями, полеводство, луговоеводство, садоводство и огородничество, льсоводство, частная зоотехнія, маслодѣліе, сыровареніе, домашнее хозяйство, землемѣріе—въ деревнѣ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, теоретическое преподаваніе должно сопровождаться соотвѣтствующими практическими занятіями. Курсъ долженъ продолжаться 2½ года: два зимнихъ семестра (1-й и 3-й) въ городѣ, два лѣтнихъ (2-й и 4-й) и одинъ зимній (5-й) въ деревнѣ. Лѣтній семестръ начинается примѣрно съ 1 апрѣля и продолжается до 10 октября; зимній же съ 1 октября до 1 апрѣля, съ соотвѣтствующими промежутками времени въ каждомъ изъ нихъ для каникулъ. Къ изученію сельскаго хозяйства въ предполагавшемся женскомъ учебномъ заведеніи, назовемъ его женскимъ сельскохозяйственнымъ училищемъ, могутъ быть допускаемы всѣ желающія, которыхъ подготовка для прохожденія учебнаго

курса училища будетъ найдена педагогическимъ совѣтомъ училища достаточной; въ случаѣ же тѣсноты преимущество должно быть отдано тѣмъ, которыя, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, будутъ представлять больше ручательства въ успѣшномъ прохожденіи курса училища. Преподаваніе должно обезпечиваться достаточнымъ числомъ преподавателей, изъ которыхъ одни, преимущественно специалисты, должны посвятить свои силы по возможности исключительно этому училищу и вести какъ въ городѣ, въ зимніе семестры, такъ и въ деревнѣ, въ лѣтніе семестры, теоретическое преподаваніе и, кромѣ того, руководить соответствующими практическими занятіями. Учебной частью школы долженъ завѣдывать педагогическій совѣтъ подѣ предсѣдательствомъ одного изъ специалистовъ, наиболѣе посвятившихъ себя дѣлу школы; хозяйственную же часть школы можетъ завѣдывать особый комитетъ при участіи одного предсѣдателя педагогическаго совѣта».

Таковы главныя положенія обстоятельной и сильной статьи г. Стебута въ защиту женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, статьи, которая въ настоящіе дни обращаетъ на себя особенное вниманіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и которой, повидимому, принадлежитъ вліятельная роль въ рѣшеніи вопроса объ учрежденіи указанныхъ учебныхъ заведеній для женщинъ.

IV.

Работа проф. А. И. Стебута, изслѣдовавшая всесторонне вопросъ и намѣтившая даже конспективный планъ къ его осуществленію, была напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 1891 г., сброшюрована въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ и разослана авторомъ его ученикамъ-агрономамъ и дѣятелямъ русскаго сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, это былъ первый шагъ къ серьезной агитациі по интересовавшему профессора вопросу, почему и означенной статьѣ въ лѣтописяхъ женскаго просвѣщенія должно быть отведено почетное и заслуженное мѣсто. Но еще раньше на 5 лѣтъ г. Стебута по тому же вопросу выступилъ въ «Областномъ отдѣлѣ» того же «Сѣвернаго Вѣстника» времени г-жи Евреиновой нѣкто г. А. А., оказавшійся впослѣдствіи г. Армфельдомъ, съ небольшою замѣткой подѣ заглавіемъ «Замѣтка о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи», гдѣ, предвосхищая общія соображенія, развитыя впослѣдствіи г. Стебутомъ относительно значенія въ жизни сельскаго хозяйства просвѣщенной дѣятельности интеллигентной женщины, онъ тогда же въ сжатыхъ положеніяхъ прямо подступилъ къ составленію самого проекта организаціи женскаго спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія. По мнѣнію автора «Замѣтки», «школа должна быть соединена съ сельско-хозяйственной фермой, хозяйствомъ которой

должно быть достаточно разнообразно, обширно и типично для частновладельческихъ хозяйствъ нечерноземной полосы. Въ виду экономическихъ соображеній и гарантіи большей сознательности выбора профессіи поступающими, желательно ограничиться преподаваніемъ однихъ лишь естественныхъ наукъ и специальныхъ предметовъ, не тратя времени и средствъ на общеобразовательные предметы. Потребность въ такой школѣ столь велика и ощутительна, что смѣло можно требовать отъ поступающихъ окончанія курса въ гимназіяхъ, институтахъ, лучшихъ епархіальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и подобныхъ имъ заведеніяхъ; такія могутъ быть принимаемы безъ экзамена, равныя же имъ по образованію, но получившія его дома, подвергаются пріемному экзамену. Самый родъ профессіи, требующей здороваго и сильнаго организма, обусловливаетъ возможность пріема лишь вполне здоровыхъ и хорошо физически-развитыхъ дѣвушекъ. Возрастъ поступающихъ будетъ неминуемо соответствовать обычному для окончанія гимназическаго курса возрасту; желательно бы, хотя бы на первое время, не лишать возможности поступать въ заведеніе и старшихъ возрастомъ, хотя бы на правахъ вольнослушательницъ. Наиболее цѣлесообразная продолжительность курса три года. Не предрѣшая вопроса о разрядѣ такой школы, такъ какъ для женскаго учебнаго заведенія это не имѣетъ существеннаго значенія, все-таки желательно наиболѣе практическое направленіе преподаванія, желательно, чтобы ученицы всѣ доступныя ихъ силамъ работы продѣлали собственными руками, чтобы теоретическій курсъ продолжался лишь, пока не оживутъ поля, луга, сады и лѣса, а затѣмъ книги въ столъ и идти учиться на лоно природы. Такой образъ жизни, да и самый характеръ пракческаго преподаванія специальныхъ предметовъ, отличны отъ общеобразовательной школы и преподаванія; поэтому, чтобы нѣсколько свыкнуться съ ними, желательно увеличить трехлѣтній курсъ еще на $\frac{1}{4}$ года (то-есть одно лѣто) подготовительнаго, переходнаго времени. Окончившія экзамены гимназистки, институтки и т. д. поступали бы въ школу весною, за лѣто въ деревнѣ поотдохнули бы, набрались силъ, пользуясь воздухомъ, купаньемъ, отдыхомъ, а выѣстѣ съ тѣмъ понемногу втягивались бы и въ условія новой жизни, умѣренно работая въ саду, огородѣ, на учебномъ полѣ и т. д., въ присутствіи и по указаніямъ учителей, наставниковъ, мастеровъ, специалистовъ, которые давали бы нужныя объясненія и обучали технику. Такимъ образомъ, осенью, въ классы ученицы вступили бы уже нѣсколько, въ желательномъ видѣ, имѣненными. Придавая большое воспитательное значеніе физическому труду и умѣнію и не упуская изъ виду будущее назначеніе ученицы, я считалъ бы необходимымъ требовать отъ каждой ученицы въ лѣтнее время по 6 часовъ физическаго труда въ день, въ двѣ смѣны, то-есть три часа до и три часа послѣ обѣда, такъ, чтобы двѣ спа-

ренныя и взаимно черезъ каждые три часа смѣняющіеся ученицы составили полный 12-ти часовой рабочій день, въ зимнее же время три часа классовыхъ занятій, три часа практическихъ и три часа работы. При достаточномъ числѣ ученицъ желательно обходиться въ фермерскомъ хозяйствѣ по возможности совсѣмъ безъ постороннихъ рабочихъ, принимая таковыхъ лицъ въ экстренныхъ случаяхъ и для непосильныхъ для ученицъ работъ и производя всѣ остальные работы ученицами. Степень развитія, уровень образованія, возрастъ и близость будущей самостоятельной дѣятельности ученицъ заставляютъ желать, чтобы онѣ сами считали себя вполне взрослыми людьми, такъ ихъ и надо поставить. Отъ школы онѣ должны имѣть лишь помѣщеніе, необходимую мебель, отопленіе, освѣщеніе; столъ же, бѣлье и платье—свое. Для будущей небогатой деревенской хозяйки, поневолѣ остающейся въ деревнѣ часто совсѣмъ безъ прислуги, весьма важно умѣнье, въ случаѣ нужды, и обойтись безъ таковой, и знаніе домашнего хозяйства вообще и кулинарнаго искусства въ особенности; считать бы поэтому необходимымъ держать при школѣ хорошую кухарку-наставницу подъ руководствомъ и по указаніямъ которой ученицы поочередно сами бы и стряпали себѣ кушанье; желательно также, чтобы ученицы шили и чинили себѣ платье и мыли бѣлье сами. Помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ ученицы пользуются въ школѣ бесплатно, за ученіе же взимается съ нихъ опредѣленная плата. Пробывшія въ школѣ не менѣе полугода и оказавшія значительные успѣхи недостаточныя ученицы могутъ быть освобождаемы отъ взноса платы за ученіе, а лучшія по успѣхамъ и наиболѣе бѣдныя могутъ, кромѣ того, пользоваться и стипендіей. За производимыя ими въ фермерскомъ хозяйствѣ работы ученицамъ выплачивается средняя мѣстная поденная плата по расчету отработанныхъ часовъ. Въ жизни каждой молодой дѣвушки, бываютъ минуты, когда ей дорогъ и близокъ совѣтъ хорошей, честной, любящей, пожившей уже на свѣтѣ женщины; поэтому желательно имѣть при школѣ четырехъ женщинъ, опытныхъ и любящихъ молодежь надзирательницъ, которыя бы помѣщались, столовались и проводили все время съ ученицами, относясь къ нимъ не какъ начальницы, а потоварищески, какъ старшія и болѣе опытныя подруги. Изъ мелкихъ женскихъ слабостей значительное неудобство, особенно при совмѣстной жизни, представляетъ страсть къ нарядамъ, по терпѣней модѣ, часто слишкомъ уродливымъ, а нерѣдко и излишне откровеннымъ; далѣе, различіе наряда слишкомъ рѣзко выдѣляетъ болѣе или менѣе въ матеріальномъ отношеніи состоятельныхъ женщинъ. Для устраненія этихъ неудобствъ желательно, чтобы впослѣдствіи все дѣло веденія такой школы и преподаваніе въ ней всецѣло перешло въ женскія руки. Подготовить преподавательницъ можно будетъ изъ тѣхъ же женщинъ-врачей, которыя прошли медицинскіе курсы изъ жажды знанія и не чув-

ствуютъ призванія къ медицинской практикѣ. Какъ знающимъ уже основательно естественныя науки, имъ не трудно будетъ подготовиться по сельскохозяйственнымъ специальностямъ. На первое же время по необходимости придется имѣть управляющаго школою и фермою, часть преподавателей и мастеровъ-мужчинъ. Желательно преподаваніе слѣдующихъ предметовъ: химія и физики, геогнозін, ботаники, зоологія, анатоміи и фивіологіи животныхъ и растений, земледѣліи и растеніеводства, скотоводства и молочнаго хозяйства, сельскохозяйственной экономіи и счетоводства».

Таковъ любопытный проектъ г. Армфельда, имѣющій, какъ читатели легко могутъ убѣдиться сами, кое-что общее съ проектомъ профессора Стебута, но содержащій нѣчто и типическое, отличительное. Въ то время, какъ послѣдній строитъ свои *ria desideria*, исходя болѣе всего изъ соображеній экономическихъ, соціальныхъ, первый болѣе всего хлопочетъ о самой женщинѣ, имѣя главнымъ образомъ въ виду цѣли практическія—ея здоровье и физическое довольство.

И историческое значеніе обоихъ проектовъ, поскольку они являются отраженіемъ литературныхъ теченій, разное: работа г. Стебута, отпечатанная оттисками, не поступавшими, однако, въ продажу, и разосланная въ громадномъ числѣ «ученикамъ» и свѣдущимъ лицамъ, должна быть отнесена къ разряду орудій могущественной общественной агитаціи; работѣ же г. Армфельда, напечатанной въ скромномъ отдѣлѣ «областныхъ» корреспонденцій и свѣдѣній, прошедшей почти незамѣтно въ печати и забытой, въ наши дни суждено всплыть на поверхность жизни и явиться въ нѣдрахъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ фактическимъ рычагомъ, практически двинувшимъ вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи женщинъ. Г. Армфельдъ представилъ нынѣ свой проектъ, какъ свидѣтельствуется само министерство, на его одобреніе, и типъ сельскохозяйственной школы съ намѣченной имъ выше программой подлежитъ, вѣроятно, скорому обсужденію.

Кромѣ г. Стебута и Армфельда обратилъ свое вниманіе на тотъ же вопросъ и г. Бирюковичъ, небезызвѣстный экономистъ, журналистъ, сотрудникъ многихъ спеціальныхъ и общихъ журналовъ. Имъ помѣщена по настоящему предмету въ «Русской Школѣ» г. Гуревича (1894 г., № 4) небольшая, но содержательная статья подъ заглавіемъ «Сельскохозяйственное образованіе для женщинъ», основанная, съ одной стороны, на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ имъ отъ лицъ, стоящихъ нынѣ во главѣ немногихъ уже существующихъ нынѣ сельскохозяйственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, и на ст. проф. Стебута, съ другой.

Выступая въ печать горячимъ поборникомъ дѣла женскаго сельскохозяйственнаго образованія, г. Бирюковичъ въ самомъ началѣ такъ остроумно подходитъ къ дѣлу: «у насъ до сихъ поръ ведутся довольно оживленные дебаты о такъ называемомъ «естествен-

номъ» назначеніи женщинъ. При этомъ одни доказываютъ, что женщина должна быть допущена къ участию въ трудѣ мужчинъ, другіе же отстаиваютъ принципъ, по которому естественное назначеніе ея быть женой и матерью, тогда какъ все бремя обезпеченія семьи средствами къ существованію слѣдуетъ оставить исключительно за мужчиной. Въ подобнаго рода пререканіяхъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что сторонники расширенія трудовыхъ правъ женщинъ признаются какими-то новаторами, тогда какъ ихъ противники стояли якобы на почвѣ «естественнаго» порядка вещей, сложившагося вѣками. На самомъ же дѣлѣ, если мы обратимся къ одной изъ древнѣйшихъ профессій человѣка—земледѣлію, то увидимъ, что въ этой области роль женщинъ далеко не ограничивается веденіемъ домашнего хозяйства и воспитаніемъ дѣтей. Въ сельскохозяйственномъ быту едва ли не въ высшей формѣ осуществляется принципъ раздѣленія труда между мужчиной и женщиной. Здѣсь, по мѣткому выраженію Глѣба Успенскаго, мужъ и жена играютъ въ четыре руки одну и ту же пьесу. Дѣйствительно, не говоря уже о средѣ крестьянъ-землевладѣльцевъ, гдѣ женщина выполняетъ цѣлый рядъ внѣдомашнихъ работъ по хозяйству—жнетъ, убираетъ сѣно и т. д., даже въ кругу крупныхъ землевладѣльцевъ, не обрабатывающихъ своей земли личнымъ трудомъ, въ вѣдѣніи женщины находятся весьма обширныя отрасли хозяйства, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ сдѣлаться и источникомъ крупнаго дохода; сюда относятся скотный дворъ съ молочнымъ хозяйствомъ, птичникъ, огородъ. Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ нашему отечеству, гдѣ огромная часть населенія занимается земледѣліемъ, менѣе является справедливою доктрина о «естественномъ» назначеніи женщины, при которомъ трудъ ея не долженъ выходить изъ сферы заботъ о домашнемъ очагѣ, а продукты его одинаково не должны представлять собой какой нибудь рыночной цѣнности наравнѣ съ продуктами мужскаго труда. Не менѣе страннымъ нужно признать и то обстоятельство, что не подлежащій сомнѣнію фактъ весьма широкаго участія женщинъ въ земледѣльческомъ трудѣ не выдвинулъ вопроса о необходимости сдѣлать для нихъ доступнымъ сельскохозяйственное образованіе».

Сдѣлавъ далѣе краткое резюме основныхъ положеній работы А. Стебута, г. Бирюковичъ выдвигаетъ прекрасное состояніе сельскаго хозяйства въ Финляндіи, гдѣ по настоящему предмету имѣется уже достаточное количество профессионально земледѣльческихъ школъ, гостепріимно открывающихъ свои двери, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Далѣе авторъ даетъ описаніе двухъ высшихъ земледѣльческихъ школъ—Мустіаласскаго и Кроноборгскаго земледѣльческихъ институтовъ, а также вкратцѣ очерчиваетъ программы низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, изъ числа которыхъ особенно выделяются школы по молочному хозяйству. Въ дальнѣйшей своей

работѣ онъ рисуетъ положеніе и учебный обиходъ въ нашей русской школѣ г-жи Гриневой, о коей рѣчь ниже, и заканчиваетъ статью указаніемъ на проектъ программы проф. Стебута, уже знакомый читателямъ.

IV.

Статьями гг. Армфельда, Стебута, Бирюковича исчерпывается все существенное и обстоятельно-разработанное, что было до послѣдняго времени написано по вопросу о рациональной организаціи у насъ женскаго сельскохозяйственнаго образованія. Все остальное, помѣщавшееся по данному вопросу даже въ специальныхъ журналахъ, какъ, напримѣръ въ «Хозяинѣ», «Земледѣліи», «Вѣстникѣ русскаго сельскаго хозяина» и др., является разработкою той же темы и того же матеріала въ ихъ частностяхъ и деталяхъ, или въ ихъ вариацияхъ.

Такъ «Вѣстникъ» въ самое послѣднее время помѣстилъ небезынтересную замѣтку объ устройствѣ въ недалекомъ будущемъ княгинею Урусовой въ Новгородской губерніи низшей женской школы садоводства, плодоводства и огородничества для крестьянокъ, съ краткимъ описаніемъ программы обученія здѣсь. Въ томъ же «Вѣстникѣ» въ № 38 — 39 имѣется любопытное воззваніе «Вниманію интеллигентныхъ женщинъ» извѣстнаго дѣятеля по молочному хозяйству, Н. В. Верещагина, гдѣ почтенный и неутомимый поборникъ интеллигентнаго труда убѣждаетъ женщинъ, не дожидаясь открытія «специальныхъ женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ... учиться сельскому хозяйству въ тѣхъ образцовыхъ хозяйствахъ, которыми завѣдуютъ женщины». Тутъ же заодно и попутно г. Верещагинъ поднимаетъ и новый вопросъ, спрашивая: «Если женщины добились совмѣстной работы съ мужчинами на медицинскомъ поприщѣ, то отчего бы имъ не попытаться работать на архитектурномъ поприщѣ? Въ Америкѣ уже много женщинъ архитекторовъ, и на Чикагской выставкѣ нѣкоторые отдѣлы были выстроены женщинами-архитекторами. Архитектура только несомнѣнно выиграетъ отъ приложенія женскаго ума и воображенія. Ужъ не говоримъ объ искусствѣ и наружномъ видѣ построекъ, самое расположеніе комнатъ въ смыслѣ большаго удобства для жизни, наконецъ подчиненіе построекъ гуманитарнымъ требованіямъ, лучшее помѣщеніе прислуги, дворниковъ, швейцаровъ, уничтоженіе вредныхъ подвальныхъ помѣщеній, — на все нужна смѣлая рука женщины, разъ это поддается справедливостію».

Интересуясь такимъ образомъ развитіемъ женскаго профессиональнаго образованія на всевозможныхъ поприщахъ, и преимущественно земледѣльческомъ, специальные журналы поѣтому радостно приветствовали появленіе въ печати слуха о томъ, что министерство ве-

мледѣлія также съ своей стороны поставило на очередь своего вниманія этотъ вопросъ и выработало даже въ этой области кое-какія практическія положенія. Но прежде, чѣмъ перейти къ этой послѣдней части моей статьи, необходимо отмѣтить, чѣмъ же заявила себя въ наши дни въ томъ же направленіи практика жизни, что успѣла она создать, отвѣчая назрѣвшей потребности времени.

Намъ безызвѣстно, что въ отношеніи низшихъ школъ для народа кое-что уже предпринимается для насажденія здѣсь элементарныхъ свѣдѣній по сельскохозяйственнымъ знаніямъ; этимъ интересуются нынѣ земства, вѣдомство духовное, народнаго просвѣщенія и т. д. Извѣстно также, что на нѣкоторыхъ курсахъ и въ образцовыхъ хозяйствахъ уже идетъ ревностное стремленіе приурочить сюда женскій трудъ, женское образованіе; но все это носить на себѣ случайный характеръ и не оформлено въ профессиональную задачу. На всемъ пространствѣ нашего громаднаго отечества можно указать только всего на три специально-женскихъ учебныхъ заведенія, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія, гдѣ дѣйствительно женское образованіе поставлено относительно недурно въ тѣхъ предѣлахъ, которые были доступны частной инициативѣ и частнымъ средствамъ. Вотъ обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ, которыя въ надеждѣ, что кто нибудь изъ многочисленныхъ читателей «Историческаго Вѣстника» ими заинтересуется, и они имъ могутъ пригодиться въ качествѣ справочныхъ пособій, привожу въ томъ видѣ, какъ они изложены въ недавно вышедшемъ «Указателѣ» министерства земледѣлія.

Возулинская женская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 31-го марта 1888 года въ имѣніи вдовы генералъ-майора Анны Ивановны Червоной. Цѣль школы — обученіе взрослыхъ дѣвушекъ домашнему хозяйству, а равно и тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, знаніе которыхъ необходимо для деревенской хозяйки, въ особенности птицеводству, свиноводству, огородничеству, молочному хозяйству и пчеловодству. Кромѣ того, школа имѣетъ цѣлью подготовить недостаточныхъ дѣвушекъ къ службѣ по сельскому и домашнему хозяйству, какъ въ частныхъ домахъ и усадьбахъ, такъ и въ пріютахъ, гдѣ онѣ могутъ обучать дѣтей различнымъ работамъ по сельскому и домашнему хозяйству.

Средства школы состоятъ изъ суммъ, доставляемыхъ учредительницей школы, владѣлицей имѣнія, изъ платы за обученіе частныхъ пансіонерокъ и изъ ежегоднаго пособія отъ департамента земледѣлія по 3.000 рублей.

Адресъ. Школа находится при селѣ Зовулинцы-Червонныя, Киевской губерніи, Бердичевского уѣзда. Адресъ для почтовой корреспонденціи: почтовое отдѣленіе — мѣстечко Самгородокъ (въ 6 верстахъ). Ближайшая станція юго-западной желѣзной дороги Казатинъ (17 верстъ).

Администрація. Попечительница школы — жена генералъ-майора Марія Николаевна Маріуца-Гринева.

Учащіяся. Съ 1897 года предполагается имѣть 16 стипендіатокъ, при чемъ десять изъ нихъ, кромѣ обученія, помѣщенія и продовольствія, получаютъ еще и рабочую одежду и обувь, а шесть должны имѣть одежду свою. Съ того же года предполагается имѣть шесть пансіонерокъ, вносящихъ половинную плату. Затѣмъ школа можетъ принять платныхъ ученицъ: зимой 15—20, лѣтомъ 30 и болѣе ученицъ.

Учебный курсъ. Полный учебный курсъ въ школѣ продолжается 8 мѣсяцевъ, съ первыхъ чиселъ марта по 1-е ноября, но учредительницѣ предоставляется право, въ случаѣ надобности, оставлять нѣкоторыхъ ученицъ, по ихъ желанію, въ школѣ и на болѣе продолжительное время, съ цѣлью усовершенствованія въ той или другой изъ изучаемыхъ отраслей сельскаго хозяйства и домоводства. Сверхъ всего, для частныхъ пансіонерокъ и приходящихъ ученицъ могутъ быть устраиваемы и болѣе кратковременные курсы, въ видахъ практическаго одного или нѣкоторыхъ предметовъ, коимъ обучаютъ въ школѣ. Установленіе пріема таковыхъ ученицъ предоставляется усмотрѣнію учредительницы.

Въ полный курсъ обученія входятъ слѣдующіе предметы:

а) По сельскому хозяйству: 1) молочное хозяйство (доеніе коровъ, сепараторъ, ледяной отстой, масло и сыръ различныхъ сортовъ, творогъ и другіе продукты изъ молока); 2) краткій уходъ за домашнимъ крупнымъ и мелкимъ скотомъ (коровы, овцы); 3) свиноводство (уходъ, откормъ); 4) птицеводство (уходъ за птицей различныхъ породъ, искусственный выводъ, откормъ); 5) пчеловодство (рамочные ульи); 6) прудовое рыбоводство; 7) важнѣйшія свѣдѣнія по огородничеству и уходъ за коноплей; 8) важнѣйшія свѣдѣнія по плодовому садоводству; 9) краткія свѣдѣнія по комнатному цвѣтоводству; 10) нѣкоторыя свѣдѣнія по сельскохозяйственнымъ полевымъ работамъ (уборка сѣна, жатва, вязка сноповъ изъ-подъ машины, молотьба и очистка хлѣба на усовершенствованныхъ машинахъ, уходъ и выкопка сахарной свеклы, сохраненіе кормовой свеклы на зиму); 11) веденіе простыхъ сельскохозяйственныхъ книгъ и записей; 12) веденіе дневниковъ.

б) По домашнему хозяйству: 1) приготовленіе кушаній (простыхъ и болѣе изысканныхъ); 2) приготовленіе чернаго и бѣлаго тѣста (простаго, слобнаго и сладкаго); 3) приготовленіе запасовъ различнаго рода (вареніе, маринаваніе, вяленіе, сушеніе, соленіе,

копченіе, квашеніе); 4) приготовленіе ягодныхъ винъ и наливокъ; 5) сохраненіе припасовъ (мяса, овощей и тому подобное); 6) выдача припасовъ; 7) приготовленіе домашнимъ образомъ крахмала, свѣчей и другихъ предметовъ; 8) уходъ за помѣщеніемъ, мебелью, посудой, одеждой, обувью, бѣльемъ и содержаніе ихъ въ чистотѣ и порядкѣ, уходъ за комнатными птицами, животными, комнатная служба; 9) сервировка стола и столовая служба; 10) рукодѣлья — пряжа вала и нитокъ для дратвы и переплета на кушечъ и самопрялѣ, починка платья, бѣлья, обуви, узорчатая штопка, французскія и нѣмецкія заплатки, шитье на ножной и ручной машинкѣ, простое вязанье крючкомъ рукавицъ, шапочекъ, надвязыванье на спицахъ чулковъ, кройка и шитье бѣлья, болѣе простыхъ платьевъ, шляпокъ, шапочекъ, изготовленіе матерій для парниковъ, соломенниковъ и корзиночекъ для сыровъ; 11) машинное и паровое мытье бѣлья, простое и глянцевое глаженье; 12) простой переплетъ книгъ и тетрадей; 13) изготовленіе матрацовъ и тюфяковъ; 14) веденіе болѣе необходимыхъ книгъ по домашнему хозяйству (приходъ, расходъ денегъ и припасовъ, инвентарь); 15) краткія необходимыя свѣдѣнія по уходу за больными и выздоравливающими людьми, домашними животными и птицами; кромѣ того, ученицы могутъ обучаться: 16) шитью, обуви; 17) приготовленію корзинъ изъ лозы, соломы и др.; 18) тканью персидскихъ ковровъ; 16) приготовленію изъ жесты формъ для сыровъ, кормушекъ для пчелъ, птицъ и луженію мѣдной домашней посуды. Обученіе практическое. Сверхъ указаннаго, всѣ ученицы обучаются хорошему пѣнію. Въ отдѣльный курсъ входятъ обученіе: 1) одной какой либо отрасли сельскаго хозяйства; 2) домашнему хозяйству и 3) болѣе необходимому рукодѣлью. Можно обучаться лишь одному домашнему хозяйству и рукодѣлію.

Ученыя пособія. Школа неразрывно связана съ хозяйствомъ имѣнія, заключающаго около 1500 десятинъ земли. Есть молочная ферма съ 40 коровами, телятами, 50 овцами со свиньями, различными принадлежностями молочнаго хозяйства; есть птичная съ 600 птицами, инкубаторомъ и прочее; имѣется 50 десятинъ прудовъ и племенные сажалки; заведены огородъ (образцовый и простой полевой), питомникъ на $1\frac{1}{2}$ десятинъ и плодовые сады: 1) старый на 5 десятинахъ; 1) садъ на 2 десятинахъ (съ 1877 года); 3) садъ на 2 десятинахъ (съ 1887 года); 4) садъ на $2\frac{1}{2}$ десятинахъ (съ 1890 года); 5) садъ на 5 десятинахъ (съ 1896 года), всего 16 десятинъ. Кухня и прачешная снабжены принадлежностями, выписанными изъ-за границы, также есть принадлежности обученія рукодѣльямъ и различнымъ работамъ.

Условія приѣма учащихся. Приѣмъ ученицъ преимущественно весной. Возрастъ поступающихъ на общехозяйственное отдѣленіе или курсъ долженъ быть не менѣе 15 лѣтъ и въ исключительныхъ

случаяхъ, при хорошемъ физическомъ развитіи,—13—14 лѣтъ; для отдѣльнаго курса отъ 19 до 25 лѣтъ (не моложе 17 лѣтъ); лишь на курсъ домашняго хозяйства и домашней службы могутъ поступить 15—16 лѣтъ.

При поступленіи представляются документы: метрическое свидѣтельство, видъ отъ полиціи, свидѣтельство о нравственности отъ духовника (приходскаго священника).

Ученицы обязаны исполнять всѣ порученныя имъ работы безъ отговорокъ. Поступающія на годъ платятъ за полгода впередъ, поступающія помѣсячно платятъ впередъ за одинъ или три мѣсяца. Временныя ученицы и посѣтительницы принимаются лишь въ лѣтнее время.

Понемунская женская школа домоводства и сельскаго хозяйства.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 1889 года въ имѣніи баронессы А. І. Будбергъ. Цѣль школы—сообщеніе молодымъ дѣвицамъ всѣхъ сословій, замужнимъ женщинамъ и вдовамъ практическихъ свѣдѣній по домоводству и нѣкоторымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, каковы: птицеводство, молочное хозяйство, огородничество и др. Средства школы состоятъ изъ правительственнаго пособія въ 2.000 рублей въ годъ, изъ суммъ, отпускаемыхъ учредительницей, и суммъ, получаемыхъ съ учащихся.

Адресъ. Поневѣжъ, имѣніе Мурованный-Понемунъ, Ковенской губерніи.

Администрація. Попечительница — А. І. Будбергъ.

Учащіяся. Всѣхъ ученицъ въ школѣ 52, всѣ онѣ пансіонерки, причемъ на казенный счетъ содержатся 10 ученицъ.

Учебный курсъ. Курсъ обученія въ школѣ—2 года; для тѣхъ же, которыя желаютъ изучить какую либо специальную отрасль, какъ-то: кулинарное искусство, молочное хозяйство и т. п.,—продолжительность курса можетъ быть сокращена до 6-ти мѣсяцевъ. Ученицы школы принимаютъ непосредственное участіе во всѣхъ работахъ по домоводству и по изучаемымъ въ школѣ отраслямъ хозяйства, каковы: уходъ за скотомъ, птицами и пчелами, приготовленіе масла и сыровъ, работы по кухнѣ, мытье бѣлья, глаженіе, тканіе и занятія въ огородѣ.

Учебныя пособія. Главнѣйшими пособіями для практическихъ занятій ученицъ служатъ всѣ хозяйственныя отрасли въ имѣніи Мурованный-Понемунъ; затѣмъ мастерскія, садъ и огородъ.

Выпускъ ученицъ. Выпускъ окончившихъ курсъ ученицъ около 10-го мая и 10-го сентября. Окончившія полный курсъ получаютъ о томъ особыя свидѣтельства.

Условія приѣма учащихся. Приѣмъ ученицъ производится ежегодно 10-го мая и 10-го сентября; принимаются взрослые, всякаго возраста, окончившія по крайней мѣрѣ народное училище. Желаящіе поступить въ школу подаютъ попечительницѣ прошеніе на простой бумагѣ, съ приложеніемъ: метрическаго свидѣтельства, письменной рекомендаціи извѣстныхъ попечительницъ лицъ или свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ лицъ и учрежденій, имѣющихъ право таковыя выдавать. Плата за обученіе и содержаніе въ годъ отъ 150 до 200 рублей.

На казенныя стипендіи (числомъ 10) принимаются лучшія ученицы по мѣрѣ освобожденія вакансій.

Преображенская женская сельскохозяйственная школа.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 1891 года въ имѣніи Н. Н. Неплюева. Школа имѣетъ цѣлью воспитать молодыхъ дѣвушекъ въ сознательной вѣрѣ, приучить ихъ къ добрымъ христіанскимъ отношеніямъ другъ къ другу и сообщить имъ, преимущественно путемъ практическихъ занятій, наиболѣе полезныя для жены и матери земледѣльца познанія по сельскому хозяйству вообще и, въ частности, по молочному хозяйству, садоводству, огородничеству, по кройкѣ и шитью, а также по домоводству—приготовленію кушаній, солений, стиркѣ бѣлья и т. д.

Школа существуетъ на средства учредителей съ пособіемъ отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ размѣрѣ 2.000 рублей въ годъ. Ежегодный расходъ учредителей отъ 6 до 7 тысячъ рублей.

Адресъ. Школа находится въ хуторѣ Воздвиженскомъ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда; въ 7 верстахъ отъ ж. д. ст. «Горѣлые Хутора», вѣтвь «Ворожба-Буда» Кіево-Воронежской ж. д. Почтовый адресъ: М. Ямполь, Черниговской губерніи, Преображенская школа.

Администрація. Попечительница школы — вдова тайнаго совѣтника Александра Николаевна Неплюева. Управляющій школою — Иванъ Андреевичъ Цѣлодубъ.

Учащіяся. Всѣхъ ученицъ въ школѣ 45, и всѣ онѣ пансіонерки учредителей школы.

Учебный курсъ. Курсъ ученія продолжается 4 года и раздѣляется на 4 класса, изъ коихъ три класса специальныхъ и одинъ приготовительный. Предметы обученія: законъ Божій, русскій языкъ, русская исторія и географія; ариметика, русскій языкъ и географія въ приготовительномъ классѣ и физика; скотоводство, скотовращеніе и анатомія, сельское хозяйство, огородничество и птицеводство; химія, кройка и шитье; молочное хозяйство, садоводство, бо-

танка, энтомологія и пѣніе; гігіена. Практическія занятія состоятъ въ слѣдующемъ: ученицы самостоятельно обрабатываютъ огородъ въ 6 десят.; исполняютъ нѣкоторыя работы по полеводству; ими же исполняются—уходъ за птицей, доеніе коровъ, обработка молока; кромѣ того, онѣ занимаются кройкой, шитьемъ, вязаньемъ, стиркой бѣлья, приготовленіемъ кушаній и т. д.

Учебныя пособія. Въ качествѣ учебныхъ пособій для практическихъ занятій при школѣ имѣются огородъ въ 6 десятинъ и птичникъ. Для занятій по садоводству школа пользуется экономическимъ садомъ, а для занятій по молочному хозяйству—экономическою же молочною фермою, гдѣ содержится 80 штукъ дойныхъ коровъ.

Выпускъ ученицъ. Выпускъ ученицъ производится 6 августа. Окончившія курсъ могутъ исполнять обязанности экономки въ небольшихъ хозяйствахъ, заниматься рукодѣльемъ, молочнымъ хозяйствомъ, птицеводствомъ и огородничествомъ.

Условія приѣма учащихся. Въ школу принимаются ученицы всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, по конкурсному испытанію, 31-го іюля. Отъ поступающихъ въ приготовительный классъ требуется знаніе общеобразовательныхъ предметовъ въ объемѣ курса начальныхъ народныхъ училищъ. Дѣвочки должны быть совершенно здоровы, безъ физическихъ недостатковъ, могущихъ мѣшать практическимъ занятіямъ; должны имѣть не менѣе 12, лучше 13 лѣтъ, и не болѣе 17 лѣтъ отъ роду. При поступленіи должны быть представлены: метрическое свидѣтельство и, если есть, свидѣтельство объ окончаніи школы. Съ частныхъ пансіонерокъ взимается плата по 120 рублей въ годъ. Выдержавшія конкурсное испытаніе принимаются пансіонерками учредителей.

Ежегодно бываетъ отъ 15 до 20 вакансій.

Вотъ все то немногое, что пока выработала частная инициатива въ области женскаго сельскохозяйственнаго образованія. Сознывая всю недостаточность и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи послѣдняго, министерство земледѣлія и государственныхъ выступило на страницахъ своихъ «Извѣстій» въ текущемъ году (№ 23) съ любопытнымъ проектомъ по настоящему предмету, гдѣ сжато излагаетъ свои *ria desideria* и намѣчаетъ мѣры къ осуществленію ихъ, которыя и излагаю ниже въ ихъ существенныхъ частяхъ.

V.

Министерство полагаетъ, что въ вопросѣ о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи необходимо установить, какъ исходную точку зрѣнія, тотъ общій принципъ, что въ дѣлѣ организаціи этого образо-

ванія не можетъ быть существенныхъ различій противъ сельскохозяйственнаго образованія для мужскаго пола и что возможныя и даже необходимыя различія въ томъ и другомъ случаяхъ должны обусловливаться, по преимуществу, только содержаніемъ преподаванія или обученія, то-есть преобладаніемъ въ немъ той или другой отрасли сельскохозяйственнаго знанія, примѣнительно къ способностямъ и роду дѣятельности учащихся того или другого пола. Главное затрудненіе при устройствѣ, напримѣръ, сельскохозяйственныхъ курсовъ совмѣстно для учителей и учительницъ народныхъ школъ заключается, обыкновенно, въ большой трудности организовать и нормировать для тѣхъ и другихъ практическія занятія, такъ какъ несомнѣнно, что рабочія способности женщинъ должны быть направлены нѣсколько иначе, нежели силы мужчинъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ учительницъ-курсистокъ образуютъ особую группу, съ которою ведутъ практическія занятія отдѣльно отъ группы учителей; теоретическій же курсъ остается общимъ какъ для учителей, такъ и для учительницъ, потому что образовательная подготовка ихъ большею частію одинакова.

Сдѣланныя попытки по устройству низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ для обоого пола не привели къ ожидаемымъ результатамъ (напримѣръ, въ Уткинской школѣ). Поэтому наряду съ системою существующихъ мужскихъ учебныхъ заведеній могли бы имѣть мѣсто и соответственныя школы для женщинъ, но съ преобладаніемъ въ ихъ курсѣ чисто женскихъ отраслей труда. Вообще говоря, къ такимъ отраслямъ должны быть отнесены: усадебное хозяйство—огородничество, садоводство, уходъ за скотомъ и молочное хозяйство, птицеводство, пчеловодство и т. п., затѣмъ, домоводство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, куда могутъ входить содержаніе жилищъ, одежды и бѣлья, гигиена, уходъ за больными людьми, воспитаніе дѣтей, шитье и др.

Обращаясь ближе съ вопросу о типахъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній для женщинъ, министерство признаетъ, что заведенія эти могутъ быть не менѣе разнообразны по устройству, чѣмъ соответственныя мужскія школы, въ зависимости отъ разнообразія какъ потребностей въ томъ или другомъ обученіи, такъ и условій преподаванія сельскаго хозяйства. Но такъ какъ и система мужскихъ школъ еще не выработана вполне, то было бы преждевременно устанавливать напередъ опредѣленныя нормы въ указанномъ отношеніи, и на первыхъ порахъ слѣдовало бы только обсудить степень примѣнимости существующихъ типовъ сельскохозяйственныхъ школъ для женскаго сельскохозяйственнаго образованія.

Едва ли можно сомнѣваться, читаемъ мы въ «проектѣ», что наша сельская жизнь нуждается въ самомъ широкомъ распространеніи среди женщинъ познаній по домоводству, равно какъ и по сельскому хозяйству вообще. Знанія этого рода не менѣе необходимы, какъ для хозяйки

простой крестьянской семьи, такъ и для женщинъ болѣе интеллигентныхъ слоевъ деревенскаго населенія, напримѣръ, для учительницъ, духовнаго и дворянскаго сословія. Болѣе крупное землевладѣніе, кромѣ того, предъявляетъ весьма значительный спросъ на профессиональныхъ труженицъ, какъ-то: на старшихъ прислугъ, экономокъ, ключницъ, скотницъ, птичницъ, мастерицъ молочнаго дѣла и т. п. Затѣмъ, въ жизни нерѣдки случаи, когда женщины становятся въ роль самостоятельныхъ хозяекъ и управительницъ небольшими имѣніями, напримѣръ, въ положеніи вдовъ, опекуницъ дѣтей и даже лицъ, служащихъ по найму въ должностяхъ управляющихъ.

Министерство предполагаетъ далѣе, что женщины управительницы, за недостаткомъ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ мужчинъ-управляющихъ, во многихъ случаяхъ явились бы желательнымъ для деревни элементомъ, тѣмъ болѣе, что женщины привыкли на разныхъ отрасляхъ дѣятельности довольствоваться сравнительно малымъ вознагражденіемъ. Если же принять, при этомъ, во вниманіе, что для приарѣнія и воспитанія безпріютныхъ дѣвушекъ учреждаются повсемѣстно дорого стоящія благотворительныя учрежденія и что даже женщины изъ болѣе обеспеченныхъ классовъ населенія остаются нерѣдко безъ куска хлѣба и возможности приобрести его своимъ трудомъ, то едва ли можно сомнѣваться въ полезности учрежденія цѣлой сѣти профессиональныхъ сельскохозяйственныхъ школъ и курсовъ для женщинъ, поставленныхъ въ необходимость изучить ту или другую часть сельскаго хозяйства.

Въ этомъ отношеніи министерство ставитъ на первый планъ такія учебныя заведенія, которыя давали бы профессиональную подготовку дѣвицамъ, уже прошедшимъ курсъ среднихъ общеобразовательныхъ школъ: женскихъ институтовъ, гимназій и епархіальныхъ училищъ. Въ заведеніяхъ этого рода можно бы было ввести, при дополнительномъ курсѣ математики (изучаемой въ названныхъ среднихъ школахъ въ довольно ограниченномъ объемѣ), изученіе вспомогательныхъ естественныхъ наукъ и сельскохозяйственныхъ ученій, при соответствующихъ цѣлямъ обученія практическихъ занятійхъ. Конечно, такое заведеніе едва ли будетъ готовить тѣхъ научныхъ и практическихъ дѣятелей, которые выпускаются мужскими сельскохозяйственными институтами высшаго разряда: напротивъ, по размѣрамъ предварительной общеобразовательной подготовки ученицъ и по характеру преподаванія, которое желательно сдѣлать возможно болѣе практическимъ, означенная школа будетъ вполне подходить къ типу среднихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, отличаясь отъ нихъ менѣе продолжительнымъ курсомъ (отъ исключенія общеобразовательныхъ предметовъ). Но при этомъ такое заведеніе могло бы явиться разсадникомъ свѣдущихъ въ сельскомъ хозяйствѣ и достаточно образованныхъ учительницъ для женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ и курсовъ низшихъ типовъ,

а также руководители въ хозяйствахъ: въ качествѣ ли женъ землевладѣльцевъ и управляющихъ или наемныхъ завѣдывающихъ хозяйствами, конторщиковъ и т. п. служащихъ.

Низшія сельскохозяйственныя училища или школы I и II разрядовъ служатъ большею частію для подготовки второстепенныхъ низшихъ агрономическихъ дѣятелей на частной службѣ—въ качествѣ старостъ, приказчиковъ и управляющихъ мелкими имѣніями—и являются въ этомъ отношеніи дополненіемъ къ среднимъ земледѣльческимъ училищамъ, приготовляющимъ болѣе научно-подготовленныхъ и дорогихъ дѣятелей. Если такого рода низшія учебныя заведенія оказываются полезными для мужчинъ, то не менѣе того, полагаетъ министерство земледѣлія, они желательны и съ точки зрѣнія женскаго образованія. Нужно принять во вниманіе, что образованіе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ получаетъ, сравнительно, весьма ограниченное число дѣвушекъ, большинство же не доходитъ вовсе до послѣднихъ классовъ по невозможности или нежеланію продолжать образованіе. Признаніе этого факта привело уже къ учрежденію низшихъ общеобразовательныхъ училищъ, съ болѣе простымъ, чѣмъ въ гимназіяхъ, но законченнымъ курсомъ и, притомъ, съ профессиональнымъ характеромъ. Безъ сомнѣнія, устройство сельскохозяйственныхъ училищъ такого же типа облегчитъ возможность для многихъ родителей средняго класса давать своимъ дочерямъ элементарное образованіе въ связи съ изученіемъ полезныхъ въ жизни сельскохозяйственныхъ занятій.

Относительно училищъ этого типа слѣдуетъ вообще замѣтить, сказано въ проектѣ, что изученіе въ нихъ сельскохозяйственныхъ отраслей, преимущественно практическимъ путемъ, могло бы съ успѣхомъ сопровождаться довольно основательнымъ, хотя и элементарнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, напрямѣрь, въ объемѣ хотя бы двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ такимъ же смѣшаннымъ характеромъ преподаванія могли бы быть созданы и училища нѣсколько высшаго типа, соотвѣтствующаго среднимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ, въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ нѣтъ или недостаточно этихъ послѣднихъ заведеній.

Къ слѣдующему разряду женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ составители проекта относятъ исключительно практическія учебныя заведенія, примѣромъ которыхъ могутъ служить существующія школы: Едимоновская, Зозулинская и Понемунская. Въ такихъ практическихъ школахъ, имѣющихъ исключительно цѣлью подготовку мастерицъ молочнаго дѣла, или же дешеныхъ экономокъ и даже прислугъ, нѣтъ никакой необходимости ни въ общеобразовательномъ курсѣ въ дополненіе къ той грамотности, которою ученицы уже обладаютъ при поступленіи въ школы, ни даже въ особомъ классномъ преподаваніи

сельскохозяйственныхъ предметовъ въ общепринятомъ школьномъ смыслѣ такого преподаванія, вслѣдствіе простоты задачъ самого обученія. Число такихъ школъ можетъ быть значительно увеличено, такъ какъ устройство и содержаніе ихъ не требуетъ большихъ средствъ и возможно вообще во всякомъ хорошо и соотвѣтственно устроенномъ хозяйствѣ. При этомъ слѣдовало бы лишь стремиться къ тому, чтобы дѣло обученія не усложнялось чрезмѣрнымъ количествомъ изучаемыхъ отраслей, а направлялось бы, главнымъ образомъ, на обученіе отдѣльнымъ и, притомъ, немногимъ занятіямъ, но въ связи съ воспитаніемъ въ учащихся дѣвушкахъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ необходимое условіе для частной сельскохозяйственной дѣятельности. При такомъ ограниченіи курса, самый срокъ пребыванія въ школахъ можетъ быть сокращаемъ до двухъ лѣтъ и даже до одного года, въ зависимости отъ тѣхъ отраслей хозяйства, которыя будутъ поставлены въ программу той или другой школы.

Независимо отъ профессиональныхъ школъ, правительствомъ предпринимается рядъ мѣръ къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній среди той части сельскаго населенія, которая лишена возможности получать эти знанія въ спеціальныхъ школахъ, въ качествѣ постоянныхъ учениковъ. Съ этою цѣлю, между прочимъ, предположено устраивать курсы и чтенія на подобіе курсовъ для народныхъ учителей и учительницъ, а также разрѣшенъ пріемъ въ означенныя заведенія практикантовъ для пракческаго изученія нѣкоторыхъ отраслей и пріемовъ сельскаго хозяйства. Кромѣ того, уже два года устраиваются публичныя чтенія-бесѣды въ городахъ при помощи особо командированныхъ специалистовъ.

Подобныя же мѣры могли бы быть предприняты современемъ и для женщинъ, нуждающихся въ соотвѣтственныхъ сельскохозяйственныхъ познаніяхъ, особенно когда устроится больше женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ. При этомъ главное отличіе курсовъ и чтеній для женщинъ состояло бы, какъ и въ профессиональныхъ женскихъ школахъ, главнымъ образомъ, въ содержаніи обученія примѣнительно къ отраслямъ женскаго труда.

Наконецъ, министерство ожидаетъ весьма существенной пользы отъ введенія практическихъ курсовъ домоводства вообще или отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ занятій въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ для воспитанія дѣвицъ, равно какъ и въ различныхъ пріютахъ для бѣдныхъ дѣтей, въ тѣхъ случаяхъ, когда это представится возможнымъ по условіямъ того или другого заведенія.

Для постепеннаго исполненія высказанныхъ предположеній по части низшаго сельскохозяйственнаго образованія для женщинъ необходимо было бы, прежде всего, независимо отъ учрежденія того или другого средняго сельскохозяйственнаго училища или института, открыть одну или двѣ женскихъ сельскохозяйственныхъ семинаріи,

на подобіе учительскихъ школъ, съ тою цѣлію, чтобы снабжать предполагаемыя низшія практическія школы и курсы подготовленными къ дѣлу руководительницами занятій, надзирательницами и т. п. Такая семинарія должна бы находиться въ сельской обстановкѣ, при соотвѣтственно устроенномъ казенномъ хозяйствѣ, и пользоваться достаточными средствами для надлежащей постановки учебного дѣла.

Учрежденіе женской сельскохозяйственной семинаріи дало бы возможность приступить, съ большею увѣренностію въ успѣхъ, къ открытію сѣти другихъ профессиональныхъ школъ и курсовъ для женщинъ по сельскому хозяйству и домоводству, а потому вопросъ о семинаріи нужно поставить на первую очередь.

«Такимъ образомъ,—читаемъ мы въ заключеніи проекта министерства земледѣлія,—можетъ быть намѣченъ цѣлый рядъ разсадниковъ полезныхъ сельскохозяйственныхъ знаній для женщинъ. Не слѣдуетъ забывать, что женщины составляютъ половину всего населенія, весьма вліятельную въ русской жизни, и что, по положенію своему, онѣ во многихъ случаяхъ болѣе мужчинъ бываютъ прикованы къ дому и къ хозяйству. Поэтому, распространеніе между ними удобными путями сельскохозяйственныхъ знаній и соотвѣтственнаго воспитанія можетъ принести огромную пользу сельскому хозяйству».

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ предположило разработать болѣе подробно вопросъ о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи, при участіи свѣдущихъ лицъ. Можно надѣяться, что сельскохозяйственные общества и земства, съ своей стороны, отнесутся къ вопросу съ должнымъ вниманіемъ и помогутъ хотя бы опредѣлять размѣры потребностей нашей жизни по части сельскохозяйственнаго образованія и ассигнуютъ современемъ свои средства на это дѣло.

Послѣ приведеннаго проекта министерства земледѣлія по вопросу о сельскохозяйственномъ образованіи женщинъ, гдѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились взгляды, мнѣнія и пожеланія въ этой области печати, въ лицѣ ея видныхъ, перечисленныхъ выше, представителей, мнѣ не приходится болѣе распространяться въ защиту основныхъ положеній настоящей статьи. Само правительственное учрежденіе, руководимое такимъ просвѣщеннымъ дѣятелемъ, какъ дѣйствительный тайный совѣтникъ А. С. Ермоловъ, беретъ женщинъ подъ свое покровительство и тѣмъ, понятно, кладетъ предѣлъ всякой пустой оппозиціи дѣлу женскаго просвѣщенія въ сельскохозяйственной области. Господа поклонники стараго уклада жизни должны смолкнуть и примириться съ фактомъ, а женщинамъ, которымъ въ настоящее время все труднѣе приходится снискивать себѣ обезпеченный кусокъ хлѣба, какъ я это постарался выяснитъ въ

началъ статьи, остается только порадоваться, что въ душевой атмосферѣ ихъ существованія властная рука просвѣщеннаго савовника открываетъ широкую отдушину, черезъ которую улетятъ современемъ многія нынѣшнія горести и невзгоды. Имъ остается только просить и добиваться, чтобъ открылась еще новая подобная отдушина, черновой чертежъ которой намѣтился въ статьяхъ «Новаго Времени», съ которыхъ я началъ свою сегодняшнюю бесѣду.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей.
Віографическіе наброски В. Д. Смирнова. Спб. 1897.**

ЮГРАФИЧЕСКІЕ «наброски» г. Смирнова о Герценѣ даютъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о его дѣтствѣ, юности, домашнемъ образованіи, дружбѣ съ Огаревымъ, университетскихъ годахъ, пребываніи въ ссылкѣ, о женитбѣ на Натальѣ Александровнѣ и ея религіозно-благородномъ характерѣ, о возвращеніи Герцена въ Москву и Петербургъ въ кружокъ Вѣлинскаго, Грановскаго, Бакунина и, наконецъ, его литературной дѣятельности дома и за границей. Въ живомъ наложеніи г. Смирнова, Герценъ рисуется не только крупнымъ писателемъ въ русской литературѣ, но и глубокострадающимъ человѣкомъ, вслѣдствіе сердечныхъ утратъ (бѣгство жены съ Гервегомъ) и разочарованій въ русскую эмиграцію и европейскія республики съ «мѣщанскимъ большинствомъ»... Дни одиночества и скорби въ жизни Герцена могли бы послужить для романа отличнымъ матеріаломъ. Не будучи свободенъ внутри себя отъ семейныхъ мукъ, Герценъ тѣмъ съ большимъ воодушевленіемъ отдается борьбѣ съ романтизмомъ и метафизическимъ идеализмомъ 30-хъ годовъ во имя позитивной философіи Ог. Конта, принциповъ 1848 года и освобожденія русскихъ крестьянъ съ землею. Онъ первый изъ русскихъ мыслителей вышелъ на практическій путь изъ отвлеченныхъ, идеалистически-нѣмецкихъ теорій Шеллинга и Гегеля, увлекшись принципами Фейербаха о единствѣ матеріи и духа, русской народностью съ мощною мыслью Запада, способною оплодотворить патриархальность и индійско-азіатскую мертвечину нашихъ общинъ, артелей, мірской сродки и всесословной волости. Онъ расходится на религіозной почвѣ въ ссылкѣ

съ мистикомъ Витбергомъ, въ Москвѣ съ Грановскимъ, у себя дома — съ женой; на политической — съ Вѣлинскимъ въ Москвѣ, съ славянофилами и поклонниками Оптиной пустыни, съ католицизмомъ Чаадаева, доктринерствомъ Чичерина, безалаберностью Кетчера и т. д. Нѣтъ такого проявленія русской мысли, съ которымъ бы Герценъ въ свое время не боролся для торжества собственныхъ идей въ «Письмахъ объ изученіи природы», «Нѣтъ записокъ доктора Крупова», «Кто виноватъ?», «Капризы и раздумье», «Сорока-воровка» и т. д. Во всѣхъ спорахъ Герцена съ москвичами звучитъ вѣра въ науку и увѣренность въ обновленіе родины черезъ уничтоженіе рабства и солидарность съ европейскимъ прогрессомъ безъ тарифныхъ и бюрократическихъ стѣнъ. «Освобожденіе крестьянъ по манифесту 19 февраля 1861 г., — гоноритъ составитель жизнеописанія Герцена, — было для нашихъ отцовъ призывомъ къ полному обновленію жизни и прощаніемъ со всѣмъ старымъ, что тревожило, мучило и возбуждало отвращеніе и даже ненависть. Манифестъ былъ прочитанъ по всей странѣ при самой торжественной обстановкѣ, при звонѣ колоколовъ, священниками въ полномъ облаченіи, и крѣпостная Россія исчезла съ лица земли: пока она переводилась въ разрядъ временно-обязанныхъ. Во многихъ мѣстахъ народъ праздновалъ, но въ сущности это былъ праздникъ не сѣрой мужицкой Россіи, а главнымъ образомъ интеллигенціи, которая увидѣла въ манифестѣ свою побѣду и прочла въ немъ призывъ къ политической жизни».

Эту «побѣду» надъ крѣпостнической партіей Герценъ проповѣдывалъ еще ранѣе эмиграціи за границу и долгое время не сомнѣвался въ могуществѣ своихъ идей надъ соотечественниками. Съ той же вѣрой въ побѣдоносный ходъ событій онъ встрѣтилъ въ Европѣ 1848 годъ, пока не увидѣлъ, что смѣна Гизо Одиллономъ Барро и Ламартиномъ, а послѣднихъ — Кавеньякомъ, Шангарнье и Бонапартомъ не ослабила могущества мѣщанскаго строя... Его книга «Съ того берега» исполнена скорби за Европу.

Въ 1856 году онъ переехалъ съ европейскаго континента въ Лондонъ и сталъ издавать «Колоколъ». «Кажется, — пишетъ г. Смирновъ, — еще и теперь многіе держатся мнѣнія, что «Колоколъ» былъ революціоннымъ органомъ, чѣмъ-то въ родѣ подпольнаго изданія съ проповѣдью насилія и утопій. Это — взглядъ совершенно ошибочный, который не разъ уже получалъ достойное и энергичное опроверженіе, но продолжаетъ держаться по рутинѣ, а, можетъ быть, и почему либо другому. Дѣло обстоитъ значительно проще. Въ первый періодъ броженія на главномъ планѣ стоитъ крестьянскій вопросъ. Общество было исполнено смутныхъ тревогъ. Люди самыхъ противоположныхъ партій ждали, что этотъ вопросъ разрѣшится потрясеніемъ всего общественнаго строя. Между тѣмъ Герценъ въ это время съ свѣтлымъ энтузіазмомъ пріивѣтствовалъ въ своемъ «Колоколѣ» начинанія правительства. Онъ доказывалъ, что разрѣшеніе этого вопроса правильно, т. е. освобожденіе съ надѣломъ земель, и не только не можетъ повести къ революціи, а еще болѣе привяжетъ народъ къ правительству. Со всѣхъ сторонъ сыпался къ нему письма, обвинявшія его въ умѣренности. Отъ него ждали какой нибудь революціонной программы. Но Герценъ отвѣчалъ на всѣ эти обвиненія и ожиданія, что, увидѣвши, что на знамени новаго движенія въ Россіи стоитъ не конституція, не республика, не

парламентъ, не муниципальная свобода, не война съ Австріей, не завоеваніе Турціи, а освобожденіе крестьянъ съ земель, — онъ бросилъ все и прильпился къ этому жизненному вопросу для Россіи, и въ этомъ причина всего успѣха «Колокола».

Торжество «Колокола» продолжалось, однако, не долго, и ослабленіе его возникло съ той стороны, съ которой Герценъ всего менѣе могъ его ожидать. Прежде всего реформы застали насъ беззаконниками, и неудивительно, что ихъ тотчасъ же приспосадили къ правамъ большинства. Въмѣсто неизбежнаго, по разуму, послѣ 19 февраля, всеобщаго образованія массы, ее предоставили во власть кабаку, а «молодое поколѣніе» — чехамъ съ латинскою грамматикой. Въ результатъ явилось матеріальное и умственное оскудѣніе. Разочарованіе охватило Герцена за собственную родину и, приставъ къ недовольнымъ въ ней элементамъ, онъ скоро протянулъ руку Бакунину и сталъ въ печати поддерживать польское возстаніе.

Это погубило популярность Герцена на его родинѣ. По окончаніи польскаго возстанія, Герценъ, въ 1864 году, переселился изъ Лондона въ Женеву. «Это были для него тяжелые годы, — говоритъ біографъ. — «Колоколъ» продолжалъ выходить, но ясно было, что его вліяніе пропало: одни считали его слишкомъ умѣреннымъ, другіе — чересчуръ краснымъ. Въ Россіи наступала новая эпоха, начиналась реакція, а вмѣстѣ съ этимъ партія движенія, вышедшая изъ массы общества, образовала кружки съ исключительными цѣлями и исключительною проповѣдью. Въ Женеву то и дѣло наѣзжали молодые эмигранты, но между ними и Герценомъ было слишкомъ мало общаго, не только для того, чтобы столкнуться, но даже и для того, чтобы просто разговаривать. Воспоминаніе объ этой молодой эмиграціи осталось очень тяжелымъ для Герцена. Онъ говорилъ о ней не иначе, какъ съ раздраженіемъ и даже отвращеніемъ». Самые простые отношенія съ ними Герценъ находилъ затруднительными: «у нихъ не было ни воспитанія, ни научной подготовки».

Послѣ «Колокола» онъ началъ издавать «Полярную Звѣзду» и написалъ свои знаменитыя «Вѣры и думы». Неумѣные лицъ удержаться на высотѣ событій, всеобщая профанация невоспитанной массой дорогихъ ему началъ и личныхъ страданія все болѣе и болѣе привязываютъ Герцена къ мрачнымъ мыслямъ о прогрессѣ вообще и горькой судьбѣ покинутой имъ родины. Въ «Посмертномъ сборникѣ» его статей онъ уже не вѣритъ ни въ какія революціи XIX вѣка и полагаетъ его спасеніе въ развитіи научныхъ и гуманитарныхъ идей въ безконечномъ рядѣ вѣковъ. Онъ умеръ 9 января 1870 года въ Парижѣ и похороненъ, согласно его желанію, въ Ниццѣ. Перечисляя важнѣйшіе моменты жизни Герцена, г. Смирновъ освѣщаетъ ихъ достаточно ясно и обстоятельно.

А. Фаресовъ.

Описаніе рѣдкихъ руссійскихъ книгъ. Оставилъ Александръ Вурцевъ. 5 частей. Спб. 1897.

А. Е. Вурцевъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собралъ обширную, въ нѣсколько тысячъ томовъ, бібліотеку, преимущественно рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскіхъ книгъ. Въ настоящее время онъ издалъ, въ пяти томахъ, описаніе своихъ

книжных сокровищ; но, къ сожалѣнію, по слабости, свойственной всѣмъ библиоманамъ, сразу же придавъ ему значеніе библиографической рѣдкости, напечатать всего въ количествѣ 100 экземпляровъ, не для продажи, и такимъ образомъ сдѣлавъ свое изданіе недоступнымъ множеству любителей и собирателей книгъ, число которыхъ умножается съ каждымъ годомъ и которымъ «Описаніе» г. Бурцева могло бы служить прекраснымъ руководствомъ для разнообразныхъ справокъ и свѣдѣній.

«При выборѣ рѣдкихъ русскихъ книгъ, внесенныхъ мною въ описаніе, — говоритъ г. Бурцевъ въ предисловіи, — я руководствовался, какъ извѣстными мнѣ данными и указаніями о безусловной или относительной рѣдкости этихъ книгъ, такъ и собственнымъ опытомъ и глубокою любовью къ библиографіи, усвоенными мною за время моего многолѣтняго собиранія русскихъ книжныхъ рѣдкостей. Я старался указать только такія книги, коихъ рѣдкость опредѣлена была болѣе или менѣе точными признаками и свѣдѣтельствами нашихъ почтенныхъ библиографовъ».

Всѣхъ рѣдкихъ книгъ въ изданіи г. Бурцева 1078 названій; но составитель не ограничивался однимъ лишь перечнемъ заглавій; каждая книга описана имъ весьма обстоятельно; кромѣ обычнаго указанія на годъ изданія, форматъ, типографію, количество частей и т. п., вездѣ приведено, болѣе или менѣе подробное содержаніе, съ библиографическими примѣчаніями и поясненіями и не рѣдко съ существующей на книжномъ рынкѣ цѣной. Сверхъ того, 32 наиболее рѣдкія сочиненія перепечатаны вполне, хотя мы не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось включать въ число ихъ «Вадима Новгородскаго», трагедію Княжнина, и «Ганца Кюхельгартена», идиллію В. Алова, такъ какъ трагедія уже была напечатана въ «Русской Старинѣ», а идиллія вошла въ полное собраніе сочиненій Гоголя. Къ пятому тому приложены оглавленіе и «указатель» именъ авторовъ и переводчиковъ, упомянутыхъ въ «Описаніи», что значительно облегчаетъ пользованіе имъ.

Изъ сказаннаго намъ ясно, какую пользу могло бы принести изданіе г. Бурцева всѣмъ начинающимъ собирателямъ библиотекъ по разнымъ отраслямъ знаній. Мы не принадлежимъ къ числу библиографовъ; но, занимаясь много лѣтъ русской исторіей, составили довольно полную библіотеку, главнымъ образомъ изъ сочиненій, относящихся къ исторіи Россіи XVIII вѣка. Естественно, что мы обратили особенное вниманіе на историческія сочиненія, приводимыя въ «Описаніи» г. Бурцева, и должны сказать, что этотъ отдѣлъ весьма не полонъ и въ немъ не упомянуто о множествѣ рѣдкихъ изданій. Дѣлать дополненія къ нему потребовало бы слишкомъ много мѣста. Но чтобы не быть голословнымъ, приведемъ названія нѣсколькихъ рѣдкихъ книгъ, отсутствующихъ въ «Описаніи» г. Бурцева.

1) Пріклады како ишшутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ то есть писаніе отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительныя, сожалительныя и пныя. Такожде между сродниковъ и пріятелей. Переведены съ нѣмецкаго на руссійскій языкъ и напечатаны повелѣніемъ всепресвѣтлѣйшія великія государыни, ея императорскаго величества Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской. Въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ 1725 года, въ сен-

табръ мѣсяцѣ. (237 стр. и «Реестръ комплиментамъ, обрѣтающимся въ книгѣ сей»). 2) Меморіалъ каковъ по указу его царскаго величества подавъ англійскому двору 1719 году и противъ того данныя отъ онаго двора изъ нѣмецкой и англійской канцеляріи отвѣты и учиненной на оныя отъ страны его царскаго величества сего 1720 насупротивной отвѣтъ. Напечатана повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктпетербургской типографіи 1720 году сентября въ 18 день (204 страницы). 3) Высочайшія повелѣнія по придворному вѣдомству 1723—1730 годовъ. С.-Петербургъ. 1886. (102 страницы и «Указатель»). Это изданіе въ продажу не поступало. 4) Краткій російскій лѣтописецъ съ родословіемъ. Сочиненіе Михаила Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1760 года. (75 страницъ). Посвящено великому князю Павлу Петровичу. Въ началѣ, на двухъ страницахъ, стихотворное посвященіе, а за тѣмъ вступленіе и перечисленіе русскихъ великихъ князей отъ Рюрика до Павла Петровича. 5) Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи. Издвѣніемъ П. Я. Москва. Въ типографіи Селивановскаго. 1814. (42 страницы). 6) Описаніе историческое столичнаго города Москвы, собранное въ 1775 году и изданное въ свѣтъ для удовольствія общества издателемъ «Описанія Санктпетербурга» Г. Н. С. В. Г. Рубаномъ. Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ корпусѣ у содержателя типографіи Х. Ф. Клезна. Въ Санктпетербургѣ. 1782. (159 страницъ). 7) Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Санктпетербургѣ. Санктпетербургъ, въ Морской типографіи. 1826. Напечатано по указу Государственнаго Адмиралтейскаго департамента. (86 стр.). 8) Кавалерскій свитокъ, въ коемъ показаны всѣ ордены въ Европѣ, при чемъ и время ихъ учрежденія, знаки и торжественныя одежды. Изд. А. И. Въ Санктпетербургѣ, 1794 года. Печ. съ дозв. указн. по Невской перспективѣ у Аничкова мосту въ домѣ г. Зубова. (37 стр.). 9) Журналъ путешествія отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву. Издалъ М. Н. М. к. р. в. Москва. 1830. Въ Университетской типографіи. (226 стр.). 10) Расколъ въ низу и расколъ въ верху. Очерки современнаго сектантства. А. С. Пругавина. С.-Петербургъ. 1882. Изданіе А. С. Суворина. (428 стр.). Въ продажу не поступало и все изданіе уничтожено. 11) Книгиня Катерина Романовна Дашкова. Изслѣдованіе А. А. Суворина. Часть первая. С.-Петербургъ. Типографія А. С. Суворина. (193 стр.). Напечатано всего 50 экз. 12) Переключка альманахамъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтій. (1794—1850). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ, Подольской губерніи, графъ Е. Путятинъ. Новая Ушица. Типографія Генриха Чаровскаго. 1893. (75 стр.). Въ томъ же 1893 г. напечатано «Дополненіе къ переключкѣ альманахамъ». Изданіе въ продажу не поступало. 13) Очеркъ моей жизни. М. Пещурова. (154 стр. безъ означенія типографіи и года). Изданіе въ продажу не поступало. 14) Для немногихъ. Сборникъ статей П. Н. Петрова. Въ «Описаніи» г. Бурцевъ указалъ только одинъ томъ, а ихъ вышло три тома; второй томъ напечатанъ въ 1873 г., а третій въ 1875 г. Изданіе не поступало въ продажу.

Ограничиваемся этими немногими дополненіями, хотя могли бы привести ихъ въ нѣсколько разъ болѣе. Но всѣ эти пробѣлы, неизбежныя въ такомъ

паданіи, какъ «Описаніе рѣдкихъ книгъ», нѣсколько не умаляютъ значенія труда г. Бурцева, который, заслуживаетъ самой искренней благодарности всѣхъ любителей и собирателей книгъ. О. Ш.

Натанъ Мудрый—драматическое стихотвореніе Г. Э. Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго Виктора Крылова. Новое изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1897.

Драма «Натанъ Мудрый», напечатанная впервые въ Германіи въ 1779 году, была лебединою пѣснью великаго реформатора германской литературы, Лессинга. Это произведеніе, вызванное полемикой, въ минуты самыхъ горькихъ испытаній автора, тѣмъ не менѣе сосредоточило въ себѣ всѣ главные черты тѣхъ стремленій, за которыя ратовалъ Лессингъ всю свою жизнь. Въ основѣ драмы прежде всего лежатъ принципы широкой гуманности и вѣротерпимости, составлявшій первую отличительную черту всѣхъ выдающихся ученыхъ и литературныхъ трудовъ проплага, такъ называемаго, вѣка просвѣщенія. На этомъ общемъ фонѣ Лессингъ въ своемъ «Натанѣ» тронулъ множество сторонъ общественной жизни: вопросы родства, воспитанія, дружбы, благотворительности, милитаризма и проч. — и на всѣ эти вопросы драма откликается съ такой яркостью и законченностью, что надо удивляться, какъ послѣдующія поколѣнія отъ нея отстали. Вотъ причина, почему «Натанъ Мудрый», несмотря на свою дидактичность, остался донинѣ вѣчно новою книгой, изъ которой большое, увлекающееся человѣчество долго будетъ черпать уроки мудрости и проповѣди честности, любви, труда, добропорядочности. Вліяніе этой проповѣди тѣмъ болѣе сильно, что она является въ формѣ занимательной драмы, полной интересныхъ характеровъ, художественныхъ драматическихъ положеній, живаго колоритнаго, поэтическаго діалога. Г. Крыловъ помѣстилъ въ своей книгѣ громадную библиографію всего, что написано о «Натанѣ» въ Германіи и отчасти и въ другихъ странахъ, и не съ одной номенклатурой, а и съ краткимъ изложеніемъ содержанія и направленія каждаго сочиненія. Последнія изъ этихъ сочиненій помѣчены девяностыми годами нынѣшняго столѣтія. Уже это одно показываетъ, въ какой мѣрѣ драма даетъ матеріалъ для обсужденія философскихъ и общественныхъ сторонъ человѣческой жизни. Почти двадцать лѣтъ прошло сверхъ столѣтія драмы, а эти небольшіе пять актовъ афоризмовъ, сентенцій, наглядныхъ поученій сохранились во всей своей первобытной свѣжести, служа исходною точкой для цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ исследованийъ.

Нельзя не порадоваться, что такое произведеніе нашло у насъ въ Россіи талантливаго и образцоваго переводчика и издателя, не пожалѣвшаго средствъ, чтобъ придать этому солидному труду роскошную внѣшность. Переводъ г. Крылова драмы Лессинга «Натанъ Мудрый» извѣстенъ уже почти 30 лѣтъ. Переводъ этотъ былъ напечатанъ впервые въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» въ 1868 году и тогда уже, но особенно по изданіи отдѣльной книгой (1875 г.), обратилъ на себя вниманіе, какъ одна изъ выдающихся литературныхъ ра-

боть. Еще тогда, сверхъ газетныхъ отчетовъ, всѣ большіе журналы посвящали книгѣ подробныя, обстоятельныя статьи. Вызваны эти статьи были не только самимъ переводомъ, но и обширнымъ предисловіемъ къ нему г. Крылова, выясняющимъ значеніе Лессинга и его драмы въ германской литературѣ.

Новое изданіе труда г. Крылова, уже давно сдѣлавшагося библиографической рѣдкостью, исполнено превосходно. Уже и прежде переводъ г. Крылова отличался своей близостью къ подлиннику и въ то же время красивымъ стихомъ поэтически передавалъ твореніи Лессинга. Но переводчикъ не ограничился простой перепечаткой перевода; онъ тщательно пересмотрѣлъ его и придалъ еще болѣе тщательную отдѣлку. Множество комментариевъ, приложенныхъ къ переводу, поясняютъ болѣе трудныя мѣста подлинника. О библиографическомъ указателѣ уже сказано; мы не знаемъ такого подробнаго старательно просмотрѣннаго каталога о «Патанѣ Мудромъ» даже на нѣмецкомъ языкѣ. Литератору, ученому, преподавателю литературы, этотъ указатель можетъ быть очень полезенъ при разработкѣ вопросовъ, поднятыхъ Лессингомъ. Статья г. Крылова о жизни Лессинга и его «Патанѣ» тоже подверглась разработкѣ и добавленіямъ и, въ сущности, представляетъ историко-литературный очеркъ, крайне поучительный, ярко изложенный и читающійся легко, какъ романъ.

Издана книга г. Марксомъ роскошно; это большой томъ, крупно отпечатанный на толстой веленовой бумагѣ и украшенный множествомъ иллюстрацій, какъ въ текстѣ, такъ и отдѣльно вложенныхъ, гравированныхъ на стали. Къ книгѣ приложенъ замѣчательный, художественный портретъ Лессинга.

О—іі.

Библиографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Опб. 1897.

Русская литература, хотя и слабо, но все же понемногу и исподнолю пополняется столь долго отсутствовавшими въ ней справочными указателями и словарями. Въ прошлой книгѣ «Историческаго Вѣстника» мы указывали на послѣдніе появленія въ «Критико-біографическомъ» словарѣ г. Венгерова, благодаря которымъ родилось цѣлыхъ два самостоятельныхъ справочныхъ пособия. Въ настоящее время нами получены «указатель» нѣсколько иного характера, но также заслуживающій самого лестнаго вниманія, составленный при непосредственномъ участіи извѣстнаго работника на поприщѣ общественнаго просвѣщенія, П. Рубакина, и вышедшій съ его предисловіемъ. «Библиографическій указатель переводной беллетристики» представляетъ собою очень удачную попытку разобраться въ наличности переводной беллетристики, существующей на русскомъ языкѣ. Составитель взялъ на себя тяжелый трудъ пересмотрѣть по возможности всѣ существующіе на отечественномъ языкѣ библиографическіе указатели и словари, какъ-то труды В. Межова, С. Венгерова, бр. Ламбонныхъ, Соникова и др., каталоги книжныхъ магазиновъ, частныхъ и общественныхъ библиотекъ, указатели разныхъ періодическихъ изданій и т. д. и выбралъ изъ нихъ произведенія тѣхъ авторовъ, которые играли извѣстную роль въ исторіи человѣческой мысли съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ.

Никакого иного критерія къ избираемымъ авторамъ, кромѣ критерія историческаго, составитель не предъявлялъ, причемъ, главнымъ пособіемъ при составленіи списка этихъ авторовъ ему служили наиболѣе обширные обзоры всемірной литературы, существующіе на русскомъ языкѣ. Несмотря на такое тщательное отношеніе къ дѣлу, нѣкоторые авторы, и притомъ весьма многіе, все же совсѣмъ не могли попасть въ «Указатель», такъ какъ произведеній этихъ авторовъ совсѣмъ не существуетъ въ русскомъ переводѣ.

«Указатель» составленъ по слѣдующему плану: онъ распадается на 9 отдѣловъ, изъ коихъ каждый посвященъ литературѣ того или другого народа или извѣстныхъ группъ народовъ. Передъ каждымъ отдѣломъ указаны главнѣйшія сочиненія, посвященныя болѣе или менѣе общимъ обзорамъ литературы данной страны. Краткій списокъ ихъ, напечатанный болѣе крупнымъ шрифтомъ и въ одинъ столбецъ, представляетъ какъ бы историческое введеніе въ исторію литературы даннаго народа; какъ введеніе еще болѣе общаго характера, въ началѣ «Указателя» данъ списокъ главныхъ сочиненій по исторіи языка и письменности и списокъ общихъ обзоровъ литературы всемірной. Этотъ списокъ даетъ возможность читателю познакомиться съ тѣмъ, какою мѣсто занимаетъ литература даннаго народа въ исторіи человѣчества, во всей ея сложности и преемственности идей, стремленій и настроеній. Этимъ указаніемъ приданъ описательный характеръ, съ каковою цѣлью выписаны не только подробныя названія указанныхъ сочиненій, но и оглавленія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ два столбца и болѣе мелкимъ шрифтомъ (петитомъ) напечатаны самые списки произведеній той или другой литературы, имѣющихся въ русскомъ переводѣ. При тѣхъ авторахъ и ихъ произведеніяхъ, при какихъ это оказалось выполненнымъ, напечатаны еще болѣе мелкимъ шрифтомъ (нотпарелью) указанія на относящіеся къ нимъ статьи критическія и біографическія. Такимъ образомъ, читатель, желающій приступить къ знакомству съ иностранной беллетристикой, съ помощью «Указателя» г. Рубакина можетъ сдѣлать это осмысленно. Онъ можетъ не только ознакомиться съ тѣмъ или другимъ его произведеніемъ, но и вдуматься въ него, выкинуть въ его историческія, эстетическія и другія детали; не только познакомиться съ тѣмъ, чему учить или чему можетъ научить это произведеніе, но и съ авторомъ его, съ его жизнью и дѣятельностью, съ его положеніемъ и только въ исторіи литературы родной его страны, съ этой исторіей литературы, съ ея отношеніями къ литературѣ всемірной.

Таково содержаніе «Указателя», составленнаго тщательно, умѣлою рукою и значительно отличающагося отъ подобныхъ ему изданій идейностью своей программы, выгодно выдвигающейся въ сонмѣ справочныхъ литературныхъ пособій вложенной въ него мыслью. Къ «Указателю» приложено любопытное «Предисловіе», гдѣ г. Рубакинъ, между прочимъ, отстаиваетъ существующій порядокъ вещей въ области нашихъ «переводовъ», отношеній къ западнымъ сосѣдямъ и высказывается, въ интересахъ широкаго распространенія задачъ просвѣщенія русскаго народа, противъ проектовъ конвенцій, имѣющихъ назначеніемъ сузить наши права въ отношеніи литературныхъ произведеній старшихъ народовъ.

В. Г.

19*

Бутин. Развитие конституции и политического общества въ Англіи. Пер. съ фран. М. Карова. (Общепользная бібліотека для самообразованія, изд. М. В. Клюкина). Москва. 1897.

Касательно происхожденія и причинъ блестящаго развитія англійской конституціи, съ которою въ настоящее время врядъ ли сравнится какая либо изъ конституцій другихъ государствъ, въ исторической литературѣ существуетъ очень много теорій, одна другую исключаютъ, а потому, конечно, непримиримыхъ между собою. Взглядъ, наиболѣе распространенный въ обществѣ, а въ литературѣ особенно яро защищаемый Фриманомъ, — тотъ, что заюдыней происхожденія нынѣшняго политическаго устройства Англіи надо искать въ самой глубокой древности, въ особыхъ расовыхъ отличіяхъ англо-саксонскаго племени. Но взглядъ этотъ, вообще говоря, не выдерживаетъ серьезной критики уже по одному тому, что въ древнія времена мы можемъ найти у всѣхъ народовъ германскаго происхожденія учрежденія, тождественныя съ англійскими, но въ постепенномъ развитіи давшія результаты совершенно противоположнаго характера. На этомъ основаніи многіе другіе исследователи англійской исторіи стараются отыскать начатки нынѣшней политической свободы Англіи въ позднѣйшихъ перипетіяхъ ея исторической жизни. Къ разряду такого типа ученыхъ относится и авторъ подлежащей нашему разбору книги.

Бутин, какъ французъ, не удерживается въ своемъ изложеніи патріотизмомъ, поневолѣ затемняющимъ ясность взгляда англійскихъ исследователей, и, слѣдя шагъ за шагомъ за каждымъ новымъ фазисомъ въ проявленіяхъ политической свободы въ Англіи, приходитъ къ весьма поучительнымъ выводамъ, полная передача которыхъ заняла бы слишкомъ много мѣста и не соответствовала бы задачамъ нашей библиографической замѣтки, почему интересующихся ими мы отсылаемъ къ самой книгѣ, а здѣсь постараемся лишь въ общихъ чертахъ указать, въ чемъ видитъ Бутин главнѣйшую ошибку такихъ исследователей, какъ Фриманъ.

Онъ утверждаетъ именно, что исторія англійской конституціи никогда не будетъ соответствовать истинѣ, разъ, излагая ее, мы будемъ исходить изъ той отпавной точки, что великое норманское завоеваніе было лишь случайнымъ событіемъ, слегка столкнувшимъ англо-саксонскій народъ съ пути развитія политической свободы, послѣ чего народъ этотъ скоро оправился и вновь вернулся на прежній путь, по коему неуклонно стремился и до настоящаго времени. Бутин находитъ, напротивъ, что какъ разъ ко времени нашествія норманновъ англійское политическое общество находилось уже въ состояніи полнѣйшаго разложенія, въ которомъ угасали всѣ его живыя силы. Такимъ образомъ, норманскій режимъ не только не могъ идти въ разрѣзъ съ англо-саксонскими политическими идеями того времени, но скорѣе даже довелъ ихъ развитіе до *plus ultra* и упрочилъ ихъ господство. Только внослѣдствіи, спустя очень много времени, англійское общество встрѣтилось съ великой военной, экономической и административной революціей, закалпилось въ ней и получило прочность и форму, сохранившуюся въ существенныхъ чертахъ до нашихъ дней; оно обязано этой формой не столько самому событію, сколько медленно дѣйствовавшему гнету его послѣдствій, не столько качествамъ, присущимъ каждой

изъ расъ, сколько физическимъ и моральнымъ условіямъ, въ которыхъ находился весь народъ» (стр. 8-я и 9-я).

Бутми не признаетъ, чтобы до нынѣшняго столѣтія англійскій «народъ», въ полномъ значеніи этого слова, то-есть вся масса англійскихъ гражданъ, шелъ по пути увеличенія своей политической свободы; напротивъ того, народъ этотъ все болѣе и болѣе лишался своихъ правъ, приходя все въ большую зависимость отъ привилегированныхъ классовъ — лордовъ и джентри, обладавшихъ поземельною собственностью, единственнымъ имуществомъ, дававшимъ право въ древней Англіи на участіе въ государственномъ управленіи. Но именно, — утверждаетъ Бутми, — благодаря тому, что только извѣстное количество фамилій съ почти одинаковыми интересами участвовало въ верховномъ управленіи, фамиліи эти могли утвердить свое право представительства на такомъ твердомъ основаніи, на какомъ никогда не установитъ его демократія, представляющая, пообщее говоря, изъ себя крайне неустойчивый конгрегатъ людей съ весьма разнообразными интересами. «Возможно думать, что при народномъ режимѣ разнообразіе мнѣній, различіе интересовъ, взрывы страстей въ массахъ породили бы въ палатѣ общины неорганизованное и нестройное положеніе, родъ двигающагося хаоса, изъ котораго возникало бы на мгновеніе множество мелкихъ группъ, чтобы затѣмъ разсѣяться, и который не могъ бы послужить основаніемъ никакому простому дѣленію, никакой продолжительной классификаціи партій. Наоборотъ, наследственные родственныя связи обѣихъ ограниченныхъ группъ, происходящихъ изъ крупныхъ фамилій, взаимно соединенныхъ для завоеванія власти и доходныхъ мѣстъ, дѣлали почти достовернымъ то, что не будетъ болѣе двухъ большихъ партій, имѣющихъ значеніе, и что сочетаніе этихъ партій, виговъ или торп, должно быть замѣчательно устойчивымъ» (стр. 149).

Трудно не согласиться съ такими взглядами, особенно потому, что Бутми обосновываетъ ихъ на многочисленныхъ примѣрахъ. Сверхъ того, онъ далеко не первый, ихъ высказавшій; въ отдѣльности каждый изъ этихъ взглядовъ можно встрѣтить у различныхъ ученыхъ, въ родѣ Стеббса, Огюстена Тьерри, капитальные труды которыхъ не могутъ быть даже сравниваемы съ небольшою книжкой Бутми. Но это обстоятельство нимало не умаляетъ заслуги послѣдняго: онъ первый свелъ отдѣльные взгляды воедино и изложилъ въ живой, увлекательной и, главное, вполне популярной формѣ. Для лицъ, мало знакомыхъ съ исторіей Англіи, книга его можетъ служить прекраснымъ руководствомъ къ уразумѣнію постепеннаго хода развитія англійской конституціи.

Поэтому нельзя не приветствовать съ удовольствіемъ появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ, особенно такъ тщательно обработанномъ, какъ переводъ г. Карова. Переводчику можно сдѣлать только одно замѣчаніе: книга «Различіе конституціи и политическаго общества въ Англіи» предназначена не для специалистовъ-ученыхъ, а «для самообразованія» читателей-дилетантовъ; между тѣмъ въ средѣ таковыхъ у насъ далеко не такъ распространено знаніе англійскаго языка, чтобы встрѣчающіяся въ книгѣ Бутми англійскія слова и фразы могли быть поняты всѣми безъ перевода; такія выраженія, какъ

«water-frame», «spinning jenny», «self-acting-mule», слѣдовало бы хоть въ примѣчаніи передать въ ихъ русскомъ значеніи. Е. Лосскій.

Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Съ приложеніями къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ». Изданіе второе. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1897.

Настоящая книга составляетъ вторую часть «Исторіи вселенскихъ соборовъ» («Истор. Вѣстн.», 1896, декабрь) в четвертый томъ втораго изданія полнаго собранія церковноисторическихъ сочиненій извѣстнаго московскаго профессора А. П. Лебедева. Книга посвящена обзору вселенскихъ соборовъ VI—VIII вѣковъ и является продолженіемъ и завершеніемъ докторской диссертациі почтеннаго профессора, рассматривающей исторію вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ. Такимъ образомъ, догматическая дѣятельность восточной церкви, въ теченіе пяти вѣковъ проявлявшаяся въ разработкѣ и установленіи основныхъ положеній христіанскаго ученія, съ выходомъ указаннаго тома, представляется болѣе или менѣе обстоятельно раскрытой въ новомъ изданіи трудовъ профессора Лебедева. Рассматриваемая книга состоитъ изъ введенія, трехъ особыхъ отдѣловъ, каждый изъ которыхъ дѣлится на главы, и приложеній. Въ введеніи (стр. 1—9) сообщаются краткія свѣдѣнія о распространеніи монофизитской ереси послѣ халкидонскаго, четвертаго вселенскаго собора, осудившаго эту ересь; несмотря на это, въ различныхъ мѣстахъ восточной церкви, именно — въ Палестинѣ, Египтѣ, Сиріи и Константинополѣ, возникло противодѣйствіе халкидонскому собору, устраивались безпорядки и даже открытыя возмущенія, противъ которыхъ вынуждена была энергично бороться свѣтская власть. Но монофизитство не скоро исчезло, и пятый вселенскій соборъ (553 г.) имѣлъ дѣло, главнымъ образомъ, съ этою ересью.

Первый отдѣлъ книги профессора Лебедева и рассматриваетъ исторіюятаго вселенскаго собора. Онъ состоитъ изъ трехъ главъ. Глава первая (стр. 10—33) обозрѣваетъ происхожденіе спора о такъ называемыхъ трехъ главахъ или трехъ лицахъ, умершихъ еще въ V вѣкѣ, но своею прежнею дѣятельностью и ученіемъ производившихъ соблазнъ въ церкви; лица эти — Теодоръ, епископъ мопсуестскій, Теодоритъ, епископъ кирскій, и Ива, епископъ едесскій. Дѣло въ томъ, что всѣ они принимали рѣшительное участіе въ проявленіи и развитіи ереси несторіанской и въ борьбѣ этой ереси противъ православія, однако ихъ не осудили ни третій вселенскій соборъ, на которомъ рѣшался вопросъ о несторіанскомъ ученіи, ни четвертый халкидонскій, имѣвшій поводъ выразить о нихъ свое сужденіе. Это обстоятельство послужило для монофизитовъ основаніемъ укорять церковь въ скрытой приверженности къ несторіанству, а для несторіанъ — средствомъ къ распространенію своей ереси. Поэтому церкви надлежало пронавести осужденіе указанныхъ трехъ лицъ за то, что ими было написано и сдѣлано въ пользу несторіанства. За это дѣло и принимается церковь, по внушенію императора Юстиніана. Послѣдній, около 544 года, издалъ указъ, которымъ подвергали анаемѣ Теодора, Теодорита и Иву. По указу Юстиніана, вмѣсто того, чтобы произвести умиротвореніе въ

церкви, имѣлъ совершенно обратное дѣйствіе: онъ вызвалъ смятенія и споры въ церкви касательно указанныхъ лицъ, такъ какъ въ жизни и дѣятельности ихъ можно было находить основанія и для ихъ защиты, и для обвиненія. Споры возгорѣлись съ большою силою и охватили не только востокъ, но и западъ, а послѣ вызвали даже необходимость созванія новаго вселенскаго собора. Подробности споровъ о трехъ главахъ изложены профессоромъ Лебедевымъ во второй главѣ (стр. 34—53) перваго отдѣла, а о пятomъ вселенскомъ соборѣ рѣчь идетъ въ главѣ третьей (стр. 54—72). Здѣсь сообщается о составѣ собора, отношеніи къ нему западныхъ епископовъ, о соборномъ изслѣдованіи дѣятельности трехъ главъ и соборномъ о нихъ опредѣленіи, которое состояло въ томъ, что соборъ, осудивъ лицо и сочиненія Феодора, не осудилъ лица Феодорита и Ивы, пощадилъ ихъ, а осудилъ только нѣкоторые сочиненія одного и одно письмо другаго (стр. 71).

Второй отдѣлъ книги профессора Лебедева разсматриваетъ исторію монофелитской ереси и дѣятельность шестаго вселенскаго собора. Отдѣлъ содержитъ двѣ главы, въ первой изъ коихъ (стр. 73—98) обозрѣвается происхожденіе монофелитства (заключающагося въ признаніи въ Иисусѣ Христѣ одной воли и одного дѣйствія божескаго и въ отрицаніи въ Немъ воли и дѣятельности человеческой) и дѣятельность въ его пользу Ираклія, Сергія и Кира, а также борьба съ монофелитами со стороны св. Максима Исповѣдника и св. Мартина. Глава вторая (стр. 99—125) своимъ предметомъ имѣетъ константинопольскій шестой вселенскій соборъ (680 г.) и сообщаетъ свѣдѣнія о внѣшней его исторіи и внутренней дѣятельности, направленной противъ монофелитства. Въ заключеніи главы разсказывается о такъ называемомъ пято-шестомъ или трулльскомъ соборѣ, состоявшемся въ царствованіе императора Юстиніана II, въ 691 или 692 году, въ валѣ императорскаго дворца Труллы, и составившемъ правила касательно положенія церкви и христіанской жизни, въ дополненіе къ догматическимъ опредѣленіямъ V и VI вселенскихъ соборовъ.

Третій и большій отдѣлъ разсматриваемаго сочиненія занятъ описаніемъ иконоборческой эпохи въ исторіи грековосточной церкви и состоитъ изъ четырехъ главъ. Глава первая (стр. 126—151) знакомитъ съ происхожденіемъ иконоборства. Здѣсь выясняется исторія иконопочитанія и иконоупотребленія въ церкви, раскрываются воззрѣнія первыхъ иконоборцевъ и иконоборческая дѣятельность императора Льва Исавряннина (717—741 гг.), описывается дѣятельность православныхъ въ защиту иконъ и ихъ общія воззрѣнія по предмету спора. Глава вторая (стр. 152—172) изображаетъ самую бурную эпоху иконоборства, именно при императорѣ Константинѣ Копронимѣ (741—775 гг.), въ царствованіе коего ересь достигла самаго высшаго развитія и силы, а православные подвергались всевозможнымъ бѣдствіямъ. При Копронимѣ былъ созванъ въ 754 году лже-вселенскій соборъ, который и осудилъ иконопочитаніе. Постановленіе собора вызвало сильное противодѣйствіе со стороны православныхъ, особенно монаховъ, которые подверглись за это жестокому гоненію и преслѣдованію, а также имѣло и другія неблагопріятныя для церковной жизни послѣдствія. Глава третья (стр. 173—205) посвящена дѣяніямъ седьмого вселенскаго собора (787 г.), бывшаго въ Никейѣ и возстановившаго

иконопочитаніе; вѣсь, въ частности, характеризуется дѣятельность въ пользу православіи императрицы Ирины и описывается участіе въ созваніи собора патріарха Тарасія, приводятся разсужденія собора объ иконопочитаніи и утвержденное имъ вѣроопредѣленіе, опредѣляется отношеніе собора къ бывшимъ иконоборцамъ и прочее. Наконецъ, въ четвертой главѣ (стр. 206—228) описываются послѣднія времена иконоборства, поддерживаемаго императорами Львомъ Армянниномъ (813—820 гг.), Михаиломъ Косноязычнымъ (820—829 гг.) и Теофиломъ (829—842 гг.) и опровергаемаго главнымъ образомъ св. Теодоромъ Студитомъ. Въ 842 году, при императрицѣ Иринѣ состоялся съѣздъ для восстановленія иконъ, въ память чего и учреждена неделя православія.

Въ приложеніяхъ къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ» помѣщены слѣдующія статьи: 1) Первый никейскій соборъ по тексту коптскому (стр. 231—245), гдѣ критически разсматривается книга по этому вопросу французскаго ученаго Ревилью; 2) Константинопольскій соборъ 448 года противъ Еutihія (стр. 246—265), гдѣ предлагается разсказъ о немъ на основаніи актовъ четвертаго вселенскаго собора; 3) Соборъ разбойничій 449 года, руководимый Ціоскоромъ (стр. 266—286), гдѣ также сообщается разсказъ на основаніи актовъ того же IV-го вселенскаго собора; 4) Соборъ разбойничій 449 года, въ сирскомъ текстѣ (стр. 287—296), гдѣ критически разсматривается сочиненіе по этому вопросу ученаго Гофмана, и 5) Халкидонскій IV-й вселенскій соборъ 451 года (стр. 287—332), гдѣ представляетъ разсказъ на основаніи актовъ этого собора объ обстоятельствахъ его созванія, о судѣ надъ соборомъ разбойничимъ и догматическихъ его вѣроопредѣленіяхъ.

Второе изданіе «Вселенскихъ соборовъ VI, VII и VIII вѣковъ» вышло въ свѣтъ почти безъ всякихъ перемѣнъ сравнительно съ первымъ (1876 года), лишь съ немногими дополненіями въ приложеніи, также раньше напечатанными. Но это нисколько не умаляетъ цѣнности новой книги почтеннаго ученаго, и въ настоящемъ своемъ видѣ представляющей (строго) научное, серьезное и основательное произведеніе, написанное къ тому же популярнымъ языкомъ. Впрочемъ, нѣтъ нужды распространяться о достоинствахъ разсматриваемаго труда: профессоръ А. П. Лебедевъ давно извѣстенъ за весьма крупнаго представителя церковно-исторической науки преимущественно древняго ея періода. Пожелаемъ лишь, чтобы русскій ученый благополучно продолжилъ и возможно скорѣе закончилъ предпринятое имъ второе изданіе его церковно-историческихъ сочиненій.

О.

Корнетъ Отлетаевъ. Повѣсть кн. Кугушева. Спб. 1897.

Несмотря на чисто художественный сюжетъ повѣсти кн. Кугушева, она имѣетъ историческаго характера. Въ ней нѣтъ героевъ и государственныхъ событій, но «времена и нравы», незадолго до Крымской кампаніи, воспроизведены въ высшей степени образно и художественно. Въ свое время эта типично-бытовая повѣсть была замѣчена критикой и читателями, но затѣмъ, мало-по-малу, забылась. Новое изданіе ея какъ нельзя болѣе своевре-

менно. Помимо типовъ московскихъ баръ и самодуровъ (домъ графини Буриме), ихъ жертвъ, въ родѣ крѣпостной дѣвушки Тепи, воспитанной въ графскомъ домѣ «ни папой, ни вороной», самъ «корнетъ Отлетаевъ» — типичный продуктъ своего времени: мотъ, эстетикъ, безразсудный, своевольный, горячій и честный малый среди развращенныхъ хлыщевъ и господъ Скотининыхъ, — остается глубокопоучительнымъ и для нашего времени. Все, что природа дала ему, было въ немъ прекрасно и прямодушно. Это цѣльный человѣкъ, которому не доставало воспитанія и примѣра. Между тѣмъ и тогда, и теперь. Большинство людей, ничего не имѣющихъ въ себѣ «цѣлостнаго» и все съ расцѣпемъ, готовы пожертвовать своимъ достоинствомъ всякую минуту. Среди этихъ безличныхъ и ничтожныхъ людей живетъ безобразникъ Отлетаевъ, съ деньгами въ карманѣ, готовностью умереть за любимую женщину и въ то же время съ хлыстомъ въ рукѣ противъ нея, если она, по его мнѣнью, этого стоитъ; щедрый и разоряющійся, увлекающійся даже тогда, когда у него не было крѣпкихъ сапоговъ и бросающій послѣдніе деньги на покупку сэттера — Трезора. «Мнѣ нуженъ былъ другъ, и я его нашелъ. О мой Трезоръ!»

— Ну, а какъ же сапоги? — крикнулъ Мальвининъ и залился громкимъ смѣхомъ.

— На что мнѣ сапоги, когда я купилъ сокровище!

Хозяинъ продолжалъ хохотать, а корнетъ цѣловалъ Трезора...

Это было уже тогда, когда за долги у него отняли состояніе, и на сапоги даны были деньги тѣмъ же Мальвининымъ. Среди мертвыхъ душъ онъ одинъ имѣетъ живой характеръ, да и тотъ вполне испорченъ безнаказанностью. Въ наше время характеръ людей портится подчиненностью изъ-за положенія, связей и т. д.; люди теряютъ всякій темпераментъ и, по выраженію Н. С. Лѣскова, превращаются въ «безнатурныхъ людей». «Корнетъ Отлетаевъ» испорченъ своеволіемъ, и все-таки симпатичнѣе первыхъ въ приниженномъ обществѣ. Выпадаютъ времена, когда очень и очень нуженъ «корнетъ Отлетаевъ» для болѣе рѣзкаго отбѣненія общественной деморализаціи. Слѣдуетъ замѣтить, что онъ выписанъ авторомъ превосходно, такъ же какъ вся среда, гдѣ онъ безчинствуетъ и задаетъ всему обществу тонъ. Кромѣ того, повѣсть кн. Кугушева, по классической образности всѣхъ персонажей и лицъ, могла бы послужить прекраснымъ руководствомъ для современныхъ беллетристовъ, не умѣющихъ создать скольконибудь живыхъ и яркихъ типовъ изъ текущей жизни.

А. Фаресовъ.

Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Составилъ И. И. Малышевскій. Спб. 1897.

Задача этого изящно изданнаго томка вполне опредѣляется заглавіемъ. Покойный профессоръ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій хотѣлъ, очевидно, представить въ простомъ и общедоступномъ разсказѣ судьбу западно-русской церкви, положеніе которой въ Польскомъ государствѣ дастъ не мало матеріала для высоко-патріотическаго одушевленія, если взять во вниманіе, съ какою твердостью вынесла она всѣ нелегкія испытанія. Мы не ставимъ указы-

вать, какъ трудно бываетъ примирить два различныхъ требованія — строгой научности и популярнаго изложенія, а тѣмъ болѣе въ трактатѣ о такомъ щекотливомъ, не утратившемъ своей первоначальной остроты, вопросѣ, каковъ данный: непремѣнно одно изъ требованій должно потерять нѣкоторый ущербъ, быть выполненнымъ только на половину. Такъ оказалось и здѣсь. Прямую свою задачу — дать очеркъ популярный — покойный профессоръ выполнилъ съ полнымъ совершенствомъ, съ тщательною отдѣлкой всѣхъ деталей, такъ что впечатлѣніе получается цѣлостное. Но другое требованіе, полной законности котораго не станеть, конечно, отрицать никто, именно — требованіе научности — оказалось если не въ вагонѣ, то все же въ нѣкоторомъ пренебреженіи. И. И. Малышевскій включилъ въ число истинъ, такъ сказать, законоположительныхъ много такого, что имѣетъ характеръ только гипотезы и то весьма хрупкой и хилой! Затѣмъ, многія извѣстія, источники которыхъ лежатъ только въ мѣстномъ преданіи (а это, какъ извѣстно, фундаментъ очень ненадежный), возведены на степень несомнѣнныхъ, твердо-обоснованныхъ историческихъ фактовъ. А съ однимъ изъ мнѣній покойнаго профессора ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться: перечисляя борцовъ за православіе противъ уніи, И. И. Малышевскій почетное мѣсто въ ряду ихъ отводитъ высшему дворянству, говоря: «въ борьбѣ съ уніей и латинствомъ не были одиночными православные архипастыри, не были безпомощны ни монастыри, ни духовенство. Въ борьбѣ живое и сильное участіе принимали міряне, каковы прежде всего православные князья и дворяне» (стр. 242—243), и дальше слѣдуетъ описаніе дѣятельности одного только князя К. Острожскаго. Между тѣмъ, кому неизвѣстно, что наивысшіе дворяне были первыми отступниками отъ православія, такъ что вся тяжесть борьбы легла на низшее духовенство и мірянъ нетитулованныхъ, проще говоря, на крестьянскую среду. А ему-то, сѣрому крестьянству, отстоявшему свой народный обликъ, несмотря на ревность своихъ владѣльцевъ, неопитовъ католичества, — ему-то и не оказалось мѣста въ перечисленіи борцовъ противъ уніи; авторъ, правда, говоритъ о казачествѣ (ч. II, гл. 16), но это только часть той среды, о заслугахъ которой въ печальную годину уніи принято почему-то употреблять только фигуру умолчанія.

Несмотря на указанные недочеты, книга проф. Малышевскаго займетъ все же почетное мѣсто въ ряду популярныхъ сочиненій по исторіи Западной Россіи: по сравненію съ предшествующими однородными изданіями (напримѣръ, извѣстными изданіями Батюшкова) она является замѣчательнымъ шагомъ впередъ, къ свѣтлой точкѣ болѣе правдиваго, спокойнаго и безпристрастнаго наложенія тѣхъ событій, которыми положенъ камень бѣдственнаго раздора между двумя вѣтвями славянскаго племени.

К—чъ.

Культурно-историческая бібліотека, изд. О. Н. Поповой. Эдуардъ Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1765 — 1865). Переводъ съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1897.

Русская литература вообще очень небогата книгамъ, по которымъ было бы возможно ознакомиться съ исторіей Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; нельзя, впрочемъ, не сознаться, что тѣ изъ иностранныхъ сочиненій по этой исторіи, которыя существуютъ въ русскомъ переводѣ, могутъ быть при-

званы каждый въ своемъ родѣ шедеврами; таковы труды Лабуле («Исторія Соединенныхъ Штатовъ»), Токвиля («Демократія въ Америкѣ»), Неймана (Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ), въ особенности же Брайса (Американская республика). Несмотря, однако, на выдающіяся достоинства поминovanýchъ трудовъ, всѣ они, за исключеніемъ книги Неймана, занимаются исключительно развитіемъ американской конституціи и социальныхъ отношеній американскаго народа, оставляя исторію, такъ сказать, внѣшнюю, исторію фактовъ, почти безъ вниманія. Положимъ, нельзя и требовать отъ серьезныхъ ученыхъ перечисленія фактовъ, даже и наиважнѣйшихъ: послѣдніе предполагаются извѣстными читателямъ изъ учебниковъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ нашихъ учебникахъ исторія Штатовъ стоитъ всегда на второмъ планѣ, а часто и совсѣмъ замалчивается. Поэтому русскому человѣку бываетъ иногда очень трудно ориентироваться въ трудахъ вышеназванныхъ ученыхъ изъ-за незнакомства съ фактическими данными. Можно изучить послѣднія подробно по книгѣ Неймана; но, къ несчастью, только первый томъ этого прекраснаго труда существуетъ въ русскомъ переводѣ. Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ краткой, но составленной очень толково и обстоятельно «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» Чаннинга нельзя признать лишнимъ или несвоевременнымъ.

Книга эта обнимаетъ исторію Сѣверо-Американской республики за столѣтіе, съ 1760 по 1865 годъ, то-есть со времени возникновенія первыхъ несогласій и столкновеній англійской метрополіи съ ея заокеанскими колоніями до великой войны за освобожденіе негровъ отъ рабства. Дѣлится она на слѣдующія десять главъ: 1) Колонисты, 1760—1765 гг.; 2) Конституціонная оппозиція, 1760—1774 гг.; 3) Революція; 4) Конституція; 5) Новая нація; 6) Господство республиканцевъ эпохи Джефферсона, 1801—1809 гг.; 7) Вторая война за независимость и эра добрыхъ чувствъ; 8) Демократія; 9) Распространеніе невольничества, 1849—1861 гг.; 10) Война за сохраненіе Союза, 1861—1865 гг.

Съ фактической стороны книга Чаннинга не оставляетъ желать ничего лучшаго и можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ. Но она можетъ удовлетворить и значительно высшимъ требованіямъ, какъ трудъ научный: авторъ изучилъ по возможности всю литературу по исторіи Штатовъ и ихъ культуры, и проверилъ показанія этой литературы по подлиннымъ документамъ, такъ что выводы его носятъ характеръ строго обдуманнаго и серьезнаго. Онъ не ограничивается однимъ изложеніемъ фактовъ, а старается, насколько позволяли ему рамки его сочиненія, представить передъ читателями картину умственнаго и политическаго роста страны. При этомъ особенно хорошее впечатлѣніе производитъ безпристрастіе Чаннинга; въ немъ никогда не чувствуется американецъ, даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ правильно указываетъ въ своемъ предисловіи переводчикъ, онъ трактуетъ «о причинахъ, которыя повели къ отдѣленію отъ Англіи ея американскихъ колоній, во время администраціи лорда Порта, когда англійскою политикою руководила клика бездарныхъ невѣждъ, съ попомъ королемъ Георгіемъ III во главѣ».

Замѣтимъ, однако, что именны эти разсужденія Чаннинга о причинахъ отдѣленія колоній отъ Англіи въ научномъ отношеніи должны быть признаны

единственнымъ безусловно слабымъ мѣстомъ въ его трудѣ. Авторъ здѣсь какъ будто запутывается въ своихъ выводахъ: то, на стр. 43 и 44, онъ утверждаетъ, что причины американской революціи крылись только въ недостаточно умѣломъ способѣ дѣйствій англійскаго правительства, и что будь послѣднее болѣе толково, не раздражай оно безъ причины колонистовъ, «агенты колоній и до сихъ поръ засѣдали бы, дебатировавъ по разнымъ вопросамъ, въ Вайтгоулъ»; то, на стр. 55-ой и сл., онъ же указываетъ на то, что между колоніями и метрополіей существовала такая глубокая рознь интересовъ, что всѣ мѣропріятія англійскаго правительства, какими бы благими они ни являлись для Англіи, должны были казаться колонистамъ посягательствомъ на ихъ права и вызвать возмущеніе. Пельза не согласиться именно съ послѣднимъ взглядомъ Чаннинга, такъ какъ въ исторіи такіе перевороты, какъ образованіе свободной американской республики, подготовляются всегда задолго до ихъ осуществленія и случайными причинами могутъ лишь быть ускорены, а никакъ не обусловлены.

Русскій переводъ книги Чаннинга выполненъ съ всевозможнымъ тщаніемъ; къ книгѣ приложено нѣсколько подлинныхъ актовъ изъ исторіи американской конституціи, очень хорошій библиографическій указатель, дополненный въ отношеніи русскихъ книгъ переводчикомъ, и три географическія карты. Вообще говоря, книга издана прекрасно, и ей можно пожелать широкаго распространенія въ средѣ русскихъ читателей.

Е. Лосскіа.

И. Андреевъ. Св. Германъ, патріархъ константинопольскій (715—780 гг.). Сергіевъ посадъ. 1897.

Г. Андреевъ, авторъ книги о константинопольскихъ патріархахъ («Историческій Вѣстникъ», 1896, мартъ), продолжаетъ свою работу по этому вопросу и теперь издалъ небольшую брошюру о вселенскомъ патріархѣ Германѣ. Въ ней авторъ излагаетъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого патріарха и знакомитъ съ его литературными произведеніями. Св. Германъ занималъ патріаршій престолъ въ эпоху сильнаго оживленія и возбужденія церковной жизни, именно при возникновеніи иконоборческой ереси, и былъ однимъ изъ первыхъ борцовъ противъ этой ереси и защитниковъ православія. Онъ былъ и одною изъ первыхъ жертвъ, павшихъ въ этой сильной и ожесточенной борьбѣ, такъ какъ въ 730 году былъ удаленъ съ патріаршей кафедры императоромъ Львомъ Исавріаниномъ, и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ уединеніи. Онъ скончался въ глубокой старости. И литературная дѣятельность св. Германа находится въ связи съ его борьбою съ ересями, главнымъ образомъ съ иконоборствомъ. Г. Андреевъ подвергаетъ анализу и оцѣниваетъ значеніе слѣдующихъ его трудовъ: трехъ посланій къ разнымъ епископамъ, державшимся иконоборческихъ воззрѣній, посланій къ армянамъ и къ римскому папѣ Григорію, сочиненія «о ересьхъ и соборахъ», толкованія на литургію, проповѣдническихъ словъ и другихъ. Брошюра г. Андреева составлена довольно старательно и снабжена немалымъ запасомъ аргументальныхъ, въ пользу его воззрѣній, данныхъ, заимствованныхъ отъ византійской и иной литературы. Въ научномъ отношеніи она — не безъ значенія.

С.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АЛЕКСАНДРЪ Македонскій и Ганнибалъ. При всей обширности и разнообразіи англійской исторической литературы, нѣкоторые изъ героевъ челоѣчества служили предметомъ очень немногихъ изслѣдованій, какъ, напримеръ, Александръ Македонскій и Ганнибалъ. Поэтому недавно появившіяся монографіи Давида Гогарта о великомъ македонянинѣ¹⁾ и Вильяма Окнора Морриса о славномъ кароагенянинѣ²⁾ пополняютъ этотъ пробѣлъ. Изъ немногихъ англійскихъ историковъ, писавшихъ объ Александрѣ, Гротъ, долго пользовавшійся наибольшимъ авторитетомъ, старательно умалялъ значеніе, какъ македонскаго героя, такъ и его отца, Филиппа, вѣроятно, изъ пристрастія къ греческимъ государственнымъ людямъ, а профессоръ Магаффи, хотя и отдалъ тому и другому болышую справедливость, но представилъ ихъ характеристику въ очень бѣглыхъ штрихахъ, а сосредоточилъ все свое вниманіе на преемникахъ Александра. Поэтому англійская критика сочувственно привѣтствовала намѣреніе Давида Гогарта, извѣстнаго знатока древности, лично посѣтившаго болышую часть тѣхъ странъ, въ которыхъ воевалъ македонскій полководецъ, написать исторію побѣдителя Дарія. Но оказалось, что почтенный ученый не далъ того подробнаго, основательнаго труда, котораго всѣ ожидали и который могъ сдѣлаться классическимъ по данному предмету, а удовольство-

¹⁾ Philip and Alexander of Macedon. By David Hogarth. London. 1897.

²⁾ Hannibal. By William O'Connor Morris. London, 1897.

нался небоольшимъ, блестящимъ очеркомъ, скромно названнымъ имъ биографическимъ опытомъ. Для болъшей же полноты его характеристики Александра, онъ прибавилъ къ ней такой же этюдъ объ его отцѣ, безъ знакомства съ дѣятельностью котораго дѣйствительно трудно понять подвиги одного изъ четырехъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ. Хотя нельзя сказать, чтобы Гогартъ вполне ясно очертить личность великаго македонянина, такъ какъ онъ, съ одной стороны, слишкомъ его расхваливаетъ, находя его совершенствомъ изъ людей, а рядомъ выставляетъ неблаговидныя черты его характера, каковы, напримеръ, убійство въ пьяной ссорѣ своднаго брата, Клиты, и собственная смерть отъ послѣдствій чрезвычайной оргіи. Но онъ чрезвычайно картинно изобразилъ не только походъ своего героя и его побѣды, но и знаменитыя планы Александра о завоеваніи всего міра, которые не были такими безумными, какъ кажется съ перваго взгляда, если принять въ соображеніе ложныя географическія понятія того времени, и которые, въ сущности, проложили путь будущему всемірному распространенію Рима.

Представляя мастерскую характеристику Ганнибала, Моррисъ очень оригинально сравниваетъ своего героя съ Наполеономъ, который одинъ, по его мнѣнію, превосходилъ славнаго карагенянина, въ качествѣ полководца. По его словамъ, все искусство военачальника дѣлится на стратегію и тактику; въ первомъ отношеніи Наполеонъ, какъ стратегъ, превосходилъ Ганнибала, но онъ болѣе надѣялся на судьбу, чѣмъ Ганнибалъ, планы котораго были всегда основательно обдуманы, благодаря чему карагенскій полководецъ никогда не предпринялъ бы похода въ Россію и не составилъ бы проекта о вторженіи въ Англію. При этомъ Моррисъ замѣчаетъ, что Ганнибала напрасно упрекаютъ въ томъ, что онъ одинъ предпринялъ войну противъ Рима. Онъ никогда не имѣлъ намѣренія вести одну борьбу противъ такого могущественнаго врага, а рассчитывалъ составить союзъ съ подчиненными Риму и недовольными его игомъ народами. Если ему это, въ концѣ концовъ, не удалось, то объясняется подобная неудача не отсутствіемъ благоразумія въ его планѣ, а удивительной внутрѣнной силой римской системы, предоставлявшей подчиненнымъ народамъ извѣстную долю самоуправленія. Что касается до тактики, то Ганнибалъ, по мнѣнію Морриса, былъ, безспорно, выше Наполеона. Онъ никогда не увлеклся, оставался хладнокровенъ въ самыя критическія минуты и обнаруживалъ умѣренность въ побѣдѣ; однимъ словомъ, онъ велъ себя на полѣ брани безупречно. Хотя для неспеціалистовъ кажется, что побѣда при Каннахъ одержана кавалеріей Газдрубала, но, въ сущности, все придумалъ и рассчиталъ заранее Ганнибалъ. Оцѣнивая военный гений своего героя, Моррисъ указываетъ на то важное обстоятельство, что личность его не является передъ нами въ легендарномъ блескѣ, какъ личность Наполеона, а главный источникъ нашихъ свѣдѣній о Пуническихъ войнахъ, Титъ Ливій, отзываясь о врагѣ своего отечества съ горькой злобой; къ тому же не надо забывать, что за спиною Наполеона стояла вся Франція съ ея громадными средствами и всеобщимъ культамъ къ нему, а Ганнибалъ оставилъ на родинѣ многочисленную, враждебную ему партію, и его армія состояла изъ представителей различныхъ расъ. Кромѣ того, хотя корсиканецъ восвалъ со всѣмъ свѣтомъ, но никогда не имѣлъ передъ собой

такого могучаго врага, какъ римская республика, которая была въ апогее своей силы, когда съ нею тягался Ганнибалъ. Наконецъ, по мнѣнію англійскаго историка, Ганнибалъ показалъ все свое превосходство надъ Наполеономъ въ битвѣ подъ Замой, которую часто сравниваютъ съ Ватерлоо. Онъ былъ разбитъ наголову и далеко не равнымъ себѣ противникомъ, но онъ не потерялъ головы, не бѣжалъ съ поля битвы, а хладнокровно вступилъ въ переговоры съ Циціономъ и умѣло выговорилъ наивозможно выгодныя условія мира. «Этотъ подвигъ, замѣчаетъ Моррисъ, дѣластъ его величайшимъ изъ полководцевъ, гораздо болѣе, чѣмъ переходъ черезъ Альпы и блестящая стратегія при Каннахъ».

— Папа-философъ. Одинъ изъ парижскихъ лекторовъ, Ф. Пикаве, издалъ очень любопытную біографію малоизвѣстнаго французскаго дѣятеля XI вѣка, Гербера, бывшаго папой подъ именемъ Сильвестра II¹⁾. По словамъ ученаго автора, Герберъ былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, которыя, играя видную роль среди современниковъ, возбуждаютъ цѣлый рядъ легендъ и служатъ предметомъ долгихъ споровъ и, наконецъ, сохраняютъ въ непристрастной исторіи почетное мѣсто. Родомъ изъ Аквитаніи и очень скромнаго происхожденія, онъ былъ сначала монахомъ въ Орильякской обители, а затѣмъ три года учился въ Испаніи, подъ руководствомъ епископа Гаттона. Когда же онъ явился въ Италію, то папа Іоаннъ XIII пришелъ въ восторгъ отъ его знаній, а императоръ Оттонъ I поручилъ ему обучать математикѣ его придворныхъ. Мало-по-малу слава объ его учености распространилась повсюду, даже до Адриатическаго и Тирренскаго морей. Оттонъ II часто слушалъ его умныя рѣчи и пожаловалъ ему одно изъ богатѣйшихъ итальянскихъ аббатствъ въ Боббіо. Не имѣвъ возможности, однако, удержаться въ этомъ аббатствѣ, онъ вернулся въ Реймсъ и въ качествѣ архіепископа, а также канцлера Франціи, онъ успѣшно отсталывалъ Карловнгольца отъ происковъ Капетниговъ и заслужилъ прозвище «человѣка, ставящаго и низвергающаго королей». Но когда король Робертъ пошелъ противъ него, то онъ покинулъ Францію и удалился въ Германію, гдѣ сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ Оттона III, который сначала сдѣлалъ его архіепископомъ Равенскимъ, а потомъ папой, подъ именемъ Сильвестра II. Сдѣлавшись намѣстникомъ св. Петра, Герберъ поставилъ себѣ цѣлью достиць единства всего католическаго міра, соединеніемъ въ лицѣ папы власти духовной и свѣтской. Онъ распространилъ церковныя владѣнія, заслужилъ отъ современниковъ прозвище папы-философа и умеръ въ 1003 году, оставивъ по себѣ славное имя. Вскорѣ послѣ его смерти народныя легенды овладѣли папой-философомъ и придали ему значеніе кудесника, союзника демона и какого-то Фауста. Эти легенды царили въ продолженіе пяти вѣковъ и даже въ настоящее время не совершенно утратили свое вліяніе на народныя массы Италіи. Французскій ученый въ своемъ интересномъ трудѣ именно задался цѣлью отдѣлать, что было легендарнаго, отъ историческихъ фактовъ въ жизни папы-философа.

¹⁾ Gerbert. Un pape-philosophe d'après l'histoire et d'après la légende. Par F. Picavet. Paris. 1897.

— Дѣтство Шекспира и его отецъ. Хотя только что вышедшая книжка Вильяма Ральфа, подъ заглавіемъ «Шекспиръ въ дѣтствѣ»¹⁾, предназначена, главнымъ образомъ, для юношества, но въ ней собрано столько интересныхъ подробностей о домашней и школьной жизни того времени, что се прочтутъ съ удовольствіемъ всѣ поклонники великаго драматурга. Она пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что о дѣтствѣ и юности Шекспира очень мало извѣстно, и потому Ральфу пришла счастливая мысль, съ одной стороны, выбрать изъ его пьесъ и стихотвореній все, что только можетъ бросить свѣтъ на дѣтство и юношество его современниковъ, а съ другой, нарисовать рядъ картинъ по имѣющимся достовѣрнымъ источникамъ о томъ, какъ дѣти въ его эпоху жили дома, учились въ школахъ, играли, веселились и т. д. Конечно, въ этой компиляціи нѣтъ новыхъ взглядовъ на Шекспира, но она можетъ служить полезной иллюстраціей къ его биографіи. Болѣе самолюбивую задачу поставилъ себѣ пасторъ Картеръ, который посвятилъ цѣлый томъ на уясненіе спорнаго вопроса о томъ, къ какой религіи принадлежалъ Шекспиръ²⁾. Но такъ какъ онъ не разрѣшилъ этого вопроса, а только представилъ много вѣсскихъ доказательствъ о томъ, что отецъ Шекспира былъ пуританиномъ, то и его трудъ можно поставить рядомъ съ книгой Ральфа. Объясняя многое, что оставалось темнымъ въ жизни отца великаго поэта, Картеръ вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ свѣтъ на его дѣтство и юность. Какъ извѣстно, ни одинъ изъ комментаторовъ Шекспира не могъ вывести изъ его безсмертныхъ произведеній яснаго вывода о томъ, какихъ онъ придерживался религіозныхъ убѣжденій, и, въ сущности, вопросъ совершенно праздный: былъ ли онъ католикъ или протестантъ, потому что въ своихъ пьесахъ онъ выражаетъ такое широкое, гуманное и человѣчное міросозерцаніе, что споры о церковныхъ догматахъ совершенно блѣднѣютъ и отходятъ на задній планъ. Поэтому Картеръ вполне правъ, видоизмѣняя вопросъ и ставя цѣлью своего изслѣдованія: въ какой религіозной атмосферѣ, католической или протестантской, росъ и воспитывался Шекспиръ? Конечно, чтобы дать отвѣтъ на подобный вопросъ, ему необходимо было заняться личностью отца Шекспира, и онъ представляетъ очень подробную его характеристику. Въ своихъ заключеніяхъ онъ не только расходится съ мнѣніемъ тѣхъ шекспировскихъ комментаторовъ, которые представляли отца поэта пламеннымъ католикомъ, и длиннымъ рядомъ фактовъ и логическихъ аргументовъ доказываетъ, что онъ былъ протестантъ, но старается выставить его ярымъ пуританиномъ. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ ссылается на факты, которые дѣйствительно дѣлаютъ вѣроятнымъ эту гипотезу; но если несомнѣнно, что въ дѣтствѣ и въ юности творца «Гамлета» окружала протестантская атмосфера и подготовила въ немъ почву для его будущаго міросозерцанія, то нельзя признать доказаннымъ принадлежность не только его отца, но и его самого къ пуританамъ, а этого авторъ, очевидно, добивался, забывъ, что онъ совершенно правильно избралъ себѣ другую задачу, т. е. уясненіе религіозной атмосферы, окружающей Шекспира въ дѣтствѣ и юности, что имъ и успѣшно исполнено.

¹⁾ Shakespeare, the Boy. By William Ralfe. London. 1897.

²⁾ Shakespeare, Puritan and Recusant. By T. Carter. London. 1897.

— Одинъ изъ строителей Бѣлой Англіи. Въ послѣдніе годы, съ легкой руки сэра Чарльза Дилке, стали называть англійскія колоніи, разбросанныя по всему свѣту, Бѣлой Англіей, и, пользуясь тѣмъ, что колоніальный вопросъ теперь интересуетъ всѣхъ англичанъ, Генри Вильсонъ предпринялъ цѣлую серію монографій о главнѣйшихъ дѣятеляхъ колоніальнаго развитія Англіи подъ общимъ заглавіемъ: «Строители Бѣлой Англіи». Еще появился только первый томъ, посвященный сэру Вальтеру Ралею ¹⁾ и представляющій новый трудъ Мартина Юма, уже много писавшаго объ эпохѣ королевы Елизаветы. Нѣсколько ранѣе появилась о томъ же Ралей диссертация Джона Букана, удостоенная преміи Оксфордскимъ университетомъ ²⁾; такъ какъ первая книга имѣетъ преимущественно біографическій характеръ, а послѣдняя задается цѣлью критически и психологически изучить сложную личность своего героя, то вмѣстѣ онѣ дадутъ богатый матеріалъ для всесторонняго знакомства съ блестящей фигурой этого любимца Елизаветы, совмѣщавшаго въ себѣ воина, придворца, путешественника, ученаго, историка, поэта и афериста. По словамъ Букана, именно эта разношерстная дѣятельность, эта погоня за многими цѣлями, помѣшала Ралею достигнуть великихъ результатовъ, и онъ оставилъ послѣ себя неизгладимую память только въ литературѣ своими лирическими стихотвореніями и сатирами, а также какъ пионеръ англійскаго владычества въ Новомъ Свѣтѣ. Этой послѣдней отрасли его разнообразной карьеры отведено главное мѣсто въ сочиненіи Юма, хотя онъ подробно описываетъ и другіе эпизоды въ драматической жизни своего героя, а относительно его долгой борьбы съ Испаніей, окончившейся его казнью, Юмъ представляетъ нѣсколько новыхъ драгоценныхъ документовъ, найденныхъ имъ въ архивахъ Симаки и Мадрида, между прочимъ письма испанскаго посланника при дворѣ Іакова I, Гандомара. При картинномъ изложеніи Юма блестящая разнообразная карьера Ралея пріобрѣтаетъ интересъ настоящаго романа. Не окончивъ университетскаго курса въ Оксфордѣ, онъ семнадцати лѣтъ принялъ участіе волонтеромъ въ борьбѣ гугенотовъ за свободу вѣры во Франціи, а затѣмъ оказалъ помощь голландцамъ въ ихъ войнѣ съ испанцами; наконецъ, въ 1579 году, онъ впервые отправился въ Новый Свѣтъ съ цѣлью основать тамъ колонію, но экспедиція не удалась, и онъ вернулся въ Англію, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе королевы Елизаветы, которая сдѣлала его своимъ любимцемъ. Нѣсколько лѣтъ онъ пользовался ея милостями и достигъ славы и могущества, но любовь къ странствованіямъ его не покидала, и въ 1584 году онъ снова отправился въ Америку, снарядивъ для этой цѣли два корабля на свой счетъ. Въ этотъ разъ счастье ему улыбнулось: онъ открылъ и занялъ Виргинію, названную такъ въ честь дѣвственницы-королевы. Вернувшись на старую родину, онъ принялъ участіе въ борьбѣ съ Испаніей, ознаменовавшейся пораженіемъ Армады, но въ 1593 году онъ тайно женился на Елизаветѣ Трокмортонъ и тѣмъ заслужилъ гнѣвъ королевы. Во время своей опалы, онъ снова отправился въ Новый Свѣтъ и, высадившись въ Гвіанѣ, долго и безуспѣшно искалъ басно-

¹⁾ Builders of Greater Britain, edited by H. Wilson. — I vol. — Sir Walter Raleigh, by Martin Hume. London. 1897.

²⁾ Sir Walter Raleigh, by John Buchan. The Stanhope Essay. London. 1897
«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX. 20

словнаго Эль-Дорадо. Вскорѣ затѣмъ Крисавета вернула его ко двору, и тутъ наступаетъ самый неблагоприятный эпизодъ его жизни, именно интриги противъ графа Эссекса и торгъ своимъ вліяніемъ у королевы. Хотя подобные поступки были въ правахъ того времени, но они набрасываютъ позорную тѣнь на имя Ралея, также какъ его отношенія къ Испаніи; онъ то упорно боролся съ нею, то получалъ отъ нея денежные подарки. Со смертію Крисаветы начались несчастія Ралея, и онъ провелъ тринадцать лѣтъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ заговорѣ противъ короля Іакова. Это время онъ посвятилъ научнымъ занятіямъ, историческимъ трудамъ и поэзіи. Въ 1615 году онъ былъ выпущенъ на свободу и предпринялъ послѣднюю экспедицію въ Новый Свѣтъ, гдѣ ему не повезло и, разбитый испанцами, онъ вернулся въ Англію, чтобы умереть на плахѣ, на 66 году отъ роду. Разсказъ объ его драматической смерти составляетъ самую блестящую страницу въ книгѣ Юма, и дѣйствительно во всей англійской исторіи трудно найти болѣе позорнаго политическаго эпизода, какъ эта казнь патріота по интригамъ Испаніи, въ угоду которой король Іаковъ приказалъ исполнить надъ Ралеемъ смертный приговоръ, постановленный шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ и замѣненный по его же приказанію тюремнымъ заключеніемъ, срокъ котораго истекъ.

— Рубенсъ, какъ дипломатъ. Французскій художественный критикъ Эмиль Мишель помѣстилъ во второй сентябрьской книжкѣ *Revue des deux Mondes* любопытную статью о мало извѣстной дипломатической дѣятельности знаменитаго живописца Рубенса¹⁾. Оказывается, что инфанта Изабелла австрійская, управлявшая Нидерландами, нѣсколько разъ возлагала на Рубенса дипломатическія порученія. Самое важное изъ нихъ состояло въ заключеніи мира между Испаніей и Англіей въ 1627—1630 годахъ. Замѣчательно, что и съ англійской стороны тайнымъ дипломатическимъ агентомъ Вукингама, любимца Карла I, былъ также живописецъ Вальтазаръ Герберъ. По словамъ Мишеля, эти импровизированные дипломаты знали, что они дѣйствовали на свой страхъ, и что во всякое время англійское и испанское правительства могутъ отъ нихъ отказаться, но все-таки они дѣйствовали очень ловко и осторожно, къ полному удовольствію обоихъ правительствъ. Когда же Филиппъ IV съ обычной своей гордостью задумалъ выговаривать инфантѣ Изабеллѣ за то, что она набрасывала тѣнь на его королевское достоинство порученіемъ дипломатическимъ дѣлъ живописцу, то она правильно отвѣчала, что и съ англійской стороны живописецъ играетъ роль дипломата, а потому Рубенсъ былъ какъ нельзя болѣе у мѣста. Конечно, подобное таинственное веденіе международныхъ переговоровъ представляется чѣмъ-то страннымъ и необыкновеннымъ, а объясняется этотъ фактъ только тѣмъ, что Филиппъ IV, желая заключить сепаратный миръ съ Англіей, обнаруживалъ самое позорное двоедушіе. Его министръ, Оливарецъ, сторонникъ союза съ Франціей и войны съ Англіей, только что заключилъ въ Мадридѣ съ французскимъ посланникомъ союзный трактатъ, по которому обѣ страны обязывались вести на общій счетъ войну съ Англіей, и въ случаѣ успѣха подѣлить между собой

¹⁾ Les missions diplomatiques de P. P. Rubens (1627—1630). Par E. Michel *Revue des deux Mondes*, 15 septembre.

Англию, съ цѣлью снова водворить въ ней католическую вѣру. Поэтому, чтобы прикрыть себя на случай, если Франція узнаетъ о его переговорахъ съ Англіей, Филиппъ IV помѣтилъ заднимъ числомъ, на пятнадцать мѣсяцевъ, данное имъ полномочіе инфантъ Изабеллѣ о заключеніи мира. Въ виду этого обстоятельства становится понятнымъ, почему переговоры велъсь живописцами. Эти импровизованные дипломаты сошлись въ Дельфтѣ, куда каждый прибылъ тайкомъ, словно заговорщики. Что касается до Рубенса, то онъ проѣхалъ чрезъ Утрехтъ, подъ предлогомъ повидаться тамъ съ знакомыми живописцами, а оттуда уже тайно пробрался въ Дельфтъ. Однако эти переговоры не увѣнчались успѣхомъ, и агентъ Вукингама ни съ чѣмъ не вернулся въ Англію, а Рубенсу было поручено инфантой отправиться въ Испанію, чтобы войти въ личныя сношенія съ королемъ и Оливарецомъ. Живопись также послужила маской и для этого дипломатическаго порученія. Рубенсъ отвезъ королю восемь картинъ, написанныхъ по заказу инфанты, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ написать для нея портреты нѣкоторыхъ членовъ королевской семьи. Въ Мадридѣ великаго художника ждалъ самый любезный пріемъ: испанскіе живописцы, съ Веласкецомъ во главѣ, носили его на рукахъ, а Филиппъ IV не только заказалъ ему нарисовать свой портретъ, но забывъ свое прежнее недовѣріе къ его дипломатическимъ талантамъ, разрѣшилъ Оливарецу послать его въ Лондонъ съ тайными инструкціями для продолженія переговоровъ. Кромѣ того, онъ увѣдомилъ свою тетку, инфанту Изабеллу, что, въ виду оказанныхъ услугъ Рубенсомъ, онъ назначилъ его секретаремъ своего тайнаго совѣта, съ сохраненіемъ этой должности за его старшимъ сыномъ и, въ ознаменованіе своей особой милости, подарилъ ему брилліантовый перстень въ 2.000 дукатовъ. По дорогѣ въ Англію, Рубенсъ захватилъ въ Брюссель, переговорилъ обо всемъ съ инфантой и 5-го іюня 1629 года прибылъ въ Лондонъ. Тамъ онъ жилъ у своего друга, Гербьера, открыто водилъ дружбу съ живописцами и рисовалъ многочисленныя картины, а въ тайнѣ велъ переговоры. Последніе увѣнчались такимъ успѣхомъ, что посланному въ слѣдующемъ году изъ Испаніи офиціальному дипломату, дону Карлосу Колонпѣ оставалось только подписать готовый трактатъ. Однако, несмотря на всѣ оказанныя имъ услуги, когда вопросъ пошелъ о томъ, чтобы назначить Рубенса посланникомъ въ Лондонъ, то графъ Олате заявилъ въ испанскомъ королевскомъ совѣтѣ, что человѣкъ, работающій своими руками, не можетъ быть представителемъ короля. Такимъ образомъ Рубенсу пришлось вернуться къ своимъ картинамъ, что, конечно, принесло ему болѣе славы и богатства, чѣмъ могла бы ему доставить самая счастливая дипломатическая карьера.

— Воссюэтъ и смерть герцогини Генріеты Орлеанской. Всѣмъ извѣстно надгробное слово знаменитаго французскаго проповѣдника, Воссюэта, передъ прахомъ герцогини Генріеты Орлеанской; оно считается образцомъ духовнаго витійства, и особенно цѣнятъ его вступительныя слова: «о ночь роковая, о ночь страшная, когда, словно громъ, раздалась изумительная вѣсть: принцесса умираетъ, принцесса умерла! Въ теченіе одного дня исчезла эта принцесса, какъ блекнуть полевые цвѣты; утромъ она блистала красотой и граціей, а вечеромъ увяла. Въ девять часовъ совершилось дѣло смерти». Какъ авторъ этой исторической проповѣди, такъ и его героиня, сдѣ-

лались надняхъ предметомъ общаго вниманія французской журналистики, благодаря появленію незаданнаго сочиненія Боссюэта о христіанской проповѣди ¹⁾, оригинальной статьи въ «Revue Bleue», Поля Стапфера, подъ заглавіемъ: осудилъ ли бы Боссюэтъ Іисуса Христа на смерть? ²⁾ и обстоятельнаго очерка Франца Функ-Брентано о смерти герцогини Генріоты Орлеанской ³⁾. Ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ вышла первая часть большого труда Боссюэта Наставленіе о христіанской проповѣди, въ которомъ критически разсмотрѣны ложный мистицизмъ и неправильные богословскіе принципы духовныхъ витій его времени. А только теперь напечатанъ второй томъ объ основныхъ принципахъ христіанскаго краснорѣчія; что же касается до трехъ остальныхъ томовъ которые должны были, по намѣренію автора, исчерпать предметъ его изслѣдованій, то они нѣкогда не были написаны. Кромѣ религіознаго значенія неизвѣстнаго до сихъ поръ сочиненія Боссюэта, его паданіе, подъ редакціей Левека, снабжено предисловіемъ, въ которомъ разсказана исторія этого потеряннаго и вновь найденнаго произведенія перваго французскаго проповѣдника.

Пользуясь шумомъ, который надѣлало во французской литературѣ и журналистикѣ открытіе невѣдомаго произведенія Боссюэта, Поль Стапферъ задался, повидимому, страннымъ, но вполне логичнымъ вопросомъ: что бы сдѣлалъ этотъ столбъ католической церкви, если бы онъ находился въ числѣ членовъ еврейскаго синагога, во время Понтія Пилата, когда его суду подлежалъ Іисусъ Христосъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, какъ прежде извѣстныхъ, такъ и въ новомъ, невѣдомомъ его трудѣ, Боссюэтъ являлся всегда стойкимъ охранителемъ церкви и государства, пламеннымъ защитникомъ преданій и почтительнымъ, вѣрнымъ слугою установленныхъ властей. Поэтому смѣлый французскій публицистъ, путемъ строгихъ логичныхъ аргументовъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что этотъ великій христіанскій витія долженъ былъ бы принципиально высказаться за крестную смерть Іисуса Христа, если бы онъ находился въ числѣ его судей.

Гораздо интереснѣе этого литературнаго парадокса этюдъ Функа-Брентано, навѣянный модой на Боссюэта. Ученый публицистъ, задавшись вопросомъ объяснить таинственную причину неожиданной и скоропостижной смерти герцогини Генріоты Орлеанской, обратился не только къ изученію всѣхъ существующихъ историческихъ матеріаловъ, но, такъ сказать, произвелъ экспертизу заднимъ числомъ, именно отобралъ мнѣнія у знаменитыхъ современныхъ свѣтлыхъ медицинскій науки: профессора Бруарделя и доктора Поля Ле-Жандра. Фактически извѣстно о смерти этой сестры англійскаго короля Іакова II и жены брата Людовика XIV только то, что она вернулась 18-го іюня въ Севъ-

¹⁾ Oeuvre inedites de Bossuet. Instruction sur les états d'oraison. Second traité. Principes communs de l'oraison chretienne, précédé d'une introduction, par E. Levesque. Paris. 1897.

²⁾ Bossuet aurait-il condamné à mort Jésus Christ? Par P. Stapfer. «Revue Bleue». 25 septembre.

³⁾ La mort de Madame, par F. Funck-Brentano. «Revue Encyclopedique». 25 septembre.

Жерменъ изъ поѣздки въ Англію, откуда привезла дуврскій трактатъ о союзѣ Франціи съ Англіею противъ Голландіи, и неожиданно занемогла 29-го утрома, а къ ночи въ тотъ же день умерла. Вполнѣ понятно, что при такихъ странныхъ обстоятельствахъ ея смерти, распространились слухи объ отравѣ, въ справедливости которыхъ было вполнѣ увѣрено общественное мнѣніе не только во Франціи, но въ Англіи, Испаніи и Голландіи. Даже Людовикъ XIV долгое время подозрѣвалъ, что его невѣстка была отравлена, а заступившая ея мѣсто вторая жена герцога Орлеанскаго, нѣмецкая принцесса, была твердо убѣждена въ этомъ. Спорнымъ только оставался вопросъ, кто былъ убійцей несчастной герцогини: одни обвиняли въ этомъ голландцевъ, противъ которыхъ она заключила союзъ съ англичанами, а другіе — ея мужа и любимца послѣдняго, котораго она удалила отъ двора. Точно также ученые и историки, занимавшиеся вопросомъ о таинственной смерти герцогини Орлеанской, раздѣлялись на три лагеря: одни, какъ Велькверъ, Поль Лакруа и Францискъ Равесонъ, поддерживали гипотезу объ отравѣ, другіе съ Лэромъ во главѣ, доказывали, что смерть была случайная, а третіе: Минье, Луазелеръ и Лигре склонялись въ пользу естественной болѣзни. Наконецъ, Артуръ де-Буалль, посвятившій подробное изслѣдованіе данному предмету, воздержался отъ всякаго опредѣленнаго заключенія, а докторъ Леге, въ своей книгѣ: Доктора и отравители, увѣряетъ, что герцогиня Орлеанская умерла отъ отравленія судемой. При подобномъ положеніи вопроса взялся за его разрѣшеніе Функъ-Брентаво и съ помощью мнѣній Бруарделя и Ле-Жандра, основательно обсудившихъ сохранившійся актъ о вскрытіи тѣла герцогини пятнадцатью докторами, приходитъ къ заключенію, что смерть герцогини Орлеанской произошла отъ перитонита. «Если допустить, какъ прямо видно изъ акта вскрытія, что существовали язвы въ кишкахъ, — говоритъ профессоръ Бруардель, — то всѣ симптомы ея болѣзни, замѣченные и описанные современниками, развѣваются съ классической послѣдовательностью».

— Жанъ-Жакъ Руссо и его литературное завѣщаніе. Въ Германіи вышли двѣ книги о Жанъ-Жакѣ Руссо: одна на нѣмецкомъ, а другая на французскомъ языкахъ. Первая подъ заглавіемъ Руссо и его философія принадлежитъ перу профессора Гаральда Гофдинга и составляетъ одинъ изъ томовъ бібліотеки Фромана: Классики въ философіи¹⁾, а послѣдняя представляетъ перепечатку литературнаго завѣщанія Руссо, найденнаго въ берлинской бібліотекѣ профессоромъ университета въ Галле, Шульце-Гора²⁾. Трудъ Гофдинга не подробная біографія и не обстоятельное философское изслѣдованіе теорій Руссо, а ловко составленный эскизъ самыхъ важныхъ и выдающихся чертъ, какъ жизни, такъ характера и литературной дѣятельности его героя. При этомъ, авторъ относится къ Руссо очень сочувственно, рисуетъ широкой кистью общую картину его теорій и, хотя остроумно указываетъ на противорѣчія, въ которыхъ впадалъ Руссо, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ его

¹⁾ Hoffding, Harald, prof.—Rousseau und seine Philosophie. Stuttgart. 1897. Fromman's Klassiker der Philosophie. IV.

²⁾ Un testament littéraire de Jean-Jacques Rousseau, publié avec une introduction et des notes. Par O. Schultz-Gora. Halle. 1887.

громадные достоинства и съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ сопоставляетъ со слабыми сторонами его ученія то великое значеніе, которое имѣла проповѣдуемая имъ теорія поклоненія природѣ. Совершенно иной характеръ имѣетъ книга профессора Шульца-Гора, который не только перепечаталъ найденную имъ литературную диковину, но и снабдилъ ее любопытными примѣчаніями и предисловіемъ на французскомъ языкѣ. Изъ всѣхъ писателей, изучавшихъ литературную дѣятельность Руссо, одинъ только нѣмецкій ученый, Альбертъ Янсень, видѣлъ ранѣе Шульца-Гора это Завѣщаніе Жанъ-Жака Руссо напечатанное въ 1771 году, на французскомъ языкѣ, безъ обозначенія издателя, или типографа, и снабженное латинскимъ эпиграфомъ: *Qui notus nimis omnibus, ignotus morituro sibi* (тотъ, кто слишкомъ извѣстенъ всѣмъ, умираетъ невѣдомымъ самому себѣ), въ 1882 году обратилъ вниманіе на эту брошюру, находившуюся въ Берлинской библіотекѣ, какъ на бесспорно подлинный трудъ знаменитаго философа. Но до сихъ поръ означенное сочиненіе не вошло ни въ одно изъ французскихъ, или заграничныхъ изданій Руссо, а теперь впервые перепечатано цѣликомъ. Въ своемъ предисловіи Шульца-Гора говорить, что другихъ экземпляровъ брошюры, кромѣ берлинскаго, не существуетъ нигдѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, а въ подлинности этого завѣщанія Руссо нѣмецкій ученый нисколько не сомнѣвается. Нѣмецкая критика вполне соглашается съ аргументами Шульца-Гора и считаетъ вопросъ о литературномъ завѣщаніи Руссо окончательно рѣшеннымъ. Но французская печать относится къ нему совершенно иначе, и Бюфенуаръ въ *Revue Bleue*, отъ 16 октября, доказываетъ, что, напротивъ, это сочиненіе нисколько не принадлежитъ Руссо и составлено какими нибудь неизвестнымъ, второкласснымъ писакой. Во-первыхъ, онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы друзья Руссо не знали о существованіи такого важнаго его труда; во-вторыхъ, анонимность изданія прямо говоритъ противъ его подлинности и, наконецъ, въ-третьихъ, по самому своему содержанію, это завѣщаніе не напоминаетъ Руссо ни по идѣ, ни по изложенію. Извѣстно, что Жанъ-Жакъ отличался оригинальнымъ, могучимъ, пламеннымъ языкомъ, а въ этой брошюрѣ нѣтъ и слѣда тѣхъ особенностей его слога, которыя извѣстны всѣмъ людямъ, близко знакомымъ съ его сочиненіями. Напротивъ, брошюра написана очень плохимъ, смутнымъ и неяснымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ манерой автора Эмиля и Новой Элоизы. Содержаніе берлинскаго завѣщанія заключается въ обзорѣ всѣхъ сочиненій Руссо, составленномъ довольно ловко, и въ защитѣ ихъ отъ нѣкоторыхъ нападокъ. Но прежде всего говорить противъ подлинности этого завѣщанія то обстоятельство, что оно написано въ 1771 году, а въ немъ не упоминается ни слова объ его Исповѣди, которая была уже тогда написана, хотя не напечатана. Если писать эту брошюру не Руссо, а кто либо другой, то этотъ пропускъ является понятнымъ, а для него самого онъ немислимъ, такъ какъ онъ придавалъ своей Исповѣди самое важное значеніе; наконецъ, является непонятнымъ, къ чему потребовалось ему написать это завѣщаніе, когда все, что онъ хотѣлъ сказать о себѣ, такъ обстоятельно выражено въ Исповѣди, составляющей настоящее его завѣщаніе, и въ другомъ его сочиненіи, имѣющемъ характеръ послѣдней пѣсни лебедя: Размышленія

одинокое странствователя. Всѣ эти доводы приводятъ Ипполита Бюфенуара ¹⁾ къ тому заключенію, что напечатанное нѣмецкимъ ученымъ записаніе не что иное, какъ поддѣлка, и притомъ не очень ловкая.

— Франція въ 1789 году. Обширная литература французской революціи обогатилась двумя новыми основательными трудами: А. Бреттъ напечаталъ сборникъ документовъ, касающихся собранія Генеральныхъ Штатовъ въ 1789 году ²⁾, а Едмѣ Шампіонъ составилъ на основаніи знаменитыхъ «Записокъ», въ которыхъ высказывались желанія избирателей Генеральныхъ Штатовъ, — картину тогдашняго положенія Франціи ³⁾. Обѣ эти книги представляютъ богатый матеріалъ для изученія Франціи передъ самымъ началомъ революціи. Бреттъ собралъ и напечаталъ всѣ сохранившіеся акты, относительно подготовительныхъ работъ къ созванію Генеральныхъ Штатовъ и агитации передъ выборами, а Шампіонъ наложилъ въ популярной формѣ, чего желала и требовала Франція въ 1789 году, насколько эти желанія и требованія выражены въ знаменитыхъ Запискахъ (Cahiers), которыя были составлены избирательными собраніями въ видѣ руководства своимъ кандидатамъ. Конечно, сборникъ Бретта можетъ интересовать только специальныхъ изслѣдователей революціи, но книга Шампіона представляетъ общій интересъ, и ея значеніе очень характерно указано извѣстнымъ французскимъ публицистомъ и критикомъ, Эмилемъ Фага, въ «Revue Bleue», отъ 9-го октября ⁴⁾. По его словамъ, всѣ историки всегда говорили съ великимъ уваженіемъ объ этихъ Запискахъ, какъ о важнѣйшихъ матеріалахъ для выясненія причинъ революціи, но не многіе ихъ читали. Даже такіе знатоки дѣла, какъ Токвиль и Тэнъ, только отчасти и очень поверхностно были знакомы съ ними. Главной причиной этого недостаточнаго распространенія основного источника для серьезнаго изслѣдованія столь важной исторической эпохи служила до сихъ поръ трудность прочесть всѣ Записки, разбросанныя въ различныхъ архивахъ, и хотя напечатанныя въ «Archives parlementaires», но мало доступныя для обыкновенныхъ читателей и изданныя самымъ веряшливымъ образомъ, безъ всякой критики. Поэтому нельзя не поставить въ большую заслугу Шампіону, что онъ не только прочелъ всѣ Записки и все, что писано о нихъ, но привелъ ихъ въ порядокъ и напечаталъ сводъ ихъ въ популярной, легкой для чтенія, формѣ. Насколько трудъ Шампіона основателенъ и добросовѣстенъ, доказываетъ уже одно его заявленіе, что его работа все еще не полна, такъ какъ ему достовѣрно извѣстно, что существуютъ такіа Записки, которыхъ онъ не видалъ, и что для полнаго знакомства съ этими важными историческими документами, необходимо отыскать недостающую ихъ часть, что, по его мнѣнію, возможно, если припяться за дѣло не одному человѣку, а многимъ, ревнивымъ изслѣдователямъ старины. Какъ бы то ни было, по совершенно справедливому

¹⁾ Un testament littéraire de J.-J. Rousseau, par H. Buffenoir. Revue Bleue, 16 octobre.

²⁾ Recueil de documents relatifs à la convocation des États Généraux de 1789. Par A. Brette. Paris. 1897.

³⁾ La France d'après les Cahiers de 1789. Par Edmé Champion. Paris, 1897.

⁴⁾ La France en 1789, par Émile Faguet. «Revue Bleue», 9 octobre.

замѣчанію Фага, новый историкъ французской революціи сдѣлалъ то, чего никто не дѣлалъ до него, то-есть просто и безпристрастно свелъ въ одно цѣлое всѣ, дѣйствительно выраженныя Франціей, желанія и требованія въ 1789 году. Замѣчательно, что фактическая подкладка его труда и приводимыя имъ выписки изъ всѣхъ записокъ воиствѣ подтверждають слова Мирабо: «Каждый сознаетъ, что нація была подготовлена къ революціи гораздо болѣе сознаніемъ своего бѣдственнаго положенія, чѣмъ прогрессомъ идей». Какъ впоследствии историки ни утѣряли, что великіе писатели XVIII вѣка были основной причиной революціи, но достаточно прочесть книгу Шампіона, чтобы согласиться съ Мирабо и прійти къ убѣжденію, что авторы Записокъ, то-есть люди, создавшіе революцію, были не идеальные теоретики, а трезвые практики, не заботились о свободѣ, о равенствѣ и другихъ такъ называемыхъ принципахъ 1789 года, а просто — они умирали съ голода и хотѣли, чтобы этотъ голодъ прекратился. Вотъ все, что можно найти въ Запискахъ 1789 года, и ничего другого въ нихъ нѣтъ. О конституціи и о парламентскомъ правленіи нигдѣ не упоминалось ни слова, хотя то и другое подразумевалось подъ требованіемъ, чтобы никакая власть, даже королевская, не могла накладывать налога безъ разрѣшенія Генеральныхъ Штатовъ. Народъ страдалъ отъ голода, но отчего происходилъ голодъ? Это ясно выражено въ Запискахъ: все зло происходило отъ существованія феодальныхъ привилегій, отъ административной анархіи и отъ отсутствія опредѣленныхъ и равныхъ для всѣхъ законовъ. Такимъ образомъ становится яснымъ, что французская революція, въ самомъ ея началѣ, была не политическимъ явленіемъ, а экономическимъ и административнымъ. Желанія французскаго народа были очень скромны: онъ хотѣлъ ѣсть, а для этого работать спокойно, безъ всякихъ препятствій отъ администраціи и привилегированныхъ классовъ. Все это какъ нельзя болѣе ясно вытекаетъ изъ чтенія Записокъ или ихъ блестяще составленнаго свода въ книгѣ Шампіона; а что касается до великихъ принциповъ 1789 года, то они уже придуманы впоследствии, когда стали факты прикрывать идеями и политическими философствованіями.

— Гошъ на сценѣ и въ исторіи. Извѣстный французскій поэтъ и пламенный сторонникъ національнаго реванша, т. е. возмездія Германіи за отнятіе у Франціи Эльзасъ-Лотарингіи, Поль Деруледъ, поставилъ на сценѣ парижскаго театра Сентъ-Мартенскихъ Воротъ новую свою драму въ стихахъ: Смерть Гоша, которая уже и напечатана отдѣльнымъ изданіемъ¹⁾. Написанная громкими, звучными стихами, эта пьеса, однако, не имѣла успѣха и по двойной причинѣ: во-первыхъ, въ ней нѣтъ никакого драматическаго движенія, и это просто біографія Гоша въ длинномъ рядѣ картинъ, а съ другой, по странной прихоти поэта, Гошъ является не идеальнымъ республиканскимъ героемъ, какимъ его чтитъ до сихъ поръ вся Франція, а страннымъ неудачнымъ кандидатомъ въ диктаторы, чѣмъ-то въ родѣ Вуланже, сторонникомъ котораго, какъ извѣстно, былъ Деруледъ. Для чего ему потребовалось такъ бессмысленно унижить славный образъ одной изъ чистѣйшихъ личностей французской револю-

¹⁾ La mort de Hoche, drame en vers, par Paul Deroulède. Paris. 1897.

ции — сказать трудно, но вся передовая французская печать одинаково высказалась против новой пьесы Деруледа, которая оканчивается вполне недвусмысленной сценой, где Гошг отравляется, чтобы не помешать 18 брюмеру и с крикомъ на устахъ: «да здравствуетъ Бонапартъ!» Истинно говорить, что какъ въ этой сценѣ, такъ и въ большей части пьесы Деруледа нѣтъ никакого историческаго основанія, что ясно выставлено въ длинномъ рядѣ статей, появившихся въ парижскихъ газетахъ и журналахъ. Наиболѣе интересны опроверженіе легенды, повторенной Деруледомъ, о враждѣ Сентъ-Жюста съ Гошемъ въ газетѣ *La Justice* ¹⁾ и подробное изслѣдованіе доктора Кабанеса о томъ, былъ ли отравленъ Гошг, въ первой октябрьской книжкѣ *Revue des Revues* ²⁾. Авторъ статьи въ *Justice*, Жюль Труба, на основаніи безпристрастной біографіи Сентъ-Жюста-Эрнеста Гамеля, доказываетъ фактическими данными, что Сентъ-Жюстъ никогда не былъ врагомъ и безжалостнымъ преслѣдователемъ Гоша, какъ составила о томъ легенда, и какъ изображается въ пьесѣ Деруледа. Переписка этихъ двухъ лицъ ясно доказываетъ, что они находились въ дружескихъ отношеніяхъ, и ярый республиканецъ, Сентъ-Жюстъ, чрезвычайный комиссаръ Конвента при арміи, находившейся подъ начальствомъ Гоша, искренно выражаетъ въ дописаніяхъ Конвенту и письмахъ къ Гошу свое уваженіе къ молодому генералу и нисколько не ставитъ ему въ укоръ случайныя неудачи на полѣ брани. Подобную же несправедливую легенду объ отравленіи Гоша опровергаетъ съ своей стороны докторъ Кабанесъ. Извѣстно, что молодой, двадцати девяти-лѣтній Гошг умеръ неожиданно, находясь во главѣ арміи, дѣйствовавшей противъ Германіи, и вся Франція горько оплакивала единственнаго генерала, который могъ быть соперникомъ Наполеона, и пользовавшагося общей любовью не только за свои побѣды, но и за примиреніе Ванден и стойкую преданность республикѣ. Естественно, что неожиданная смерть такого человѣка подала поводъ къ предположеніямъ, что онъ былъ отравленъ, и одни приписывали это преступленіе роялистскимъ эмигрантамъ, другіе — директоріи, а третьи — Наполеону. Первое обвиненіе наиболѣе распространено, такъ какъ роялисты имѣли полное основаніе ненавидѣть примирителя Ванден. Что же касается до директоріи, то не всѣ ея члены подвергались подозрѣнію въ убійствѣ Гоша, а главнымъ образомъ, Барра, на котораго даже Наполеонъ взваливалъ со своихъ плечъ это преступленіе, а въ *Mémoires* онъ указываетъ, что хотя его самого обвиняли въ отравленіи Гоша, но серьезная исторія никогда этому не повѣритъ. Съ своей стороны, враги Наполеона указываютъ, что хотя Барра и директорія, задумавъ государственный переворотъ, имѣли основаніе отдѣлаться отъ такого вѣрнаго слуги республики, какъ Гошг, но Наполеону было еще важнѣе удалить со своей дороги такого соперника, тѣмъ болѣе, что ходили слухи о прежнихъ близкихъ отношеніяхъ Гоша къ Жозефинѣ. Но всѣ эти гипотезы не имѣютъ никакой исторической подкладки, и докторъ Кабанесъ теперь доказываетъ, на основаніи сохранившихся документовъ о вскрытіи тѣла Гоша и мнѣнія профессора Дерова, что Гошг умеръ естественной смертью отъ чахотки.

¹⁾ La légende de Hoche et de Saint-Just, par Jules Troubat. La Justice, 10 octobre.

²⁾ Hoche est-il mort empoisonné? Par le Dr Cabanès. Revue des Revues, 1 octobre.

Этой ученой экспертизой, хотя и произведенной ровно сто лѣтъ послѣ смерти Гоша, происшедшей въ 1797 году, повидимому, навсегда покончена легенда объ его отравѣ.

— Юбилейная біографія Борнса. Съ нѣкоторыхъ поръ англійскимъ писателямъ повезло въ отношеніи біографій и комментариевъ. Такъ, недавно вышелъ мастерской критико-біографическій очеркъ Лили о Шекспирѣ, а теперь появился въ послѣднемъ томѣ юбилейнаго изданія сочиненій Борнса такой же образцовый этюдъ Генлея о великомъ народномъ поэтѣ Шотландіи¹⁾. Авторъ этой новой и наилучшей характеристики Борнса, какъ поэта и человека, исполнилъ свою задачу вполне безпристрастно и добросовѣстно. Онъ собралъ всѣ имѣющіяся данныя о своемъ героѣ, критически оцѣнилъ ихъ, отбросилъ все, что въ нихъ отличается легендарнымъ характеромъ, и вполне выяснилъ любопытную личность поселенника-поэта, со всеми ея блестящими сторонами и недостатками. По мнѣнію англійской критики, Генлей сказалъ послѣднее слово о Борнсѣ, какъ поэтѣ, и вполне справедливо указалъ на мѣсто, занимаемое имъ на англійскомъ Парнасѣ, среди его первыхъ свѣтилъ, послѣ Чесера, Мильтона и Шекспира. Что же касается до Борнса, какъ человека, то новый его біографъ и комментаторъ нарисовалъ его литературный портретъ, хотя вполне сочувственный, но реальный и вѣрный дѣйствительности. Онъ не ступалъ неблаговидныхъ сторонъ его жизни, но объяснилъ ихъ влияніемъ среды, а потому Робертъ Борнсъ вышелъ изъ критическаго горнила Генлея если не обѣленнымъ, то зато такимъ, какимъ онъ въ дѣйствительности былъ, и, конечно, даже его самые пламенные поклонники не пожалѣютъ, что, наконецъ, этотъ великій народный поэтъ оцѣненъ по достоинству, и его личность освобождена отъ всѣхъ легендарныхъ наслоеній, что нимало не уменьшило ея симпатичности. Вся характеристика Борнса, написанная съ такимъ блескомъ и знаніемъ дѣла Генлеемъ, сводится къ тому, что его герой былъ гениальнымъ поселенникомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, а потому все, что въ немъ было талантливаго, вся масса юмора и поэзіи, бывшихъ ключемъ въ его балладахъ и пѣсняхъ, принадлежала ему, а всѣ грубыя черты, которыя встрѣчаются въ его стихотвореніяхъ и омрачаютъ его жизнь, принадлежали сельской средѣ, которая даже и теперь, спустя сто лѣтъ, сохранила въ Шотландіи свой прожній, далеко неблаговидный, характеръ.

— Сумасшествіе Огюста Конта. Жоржъ Дюма написалъ для «Revue Philosophique» подробное изслѣдованіе объ умственныхъ силахъ основателя позитивизма и до появленія въ свѣтъ своего труда напечаталъ во второй сентябрьской книжкѣ «Revue de Paris» одну изъ его главъ, въ которой разсказывается временное сумасшествіе Огюста Конта²⁾. Оказывается, что это потемненіе блестящихъ умственныхъ способностей главы позитивистской школы, отъ котораго онъ совершенно оправился, отличалось драматическимъ интере-

¹⁾ The Centenary Burns. Edited by William Ernest Henley and Thomas J. Henderson. Volume IV. With an essay on the Life, Genius and Achievements of Burns. By W. E. Henley. Edinburgh. 1897.

²⁾ La folie d'Auguste Comte. Par G. Dumas. «Revue de Paris», 15 septembre. 1897.

сомъ. Въ мартѣ 1826 года, Контъ, имѣвшій тогда двадцать лѣтъ отъ роду и пользовавшійся уже большою извѣстностью, благодаря вышедшимъ до того времени пяти трудамъ, излагавшимъ его позитивистскую систему, устроилъ частный курсъ, въ которомъ собирався развить свои идеи въ болѣе полномъ видѣ. Хотя цѣль этихъ лекцій заключалась, главнымъ образомъ, въ распространѣніи его теорій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ руководило и желаніе заработать хотя небольшую сумму денегъ, такъ какъ онъ недавно женился и былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Аудиторія составила самая избранная, и въ числѣ слушателей находились Александръ Гумбольдтъ, Вленвилъ, Пуансо, много докторовъ и бывшихъ учениковъ политехнической школы. Въ первой лекціи, составившей потомъ первую главу курса позитивистской философіи, Контъ впервые развилъ планъ своей философіи, объяснилъ ея цѣль, внутренній духъ и значеніе. Вторую лекцію онъ посвятилъ іерархіи наукъ, а третью — общимъ началамъ математики. Но когда слушатели явились на четвертую лекцію, то имъ объявили, что Контъ боленъ. Въ сущности онъ сошелъ съ ума и пробылъ до 2 декабря въ лѣчебницѣ доктора Эскироля для душевно-больныхъ. Онъ вышелъ изъ больницы, еще не совершенно оправившись, но мало-по-малу его блестящій умъ совершенно вернулся къ нему: онъ сталъ попрежнему писать и заниматься научными изслѣдованіями; а спустя три года, 4-го января 1829 года, онъ возобновилъ прерванный курсъ, и на первой его лекціи, среди прежнихъ выдающихся слушателей, занялъ мѣсто докторъ Эскироль, который съ видимымъ любопытствомъ слѣдилъ за полнымъ выздоровленіемъ своего пациента. Причина этого страннаго и временнаго помраченія столь свѣтлыхъ умственныхъ способностей была тройная: съ одной стороны онъ наслѣдовалъ отъ матери невротическій темпераментъ, съ другой — въ теченіе двухъ мѣсяцевъ чрезмѣрной умственной работы, онъ переутомился, а съ третьей — на него повліяла измѣна жены и удаленіе ея изъ дома. Хотя нѣкоторые біографы Конта отрицаютъ послѣднюю причину и доказываютъ, напротивъ, что жена Конта очень ревностно ухаживала за нимъ во время его болѣзни, но семейныя ссоры несомнѣнно подѣйствовали на умственные способности Конта, и въ то время, какъ онъ сошелъ съ ума, жена не находилась дома; но, узнавъ объ этомъ плачевномъ обстоятельствѣ, она вернулась къ мужу, по какому мотиву — судить трудно, но дѣйствительно она съ замѣчательнымъ усердіемъ ухаживала за нимъ во все время, протекавшее между выходомъ его изъ больницы и совершеннымъ выздоровленіемъ, такъ что Жоржъ Дюма имѣетъ основаніе сказать, что Контъ былъ спасенъ отъ окончательнаго сумасшествія той самой женщиной, которая своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ довела его до болѣзни. Дѣйствительно, самъ Контъ писалъ къ Литрѣ, что поведеніе его жены только въ эту эпоху его жизни заслуживало полного уваженія, и объяснялъ это странное обстоятельство раскаяніемъ въ прежнихъ поступкахъ. Какъ бы то ни было, благодаря уходу жены, Контъ сталъ попрежнему пользоваться своими умственными способностями, и одною изъ первыхъ его заботъ по выздоровленіи было написать краснорѣчивый протестъ противъ системы доктора Эскироля и другихъ психіатровъ, которыхъ онъ упрекалъ въ томъ, что они не находились на высотѣ своей задачи съ интеллектуальной и

нравственной сторонѣ. Впослѣдствіи, на основаніи своего личнаго опыта, Контъ мастерски анализировалъ сумасшествіе, и высказанныя имъ идеи можно встрѣтить у Тэна, Рибо и у болышой части современныхъ психіатровъ.

— Фридрихъ Нитше и его дружба съ Вагнеромъ. Если трѣхъ лѣтъ было достаточно для Конта, чтобы выздоровѣть отъ умственнаго разстройства, то врядь ли другой современный философъ Нитше, уже давно страдающій такимъ же роковымъ недугомъ, когда либо оправится и по примѣру своего французскаго собрата станетъ развивать въ новыхъ трудахъ свое ученіе. Поэтому его поклонники должны довольствоваться сочиненіями, написанными до его болѣзни, и полное собраніе которыхъ издаетъ его сестра г-жа Ферстеръ. Въ прошедшемъ году вышелъ уже X томъ, въ которомъ заключаются опыты и этюды Нитше, а недавно появилась первая часть II тома біографіи Фридриха Нитше, написанная его сестрой и бросающая новый свѣтъ на его жизнь и философскую систему¹⁾. Новый выпускъ этой книги представляетъ любопытный рассказъ о дружбѣ Нитше съ Вагнеромъ, которая, по словамъ г-жи Ферстеръ, была и счастьемъ и трагедіей юныхъ лѣтъ ея брата. Конечно, исторія отношеній между философомъ и композиторомъ изложена въ этой книгѣ съ точки зрѣнія Нитше, но факты и документы приведены авторомъ въ такомъ изобиліи и съ такимъ добросовѣстнымъ безпристрастіемъ, что можно составить себѣ вполне справедливое понятіе о томъ, почему вначалѣ такъ пламенно любили другъ друга эти выдающіеся представители современной Германіи, семь лѣтъ поддерживали свою дружбу и наконецъ разстались врагами. Г-жа Ферстеръ приводитъ между прочимъ очень характерный разговоръ своего брата съ однимъ изъ его учениковъ, который утверждалъ, что любовь, какъ единственная человѣческая страсть, обуславливающая трагическую борьбу, естественно служить обязательнымъ предметомъ всѣхъ романовъ. «Какое заблужденіе! — воскликнулъ Нитше: — основывать каждый романъ на любви устарѣло и надоѣло всѣмъ. Напримѣръ, дружба производитъ въ душѣ такую же борьбу, но гораздо высшей степени. Сначала друзья сходятся, привлекаемые общностью идей, потомъ они ощущаютъ счастье принадлежать другъ другу и питаютъ взаимное уваженіе, общую любовь, а наконецъ возникаетъ мало-по-малу съ одной стороны недовѣріе, а съ другой сомнѣніе въ качествахъ друга, что ведетъ къ болѣзненному чувству, необходимости разлуки, какъ бы та ни была тяжела, и къ тысячѣ другимъ страданіямъ, которыя я даже не могу опредѣлить». Произнося эти слова, Нитше говорилъ на основаніи горькаго опыта и, конечно, имѣлъ въ виду исторію своей дружбы съ Вагнеромъ, которая и въ книгѣ его сестры рассказана именно съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ Нитше на дружбу, въ своемъ разговорѣ съ ученикомъ. Первое знакомство между ними произошло въ 1869 году, когда двадцатипятилѣтній Нитше, еще не окончивъ университетскаго курса, получилъ каеедру классическихъ языковъ въ Базельскомъ университетѣ, а пятидесятилѣтній Вагнеръ находился если не въ апогеѣ своей славы, то въ водоворотѣ той пламенной борьбы, которая возбуждала неистовую вражду и страстный

¹⁾ Das Leben Friedrich Nietzsches, von Elisabeth Förster-Nietzsche. II Band I theil. Leipzig. 1897.

культъ. Сразу молодой студентъ примкнулъ къ числу ревностныхъ поклонниковъ стараго музыканта, и первое его сочиненіе «Начало трагедіи» было посвящено подъ маской исторіи возникновенія греческаго театра—прославленію новаго искусства, проповѣдуемаго Вагнеромъ. Этимъ прославленіемъ искусства будущаго, на почвѣ филологіи, философій и поэзій, Нитше оказывалъ громадную услугу Вагнеру, который считалъ его первымъ своимъ другомъ послѣ жены и писалъ ему, что, для продолженія своихъ музыкальныхъ композицій, ему необходимо почитать книгу друга, такъ какъ лишь она одна вдохновляла его музыкальное творчество. Недовольствуясь этимъ, Вагнеръ написалъ въ «Сѣверо-германской Газетѣ» горячій диопрамбъ сочиненію Нитше, а когда онъ явился въ Барейтъ для закладки знаменитаго театра, то старшій музыкантъ носилъ его на рукахъ и не зналъ, какъ достаточно ублажить своего юнаго друга. Затѣмъ обоюдный культъ все усиливался, и съ одной стороны Нитше писалъ одну философскую книгу за другой, а Вагнеръ создавалъ свои оперы. Но когда наступила минута торжества для творца музыки будущаго и произошло торжественное открытіе его театра, Нитше не выразилъ никакой радости и мрачно бродилъ среди ликующей толпы поклонниковъ своего друга. Дѣло было въ томъ, что философъ сгалъ сомнѣваться въ художникѣ, съ помощью котораго онъ мечталъ открыть свой идеалъ, своего высшаго человѣка. Онъ никакъ не могъ примириться съ католически-реакціоннымъ духомъ Parsifal'я и узкимъ патріотизмомъ Золота Рейна. Мало-по-малу они перестали видѣться, а когда Нитше сталъ въ своихъ сочиненіяхъ открыто возставать противъ того, что Вагнеру казалось святымъ, и гордо отрицать всѣ идеалы, то послѣдній печатно возражалъ противъ ученія своего друга, называя его сатурналией человѣческой мысли. Дружбѣ наступилъ конецъ, и Вагнеръ только пожалѣлъ, что сгало однимъ вагнеристомъ меньше, но Нитше глубоко страдалъ отъ измѣны друга и въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ самыми жестокими сарказмами того, котораго онъ когда-то такъ пламенно прославлялъ. Въ сущности ихъ дружба должна была окончиться такъ печально, потому что въ основѣ ея лежало глубокое недоразумѣніе. Нитше, какъ мыслитель, дорожилъ только идеей, служенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, а Вагнеръ думалъ только о своей славѣ и успѣхахъ своихъ музыкальныхъ произведеній, которыя для Нитше были лишь мостомъ, чтобы проникнуть въ область высшаго мышленія. Въ музыкѣ онъ видѣлъ лишь средство къ достиженію всеобщаго прогресса и превращенія человѣка въ высшее существо, а когда выразитель этой музыки оказался слугою реакціи, да еще религіозной и политической, то онъ, незадумавшись, проклялъ его.

— Письма Тургенева. Въ сентябрьской книжкѣ Cosmopolis окончена вторая серія писемъ И. С. Тургенева, которая печаталась Гальперинъ-Каминскимъ въ пяти номерахъ съ марта мѣсяца ¹⁾). Наибольшее число этихъ писемъ адресовано Эмилію Зола, съ которымъ Тургеневъ находился въ постоянной дѣловой перепискѣ, такъ какъ онъ хлопоталъ о помѣщеніи произве-

¹⁾ Lettres d'Ivan Tourgenoff, publiées et annotées par E. Halporine-Caminsky. Cosmopolis—mars, avril, mai, août, septembre.

дений Зола въ русскихъ журналахъ. Онъ, какъ извѣстно, свелъ автора «Ругоновъ» съ Стасюлевичемъ, и въ «Вѣстникѣ Европы» долго помѣщались его «Парижскія письма», рассказы и романы, причемъ первыя вовсе не появлялись на французскомъ языкѣ, а нѣкоторые изъ послѣднихъ произведеній были напечатаны въ Россіи ранѣе, чѣмъ на родинѣ автора. Тогда Зола еще не пользовался славой и находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ что, по его собственнымъ словамъ «онъ умиралъ съ голода, служилъ предметомъ всеобщей брани и всѣ журналы и газеты отворачивались отъ него». «Въ такомъ-то ужасномъ положеніи находился я, говоритъ онъ, когда Тургеневъ ввелъ меня въ Россію, гдѣ меня очень полюбили». Дѣйствительно успѣхъ статей Зола въ русскомъ журналѣ былъ громадный, и самъ Тургеневъ писалъ ему отъ 24-го января 1876-го года, что «его фельетоны имѣютъ безумный успѣхъ въ Россіи, такъ что онъ, Тургеневъ, былъ вполне правъ, направивъ его дѣятельность въ эту страну». Недовольствуясь ролью посредника между своимъ французскимъ другомъ и Стасюлевичемъ, Тургеневъ, какъ видно изъ его писемъ, старался его сдѣлать также постояннымъ сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и уже заключилъ съ Салтыковымъ условіе о томъ, что Зола будетъ писать въ этомъ журналѣ по четыре статьи въ годъ съ оплатой по 300 франковъ за листъ, но Стасюлевичъ не хотѣлъ допустить, чтобъ такой блестящій парижскій корреспондентъ помѣщалъ письма въ другомъ журналѣ, кромѣ «Вѣстника Европы», а потому возвысилъ цѣну за статьи Зола, и сдѣлка съ Салтыковымъ не состоялась. Кромѣ того, Тургеневъ помѣстилъ переводъ «Assommoir» въ «Новомъ Времени», гдѣ онъ однако прекратился на срединѣ, и хлопоталъ о продажѣ въ Москву за 3,000 франковъ одного изъ его другихъ романовъ. Кромѣ подробностей объ отношеніяхъ Зола къ русской печати, письма къ нему Тургенева, несмотря на то, что ихъ напечатано 51, имѣютъ мало интереса, и, быть можетъ, слѣдуетъ только остановиться на отзывахъ Тургенева о смерти Флобера и о французской пьесѣ Корвина-Крюковского «Княгиня Воровская». О кончинѣ Флобера, съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, Тургеневъ, жившій тогда въ своей деревнѣ, Спасскомъ, узналъ случайно изъ русскихъ газетъ и писалъ Зола отъ 11-го мая 1880 года: «мнѣ нечего вамъ говорить о моемъ горѣ; Флоберъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ я любилъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ; мы лишились въ немъ не только великаго таланта и замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ человека, но и существа, служившаго для всѣхъ центромъ». Что касается до пьесы Корвина-Крюковского, то Тургеневъ называетъ ея сквернымъ французскимъ надѣлемъ и проситъ Зола опровергнуть въ одномъ изъ его драматическихъ фельетоновъ распространенный въ французскихъ газетахъ слухъ, что Корвинъ-Крюковскій былъ представителемъ русскаго театра во Франціи. По словамъ Тургенева, «его первая пьеса, надѣлавшая столько шуму въ Парижѣ, «Данишевы», не могла бы выдержать и одного представленія въ Россіи, и умерла бы подъ громомъ свистковъ, а самъ авторъ не имѣетъ никакой извѣстности въ Россіи и въ русской драматургіи меньше поля». Письма Тургенева къ Жоржъ Зандъ, которую онъ очень любилъ и считалъ своей литературной родительницей, какъ родителемъ онъ признавалъ Гоголя, мало любопытны и лишь свидѣлствуютъ о томъ, что онъ находилъ помѣстье, въ которомъ жила знамо-

нитая романистка, самым предестнымъ уголкомъ на свѣтѣ и постоянно поддерживалъ съ нею тѣсныя дружескія отношенія, именно: посылалъ ей въ подарокъ боченки съ устрицами и дичь, убитую имъ на охотѣ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ только заключается характеристическая фраза: «я не умѣю выражать ни словесно, ни письменно того, что касается меня лично; происходитъ ли это отъ застѣнчивости, или неловкости, я не знаю, но, наврѣмъ, поѣхавъ къ вамъ, въ Ноанъ, я твердо рѣшился объяснить вамъ, какое вы имѣли громадное вліяніе на меня, какъ на писателя, но, увидавъ васъ, я остался почти нѣмымъ». Въ перепискѣ съ Сень-Вѣвомъ, Теофиломъ Готье, Шарлемъ Эдмонъ, Тенномъ и Ренаномъ, также трудно найти хоть фразу, обращающую на себя вниманіе, кромѣ отзыва въ письмѣ къ Ренану о книгѣ послѣдняго «*L'Eglise Chrétienne*»: «Я оканчиваю вашъ послѣдній томъ, писалъ онъ, и чтеніе его приводитъ меня въ восторгъ. Вы освящаете въ моемъ умѣ всѣ эти трудные и щекотливые вопросы; право, я не знаю, чѣмъ больше восхищаться: тонкостью, или точностью вашего психологическаго анализа — если я могу такъ выразиться — организаціи христіанской церкви». Изъ переписки Тургенева съ Мопасаномъ, котораго онъ очень любилъ и цѣнилъ, напечатано только шесть малозначащихъ записокъ, изъ которыхъ интересна только первая, такъ какъ въ ней онъ возражаетъ противъ намѣренія Флобера начать съ его характеристики серію статей въ газетѣ «*Gaulois*» о великихъ иностранныхъ писателяхъ и совѣтуетъ начать этотъ рядъ очерковъ съ Пушкина или Гоголя для Россіи, съ Диккенса для Англіи и Гете для Германіи, а о немъ уже поговорить впоследствии въ своемъ мѣстѣ. Еще менѣе любопытны письма къ композитору Тома, къ Жюлю Кларти, Терье, Бюрти и Рейнаку. Послѣдній былъ частнымъ секретаремъ Гамбетты, и по случаю смерти послѣдняго Тургеневъ просилъ Рейнака возложить на могилу знаменитаго человѣка, котораго лишилась Франція, вѣнокъ отъ имени многочисленныхъ русскихъ, въ знакъ ихъ глубокаго сожалѣнія. Въ найденномъ Гальперинъ-Каминскимъ письмѣ Тургенева къ неизвѣстному лицу, затрогивается любопытный вопросъ о передѣлкѣ романовъ въ пьесы; повидимому, этотъ неизвѣстный французскій литераторъ спрашивалъ позволенія у Тургенева сдѣлать пьесу изъ его «Рудина», и тотъ отвѣчалъ: «я не могу отъ васъ скрыть, что въ принципѣ я встаю противъ передѣлокъ всякаго романа въ пьесу, а тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ, такъ какъ «Рудинъ» — психологическій этюдъ, и его уже старались въ Россіи передѣлать для сцены, но пришлось отказаться отъ этой попытки». Послѣднія письма Тургенева, напечатанныя въ «*Symposium*», адресованы къ переводчикамъ его романовъ, именно: къ Дюрану-Гревиллю, который перевелъ много произведеній Тургенева, между прочимъ, «Повѣ», къ князю Голицыну, переводчику «Дыма», и къ итальянской графинѣ Губернатисъ, которая помѣстила въ журналѣ «*Rivista Europa*» переводъ «Вешнихъ водъ». Всѣ онѣ, конечно, отличаются дѣловымъ характеромъ, но попадаются изрѣдка любопытныя мѣста; такъ въ одномъ изъ писемъ къ Дюрану Тургеневъ предлагаетъ ему перевести рассказы Гаршина, который, по его словамъ, подаетъ всего болѣе надеждъ изъ молодыхъ писателей, а князю Голицыну онъ пишетъ, по поводу вставленныхъ имъ въ текстъ «Дыма» пропусковъ, сдѣланныхъ Катковымъ при печатаніи этого романа въ «Русскомъ

Вѣстникъ»: «я все-таки полагаю, что я лучше патріотъ, чѣмъ тѣ, которые обвиняютъ меня въ недостаточной любви къ отечеству». Въ своихъ отдѣльных предисловіяхъ и общемъ послѣсловіи, надателъ писемъ Тургенева, Гальперинъ-Каминскій, сообщаетъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. По его словамъ, онъ далеко не надалъ всѣхъ писемъ Тургенева, а именно: ему была недоступна, по различнымъ причинамъ, переписка русскаго романиста съ Викторомъ Гюго, Просперомъ Меримэ, Жюлемъ Симономъ, Эдмономъ де-Гонкурромъ, Альфонсомъ Додэ, Эмилемъ Ожье, Эдмономъ Абу, Максимомъ дю-Канъ и госпожей Адагъ. Что касается до обвиненія, заявленнаго въ нѣкоторыхъ газетахъ въ недостаточномъ выборѣ при печатавіи этихъ писемъ, которыя большею частью не интересны и имѣютъ характеръ простыхъ записокъ, то онъ защищается аргументами самаго Тургенева, который, задавая интимныя письма Пушкина къ его женѣ, настаивалъ на важности изданія цѣлкомъ и въ полномъ составѣ подобныхъ драгоценныхъ документовъ. Конечно, Гальперинъ-Каминскій не могъ не упомянуть о знаменитой посмертной ссорѣ Додэ съ Тургеневымъ. Какъ извѣстно, авторъ «Набоба» былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ романистомъ и написалъ о немъ очень сочувственную статью для одного американскаго журнала, но потомъ онъ узналъ стороной, что Тургеневъ отзывался о немъ очень рѣзко въ письмахъ къ Захеръ-Мазоху, и то же подтвердилъ анонимный авторъ «Souvenirs de Tourgeneff». Додэ воспылалъ злобой и сталъ печатно казнить Тургенева, обвиняя его въ измѣнѣ всѣмъ своимъ французскимъ друзьямъ; онъ даже увѣрялъ, что видѣлъ письма Тургенева, въ которыхъ послѣдній отзывался о немъ хуже, чѣмъ объ убійцѣ. Но теперь оказывается, по словамъ Гальперинъ-Каминскаго, что Тургеневъ не зналъ Захеръ-Мазоха и никогда къ нему не писалъ, а потому если Додэ, или кому другому, показывали эти письма, то они были поддѣльны. Что же касается до разоблаченія писемъ, напечатанныхъ въ анонимныхъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ, то ихъ авторъ не заслуживаетъ никакого довѣрія. Въ сущности, какъ справедливо замѣчаетъ Гальперинъ-Каминскій, подкрѣпляя свои слова выпиской изъ письма друга Тургенева, Я. Полонскаго, Тургеневъ никогда не клеветалъ на французскихъ писателей, а всегда гордился ихъ любовью и уваженіемъ. Если же онъ говорилъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Салтыкову, отъ 25-го ноября 1845 г., что «отъ романовъ Гонкура и Зола слишкомъ несетъ литературой, въ чемъ главный ихъ недостатокъ», то это не значило, что онъ клеветаетъ на нихъ, а просто было выраженіемъ его личнаго мнѣнія. По этому вопросу Гальперинъ-Каминскій приводитъ еще отрывокъ изъ письма къ нему Салтыкова, отъ 14-го ноября 1887 г., и словами Салтыкова можно было бы навсегда покончить съ надѣлавшей столько шуму во французской журналистикѣ посмертной ссорой Додэ съ Тургеневымъ: «Я не вижу ничего обиднаго и коварнаго для его друзей въ оцѣнкѣ Тургеневымъ современныхъ французскихъ реалистовъ. Можно сохранять самыя дружескія отношенія и не всѣмъ восторгаться въ своихъ друзьяхъ. Тургеневъ выразился немного грубо, говоря, что отъ литературы Золя и Гонкура слишкомъ несетъ литературой, но вотъ и все. Это мнѣніе онъ высказалъ въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я гово-

рилъ, что эти писатели не реалисты, какъ Гоголь, Диккенсъ и т. д., но психологи, называвшіе себя реалистами. Къ тому же, я никогда не замѣчалъ въ Тургеневѣ ни малѣйшаго слѣда лицемѣрія».

— Посмертное сочиненіе А. Врикнера о Павлѣ I. Хотя вышедшая въ Штуттартѣ книга, подъ заглавіемъ: «Кончина императора Павла I»¹⁾, написана только двумя буквами Н. Р., но германская критика узнала по литературнымъ приемамъ въ авторѣ недавно умершаго русско-нѣмецкаго историка А. Врикнера. Этотъ посмертный трудъ плодовитаго ученаго раздѣляется на двѣ части: въ первой онъ представляетъ сжатый обзоръ всѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, происшедшихъ въ Россіи въ прошедшемъ столѣтіи, а во второй подробно рассказываетъ событія, ознаменовавшія переходъ престола отъ Павла къ Александру, на основаніи существующихъ показаній современниковъ и выдающихся дѣятелей того времени. Всего интереснѣе въ новой книгѣ автора біографіи Петра Великаго и Екатерины II указаніе на всѣ собранные имъ историческіе матеріалы и приводимые имъ отрывки изъ мемуаровъ Ланжерона, напечатанныхъ въ «Revue Britanique», за іюнь 1895 г., воспоминаній Саблукова, появившихся впервые на англійскомъ языкѣ въ августовской и сентябрьской книжкахъ «Fraser's Magazine», за 1865 г., а потомъ переведенныхъ по-французски и по-русски въ сокращенномъ видѣ въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г., мемуаровъ кн. А. Чарторижскаго и записокъ Беннгсена, которыя еще не вышли до сихъ поръ въ подлинникѣ, но извѣстны по подробному извлеченію въ трудѣ Бернгарди. Насколько возможно, Н. К. Шильдеръ, въ первомъ и во второмъ томахъ «Александръ I, его жизнь и царствованіе», уже воспользовался этими рассказами очевидцевъ о томъ, что происходило въ Михайловскомъ замкѣ въ послѣдніе дни царствованія Павла I, но, конечно, Врикнеръ имѣлъ возможность войти въ большія подробности, особенно, налагая по Ланжерону показанія Палена, Беннгсена и великаго князя Константина Павловича. Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго на Александра I кончиною отца, то объ этомъ достаточно сказано въ разныхъ мѣстахъ у Шильдера, а потому въ этомъ отношеніи читатель найдетъ мало новаго у Врикнера. Еще слѣдуетъ упомянуть, что нѣмецкая критика обвиняетъ почтеннаго историка въ чрезмѣрной строгости его сужденій и сожалеетъ, что онъ не обратилъ вниманія на хорошія качества Павла I и на ихъ практическія примѣненія, несмотря на то, что ему были хорошо извѣстны отзывы Гейкинга объ этомъ государѣ.

¹⁾ Kaisers Paul's Ende, 1801. Von N. R. Stuttgart. 1897.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

СМѢСЬ.

ПРИСУЖДЕНІЕ премій митрополита Макарія. 19 октября, въ маломъ конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ, въ часть дня, непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ былъ прочитанъ отчетъ о седьмомъ присужденіи премій митрополита Макарія. На соисканіе въ текущемъ году было представлено 18 сочиненій и 3 отложенныхъ отъ прежняго конкурса. Для разсмотрѣнія ихъ была назначена, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго се-

кретаря Н. Ѳ. Дубровина, особая коммиссія, въ составъ которой вошли: вице-президентъ Академіи Л. Н. Майковъ, и академики: А. Н. Веселовскій, Ѳ. Ѳ. Вейльштейнъ, В. Г. Васильевскій, Ѳ. А. Бредихинъ, бар. В. Р. Розенъ и адъ-юнктъ кн. В. В. Голицынъ. Полной преміей въ 1.500 р. увѣнчано сочиненіе А. А. Измаильскаго: «Влажность почвы и грунтовая вода, въ связъ съ рельефомъ мѣстности и культурнымъ состояніемъ поверхности почвы». Полтава, изданіе 1894 г., разсмотрѣнное по порученію Академіи докторомъ геологій Н. А. Соколовымъ. По отзыву рецензента, огромная площадь черноземныхъ степей южной Россіи, при чрезвычайномъ плодородіи почвы и изобиліи солнечнаго тепла, страдаетъ однимъ крайне существеннымъ для сельско-хозяйственной культуры недостаткомъ — слишкомъ малою влажностью климата и почвы. Этотъ важный недостатокъ черноземной области Россіи, являющійся нерѣдко причиною полныхъ неурожаевъ, давно уже обратилъ на себя вниманіе всѣхъ заинтересованныхъ въ успѣхѣхъ культуры въ этой естественной житницѣ Россіи и даже цѣлой Европы. Поэтому нельзя не признать очень своевременнымъ и важнымъ появленіе труда г. Измаильскаго, посвященнаго именно изслѣдованію влажности почвы и выясненію условій залеганія и питанія грунтовыхъ водъ. Чрезвычайно важною и заслуживающею

исключительнаго вниманія особенностью изслѣдованій г. Измаильскаго является то, что всѣ свои опыты онъ старается поставить въ условія, наиболѣе близкія къ естественнымъ, а главнѣйшія свои наблюденія въ полѣ онъ производилъ систематически въ теченіе круглаго года. Въ заключеніе своей рецензій Н. А. Соколовъ характеризуетъ это сочиненіе такъ. «Весь этотъ многолѣтній тяжелый трудъ авторъ произвелъ совершенно самостоятельно по собственному почину, почти безъ всякой сторонней помощи, въ обстановкѣ, далеко не вполнѣ благопріятствующей научнымъ изслѣдованіямъ, и движимый лишь исключительно горячею любовью къ научнымъ изслѣдованіямъ и стремленіемъ принести посильную пользу сельскому хозяйству черноземной Россіи». Неполныхъ премій въ 1,000 р. присуждено двѣ. Первой изъ нихъ увѣнчанъ трудъ покойнаго заслуженнаго профессора Н. А. Любимова: «Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи». Три части: часть I. С.-Петербургъ, 1892 г.; часть II издан. 1894 г. и часть III издан. 1896 г. Разсмотрѣніе этого сочиненія комиссія поручала своему члену адъютанту Академіи князю Б. В. Голицыну. Исторія физики Н. А. Любимова, нынѣ уже умершаго, представляетъ собою сочиненіе еще неоконченное. Въ настоящее время вышло лишь три его части. По мнѣнію рецензента, разсмотрѣнное имъ сочиненіе «представляетъ собою замѣчательный трудъ какъ по основному своему замыслу, такъ и по содержанію и необычайно ясному, обстоятельному изложенію. Авторъ отводитъ первенствующую роль историческому элементу, но не ограничился узкими рамками одной физики, а захватываетъ въ своемъ изложеніи всю исторію филозофіи природы, въ широкомъ значеніи этого слова. По своему замыслу, этотъ необычайно обширный трудъ выполненъ съ замѣчательною добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла, свидѣтельствуя о громадной эрудиціи автора». Въ заключеніи своей рецензій кн. Б. В. Голицынъ говоритъ: «сочиненіе Н. А. Любимова представляетъ собою капитальный трудъ, существенно обогащающій нашу научно-историческую литературу». Вторая неполная премія въ 1,000 руб. присуждена бывшему російскому посланнику при дворѣ бразильскаго императора А. С. Юнину, который совершилъ большое путешествіе по южно-американскому матеріку и посѣтилъ, между прочимъ, южную виѣтропическую Бразилію, область пампасовъ въ Уругвай и Аргентинской республикѣ. Результатами этого путешествія явилось въ свѣтъ увѣнчанное академіей сочиненіе: А. С. Юнинъ. «По южной Америкѣ». С.-Петербургъ, изд. 1892—1893 г. Разсмотрѣніе этого путешествія принялъ на себя профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета А. И. Воейковъ. Подробное разсмотрѣніе труда А. С. Юнина приводитъ рецензента къ тому заключенію, что изъ книгъ «По южной Америкѣ» наша литература приобрѣла обширное сочиненіе, написанное прекраснымъ языкомъ, — сочиненіе, дающее, помимо правдиваго и въ высшей степени талантливаго описанія видѣннаго авторомъ, еще множество свѣдѣній по исторіи, политическому положенію, этнографіи, сельскому хозяйству, колонизаціи, торговлѣ, горному дѣлу, народному образованію и духовной жизни южно-американскихъ странъ». Почетныхъ отзывовъ удостоены сочиненія: 1. Ал. Ан. Мануиловъ. «Аренда земли въ Ирландіи». Спб. 1896 г. Для разсмотрѣнія этого труда академія обра-
21*

лась къ судѣйствію профессора Императорскаго Московскаго университета А. И. Чупрова. Авторъ разсматриваемаго сочиненія задался мыслію изобразить исторію развитія арендныхъ формъ въ Ирландіи, съ тѣмъ, чтобы изученіемъ исторіи прошлаго осмыслить современныя нужды землевладѣнія и оцѣнить разнообразныя попытки къ его преобразованію. При исполненіи задуманной задачи г. Мануиловъ весьма добросовѣстно разработалъ обширный матеріалъ парламентскихъ изслѣдованій и изданій, коими его предшественники мало пользовались въ литературѣ, а равно изучалъ и записки путешественниковъ. А потому рецензентъ признаетъ эту книгу однимъ изъ крупныхъ вкладовъ въ нашу экономическую литературу за послѣдніе годы. 2. М. И. Михальсонъ—«Ходичія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ иностранныхъ». Второе пересмотрѣнное и значительно пополненное изданіе. Спб. Изд. 1896 г. Трудъ этотъ былъ разсмотрѣнъ проф. А. И. Кирпичниковымъ, который призналъ, что сочиненіе это заслуживаетъ поощрительной преміи, но что въ общемъ для слѣдующихъ изданій г. Михальсону необходимо ближе ознакомиться съ памятниками русскаго народнаго творчества (сказками, былинами, пѣснями и пр.) и ихъ наиболѣе солидными и наименѣе субъективными объясненіями. 3. В. Истринъ—1) «Александрія русскихъ хронографовъ». Москва. 1893 г. и 2) «Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ». Москва, изд. 1893 г. Разсмотрѣнію этихъ сочиненій коммиссія возложила на своего сочлена, академика Ал. Н. Веселовскаго. Въ своемъ трудѣ г. Истринъ задался тѣмъ, чтобы установить взаимныя отношенія славяно-русскихъ текстовъ Сказанія, опредѣлить оригиналъ древняго перевода и заглянуть, насколько возможно, въ первоисточникъ, и выполнилъ эту задачу настолько удачно, что, по мнѣнію рецензента, и по богатству новаго матеріала, и по качеству критическихъ приемовъ труды г. Истрина представляютъ явленіе почтенное, несомнѣнно заслуживающее преміи. 4. Э. Энгманъ — «Оборона современныхъ сухопутныхъ крѣпостей». Спб., изданіе 1895 г. Для разсмотрѣнія этого сочиненія коммиссія обращалась къ судѣйствію инженер-ген.-лейт. А. И. Савельева. Въ представленномъ отзывѣ рецензентъ указываетъ на отдѣльныя упущенія, промахи и погрѣшности, допущенныя авторомъ, но находитъ, что замѣченныя погрѣшности, допущенныя авторомъ, отнюдь не умаляютъ достоинства сочиненія. «Трудъ Энгмана, — пишетъ ген.-лейт. Савельевъ, — по своему содержанию и наложенію принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, достоинства которыхъ даютъ имъ видное мѣсто въ ряду специальныхъ знаній и опредѣляютъ ту пользу, которую они могутъ принести въ практическомъ примѣненіи». 5. Ив. Ивановъ — «Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка». Москва. 1895 г. Оцѣнку этого сочиненія произвелъ профессоръ Н. П. Дашкевичъ; по его мнѣнію, русскіе читатели приобрѣли въ трудѣ г. Иванова полезное пособіе для изученія весьма интересной части литературнаго движенія прошлаго вѣка, и это пособіе достигнетъ, вѣроятно, тѣмъ большаго распространенія, что читается легко и отличается занимательностью. 6. М. В. Везобразова: «Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи» (рукопись). При оцѣнкѣ этого труда Академія воспользовалась судѣйствомъ профессора С.-Петербург-

ской духовной академіи А. Пономарева. Въ своемъ изслѣдованіи г-жа Безобразова разсматриваетъ нѣкоторые древне-русскіе литературные памятники философскаго и богословско-философскаго содержанія. Рецензентъ находитъ въ высшей степени симпатичною мысль автора — заняться изученіемъ философскихъ памятниковъ древне-русской литературы и, отправляясь отъ нихъ, исторически прослѣдить наше философское развитіе и аттестуетъ сочиненіе, какъ заслуживающее преміи. 7. В. Н. Витевскій — «И. И. Пеплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года». Выпуски I—V. Академіи въ своемъ сужденіи объ этомъ сочиненіи имѣла возможность опереться на авторитетный отзывъ покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, по мнѣнію котораго сочиненіе это представляетъ собою въ сущности біографію Пеплюева, въ которой, благодаря обилію матеріаловъ, общпрно изложена дѣятельность его въ Оренбургскомъ краѣ, причемъ для болѣе яснаго пониманія дѣла составлены очерки положенія края предшествовавшаго описываемому времени. Такой трудъ собиранія матеріала заслуживаетъ поощренія, но достоинство труда, какъ произведенія ученаго, оставляетъ желать многаго. Въ заключеніе, за труды по оцѣнкѣ сочиненій получили признательность Академіи: профессоръ императорскаго университета св. Владиміра Н. И. Дашкевичъ, Т. Д. Флоринскій и П. В. Владиміровъ, Н. А. Бородинъ; профессоръ Ѳ. Ѳ. Витрамъ, генералъ-майоръ А. Ѳ. Редигеръ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Пономаревъ, профессоръ императорскаго Московскаго университета А. И. Чуиловъ, профессоръ императорскаго Новороссійскаго университета А. И. Киршичиновъ, дѣйств. статск. совѣтн. К. К. Арсеньевъ, инженеръ генералъ-лейтенантъ А. И. Савельевъ, докторъ геологін Н. А. Соколовъ и профессора императорскаго С.-Петербургскаго университета В. В. Докучаевъ и А. И. Воейковъ.

Присужденіе Уваровскихъ премій. Въ малой конференцъ-залѣ императорской Академіи Наукъ былъ прочитанъ 25-го сентября, въ 12 часовъ дня, отчетъ о тридцати девяти присужденіи наградъ графа Уварова. Предсѣдательствовалъ академикъ В. В. Радловъ. Отчетъ прочитанъ былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи Н. Ѳ. Дубровиннымъ. На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 15 сочиненій, изъ коихъ три, за недоставленіемъ рецензій, отложены до слѣдующаго конкурса. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента академіи Л. Н. Майкова и гг. академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, В. Г. Василевскаго, А. А. Кунника и А. А. Шахматова. Первая премія въ 1.000 рублей присуждена разсмотрѣнному академикомъ А. Н. Веселовскимъ сочиненію члена-корреспондента академіи Ив. Ник. Жданова «Русскій былевой эпосъ». Сиб., изд. 1895 года. Въ книгѣ профессора Жданова, — говоритъ рецензентъ, — соединены пять этюдовъ, появившихся разновременно въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ («Живая Старина», «Журналъ Минстерства Народнаго Просвѣщенія») и посвященныхъ, каждый, разбору одной какой нибудь былинны или былевого сюжета. Въ предисловіи высказано нѣсколько взглядовъ на отношенія эпической пѣсни къ ея историческимъ, бытовымъ, сказочнымъ и литературнымъ источникамъ; отдѣльные этюды являются какъ бы доказательствомъ общихъ положеній, а

виѣсть и матеріаломъ, изъ которыхъ они извлечены. Объ этихъ положеніяхъ, выраженныхъ ясно, но нѣсколько лаконично, можно спорить, опираясь отчасти на книгу самого автора, но это—вопросъ частной критики; въ общемъ новый трудъ проф. Жданова отличается тѣми же достоинствами метода, какъ и его первая диссертация «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи». Сдѣлавъ подробный разборъ этого труда и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, рецензентъ тѣмъ не менѣе заключилъ свой отзывъ тѣмъ, что работа въ области былевого эпоса заслуживаетъ полной преміи графа Уварова. Неполная премія въ 500 рублей присуждена сочиненіямъ: I. Аполл. Семен. Кроткова, генералъ-майора, — «Ваятіе шведской крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ Петромъ Великимъ въ 1702 году». С.-Петербургъ, изд. 1896 года. Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя Степ. Ѳедор. Огородниковъ. Основанное на изученіи печатныхъ источниковъ и на критическомъ къ нимъ отношеніи, сочиненіе г. Кроткова составляетъ весьма обстоятельный историческій трудъ, несмотря на то, что автору, при его изслѣдованіяхъ, не пришлось ни разу прибѣгать къ непосредственному источнику, т.-е. къ архивамъ. Въ нашей морской исторической литературѣ, — говоритъ рецензентъ, — сочиненіе г. Кроткова представляетъ совершенно новый взглядъ на дѣятельность Петра при завоеваніи Нотебурга, такъ какъ предшествующіе писатели ваятіе этой крѣпости приписывали неожиданности появленія Петра съ русскими войсками, перешедшими чрезъ топи и болота Кореліи на берега Невы въ такое время, когда шведы, видимо, не ожидали этого нападенія. Посѣщеніе же Петромъ Великимъ Архангельска въ 1702 году ставилось въ связи съ этою блестяще исполненною военною операціею. «Изслѣдованіе г. Кроткова, — говоритъ въ заключеніе С. Ѳ. Огородниковъ, — по полнотѣ приведенныхъ свѣдѣній, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую науку, не усматривавшую, до настоящаго времени, видимой связи между предпринятымъ въ 1702 году Петромъ путешествіемъ въ Архангельскъ и ваятіемъ шведской крѣпости Нотебурга. Неотъемлемая заслуга автора состоитъ именно въ доказательствѣ существованія этой связи, почему и нахожу справедливымъ рекомендовать благосклонному вниманію императорской Академіи Наукъ сочиненіе г. Кроткова, и полагаю, что оно вполнѣ заслуживаетъ преміи». II. Григорій Александровичъ Воскресенскій: 1) «Характеристическія черты, четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто-двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв.». Москва, изд. 1896 г. 2) «Древне-славянскій апостолъ. Посланія св. апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи апостола XII—XVI вв.». Сергіевъ посадъ, изд. 1892 г. 3) «Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангелійскаго текста съ разночтеніями изъ ста-восьми рукописей Евангелія XI—XVI вв.». Сергіевъ посадъ, изд. 1894 г. Рецензія на эти сочиненія составлена профессоромъ Пѣтрипскаго историко-филологическаго института М. Н. Сперанскимъ. Въ то же время Академія, усмотрѣвъ немаловажныя достоинства въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, представленныхъ на преміи графа Уварова, положила, за

ограниченнымъ числомъ денежныхъ наградъ, присудить имъ почетные отзывы. Сочиненія эти слѣдующія: I. Васил. Тимоф. Георгіевскій. «Флорпцева пустынь». Историко-археологическое описаніе съ рисунками. Вязники, издан. 1896 года. Оцѣнку этого сочиненія обязательно принялъ на себя профессор С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскій. Г. Георгіевскій собралъ какъ рукописный, такъ и печатный матеріалъ, привелъ его въ стройный порядокъ и, такимъ образомъ, далъ вѣрное понятіе о Флорпцевой пустыни. II. Влад. Георг. Щегловъ. «Государственный совѣтъ въ царствованіе императора Александра I». Историко-юридическое изслѣдованіе. Выпускъ I, изд. 1895 г. Для разсмотрѣнія вышеозначеннаго изслѣдованія коммиссія обращалась къ содѣйствію приватъ-доцента императорскаго С.-Петербургскаго университета М. И. Свѣшнікова. Историко-юридическое изслѣдованіе государственнаго совѣта въ царствованіе императора Александра I-го, сдѣланное проф. Щегловымъ, по отзыву рецензента, «есть только часть работы, предпринимаемой почтеннымъ профессоромъ и посвященной изслѣдованію государственнаго совѣта въ Россіи. Разсмотрѣніе труда проф. Щеглова приводитъ рецензента къ заключенію, что вышеозначенное сочиненіе представляетъ собою не столько историко-юридическое изслѣдованіе, сколько «собраніе различныхъ, весьма интересныхъ и добросовѣстно приведенныхъ свѣдѣній о нашихъ высшихъ учрежденіяхъ XVIII и первой четверти XIX вв.». Въ виду того, что, по признанію проф. Свѣшнікова, «трудолюбіе автора, тщательное изученіе первоисточниковъ литературы въ всякаго сомнѣнія», Академія признала возможнымъ удостоить трудъ проф. Щеглова почетнымъ отзывомъ. III. Евг. Вяч. Пѣтуховъ: 1) «Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и воспитаніи чадъ». Спб. 1893 г. 2) Очерки изъ литературной исторіи Синодика: а) Судьбы текста чина православія на русской почвѣ до половины XVIII вѣка и б) Литературные элементы Синодика, какъ народнои книги въ XVII и XVIII вв. Изд. 1895 г. Для оцѣнки этого сочиненія академія обращалась къ содѣйствію проф. А. Н. Соболевскаго. По присужденіи премій, коммиссія, во изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные ими труды, положила благодарить гг. рецензентовъ: проф. В. А. Вильбасова, проф. императорскаго С.-Петербургскаго университета А. Н. Соболевскаго и приватъ-доцента М. В. Свѣшнікова; проф. С.-Петербургской духовной академіи Н. П. Покровскаго и Пл. П. Жуковича; секретаря императорскаго русскаго археологическаго общества В. Г. Дружинина, проф. императорскаго Харьковскаго университета Н. Θ. Сумцова; подполковника С. Θ. Огородникова; проф. императорскаго Александровскаго лиція Н. А. Шляпкина; отдѣльнаго цензора въ Ревелѣ Г. Г. Труссмана; проф. Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородка М. Н. Сперанскаго. Выбѣтъ съ тѣмъ, на основаніи § 15 Положенія о наградахъ графа Уварова, коммиссія положила назначить отъ имени академіи золотыя Уваровскія медали: С. Θ. Огородникову, А. Н. Соболевскому, В. Г. Дружинину, М. Н. Сперанскому, Н. Θ. Сумцову и Н. А. Шляпкину.

Преміи императора Петра Великаго. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія въ нынѣшнемъ году присуждены слѣдующія преміи имени императора Петра Великаго, учрежденныя при этомъ министерствѣ:

большая премія въ 2,000 руб.— преподавателю одесской Ришельевской гимназіи, А. П. Флерову, за книгу, подъ заглавіемъ «Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ», и малая премія въ 500 руб.— ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, Н. Н. Ланге, за рукописное сочиненіе, подъ заглавіемъ «Учебникъ логики».

С.-Петербургское археологическое общество. 19-го сентября, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Платонова. Н. К. Рерихъ прочиталъ рефератъ о произведенныхъ имъ нынѣшнимъ лѣтомъ раскопкахъ въ Царскосельскомъ уѣздѣ, на мызѣ Извара, гдѣ обнаружены были неизвѣстныя каменные фигуры, сходныя нѣсколько съ каменными мѣтками древнихъ востовъ; референтъ высказалъ предположеніе, не имѣютъ ли его находки отношенія къ древностямъ Води, погребенія которой пока неизвѣстны, такъ какъ курганы у Пюхтицы и Мануйсова, о которыхъ прежде думали, что они принадлежатъ Води, едва ли не славянскаго происхожденія. Затѣмъ С. Θ. Платоновъ прочиталъ рефератъ: «Къ исторіи опричнины XVI вѣка». Референтъ точно опредѣлилъ постепенно нарастающую территорію опричнины и затѣмъ остановился на цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ Іоантъ Грозный при введеніи этого страшнаго учрежденія. Опричнина не была удаленіемъ главы государства отъ государства, какъ выражался С. М. Соловьевъ, она дѣйствовала не противъ лицъ, какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому опричнина была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій: она имѣла въ виду создать новое дворцовое хозяйство, лишить политическаго авторитета потомство удѣльных князей и сосредоточить въ непосредственномъ вѣдѣніи царя главнѣйшіе доходы государства. А. А. Сипицынъ представилъ нѣсколько соображеній по вопросу о мѣстоположеніи Стараго Сарая. Старый Сарай долженъ находиться близъ гор. Царевѣ, а Новый — близъ с. Селитренаго. Въ заключеніе, кн. П. А. Путятинъ ознакомилъ собраніе съ предметами древности, видѣнными имъ въ музеѣ г. Намюра, особенно богатомъ собраніемъ древнихъ эмалей.

Московское археологическое общество. 21-го сентября, состоялось первое послѣ каникулярнаго перерыва засѣданіе, посвященное памяти недавно скончавшихся членовъ Θ. И. Вуслаева и В. С. Румянцева. Передъ открытіемъ засѣданія, въ присутствіи предсѣдателя общества, гр. П. С. Уваровой, многочисленнаго собранія членовъ и постороннихъ посѣтителей, преимущественно студентовъ университета, была отслужена панихида по Θ. И. Вуслаеву и В. Е. Румянцеву, а затѣмъ, открывая засѣданіе, предсѣдатель въ краткомъ, но прочувствованномъ словѣ перечислилъ заслуги, оказанныя обществу скончавшимися почетными членами. Профессоръ В. Θ. Миллеръ обрисовалъ Θ. И. Вуслаева, какъ замѣчательнаго ученаго и какъ человѣка, посвятившаго свою жизнь исключительно горячо любимымъ имъ наукамъ и искусству, и перечислилъ многочисленныя и многосторонніе труды покойнаго. В. П. Сизовъ прочелъ воспоминаніе, посвященное памяти В. Е. Румянцева, втеченіе многихъ лѣтъ трудившагося въ обществѣ въ званіи секретаря, позже — товарища предсѣдателя и затѣмъ какъ редактора ученыхъ трудовъ общества. Рече-

ферентъ привелъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ покойнаго. Закрывая засѣданіе, гр. П. С. Уварова сообщила, что ею за последнее время получено было нѣсколько писемъ, въ которыхъ выражается неодобреніе обществу за согласіе послѣдняго перестроить и исказить древнюю церковь Успенія, что въ Печатникахъ. Чтобы снять съ общества незаслуженныя нареканія, она заявила, что перестройка названной церкви производится безъ разрѣшенія общества, которое, напротивъ, не соглашалось на искаженіе церковнаго памятника, а по разрѣшенію святѣйшаго синода и археологической комиссіи.

С.-Петербургское историческое общество. 24-го сентября, состоялось первое, послѣ лѣтнихъ каникулъ, собраніе членовъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. П. Карѣва. Назначенный по программѣ рефератъ предсѣдателя общества «о современномъ состояніи социологій» привлекъ многочисленную публику. Начавъ съ историческаго обзора развитія социологій, профессоръ Карѣвъ отмѣтилъ общіе принципы и организацію общественныхъ наукъ, останавливаясь при этомъ на борьбѣ, имѣющей и имѣющей мѣсто среди ихъ инициаторовъ, вслѣдствіе разногласія во взглядахъ и мнѣніяхъ. Упомянувъ нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ социологовъ, г. Карѣвъ охарактеризовалъ ихъ дѣятельность и перечислилъ ихъ научные труды. Далѣе профессоръ ознакомилъ слушателей съ ходомъ организаціи и учрежденія социологическихъ обществъ, члены которыхъ дали имъ извѣстное направленіе и движеніе. Переходя отъ характеристики французскихъ социологовъ къ нѣмецкимъ и т. д., проф. Карѣвъ, между прочимъ, остановился и на русскомъ Новиковѣ и Ковалевскомъ. Г. Карѣвъ разсмотрѣлъ существованія и существующія школы: органическую и экономическую, психологическую и др. Въ заключеніе, въ рефератѣ было указано на социологическіе журналы, съѣзды, на значеніе ихъ въ развитіи социологій. По болѣзни докладчика, второй докладъ не состоялся. Объявивъ объ единогласномъ выборѣ въ число членовъ общества А. М. Ловягина и М. А. Поліевктова, предсѣдатель объявилъ собраніе закрытымъ.

Географическое общество. 17-го сентября, въ день столѣтія рожденія основателя географическаго общества, адмирала графа Ф. П. Литке, состоялось торжественное собраніе, посвященное чествованію памяти покойнаго. Въ залѣ собранія былъ помѣщенъ портретъ основателя общества, украшенный вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а вокругъ него были уставлены тропическія растенія. Открывая собраніе, генералъ Тилло обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой указалъ на цѣль собранія — почтить память того, кому географическое общество обязано своимъ возникновеніемъ. Хотя идея учрежденія общества собственно принадлежитъ не графу Литке, но онъ первый оцѣнилъ значеніе этой мысли, приложилъ всѣ старанія для ея осуществленія, благодаря характеризующей его энергіи, провелъ ее въ жизнь при исключительныхъ условіяхъ и явился, такимъ образомъ, отцомъ географическаго общества. Канцелярскія дѣла архива общества доказываютъ, сколько заботился объ обществѣ и сколько потрудился на его пользу покойный. Для характеристики отношенія графа Литке къ дѣлу учрежденія общества генералъ Тилло прочелъ рѣчь покойнаго въ день открытія общества въ 1845 г., въ которой графъ намѣтилъ широкую программу будущей дѣятельности, указавъ, что ака-

демя сдѣлала все, что могла; но сдѣлать можно было больше: это «больше», по его мнѣнію, и осталось додѣлать учреждаемому обществу. Заканчивая свою рѣчь, генераль Тилло предложилъ присутствовавшимъ выслушать докладъ дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества, крестника покойнаго графа Литке, барона Ф. Ф. Врангеля, который подробно описалъ жизнь и указалъ научныя заслуги графа Литке.

Посѣщеніе Вильны Петромъ Великимъ. Въ фельетонѣ «Виленаго Вѣстника» помѣщенъ, — на основаніи одной старинной рукописи, хранящейся въ виленакомъ музеѣ, — разсказъ о первомъ посѣщеніи Вильны Петромъ I. Это было въ 1705 году, въ разгаръ борьбы Петра съ Швеціею и, вмѣстѣ, въ разгаръ борьбы двухъ претендентовъ за польскій престолъ. Петръ заналъ Вильну съ 50 тысячнымъ войскомъ и встрѣтилъ радушный пріемъ отъ сторонниковъ Августа II. Государь благодарилъ ихъ и угощалъ медомъ, виномъ, водкою, заставляя пить за здоровье короля Польши и свое. Епископъ виленакій Вржостовскій, съ епископами-суфраганами и цѣлымъ канцлудомъ, явился тоже съ почтеніемъ. Петръ вышелъ къ нему навстрѣчу, указалъ ему мѣсто за столомъ около себя и вообще былъ весьма любезенъ; но вдругъ Вржостовскій имѣлъ неосторожность напомнить Петру о жестокомъ будто бы его обращеніи съ полоцкими базилианами. Петръ вспыхнулъ и насильно заставилъ епископа пить. Только просьбы Огинскаго, бросившагося къ ногамъ государя, спасли Вржостовскаго, которому Петръ велѣлъ выйти. Петръ Великій, живя въ Вильнѣ, не только изучалъ городъ, но и посѣщалъ всѣ учрежденія. Съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ онъ іезуитскую академію, присутствовалъ на экзаменахъ и былъ на диспутѣ, рѣшеніе котораго онъ слушалъ въ главномъ трибуналѣ. Императоръ Петръ, дождавшись окончанія преній, происходившихъ на польскомъ языкѣ, принялъ угощеніе іезуитовъ. Въ Пятницкой церкви Петръ служилъ благодарственное молебствіе за одержанную побѣду и подарилъ этой церкви знамя, отнятое у шведовъ. Въ этой же церкви Петръ крестилъ африканца Ганнибала. Выступивъ въ походъ по направленію къ Гродно, онъ остановился на пути въ имѣніи нѣкоего шляхтича Ильдевича, со словъ котораго и его сородичей и написана виленакая рукопись. Петръ жалалъ сохранить свое инкогнито, но вступилъ въ бесѣду съ хозяиномъ дома. «Есть ли въ твоёмъ домѣ тараканы?» — такой вопросъ слышалъ я уже нѣсколько разъ и, не зная, зачѣмъ имъ нужно этихъ противныхъ животныхъ, отвѣтилъ: «Къ несчастію, ни у насъ, ни въ цѣлой Литвѣ не водятся эти звѣри, развѣ только въ тѣхъ парафіяхъ (приходахъ), гдѣ поселились русины». — Засмѣявшись на это, онъ сказалъ: — «Но вѣдь это, другъ мой, не звѣри, а отвратительные и вредные жуки». — Быть можетъ, замѣтилъ я, но мы ихъ не знаемъ. — «Къ чему ты отдалъ москалямъ корову? Можетъ быть, она была тебѣ нужна», — спросилъ опять высокій мужчина. — Нисколько; я ее откармливалъ подъ ножъ, п очень доволенъ, что пригодились на вашу кухню, тѣмъ болѣе, что за все забранное у меня заплачено выше стоимости. Я несказанно радъ имѣть счастье и честь видѣть въ своемъ домикѣ такихъ высокихъ гостей. «А кого? знаешь ли?» — спросили оба. — «Я не имѣю чести знать вашихъ фамилій», — сказалъ я, — но по всему, что вижу, долженъ судить, что вы занимаете высокіе посты. Изви-

няюсь, если не умѣю ихъ титуловать по достоинству, но прошу вѣрить, что душевно радъ видѣть такія высокія особы. Толстый господинъ заливался смѣхомъ, а высокій взялъ меня за руку, пожалъ се крѣпко и сказалъ:— «Я вижу, господинъ Ильцевичъ, что ты не только по названію благородный, но имѣешь и благородное сердце». Затѣмъ онъ началъ разспрашивать о разныхъ мѣстныхъ предметахъ. Послѣ трехдневнаго отдыха Петръ и армія двинулись дальше. Петръ передъ самымъ отъѣздомъ велѣлъ меня позвать и, поблагодаривъ вѣжливо за гостепріимство, спросилъ, не имѣю ли я къ нему какойнибудь просьбы. — Ничего болѣе не желаю, какъ воспоминанія на бумагѣ о посѣтившемъ меня счастьи, воспоминанія, которое могло бы обезнечить спокойствіе и безопасность моего дома въ настоящее военное время. — «Хорошо», — отвѣтилъ Петръ. Садясь же въ экипажъ, онъ велѣлъ мнѣ приблизиться, пожалъ мою руку и, вручая мнѣ бумагу съ печатью, произнесъ при этомъ пріятыя на русскомъ языкѣ прощальныя слова». Затѣмъ Петръ выдалъ Ильцевичу охранный листъ, который въ то смутное время имѣлъ особенное значеніе тѣмъ, что охранялъ владѣльца хотя бы отъ реквизицій русскихъ войскъ, безпрестанно то уходившихъ, то приходившихъ въ край, смотря потому, какой оборотъ принимала война со шведами, и кто одерживалъ верхъ.

Къ біографіи Н. С. Мочалова. Въ нѣсколькихъ газетахъ напечатано слѣдующее заявленіе А. А. Ярцева: «Приготовляя къ печати (для «Ежегодника Императорскихъ театровъ») біографію знаменитаго русскаго актера Н. С. Мочалова, со дня смерти котораго въ будущемъ году минетъ пятьдесятъ лѣтъ, имѣю честь обратиться къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ сохранились какія либо воспоминанія, документальныя данныя, рукописи сочиненій Мочалова, письма и т. п., касающіяся Мочалова, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ сообщеніи мнѣ упомянутыхъ свѣдѣній (не бывшихъ въ печати) или въ указаніи лицъ и мѣстъ, гдѣ можно получить эти свѣдѣнія. Настоящее письмо вызывается исполнѣ понятнымъ желаніемъ придать біографіи гениальнаго артиста наибольшую полноту и тѣмъ обстоятельствомъ, что бумаги Мочалова, его переписка, рукописи и проч., по свидѣтельству его дочери, исчезли куда-то вскорѣ послѣ его смерти, и отыскать слѣды всего этого возможно только путемъ широкаго оглашенія вышеупомянутой просьбы. Адресъ для сообщеній: Москва, Малая Бронная, д. Воскресенской церкви, А. А. Ярцеву. Другія столичныя и провинціальныя газеты покорнѣйше прошу не отказать въ перепечаткѣ этого письма».

Десятилѣтіе журнала «Игрушечка». 31-го октября, исполнилось десятилѣтіе со времени изданія дѣтскаго журнала «Игрушечка» А. Н. Толивѣровой-Пѣшковой. Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1880 году извѣстной писательницей Т. П. Пассекъ и сначала имѣлъ большой успѣхъ; но преклонный возрастъ и затѣмъ тяжкая, продолжительная болѣзнь г-жи Пассекъ явились одной изъ главныхъ причинъ упадка журнала, который сталъ выходить неаккуратно, сдѣлался безцвѣтнымъ, неинтереснымъ и едва влачилъ свое существованіе. Видя невозможность продолжать изданіе журнала, г-жа Пассекъ передала его А. Н. Толивѣровой-Пѣшковой, взгляды которой на дѣтскую литера-

туру она вполне раздѣляла. Новая издательница приняла журналъ всего съ 200 подписчиками. Нужно было имѣть много энергіи, увѣренности въ своихъ силахъ и любви къ дѣлу, чтобы взяться за него при такихъ условіяхъ. Пользуясь симпатіями въ литературной и художественной средѣ, г-жа Толнѣвцова-Пѣшкова нашла горячую поддержку со стороны многихъ выдающихся писателей и художниковъ, и теперь, послѣ десятилѣтнихъ, неутомимыхъ трудовъ, ей удалось сдѣлать изъ «Игрушечки» одинъ изъ самыхъ видныхъ и распространенныхъ журналовъ для дѣтей младшаго возраста. Подъ новой редакціей онъ пополнился отдѣлами «Для малютокъ» и педагогическимъ изданіемъ «На помощь матерямъ». Кромѣ русскихъ, въ немъ помѣщаются рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, даются иллюстрированныя црѣмѣи и образцы ручныхъ работъ, что дѣлаетъ журналъ весьма разнообразнымъ и увеличиваетъ его педагогическое значеніе. По мѣрѣ успѣха журнала, г-жа Толнѣвцова-Пѣшкова расширяла и улучшала его. Наконецъ, съ нынѣшняго года начала издаваться иллюстрированная библіотека «Игрушечки». Пока выпущено шесть изящныхъ книжекъ, составленныхъ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета Ю. Н. Вагнеромъ, гдѣ въ популярномъ, доступномъ для дѣтей, изложеніи описаны: вода, воздухъ, огонь, небо, земля и мѣръ животныхъ и растеній. Лучшей рекомендаціей журнала и подтвержденіемъ приносимой имъ пользы можетъ служить полученное «Игрушечкой» одобреніе министерства народнаго просвѣщенія, вѣдомства императрицы Маріи и святѣйшаго синода.

† А. Л. Зиссерманъ. 4 сентября, въ своемъ Тульскомъ имѣніи, внезапно скончался отъ несчастнаго случая Арнольдъ Львовичъ Зиссерманъ, заслуженный «старый кавказецъ», авторъ многихъ военно-историческихъ трудовъ, давнишній сотрудникъ «Новаго Времени», «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника» и другихъ періодическихъ изданій. Покойный, сынъ дворянина Подольской губерніи, родился 23 ноября 1824 года и, послѣ домашняго образованія, поступилъ съ 1842 года на гражданскую службу въ Тифлисъ. Тогдашняя безпрерывная война съ горцами скоро увлекла его въ ряды славной кавказской арміи: по высочайшему повелѣнію онъ былъ прямо произведенъ въ корнеты и съ той поры почти двадцать пять лѣтъ (1842—1866 гг.) прослужилъ въ разныхъ частяхъ кавказскихъ войскъ, принимая живое участіе во многихъ экспедиціяхъ и походахъ, особенно подъ знаменемъ Кабардинскаго полка и подъ начальствомъ князя А. И. Барятинскаго. Какъ непосредственный участникъ и зоркій наблюдатель этой долгой борьбы съ горцами, покойный, еще находясь на службѣ, съ 1846 года, началъ печатать свои первыя статьи, посвященные тогдашней боевой кавказской жизни: то были «Письма съ линіи», помѣщенные въ газетѣ «Кавказъ». Затѣмъ, въ пятидесятихъ годахъ, кромѣ постоянныхъ корреспонденцій съ мѣста военныхъ дѣйствій, изъ-подъ пера его вышелъ рядъ статей, напечатанныхъ въ «Современникѣ», какъ, напримѣръ: «Десять лѣтъ на Кавказѣ» (1854 г., кн. 9—11), «Современное состояніе Кавказа» (1857 г., кн. 11), «Военныя дѣйствія на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи» (1858 г., кн. 1; 1859 г., кн. 11) и «Очеркъ послѣднихъ военныхъ дѣйствій на Восточномъ Кавказѣ» (1860 г., кн. 7). По выходѣ въ отставку съ чиномъ полковника, А. Л. Зиссерманъ особенно отдался изученію военной исторіи Кавказа и воспо-

минаніямъ о своей жизни, проведенной на этой окраинѣ среди боевой дѣятельности. Къ такимъ трудамъ покойнаго относились: «Осада Казы-Муллой Бурной и Дербента въ 1831 году» («Русскій Вѣстникъ» 1864 г., кн. 12), «Матеріалы для исторіи Кавказской войны (1872 г., кн. 10; 1873 г., кн. 10), «Полемика о кн. Воронцовѣ и Муравьевѣ» (1874 г., кн. 11) «Поѣздка на Кубань» (1875 г., кн. 12), «Путевыя замѣтки» («Московскія Вѣдомости» 1874 г., № 313 и «Русскій Вѣстникъ» 1876 г., кн. 11), «Отрывки изъ моихъ воспоминаній» («Русскій Вѣстникъ» 1876 г., кн. 3, 4, 12; 1877 г., кн. 1—7; 1878 г., кн. 2—4, 6 и 7), «О первомъ походѣ за Балканы» (1878 г., кн. 3), «Военно-историческіе очерки» (1877 г., кн. 4, 7, 8; 1879 г., кн. 6), «Памятники кн. А. И. Барятинскаго» («Московскія Вѣдомости» 1879 г., № 53) и «Кавказскія воспоминанія» («Русскій Архивъ» 1884 и 1885 гг.). Наибольше же важными и обширными трудами покойнаго явились: «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ» (1842—1867 гг., двѣ части, Спб., 1879 г.), «Исторія 80 пѣхотнаго Кабардинскаго князя Барятинскаго полка» (Спб., 1881 г., три тома) и «Біографія фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго» (М., 1889 — 1891 г., три тома). Въ послѣднія восемь лѣтъ (съ 1889 года) А. Л. проживалъ почти безвыѣздно въ своей усадьбѣ при селѣ Лутовиновѣ (Тульской губерніи) и горячо заботясь о мѣстныхъ крестьянахъ, уже парѣдка печаталъ свои небольшія статьи въ «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ». Одною изъ послѣднихъ его литературныхъ работъ оказались «Дрезденскія письма» — плодъ наблюденій покойнаго надъ современнымъ сельскимъ бытомъ — помѣщенные въ «Русскомъ Обзорѣніи» (1893 г., кн. 9; 1894 г., кн. 3 и 4). («Моск. Вѣд.» № 248, «Нов. Вр.» № 7737).

† **Бар. В. В. Штейнгель.** 8-го сентября, въ С.-Петербургѣ, скончался, послѣ продолжительной болѣзни, членъ военно-учебнаго комитета главнаго штаба генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Вячеславъ Владиміровичъ Штейнгель. Покойный родился 12-го мая 1823 года. По окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ началъ службу въ 1842 году въ л.-гв. Егерскомъ полку, въ которомъ онъ былъ ренетиторомъ математики и воспитателемъ, затѣмъ съ 1850 года по 1858 годъ инспекторомъ въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ. Въ 1858 году покойный былъ назначенъ редакторомъ «Россійской военной хроники». Въ это время имъ составлены цѣнныя хронологическія таблицы всѣхъ частей войскъ Россіи съ 1550 до 1890 г. Въ этомъ изданіи помѣщены краткія біографіи каждой военной части полка. Затѣмъ В. В. издалъ альбомъ всѣхъ формъ Россійскихъ военныхъ частей. Когда редакція «Россійской военной хроники» слилась съ магазиномъ образцовыхъ вещей въ одно учрежденіе — «Музеумъ главнаго интендантскаго управленія», В. В. былъ назначенъ управляющимъ этого музеума. Одновременно онъ принималъ участіе во многихъ специальныхъ военныхъ комиссіяхъ и комитетахъ. Вскорѣ послѣ уничтоженія должности управляющаго музеумомъ, В. В. былъ назначенъ членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба и трудился въ этомъ званіи въ продолженіе 15-ти лѣтъ. Покойный считался однимъ изъ знатоковъ исторіи военныхъ костюмовъ. Послѣ него осталось много цѣнныхъ бумагъ, въ числѣ которыхъ находятся воспоминанія его дѣда, бывшаго въ числѣ декабристовъ. За полезную и ревностную службу В. В. имѣлъ много наградъ («Нов. Вр.» № 7736; «Моск. Вѣд.» № 252).

† Ки. Е. С. Горчакова. 5-го сентября, въ Москвѣ, скончалась фрейлина, княжна Елена Сергѣевна Горчакова, бывшая въ продолженіе тридцати двухъ лѣтъ главной надзирательницей третьей московской женской гимназіи. Она была, кромѣ того, учредительницею общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ и болѣе 15-ти лѣтъ предсѣдательницей этого общества. Свои досуги Е. С. посвящала литературной дѣятельности. Ею написано нѣсколько стихотвореній, изданныхъ въ 1879 году отдѣльною книжкою; напечатаны «Воспоминанія о Кремлѣ» и рядъ описаній монастырей и церквей. Свои небольшія статьи она помѣщала въ журналахъ: «Воскресный день» и «Кормчій». Покойная издала, между прочимъ, сочиненія съ біографическимъ очеркомъ своего родственника князя Д. П. Горчакова. Умерла Е. С. на 74-мъ году отъ роду. («Нов. Вр.» № 7735).

† А. К. Саврасовъ. 26-го сентября, скончался въ Москвѣ одинъ изъ нѣвѣстныхъ русскихъ пейзажистовъ, академикъ живописи Алексѣй Кондратьевичъ Саврасовъ. Покойный родился въ 1830 году. Онъ былъ сыномъ богатаго московскаго торговца. Образование получилъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, въ которомъ проявилъ блестящія усилія по рисованію. Въ 1850 году онъ представилъ одну изъ первыхъ своихъ картинъ «Видъ московскаго Кремля при лунѣ» въ академію художествъ и получилъ за нее званіе художника. Затѣмъ въ 1854 былъ удостоенъ званія академика живописи за виды изъ окрестностей Ораніенбаума. Блестящимъ періодомъ художественной дѣятельности покойнаго были 70 годы, когда на академическихъ выставкахъ появились его замѣчательные пейзажи: «Грачи прилетѣли», «Лосинный островъ», «Печерскій монастырь въ Нижнемъ Новгородѣ», «Лѣсъ». Не менѣе нѣвѣстны также произведенія покойнаго, относящіяся къ этому же періоду его дѣятельности, изъ которыхъ назовемъ: «Весна», «Зима», «Бурлаки на Волгѣ», «Послѣ мятели», «Восходъ луны», «Могила на Волгѣ», «Жатва», «Вечеръ», «Вблизи Сухаревой башни». Во всѣхъ своихъ картинахъ покойный художникъ проявилъ замѣчательное умѣнье передать кистью настроеніе въ природѣ. Его пейзажи отличаются при незатѣйливости сюжета подкупающей вѣрностью дѣйствительности и своеобразной прелестью. Занимаясь свободной художественной дѣятельностью, А. К. одновременно былъ преподавателемъ въ училищѣ живописи и ваянія. Послѣдніе двадцать лѣтъ онъ не могъ уже серьезно работать и исполнялъ лишь небольшіе рисунки, дававшіе ему кусокъ хлѣба. Причиной было воспаленіе глазъ, перенесенное покойнымъ въ первый разъ въ 1876 году и затѣмъ часто повторявшееся. Послѣднее же время А. К. провелъ въ крайней бѣдности. Картины, доставившія ему извѣстность, были давно уже проданы, рисунки же давали очень мало. Умеръ онъ въ московской городской больницѣ для бѣдныхъ. («Нов. Вр.», № 7757; «Русск. Вѣд.», № 269; «Нов.», № 270).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I

По поводу актовъ о смерти Шуйскаго.

Въ № 270 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 1-го октября, нѣкто Т-кій обвиняетъ меня за помѣщеніе въ сентябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» актовъ о смерти Шуйскихъ въ Гостыинскій и описи оставшагося послѣ нихъ имущества, такъ какъ и акты и описи давно де извѣстны, что я этого не зналъ, ибо «ни словомъ не упомянулъ о печатной литературѣ предмета» и что ввелъ въ заблужденіе читателей относительно редакціи описи, не указавъ мѣста нахождения этого документа и не опредѣливъ «сравнительное научное достоинство его съ извѣстнымъ (?) чрезъ Акты историческіе».

Хотя, въ сущности, отрицать на подобное нелѣпое обвиненіе и не стоилобы, но я желаю лишь разъяснить недоумѣніе, въ которое могутъ быть поставлены читатели «Историческаго Вѣстника», которымъ случайно могла попасться замѣтка московской газеты, и потому покорнѣйше прошу редакцію не отказать въ помѣщеніи нижеслѣдующихъ строкъ.

I. Такъ какъ въ мою задачу не входило дѣлать обзоръ печатной литературы предмета, то я этого и не сдѣлалъ, а ограничился лишь напечатаніемъ точнаго перевода двухъ актовъ (о смерти царя Василія и его брата) и помѣщеніемъ въ подлинникъ третьяго документа — о смерти Екатерины Шуйской. Свое дѣйствіе объясню тѣмъ, что существующіе до сихъ поръ переводы документовъ о смерти Шуйскихъ грѣшатъ неточностію¹⁾, и самые документы помѣщены въ сборникахъ мало доступныхъ²⁾ и мало извѣстныхъ³⁾.

II. Сборники и изданія, какъ русскіе, такъ и иностранные, въ которыхъ напечатаны метрическіе акты о смерти Шуйскихъ и перечень ихъ имущества, мнѣ хорошо извѣстны; въ этомъ можно убѣдиться, обратившись къ моей статьѣ «Гостыинскій замокъ» («Русск. Стар.», т. LXXIV), гдѣ, въ соответственномъ мѣстѣ, мною сдѣланы ссылки на источники, въ незнаціи коихъ меня укоряетъ г. «Т-кій».

Описи вещей, оставшихся послѣ Шуйскихъ, напечатана, если не по новому, то во всякомъ случаѣ по мало извѣстному списку въ «Acta Mag. Duc. Lithuaniae»⁴⁾, которымъ пользовался и авторъ очень любопытной книжечки «Grobowiec sądów (?) Szujskich» (Краковъ, 1894)⁵⁾. Дополнять же эту опись

¹⁾ Напр., въ актѣ о смерти царя Василія проф. Варшавскаго университета г. Циѣтовъ («Паризск. унив. извѣстія» 1894 г.) слово *dworzani* (придворный въ смыслѣ царедворецъ) переводитъ: «придворный служитель... и т. п.

²⁾ Какъ, напр., «Акты историческіе», изданные 57 лѣтъ тому назадъ.

³⁾ Въ родѣ «Варшавск. универс. извѣстій».

⁴⁾ Г. «Т-кій», какъ человекъ всезнающій, разумѣется, самъ долженъ знать мѣсто нахождения этого источника...

⁵⁾ Отзывъ объ ней данъ въ № 7248 «Нов. Вр.» Постараемся когда нибудь поближе познакомить читателей «Ист. Вѣстника» съ ея содержаніемъ, весьма интереснымъ во многихъ отношеніяхъ для русскихъ.

перечисленіемъ предметовъ, вошедшихъ уже въ перечень, напечатанный въ «Акт. Историч.» (т. II), я на этотъ разъ опять-таки не имѣлъ намѣренія, такъ какъ давать подробную сводную опись не входило въ программу моей без-претенціозной замѣтки.

Г. А. Воробьевъ.

II.

Къ воспоминаніямъ И. Н. Пономарева.

Въ помѣщенной въ октябрьской книгѣ «Ист. Вѣст.» статьѣ г. Пономарева «Воспоминанія о польскомъ мятежѣ 1863 года» мною замѣчено нѣсколько ошибокъ въ собственныхъ именахъ, устраненіе коихъ, по моему мнѣнію, было бы необходимо.

На стр. 143 описывается казнь «начальника польскаго отдѣла Подлѣскаго». Такого не было, а былъ Сигизмундъ Подлевскій, одинъ изъ видныхъ повстанцевъ, бывшій русскій офицеръ. Его дѣйствительно разстрѣляли въ Плоцкѣ, за такъ называемыми Плонскими рогатками.

На стр. 144—146 нѣсколько разъ упоминаются мѣстечко «Вижунъ, Млавскаго уѣзда» и «маленькій городишко Серпецъ»... Такихъ тоже нѣтъ. А существуютъ въ Плоцкой губерніи: посадъ Вежунъ (Bieżun) нынѣ Серпецкаго уѣзда и уѣздный городъ Серпецъ (Sierpc), или, какъ называютъ его официально, «Серпецъ».

Г. В.

